Д 378
П 174

Н. В. КРЫЛЕНКО

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ПО НАИБОЛЕЕ КРУПНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ

*

38-2365
Библиотека
ПОГАШЕНО

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НКЮ СССР
МОСКВА
1937

343
К 85 Доб. 323
9(47)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Часть первая

Обвинительные речи против деятелей царского режима (1918—1925 гг.)

Дело провокатора Окладского 7
Дело Виппера 29
Дело провокатора Малиновского 43

Часть вторая

Обвинительные речи против контрреволюционных организаций эпохи до 1925 г.

Дело церковников 61
Дело «Тактического центра» 84
Дело правых эсеров 105

Часть третья

Обвинительные речи против контрреволюционных организаций эпохи 1925—1931 гг.

Дело немецких фашистов 279
Шахтинское дело 312
Дело членов ЦК контрреволюционной организации «Промышленная партия» 440
Дело контрреволюционной организации меньшевиков 537

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
1348-38
2011096058

Редактор *Л. Г. Фогелевич.* Корректоры *Н. А. Утехин* и *В. С. Спиридонов.*
Технический редактор *А. З. Сокольский.* Переплет худ. *И. Д. Кричевского.*

Сдано в производство 16 мая 1937 г. Подписано к печати 14 октября 1937 г.
IV кв. 1937 г. Изд. № 23. Инд. Ю-3. Заказ № 1433. Формат 60 × 92 в 1/16 долю.
Тираж 6000 экземпляров. 38 печ. листов. 43,14 уч.-авт. листа. В 1 бум. листе 95 тыс. зн.

Уполномоченный Главлита № Б—25063.
Набрано в тип. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», Москва, пр. Скворцова-Степанова, 5.
Отпечатано в тип. «Крестьянская газета» Москва, Сущевская ул., 21. Зак. № 11261
Цена 9 р. Переплет 1 р. 50 к.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор согласился по просьбе Издательства выпустить еще отдельным изданием сборник обвинительных речей, произ-ных им в крупных политических процессах за период с по 1931 г., в связи с тем, что первое издание этих речей, ериод с 1918 по 1922 г., разошлось и является библиографи-ой редкостью, второе издание охватывает лишь выступления еднего периода (с 1922 по 1930 г.), между тем и те и другие представляют собою определенный исторический интерес. Автор помещает в этом издании только те речи, которые ставляют собою действительно исторический интерес и кают, с одной стороны, фактические обстоятельства и дела й, игравших в свое время историческую роль, характеризуют бу против советской власти в различные эпохи разного рода ореволюционных организаций. В перечне речей нет ни од-не связанной с борьбой, которую приходилось советской ти вести с контрреволюцией. Каждая из них в то же время ктеризует определенный период этой борьбы.

Содержание сборника делится на три части, соответственно эпохам пережитого.

Первая часть охватывает речи против деятелей царского ре-. Сюда относится речь по делу провокатора Окладского, тного предателя народовольцев. Речь интересна тем, что совывает и личность этого субъекта и обстановку эпохи бы «Народной воли» и фактическую сторону дела.

На процессе, как известно, выступали в качестве свидетелей нения народовольцы, дожившие до эпохи советской власти. придает особый интерес делу.

Вторая речь, по делу Виппера — бывшего прокурора по исовскому делу, интересна тем, что она вскрывает, с одной оны, инсценировку знаменитого процесса царского времени, другой стороны, характеризует подход советского правосу-к этому делу.

С точки зрения буржуазной юриспруденции юридической постью было привлечение Виппера за то, что он обвинял в время Бейлиса по приказу царского министра Щегловитова. советского же правосудия это был естественный и необхо-ый акт.

Третье дело — дело провокатора Романа Малиновского — ин-сно как психологическим анализом этого «деятеля», так и

фактическими обстоятельствами. Как известно, Малиновский был расстрелян по приговору Революционного трибунала.

Вторая часть сборника охватывает обвинительные речи против контрреволюционных организаций уже в эпоху советской власти до 1925 г. Мы включили сюда речи по трем делам: речь по делу церковников, обрисовывающую борьбу контрреволюционной организации церковников против советской власти в эпоху 1918 г.; речь по делу «Тактического центра», обрисовывающую методы борьбы буржуазной контрреволюции в эпоху наступления Деникина, и речь по делу правых эсеров, обрисовывающую методы борьбы против советской власти мелкобуржуазной контрреволюции, возглавляемой эсеровским ЦК.

Все три дела характерны для эпохи, почему речи против этих «деятелей» мы и включили в этот сборник.

Наконец, третья часть охватывает речи против деятелей контрреволюционных организаций за период 1925 — 1931 гг.

На первом месте здесь дело немецких фашистов, когда этот первый отряд фашизма, как говорили мы в обвинительной речи, проник в советские окопы в качестве первой разведки и был уничтожен.

Шахтинское дело характеризует методы борьбы буржуазной контрреволюционной интеллигенции, связанной с иностранным капиталом, эпохи 1925—1928 гг.

Дело Промпартии характеризует «работу» широко разветвленной контрреволюционной организации, созданной опять-таки иностранным капиталом.

Дело контрреволюционной организации меньшевиков характеризует деятелей II интернационала, фактически превратившихся в лакеев и агентов международной буржуазии.

Дальнейшим этапом борьбы является борьба с троцкистско-зиновьевской бандой, бухаринцами и рыковцами, действовавшими в наших рядах под подлой личиной двурушников, контрреволюционерами с партийными билетами и в то же время агентами Гестапо.

Этими господами занимался уже тов. Вышинский, и его речи составляют, в свою очередь, ценнейший исторический материал для будущих историков, не говоря о их политически актуальном значении для настоящего времени.

Некоторые из переиздаваемых речей содержали ряд ошибочных, с сегодняшней нашей точки зрения, положений в области теории уголовного права. Сюда относятся некоторые абзацы обвинительной речи по Шахтинскому процессу.

Читатель не посетует на нас за то, что мы их исключили. Наши обвинительные речи как исторические документы от этого не пострадали.

Остальные внесенные исправления носят исключительно редакционный характер. Необходимость их объясняется, прежде всего, тем, что в свое время стенограммы этих речей не были достаточно хорошо выправлены.

Н. Крыленко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

ПРОТИВ

ДЕЯТЕЛЕЙ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

1918—1925

ДЕЛО ПРОВОКАТОРА ОКЛАДСКОГО

Обвинение, предъявленное Окладскому, в резолютивной части обвинительного заключения формулировано следующим образом:

«Окладский Иван Федорович, он же Иванов, он же Александров, он же Петровский, 65 лет, происходящий из крестьян деревни Оклад, Ново-Ржевского уезда, Псковской губернии, женатый, окончивший два класса городского училища, по профессии электромеханик, служивший до ареста на заводе «Красная заря» в должности механика для лабораторных изысканий, бывший член террористической организации партии «Народная воля», привлекавшийся по политическим делам к ответственности и судившийся в 1880 году Петербургским военно-окружным судом по процессу «шестнадцати», коим признанный виновным в покушении на жизнь Александра II, произведенном под городом Александровском, приговорен был к смертной казни через повешение, замененной бессрочными каторжными работами, ссылкой на поселение в Восточную Сибирь, ссылкой на поселение в местности Закавказского края и в 1891 году освобожденный от дальнейшего наказания с возведением в звание сначала личного, а затем потомственного почетного гражданина, ныне к партии не принадлежащий,— обвиняется в том, что, приняв в конце семидесятых годов активное участие в террористической борьбе с самодержавием, будучи близок, в силу оказанного ему доверия, к членам партии «Народная воля», составлявшим ее Исполнительный комитет, выдал после состоявшегося суда над ним подлежащим властям виднейших деятелей революционного движения той эпохи, после чего, поступив в 1883 году на государственную службу бывшего царского российского правительства на должность негласного сотрудника сначала Тифлисского губернского жандармского управления, а затем Департамента полиции, пребывая в означенной должности вплоть до Февральской революции, оказал, по неоднократному свидетельству означенного правительства, неоценимые услуги в борьбе его с революционным движением в России.

Преступления эти предусмотрены ст. 67 Уголовного кодекса, вследствие чего, а также на основании ст. 449 п. 1 Уголовно-процессуального кодекса названный Окладский подлежит суду Уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР».

Дело Окладского слушалось в Верховном суде РСФСР в Москве с 10 по 14 января 1925 г.

Товарищи судьи! Я думаю, что одним из самых основных по своему историческому значению моментов настоящего процесса был момент, когда перед нами давала свое показание Якимова-Баска. Я думаю, что этот момент является центральным уже потому, что в нем, как в фокусе, отразились три по существу момента.

Один — это апофеоз «Народной воли». Мы с вами видели картину величайшего удовлетворения, которое может быть дано человеку, когда он сорок лет спустя увидел торжество дела, за которое он отдал жизнь. Этот момент был отражен тогда, когда здесь, в зале пролетарского суда, перед лицом рабочих и крестьян нашего Советского союза давал показания человек, который своими руками и своей жизнью заложил начало движению, приведшему, в конце концов, к торжеству революции и гибели царизма, — этот момент нашел свое отражение в факте дачи здесь показаний Якимовой. Это было торжество «Народной воли» в лице ее ветеранов.

Второе, что отразил этот момент, — это наше торжество, торжество нашей революции, наш апофеоз, поскольку освободившая страну революция—это наше дело, дело масс рабочих,—это дело русского пролетариата, ибо это он, и только он дал возможность старым ветеранам, основоположникам революционного движения притти сюда, здесь видеть торжество дела, за которое они отдали свою жизнь, и видеть осуществление его в реальности здесь, в центре нашей страны, в Москве, где еще так недавно, всего семь лет тому назад, господствовал царизм.

В этих двух моментах, которые сосредоточены в этом факте дачи показаний народовольцами, для меня осуществляется все грандиозное историческое значение настоящего процесса, и, вместе с тем, в этом же факте нашел свое отражение третий момент — максимальное выражение третьего слагаемого, которое нас с вами сюда привело, максимально выраженное предательство, концентрированно выраженная человеческая подлость. С одной стороны — люди, которые сорок лет тому назад отдавали

свою жизнь за дело освобождения рабочих, с другой стороны — деятели и представители широких масс рабочего класса, совершивших революцию и открывших новую эпоху в истории и новый путь освобождения мирового пролетариата и, с третьей стороны, как объект нашего с вами суда, — Окладский, бывший раньше тут (указывает на народовольцев), ушедший к царизму и здесь ныне представший одновременно как обвиняемый обеими сторонами.

Вот существо, вот корень, вот основное зерно, вот содержание сегодняшнего процесса. И поэтому, быть может, с такою тщательностью, с таким детализированием обращали мы здесь внимание на каждую мелочь этого процесса, ибо здесь каждое лыко в строку, здесь каждая запятая имеет свое значение, здесь каждая мелочь будет занесена на исторические скрижали, и на нас с вами лежит обязанность отвести каждой мелочи надлежащее место.

Вот почему мы должны были так упорно копаться в этой автобиографии Окладского. Казалось бы, с точки зрения признаков 67 статьи, казалось бы, с точки зрения задач нашего с вами суда, вопрос о виновности и невиновности Окладского, о мерах, которые в отношении к нему надо предпринять, — он ясен, и нечего об этом говорить. Для нас достаточно одного из тех бесчисленных документов, которые имеются в портфеле нашего суда по этому делу, чтобы ответить:

«Окладскому в дальнейшем места среди нас нет, Окладский должен быть уничтожен, с Окладским счеты покончены».

И, тем не менее, мы с таким вниманием отдали почти три дня для разбора деталей его автобиографии. Зачем? Нам важно здесь отметить, исследовать и выпукло выявить и историческое значение процесса и его историографическое значение. Нам важно здесь отметить эти мелочи с тем, чтобы впоследствии, когда придется еще более детализировать и восстанавливать историю революционной борьбы, этот документ, именуемый автобиографией Окладского, также не ввел кого-нибудь в заблуждение. Нам слишком дороги отдельные эпизоды этой борьбы, и поэтому мы должны были потратить на разоблачение Окладского известные силы и время.

Наконец, нам важно и психологическое воспитательное значение процесса. Мы должны были узнать, как, какими путями могли совершиться подобные коренные психологические переломы и где ключ к пониманию такой мерзости человека, представителем которой является в настоящее время он, Окладский, чтобы в назидание и в поучение молодым борцам революции учесть и этот объективный урок, который дала нам история.

Вот почему, несмотря на всю ясность этого дела, я принужден останавливаться, равным образом, и на так называемой уликовой стороне. И еще по одному соображению я должен это сделать. Общественному обвинителю т. Кону было легко в этом отношении, широкими штрихами и мазками рисуя перед вами

общую картину, не останавливаться на этих деталях и мелочах. Я, как представитель государственного обвинения, этого себе позволить не могу и должен вникать во все эти мелочи. Я должен выявить их (я вижу, как записывает мои слова защита), я должен вникнуть в них, потому что в предыдущих схватках, в отдельных репликах, которые имели место на протяжении судебного следствия между защитой и мной, уже приходилось анализировать все мелочи. И если мы могли позволить свидетелям говорить с известной свободой как лицам, не являющимся функциональными элементами суда, то с тем большей строгостью требование объективной достоверности в своих выводах считаю необходимым предъявить к себе как государственному обвинителю.

Товарищи, прежде всего вы помните, что во всем том периоде деятельности Окладского, который мы рассматривали от момента его вступления в революционную среду и до момента, когда он вступил уже непосредственно в среду террористов, до периода, когда он начал заниматься подготовлением взрыва под Александровском, я выделил только три пункта и на них фиксировал ваше внимание. Это были пункты, когда он подвергался опасности ареста и когда он счастливо этого ареста избежал. Эти пункты были нужны мне для особой цели. Эта цель была— обнаружить ценность его автобиографии как документа и отсюда установить некоторые характерные черты его личности.

Вы видели, что первым моментом, связанным с первым арестом, был тот, когда он на несколько дней был задержан в Петербурге как участник революционных собраний среди рабочих Семянниковского завода. Мы констатировали тогда при помощи экспертизы практикуемый им метод добавлять в исторические объективно верные данные продукты своей фантазии. Это имело место тогда, когда он, как говорят, «накручивал» одно историческое имя на другое, чтобы показать и увеличить свой собственный удельный вес в революционной среде. Это стремление прикрасить, преувеличить, представить себя в этом отношении в более высокой роли, эта его беззастенчивость — вот первое, что мы установили для понимания всего того, на что способен Окладский. Это было установлено и из анализа уже первого периода его автобиографии.

Второй момент касался истории его счастливого побега в Туле в момент ареста Ольги Любатович. Я подвергал сомнению этот факт, ибо о нем ходили только слухи среди революционеров. Мне было странно, как мог человек ночью, выйдя из квартиры в одном белье, стоять затем в одном белье и смотреть в окошко, как производится обыск. Эта картина не вяжется с нашими представлениями о порядке производства обыска и поведении обыскиваемых, тем более что Окладский в то время уже был революционером.

С тем большей тщательностью я остановлюсь на событии с Гобстом, где можно считать безусловно установленным и из показаний свидетелей, и из оглашения документов жандармского

сводного отчета, и из обвинительного акта, и из показаний лиц, которые потом встречались с деятелями процесса Гобста, что все то, что написал и приписал себе Окладский, — ложь. Не было никакого выскакивания его из окна, никакой отмычки, вообще никакого его участия в этом деле, а отсюда, быть может, ложь и то, что он говорит о Судейкине, который стоял где-то на горе на колокольне и смотрел оттуда на квартиру Гобста, и, может быть, ложь, что Судейкин напомнил ему об этом в Петропавловской крепости, и, наконец, ложь, что сам Судейкин с ним разговаривал вообще в Петропавловской крепости.

В дополнение я позволю себе остановиться еще на двух моментах, на которые я не обращал внимания на судебном следствии, так как у меня не было под рукой объективных данных, чтобы подойти к этому эпизоду как к доказанной неправде. На основе же установленных фактов неправды я позволю себе подойти и к этим двум эпизодам. Один из них касается встречи с Валерьяном Осинским, другой касается встречи с Плехановым. Помните, как описывает Окладский встречу с Осинским, описывает его холеные руки, описывает золотое пенсне, описывает щегольской вид Осинского и его общий облик. Кто читал революционную литературу, у того невольно закрадывается тут мысль: где же я еще об этом читал или где я что-то об этом в таком же роде слышал, об этом золотом пенсне и об этих холеных руках? И я думаю, что, поскольку мы установили богатое знакомство Окладского с революционной литературой, постольку можно и этот эпизод встречи его с Осинским в определенной дозе отнести за счет фантазии Окладского. И в такой же мере в отношении Плеханова. Но у меня не было до сих пор возможности подойти к этим эпизодам иначе, как на основании построения по аналогии. Поэтому я не могу утверждать все это как достоверный тезис, как положение, я ставлю это как гипотезу постольку, поскольку, в конце концов, то или иное окончательное толкование этих фактов не играет особенной роли при подведении общих итогов.

Но совершенно иначе приходится подойти к моментам дальнейшей деятельности Окладского и, прежде всего, к основным, на которых мы должны будем остановиться. Они будут касаться взрыва под Александровском.

Что мы здесь установили? По представлению Окладского, по описанию Окладского, мы видим следующую картину: Якимова вместе с Желябовым живет под именем Черемисовой; на день-два приезжает кое-кто из других участников по подготовке этого взрыва. В центре же, в течение ряда ночей, под постоянной угрозой могущего произойти ареста, в условиях невозможных в смысле объективной обстановки, работают двое — Желябов и... он, Окладский, на котором лежит вся ответственность, вся техническая сторона дела. Он, Окладский, который исполнял и всю подготовительную работу, вплоть до выработки медных труб и наполнения их динамитом.

А что мы установили в результате судебного следствия? Мы установили, во-первых, что им были сделаны только трубы. Наполнение динамитом имело место после и не непосредственно в Харькове. Во-вторых, что участниками дела были далеко не только он один, Окладский, а и Ширяев, и Исаев, и Тихонов, и Тетерка, и Кибальчич, люди, которые и вели и контролировали всю работу. Дальше. Вся работа по прокладке труб и непосредственная их подкладка под рельсы была исполнена в течение двух ночей. Работа же, которая исполнялась длительным образом, была либо работой по разведке, либо по прокладке. Правда, и эта работа тяжелая, но все же это совсем не то, о чем говорил Окладский, ибо проложить провод в овраге ночью, по заранее намеченной линии — это одно, и другое — работать в канаве по введению под полотно наполненных динамитом труб, работать в течение многих ночей, под дождем и под снегом, под угрозой ареста со стороны проходящих мимо и охраняющих полотно сторожей.

Эти факты показывают, что Окладский далеко не играл такой основной роли в этом покушении, и они являются не маловажными для установления той же черты в его автобиографии. Они говорят, что этот человек, чтобы добиться эффекта, не останавливается перед полным извращением фактов, не останавливается перед ложью, и верить поэтому всему, что он о себе говорит, — нельзя.

Я остановлюсь в этом же эпизоде на вопросе о запалах и обрыве проводов. Я не буду так далеко итти, как идет т. Кон, я не буду утверждать, хотя такая возможность, конечно, не исключена, что Окладским был сознательно не доведен провод или сознательно предприняты какие-нибудь шаги к тому, чтобы взрыв не состоялся. Я думаю, что если бы этот факт имел место, Окладский не преминул бы о нем сообщить жандармам, а жандармы — царю, когда испрашивали для него почетное гражданство. Я думаю, этого рода предположениям можно противопоставить не менее объективные, опровергающие их, положения, и с этой точки зрения нельзя здесь утверждать, по крайней мере, мне, как представителю государственного обвинения, что такой факт был. Он мог быть, но что он был, я говорить не буду. Но не в этом суть всего вопроса о запалах. Суть в том, что разноречивые показания относительно причины, почему не последовал взрыв, характеризуют для меня только одно обстоятельство, а именно следующее: что и здесь сказался опять-таки Окладский. Сначала он сказал, что провода были прямо перерезаны лопатой или, как он говорит, произошел обрыв, несомненно, от удара лопатой.

А что он говорил на суде? Что взрыв не произошел потому, что были испорчены запалы; защитнику Оцепу он говорил, что провода не были перерезаны окончательно, они были надломлены, болтались, что лишь, может быть, они были надрезаны. Одним словом, обе причины могли действовать сразу. Что это значит? Одно из двух. Или Окладский до сих пор не знает, по-

чему не произошло взрыва, как он не знал в тот момент, как осталось это невыясненным и до сих пор, и возможно, что в этом отношении прав Ширяев, который говорит, что взрыва не произошло потому, что все дело было поручено невежественным в этом отношении людям. Или отсюда вытекает, что Окладский и здесь, полагая, что сейчас он может совершенно спокойно сочинять, сочинил новый момент в целях спасения своей жизни.

Вот что важно в этом эпизоде, что нужно подчеркнуть для того, чтобы понять основную причину, приведшую Окладского к предательству. Окладский никогда не останавливался перед ложью, перед прямым извращением фактов.

Следующий момент — взрыв Каменного моста в Петрограде.

Что мы имеем тут? Мы здесь устанавливаем две версии. «Я говорил с Желябовым», «Желябов говорил мне о том, что нужно устроить новый подкоп», — говорит Окладский. «Не стоит, — отвечает он Желябову, — устроим лучше взрыв моста». — «Купили лодку, выбрали место, распределили роли». «Я должен был добыть провода. Я должен был их опустить, укрепить» и т. д. Так говорит Окладский.

Что же мы установили целым рядом документов, богатым количеством показаний других лиц? Установили, что было некое собрание в каком-то трактире, на котором участвовали такие-то, такие-то, такие-то и такие-то. Все, кроме Окладского, ибо Окладский тогда был уже арестован. На этом собрании было решено произвести этого рода покушение. Тогда были предприняты меры, опущены гуттаперчевые подушки, укреплены провода. Об Окладском ни слова. Меркулов говорит только, что однажды, катаясь в лодке, он слышал, как Желябов и некоторые другие разговаривали о возможности такого проекта. В начале лета, катаясь в лодке.

Что это значит? Это значит, что проекты могли, конечно, и возникать, но, по показанию Якимовой, они встали как реальность лишь после того, как она приехала из Одессы после неудачного подкопа на Итальянской улице. Мог ли в таком случае быть поднят подобный разговор и в смысле точного распределения ролей и планомерной подготовки покушения?

У Окладского с Желябовым? Нет, не мог быть. И тогда я поставил вопрос: так, может быть, это была примерная беседа?

Окладский согласился. Да, это была только примерная беседа.

И когда я спросил: «Ну, а лодка все-таки уже была куплена?» — тут он не мог уже сказать, что нет, так как раньше говорил о том, что лодка была специально куплена. И он сказал: «Лодка была куплена». Назад ему было нельзя итти. Лодка была куплена. От этого отказаться было трудно, и здесь ложь должна была остаться ложью. Окладский и тут нам налгал.

И четвертое, что мы установили на судебном следствии, — это измышление Окладским фантастического факта, что после взрыва, произведенного в Зимнем дворце, когда Халтурину нужно

было скрываться во что бы то ни стало и сидеть тихо, как мышь. Халтурин и Желябов вместе с Окладским якобы гуляли по улицам Петербурга и разговаривали после взрыва о новых террористических проектах.

Одной этой фантазии достаточно, чтобы определить степень достоверности всех вообще показаний Окладского. Ее можно объяснить только спекуляцией Окладского на невежестве здесь присутствующих, в расчете, что они поверят такому фантастическому вымыслу.

Это все черточки, необходимые, как я говорил, для того, чтобы охарактеризовать Окладского и дать оценку его автобиографии.

Я не подвергаю пока анализу других фактов, хотя их полезно было бы проанализировать.

Возьмем хотя бы расстрел квартиры на Жилянской улице в Киеве; он известен в литературе. Вероятно, достаточно знаком всем. Он мог быть знаком по литературе и Окладскому, но был ли там Окладский, как он это утверждает, — вот что для меня важно было бы проверить.

Позвольте этим ограничить эту полосу оценки автобиографических сообщений Окладского и перейти непосредственно к объекту наших дальнейших обследований, к моменту ареста Окладского.

Прав был т. Кон, когда он указал на в высшей степени знаменательный, значение имеющий для нашего процесса момент его второго разговора с Плеве. Товарищи могли видеть, с каким вниманием исследовался этот момент на судебном следствии. Государственное обвинение придает серьезное значение ему. Здесь мы искали ключ, который помог бы раскрыть момент предательства. Прав опять-таки т. Кон, когда он говорит, что даже документы, представленные П. Е. Щеголевым, не исключают возможности наступления предательства именно в этот момент, ибо то, что Комаров об этом не говорит в своем докладе, не означает того, что Комаров должен был об этом знать или что Комаров должен был бы, если бы знал, именно в этом документе об этом писать. Таких выводов сделать нельзя, и факт наличности этого документа не опровергает гипотезы т. Кона. Между тем, самый факт его беседы, показания об этой беседе, которые дал Окладский дважды, — один раз в своей автобиографии и второй раз в своих показаниях здесь на суде, в связи с анализом обстоятельств этого дела, — позволяют нам установить только одно: беседа имела место на политическую тему и должна была закончиться постановкой того вопроса, который вытекал из всех теоретических предпосылок Плеве, — предложением работать в охранке.

Окладский пишет, что Плеве отослал его обратно в крепость, обозвав «фанатиком», что Плеве рассердился при этом и топал ногами. Это тоже характерное показание. Оно могло вырваться у Плеве в результате неудачи его попыток, когда человек бил-

о трех часов утра и убедился в том, что из Окладского ни-
нельзя выжать. Но это не исключает момента, что предло-
ие все же было сделано. Эта гипотеза остается в достаточной
ени правдоподобной. Если я не поддерживаю ее, то только
ому, что она для оценки всего процесса и роли Окладского
ения не имеет. Нам объективно все равно, в какой момент —
суда или после суда — Окладский стал предателем. Это ни
ьшить, ни увеличить роли его не могло.

Но совершенно верно, что его поведение на суде является
ючительным и с этой точки зрения оправдывающим гипоте-
задал вопрос: «Были ли уговорены предварительно роли?»
адский не понял, что ему, пожалуй, было выгоднее ответить,
были уговорены такие роли, ибо и Тихонов смело высказы-
свое отношение к существующему строю и он мог поэтому
ать, что, мол, раньше было уговорено, чтобы два рабочих
им образом держались.

На этом можно было построить оправдание своего поведе-
и разбить гипотезу т. Кона. Вместо того Окладский сделал
ую ошибку. Кто его тянул за язык говорить на суде насчет
чения участи, когда прокурор ничего еще об этом не го-
л. Кто его просил в заключительном слове говорить: «Я не
смягчения своей участи», — как будто бы ему его уже
лагают, как будто бы оно лежало готовым на столе и он
жен был его с гордым жестом отвергнуть. Если прокурор не
рил о смягчении, а настаивал на применении смертной каз-
если в предыдущем не было никаких разговоров на эту тему,
мы здесь, кроме угрозы Плеве о том, что с рабочими рас-
вятся так же беспощадно, как и с остальными, других
ых не имеем, — тем более странным представляется факт,
человек сам начинает с того, что никакого смягчения не тре-
. Сопоставьте с гипотезой т. Кона этот факт, и чрезвычайно
итоматическое значение получит та часть показаний Оклад-
о по процессу «шестнадцати», где он говорит, что только
езультате уговоров Гольденберга он согласился вступить на
цареубийства.

Это показывает двойственность и колебания у Окладского,
и у него не было, было колебание и в ту и в другую сто-
, было нащупывание почвы, было искание путей, а это уже
яжется с гордым поведением его на суде.

Теперь сопоставьте картину его поведения 30 октября на су-
где он утверждал, когда его никто об этом не спрашивал:
не приму никакого смягчения и сочту это как оскорбле-
, — сопоставьте это с картиной в ночь на 2 ноября, когда,
ношению Комарова, он так обрадовался этому смягчению,
даже туфли потерял, побежав в свою камеру, чтобы очу-
ся от неслыханной, свалившейся на него радости. Сопоставь-
го слова этому самому Комарову до момента, когда тот
вил ему о помиловании, когда Комаров только намекнул
о возможности помилования, что он больше заслужил поми-

лование, чем Квятковский. Что значат эти слова? Почему Комаров намекнул? За что?

Окладский ответил, как пишет Комаров: «Помилование всех едва ли возможно, ибо у Квятковского четыре преступления, а у него, Окладского, только одно». Что это значит? Расшифруйте. Это значит следующее: «Я во всяком случае заслужил больше помилование, чем Квятковский». Вот что значит эта фраза. Я заслужил больше, ибо я совершил только одно преступление, а Квятковский — четыре преступления. Вот что сказал в ночь со 2 на 3 ноября Окладский, и когда после этого Комаров ему объявил: «Вы помилованы», — он с радостью побежал в куртину, потеряв туфли. Сопоставьте это с картиной на суде, которая имела место за несколько дней, и сделайте выводы о существе поведения Окладского.

Теперь дальше, поставьте с этим в связь телеграмму, которую послал Лорис-Меликов в Ливадию, где он присоединяется к ходатайству, чтобы была смягчена участь всех подсудимых. На эту телеграмму Окладский ссылается в своей автобиографии. Что и в какой степени опровергает содержание этой телеграммы? Разве мог Лорис-Меликов в официальной телеграмме царю специально докладывать, кроме всего остального, и о переговорах с Окладским и о его согласии служить Департаменту полиции? Конечно, нет. Об этом он царю докладывать не мог. Но с момента первого разговора с Плеве Окладский мог все время трепетать и не знал, надуют ли его жандармы, как они надували многих, как они надули Рысакова, пообещав много, а в конце концов, повесят, или не надуют. Вот чего мог не знать Окладский, вот чем объясняются постоянные колебания и радость и переходы от героизма к самому низкому предательству. Эти колебания были и в беседах с Плеве, и в этом промежутке времени нужно искать ключ к предательству.

И все то, что мы говорили относительно стремления Окладского преувеличивать свою роль в революционном движении, все это целиком совпадает с этим моментом, характеризующим его как неустойчивого, шатающегося человека, который, будучи в первый раз всерьез арестован, — я отмечал на судебном следствии, что прежние аресты на два-три дня не могут итти в счет, — очутившись непосредственно перед возможностью немедленной насильственной смерти, не выдержал и сдал. Я думаю, что так и можно допустить, что это имело место на первом же допросе с Доброжинским и Никольским, может быть, — и в непосредственной беседе с Плеве. Ибо уже при первой же беседе почва была нащупана как мягкая и уступчивая, которая и дала, в конце концов, что было нужно.

Дальше идет уже история самого предательства. Я остановлюсь здесь на трех моментах из того, что нам известно точно, — на инциденте с Любатович, на инциденте с Тетеркой, на инциденте с Христиной Гринберг. Окладский категорически отрицает: «Нет, к Любатович меня не подсаживали», — хотя имеют-

ся документы, утверждающие этот факт. Окладский утверждает, что к Любатович его не подсаживали. Почему же ему нужно категорически отрицать, что его к ней подсаживали? Потому что с Любатович, как он сам описывает, он жил, как брат с сестрой, в Туле, потому что признать, что он предал Любатович, это значит — показать себя здесь перед нами в таком свете, что никаких других красок больше не будет нужно, тогда опустятся руки и захочется сказать: «Нет предела для человеческой мерзости, нет предела для подлости в человеческой натуре».

Подсаживали его к Христине Гринберг; он также отказывается это признать, хотя имеются об этом определенные свидетельские показания. Почему он это отрицает? Потому что с этим сопряжен другой очень позорный и тяжелый факт, на который обращали внимание и Швецов и Кон,—это предательство под чужим именем, предательство, которое вело к тому, что подозрение падало на другого человека, причем обвинение взводилось такое, которое человек объективно бессилен опровергнуть.

Вот почему признать такого рода факт значит — показать себя таким, что рассчитывать затем на смягчение участи не придется, и этот факт он поэтому и не признает, как то же самое, хотя по другим причинам, отрицает в отношении Тетерки. Я обращал внимание на судебном следствии, почему такое значение имел арест Тетерки и факт подсаживания к Тетерке и почему Окладский говорит, что от Тетерки ничего ему не удалось разузнать.

Я позволю себе здесь в параллель ко всему тому, что рассказывает Окладский о том, как он себя держал на суде, о том, каким он себя рисует и каким в действительности был, противопоставить его психологическому облику этого малограмотного рабочего, участника покушений, Тетерки. Я позволю себе огласить письмо, написанное Тетеркой к своим родителям тогда, когда он ожидал смертной казни, и в момент после объявления ему, что казнь заменена ему бессрочными каторжными работами.

Что говорит и как относится к предстоящей участи этот малограмотный рабочий? Мы знаем, что многие и многие не выдержали, когда перед ними встал призрак виселицы. Мы знаем, что очень многие из стойких революционеров в этот момент сдавали. Тем более будет ценно это письмо. Вот оно:

«11 марта 1882 года. Петербург. 8 часов вечера. Дорогие родители. Здравствуйте. Я получил от вас писанное 4 марта письмо и спешу ответить на него. Вы пишете, неужели мать и отец меня заставляли входить с молодыми людьми в шайки. Дорогая матушка, вы меня никогда не заставляли... Я вам писал уже, что меня обвинили в государственном преступлении, т. е. я был участником в двух покушениях на жизнь покойного государя: 25 февраля был прочтен в особом присутствии Правительствующего сената приговор, в котором десять человек приговорены к смертной казни, в том числе и я; 26 февраля меня перевезли в крепость, а ныне, в четверг, 11 марта, кончился двухнедельный

кассационный срок, вот почему я не могу, матушка, быть оправдан, а вы мне еще пишете разное поручение перед смертью, но прошу прощения, если в чем обидел или не так сказал... Что вам еще писать? Вы знаете, что нынче опять праздник, ко мне приезжал мой защитник, и я с ним говорил минут 25, он мне напомнил, что кассационный срок кончается, и не буду ли я подавать на высочайшее имя просьбу о даровании мне жизни, но так как я не имею человеческого права, потому что жизнь моя не от меня зависит, а зависит от того, как будет поступлено со всеми десятью человеками, т. е. которые приговорены к смерти. Вы просите уведомить вас, где я буду находиться. Я не знаю. Прошу, не вините никого в моей вине, я сам не ребенок, а потому не сваливайте ни на какие шайки и молодых людей. Попросите для памяти мою фотографию. Прошу еще раз простить, если в чем обидел. Посылаю вам всем, т. е. матери, отцу и Наде горячий поцелуй, жму крепко руку и низкий поклон. Прощайте. Остаюсь любящий вас Макар Тетерка. Я душой спокоен, а чему быть, того не миновать».

Вот как писал Макар Тетерка накануне приведения приговора в исполнение. Он не считал себя вправе подавать кассационное ходатайство, потому что его жизнь зависела не от него, а от того, как будет поступлено с десятью другими людьми.

Так писал этот малограмотный рабочий.

И вот как он отнесся к помилованию, когда ему, как и Окладскому, объявили о том, что ему заменена смертная казнь бессрочными каторжными работами:

«Здравствуйте, дорогие родители. Первым долгом спешу уведомить вас о том, что вчера, т. е. в пятницу, в 11 часов дня комендант крепости объявил мне следующее: «Знаете вы свой приговор?» — «Да, знаю», — сказал я. — «Какой?» — «Смертная казнь», — отвечал я коменданту. — «Государь император даровал вам жизнь, с заменой бессрочной каторгой; молитесь богу». Я спросил, кому еще дарована жизнь, у его превосходительства, т. е. я хотел спросить, скольким человекам государь даровал жизнь. Но его превосходительство мне ответил, что это не мое дело. Желаю вам встретить светлое воскресенье и провести его тихо, но с радостью. Когда будете писать, то, пожалуйста, опишите, как вы живете и что с Надей, пишите, пожалуйста, всю домашнюю жизнь. Прощайте покуда, ваш любящий сын Макар Васильевич Тетерка. Напишите, получили ли вы мою карточку».

Не так поступил Окладский. Он сказал, что если кому-нибудь нужно помилование, то ему, потому что у него одно преступление, а у Квятковского четыре. Вот вам фигуры — апофеоз героизма рядом с апофеозом предательства.

После этого сопоставления двух фигур позвольте перейти к конкретным делам, которые проделал Окладский.

Я возьму теперь, товарищи, другую из приобщенных книг, я возьму процесс «двадцати» и в этом процессе посмотрю на фа-

милии лиц, которые были привлечены к этому процессу. Я цитирую по обвинительному акту: «Александр Михайлов, Николай Колоткевич, Михаил Тригони, Александр Баранников, Николай Суханов, Фердинанд Люстиг, Николай Клеточников, Михаил Фроленко, Григорий Исаев, Иван Емельянов, Петр Тычинин, Григорий Фриденсон, Василий Меркулов, Лев Златопольский, Айзик Арончик, Макар Тетерка, Николай Морозов, Мартын Ланганс, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова».

Скольких лиц из этих мы можем установить, как лиц, которые были арестованы по непосредственному указанию, по непосредственным данным Окладского? Это аресты 24, 25, 27 января, это аресты Колоткевича, Баранникова, Фроленко, Фриденсона; немедленно за Кибальчичем был арестован Арончик, Тригони (читает): «24 января 1881 г. обнаружено, что по Казанской улице в д. № 38, кв. № 18, проживает неизвестное лицо под той же фамилией Агаческулова, под которой был записан жилец вышеупомянутой «конспиративной квартиры» № 21, в доме № 11 по Подольской улице. По задержании этого неизвестного, с производством у него обыска, по которому найдены разные противоправительственные издания, он оказался купеческим сыном Григорием Михайловым Фриденсоном. Посредством учрежденного за его квартирой особого секретного наблюдения 25 января был арестован пришедший к Фриденсону неизвестный человек, назвавший себя при задержании Алафузовым, а в действительности оказавшийся дворянином Александром Ивановым Баранниковым, который разыскивается по обвинению в участии в убийстве генерал-адъютанта Мезенцева и других преступлениях. Посредством такого же секретного наблюдения за квартирой Баранникова, а затем и за всеми другими квартирами, в которых производились последовательные обыски аресты, были задержаны: 26 января в квартире Баранникова — Николай Николаев Колоткевич, а в квартире этого последнего 28 января — чиновник департамента государственной полиции Николай Васильевич Клеточников и 29 января — мещанин Лев Соломонов Златопольский. При производстве дальнейших розысков были получены сведения о том, что одним из наиболее выдающихся руководителей преступной деятельности общества является ныне казненный государственный преступник Андрей Желябов, в постоянных и близких сношениях с которым находится лицо, пользующееся большим влиянием среди революционеров, которое носит прозвище «Милорда» и «Наместника» и проживает «легально» под своей настоящей фамилией.

Означенные розыски, направленные к задержанию Желябова и «Милорда», имели первоначальным результатом арест 28 января лица, которого Желябов и его сообщники снабдили приобретенными на средства сообщества лошадью и санями и которое должно было в качестве легкового извозчика содействовать исполнению их преступного замысла; лицом этим оказался прожи-

вавший в С.-Петербурге под фамилией Веселовского (он же Березов) мещанин Макар Васильев Тетерка. 27 февраля розыски «Милорда» и Желябова увенчались успехом. Первый, оказавшийся дворянином Михаилом Николаевым Тригони, был арестован в своей квартире по Невскому проспекту д. № 66, кв. № 12, а в тот же день задержан явившийся в квартиру Тригони Андрей Желябов.

Того же 27 февраля в квартире Тетерки был задержан пришедший к нему его соучастник, солдатский сын Василий Апполонов Меркулов, проживавший в С.-Петербурге под фамилией Яковенко».

Все эти имена затем мы в той или иной связи, в том или ином сопоставлении тех или иных обстоятельств встречаем в связи с предательством Окладского. Тригони был опознан, согласно прямому указанию. Ряд этих лиц арестован 25 февраля по сведениям и справкам в связи с разоблачением квартиры на Подольской улице 11. Тетерка был арестован в январе, и сейчас же мы имеем документальные данные о том, что арест Тетерки и арест, впоследствии, Милорда-Наместника или Тригони был связан с этим арестом. Слежкой за квартирой Милорда была установлена квартира, на которой жили Желябов и Перовская. После 1 марта, когда было совершено убийство Александра II, первая телеграмма, которая пошла, была телеграмма о розыске Фроленко, вторая телеграмма — о розыске Перовской, причем в отношении ее мы натыкаемся на предположение жандармов, что это была Якимова-Баска, потому что она жила вместе с Желябовым, а Окладский показал, что перед Александровским покушением с Желябовым на квартире жила в качестве его жены или квартирной хозяйки Якимова. И поэтому понятно, откуда у жандармов явилось подозрение, что женщина, которая разыскивается по покушению 1 марта, была Якимова. Может явиться подозрение, что эти данные дал Рысаков. Я просмотрел показания Рысакова и установил, что допрос его был 2 марта, а телеграммы были посланы 1 марта. И, наконец, мы находим более характерные документы, которые имеют непосредственное отношение к делу.

Окладский был затем использован для опознания арестованных. Несколько дней просидел Окладский в этой комнате, припрятанный в секретном отделении.

Нам теперь ясны слова из всеподданнейшего доклада Лорис-Меликова, где говорится о том, что благодаря Окладскому им опознаны основные работники 1 марта.

Таково последнее окончательно венчающее всю его предыдущую деятельность показание. И мы теперь вправе спросить: в какой же мере Окладский приложил свою руку и к тому, чтобы расшифровать деятелей 1 марта? Защита здесь на судебном следствии пыталась установить, что провал Тригони и опознание Тригони не могли быть между собой связаны, потому что шпики за Тригони уже следили до ареста. Шпики следили, когда Тригони вышел, куда Тригони пошел и т. д. Зачем же надо было

опознавать Тригони, когда Тригони шлики знали? Какой же бы смысл его опознавать, раз 24-го он был шпикам известен? Может быть, логика защитника сильнее, чем логика Лорис-Меликова или Комарова, но те зачем-то Тригони предъявили Окладскому. Но это уже дело Лорис-Меликова. Значит, нужно было предъявлять.

Но мы можем подойти к этому вопросу иначе. Мы найдем, при желании, следующие указания относительно того, зачем нужно было предъявлять Тригони (ч и т а е т): «При производстве розысков были получены сведения о том, что имеется лицо, которое носит прозвище Милорда, проживает легально под своей настоящей фамилией».

Что значит эта фраза? Это значит, что некто сообщил: вот революционер, его зовут так-то, он носит такую-то фамилию и он именно известен в революционной среде под прозвищем Милорда. После этого нужно было установить наблюдение за лицом, носящим такую фамилию, причем лицо, ранее арестованное, могло сказать: это лицо носит фамилию Тригони, — а затем после ареста Тригони должно было сказать: это лицо есть «Милорд» и «Наместник» Вот что нужно было сделать, и это было сделано 28 февраля, согласно донесению Лорис-Меликова. Теперь ясна картина важности показаний Окладского.

Если мы теперь посмотрим на судьбу лиц, которые по его предательству были арестованы 26 февраля, 28 февраля и 17 марта, когда был арестован Кибальчич, когда был арестован Фроленко, опознание которых было проделано Окладским, как об этом говорят официальные документы, и взвесим всю объективную ценность этих арестов, мы увидим, что правы были эксперты-ветераны и эксперт Щеголев, которые говорили, что удельный вес Окладского не может итти в сравнение с удельным весом других подобных ему лиц.

Вот судьба тех лиц, которые были осуждены по процессу «20»: «Суханов, Михайлов, Колоткевич, Исаев, Фроленко, Емельянов, Тетерка, Клеточников, Лебедева и Якимова — к смертной казни через повешение; Морозов, Баранников, Арончик, Ланганс и Меркулов — в каторжные работы без срока; Тригони, Терентьева, Люстиг, Златопольский и Фриденсон — в каторжные работы на 20 лет, причем суд постановил ходатайствовать о смягчении для Фриденсона — на 10 лет, для Люстига — на 4 года.

Александр III, уважив ходатайство суда относительно Фриленсона и Люстига, заменил смертную казнь для всех, к ней приговоренных, за исключением Суханова, ссылкою в каторжные работы без срока. Суханову повешение было заменено расстрелянием, и 19 марта он был расстрелян в Кронштадте. Михайлов, Колоткевич, Исаев, Фроленко, Тетерка, Клеточников, Морозов, Баранников, Арончик и Ланганс, вместо каторжных работ, были заточены в казематы сначала Алексеевского равелина, а потом Шлиссельбургской крепости, где, за исключением М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозова и М. Н. Тригони, все они и окончили дни

свои. М. Н. Тригони, после 20-летнего заключения в Шлиссельбурге, был сослан на Сахалин; М. Ф. Фроленко и Н. А. Морозов освобождены из Шлиссельбурга лишь после 17 октября 1905 г.; Емельянов, Лебедева, Якимова, Златопольский, Люстиг и Фриденсон были отправлены в Карийскую каторгу, где Лебедева умерла, а остальные переведены в разное время на поселение в Сибирь. Люстиг потом возвратился в Россию. Терентьева скончалась в тюрьме еще до отправления ее на каторгу».

Вот содержание удара, нанесенного Окладским. Вырвано было ядро, вырваны были наиболее крепкие, устойчивые люди. Это было до 1 марта, а после 1 марта уже в порядке опознаний, когда он сидел два дня в этом секретном отделении рядом с Рысаковым, по его указаниям установлены и опознаны и оставшиеся главнейшие деятели 1 марта.

Вот существо этого предательства, и после этого понятно, почему ему в порядке высочайшей милости заменена была смертная казнь каторжными работами в Восточной Сибири и почему в дальнейшем Сибирь была заменена ссылкой в Закавказский край.

Мы имеем затем, кроме того, указания на то, что и в дальнейшем, вплоть до его путешествия в Харьков, — и там пытался его использовать Судейкин и предъявил ему для опознания Веру Фигнер, а еще раньше — Морозова, — он был лучшим и вернейшим в этом случае орудием для розыска.

Я позволю себе после анализа этих обстоятельств остановиться очень кратко на рассмотрении мотивов, которые его к этому привели. Конечно, не пытки, хотя мы здесь реабилитировать царское правительство не собираемся. Но Окладского-то вовсе не нужно было пытать, не было необходимости. Были другие средства. Его можно было сманить легко обещанием свободы, и он пошел за этим обещанием, пошел на предательство. Только и всего.

Я обращаю внимание суда на те документы, которые говорят о том, каким образом он был отправлен на Кавказ. Эти документы мы здесь мало обследовали. Но они сами за себя говорят. Это документы о том, с какой тщательностью и вниманием к нему относились жандармские власти всех степеней, когда его отправляли на Кавказ. Начиная с того, что его имя было вычеркнуто и замарано Третьим отделением. Здесь всякий намек старались удалить о том, кто он и что он. А от Плеве в Харьков, Тулу и Тифлис летели телеграммы с приказом срочно сообщить, привезен ли арестованный Иван Иванов. Сам Плеве пишет генералу Ганецкому, что такого-то, мол, имейте в виду, сейчас от вас возьмут. В дальнейшем Плеве в шифрованных телеграммах пишет прямо, что этот арестант не только оказал услуги, но может опасаться мести со стороны злоумышленников-революционеров. Его нужно скрыть, скрыть его имя, ему должно быть дано другое имя, он должен называться Иваном Ивановым. Когда же Иван Иванов приезжает, то перепуганный, терроризи-

рованный начальник жандармского управления Тифлиса не знает, как обращаться с этим Ивановым, не знает, что с ним делать, как нужно с ним цацкаться, и с испугу посылает его в крепость.

Когда Окладский заявляет, что его, чорт побери, послали в ссылку, а не в крепость, начальник жандармского управления говорит: «Виноват, я не при чем, я маленький человек, вот приедет светлейший, он разберет». Но и Дондуков-Корсаков не знает, как быть с Окладским, который изъявил сегодня желание быть в Тифлисе, — а что если он завтра изъявит желание быть в другом месте, что делать в этом случае? И Плеве пишет: «Не препятствовать», — пусть живет, где хочет, но следить за тем, где он, так как он человек нужный.

Вот какая переписка имела место. Похоже ли это на то, как говорил Окладский, что на него топали ногами, кричали, третировали всячески? Ничего подобного не было. И, наоборот, совершенно правдоподобно донесение жандармского полковника, что Окладский не только изъявил желание быть в Тифлисе, но и изъявил желание получать сверх того 50 рублей. 50 рублей ему тоже были даны. Но тут маленькое расхождение. Имеется указание на посещение его жандармским полковником Судейкиным, который приказал-де ему явиться в жандармское управление и предложить свои услуги. Судейкин приказал. Похоже ли это на правду? Или вернее сообщение жандармского управления, что Окладский явился по своей инициативе и по своей инициативе предложил служить за 50 рублей?

Этот тифлисский период для меня важен в одном отношении. Здесь важно отметить три момента. Это период большой, от 1883 по 1889 год. Почти шесть лет. И здесь три эпизода привлекают наше внимание: встречи с Оржешковской и с Семеновым и поездки Окладского в Баку. Относительно Оржешковской счастливый случай помог нам, и мы имели возможность установить, что в отношении Оржешковской показание Окладского совпадает в том отношении, что действительно встреча с Оржешковской была.

Окладский говорит, что Оржешковская узнала его и сказала: «Ты не Александров, а Окладский», — и он об этом сообщил сейчас же Тифлисскому жандармскому управлению. Правильно. А Тифлисское жандармское управление, как говорит Окладский, сообщило в Департамент полиции. И в результате, когда Оржешковская уехала из Тифлиса, она по дороге была арестована. Через четыре месяца. Но не так легко, когда человек уехал, его разыскать. Сразу не разыщешь, надо время, и если через четыре месяца жандармы нашли ее в Сибири, то наверно были и этим довольны. Во всяком случае, факт имеет место. Лицо, разоблачившее, арестовано. Вот что важно и что верно. А все остальное — ложь. Из этого ясен тот факт, почему разговоры о его предательстве прекратились. Там, в Сибири, в ссылке, как показывают наши свидетели, слухи о провокаторстве и предательстве Окладского и о том, что он на Кавказе, начали ходить и затем заглох-

ли, ибо источник был прерван. Эти слухи в частичной мере соответствуют той версии, которая вытекает из показаний нашей случайной свидетельницы. Слухи же, что он был найден, опознан и убит, показывают, куда направлялась мысль революционеров при разрешении вопроса, что надлежало бы сделать с Окладским, если бы он был узнан. Но это были слухи, правда, весьма правдоподобные, но не соответствовавшие действительности, ибо правда и правдоподобность в этом случае, к сожалению, не совпадали. Вывод: Окладский своей работы не прекратил.

Перейдем теперь к сообщению относительно Семенова и Баку. В Баку он ездил? Ездил. Одно имя признал? Признал. Остальные отрицал, но его отрицаниям мы цену знаем. Он отрицал документы, которые писали Комаров, Лорис-Меликов и другие деятели, с ним действовавшие. Возможно, что Симский был болтун. И разве нам важно, что Симский был болтун? Важно то, что Окладский его выдал. А был он болтун или не болтун, — это нам не важно, это нас мало интересует. Важен факт работы, пусть слабой, но работы его там, когда он был в Тифлисе.

И тут мы подходим к последнему моменту, — это его путешествие в Петербург в 1889 году по делу Истоминой и Фойницкого. История найдет время для того, чтобы проанализировать этот эпизод революционной жизни. Те документы, которые имеются в распоряжении суда, найдут свою оценку в свое время и в своем месте; мы в нее входить не будем и не будем анализировать, насколько серьезной деятельницей была Истомина, каково было ее поведение на суде, у жандармов. Не в этом суть процесса. Но это был террористический кружок. Вот что важно. Важно установить характер, важно установить, что с этим кружком был связан провокатор Гакельман, важно установить, что в помощь ему для ликвидации был направлен старый террорист — Окладский. Окладский был связан с кружком Миллером-Гакельманом; Окладскому была предъявлена фотография Истоминой, и он ее опознал. Встретились старые приятели, встретились как приятели, и принялись за дело как приятели. И вся болтовня Окладского относительно того, что он в этом отношении не имел задачи провокации террористов и террористических актов, остается только одной болтовней.

В области террора Окладский был единственным лицом, которое имелось в полном распоряжении Дурново; он нужен был для этого и только он мог эту помощь оказать. Он был вызван и дело свое сделал, когда вошел в сношения с Бруггером, Истоминой, и «всю правду» рассказал Дурново, как отметил т. Кон.

Нам остается перейти к анализу последнего периода. Здесь говорили о пробеле, который отличает этот период, и говорили о том, что в распоряжении обвинения нет данных, которые могли бы установить деятельность Окладского в этот период. Я должен сказать, что объективных данных нет.

Нет данных сейчас, кроме факта получения 150 рублей, кроме косвенных указаний двух свидетелей, косвенных предположе-

ний и косвенных улик, не имеющих документальной доказательной силы, но здесь мы имеем такое совпадение: Окладского зовут Иван Александрович Петровский и провокатора зовут Иван Александрович Петровский. Дело идет о терроре, террористической деятельности, и мы видим, что в этом деле был использован Петровский, а не другой провокатор. Все это в своей совокупности, и то, что 150 рублей продолжают выдаваться, в сопоставлении с фактом, что во главе Департамента полиции стоял В. К. Плеве, все это вместе, — я не говорю о годах после того, как Плеве был убит, — все это вместе показывает, что имелись все предпосылки для построения гипотезы, что и тут работал Окладский, но я говорю, что это — гипотеза, и поэтому я готов уступить защите этот период.

А вот что совершенно случайно вскрылось в последние минуты следствия. Я попрошу обратить внимание на показания монтеров, устанавливавших вместе с Окладским электричество в квартире Дурново и у всех остальных в Департаменте полиции.

Все они говорили: «Бог его знает, что за человек. Вхож к ним, со всеми чуть не за панибрата, мы не знаем, как держать себя по отношению к нему и вместе с ним работать».

Вот впечатление, которое было у других монтеров. И когда случайно зашел разговор о том, чтобы поручить ему «электрификацию» Департамента полиции, тогда один из этих деятелей высказывал опасение: «Ну, а если вдруг он взорвет всех? Все-таки бывший террорист».

Все эти замечания чрезвычайно характерны для определения того положения, которое он занимал в этих недрах. Свой человек! И тот факт, что в 1924 году он пошел на квартиру к дочке Дурново, — правда, он пошел к ней спросить, не даст ли она ему работы, — но факт, что он пошел к ней в 1924 году, показывает, как крепка связь, связавшая его тесными узами с ними, насколько, действительно, свой человек он был в доме директора Департамента полиции Дурново. Это характерно. Эти характерные черты, может быть, объясняют и то, почему его держали за панибрата в качестве электромонтера и смотрели сквозь пальцы на получение им до конца 150 рублей жалованья.

Я остановлюсь теперь на его поведении после революции, поскольку этот эпизод, не имея с точки зрения объективно уликовой особого значения, имеет кардинальное и решающее значение с точки зрения основных принципов Общей части нашего Уголовного кодекса и определения степени общественной опасности Окладского в настоящий момент. С этой точки зрения имеют значение всякие мелочи, определяющие фигуру и физиономию Окладского после революции.

Кто он был в момент революции? Рантье, на крови революционеров построивший свое благополучие, рантье, имеющий пожизненную пенсию от царизма в 150 рублей, имеющий добавочный заработок в 120 рублей и имеющий маленький собственный домик в пять комнат, верх которого он сдавал менее со-

стоятельным жильцам. Российский рантье от Департамента полиции — вот что такое он был до революции.

Спрашивается: что же, когда революция отобрала от него 150 рублей, отобрала от него 120 рублей, отобрала домик в пять комнат, что у него осталось? Злоба и ненависть в отношении революции и страх и ужас перед революцией, заставившие его сделаться постоянным подписчиком «Былого». Зачем он изучал «Былое»? А вдруг раскроют, а вдруг установят и расстреляют? Пять револьверов хранил он при себе. Правда, два револьвера у него взяли революционные солдаты, когда они по пролетарскому революционному нюху пришли к нему с обыском, и третий револьвер он сам разобрал на части и спрятал, а четвертый и пятый передал: один—своему знакомому, у которого в доме он жил, а другой — тестю для того, чтобы вооружить домовую охрану.

Мы знаем, что собой представляла эта охрана. Это была своего рода «гард-мобиль» перепуганной буржуазии, которая думала, что сейчас придут пролетарии ее резать. Тогда всякий сброд, начиная от прежних радикально настроенных студентов и кончая хитрованцами и различными служками церковных приходов, организовал эту домовую охрану, а соответствующие лица принимали меры для их вооружения и использования в надлежащее время и в надлежащем месте. Я не думаю, чтобы Окладский и его знакомые задавались такими высокими целями. Это едва ли, но что они представляли собой соответствующий кадр для пополнения этой охраны, — это верно. В то время буржуазия и обыватели были вообще панически настроены в отношении революции. Окладский был панически настроен вдвойне: и вообще — как мелкий буржуа, у которого революция взяла все, и как бывший провокатор, боявшийся, что его убьют.

Вот с какими чувствами он встретил революцию, и вполне понятно отсюда вытекает, что он делал затем. Он устраивал собеседования за чашкой чая с людьми, которые, по его собственному описанию, были люди, «слабо в революционном отношении настроенные». Наконец, он вошел в соприкосновение с теми, про которых он прямо сказал, что «они склонны были быть черносотенцами». Так осторожно выразился Окладский. Вот среда, в которой он в дальнейшем вращался. Затем он поступил на железную дорогу в качестве начальника мастерской, и там его служба окончилась тем, что он был исключен из профессионального союза, так как среди рабочих было крайнее недовольство им за его возможную близость к бывшей полиции и за то, что он, по всей вероятности, черносотенец или член союза «Русского народа». Эти слухи заставили органы ГПУ обратить на него внимание и потребовать анкету, и в этой анкете, под рубрикой: «к какой партии принадлежит», он сказал, что он принадлежал к партии «Народной воли», судился, сидел в крепости в 1882 году.

Это заинтересовало всех, он был вызван в ГПУ и сначала признал ложность заполненной им анкеты. Признал, что он ни-

когда ни в какой партии не состоял и написал это только для того, чтобы его оставили на службе.

Я спросил его, одновременно ли с этим ходил он к дочке Дурново искать службу. Оказывается, что одновременно. Итак, с одной стороны, ходил к Дурново, а с другой стороны, писал в анкете, что он народоволец.

Чрезвычайно характерен по цинизму был его дальнейший ответ, данный им в ГПУ; он полагает, что в общей борьбе за революционное освобождение нашей страны есть доля его работы и что он с презрением отвергает мысль, что он мог состоять в союзе «Русского народа». Наоборот, он вместе с революционерами помогал освобождению трудящегося класса и много сделал для его торжества. Я не знаю пределов цинизма, я не могу представить, что возможно большее надругательство и издевательство над всем, что есть лучшего, чем то, до какого дошел Окладский, когда он грязными руками предателя пытался вписать свое имя в ряды борцов за торжество революционных идеалов.

Товарищи, мне думается, что эти мелкие факты в высшей степени характерны для разрешения вопроса, что делать с Окладским. Я начал с указания на то, что самым характерным эпизодом нашего процесса был момент, когда старые народовольцы перед пролетарским судом победившей революции давали свои показания для обличения предателя, предавшего и продавшего их. Я сказал, что и наше торжество отразилось в этом моменте постольку, поскольку этим фактом революционная рабочая масса воздала должное первым поборникам революционной борьбы и вместе с ними и при их помощи поставила своей задачей оградить революцию на будущее время от предателей, подобных Окладскому. Наше отличие от народовольцев и от методов и форм их борьбы в том, что мы уже можем не бояться Окладских как таковых.

Мы всегда знали и знаем, что революционное движение масс в самом себе несет гарантию против опасности отдельных провокаторов и их действий, что массовое движение рабочих, покончивших со старым режимом, уже в силу своей грандиозности и мощности не может быть объято и подорвано отдельными людьми, что мы можем поэтому итти смело вперед, ибо мы победили благодаря тому, что мы, как движение масс рабочего класса, пошли всем строем, и не было сил и препятствий, которые могли нас остановить. Это, конечно, говорится не с тем, чтобы в какой-либо степени поставить под сомнение заслуги «Народной воли». Это говорится как историческая параллель двух методов. Ибо уже наступил момент в объективной истории развития революционной борьбы, который решил дело окончательно, и возврат невозможен. Но эти исторические параллели, на которых мы учимся и воспитываем поколение будущих борцов, которым передаем свое дело, эти исторические параллели не избавляют нас от ежечасной и ежедневной обязанности бдеть строго над интересами революции как таковой.

История Окладского показывает, что историческое сплетение вещей, случайностей в объективной реальной жизни представляет тонкую канву переплетающихся отдельных моментов, и в ней отдельные лица и отдельные их действия имеют также свой удельный вес. И история «Народной воли» это лучше других показала, и история предательства Окладского лучше других демонстрировала это, и мы не можем поэтому, как орган пролетарского суда, оставить сейчас без внимания эти факты, пройти мимо деятельности Окладского и сказать ему: «Иди и впредь не греши». Если бы здесь Окладский дал нам хотя бы в какой-нибудь мере, хотя бы в какой-нибудь степени доказательство того, что к его словам, к нему можно отнестись с какой бы то ни было дозой доверия, мы могли бы поставить вопрос иначе. Но перед нами человек с совершенно опустошенной душой, с душой, где не осталось ни капли от элементарных понятий об обязанностях человека по отношению к другим, по отношению к своим братьям, по отношению к революции в целом и к рабочему классу, из среды которого он вышел. Человек, который умеет и сейчас использовать свое революционное прошлое и свое революционное имя для личной выгоды, который в состоянии сегодня итти к дочке Дурново, а завтра, если бы ему удалось быть за границей, быть может в порядке новых секретных поручений, притти сюда с особыми задачами и целями, готовый для личного благополучия в настоящем или в будущем продать все, — такой человек не может быть нами третирован только как исторический хлам, который нам не опасен и мимо которого мы можем пройти только с выражением презрения. Нет, мы здесь должны поставить прежде всего вопрос об общественной опасности Окладского как такового.

Я еще раз кончаю так же, как я много раз на этой трибуне кончал свою речь государственного обвинителя: пусть смотрят консулы, чтобы какого-либо ущерба не потерпела республика, не потерпело наше дело, не потерпела пролетарская революция, ибо никаких нет гарантий, что в той или иной обстановке, при тех или иных обстоятельствах Окладский будет безвреден. И на вопрос: что сделать с Окладским, — я отвечаю одним словом: расстрелять.

Верховный суд РСФСР приговорил:

Гр. Окладского, Ивана Федоровича, его же Петровского, по ст. 67 Уголовного кодекса к высшей мере наказания и конфискации всего имущества.

Однако, принимая во внимание давность совершенного преступления и преклонный возраст. Верховный суд находит возможным заменить высшую меру наказания десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией.

ДЕЛО ВИППЕРА

С 25 сентября по 28 октября 1913 г. в Киевском окружном суде с участием присяжных заседателей слушалось дело по обвинению мещанина Киевской губернии Менахима Менделя Бейлиса «по обвинению в том, что он по предварительному соглашению с другими, не обнаруженными следствием, лицами, из побуждений религиозного изуверства и для обрядовых целей, задумав лишить жизни мальчика Андрея Ющинского, увлек его в закрытое помещение, где сообщники Бейлиса, связавши Ющинскому руки и зажимая ему рот, умертвили его, нанеся ему колющим оружием 47 ран на голове, шее и теле, чем вызвали обескровление тела Ющинского и смерть его».

Старыми царскими законами такое преступление предусматривалось ст.ст. 13 и 1453 Уложения о наказаниях и каралось каторжными работами до бессрочных включительно. Обвиняемый Бейлис находился под стражей в течение двух лет трех месяцев, но был оправдан.

Обвинителем по делу выступал бывший товарищ прокурора Петербургской судебной палаты, а затем товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената гр. О. Ю. Виппер, горячо поддерживавший ритуальную версию убийства и допустивший в своей речи клеветнические выпады резко погромного характера.

После Октябрьской революции гр. Виппер служил в Калужском губернском продовольственном комитете, занимая скромную должность заведующего столом контроля. По выяснении личности он был арестован и предан суду по обвинению в том, что:

1) В бытность свою товарищем прокурора Петроградской судебной палаты принял, по личному предложению царского министра юстиции Щегловитова, участие в инсценировке последним процесса Бейлиса по обвинению в ритуальном убийстве, ясно и отчетливо сознавая как цели, которые этим последним преследовались, так и средства, при помощи которых инсценировался процесс.

2) Что для этого входил в неоднократные личные обсуждения обстоятельств инсценировки с Щегловитовым и затем главными деятелями по инсценировке на месте, прокурором палаты Чаплинским и другими, и в такие же обсуждения с этими лицами во время самого процесса, зная о ряде незаконных их действий.

3) В своем выступлении по делу в качестве обвинителя полностью поддерживал обвинение, причем сверх всего допустил сознаательно ряд явно погромных призывов, инсинуаций и клеветнических выпадов, направленных не только против отдельных лиц, но и против еврейской национальности в целом, способствуя всем этим вполне сознательно той основной цели, которую преследовало инсценировкой процесса царское правительство, а именно: создать путем судебного приговора в широких массах враждебное по отношению к евреям настроение и тем самым, питая националистическую ненависть и играя на темных инстинктах, расслоить широкие массы трудящихся и отвлечь их внимание от истинных виновников тяжелого бедственного положения, в котором царизм держал широкие трудовые массы рабочего класса и крестьянства, — чем препятствовал развитию и росту революционного движения за освобождение этих масс от царского гнета и насилия, и не успел по независящим от себя обстоятельствам.

Дело слушалось Московским революционным трибуналом 18—19 сентября 1919 года.

Товарищи! Сегодня переворачивается еще одна страница — и мне хотелось бы думать, что она будет последней, — той драмы, один из ярких эпизодов которой имел место семь лет тому назад, в киевском процессе по делу Бейлиса. Я говорю не о драме, непосредственно касающейся человека, занимающего сейчас скамью подсудимых; личная его драма слишком незначительна в сравнении с той, участником которой он явился. Я говорю о мировой драме, чьи первоисточники коренятся в глубине веков; я говорю о трагедии, которая касалась и касается не отдельного человека, не десятков и не сотен, а миллионов людей, — которая переживалась целой национальностью.

В течение столетий раздавались стоны и лилась кровь; в течение столетий над сотнями, тысячами представителей этой народности применялись надругательства, самые зверские избиения и мучения, самые жестокие убийства. Это идет от седовласой глубины эпох, а сегодня мы наблюдаем последние отблески тех зорь, тех пожаров, которые горели тогда, и вспоминаем один из эпизодов, пережитых этой национальностью. Каково же должно быть наше отношение к этому эпизоду, какова наша оценка его?

Мы, деятели революционного социализма, осуществившие величайшую в мире революцию с тем, чтобы навсегда положить конец мировым трагедиям, от которых трепетало человечество, — чтобы перестроить мир и вычеркнуть самые воспоминания о драмах, подобных переживаемой еврейским народом, — мы должны ко всякому явлению жизни подходить с нашей точки зрения и с нашей оценкой—революционного марксизма. Мы должны так подойти к нему прежде всего затем, чтобы понять это дело, дело гражданина Виппера, хотя оно напоминает нам о миллионах жертв, хотя и сейчас еще звучат лозунги, которые семь лет назад провозглашал Виппер, — звучат из уст наших врагов, мешающих нам строить новую социалистическую жизнь. Ибо только так, только сохраняя эту точку зрения, мы сможем правильно решить, что представляет собою подсудимый в живой действительности нашей жизни, и как мы, строители будущего, должны отнестись к конкретной, маленькой драме его маленькой жизни.

Не одни евреи переживали ту драму, о которой я вам напомню, не одна только еврейская народность на протяжении всей истории испытывала гонения. В истории средневековья мы знаем и другую национальность, точно так же встречавшую недружелюбие к себе в широких, несознательных массах и выносившую удары имущих и сильных, тогда, когда это было имущим нужно и... выгодно. В Северной Италии и в близлежащей Галлии так же преследовали ломбардцев; их ненавидели за то, что этот маленький народ явился всюду проникающим первым провозвестником грядущего капитала, который разрушал старую экономическую систему, вносил новые идеи и создавал новые институты и новую экономику.

В ту эпоху одинаковое отношение к себе, хотя и по прямо противоположным причинам, испытывали и цыгане; бродячий элемент, вторгавшийся в жизнь городов того времени, он не мог быстро приспособиться к структуре новых социальных отношений и как элемент чуждый, непонятный по своей культуре, цыгане встречали вражду населения и получили кличку «нечистых»... Та же ненависть масс, то же презрение к «нечистым» сопутствовали в мировой истории и еврейскому народу.

Я оставляю в стороне психологические мотивы, которые влияли на развитие ненависти к еврейству и, в конечном счете, привели к фантастическим басням, к легендам из области религии и к грубому фанатизму католичества. Для нас гораздо важнее, что еврейский народ еще в средние века выделил группу носителей нового влияния капитала, воздействовавших на экономические формы и ускорявших их естественное разрушение. В этом основная база, питавшая в массах населения бессознательные или полусознательные враждебные в отношении еврейства переживания, которые подчеркивались и муссировались общественными слоями, находившими в этом выгоду для своих интересов.

И для средних веков, для культуры этой эпохи это было, в конце концов, понятно. Но мы, пришедшие сегодня на суд над гражданином Виппером, мы живем не в средние века! Мы живем в эпоху, когда рушится старый капиталистический уклад и создается новый строй; и мыслимо ли, логично ли в наше теперешнее сознание укладывать проповедь тех идей, которым было место в культуре средневековья? Допустимо ли сейчас предлагать нам синтез воззрений, которым место в пыльном архиве истории?

И когда здесь гражданин Виппер нам заявлял, что он — в XX веке — убежден в существовании ритуальных убийств и что свою убежденность он строит на наличии процессов о таких убийствах в средние века, что поэтому он допускал их возможность и в 1912—1913 году, когда поддерживал обвинение в деле Бейлиса, мне хотелось спросить: что это? Негодная попытка к оправданию, неуместность которой должен был бы объяснить Виппер его защитник? Или это — прямое невежество в понимании истории и исторической структуры общественных отношений? Или, наконец, это — сознательное извращение исторической

перспективы? Ни то, ни другое, ни третье. Чтобы понять и разрешить этот вопрос, нам нужно поставить и выяснить раньше другой вопрос: во имя каких целей прокурор Виппер сознательно извращал факты, когда в зале Киевского окружного суда развивал идеи средневековья перед несознательными, малокультурными по составу присяжными заседателями? Что руководило им, когда он решился принять участие в этом печальной памяти процессе Ющинского?

Во время судебного следствия подсудимый сделал ссылку на то, что ритуальный процесс имел место и в Богемии, в 1908 году, иначе говоря, что и культурная Германия признает якобы существование ритуала у евреев; но подсудимый отлично знает, что приговор по этому «ритуальному» делу был кассирован, и новый состав суда отверг ритуал, признав наличность простого убийства; следовательно, всякие соображения о ритуальной стороне богемского процесса после такого судебного приговора должны быть отброшены в сторону; это — единственный вывод, который может быть сделан честно мыслящим человеком, и он до конца разрушает аргументацию Виппера. Не эта причина толкнула Виппера к выступлению в зале Киевского окружного суда.

Аргументация, подобная высказанной подсудимым, в течение столетий приводила к бесчисленным жестокостям и гонениям евреев; эти гонения дожили и до нашего времени в форме бессознательных импульсов, гнездящихся в небольших кучках темных, обывательски настроенных мещанских слоев населения. Когда разразились погромы в Белостоке, Одессе, Киеве и других городах царской России, кто принимал в них участие? Если отбросить сознательных погромщиков по своему ремеслу, полицию и организованных хулиганов, остается небольшая кучка мещан — обывателей, участвовавших в погромах по «идейным» sui generis убеждениям, — кучка, крайне незначительная в социальном отношении. Она бессознательно хранила пережитки прошлого и представляла собой удобную почву для семян человеконенавистничества, но, по своей незначительности, ни в коей мере не являлась руководящей в России силой; это была неустойчивая группа, одна из многих, каким суждено итти в хвосте за той силой, которая возьмет перевес в социальной борьбе. Виппер не может быть отнесен к этой группе. Для этого он слишком интеллигентен. Значит, и не это было причиной его выступления.

Какие же силы боролись в тот период в царской России? Министр внутренних дел Макаров по поводу дела Бейлиса писал министру юстиции Щегловитову: «Выборы в Государственную думу совпадают с моментом, когда будет разбираться дело Бейлиса, а дело может окончиться оправданием: такой исход явится ущербом для русской части населения, инородцы же, наоборот, восторжествуют; а потому следует отложить слушание дела». Министру Макарову угодно было представить политическую борьбу в России как борьбу двух групп: русского населения, с одной стороны, и инородцев, с другой. Конечно, такое представление ни

в какой степени не отвечает действительности. На деле в тот момент на одной стороне стоял рабочий класс с примыкавшими к нему группами либеральной демократической буржуазии, и на другой стороне верхи царской бюрократии: Щегловитов, Макаров, Белецкий; рядом с ними стоял и гражданин Виппер; эту группу окаймляли погромные организации — союзы черносотенцев и разные «общества двуглавого орла» и авторы прокламаций, разбрасывавшихся в Киеве, Харькове и т. д. Та группировка сил, которую указал в своем письме Макаров, относится к области официальной идеологии старого строя; нужно было создать какую-то систему воззрений, и ухватились за классификацию «русских» и «инородцев», за систему крайнего шовинизма, взятую из средневековых традиций, которая могла находить себе почву только в бессознательных инстинктах масс.

Гражданин Виппер выступил в процессе с аргументацией, взятой целиком из арсенала этой сановной группы; он разделил «их» точку зрения, противопоставив «русским» — «инородцев», и говорил на суде об «еврейском капитале», «еврейской прессе» и т. д.; это обнаруживает, что Виппер явился политическим идеологом царизма. Сегодня он заявлял нам, что трактовал процесс Бейлиса только как уголовный процесс. что политическое значение процесса его не интересовало и лишь впоследствии он понял это значение дела Бейлиса; более того, он утверждает, что был «аполитичен» в тот период и тем не тормозил, а... содействовал революции. Но факты говорят другое. Факты говорят, что процесс Бейлиса был ареной политического столкновения двух борющихся сил: «Союза русского народа», объединявшего министров с толпой погромщиков, и русской демократии, в лице политических групп разных направлений; в этом процессе Виппер явился политическим выразителем первой силы и апологетом самодержавия. Эти и только эти соображения и толкнули его на процесс.

В своей обвинительной речи Виппер утверждал, что процесс Бейлиса крайне затруднен «еврейским золотом», он, Виппер, даже слышит, как оно сыплется (неподкупной для этого золота он нашел тогда только Чеберячку). Я перейду сейчас к анализу процесса, чтобы показать, чьи на самом деле действия и чье «золото» инсценировали процесс Бейлиса и затрудняли возможность правильно его поставить.

22 марта 1911 г. к судебным властям города Киева поступило анонимное письмо с извещением об убийстве Ющинского. Конкретных указаний на виновников убийства и на фактические обстоятельства дела в письме не заключалось, — так говорит Киевский прокурор Чаплинский в донесении министру, — другими словами, объективная ценность письма равнялась нулю. Однако в следующем же рапорте Чаплинский доносит, что «во время похорон Ющинского разбрасывались погромные прокламации». Прокурор был обязан немедленно начать следствие и выяснить инициаторов этих погромных призывов, применив для пресече-

ния агитации все возможности, какие ему давались законом. На деле же оказалось другое: Чаплинский сообщает, что «мнения о ритуальном характере убийства в следственном производстве еще не имеется». Это «еще не имеется» в высшей степени характерно! А затем в «Земщине» и «Русском Знамени», в газетках ультрачерносотенного пошиба, появились статьи, посвященные убийству, с изложением «ритуальной» версии, причем были приведены, до крайности извращенные, данные судебно-медицинского вскрытия.

В результате в Государственную думу был внесен запрос министру юстиции, «какие меры он думает предпринять для обнаружения еврейской секты, замучившей Ющинского»; с своей стороны, харьковский «Союз русского народа» нашел необходимым телеграфно уведомить министра, что «дерзкое убийство отрока Ющинского с ритуальной целью глубоко возмутило чувства православных христиан, — вон жидов из России», — и началась погромная агитация, проводимая теми элементами социальной структуры эпохи царизма, которым было нужно и... выгодно придать этому делу определенный характер.

Гражданин Виппер нам говорил здесь, что дело Ющинского было «испорчено», так как сразу получило ложное направление. Так кем же оно было испорчено, — «золотом» Марголина? Или черносотенной организацией? Или министром юстиции, который своими действиями с самого начала поддержал уклон обвинения в сторону ритуала и просил другого министра, Макарова, командировать из Петрограда самых опытных сыщиков для розыска виновников убийства?

Не менее характерны и действия прокурора судебной палаты Чаплинского. Здесь оглашалось его знаменитое письмо директору Департамента министерства юстиции Лядову, где он пишет, что дело «вызывает шум в еврейской прессе» и что он уволил сыщиков Красовского и Мищука, так как они, «несмотря на данные мною указания, все время работали в сторону отвлечения подозрения от евреев». Вот откровенное признание, которое Чаплинский мог сделать только в уверенности, что письмо к Лядову никогда не получит огласки. Он адресовал это признание Министерству юстиции, ибо знал, что там его прекрасно понимают и разделяют его точку зрения.

Так кто же «испортил» дело? Чьи карты оказались краплеными? Для того, чтобы посылать сыщиков из Петербурга, нужны были деньги; они брались из сумм секретного десятимиллионного фонда, которым пользовались двор и полиция. Вот деньги, звон которых слышался в процессе Бейлиса; и когда в свое время Виппер говорил, что еврей Марголин дал журналисту Бразулю, пытавшемуся открыть истинных убийц, сто рублей на поездку в Харьков, — то что значила эта сумма в сравнении с затратами министерства на командировки сыщиков, с платежами за экспертизу ксендза Пранайтиса и т. д.? Так что, если ставить вопрос, чья рука с самого начала напрягала процесс Бейлиса,

то документы и факты дают исчерпывающий ответ, но не тот, который хотелось бы услышать гражданину Випперу.

Еще более разительны данные о деятельности Чаплинского после заявлений Бразуля-Брушковского. Бразуль еще 18 января заявил, что им открыты новые обстоятельства по делу Бейлиса, а 6 мая подал новое заявление, где поименно называл убийц Ющинского: воров Латышева, Рудзинского и Сингаевского, совершивших убийство мальчика в квартире Веры Чеберяк; но прокурором не было на это обращено никакого внимания. Сегодня защитнику подсудимого угодно было просить о приобщении к делу брошюры насчет процесса Бейлиса, принадлежащей перу т. Бонч-Бруевича; там Бразуль-Брушковский характеризуется с отрицательной стороны, и этим, видимо, хотела воспользоваться защита. Допустим, что Бразуль был в высокой степени корыстным человеком; допустим, что он за деньги готов был пытаться изменить направление процесса; допустим, наконец, самое худшее, что Марголин действовал путем подкупов, и отбросим данные, полученные Бразулем.

Но ведь у нас имеются свидетельства самого Чаплинского и жандармского полковника Иванова, которые, касаясь данных Бразуля, их подтверждают! Иванов просит Чаплинского разрешить ему произвести арест Луки Приходько, так как этого требуют собранные против него данные. Чаплинский 1 июля доносит в министерство: «Я не могу при таких условиях препятствовать держать Приходько под стражей», — и Приходько с 26 июня по 13 июля сидит под арестом. Но лишь только в петроградской «Речи» помещается сообщение об аресте Приходько, как Щегловитов телеграфно запрашивает о причинах. Чаплинский лаконически отвечает: «Подробности письмом», — и получает вызов в Петроград; возвратившись оттуда 12 июля, он на другой же день телеграфирует: «Приходько по моему распоряжению освобожден».

Чье это вмешательство? Это — вмешательство министра Щегловитова, настолько резкое, что, очевидно, не согласуется даже с намерениями Чаплинского; последний все же остается покорным исполнителем предписаний министра... Об этих действиях Щегловитова не может быть двух мнений; в них ярко выразилось стремление затруднить правильное развитие следствия и во что бы то ни стало вести дело в заранее предопределенном направлении. И Чаплинский доносит: «Дальнейшие розыски по делу будут направлены в сторону выяснения виновности Бейлиса...»

В этот момент мы в первый раз сталкиваемся с гражданином Виппером. Окончилось ведение предварительного следствия, нашелся товарищ прокурора, составивший обвинительный акт, и нужно было найти обвинителя. В Киеве такового не нашлось, и прокурор судебной палаты пишет: «Если будет назначен обвинитель из состава Петроградского суда, то ему надлежит срочно прибыть в Киев». Тогда министр личным распоряжением назначает обвинителем Виппера, рекомендуя его как «блестящего и

страстного обвинителя, могущего вынести полуторамесячный процесс; он обладает достаточной настойчивостью в достижении своей цели».

Для человека, который в судебном деле искренне ищет раскрытия истины, в деле Бейлиса все должно было казаться странным; и Виппер, как он сам заявил, казалось странным привлечение Бейлиса, что он якобы и высказал при первом деловом свидании с Щегловитовым. Но если это было так, то Виппер должен был сделать для себя вывод: может ли он, поддерживая обвинение, оставаться в рамках делового обсуждения виновности? Или ему была известна истинная подоплека привлечения Бейлиса, причина «странности» и «испорченности» дела?

Подсудимый говорил нам, что в течение 24 лет он стоял на обвинительной кафедре суда. Следовательно, он привык взвешивать удельный вес улик и прекрасно знает их доказательную силу; ясны ли были ему улики в деле Бейлиса? Или их слабость поглощалась «внутренней стороной» процесса? Это — тайна совещания Щегловитова с Виппером, но она сегодня случайно приоткрылась.

Сегодня подсудимый сказал, что его беседа с министром была очень продолжительной и обстоятельной и касалась очень многих вопросов, о которых мы как раз сейчас говорим; далее, что он отказался наблюдать за ведением следствия по этому делу и взял на себя только обвинение, так как хотел оградить себя впоследствии от нападок. Это дает мне уверенность в том, что факт инсценирования процесса Бейлиса не мог пройти мимо подсудимого; присущая каждому человеку логика заставляет признать, что в своих совещаниях с Виппером министр не мог не касаться закулисной стороны дела; Виппер знал ее—и поэтому отказался от наблюдения за следствием. Нечаянные оговорки подсудимого позволяют нам сделать вывод: первый пункт обвинительного акта, т. е. обвинение в том, что Виппер участвовал в инсценировке процесса Бейлиса, не может считаться бездоказательным.

Как известно, по окончании следствия был составлен обвинительный акт и представлен на утверждение в обвинительную камеру Киевской судебной палаты. Но там получился конфуз: председатель и докладчик по делу заявили, что данные для привлечения Бейлиса к суду недостаточны; трое других членов совещания оказались более законопослушными, и обвинительный акт получил утверждение тремя голосами из пяти. Не должно ли было это остановить гражданина Виппера и заставить его отказаться от роли обвинителя? Но гражданин Виппер нам заявил: «Я считал, что раз дело утверждено, я не имею права отказаться». Откуда, однако, следует такая бессмыслица? Почему прокурор, обязанный быть «оком закона», должен принять на веру все утвержденное обвинительной камерой при таком расхождении в составе самой камеры? В этот момент Виппер должен был все взвесить, все решить и на все решиться. И я утверждаю, что Виппер все взвесил, все для себя решил и решился на все...

С этого момента начинается непосредственное участие Виппера в процессе, главным моментом его участия явилось произнесение обвинительной речи.

Задачей подсудимого Виппера было то, что составляет задачу всякого обвинителя на суде, — поддерживать обвинение в пределах обвинительного акта. Но вы, гражданин Виппер, не только поддерживали обвинение в этих рамках, вы вышли далеко из этих пределов, и в этом сегодня я о б в и н я ю в а с.

В политической ситуации того времени процесс Бейлиса приобрел особенное значение. Все общественные группы поняли его как вызов, брошенный самодержавием, как попытку самодержавия с помощью этого процесса опереться на бессознательные инстинкты масс, расколоть демократическую Россию и пресечь развитие революционного движения. Такова и была скрытая цель Макарова и Щегловитова. В этой обстановке вам, гражданин Виппер, предстояло одно из двух: или поддержизать обвинение, опираясь только на собранные улики. — безразлично, оказались бы они достаточными или нет; или же, помимо этого, выступить на политической арене глашатаем политических идей. Первая задача была задачей прокурора; вторая — задачей политика-реакционера. Принять на себя выполнение этой второй задачи зависело только от вашей доброй воли, и вы ее приняли.

Вы нам сегодня сказали: «Быть может, я виноват, что несколько расширил рамки процесса и вышел за границы обвинительного акта; это объясняется моей страстностью». Одной ли страстностью, гражданин Виппер?

Я позволю себе перейти к анализу совокупности тех идей, которые развивал подсудимый в своей обвинительной речи, чтобы затем оценить политический удельный вес этих идей. Не забудем при этом, товарищи судьи, что мы никогда не смотрели и не смотрим на суд как на орган внеклассового правосудия; суд не может висеть в безвоздушном пространстве: в наших глазах суд — это орган, созданный в момент завоевания своих прав классом, победившим в классовой борьбе, поэтому суд оценивает все с точки зрения создавшего его класса, продолжающего борьбу за результаты своей победы. С этой точки зрения и вы, товарищи судьи, будете оценивать сущность тех идей, которые по указке Щегловитова и других проводил Виппер в своей речи и с помощью которых хотел добиться от присяжных заседателей обвинительного вердикта Бейлису.

Какова же совокупность этих идей?

Свою речь по делу Бейлиса подсудимый начал словами: «Господа присяжные заседатели! Мы еще недавно пережили эпоху революции, отмеченную кровью. Кровь лилась повсюду: убивали должностных лиц, бросали бомбы как в должностных лиц, так и в других, — и с т р е б л я л и н а р о д. Злодеяния возмущали нашу совесть. Но даже на этом кровавом фоне убийство Ющинского выделяется кровавым пятном». В этих словах Виппера — полная политическая солидаризация с самодержавием

Как все слуги самодержавия, Виппер видит в революции не движение народных масс, а анархическое проявление бандитской работы: террористические акты революционеров против должностных лиц он рассматривает как «истребление народа» и т. д., — в политической борьбе он сразу становится в определенную позицию.

Переходя к анализу данных следствия, Виппер говорит: «Я чувствую себя под гнетом еврейского капитала. Хотя евреи ограничены в правах, но все-таки они проникают повсюду и поднимают шум вокруг процесса: они боятся новых ограничений. Они подняли шум из-за привлечения еврея Бейлиса, потому что поняли, что подводят под погромы несчастный народ и сами усугубляют ту ненависть, которая существует по отношению к ним». Здесь Виппер ясно выразил идеологию черной сотни, и это не требует дальнейших доказательств.

Я спрашиваю подсудимого: «Какие у вас были данные, чтобы утверждать наличие евреев-заправил, пытающихся влиять на исход процесса? Если еврей Марголин говорил, что он, как представитель прогрессивных слоев общества, заинтересован в раскрытии истины и что он даже «готов заплатить, чтобы раскрыть тайну убийства Ющинского», то где же тут заинтересованность какой-то «еврейской организации»? Где данные утверждать, что евреи хотят «затереть следы и замутить процесс»? Вы утверждали в своей речи: «Я не позволю себе инсинуаций и клеветы». Но какие объективные факты позволили вам утверждать о работе еврейских организаций вокруг дела Бейлиса?

Критикуя версию Бразуля, вы сослались на то, что у него жена — еврейка. Отзываясь о прессе, — что редакция «Киевской мысли» состоит из евреев. Откуда у вас были эти сведения и какое вообще они имели отношение к виновности Бейлиса? Разве эти ссылки составляют лишь «расширение рамок процесса», которые вы, по собственному признанию, допустили?

Вы заявили, что предатель Азеф был еврей, и, очевидно, хотели этим доказать тезис царского самодержавия, что всякая гадость и подлость специфически присущи еврейской национальности. Как назвать подобный выпад?

Такими-то приемами «расширения рамок процесса» Виппер хотел создать у присяжных заседателей впечатление, что вокруг дела Бейлиса создалась некая группа заправил, связанная с Марголиным. В руках этих лиц находятся все газеты и деньги; даже сам он, обвинитель Виппер, чувствует на себе их влияние, несмотря на то, что эти заправилы ограничены в своих правах. Какой логический вывод из подобной конструкции должен сделать неразвитой ум? Вывод один: хотя евреи и ограничены, но все же они остаются всемогущими, а потому в ограждение слабых членов общества нужно продолжать ограничивать евреев и в дальнейшем. Как может Виппер после этого утверждать, что в своей речи он не явился апологетом самодержавия, когда все ее содержание доказывает обратное?

Правда дважды на суде Виппер сказал: «Я не обвиняю евреев в целом». Я спросил его сегодня: «Так каких же евреев вы обвиняли?» — «Отдельных руководителей». — «Каких руководителей? Как вы их мыслили?» Подсудимый не ответил мне, он и не мог ответить, так как данных у него не было.

Выступая перед мало развитыми присяжными заседателями, Виппер вместо установленных фактов предлагал им свои догадки, фальшивые умозаключения и ложные тезисы, вел черносотенную пропаганду.

Он утверждает, что, выступая на суде, не призывал к погромам еврейского населения. Но вот что говорил он: «Они (евреи) как будто глумятся: смотрите, мы совершили преступление, но не боимся, мы не будем на скамьях подсудимых и нас никто не посмеет привлечь за это злодеяние: вот вам христианин, вот 13-летний мальчик, загубленный нами, — смотрите, вот наша власть, наша сила» Как назвать этот прием?

В конце речи Виппер заявил: «Вы не должны бояться произнести обвинительный приговор, хотя бы это было страшно и грозило тяжелыми последствиями». Здесь откровенная угроза погромом; здесь уже не «выхождение из рамок», а использование аргументации, целиком выхваченной из арсенала черносотенной идеологии.

Я спросил сегодня подсудимого: «Понимали ли вы все это?» И услышал ответ: «Быть может, я допустил ошибку; я был неправ в своем порыве и страстности, был неправ, когда добивался обвинения». Сейчас, post factum, Виппер готов признать это. Но если бы он добился, чтобы Бейлиса сослали в бессрочную каторгу? Более того, если бы после обвинения Бейлиса и признания этим приговором существования ритуальных убийств разразился погром, — что же, сказал бы он тогда: «Я был неправ»?

В сотнях городов, где скучилась еврейская беднота, пролилась бы кровь, повторились бы ужасы белостокского погрома, осквернение убитых женщин, хладнокровные убийства детей, грабежи и насилия... И тогда, при всех этих ужасах, для себя вы нашли бы оправдание: «Я был неправ в своем порыве страстности»! То, что вы сделали, гражданин Виппер, было отвратительно по своей мерзости, и никакими объяснениями вам этого не изгладить...

По окончании дела Бейлиса состоялся торжественный совместный обед политических деятелей и участников процесса; первые были представлены Щегловитовым, Дубровиным, митрополитом Флавианом и другими, вторую группу составили гражданские истцы, следователь и прокурор Виппер. — нехватало жандармского полковника Иванова... Обед закончился подписанием всеми его участниками телеграммы единомышленникам, и, расписавшись на этой телеграмме, Виппер показал, что он действовал заодно с Дубровиным, Замысловским, Шмаковым и другими. Это характеризует общую политическую линию, политический блок Виппера с деятелями резко выраженного направления.

История дореволюционного суда знает еще один процесс, направленный на отыскание секты изуверов, — процесс так называемых «саратовских душителей». Почему этот процесс не интересовал Щегловитова, не вызвал запроса в Государственной думе? Почему тогда не посылались телеграммы «Союза русского народа», не действовал жандармский полковник Иванов, — почему там не было ничего, что так ярко выразилось в деле Бейлиса? Ответ прост: этот процесс не был нужен царизму. Я готов сейчас сделать уступку подсудимому: ему угодно верить в ритуальные убийства, — пусть он верит, так как человеку свойственно ошибаться: я обвиняю его не за то, что он выступил обвинителем в деле Бейлиса, но за то, что все свои способности, весь свой талант он предоставил к услугам царизма, — за то, что он хотел ценою крови добиться политических результатов, нужных самодержавию.

Еще одна характерная черточка: по окончании процесса Щегловитов узнал, что из Англии приехал частный сыщик с намерением начать новые поиски истинных убийц Ющинского; тогда министр и с ним Виппер приложили все усилия для воспрепятствования этим поискам, — видимо, из боязни, что откроется правда. Сыщику пришлось уехать, и какая доля истины убийства была известна царизму, — остается скрытым...

Царизма более нет в советской России: он свергнут, и самодержавие не вернется; части слуг его не существует, часть скрывается. Но там, где они имеют еще возможность действовать, там — у Деникина и Колчака — попрежнему раздаются крики: «Бей жидов!» Генералам, которые под этими лозунгами поднимают восстания против Советской республики, нужны идеологи, способные в случае необходимости публично встать на защиту этих лозунгов; нужны так же, как в свое время они нужны были царизму. Такой нужный Деникину человек сидит сегодня перед нами на скамье подсудимых.

Товарищи судьи! В основе нашей карательной системы лежит стремление к перевоспитанию преступника, а не к отмщению за совершенное деяние. Не раз актами об амнистиях мы предписывали освобождение из заключения людей, запятнавших себя преступлением, если возвращение их на свободу не представляло опасности для республики; мы широко применяем досрочное освобождение и вправе гордиться мягкостью нашей карательной политики.

Но бывают случаи, когда проявление судом мягкости опасно для революции; тогда мы вправе требовать от суда беспощадности во имя спасения нашего государства. Этой беспощадной суровости я жду сегодня от вашего, товарищи судьи, приговора.

Пусть гражданин Виппер, состоя после революции на службе в Калужском губпродкоме, был прекрасным чиновником и настолько хорошо составлял и подписывал бумаги, что коллегия

губпродкома соглашалась даже взять его на поруки; но мы должны признать, что с точки зрения охраны революции гражданину Випперу не место на свободе, и он должен быть изолирован, и если спросят: как изолирован, — я отвечу трибуналу: уничтожен.

Можно ли было в 1912 году, во время процесса Бейлиса, представить себе, что через шесть лет гражданин Виппер будет сотрудничать в Калужском продовольственном комитете и способствовать насаждению советского социалистического строя? Каждый ответит: нет, невозможно.

Но изменим обстановку, допустим, что гражданин Виппер служит не в Калуге, а в Харькове. Приходит Деникин, и сейчас же Виппер из сотрудников продкома становится прокурором суда; тогда снова и снова будет раздаваться его проповедь человеконенавистничества и погромов, и многим, может быть, из наших товарищей придется слушать эту проповедь со скамьи подсудимых. А это, спрошу я, возможно? Да, возможно.

Вот эту возможность нам нужно раз навсегда пресечь, и трибунал должен исполнить свое дело.

Исходя не из обсуждения прошлых преступных деяний Виппера, а исходя из доказанной опасности его для республики, трибунал обязан произнести свой приговор, и он будет суров и беспощаден. Пусть же будет у нас одним Виппером меньше.

Московский революционный трибунал признал гр. Виппера виновным в том, что он, сознавая, что царское правительство, инсценируя процесс Бейлиса, добивается расслоения народа для большего его угнетения, и при этом понимая, что распространение вздорной версии о существовании среди евреев секты, признающей ритуальные убийства, может вызвать еврейские погромы и невинные жертвы, — принял в этом процессе активное участие, чем пытался повредить росту революционного движения рабочих и крестьян.

Принимая во внимание, что в своей деятельности после Октябрьской революции Виппер не проявил себя активным врагом советского строя и, учитывая, что тягость антисемитизма и невежественных предрассудков до сих пор владеет им и делает его вредным для революции, — трибунал постановил: гр. Виппера заключить в концентрационный лагерь с лишением свободы до полного укрепления в республике коммунистического строя.

ДЕЛО ПРОВОКАТОРА МАЛИНОВСКОГО

При разборе секретной переписки бывшего Департамента полиции и архива Московского охранного отделения среди документов была обнаружена особая «Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения», изданная в 1907 году и разосланная Департаментом полиции жандармским управлениям и охранным отделениям для руководства. Из инструкции видно, что в распоряжении розыскных учреждений политической полиции старого режима состояли в качестве агентов особые «секретные сотрудники»; таковыми являлись лица, которые «состоят или состояли членами революционных партий и групп или непосредственно и тесно были связаны с ними». Инструкция рекомендовала жандармским управлениям, для наиболее верного и скорейшего проникновения в центр революционного движения, помогать секретным сотрудникам пробираться в верхи партийных организаций, хотя бы путем устранения препятствий с пути такого агента посредством арестов окружавших его более видных партийных работников, и тем самым «подымать сотрудника в наиболее законспирированные центры партии». Все секретные сотрудники состояли на ежемесячном или «поштучном» жаловании, а за «особо ценные» донесения поощрялись денежными наградами.

В числе секретных сотрудников бывшего Московского охранного отделения значился бывший член IV государственной думы Роман Вацлавович Малиновский, председатель социал-демократической рабочей фракции думы и член Центрального комитета российской социал-демократической партии (большевиков), избранный в Центральный комитет на партийной конференции в Праге в январе 1912 г. Расследование сотрудничества Малиновского обнаружило следующие обстоятельства.

В свое время Малиновский трижды (в 1894, 1896 и 1899 годах) судился за кражи со взломом; в дальнейшем он отбывал воинскую повинность в Измайловском полку, причем в этот же период, по показаниям бывшего директора Департамента полиции Белецкого, безвозмездно сообщал Петроградскому охранному отделению о брожении в полку. Поступив в 1906 году, по отбытии воинской повинности, на петроградский завод Лангензипена, Малиновский, по собственным его показаниям, впервые познакомился с политической агитацией; он последовательно состоял членом рабочего комитета районным секретарем союза металлистов и секретарем правления союза металлистов, помимо того участвовал в ряде съездов; уже в ап-

реле 1910 года партийный работник Макар предлагал ему войти в ЦК социал-демократической партии путем кооптации, а в ноябре 1911 года член партии Лобова предложила ему принять от Московского комитета кандидатуру в ЦК, который должен был быть переизбран на январской конференции в 1912 году в Праге. На конференции он был избран в состав ЦК, осенью 1912 года стал членом IV государственной думы, а осенью 1913 года был избран председателем думской социал-демократической фракции.

Одновременно развивалось сотрудничество Малиновского с органами охранки. По показаниям его жены, он еще в 1906—1908 годах, будучи арестован, получил предложение сотрудничать в охранном отделении; по данным вице-директора Департамента полиции Виссарионова, Малиновский уже с 1907 года добровольно сносился с охранным отделением и значился там под кличкой «Эрнест». В 1910 году по переезде в Москву Малиновский был арестован по подозрению в участии в революционном собрании, но вскоре освобожден и зачислен в секретные сотрудники Московского охранного отделения с жалованием 100 рублей в месяц.

По показаниям Белецкого Малиновский был «гордостью охранного отделения и его ценность определялась возвышением его в организации и проведением его в верхи партийной организации»; Виссарионов характеризует Малиновского как «весьма ценного сотрудника по осведомленности в партийных делах и добросовестности». Что он в действительности был чрезвычайно полезен охранке, видно из ряда арестов партийных работников и разгрома партийных ячеек, произведенных вследствие указаний «Портного» (кличка Малиновского); так, он дал материалы для ликвидации возникшей в Москве группы «Возрождение», в результате чего были арестованы прибывшие из-за границы центровики Милютин, Генгров и другие; осветил формирование в Туле русской коллегии ЦК, следствием чего был арест Ногина, Марии Смидович и других, дал подробные сведения о Пражской партийной конференции (той самой, на которой был избран в ЦК партии), детально освещал деятельность ЦК и т. д. Возвратившись в Петроград уже в качестве члена Государственной думы, он стал работать в непосредственной связи с Белецким, но продолжал «оказывать любезности», по выражению жандармского ротмистра Иванова, и Московскому охранному отделению, сообщая ему отдельные сведения, за что получал от последнего по 25—50 рублей.

В 1912 году Малиновский был выдвинут партией, не подозревавшей его провокации, кандидатом в члены IV государственной думы. Видя, что материальная ценность его услуг охранке зависит от степени его влиятельности в партии, Малиновский прибег, для поддержки своей кандидатуры, к охранному отделению; последнее помогло ему скрыть прежнюю его судимость, препятствовавшую его избранию, а когда оказалось, что временный ценз работы Малиновского в предприятии недостаточен и не дает права на избрание, то охранное отделение, по его просьбе, арестовало мастера Кривова (Крылова), настаивавшего на увольнении Малиновского, и таким образом последний прослужил в предприятии (на заводе Фермана) требующийся период времени. Характерно, что по этому поводу охранное отделение сносилось с местными своими агентами шифрованными телеграммами, требуя ареста Кривова «для обеспечения успеха Малиновского».

Став членом Думы, Малиновский, как еще более ценный для охранки сотрудник, начал получать жалование 500, а затем 700 рублей ежемесячно. Кроме того, от Департамента полиции он получал «особые суммы» на поездку за границу и за счет полиции ездил к товарищу Ленину получить от партийного центра руководящие инструкции для деятельности в Государственной думе. Все полученные указания он сообщил охранке, а работу в Государственной думе вел не по указаниям товарища Ленина, а под руководством... Белецкого и Виссарионова. В этот период он дал сведения о товарищах Сталине, Свердлове и других, которые были по его указаниям арестованы. Дерзость Малиновского доходила до того, что он доставил на просмотр Белецкому партийный архив фракции, из которого в течение ночи охранка перепечатала все, что ей было необходимо, и затем архив был возвращен...

Состоя членом думы, Малиновский не только давал Департаменту полиции самую подробную информацию о деятельности революционного думского крыла, но и речи, намеченные к произнесению от имени социал-демократической фракции, давал Белецкому для предварительного просмотра и редактирования. Такому же редактированию подвергались заявления и даже декларации, которые Малиновский должен был оглашать в Думе как председатель фракции.

С уходом Белецкого и вступлением в должность директора Департамента полиции Джунковского положение Малиновского ухудшилось. Джунковский потребовал ухода его из Думы; одновременно он же сообщил о провокаторе председателю Думы Родзянко, в результате чего, после демонстрации в Думе 8 мая, Малиновский сложил с себя полномочия члена Думы и, получив от Департамента полиции 6 тысяч рублей, спешно выехал за границу. Там Малиновский продолжал общение с партийными организациями, потом участвовал в войне и находился в плену, а по установлении советской власти явился в Россию и отдал себя в руки советского правительства.

На основании данных следствия Р. Малиновский был предан суду Верховного трибунала ВЦИК по обвинению в том, что:

1) добровольно предложил в 1910 году свои услуги охранной полиции;

2) проникнув затем во все наиболее значительные партийные организации, сообщил Московскому охранному отделению массу необходимых для последнего сведений о партийных организациях, отдельных деятелях, их кличках, нелегальных складах, типографиях и прочее, в результате чего были арестованы виднейшие партийные работники и систематически разрушались московские нелегальные организации;

3) не довольствуясь работой этого масштаба, принимал поручения охранного отделения за границу, в частности на Пражскую конференцию в 1912 году партии большевиков, куда ездил как делегат МК партии и одновременно в качестве агента и за счет охранного отделения, и затем, будучи избран в ЦК партии, давал необходимые для охранки сведения о составе и деятельности конференции и ЦК партии, а также ряд обширных материалов о деятельности ППС левицы и правицы, бунда и польской социал-демократической партии;

4) в целях денежного обогащения и личного честолюбия проник в Государственную думу в качестве депутата от рабочих г. Москвы и кандидата социал-демократической партии, причем для этого пользовался услугами охранки, подлогами, доносами и провоцировал арест лиц, мешавших ему в достижении намеченной цели;

5) состоя членом Думы, давал Департаменту полиции детальную информацию о партийных организациях Думы, сообщал подробные данные о заграничных партийных центрах, для чего выезжал за границу за счет охранки и продолжал содействовать розыскным органам в арестах партийных работников; далее, по требованиям того же Департамента полиции, изменял и смягчал свои выступления в Думе в качестве депутата, для чего предварительно давал на просмотр Белецкому заготовленные речи и этим заведомо ослаблял работу по использованию Думы в качестве революционной трибуны, каковую задачу поставила себе социал-демократическая думская фракция;

6) будучи разоблачен, принял денежное вознаграждение за свое предательство (в сумме 6 тысяч рублей) и скрылся за границу без объяснения причины этого фракции и рабочим России, чем внес дезорганизацию в ряды революционеров и партийные группировки, посеял смущение в рядах широких рабочих масс и дал возможность использовать его предательство врагам революции для клеветы на все рабочее движение и его вождей, и

7) будучи уже за границей и в плену, скрыл свое прошлое от партийной следственной комиссии и продолжал свою якобы революционную деятельность в новый подрыв и дискредитирование революции и ее вождей в глазах трудовых масс.

Дело слушалось Верховным трибуналом ВЦИК 5 ноября 1918 года.

Товарищи судьи! Обвинительный материал, изложенный в обвинительном заключении по настоящему делу, нашел себе достаточное подтверждение в тех объяснениях, которые были даны подсудимым. Исходя из этого, моя роль, как государственного обвинителя, представляется, собственно говоря, излишней. Ведь не перед судом же Революционного трибунала ВЦИК доказывать, что вообще провокаторство есть преступление, что поэтому подсудимый заслуживает наказания и, в частности, что по отношению к подсудимому Малиновскому — члену бывшей Государственной думы, депутату социал-демократу и лидеру социал-демократической фракции Думы, члену Центрального комитета революционной пролетарской партии — может и должна быть применена самая суровая репрессия. Доказывать это вам было бы и неуместно и странно; для этого мне не нужно ни пафоса, ни стараний.

Преступление признано, смысл его ясен; естественна мера наказания, которую заслужил подсудимый; ясен и приговор, который мы ожидаем услышать от вас. И если я все-таки беру слово, то только в силу одного соображения.

Товарищи! Основным фактом, подлежащим выяснению в этом процессе, гвоздем процесса яьляется только один вопрос: зачем, зная свои преступления, зная оценку их, — ту единственно возможную оценку, которую они встретят в революционной России, переживающей весь ужас гражданской войны, — зачем, в силу каких психологических оснований, на что рассчитывая, добровольно явился сюда и сам отдался в руки революционных властей провокатор Роман Малиновский. Вот какой вопрос невольно встает перед нами в качестве первого, который каждый из нас, естественно, хотел бы разрешить. И так как этого вопроса вы ни в коей мере не можете внутренне обойти при разрешении вопроса о мере наказания, я считаю своим революционным долгом на него ответить, поскольку он выяснен судебным следствием и объяснениями самого обвиняемого. И так как от того, поверите вы или не поверите тому, что, только движимый

сознанием своей вины и желанием искупить ее хотя бы смертью, явился к нам подсудимый, зависит содержание вашего приговора, то интересы республики требуют от меня сказать вам, каково убеждение по этому поводу обвинительной власти, дабы ее слово было учтено вами при вынесении вашего решения.

«Верьте моей искренности, — сказал подсудимый. — Я еще мог бы жить, если бы попал опять в такую среду, в какой был, например, в плену, где меня не знал ни один человек, или если бы по мановению руки попал в Канаду или Африку... Но как я могу жить среди вас после того, что сделал, я не представляю себе... Приговор ясен и я вполне его заслужил...».

Так нам сказал подсудимый, сам требуя себе расстрела. Но так ли это, товарищи, искренность это или... неискренность? Сознание своей вины или... новый расчет на что-нибудь? Вот вопрос, который стоит перед нами, и да будет мне позволено ответить на него, исходя не из факта добровольной явки Малиновского и его раскаяния, а исходя из анализа мельчайших деталей; они, быть может, поведают нам правду более искреннюю и более глубокую, нежели факт явки и все самобичевание здесь подсудимого.

Мы не слышали здесь целого ряда свидетелей, показания которых имеются в обвинительном акте; свои показания подсудимый также стремился в значительной части строить на показаниях таких лиц, из которых одни уже умерли и не могут повторить здесь сказанного ими на предварительном следствии, а другие не явились или находятся вне пределов нашей досягаемости. Я принужден остановиться поэтому на уликовой стороне, но не для доказательства основного обвинения — провокации, а для проверки каждого из частных заявлений обвиняемого; я хотел бы проверить каждое слово, сказанное здесь подсудимым, поскольку это будет возможно; только вполне проверенному, или вполне доказанному, или, по крайней мере, неопровергнутому я буду придавать значение достоверного.

Идя этим путем, позвольте прежде всего остановиться на первом факте — на установленной здесь, перед трибуналом, прошлой судимости обвиняемого за кражу. Не мне, конечно, и не перед вами нужно доказывать, как мы смотрим вообще на судимость по законам капиталистического общества и царского времени: в наших глазах каждое преступление есть продукт данной социальной системы, и в этом смысле уголовная судимость не является в наших глазах тем фактом, который кладет раз навсегда несмываемое пятно и от которого никуда нельзя уйти. Мы знаем много примеров, когда и в наших рядах находились лица, имевшие в прошлом подобные факты, но мы никогда не делали отсюда вывода, что необходимо изъять такого человека из нашей среды. Человек, который знает наши принципы, не может опасаться, что наличие судимости в прошлом угрожает поставить его вне рядов революционеров; этого не мог не знать и Малиновский. Между тем он в своих объяснениях указывал, что со-

гласиться на службу в охранном отделении его толкнул только страх разоблачения, что он судился за кражу, о чем, мол, знала охранка. «Тут, — говорит он, — для меня вопрос был уже решен, и я не испытывал никаких угрызений совести». Достаточно и этого, чтобы оценить глубину натуры Малиновского и пролить свет на основные мотивы всей его последующей деятельности.

Но этого мало. Допустим, что в тот момент он не нашел в себе достаточно внутренней силы, чтобы преодолеть ложный стыд, и не поставим ему этого в особенную вину. А второй факт. Позвольте указать на строго формальные документы, которые имеются в деле: на официальные справки о судимости; я говорю об этом не для того, чтобы ставить в вину Малиновскому эту судимость, а только с целью восстановления истины и, в связи с этим, для оценки всей совокупности объяснений подсудимого. Эти документы — сведения о судимости Малиновского, изложенные на бланке Московского охранного отделения; в них указаны даты судебных приговоров и сроки присужденных наказаний. Нет никаких оснований не доверять этим официальным документам: они исходят не от Белецкого, который мог быть заинтересован в чем-либо, хотя бы в опорочении Малиновского; это — подробная справка, и она говорит нам не о двух, а о трех, даже о четырех судимостях Малиновского. Спрашивается: зачем же обвиняемому отрицать то, что вполне установлено и основано на документе, которому мы не можем не доверять? Отрицание может быть нужно подсудимому только для одного: чтобы создать перед трибуналом определенную картину своего падения и прошлого, чтобы дать предпосылку для окончательного вывода, чтобы создать окончательное впечатление.

Вы слышали, как он рассказывал здесь свою жизнь: «Я остался сиротой и принужден был бродяжничать; случайно, проходя мимо чужого дома, я с товарищами вошел в этот дом, и мы взяли там хлеб, масло и 13 рублей денег.» Совсем картина из «Жана Вальжана» Виктора Гюго. Но это впечатление резко меняется, когда мы устанавливаем четырехкратную судимость Малиновского и когда перед нами оказывается совершенно извращенная натура, у которой поколеблены все понятия и уже не работают сдерживающие центры. Это — мелочь, но она нужна обвиняемому, и поэтому он с таким упорством отрицал свое прошлое. Есть и еще одно объяснение: он не мог знать всего, что известно предварительному следствию, и, раз солгав в первых показаниях, не мог уже признаться во лжи, чтобы окончательно не подорвать доверие к себе; ему оставалось только упорствовать в отрицании.

Вот то, что я отмечаю из фактов самого первого известного нам периода жизни Малиновского. Обратимся ко второму периоду, когда подсудимый состоял рабочим на фабрике Лангензипена; и здесь, сопоставив ряд характерных мелочей, мы придем к совсем другому выводу, нежели тот, какой можно было бы сделать, слушая подсудимого. Втянутый в рабочее движение, он

увлекся, как он говорит, целиком; отдался весь, как только он якобы умел это делать. Он был секретарем районного комитета, секретарем районного союза, а затем почти в течение трех лет секретарем крупнейшей профессиональной организации — союза металлистов. Это было время самой тяжелой реакции, период Третьей думы, когда в партийных рядах шел основной спор следует или не следует ликвидировать старые подпольные организации, не лучше ли отказаться от приемов политической борьбы и строить лишь легальные организации для создания того, что В. И. Ленин называл «столыпинской рабочей партией»; а Малиновский утверждает, что вплоть до своего ареста в Москве он не имел достаточного соприкосновения с политикой и не входил в круг фракционных течений как активный деятель! Исходя из практики революционного движения тех дней, трудно логически допустить, чтобы на деле могла иметь место такая аполитичность, такая политическая индиферентность, на которую ссылается подсудимый. Я больше склонен думать, что Малиновский в течение этих лет прекрасно, отчетливо знал политические направления того периода, по крайней мере, в основном вопросе спора меньшевиков и большевиков о ликвидаторстве; недаром меньшевики с восторгом называли его «русским Бебелем», это — вывод, который сам с очевидностью напрашивается и который дает определенную характеристику ценности и этих показаний подсудимого. Малиновский — деятель профессионального движения. Малиновский — меньшевик и работник в той области, которая более всего гарантирует от провалов, арестов и полицейских репрессий — вот картина второго периода его деятельности. К этому времени относится и его вступление на службу в охранку.

Третий период наступает с момента, когда к подсудимому явился старый партийный работник Макар и предложил вступить в члены Центрального комитета. Вы знаете, товарищи, характер работы в Центральном комитете; вы знаете также, что в то время в Центральный комитет могли выбираться только люди, за которых все ручались бы головой, пользующиеся общим доверием и почему a priori можно сказать уже один факт предложения Макара стоит в непримиримом противоречии с заявлением подсудимого, что он не соприкасался с политической работой как таковой. Но кроме этого соображения мы имеем и документальные доказательства, на которых можем базироваться. Эти доказательства — дело Департамента полиции за № 202, сводка деятельности сотрудника «Портного» (кличка Малиновского), которая была представлена вице-директором департамента Виссарионовым, там говорится, что «Портной» дал обширные сведения о «деятельности русской коллегии ЦК». Чтобы дать обширные сведения, нужно знать внутреннюю жизнь ЦК. Спрашивается: может быть, вице-директор Департамента полиции Виссарионов лгал в своей сводке? Может быть, начальник Московского охранного отделения Мартынов лгал? Виссарионов был по-

слан для ревизии Московского охранного отделения; спросим себя, из каких побуждений человек, приехавший со специальной целью ревизии, будет вступать в противоречия с действительностью? Этого не могло быть по соображениям элементарнейшей логики и, конечно, сводка Виссарионова была верна. Сведения «Портным» давались издавна; это доказывает, что Малиновский многое знал и о многом уже мог информировать охранку. Зачем же он лжет нам? И это понятно: он лжет потому, что должен объяснить свой последующий переход к большевикам и придать хоть какую-нибудь окраску искренности этому переходу, оправдав дальнейшее, сделав мотивы всех последующих шагов правдоподобными; иначе—отрезывается всякий путь к отступлению...

Мы переходим теперь к основному моменту — вступлению Малиновского в ЦК (большевиков) и к выборам в Думу. Здесь— всякое лыко в строку, всякая мелочь важна для характеристики подсудимого.

Малиновский говорил нам, что его поразило предложение Лобовой ехать на Пражскую конференцию большевиков; по его словам, он лишь там впервые узнал от Ленина о том, что его намечают в кандидаты в Государственную думу. Но показания свидетелей Козлова и Плетнева утверждают, что подсудимому уже ранее было известно предложение Ленина беречь его для предстоящих думских выборов. Какие же политические, психологические или иные основания могли быть у этих свидетелей, допрошенных еще в период правительства Керенского, говорить неправду?

Обратимся к другим показаниям тех же свидетелей; они заявляют, что Малиновский входил во все крупные профессиональные объединения, был видным деятелем и находился в связи с меньшевистскими организациями; подсудимый же здесь заявлял нам, что ушел от меньшевиков, так как по существу своей натуры, по искренним своим убеждениям был большевиком. Правду ли говорит Малиновский? Или он пошел к большевикам потому, что после 4 апреля 1912 г., после Ленского расстрела, когда вздымалась грозная волна рабочего движения, уже стало ясно, что политическое будущее принадлежит большевикам? А быть может, он пошел и потому, что для охранников Малиновский был выгоднее, «интереснее» у большевиков. Я не буду утверждать, что именно эти мотивы руководили подсудимым, и на основании фактов докажу, что личная корысть играла в его деятельности далеко не последнюю роль; но что во всяком случае отнюдь не чисто классовая, инстинктивная тяга к большевикам, свойственная всякому честному пролетарию толкнула его на измену прежним фракционным друзьям и на переход к большевикам, — это не представляет для меня никакого сомнения.

*) Здесь выступает на сцену та черта характера Малиновского, которая вообще, по моему мнению, в нем доминирует и руководит им; это — самый бесшабашный и самый беспринципный, руководимый исключительно личным честолюбием а в а н т ю-

ризм. Авантюризм и беспринципность толкнули Малиновского на первую кражу, они же заставили его согласиться служить в охранке; эти же свойства толкнули его к большевикам; те же авантюризм и беспринципность заставили его затем пойти на одновременный блок и с охранкой и с большевиками, чтобы пройти в Думу. И для осуществления своей цели Малиновский не останавливается ни перед чем.

На пороге в Думу стоит... его судимость, и мы видим совместную энергичную деятельность полицейских Заварзина. Белецкого и Иванова для устранения этого препятствия; мы знаем знаменитую телеграмму директора департамента полиции Белецкого о том, чтобы «не препятствовать естественному ходу событий».

Показания свидетелей утверждают, что Малиновский все время сам проявлял упорную инициативу попасть в Думу; этого не отрицает, впрочем, и сам Малиновский Дальше идет инцидент с Ферманом: вы помните, что у Малиновского нехватало двух недель до нужного для получения права быть избранным в Думу шестимесячного ценза работы в предприятии; Ферман хотел его уволить, на чем настаивал мастер Кривов; Малиновский не остановился перед доносом и провокацией, тогда Кривова арестовали, и избрание подсудимого в Думу было обеспечено. Далее — подкуп конторщика фабрики и фиктивный отъезд Малиновского (за получением справки о несудимости), чтобы не быть рассчитанным и не потерять избирательного ценза... «Зачем, — спрашивал меня здесь подсудимый, — зачем обвинение хочет прибавлять эти мелкие факты ко всей огромности суммы моих преступлений?». Мне это нужно, чтобы показать, насколько можно верить его раскаянию; мне это нужно, чтобы показать истинную сущность этого человека; чтобы показать, что для достижения своих целей он не останавливался ни перед подкупами, ни перед подлогами, всюду, где было нужно, он пользовался доносами и услугами охранки. Все это имеет значение и цену, и на все это я прошу трибунал обратить внимание. Вот зачем мне нужны и эти мелкие, но подленькие факты.

С помощью охранки и Департамента полиции, с помощью провокации и доноса, используя и партийные и... полицейские связи, перейдя для этого к большевикам, Малиновский добился, наконец, своей цели и стал депутатом Государственной думы; с этого момента — он в этом прав — начинаются наиболее гнусные его преступления.

Какие итоги дает наш анализ его деятельности до этого времени? Представляет ли он собой человека запутавшегося и попавшего в лапы охранки? Терзается ли он своим предательством? Эти вопросы нам нужно поставить, чтобы правильно решить другие, которые следуют за ними. На все эти предварительные вопросы я отвечаю: нет и нет; данные анализа действий Малиновского говорят противное.

Человек без чести и без принципов, извращенный и аморальный с первых своих шагов, решившийся стать предателем,

как он сам говорит, «без угрызений совести»; человек, поставивший своей задачей чистый авантюризм и цели личного честолюбия и для этого согласившийся на страшную двойную игру,—человек крупный, в этом нет сомнения, но потому вдвойне, в сотню раз более опасный, чем кто-либо другой, не имеющий никаких сдерживающих центров, кроме личных целей, — вот кто был Роман Малиновский в момент своего избрания в Думу! Вот с кем предстояло теперь иметь дело русским революционным партиям, с одной стороны, и охранному отделению, с другой. Опасность Малиновского понимали сами охранники; об этом говорит Джунковский, первый решившийся ликвидировать его. В этот момент перед Малиновским была последняя возможность реабилитации путем разрыва с охранкой, ибо он был слишком крупен и связывал собой и охранку по рукам и по ногам.

Какую же позицию в эту минуту занял подсудимый?

Позвольте остановиться на показаниях жандармского полковника Иванова, что в период своих наездов в Москву из Питера Малиновский продолжал «по старой памяти» оказывать мелкие услуги охранке, сообщая сведения о московских организациях и за это получая от Иванова подачки от 25 до 50 рублей. Подсудимый отрицает их, — еще бы! Признание этого сразу сведет его с пьедестала, и из Рокамболя нашего века он опять обратится в мелкого жулика, жадного на деньги, хотя бы это были только 25 рублей. Посмотрим далее на отчеты Белецкого и сравним отчет Белецкого с расписками, имеющимися в деле. Мы видим, что в феврале в четыре дня Малиновским было получено 250—350 рублей; имеются расписки на 500—700 рублей, есть сведения и документы, что на поездку подсудимого за границу было прибавлено 100 рублей к жалованью, а рядом с этим — расписка на 50 рублей. Эти расписки подтверждают справедливость показаний Белецкого, что Малиновскому выдавались наградные за его работу. Это тоже отрицается подсудимым, — и тоже понятно, почему: наградные даются только за усердную службу, даются как оценка особой рачительности верного служаки... Какие же после этого особые «мучения и терзания» переживал Малиновский? Вспомним факты, касающиеся его несостоявшейся поездки в Финляндию, на заседание ЦК; он был командирован туда Департаментом полиции, ему были даны деньги, и расписки утверждают об этом с неопровержимой точностью. Слуга и холоп Департамента полиции, а не мучающийся своим предательством человек; слуга и холоп, не брезгающий лишним «четвертным билетом» и «красненькой», — вот черты Малиновского, которые обнаруживаются из этих фактов...

Возьмем еще одно характерное обстоятельство. Подсудимый говорит, что он никогда не отзывался дурно о В. И. Ленине и никогда никому не говорил, что Ленин — слуга австрийской полиции; подсудимый утверждает, что он никогда не нашел бы в себе силы сказать о Ленине что-нибудь подобное. Но мы имеем

противоположные показания Белецкого и Мартынова. Спрашивается, зачем стали бы они лгать? Не Белецкий и Мартынов искажали истину, — ее сознательно искажает перед трибуналом Малиновский, чтобы создать более благоприятное впечатление. Позвольте теперь перейти к его думской деятельности.

Товарищи, всем известно, что исторически еще не решен вопрос, чего больше — вреда или пользы для революции — принес Малиновский объективно своей думской деятельностью. В этом — оправдание излишней доверчивости наших партийных центров: но это не оправдание для подсудимого. Предательство им Свердлова и Кобы, предательство им наших товарищей, уничтожение нашей прессы — эти грехи подсудимого остаются только на нем и ничем не могут быть реабилитированы. Одинаково ничем не может быть заглажен и тот безграничный вред, который Малиновский нанес движению своим выходом из Думы, когда бросил всю работу партии, обманул доверие сотен тысяч рабочих, дал возможность расползтись грязным слухам о его провокаторстве, растоптал и поругал надежды и веру сотен тысяч рабочих, когда он пошатнул веру в партию и нанес удар, от которого мы все в свое время долго не могли оправиться. Быть может объективно наше счастье было в том, что предательство Малиновского раскрылось только после революции: раскройся оно в тот момент, удар был бы еще тяжелее. Но все это, повторяю, лишь объективные плюсы, и они ни в какой мере не могут смягчить вину подсудимого; обстановка же его выхода из Думы, действительная, а не выдуманная им здесь, делает его еще преступнее.

Как на самом деле осуществился выход Малиновского из Государственной думы?

Вы слышали его показания, что якобы Белецкий, зная, как Малиновский терзался своим предательством, обещал ему «отпустить его из Думы» еще за месяц до его выхода. Малиновский ушел из Думы 8 мая, следовательно, Белецкий разрешил ему уйти 8 апреля. Между тем Белецкий вышел в отставку еще в январе и никаких разрешений поэтому не мог ему давать, так как уже не состоял директором Департамента полиции. Так говорят объективные факты.

Опровергается рассказ Малиновского и показаниями сменившего Белецкого генерала Джунковского. Последний, узнав о провокации Малиновского, потребовал его выхода, решив, как он говорит, «ликвидировать этот срам»; он дал ему шесть тысяч рублей и велел убраться из Думы. Малиновский, получив деньги (он подтверждает получение), должен был уйти. Но как? Как сделать это? Ему приходилось спасать свою шкуру и итти на какой-нибудь куштюк...

Дело ускорилось, так как председатель Думы Родзянко узнал от Джунковского, что предполагавшаяся к оглашению декларация трудовиков известна охранке и сообщена провокатором.

Родзянко сообщил Геловани, а тот нашел необходимым произвести расследование. Надо было решаться! Это было как раз 8 мая, когда авантюрист Малиновский после исключения ряда членов Думы на 15 заседаний, призывал всю фракцию бросить Думу и выйти на улицу. Для спасения себя он решил залить кровью улицы!

Провокация, исключительная по дерзости, возбудившая в силу этого недоверие и... сорвавшаяся. И Малиновский разыгрывает комедию усталости и истерзанности, не посоветовавшись ни с кем, не сказав никому ни слова, он спешит в кабинет Родзянко, бросает ему заявление о выходе и... бежит из Думы.

Вот и вся картина его терзаний, его переживаний, его воплей о тупике... Тупик действительно был, но не тот политический тупик, о котором он говорил трибуналу, а тупик личный, куда его загнала двойная игра: приказ Джунковского и грозящие ужасы разоблачения.

Этим не кончилась, однако, деятельность провокатора Малиновского. В своих показаниях он говорил о том, как, приехав за границу к центрам нелегальных организаций наших партий, он первоначально хотел во всем сознаться, по крайней мере был готов сделать это, и не сознался потому, что ему... слишком верили. Он увидел, что ему верят и решил... скрывать. Он думал уехать, благо были деньги, благо охранка ему гарантировала, что никто ничего не узнает, что все бумажки сожжены. Так ли это?

Ведь мы знаем, что подсудимый уехал не подальше из России, а обратно, в Россию, поступил в армию, попал в плен и... снова, в лагере военнопленных, начал революционную работу, снова вошел в переписку с нашим центром. Не похоже это ни на раскаяние, ни на желание отойти от дела. Так было до самой революции, до разоблачения его преступной работы. Чтобы охарактеризовать до конца личность Малиновского, я позволю себе остановиться еще на одном эпизоде его деятельности в Государственной думе, без которого картина не была бы цельной.

Вы знаете, как нашим товарищам-революционерам приходилось работать в Думе и как подготовлялись все наши выступления; взвешивалось каждое слово, обдумывалось каждое выражение. Но теперь оказалось, что после нашей партийной редакции выступления Малиновского предварительно редактировались сверх того... Департаментом полиции! Там, где каждое слово было написано кровью рабочих и крестьян, грязные руки Виссарионова вычеркивали то, что не нравилось полиции, смягчали, редактировали выражения. И после такой «редакции» Малиновский выступал в Думе! Это ли не издевательство, не насмешка не только над думской работой фракции и над товарищами по работе партии, но и над кровью и потом сотен тысяч рабочих! Это — хладнокровное надругательство над святая-святых революционного движения; это — циничное, превосходящее все пре-

делы, оплевание наших целей и понесенных жертв... Этого нельзя простить подсудимому, и дела его не вяжутся с его словами о «раскаянии» и «терзании».

Посмотрите, до какой виртуозности и изобретательности доходил подсудимый в своей двойной игре; посмотрите, с каким рассчитанным хладнокровием он действовал. Наиболее трудный для него момент был при чтении декларации оппозиции в 1914 году. Декларация вырабатывалась совместно всеми оппозиционными партиями; это — не речь, произносимая экспромтом, из нее слова не выкинешь. А между тем Департамент полиции потребовал... смягчения; мало того: Виссарионов вычеркнул в декларации 15 строк. Малиновский отстаивал, сопротивлялся, понимая всю серьезность положения, но, в конце концов, принял условия полицейских.

Вы помните, товарищи, как началось думское заседание. Начинают читать декларацию; председатель предупреждает, требует не читать, угрожает Малиновскому лишением слова. Малиновский продолжает чтение, не обращая внимания на предупреждение, продолжает, провоцируя новые предупреждения, так как все его спасение в том, чтобы его лишили слова... Но этого нет... И Малиновский, как бы впопыхах, пропускает роковые 15 строк, пропускает заведомо по соглашению с охранным отделением. Только после этого Родзянко говорит: «Я лишаю вас слова». Малиновский бросает: «Лишайте», — и гордо уходит, выполнивши свой долг перед революцией и... охранным отделением.

Этого одного достаточно, чтобы подсудимый оказался сейчас на скамье подсудимых. Вот они «терзания» и «муки»! Цену им вы теперь легко можете установить...

Остается последний момент — и последний вопрос: зачем же он вернулся к нам?

Он говорит, что он знал об ожидающем его расстреле. Он говорит, что он все равно не мог бы жить среди нас, но не мог бы жить и вне нас. Это — неправда! В его фразе, что в Канаде, в Африке он мог бы, пожалуй, жить, — в ней разгадка и ответ на вопрос, зачем пришел он к нам.

Это — его последняя карта и его последний расчет. Что даст ему жизнь в Канаде или в Африке? Ведь он мог уехать туда и не возвращаясь в Россию; но жить в бесславии, влачить дни под гнетом всеобщего презрения и ненависти... А вдруг — помилуют? А вдруг — выйдет? А вдруг — удастся последний куншток? Это — последняя карта и последний риск; и старый авантюрист решил: революционеры не злопамятны, авось—выйдет!

Товарищи! Декрет о трибуналах говорит, что задача революционного трибунала—ограждать интересы революции. Я полагаю, что все мною сказанное в достаточной мере обрисовало, что представляет собой подсудимый по степени своей опасности, — и каждый из вас, кто согласится со мной, с моим анализом по-

ведения Малиновского и причин, которые опять толкнули его к нам, — каждый из вас будет далек от всяких колебаний при вынесении приговора, который неизбежно ждет подсудимого.

Человек, который нанес самые тяжелые удары революции, который поставил ее под насмешки и издевательства врагов революции, а потом пришел сюда, чтобы здесь продемонстрировать свое раскаяние, — я думаю, он выйдет отсюда только с одним приговором; этот приговор — р а с с т р е л.

Верховный трибунал приговорил подсудимого Р. В. М а л и н о в с к о г о к расстрелу.

Приговор был приведен в исполнение в ту же ночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

эпохи до 1925 года

ДЕЛО ЦЕРКОВНИКОВ

В январе 1920 года перед Московским революционным трибуналом предстали: бывшей обер-прокурор Св. синода, Московский губернский предводитель дворянства и егермейстер двора его величества, известный церковный деятель Самарин, профессор церковного права Московского университета Кузнецов, московские протоиереи Цветков и Успенский, монахи Звенигородского монастыря Савва, Ефрем и Иона, народные учителя Максимов, Яницкий и Халанский, священник Гузов и дьякон Смирнов. К делу был привлечен, но скрылся из тюрьмы путем подкупа известный черносотенный деятель времени царизма Авенир Полозов. В качестве вещественных доказательств на суде фигурировали порнографические картинки и фотографии, взятые при обыске в Звенигородском монастыре у некоего монаха Амвросия.

Обвиняемым инкриминировалось образование контрреволюционной организации под названием «Московский совет объединенных приходов», связанной с провинциальными уездными организациями того же типа, с одной стороны, и патриархом Тихоном и церковным собором — с другой. Данными предварительного следствия было установлено: 1) что указанная организация в Москве организовала добровольную вооруженную охрану патриарха, мобилизовав для этого верующих, учредив постоянные ночные и дневные дежурства в подворье и установив там электрическую сигнализацию. Если бы патриарху угрожала какая-либо «опасность» со стороны советской власти, то, по плану организаторов, охрана должна была собрать народ, всей толпой итти вместе с патриархом, куда его повезут, и просить Совет народных комиссаров не трогать «святейшего»; 2) Совет объединенных приходов распространял воззвания, призывавшие население противодействовать проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства, вплоть до призыва бить в набат при производстве описей церковных имуществ. По объяснениям подсудимых, толпа должна была точно так же «молчаливо противопоставить себя советской власти».

Следствие было дополнено делами, изъятыми из других трибуналов, в том числе делом о Звенигородском восстании летом 1918 года, делом о восстании в Павловском посаде и других, где столкновения начинались на почве проведения в жизнь этого декрета и вследствие агитации, которую местные церковники развивали среди несознательных масс населения, заканчивались умерщвлением советских работников.

Главные деятели «Совета объединенных приходов» — Самарин и Кузнецов, которые состояли членами церковного собора и Совета приходов, одновременно употребляли третий способ борьбы против советской власти — именно непрерывную подачу ей заявлений о глумлениях местных работников над церковью, о нарушениях закона о свободе совести и грубых кощунствах. Прошения эти писал обыкновенно профессор Кузнецов, он же и входил с ними в Совет народных комиссаров.

Следствие установило, что в прошениях, по которым производились расследования, действительные факты намеренно искажались, однако цель, имевшаяся в виду составителями, т.-е. дискредитирование местных работников, достигалась.

В частности, объектом одной из жалоб были действия местных властей г. Звенигорода, допущенные ими при вскрытии мощей преподобного Саввы; согласно жалобе, местные работники якобы плевали на череп Саввы, издевались над мощами и т. д. Расследованием все это было опровергнуто, и клеветники привлечены к ответственности, составив вторую группу обвиняемых в этом процессе. В нее вошли монахи Звенигородского монастыря, игумен Иона, духовник Савва и ризничий Ефрем; первый из них оказался бывшим кавалергардом, якобы отрекшимся от мира, второй старался на суде симулировать слабоумие, а третий — глубоким и почти глухим стариком, все трое были главными воротилами монастыря. В качестве свидетелей «плевания» были выставлены мальчики местной школы, не подтвердившие, однако, факта плевания. На следствии обнаружилась контрреволюционная деятельность учителя Максимова и других по организации собраний в Звенигороде, сбору подписей с протестами против вскрытия мощей и подучиванию детей к даче ложных показаний.

Третью группу обвиняемых составили московские протоиереи Цветков и Успенский и сельский провинциальный священник Тузов. Первые два — видные члены Совета объединенных приходов, наиболее видные по образовательному цензу и своей филантропической деятельности представители православной Москвы, они принимали активное участие в организации охраны и в контрреволюционной деятельности Совета объединенных приходов. Тузов обвинялся в распространении контрреволюционной брошюры Полозова и в устройстве собраний, на которых агитировал против декрета об отделении церкви. К делу был привлечен также дьякон Смирнов, состоявший рассыльным у Совета объединенных приходов, за разноску по городу пакетов получивший ¼ сажени дров.

Одним из наиболее выпуклых моментов по делу была связь Самарина и патриарха Тихона с зарубежными дворянскими организациями на Украине, установленная переписки политического содержания, и попытка Самарина нелегально перейти за украинскую границу и скрыться от советской власти, для чего он воспользовался документом на чужое имя, полученным в одном из кооперативных учреждений Москвы.

Защита, представленная лучшими силами Московской коллегии правозащитников, указывала на прошлое Самарина при царизме и его борьбу, которую он вел за очищение церкви и раскрепощение ее от власти царизма, в частности же борьбу против Распутина; в отношении Кузнецова—на его профессорскую и ученую деятельность, а также на борьбу за раскрепощение церкви, веденную им еще при царизме; в отношении Цвет-

кова и Успенского — на их безупречные репутации в церковном мире Москвы и в отношении остальных обвиняемых — на неосведомленность или непричастность их к организациям контрреволюционного характера.

Одним из интересных моментов процесса явилось случайное совпадение судебных прений сторон с моментом объявления советской властью об отмене применения расстрелов (18 января 1920 года). Требование обвинителем расстрела, невзирая на этот акт, объясняется тем, что постановление об отмене расстрела в первой своей редакции явилось ведомственным по форме распоряжением председателя ВЧК Дзержинского и не распространялось таким образом на трибунал, распространение этой правительственной меры и на трибуналы последовало только несколько дней спустя особым законодательным актом Совета народных комиссаров.

В конце судебного следствия разыгрался эпизод, на который в начале своей речи сослался обвинитель, а затем ссылалась и защита. Дан экспертом т. Галкиным (бывшим священником, снявшим рясу) объяснение по делу обвиняемый проф. Кузнецов спросил эксперта, как он, будучи сам священником, излагал прихожанам учение о мощах. Эксперт ответил: «Ни как», что вызвало одобрение и смех одной части публики и видимое негодование другой.

Дело слушалось с 11 по 16 января 1920 года.

Товарищи судьи! Последний момент судебного следствия ознаменовался эпизодом, который вызвал смех в аудитории и носил несколько комический характер. А между тем в этом эпизоде скрывается далеко не комедия, не то, что должно вызвать смех и веселость, — в нем кроется трагедия борьбы двух миросозерцаний, трагедия вековой тяжбы двух идеологий, из которых каждая воспитывалась столетиями. В настоящий момент одна из них торжествует победу над другой.

В вихре событий, при крайнем напряжении воли и всех душевных и физических сил строится молодая Россия; в эти моменты далеко не все мы и не всегда могли с должной внимательностью отнестись ко всем тем частным проявлениям общественной жизни, которые в общем и целом составляют содержание переживаемой классовой борьбы. После Октябрьской революции, когда главный враг был сокрушен, у нас не было времени, чтобы учитывать все наши победы или отдельные поражения. А в это время почти по всем трибуналам республики прокатились процессы, которые выявили одно из таких поражений и представляют собой явление, требующее глубокого внимания.

Такого рода процессы .проходили в Северо-Двинском, Тверском, Рязанском трибуналах; недавнее такое же дело — Голубцова — относит нас на далекий север. Все они—отдельные эпизоды одной и той же борьбы, которую ведут против нас представители церкви: епископы, священники, дьяконы, псаломщики, настойчиво проводящие свою линию. До сих пор мы не могли уделять внимания подобным процессам; — дело, которое рассматриваете вы, товарищи судьи, привлекло напряженное внимание всех, и в анналах русской революции и борьбы рабочих и крестьянских масс за их раскрепощение от векового гнета этому делу будет отведено соответствующее место.

С другой стороны, и внешние условия существования советской республики дают возможность обратить теперь внимание на вопросы внутреннего строительства и рядом с этим заинтересоваться настоящим процессом: в нем скамью подсудимых зани-

мают не малообразованные церковники из какого-нибудь Царевококшайска, а авторитетные представители православной церкви, освобожденной Октябрьской революцией, — люди, которые сами стремились строить новую свободную церковь, а в конкретной жизни явились руководящей пружиной выступлений против революции.

Эти выступления начались в Москве и продолжались в ряде других городов: в Саратове, Рязани, Казани, Уфе и т. д., начинаясь с единичных выходок, они разрастались в погромы, сопровождавшиеся зверскими убийствами отдельных советских работников. Вот почему лица, стоявшие у главных пружин повсеместных выступлений этого рода, привлекают сейчас к себе наше внимание.

Но прежде чем приступить к оценке отдельных действий этих лиц, нам нужно раньше разрешить самую эту вековую тяжбу, послужившую источником для всех эксцессов и зверств, и до конца исчерпать все ее «идейное содержание» Я позволю себе в качестве исходного пункта взять имеющуюся в деле брошюру Авенира Полозова. Этот последний, известный еще со времен царизма черносотенец, не пожелал сам явиться сюда, чтобы оправдать себя публично и предпочел избегнуть грибунала, действуя путем подкупа; в эпоху самодержавия он активно работал в Союзе русского народа, проповедывал еврейские погромы, а после революции принимал деятельное участие в учреждении Совета объединенных приходов вкупе с сидящими здесь подсудимыми. Эта совместная деятельность Полозова с подсудимыми дает нам право заключить и о сходстве их взглядов с положениями, которые Полозов высказал в своей брошюре.

Исходный пункт этих положений в следующем «Величие Руси отождествляется с понятием православия». Иначе говоря: «Русь велика постольку, поскольку она православна, Русь гибнет, поскольку она неправославна», или поскольку она отказывается от православия Эта мысль особенно выпукло выражается в рассуждении об отделении православной церкви от государства: такое отделение считается равносильным государственному самоубийству.

Вот основное положение той идеологии, которая ведет борьбу с нашим миросозерцанием Я не буду спорить об исторических источниках этой идеологии, хотя мог бы помочь обвиняемому, профессору церковного права Кузнецову, в его аргументации и исторических ссылках Я мог бы напомнить об Иоанне Грозном и Никоне, когда они вели в свое время «прю» на ту же тему, мог бы напомнить примеры Петра Великого и его преемников; они вели споры с иерархами, но эти разногласия всегда возникали на одинаковой почве: о праве обладания теми или другими материальными благами Но никогда у них не было спора об отказе от того орудия затемнения широких масс, которым они пользовались одинаково, — от идеи, что «царь и бог» или «бог и царь» составляют одно целое, которому все осталь-

ные должны безропотно подчиняться и поклоняться. Самой религии, как орудия угнетения и эксплоатации народных масс, самой идеологии церкви они не смели разбивать, ибо такое разрушение угрожало их собственному существованию. Тезисы, которые проводил Полозов, — те же тезисы, от которых никогда не отступали ни царь, ни церковь: «Самодержавие и православие — это одно целое». Это воззрение по существу сохраняется и здесь, на суде, обвиняемыми, потерпев лишь некоторое видоизменение; но и в их глазах — если не самодержавие, то русское государство вообще неотделимо от православия.

Наш спор с обвиняемыми касается другой области. Мы принципиально отделяем церковь от государства и не даем церкви возродиться вновь как материальной силе. В отношении же к православной церкви более чем к какой-либо иной. И вот почему наши противники посвятили значительную часть своих объяснений указаниям на недостатки декрета об отделении церкви от государства; об этом очень полно говорили и Самарин и Кузнецов, заявив: церковь свободна в советской России, и эта свобода дана для всех; но разница в том, что какое-нибудь общество лыжников или футболистов может обладать правами юридического лица, а церкви этих прав не дают, — «за что обидели православную церковь?»

Позвольте формулировать полный ответ, чтобы далее к этому не возвращаться. Основных причин такого положения две: первая — что «лыжники» есть «лыжники», а «церковь» есть «церковь», т. е. имеется глубокая разница в конструкции самих организаций; вторая причина—в том, что ст. 23 Конституции РСФСР предписывает нам лишать отдельные группы лиц и целые общественные классы прав, которые предоставлены всем трудящимся, если эти права направляются против интересов рабочих и крестьян. Вся история православной церкви сводилась к накоплению максимума материального могущества, доходившего в недвижимости до четырех миллионов десятин, не говоря о капиталах и других ценностях, хранящихся в тайниках различных монастырей. Эти ценности, как и помещичья собственность, были логически и объективно направлены к эксплоатации тех, кто работал на этих землях. Советская власть не могла, давая церкви права юридического лица, этим самым вновь создавать одной рукой то, что она разрушала другой рукой; и духовную и материальную эксплоатацию, которую осуществляла церковь, мы должны были разрушить.

Позвольте проследить, кого ставила церковь во главе духовенства даже в лучшие моменты своей истории. Я хочу называть лучшими представителями тех, кто, по определению свидетеля Бонч-Бруевича, отстаивал элементарные права на свободу мышления, из-за которых так долго боролся русский рабочий класс; такие лица отстаивали эту свободу только в области отвлеченной богословской схемы. В политике эти лучшие представители церкви были, если не прямо черносотенцами, мало чем отли-

чавшимися от профессиональных мерзавцев, которыми был окружен царский режим, то во всяком случае сопутствовали деятелям этого сорта или участвовали в организациях царского режима, которые являлись оплотом реакции. Таким было правое крыло Государственного совета, состоявшее все из высших иерархов церкви; в свое время они сплоченной группой боролись против революции, — в наше время большинство из них находится в лагере наших открытых врагов. Лучшие остались, но и они в рамках своей идеологической программы нашли возможным отстаивание только двух тезисов: один — раскрепощение церкви от власти государства, и другой — возвращение церкви прежней возможности эксплоатации путем возвращения ей прежних материальных благ, т. е. земельных поместий и капиталов, отобранных Октябрьской революцией.

Вот все, на что они оказались способны. Это — та же скорбь о прежней власти, прежнее продолжение борьбы против нас; но сейчас она воплощается в новой идеологической форме — в виде требования признания за церковью права юридического лица, в виде реакционного домогательства возвратить то, что у них отнято.

Если от этого идеологического момента обратиться к лицам, которые предъявляют эти требования и одновременно возглавляют то учреждение, в котором выразилось существование возрожденной церкви, то мы поймем, почему такова, а не иная их политическая программа Кто они такие?

Собор новой церкви возглавляют: гражданин Самарин, обладавший до революции десятью тысячами десятин земли, недвижимостью в Москве и капиталами; гражданин Олсуфьев, помещик и крупный деятель старого порядка; князь Трубецкой, граф Апраксин — также обладатели денег и поместий. это — союз крупных земельных собственников и только А раз так, ни о каких «юридических» правах такой церкви в советской России речи быть не может.

Следующая за ним организация, с ним связанная, — «Совет объединенных приходов» Один из его заправил — член Совета Емельянов, крупный торговец, с оборотом в 200 000 рублей. Рядом мы встречаем представителей класса мелкой буржуазии, лавочников, тех самых, из которых всегда рекрутировалась главная масса погромщиков; психология и социальная природа этого слоя ясна без лишних слов...

С такими организациями идейно связаны другие представители духовенства, и я остановлюсь на тех. кто занимает скамью подсудимых. Среди них — бывший кавалергард-гвардеец, который в бытность в полку не стеснялся в средствах, а потом вдруг духовно переродился, все роздал нищим и ушел в монастырь; я, впрочем, не знаю, была ли в действительности эта раздача... Рядом с ним сидит монах Савва, о котором некоторые свидетели говорили, что он него нормален, него ненормален, но во всяком случае достаточно хитер и лукав, чтобы использовать

наивность мирян; последние снабжали именно его приношениями, не принося ничего другим.

Следующая красочная фигура — это монах Ефрем, у трупов убитых советских работников служивший молебны... Ряд замыкается отсутствующим здесь «святым отцом» Амвросием с его порнографическими снимками толстых купчих во всех видах. Вот звенья этой цепи, каждое из которых принадлежит к определенному социальному слою. Что общего у всех них? — Ничего, кроме вражды к советской власти.

Невольно приходит на память другой процесс, слушавшийся здесь же в Москве [1], когда также обнаружилось соединение против революции элементов старого порядка, начиная от верхов — до самых низов, от министров и до громил, при помощи которых был инсценирован процесс Бейлиса.

Вот — социальная среда, с которой мы столкнулись в настоящем деле. Можно было бы ко всем попыткам ее представителей отнестись с безобидной усмешкой; можно было бы презрительно смотреть на их старания восстановить старые отношения и тем самым мешать нашей созидательной работе, если бы не лилась кровь от этих попыток, если бы их работа не отражалась на темпе создания новой жизни, если бы не 138 убитых коммунистов и 68 расстрелянных зачинщиков крестьянских бунтов, возникших в результате их деятельности.

Вот почему я не считаю себя вправе реагировать на их деятельность спокойной усмешкой: в наших условиях борьбы мы не должны быть неосторожными и невнимательными; мы не имеем права на милосердие и мягкость, — нет! Опыт нам показал другое и во имя охраны интересов нашей молодой советской республики наше внимание должно быть отдано оценке деятельности этих людей. И в этом суть вопроса.

Обновленная церковь возникла в период Октябрьской революции, в моменты ожесточенных схваток на улицах Москвы и Петрограда. Как бы в противовес пролетарской революции и ее идеям, в эти моменты высшего напряжения новая церковь занималась вопросами избрания патриарха как символа единоличной власти. Единоличие, прокламированное во всех постановлениях этого времени, выразило те основные устремления, которые с самого начала усвоила себе вновь организованная церковь. Затем последовала «анафема», определенная попытка сыграть на темных, несознательных массах и создать себе опору, чтобы потом открыто выступить на путь борьбы; это была первая попытка создать «государство в государстве». Когда Краснов, Деникин, Каледин и другие шли против нас и все наше внимание было направлено на борьбу, в это время церковь призывала свои организации к борьбе и сопротивлению нашим требованиям об отделении церкви.

После издания 18 января 1918 г. акта об отделении церкви

---

[1] Дело прокурора Виппера. *Примечание редакции.*

от государства было опубликовано новое постановление верховной организации церкви Оно объявляет врагом церкви всякого, кто окажет какое-либо содействие в проведении этого противоцерковного акта и грозит ослушникам всеми кадрами церкви. Это — новый призыв к прямому неповиновению и бунту

Наконец, последовало соборное постановление, излагающее инструкции о конкретных мероприятиях организационного характера создалась оформившаяся организация, которая привела в дальнейшем к Московскому совету объединенных приходских общин

Что бы ни говорил здесь подсудимый Емельянов, как он входил в Совет и какие предлагал поправки, физиономия Совета вполне характеризуется воззванием которое говорит: «Организуйтесь в союзы мирян объединяйтесь повсеместно при реквизициях церковного имущества, в крайних случаях — бейте прямо в набат» Это послание прошлось по всей республике, докатилось до Твери, Тамбова, Сольвычегодска «Бейте в набат»— так писали в Москве, — а набатный звон церковных колоколов раздавался по всей России

Мои оппоненты могут возразить: если воззвания были преступны, то почему же не привлекают тех, кто издавал их? Я отвечу дело о главных виновниках[1] закончено и остается только переслать его в революционный трибунал, и только исходя из тех же принципов, которые изложены в декрете об отделении церкви от государства, из принципов бережного отношения к недостаточно ясному сознанию широких рабоче-крестьянских масс еще находящихся под влиянием клерикальной пропаганды, мы оставляем этих людей наших классовых врагов, пока в покое; мы зорко смотрим за их деятельностью, и только из бережного отношения к массам мы не даем направления нашим актам дознания Но это — наше дело, дело нашей политики, и не вам ее здесь обсуждать

Переходя к изучению результатов этой пропаганды, я не могу согласиться с тем что 139 расстрелянных и убитых в результате пропаганды не имеют отношения к данному делу, как пыталась утверждать защита Но пусть так Будем говорить о том, что непосредственно относится к этим обвинениям,—о Звенигородском восстании поскольку звенигородские «деятели» сидят перед нами

Данные следствия неопровержимо указывают, что это восстание произошло не на почве голода, а было организовано определенными группами лиц Свидетель Макарий показал, что он хорошо знал об имевшемся предписании относительно набатного звона, об этом знал и Державин сегодня на суде изменивший показания, которые он давал ранее, и этим показавший, что он целиком находится во власти опутавшей его церковной клики Звенигородское восстание является чрезвычайно показа-

[1] Речь идет о патриархе Тихоне *Примечание редакции.*

тельным: сначала — убийства и трупы, а затем — благодарственные молебны, которые служил отец Ефрем.

И Звенигородское восстание было не единственным; за ним следовали восстание в Павловском посаде и целый ряд других, и везде роль церковников сводилась к лицемерию, лжи и открытому обману. Только сплошной софистикой я могу назвать все, что говорили тут обвиняемые, стремясь оправдать действия толпы и собственные поступки. Понимать набатный звон как призыв к толпе спокойно воздействовать своей многочисленностью на представителей власти, когда те будут производить опечатание церквей, — так может понимать звон только наивный ребенок. Если в деревне ударят в набат и соберется все население с топорами и дрекольями, во главе с пастырями, которые собрали это население для защиты церкви от посягателей-большевиков, то разве эта толпа станет мирно просить представителей советской власти уйти? А если эти представители не уйдут и захотят приступить к описи храма и его имущества, то разве толпа станет молчать? Конечно, нет; непосредственным результатом будут выступления толпы с кольями, убийства и кровь.. Вот к чему призывали господа Самарины, Успенские, Цветковы и компания, эти представители церкви, привыкшие красиво говорить о всепрощении.

Та же фальшь, те же обман и софистика обнаружились здесь в аргументах по вопросу об охране патриарха Какие-то «четверо», одетые в красноармейскую форму, убили в Киеве митрополита; кроме того, многих священников арестовывают за исполнение распоряжений патриарха, почему можно опасаться, что власть обратится и непосредственно на самого партриарха; по этим причинам, как говорят обвиняемые, «Совет объединенных приходов» установил добровольную охрану патриарха. Для этого была проведена мобилизация мужского населения от 40 до 80 лет и учреждены постоянные дневные и ночные дежурства в подворье патриарха, с инструкцией: в случае дерзновенного посягательства на его особу опять-таки ударить в набат, собрать по телефону или другими путями толпу и... итти просить не трогать патриарха, чтобы дойти хотя бы до Совета народных комиссаров.

Что это? Политическое невежество или политический расчет? Лицемерие или грубо задуманный замысел?

Вспомним, далее, знаменитый крестный ход, нето 28 марта, нето 28 мая, с не менее знаменитым чудом у Иверских или у Никольских ворот, когда толпа говорила: «Вот, в наказание за грехи разодралась завеса». Если бы в этот момент советской власти пришлось в виде акта самообороны принять какие-нибудь меры против явных бунтарей, поднимающих рабочие массы против рабочей власти, и в этот момент раздался бы набат, — то разве все кончилось бы только крестным ходом?

И когда Самарин, политический деятель, проведший всю жизнь на службе царскому режиму и видевший воочию все дела

царских палачей и опричников, когда он говорит о намерениях охраны только «просить» за патриарха, — можно ли ему поверить? Можно ли говорить, что дежурства устанавливались только для общения с патриархом и бесед с ним за чашкой чая? Разве для чаепитий устанавливалась электрическая сигнализация и существовало условие о набатном звоне? Для чего эти насмешки и издевательства? Можно еще понять, когда так пишется на бумаге, которая может попасть на глаза кому не надо; но когда это повторяется здесь, перед тысячами людей на глазах, я должен спросить: над кем вы смеетесь? Это тоже попытка эксплоатации народной темноты! Представители класса помещиков, уничтоженного нами, не в силах забыть о потере 10 000 десятин земли и пытаются действовать теперь другими путями, — и только.

Когда вы, гражданин Самарин, говорите мне, что отнятие у вас земли для вас несущественно, то я покажу вам ваш же документ — письмо; в нем вы пишете Карпову, другому представителю дворянского Совета, уехавшему на Украину, что ему следует только посоветоваться с украинскими дворянами об общем их положении. И только! Как будто ничего особенного! Но ваше письмо подписано «председатель объединенного Совета дворянских обществ», дата 18 июня 1918 г. Вот когда у нас существовали председатели дворянских обществ, — мы благодарны ВЧК за такое открытие! Мы думали, что уже справились с дворянами, а оказывается, что они еще есть. В своем письме вы пишете: «Когда будете на Украине (а она находилась тогда во власти Скоропадского), если представится возможность, соберите там остальных членов Совета и устройте совещание по вопросам, которые трактуются патриархом Тихоном в его послании по поводу Брестского мира», — т. е. по вопросам явно политического характера. Я утверждаю, что этот документ констатирует живучесть дворянских классовых организаций; он обнаруживает, что эти организации имели сношения с зарубежными контрреволюционерами по политическим вопросам и были связаны с ними политической борьбой; эта борьба естественно направлялась против нас, ибо других вопросов Украина Скоропадского не выдвигала; вот что означает это письмо.

Вы говорите, гражданин Самарин, что просто хотели знать, как думают другие дворяне о немецкой ориентации. Но тогда причем тут Тихон, если только он не ваш политический единомышленник? Вы говорите, что стояли на точке зрения антинемецкой ориентации и не знали, каково мнение украинских дворян. Но зачем вам нужно было это знать? Простое ли это любопытство, или осведомление классовых единомышленников? Что должно было последовать выводом из этого ознакомления? Не совместные ли действия, направленные против советской власти? Ведь не будете же вы доказывать, что украинские дворяне были благожелательно настроены по отношению к советской республике, такого вздора никто не посмеет утверждать.

Вы говорили, что и некоторые представители советской власти к Брестскому миру относились отрицательно. Да, левые эсеры тоже были против. Но когда, вопреки воле трудового народа, в тот момент избравшего политику Бреста, возникло авантюристское выступление левых эсеров, мы справились с ними вооруженной рукой, и только потом революционный трибунал амнистировал некоторых, памятуя их заслуги в прошлом. У вас этих заслуг прошлого нет; поэтому при оценке ваших выступлений против Брестского мира и ваших сношений с украинскими контрреволюционерами мы будем стоять на нашей классовой точке зрения и, только исходя из нее, расценим вашу деятельность.

Таковы факты: такова была реальная политика руководящих слоев прикрытая словами о «свободной» церкви. Позвольте перейти к детальной характеристике обвиняемых, осуществлявших эту политику через «Совет объединенных приходов».

«Совет» составился из элементов чрезвычайно разнородных. С одной стороны, гражданин Самарин, бывший обер-прокурор Святейшего синода, уездный и губернский предводитель дворянства, он же камергер, он же егермейстер, имевший право входа к бывшему царю,— это первый персонаж среди этих лиц. Другой—философ Рачинский, который по данным экспертизы оказался алкоголиком. За ним — священник Полозов, организатор и участник многих черносотенных обществ. Рядом—Кузнецов, проповедник свободы совести, участвовавший в том черносотенном съезде, который принял постановление лишить евреев последних остатков тех гражданских и политических прав, какими они еще могли пользоваться при царизме. Затем — Цветков и Успенский первый из них крупный общественный деятель, быть может, лучший из тех, кого могло дать духовенство, филантроп, результатом деятельности которого явились, однако, кровь и убийства... Это основная группа обвиняемых.

Гражданин Самарин являлся наиболее видным деятелем приходского Совета, занимая пост его председателя, и входил в соприкосновение с самим патриархом; он состоял и членом церковного собора. От Самарина исходили не только основные организационные акты, но и заботы о подыскании канцелярии; он руководил всей жизнью Совета. Тот же Самарин входил в состав депутации, которая посылалась Советом объединенных приходов в Совет народных комиссаров и в своем постановлении черным по белому написала: наши действия ни в коем случае не должны означать признание власти народных комиссаров, а означают только, что мы считаемся с ней как с фактической властью, захватившей церковь. Самарин взял на себя представительство в Совнаркоме от Совета объединенных приходов и цинично обманул доверие тех самых народных комиссаров, которые, по собственному признанию Самарина, встретили его с возможно большей предупредительностью и готовностью итти навстречу; явившись к ним и сохраняя в кармане резолюцию о непризнании их полномочий, он обманул их, и этот политический

поступок отлично характеризует как Совет объединенных приходов, так и самого Самарина. Степень участия Самарина в деятельности как собора, так и Совета и вне Совета выяснена, и я полагаю, что и вопрос о степени опасности Самарина одинаково ясно для трибунала решен.

Обращаясь к деятельности гр. Кузнецова, я полагаю, что и при ее оценке трибунал станет на точку зрения простого здравого смысла. Кузнецов уверяет, что согласился принять участие в работе Совета объединенных приходов только потому, что его сугубо об этом просили, и бывал в Совете всего один или два раза; в унисон с ним это повторяют и Успенский, и Цветков, и Самарин, и свидетель — явный его соумышленник — Громогласов. Несет ли Кузнецов ответственность за деятельность Совета? Если считать, что юридически он не отвечает за нее, то нельзя забывать, что Кузнецов состоял членом собора, ответственным за все его постановления, и членом той же депутации в Совнарком; вполне понятно, что он не мог не знать и всей деятельности Совета объединенных приходов. Более того, нельзя говорить, что деятельность собора и деятельность Совета объединенных приходов — различны; на заседаниях трибунала и документами и свидетельскими показаниями установлено, что и та и другая деятельности — одинаковы, они едино суть, их ни водой не разольешь, ни огнем не разделишь. В известной степени они и персонально сливались, так как и Самарин, и Кузнецов входили в обе организации, а следовательно, разделять их деятельность нельзя.

Революционный трибунал никогда не выделяет на первый план формальных моментов; для нас достаточно нашего здравого смысла, реального понимания вещей и нашей совести. И революционная совесть говорит нам, что с точки зрения интересов революции мы должны действовать, имея в виду наиболее желательные для рабочих и крестьянских масс результаты. Вот почему мы не можем разделять деятельность собора и Совета объединенных приходов и выделить Кузнецова из числа преступных руководителей Совета.

Я перехожу к другой стороне деятельности Кузнецова, которая наглядно проявляла иезуитскую черту всех церковников. С одной стороны, проповедывался набатный звон и провозглашалась анафема всем, кто будет проводить декреты советской власти, а с другой стороны, посылались депутации в Совет народных комиссаров... Всякий поймет, что к наркомам шли не затем, чтобы агитировать среди них, в этом не станет уверять нас и гражданин Кузнецов, нет: Кузнецов, не только профессор, но и юрист, шел в Совет народных комиссаров «искать правды», подавать жалобы. Но если вы, гражданин Кузнецов, всегда ходили в Совнарком с тем, с чем ходили по делу о мощах преподобного Саввы, то не правды вы искали!

По делу об этих мощах Кузнецов подал жалобу, что при вскрытии их происходили кощунства, что коммунисты плевали

и курили, как об этом писал подсудимый Иона; отметим заявление Ионы, что по его пониманию кощунство было в том, что при входе в алтарь не совершали крестного знамения. В своей жалобе Кузнецов заявлял, что члены Чрезвычайной комиссии брали в руки череп Саввы и плевали на него, а Иона категорически заявил, что не может себе представить большей корректности, чем та, которую проявила Чрезвычайная комиссия. В этой жалобе виден все тот же прием церковников, о котором я уже говорил: та же фальсификация и обман.

Подобными методами действовал Кузнецов, в то время как его соратники действовали набатом или перепиской с украинскими дворянами...

Свидетель Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, рассказал нам, как он производил прием жалоб, в том числе и жалоб Кузнецова. Мы видели, что зачастую он не мог внимательно ознакомиться с жалобой, а жалобщикам этого сорта часто и было важно только подать жалобу, чтобы была положена пометка «необходимо произвести расследование», и затем потребовать объяснения. В результате этого в местном населении распускались слухи: едет ревизор из Москвы, насчет кощунства, будет ревизия, и цель жалобщика легко достигнута: местные деятели уже дискредитированы, местная работа заторможена, а реакция в выигрыше. Эта особая система дезорганизации советской власти была специально возложена на Кузнецова.

На судебном следствии мне возражали: «Жалоба — это священное наше право». — «Добросовестная», внесу я поправку, а вы должны были знать о недобросовестности жалобы, и свидетельство Ионы достаточно доказывает это.

Возьмем другой случай, другую вашу жалобу: вы писали, будто комиссары собирали детей и заставляли их голосовать, есть бог или нет, а когда одна девочка побежала молиться в церковь, ей потом не дали обедать; в той же жалобе говорится, что монахинь запирали в кельях и не выпускали. Гражданин Кузнецов восклицает по этому поводу: «Советская власть возрождает худшие времена крепостного права!» Но после расследования оказалось, что никакого голосования не было, никакой девочки без обеда не оставляли, и запирали не кельи монахинь, а монастырские дворы, потому что те же монахини растаскивали из монастыря имущество и потому что там находились продукты в количестве более разрешенного. Эту жалобу, измышленную от начала до конца, защищал гражданин Кузнецов, и в этих действиях я вижу определенный метод борьбы, направленный к дискредитированию местных работников и к обману центральных учреждений.

Впрочем, гражданин Кузнецов был готов именно к такого рода деятельности: человек, который в период царского режима читает доклад на черносотенном съезде, а после революции прокламирует свою лойяльность к советской власти, такой человек является насквозь фальшивым. На вопрос о характере деятель-

ности Кузнецова не может быть двух ответов: об этом говорят и тот уклад, которого он был представителем, и программа тех требований, которые он развертывал. Гражданин Кузнецов—это политический вьюн, лишь с виду приспособляющийся к господствующему теперь порядку; и если он, человек тесно связанный со всей этой классовой организацией и играющий в ней одну из главных ролей, получит возможность и в дальнейшем проявлять свою деятельность, это может грозить тяжелыми последствиями для советской власти. Полное изъятие гражданина Кузнецова из общества — вот акт нашей необходимой самообороны Еще не все опасности изжиты, еще связь враждебных нам классовых организаций не уничтожена Когда подобные Кузнецову господа, прячась за свободу общегражданских прав и за свободу религиозной пропаганды, на деле издают листки с призывами к преступным в отношении советской власти действиям, тогда революционный долг трибунала — проявить к таким Кузнецовым полную безжалостность. Пусть отметит это себе гражданин Кузнецов!

Обвиняемые Успенский и Цветков — далеко не рядовые члены организации церковных приходов, но все же после охарактеризованных мною двух главных воротил они являются деятелями второстепенными. И они, как принимавшие непосредственное участие во всей работе Совета объединенных приходов, должны нести такую же ответственность, хотя, быть может, квалифицированную в меньшей степени. За свою деятельность, имевшую в основе противодействие распоряжениям советской власти, за призывы к неповиновению, которые закончились убийствами, истязаниями, ненужными жертвами и кровью, — за все это они должны понести ответ

Что касается дьякона Смирнова, то я колеблюсь Ему было угодно разыграть здесь дурачка, который за ¼ сажени дров бегал и разносил пакеты, а в собраниях не участвовал, присутствуя лишь мельком. Может быть, это и так, но нельзя забывать и следующее: Смирнов—деятель той же церковной иерархии, хотя и низшего звания, являющийся орудием, а не вождем, и олицетворяет те же стремления, что и руководящие верхи; он осуществлял ту же деятельность, не так глубоко, быть может, ее оценивая и понимая. Относительно Смирнова вы, товарищи судьи, остановитесь на минимальных мерах наказания, и я полагаю, что таковой должна явиться изоляция с применением амнистии и с зачетом 5 месяцев заключения. Этого будет достаточно, чтобы он не продолжал далее деятельности по разноске контрреволюционной корреспонденции за ¼ сажени дров.

Иначе, думается мне, должен трибунал отнестись к гр. Тузову. Когда он давал здесь свои объяснения, то его можно было принять за наивного агнца, но чтение документов убедило меня в ином. Здесь обнаружилось, что Тузов распространял контрреволюционную брошюру Авенира Полозова и, кроме этого, присутствовал на собрании, где были определенные антисемитские

выступления и обсуждались способы борьбы с властью, в конце-концов, собрание признало, что борьба проиграна, но это не от Тузова зависело. Поэтому Тузов представляется мне опасной фигурой, и я полагаю, что заключение в концентрационный лагерь, пока не минет пора опасностей для советской республики, — вот необходимая мера для наказания гр. Тузова и великолепное лекарство для излечения его от рассуждений о том, как не проводить декреты власти.

Что касается подсудимых, относящихся, по выражению одного из защитников, к категории «плевальщиков», то они делятся на две группы: их трое светских и трое духовных. Учителя Яницкий и Халанский уже получили достаточный урок. Свидетель Кондратьев показывал, что в области своей профессиональной работы они были все же полезны как преподаватели порученных им наук; это дает мне основание выразить уверенность, что нет необходимости применять к этим обвиняемым строгой репрессии и длительной изоляции. Достаточно кратковременного пребывания еще в одиночестве для дальнейшего осознания всего, что им пришлось здесь видеть и слышать.

Я не могу, к сожалению, отнестись так же и к Максимову. Он представляется мне сознательным и злостным контрреволюционером, сыгравшим во всей звенигородской истории активную роль: он был редактором постановлений церковной общины. С точки зрения революционной целесообразности гражданин Максимов не должен быть оставлен на свободе, он заслужил содержание в концентрационном лагере.

Я перехожу к основным обвиняемым второй группы: к Ионе, Ефрему и Савве. Ефрем участвовал в контрреволюционном звенигородском движении и служил во время его молебны. Принимая во внимание, что этот полуглухой, полуслепой человек едва ли может принести вред, я не настаиваю на применении строгих мер и полагаю, что в отношении его возможно полное освобождение от наказания.

В отношении двух других подсудимых этой группы я никоим образом не могу стоять на такой же точке зрения. Я должен подробно остановиться на вопросах следственного характера, так как полагаю, что защита будет атаковывать, главным образом, с этой стороны, доказывая, что «плевание» имело место. Позвольте установить определенный критерий для оценки улик; показания той и другой стороны не могут послужить нам материалом, на котором было бы возможно базироваться с уверенностью. Савва заявлял, что плевали, а другие заявляли, что не плевали. Нужны объективные улики для решения вопроса, и я попытаюсь их найти.

Как было дело? По словам Ионы, когда в церковь пришли представители власти, то Ефрем и другие были в облачении; пришедшие потребовали вскрытия мощей, тут говорили, будто бы было сказано: «Скорее поворачивайтесь», — но Ефрем категорически отрицает эту фразу. Иона говорит далее, что в цер-

кви курили и плевали, и рисует ряд возмутительных действий, доходя до сообщения о «плевании».

Посмотрим, что говорят объективные улики. Когда Иона вошел в алтарь, там уже находились Ефрем и другие. Ефрем показал, что он в алтаре не был, а с другой стороны мальчики Покровский и Халанский пишут, что к Ефрему подошел человек, который взял у него череп от мощей и плюнул. Одно из двух: или Ефрем лжет или мальчики лгут. Далее говорится, что этот человек обращался к Ефрему, но мы знаем, что Ефрем ничего не слышит и говорит в трубку. Вот два объективных момента для оценки достоинства этих показаний.

Возьмем версию по этому же вопросу, сообщенную обвиняемым Максимовым. Он говорит, что среди учеников начали ходить слухи о «плевании», он призвал к себе распространявших (это было через 1½ месяца) и, чтобы в случае чего иметь письменный документ, сказал: «Напишите». Мальчики говорят, что он их убеждал, вам ничего за это не будет. Вполне понятно, что когда их допрашивал следователь Шпицберг, они чувствовали за собой ответственность и показали все так, как и было в действительности. Пытаясь объяснить, почему при допросе следователем мальчики отрицали «плевание», один из защитников пытался говорить насчет слез ребят при допросе, а другой упирал на то, что при допросе присутствовало 15 человек; были, наконец, соображая о неправильных приемах и запугивании со стороны следователя. Позвольте обратить это против вас самих. С вашей точки зрения мальчики были запуганы потому, что тут было еще 15 человек и «высшее начальство», но можно ли допустить, чтобы присланный из центра следователь, в присутствии 15 человек местных работников, решился на незаконное действие?

Когда перед трибуналом станет вопрос, кому поверить в «плевании»: Савве и мальчикам, когда последние подали письменное заявление, или показанию тех же мальчиков у следователя и единодушному заявлению присутствовавших в церкви советских работников, причем последнее подкрепляется и объективными данными, — тогда, я полагаю, трибунал будет знать, кого считать правым и на чью сторону склониться.

Вопрос о степени виновности Саввы и Ионы, главных деятелей, совершенно ясен, подходя к определению возмездия, я думаю, что Савва должен быть подвергнут изоляции до конца гражданской войны Ионе я полагал сначала требовать более строгого наказания как игумену, игравшему, несомненно, в этом деле крупную роль, но, принимая во внимание объективный материал, считаю возможным применение одинаковой меры наказания, заключив обоих в концентрационный лагерь до конца гражданской войны

Резюмируя сказанное, я полагаю, что революционный трибунал, опираясь на данные следствия, прошлую деятельность подсудимых и участие их в настоящем деле, согласится с моим определением.

Гражданин Самарин представляется мне явным, открытым классовым врагом РСФСР, определенным противником советской власти, и вопрос о мере возмездия может трактоваться в отношении Самарина только как в отношении нашего классового врага. Поэтому, каковы бы ни были индивидуальные качества гражданина Самарина, к нему может быть применим только один метод оценки: это — оценка с точки зрения классовой целесообразности. Вы не забудьте и намерения гражданина Самарина пробраться с чужим паспортом на Украину, как он хотел это сделать, взяв паспорт у кооператора; это нам показало, что связи у председателей дворянских обществ имеются и в советских организациях.. В тяжелый момент, который приходится переживать Деникину, ему важна помощь тех деятелей царского режима, которые стояли левее других, а в особенности имели дерзость в свое время бороться против Распутина; Самарин был бы желанным гостем для Деникина. Исходя из всех данных прошедшего и настоящего, относясь к гражданину Самарину как к деятелю царского режима, как к деятелю контрреволюционной организации, как к организатору сообщества, результатом работы которого были убийства и кровь, как к человеку, в отношении которого нет никаких гарантий, что он в какой-либо мере прекратит свою деятельность (ибо отлично известно то упорство, с которым борются за свои привилегии эти люди), — я заявляю совершенно спокойно: вопрос о полном уничтожении гражданина Самарина и его расстреле является революционным долгом и для меня представляется единственно правильным приговором.

Точно так же в отношении гражданина Кузнецова я не вижу тех моментов, которые могли бы остановить руку правосудия. Если бы даже полагать, что укрепляющееся положение республики устраняет непосредственную опасность от таких лиц, все же мне представляется несомненным, что в этот период созидательной работы, к которой мы теперь только сможем, наконец, приступить, — в этот момент чистка авгиевых конюшен проклятого старого режима от старых деятелей-хамелеонов, этих недобросовестных и иезуитски двоедушных деятелей старого порядка, является требованием революционной необходимости.

Что касается гр Успенского и Цветкова, я полагаю, что они должны быть изолированы до конца гражданской войны, так же, как Иона и Савва.

Для дьякона Смирнова понесенное им заключение уже достаточно, и я считаю, что от дальнейшего наказания его можно освободить; в отношении гражданина Максимова заключение на пять лет является совершенно достаточным сроком для временного его обезвреженья. В отношении Халанского и Яницкого думаю, что трибунал применит амнистию, признав преступление доказанным, и предоставит им возможность загладить свою вину работой на том поприще, к которому они окажутся способными. Относительно Тузова я предложил бы трибуналу заклю-

чить его в лагерь до конца гражданской войны, либо определить тот или иной непродолжительный срок, может быть, в два года, применяя все предыдущие амнистии. Я кончил. Дело теперь за губернским трибуналом.

(После речей защиты)

В течение нескольких часов подряд я слушал речи семерых моих противников и невольно задумался. Странный факт произошел здесь у нас на глазах, странный сдвиг в психике защиты. Они ярко демонстрировали и подчеркивали, что не разделяют известных принципов, — и тем не менее достаточно им было в течение пяти дней просидеть в рядах церковников, чтобы и в их речах зазвучала елейность церковных речей.

Я начну с речи защитника Брусиловского. Не только вся его речь прониклась этой елейностью, но он нашел необходимым привести и массу цитат из священного писания. Он совершенно забыл, что имеет здесь дело с революционным трибуналом, рассматривающим судебный процесс, целью которого является борьба с нашими противниками, и рассматривающим его только с точки зрения революционной целесообразности. Если эта целесообразность потребует, чтобы карающий меч обрушился на головы подсудимых, то никакие цитаты из священных писаний и никакие убеждения словом не помогут. И только с этой точки зрения и нужно подходить к вопросу.

Постановлением ВЧК, актом сегодняшнего дня об отмене расстрелов как высшей меры наказания советская власть гордится. Это — единственная в мире власть, которая исключительные меры борьбы допускает только в исключительное время. Акт об отмене смертной казни есть лишь доказательство того, что контрреволюционный фронт усилиями рабочих и крестьян разбит; но не должно думать, что советская власть будет относиться благосклонно к бандитам, под каким бы флагом, хотя бы спекулятивно-религиозным, они ни дерзали вперед выступить против пролетарской революции. Это постановление об отмене смертной казни до известного времени еще не обязывает нас считать, что вопрос об отмене расстрелов разрешен раз навсегда. Вот наш первый критерий, из которого нам следует исходить, и этот критерий будет проводиться определенно во все времена советской власти.

Если же так ставить вопрос, если с этой точки зрения подходить к рассмотрению всей совокупности обстоятельств, то нужно смотреть не только на арифметическую совокупность деяний, что так усердно подчеркивает защитник Липскеров, указывая, что в каждом из этих деяний подсудимых нет ничего, за что нужно было бы опустить на голову карающий меч, здесь должна быть принята во внимание вся их органическая совокуп-

ность. Мы охраняем себя не только от прошлого, но и от будущего. Когда мы выдвигаем наше обвинение против представителей класса, который имел громадное влияние на сознание масс и в течение многих веков тяготел над этим сознанием, то нельзя говорить, что мы имеем дело только с отдельными фактами. Возьмите брошюру Полозова и прочтите, что там говорится в отношении революционной власти, возьмите все заявления высшего духовенства, и вы увидите, что многократно и разнообразно повторяется там одна классическая фраза: «Русь могуча и богата, потому что она богоносная Русь». Эти представители высшего духовенства представляют себе государство и религию неразделимо цельными и связанными. Эти деятели стремятся организовать государственную жизнь так, чтобы власть была насквозь пропитана религиозной идеологией церкви.

Для нас главная сущность нашей работы есть стремление создать на земле, а не на небесах, как это следует по церковной идеологии, мир и блаженство. Религиозная идеология — наш враг, ибо мы поставили себе целью свержение всех прежних кумиров, всех прежних фетишей. И с этой точки зрения борьба с вами, которые пользуются всеми средствами, чтобы проводить свою проповедь, и угрожают, что все неповинующиеся вам понесут кару в загробной жизни, — эта борьба для нас является центром. Мы представители многомиллионных серых трудящихся крестьянских и рабочих масс; для нас с вами не может быть никакого примирения, и не словами о всепрощении должно окончиться настоящее дело. Единственный его исход—полное уничтожение идеологии представителей той стороны, которая пользуется еще неизжитыми предрассудками для подчинения себе масс.

Здесь для нас центр всего, а не изолированные, вне этой точки зрения взятые, деяния Кузнецова, Самарина и других. И когда мы подходим с этой точки зрения к обвиняемым, то сталкиваемся здесь с определенными носителями определенных идей; мы сталкиваемся с церковно-политическим штабом, который, прикрываясь лойяльностью, добивается определенных целей. Когда мы ставим вопрос прямо, то мы обнаруживаем с их стороны вполне определенные акты борьбы классовых врагов. И вот, исходя из этой точки зрения, мы не можем не притти к тому, о чем сейчас так хитро, так остроумно и так лицемерно умалчивал один из защитников: он не назвал Тихона бунтарем исключительно потому, что те воззвания, которые распространялись, воззвания об анафеме советской власти и ее работникам, грозят только лишением блаженства и милости бога. Защитник далее заявил, что он находит вполне легальными и лойяльными действия церкви и даже брошюру Полозова; это — «только свободная религиозная пропаганда». Интересно, что они говорят в их свободной религиозной пропаганде; они говорят: «Восстаньте и сплачивайтесь хотя бы при помощи набатного звона» Результаты этой пропаганды продемонстрировал свидетель Громогласов, который заявил, что он готов лечь грудью за патриаршее

дело. Поляжет ли костьми профессор Громогласов за дело трудящихся? Я думаю, что не вам, прослушавшим здесь все это дело, в течение пяти дней изучившим все материалы этого процесса, пойти на удочку подобных заявлений.

В защиту Кузнецова защитник привел цитату, в которой Кузнецов отстаивал сношения с комиссарами и заявлял, что с советской властью нужно считаться как с фактической правящей властью. И это говорится в защиту Кузнецова! А между тем эта резолюция собрания Совета объединенных приходов была принята в том единственном смысле, что ни в каком случае не нужно считаться с представителями советской власти как с легальной властью, а считаться с ними только как с властью фактической. Надо вопрос брать так, как он есть. Нужно спросить гражданина Кузнецова, признает ли он общую линию политики советской власти, признает ли он ее или отрицает, относится положительно или осуждает? Нужно ли бороться против поведения патриаршества, святейшего синода и всей клерикальной партии, или же, наоборот, нужно придерживаться прежнего взгляда? И на этот вопрос гражданин Кузнецов должен ответить или да, или нет. Никаких компромиссных ответов, никаких полуответов и уклонений быть не должно. Если мы просмотрим все дело, мы нигде ни намека не найдем на этот положительный или отрицательный ответ, который должен был бы дать Кузнецов. Но всякий человек, стоящий на стороне, противоположной нашим классовым интересам, является нашим врагом.

Так же дело обстоит и относительно Самарина. Тот апофеоз, который мы выслушали от защитника Липскерова, меня убедил в полной правильности моего требования применить высшую меру наказания. Когда нам приходится сталкиваться с такими преступниками или противниками, как Савва и Иона, — это дело одно; когда говорится о политическом вожаке, тогда вопрос резко меняется. И вот мы сейчас спрашиваем: чем себя проявил Самарин? Акты его деятельности и его поведения таковы, что сделать вывод о его лойяльности очень затруднительно, и мы делаем наши определенные выводы и заключаем, что вся природа его деятельности была и будет направлена во вред Советской республике, а вся его прошлая деятельность говорит за то, что этот человек чужд нам; он наш враг в нашей классовой борьбе. Вся прошлая деятельность характеризует его, и нельзя рассчитывать, что он откажется от своей политической борьбы, в которой достаточно себя проявил. Я уже не говорю о его близких отношениях к патриарху Тихону и его обращении к помощи дворян по ту сторону рубежа.

Мы имеем дело не с безвольным членом известной партии, которому внушены определенные идеи, а с классовым врагом, может быть, и не выявившим свое жало и свои острые когти. Нам говорят, что ВЧК отпустила Самарина. Но я должен сказать, что этот акт со стороны ЧК еще не является для него амнистией на вечные времена. Ничего подобного! Из какой су-

дебной практики вы почерпнули это? Революционный трибунал может во всякое время применить к нему ту меру, которую найдет нужным. Но когда нам начинают вспоминать о временах царского режима, когда начинают говорить о лицах, которые во времена этого режима проявили максимальную силу духа в борьбе с режимом, и говорят, что даже если они и преступны перед нами, то все-таки мы должны принимать во внимание их прошлое,—я спрошу: «Какую силу духа в этом отношении проявил гражданин Самарин?» Если говорить о том выступлении перед Николаем, которое Самарин сделал по поводу Распутина, или о том, что он ушел из Синода, то я не легко увлекающийся человек и хорошо помню басню Крылова: там говорится о змее, которая забралась к крестьянину с предложением няньчить его детей... И я не могу поверить, что гражданин Самарин, поскольку он дворянин и представитель старого порядка, помещик, владеющий десятью тысячами десятин, поскольку он бывший уездный и губернский предводитель дворянства, поскольку он бывший член судебной палаты и обер-прокурор Синода, чтоб он мог состоять в одном с нами лагере. Поскольку он был представителем старого строя, постольку он и останется им в борьбе с нами—рабочим классом. Для нас совершенно достаточно и того акта, что Самарин в тяжкое время борьбы пролетариата с царизмом состоял председателем судебной палаты, в которой рабочих и крестьян осуждали на вечную каторгу, и теперь мы не станем с ним сентиментальничать.

Я думаю, что этого вполне достаточно. Я вчера утверждал вполне определенно как установленный процессом факт, что Самарин в своей атмосфере нашел бы себе тот почет и то уважение, к которым он привык. Что представляет собой его борьба с Распутиным, мы касаться этого не будем, потому что для нас, рабоче-крестьянской власти, было решительно безразлично, кто бы из них кого победил — Самарин ли Распутина или Распутин Самарина. От этого решительно ничего не изменилось бы, точно так же, как мало изменилось для рабочих в свое время от объявления «весны» Лорис-Меликовым или Святополк-Мирским. Для нас все эти факты совершенно не важны, и для нас эти расчеты никогда никакой роли не играли.

Мы не будем оценивать Самарина с этой точки зрения, а оценим его с точки зрения того класса, представителем которого он является, и с точки зрения той деятельности, которую он проводил или будет проводить после. Моего мнения по поводу гражданина Кузнецова, Самарина и прочих не могли поколебать блестящие доводы их защиты, и я сегодня так же, как и вчера, определенно настаивал бы на высшей мере их наказания, на расстреле.

Что касается остальных, то я не считаю нужным повторять всего того, о чем мы говорили в течение пяти дней. Повторять весь этот уже изученный материал и говорить о том, кто, когда, куда пошел, как говорил защитник Фальк, я считаю совершенно

излишним. Но так как защитникам угодно было поверить, что факт плевания на мощи был, то и я могу взять на веру показания свидетеля Бигачева, который заявил, что никаких плеваний не было. Тех и других свидетелей я ставлю на одну доску, так же как и Савву и Иону, и спрашиваю: кому же я могу больше поверить: видному ли советскому работнику или монахам. Если вам угодно, ставьте опять этот вопрос, но я полагаю, что возвращение к этому моменту совершенно излишне.

Позвольте мне теперь указать и еще раз напомнить вам, что сегодняшний акт — постановление ВЧК — является для нас актом, которым мы гордимся. Советское правительство показало, что оно проводит свои постановления в жизнь в то время, когда считает это нужным; но сделать заключение, что в этот момент мы должны забыть обо всем, что мы желаем стереть все границы и смягчить все кары, которых кто-либо заслуживает, — это значит сделать реакционный и политически вредный шаг.

Мы и так уже достаточно проявили актов милосердия. Мы можем вспомнить пример генерала Краснова, который в Смольном клялся словами русского генерала, что он не изменит рабочим и крестьянам; однако после этой клятвы он убежал на Дон и за этот акт нашего милосердия отплатил тем, что на целые версты украсил дороги виселицами рабочих. Мы должны вести борьбу с нашими классовыми противниками, Самариными и их блудливыми лакеями Кузнецовыми, без послаблений и пощады, и наш революционный орган не поступил бы целесообразно, если бы вынес им смягченный приговор. Революционный трибунал в этом отношении не может иначе смотреть и должен дать в приговоре свою оценку деятельности Самарина и Кузнецова, который может быть только высшей мерой наказания — расстрелом.

Московский губернский революционный трибунал приговорил:

1. Гр. Самарина и гр. Кузнецова, как вдохновителей церковной контрреволюции и явных врагов рабоче-крестьянской власти, — к расстрелу. Но принимая во внимание амнистию ВЦИК от 5 ноября 1919 года, заменить расстрел заключением в концентрационный лагерь до окончательной победы рабоче-крестьянской власти над мировым империализмом, с лишением общественного доверия.

2. Гр. Цветкова, Успенского и Иону (он же Фиргуф) заключить под стражу с принудительными работами на 15 лет, но с применением амнистии на 5 лет каждого; Успенскому же вследствие преклонного возраста считать заключение условным.

3. Гр. Максимова, Савву и Тузова заключить под стражу на 10 лет каждого, но по применении амнистии сократить заключение до трех лет каждому.

4. Гр. Яницкого, Халанского, Смирнова и Ефрема из-под стражи освободить, вынеся им условное осуждение.

ДЕЛО «ТАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА»

Процесс так называемого Тактического центра вскрыл деятельность московских контрреволюционных организаций 1918—1919 гг., поставивших себе целью свержение советской власти путем вооруженного восстания и активного содействия Деникину, Колчаку и другим белогвардейским генералам

Предварительное следствие и показания привлеченных к делу лиц установили, что состоявшееся в августе 1917 года, т. е. еще до Октябрьской революции, московское совещание общественных деятелей под председательством бывшего председателя Государственной думы Родзянко выделило из своей среды так называемый Совет общественных деятелей. В Совет входило до 30—40 виднейших участников Совещания из числа промышленников, октябристов, кадетов и деятелей старого режима; основными программными пунктами, объединявшими членов Совета, были: 1) борьба с советской властью; 2) восстановление частной собственности и 3) признание конституционной монархии как единственно приемлемой для России формы правления.

В феврале—марте 1918 года образовался так называемый Правый центр, куда вошли: Совет общественных деятелей, Торгово-промышленный комитет, Союз земельных собственников, кадеты и правая группа, под общим руководством бывшего министра Кривошеина и проф. Новгородцева. Одновременно более левые элементы: народные социалисты, правые эсеры, группа «Единство» и правые меньшевики, вместе с левыми кадетами, образовали Союз возрождения России; программа каждого из объединений по существу более или менее приближалась к программе Совета общественных деятелей. Раскол по вопросу о Брестском мире вызвал уход ряда деятелей из Правого центра, и в мае—июне 1918 года ушедшие образовали новое объединение, Национальный центр, стоявший на союзнической ориентации.

Зимой 1918—1919 гг. Национальный центр вошел в связь с существовавшей в Москве военной белогвардейской организацией, ранее связанной с Правым центром и имевшей значительные разветвления в частях и учреждениях Красной армии.

В начале 1919 года наступление Колчака и тяжелое положение советской власти вызвали у деятелей перечисленных организаций надежду

на скорое падение советов; в целях выявления московской общественности и, не менее того, в целях подготовки образования новой власти, в марте—апреле 1919 года создался Тактический центр, объединивший Совет общественных деятелей, Национальный центр и Союз возрождения и представленный шестью виднейшими деятелями, по два от каждой организации. Входившие в Тактический центр группы установили общую платформу, а именно: «восстановление государственного единства России; национальное собрание для разрешения вопроса о форме правления, единоличная военная диктатура, восстанавливающая в стране порядок и разрешающая на основах права личной собственности неотложные мероприятия экономического и социального характера»; одновременно Тактический центр высказывался за признание Колчака «верховным правителем» России. Тактический центр являлся высшим органом, направлявшим деятельность контрреволюционных организаций Москвы и разрешавшим все более или менее крупные вопросы политического характера. Одновременно он был связан с московской военной организацией и с зарубежными контрреволюционерами; приезжавший агент деникинской контрразведки Донин делал доклады в Тактическом центре.

По раскрытии деятельности Тактического центра и связанных с ним организаций был арестован ряд лиц, принимавших участие в контрреволюционной работе. Некоторые деятели успели в разное время скрыться из пределов республики, и в отношении их дело слушалось Верховным трибуналом заочно; сюда относятся: Алексинский, Астров (к.-д.), Аргунов (с.-р.), Чайковский (н. с.), Бородулин-Денисов («Единство»), Белоруссов (публицист), генерал Стогов, бывший министр Кривошеин, проф. Новгородцев (к.-д.), проф. Струве и другие.

Непосредственно же перед судом Верховного трибунала предстали 28 обвиняемых, коим вменялось в вину участие в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью свержение советской власти и установление в России генеральской диктатуры.

В отношении этих подсудимых следствием было установлено, что: 1) бывший товарищ министра внутренних дел Д. М. Щепкин входил в Совет общественных деятелей, а затем в Правый центр и Тактический центр; принимал участие в работах последнего, имел сношения с членом военной организации Гершельманом и осенью 1919 г. дал последнему поручение доставить на юг сведения о положении в Москве; 2) бывший товарищ министра внутренних дел при Временном правительстве С. М. Леонтьев входил в те же, что и Д. М. Щепкин, организации и, кроме того, в особую военную комиссию, связавшуюся с военной организацией; вел переговоры с агентом английской контрразведки Поль Дьюксом и его помощницей Петровской и вместе с Щепкиным участвовал в даче того же, что и последний, поручения Гершельману; 3) бывший товарищ министра внутренних дел при министерстве Витте и Временном правительстве С. Д. Урусов входил в Союз земельных собственников и в Правый центр; 4) бывший член III и IV государственной думы В. И. Стемпковский входил в Совет общественных деятелей в качестве представителя Союза земельных собственников и разрабатывал для Совета вопросы аграрной реформы; 5) проф. В. М. Устинов; 6) проф. Г. В. Сергиевский и 7) В. С. Муралевич, состоя членами Совета общественных деятелей

разрабатывали для него вопросы школы, а Устинов, кроме того, и политическую программу; 8) проф В. Н Каптерев входил в Совет общественных деятелей и участвовал в обсуждении и составлении проектов по вопросам программы Совета, 9) бывший фабрикант С. А. Морозов состоял членом Торгово-промышленного комитета, а затем Правого центра, Национального центра и Совета общественных деятелей, причем летом 1919 г. передал Леонтьеву 90 000 р. и Щепкину 100 000 р на организационные расходы Совета; 10) член коллегии Главтопа Н. Н. Виноградский в качестве технического специалиста разрабатывал законодательные материалы и составлял разного рода записки для Совета общественных деятелей; 11) юрист И И. Шейман разрабатывал для Совета же вопросы судоустройства; 12) служащая Плодоовощи Е. И Малеина исполняла для Леонтьева техническую работу, переписывая на машинке материалы Совета общественных деятелей и Правого центра и расшифровывая секретные донесения; 13) проф С. П. Мельгунов принимал деятельное участие в организации Союза возрождения и являлся лидером его, а затем состоял членом Тактического центра; летом 1919 г. через деникинского шпиона, ротмистра Донина, получил от представителя южной организации Титова сведения и материалы; весной того же года через Аксельрода направил в Париж записку Тактического центра о положении в советской России; по поручению Национального центра предпринял составление списка всех коммунистов, с указанием их имен, революционных псевдонимов и занимаемых должностей; 14) Н. Д. Кондратьев (Китаев) входил в Союз возрождения, информируя его о настроениях в эсеровских и кооперативных кругах, и участвовал в совещаниях по поводу создания Тактического центра; 15) Г. В. Филатьев и 16) В. О. Левицкий также входили в Союз возрождения и были точно осведомлены о деятельности представителей союза в Тактическом центре и военной комиссии, причем Левицкий-Цедербаум информировал союз о настроении рабочих и о положении в меньшевистских кругах; 17) В. Н. Розанов состоял членом Петроградской группы Союза возрождения, которая выясняла возможность возобновления деятельности городской думы после прихода Юденича, и несколько раз приезжал в Москву для связи с главными руководителями Союза; 18) проф. С. А. Котляревский входил в Совет общественных деятелей, а затем в Национальный центр и по поручению последнего организовал разработку основных положений по разным вопросам государственного строительства, причем сам разрабатывал национальный, федеративный, международный и транспортный вопросы; 19) В. Н Муравьев, бывший начальник политического кабинета в министерстве иностранных дел Временного правительства, в 1918 г. вступил в Национальный центр, осень и зиму 1918 г. проводил на юге, где энергично поддерживал связь со штабом генерала Алексеева и правыми политическими группами юга; в работах Национального центра принимал видное участие, особенно в вопросах иностранной политики; 20) С. Е. Трубецкой в 1919 г. вошел в Национальный центр, а затем состоял заместителем Н. Н. Щепкина и Герасимова в Тактическом центре; входил в состав военной комиссии, при посредстве Л. Н. Хрущевой субсидировал от Национального центра контрреволюционеров, заключенных в московских тюрьмах; 21) проф М С. Фельдштейн принимал близкое участие в деятельности Национального центра и разрабаты-

вал политическую его платформу; 22) Л. Н. Хрущева, пользуясь положением члена политического Красного креста, получала от Национального центра деньги и вещи и передавала их заключенным в Бутырской тюрьме членам организации Национального центра, являясь в этом деле посредницей между ними и Национальным центром; 23) А. Л. Толстая предоставляла свою квартиру для заседаний Тактического центра, будучи вполне осведомлена о характере и цели этих заседаний; 24) Ю. Губарева-Топоркова состояла членом ЦК партии к.-д. и принимала активное участие в работах ЦК, когда последний являлся вдохновителем всех заговоров против советской власти; вместе с другими членами ЦК была точно осведомлена о роли членов партии в контрреволюционных организациях; 25) М. М. Кишкин состоял учредителем Союза возрождения и членом ЦК к.-д. партии, принимая активное участие в деятельности обеих организаций; 26) Д. Д. Протопопов был активным членом Центрального комитета кадетской партии; 27) Н. С. Пучков состоял членом Союза русской молодежи, имевшего задачей организовать связь с приезжающими в Москву агентами Деникина и курьерами из Польши, подыскивать для них квартиры, доставать документы и проч. и 28) проф. Н. К. Кольцов состоял членом Национального центра, предоставлял для его занятий свою квартиру и кабинет в Институте экспериментальной биологии и хранил денежные суммы Национального центра.

Дело слушалось Верховным ревтрибуналом ВЦИК с 16 по 20 августа 1920 г.

Товарищи судьи! Скоро исполнится три года со времени Октябрьской революции, три года существования в России власти рабочих и крестьян. За это время не только подверглись испытанию в исторической переоценке отдельные политические партии и их программы, стойкость отдельных политических борцов, правильность тактических линий в борьбе и т. д., — ибо во всяком перевороте партийные группировки со своими программами подвергаются исторической переоценке, и одни оказываются политически правильными, другие рушатся, а их сторонники переходят в другие политические лагери. В России за три года совершилось гораздо большее. Целые общественные слои сошли со сцены и рухнули в Лету, а с ними рухнули и политические и юридические формы того социального уклада, который поддерживался этими общественными группами. В три дня в феврале 1917 года рухнул старый царский строй, со всеми его деятелями; в октябре 1917 года был нанесен второй удар, и рушились основы капиталистического строя и с ними — класс крупной индустриальной буржуазии, фабрикантов и заводчиков, хозяев промышленного и банковского капитала; в эти же дни Октября рухнул класс крупного землевладения. Экономические основы бытия этих классов были вышиблены ударами рабочих и крестьян. С тех пор пропасть, неизгладимая пропасть, которую не удалось засыпать не только русской контрреволюции, но и интервентам мировой буржуазии, отделила нас от прошлого, от царской и капиталистической России.

Но кроме этих крупных общественных группировок, кроме земледельческой и торгово-промышленной буржуазии, существовал и продолжает существовать еще один общественный слой, над социальным бытием которого давно задумываются представители революционного социализма. Этот общественный слой, считающий себя своеобразной надклассовой группой, точно так же подвергся за эти годы тому же испытанию всеобщей переоценки. Этот слой — так называемая интеллигенция.

Один из сидящих здесь защитников в частной беседе со мной до суда сказал, что в этом процессе мы будем иметь дело

с судом истории над деятельностью русской интеллигенции. Он был прав, этот защитник, но я дополню: не забудем, что сегодня вершится не только суд истории, в этом зале вершится сегодня сверх этого суд Революции над теми людьми, которые в эпоху величайшего в мире переворота дерзнули поднять против него руку. Эта вторая политическая конкретная задача ни на минуту не должна быть забываема нами, так же, как и задача подвергнуть действительной исторической оценке судьбы того общественного слоя, который в лице своих представителей занимает сейчас скамью подсудимых.

Начиная от мало значительной фигуры подсудимой Малеиной, типичной интеллигентки, окончившей высшие педагогические курсы, от молодого представителя интеллигенции Пучкова — до убеленных сединами профессоров, авторов научных фолиантов, как Котляревский, до бывших помещиков, собственников и фабрикантов, представители которых также сидят перед вами, — все подсудимые принадлежат к этому социальному слою, к интеллигенции. И если вообще в основу вашего решения должен быть поставлен принцип: «не по словам, а по делам познайте их», если вообще одни хорошие слова, вроде фраз о демократических принципах и о правах народа, еще ничего не доказывают в оценке деятельности человека, то и сейчас, приступая к обсуждению деятельности всей этой социальной группировки, мы должны исходить из следующей постановки вопроса: с какими знаменами и лозунгами этот общественный слой вступил в революцию, какие идеи и цели он наметил себе, когда впервые бросился в горнило революционной борьбы, и с каким багажом он, в конце концов, пришел сюда на скамью подсудимых, что же может он нам в конечном итоге на этом историческом процессе предъявить?

В первый период революции, в эпоху Керенского, представители революционной власти искали себе опору главным образом в интеллигенции. На скамье подсудимых перед вами сидят министры и товарищи министров эпохи Керенского, начальник политического кабинета министерства иностранных дел той же эпохи, представители Совета общественных деятелей, который в период московского совещания насчитывал до тысячи членов и все время был тесно связан с бежавшими из пределов России своими руководителями—Родзянко и другими. В тот период, на словах, по крайней мере, основной идеей всех этих групп являлось — установить нечто обратное тому, что было раньше при царском строе. Если там был деспотизм, подавление всякого свободного проявления воли рабочих и крестьян, то лозунгом, написанным, по крайней мере, на знаменах этих групп, было освобождение. В ближайшие месяцы после Февральской революции под теми же знаменами, с такими же лозунгами принимают участие в правительстве и представители социалистических партий, эсеры, меньшевики, народные социалисты.

Но явилась Октябрьская революция и положила грань между

старой капиталистической Россией и первыми попытками социалистического созидания; она встала перед этими людьми как факт действительности. С тех пор прошло три года. В течение трех лет, каждый день и каждую минуту перед нами постоянно вставал один и тот же настойчивый и упорный вопрос: на рабочих и крестьян со всех сторон наседают враги, наседает германский и антантовский империализм, наседает русская контрреволюция с черносотенными генералами; где вы, интеллигенты, по ту или по эту сторону баррикады? Здесь ли вы, вместе с рабочими и крестьянами, с теми, кто произвел Октябрьский переворот в тяжелые минуты всеобщего расстройства, вызванного войной, экономической разрухой, голодом и эпидемиями? Или вы там, среди тех, кто ведет борьбу против нас, кто заливает страну кровью, кто опирается на западный империализм и не дает возможности строить социалистическую Россию?

Ответ, истинный ответ, — не словами, а действиями, — был ясен и бесспорен.

Если 1918 год еще являлся годом неустойчивого равновесия, когда весы истории еще не установили своей равнодействующей, и представители Союза земельных собственников, Торгово-промышленного центра, а с ними и другие группировки могли еще не верить в прочность власти советов, как направляющих органов, то для 1919 года этого извинительного соображения уже не было. В 1919 году наша борьба приняла совершенно отчетливый характер. Наглядно и отчетливо обрисовались социальная сущность и цели тех сил, которые вели гражданскую войну против советской России. 1919 год — год колчаковщины, Деникина и Врангеля; здесь уже не было возможности дальнейших иллюзий, здесь были сброшены все покровы и со всей ясностью встала дилемма: перед вами или диктатура царских черносотенных генералов и идущих с ними тех социальных классов, которые были ниспровергнуты революцией; или перед вами победа рабочих и крестьян, ведущих отчаянную самозащиту против этих нападений. Дилемма была ясна, — и вы, интеллигенты, сделали свой выбор!

Вот почему в своей обвинительной речи я буду ставить в основную вину подсудимым их участие в той или другой контрреволюционной организации именно в 1919 году. Оставаясь в пределах исторической перспективы, можно было бы еще считать подобную деятельность в 1918 году только заблуждением. Но не может быть такого извинения для деятельности подсудимых в 1919 году.

Что представляли собой те организации интеллигенции, отдельные участники которых сейчас занимают скамью подсудимых? В первом оглашенном мною здесь документе, т. е. в протоколе совещания, имевшего место при генерале Деникине на юге России, мы читаем фамилии лиц, персонально связанных с подсудимыми и участвовавших в тех же, что и подсудимые, организациях; это фамилии Астрова, Челищева, Федорова, Струве. Дея-

тельность этого совещания была явно контрреволюционной. Прочитанная здесь записка, с которой обратился председатель Центрального комитета Союза возрождения Мякотин к Деникину, прежде всего устанавливает, что Мякотин от имени Союза признает власть Деникина как закономерную и правовую. Его обращения к Деникину с ходатайствами об изменениях деникинской политики в крестьянском, еврейском, национальном вопросах, в области административного управления и пр., — все это ни в какой степени не меняет основного положения: Мякотин и Центральный комитет Союза возрождения в борьбе, которую вела советская Россия, оказались по ту сторону баррикады, рука об руку с генералом Деникиным. Уже то обстоятельство, что Мякотин в этой записке характеризует политику Деникина как направленную к удушению трудовых масс, — обнаруживает, что для Мякотина с его политической группой устремления деникинцев были совершенно ясны. Но, конечно, для Мякотина было точно так же ясно, что в этой ожесточенной борьбе не место советам, ходатайствам и слезливым просьбам, которые не могут привести ни к каким действенным, реальным результатам. Только классовым тяготением к реакции и сознанием собственного бессилия и старческой немощи можно объяснить, что те же деятели, которые раньше в своих программах отстаивали лозунги народоправства и народного освобождения, теперь избрали путь слезливых обращений к Деникину.

То же самое мы видим и в другом оглашенном здесь документе. Подписанный председателем «Центрального комитета Национального центра» Федоровым теснейшим образом связанным с некоторыми из подсудимых, этот документ излагает программу Национального центра, в откровенной форме соглашается с действиями Деникина и солидаризирует с ним как представителей Национального центра, так и представителей Союза возрождения.

Этих двух документов, двух основных улик обвинения, никто из присутствующих здесь не дерзнет отрицать. Эти факты, вы, товарищи судьи, положите в основу вашего суждения, когда будете оценивать показания, данные подсудимыми на судебном следствии.

Здесь, на суде, перед нами прошли картины деятельности Союза возрождения, кадетской партии, Национального центра, Совета общественных деятелей и, наконец, Общегосударственного совещания при Деникине. Все эти организации стояли на совершенно определенной позиции, все они вели с советской Россией открытую вооруженную борьбу. Совершенно ясно, что деятели, находившиеся внутри России, стоявшие на точке зрения непризнавания советской власти и одновременно вступившие в сношения с представителями враждебных нам партий, получавшие от их агентов информацию, посылавшие им, нашим противникам, информации о состоянии России, — совершенно ясно, что эти лица являются государственными изменниками;

эти деятели в период ожесточенной борьбы вступили в противогосударственные сношения с вождями организаций, ведущих открытую войну с нами. Вот основное положение, и исходя из него следует оценивать все, что говорилось здесь обвиняемыми.

Вспомним вырвавшееся из уст подсудимого Фельдштейна показание, что один из наиболее активных деятелей контрреволюционных организаций, Н. Н. Щепкин, говорил: «Так дальше продолжаться не может; к июлю 1919 года должен наметиться перелом». Перелом наметился, и повлек за собою... августовский разгром их организаций; но, по словам того же Фельдштейна, они сознательно шли на то, что их ожидало в случае раскрытия организации; они знали, что с ними поступят по всей строгости революционного закона. Отсюда с очевидностью следует вывод, что участники контрреволюционных организаций не только сознательно входили в связь со своими зарубежными единомышленниками, но и сознательно не закрывали глаз на то, что означают их действия для нас и что ожидает их самих в случае обнаружения предательства.

Здесь обвиняемые говорили, что сведения, получавшиеся ими из враждебного нам стана, были только информацией. Как выразился гражданин Кишкин, он слушал эту информацию как «человек, который не хочет быть слепым и стремится узнать все, что делается всюду». Но эти объяснения не могут изгладить того, что обвиняемые, во-первых, знали, что осведомление шло от враждебных, ведущих с нами гражданскую войну, сил; во-вторых, что подсудимые организовали так называемый «Тактический центр» в целях объединения всех групп, связанных отрицательным отношением к советскому строю; что они столковывались и сговаривались между собою о том, каков должен быть государственный строй после падения советского строя, в результате действий Деникина и Колчака. И даже, если бы для этого падения советской власти обвиняемые здесь, в Москве, не ударили пальцем о палец, — все равно: в момент ожесточенной борьбы, в момент объявления страны вооруженным лагерем, который отбивается от наседающих врагов, — в такой момент даже разговоры за чашкой чая о том, какой строй должен сменить падающую якобы советскую власть, являются контрреволюционным актом. Те самые гражданские обязанности, о которых так много говорили здесь некоторые обвиняемые, диктовали им одно: напрячь все силы, чтобы усилить самооборону и отпор, который советская Россия в муках давала своим врагам, а не толковать о том, какой строй лучше всего установить после падения советской власти. Во время гражданской войны преступно не только всякое действие, всякий шаг, подготовляющий реставрацию иного порядка, чем тот, какой установлен советской властью, — преступно само бездействие.

Здесь я подхожу к кардинальному пункту обвинения, о несогласии с которым заявляли все подсудимые. Я утверждаю, что в конечном счете все действия обвиняемых подготовляли гене-

ральскую диктатуру, знаменующую собой реставрацию капиталистического строя и установление дофевральского порядка.

Опытом революции доказано, что генеральская диктатура, кто бы ни возглавлял ее — Деникин, Колчак или кто другой, — всегда несет с собой осуществление классовых вожделений своих сторонников — помещиков и других капиталистических групп,—соответственную политическую программу и, конечно, реставрацию капиталистического строя. Некоторые из подсудимых указали, что они, как были, так и остались сторонниками Февральской революции, и что они только не принимают революцию Октября. Наивно предполагать, что реставрация, произведенная каким-либо из генералов, которым так сочувствовали подсудимые, повлекла бы за собой восстановление демократического строя эпохи Февральской революции. Историки, — а здесь есть люди, претендующие на звание историков, — понимающие хоть что-нибудь в истории, знают, что такие иллюзии — только мыльные пузыри, пустые фразы, за которые жестоко платятся. Историки знают, что когда в ожесточенной борьбе один класс становится у власти вместо другого, то он делает это для осуществления своих классовых вожделений, а не для чего-либо иного; он идет только по линии, которую ему диктуют его классовые интересы, и бесцельны преграды, которые хотели бы поставить этим вожделениям слезливые просьбы Мякотина и Федорова. Так было в Сибири, так было у Деникина и у Врангеля, так бывает всегда в истории: начавшись с одних требований, всякая реставрация представляет собой реставрацию подлинных интересов того класса, который ее осуществил. Это должен знать всякий сознательный политический деятель, а подсудимые претендуют именоваться таковыми.

И даже если предположить невозможное, т. е. что вожди реставрации не хотели бы такого крайнего уклона, — все равно! Всякая несоветская власть несет с собою реставрацию дооктябрьского положения: восстановление частной собственности на землю, воскрешение частной собственности на орудия производства, поднятие частного капитала. Поэтому падение власти советов знаменовало бы собой безусловную реставрацию капиталистического строя и дореволюционного порядка. Вот почему нелепы и смешны уверения, что все разговоры о будущей власти велись «на случай, если бы Колчак пришел». Когда здесь гражданин Розанов говорил, что в Петрограде подсудимые обсуждали план действий в случае прихода Юденича и решили «прежде всего озаботиться созывом демократической городской думы», мне хотелось им крикнуть: «Вы обязаны были думать прежде всего о том, что как бы лечь костьми, но не допустить Юденича!» Этого требует революция, — и всякая иная мысль в такой жгучий момент есть мысль о государственной измене.

В дальнейшем я позволю себе отмести в сторону те общественно-политические группы, история которых уже покончена, и принадлежность к которым я даже не хочу вменять в вину.

Эти группы — Торгово-промышленный комитет и Союз земельных собственников. Хотя эти организации по своему классовому существу наиболее враждебны для нас и наиболее опасны, но лично мне смешно было бы обвинять помещика за те намерения, которые он лелеет по отношению к власти, отобравшей у него землю. Этих объединений я не буду ставить наряду с теми контрреволюционными организациями 1919 года, против которых хочу направить острие своего обвинения. Из групп 1919 года я остановлюсь прежде всего на основной, на так называемом «Тактическом центре».

Я не стану оспаривать, что «Тактический центр» не был стройной, согласованной в деталях, организацией с уставом, членскими взносами, с определенной точно зафиксированной программой. Вопрос не в этом; вопрос в том, какова была сущность «Тактического центра». Установлено, что он представлял собою объединенную делегацию трех политических организаций: Союза возрождения, Национального центра и Совета общественных деятелей. Это была комиссия, бюро, созданное, как объяснили подсудимые, для взаимного ознакомления и для определения того, на чем эти организации могли бы сойтись и в чем они расходятся; иначе говоря, «Тактический центр» был попыткой политического блока.

С какой целью был создан этот союз трех политических организаций? Только затем, чтобы знать, кто как мыслит по политическим вопросам? — Конечно, нет. Он создался для того, чтобы, зная, как мыслят объединенные центры этих организаций, в известный момент определенно и согласованно действовать.

Теперь нам становятся понятными те показания отдельных обвиняемых, когда они говорили о предполагавшейся их деятельности в переходный после свержения советской власти период. Понятны и те работы, которые были исполнены для них знатоками государственного права, финансовых наук, экономических отношений, судебными деятелями, работниками по народному образованию и всеми иными, доставлявшими «Тактическому центру» свои труды.

«Тактический центр» был политическим блоком. Почему это объединение не было оформлено? Ответ ясен: потому что отличительным признаком интеллигентской группы, как группы социальной, является одновременная ее принадлежность ко всем социальным группировкам, которые составляют классовое общество. Составляя одну группу по формальному признаку, интеллигенция в то же время расслаивается по классовым группировкам. Отсюда следует, что вполне согласованного, программного политического объединения в этом случае и не могло быть; могла существовать только попытка добиться, хотя бы в самых общих формах, выражения основных линий. Эта попытка и была оформлена в виде «Тактического центра». Мы хорошо знаем и эти основные линии объединения — их было три: «единая, неделимая» Россия (в понимании генерала Деникина); единоличная

диктаторская власть в течение переходного периода; наконец, впоследствии, когда улягутся классовые страсти,—созыв национального собрания.

Обвиняемый Мельгунов здесь возражал, что якобы Союз возрождения никогда не соглашался на установление в будущем единоличной диктаторской власти и допускал лишь организацию директории. Однако этому заявлению следует противопоставить показания целого ряда подсудимых, которые признавали, что хотя соглашения в этом вопросе достигнуто не было, но что под единоличной властью диктатуры они конкретно разумели Колчака. Но если бы мы даже признали, что прав Мельгунов, а не остальные обвиняемые, — что «Тактический центр» мечтал не об единоличной диктатуре, а о тройке, пятерке, хоть о целой директории с диктаторскими полномочиями, — не все ли это равно для нас, ведущих борьбу за существование советской власти? Не все ли равно, что здесь готовил нам Мельгунов, соглашаясь на пятерку, и что готовил Леонтьев, заявивший, что он стоит за единоличного правителя? Результат был бы все равно один: и единоличный диктатор и пятерка стали бы проделывать одинаковые эксперименты на спинах рабочих и крестьян.

Для нас важен факт, что «Тактический центр» объединил и согласовал антисоветскую деятельность ряда лиц, от крупных промышленных капиталистов до народных социалистов, меньшевиков и эсеров включительно. Для нас важно, что в течение апреля—августа 1919 года, когда Колчак доходил до Волги, а Деникин до Тулы, — в этот период внутри России создался согласованный антисоветский фронт всех политических группировок, начиная от левых и кончая правыми. И это согласование было проведено «Тактическим центром».

Некоторые из подсудимых пытались утверждать, что вся деятельность «Тактического центра» состояла только в «говорении» и ограничивалась обсуждениями политического положения. Но так ли это? Я позволю себе спросить трибунал: отрицал ли здесь кто-нибудь, что Хартулари, Азаревич и Донин делали доклады в организациях, входивших в центр? — Нет, не отрицал никто. Обвиняемые говорят: отдельные члены совещаний не знали, что Хартулари — начальник контрразведки Деникина, что Донин послан с юга от Хартулари, что Поль Дьюкс имеет связи с Антантой и т. д. Но когда вы выслушивали на совещаниях доклады этих «делегатов» с Дона и из Сибири, — что же, дышали ли эти доклады объективностью рассказа о том, что имело там место? Конечно, нет. Это были сообщения ваших политических единомышленников, объединенных с вами общей идеей борьбы против советской власти. Не зная, что Хартулари был начальником враждебной нам контрразведки, вы отлично понимали, с какой целью и какого содержания «информации» давал Хартулари! Мы делаем логический вывод из того, что знаем. И когда подсудимые нам заявляют, что в своих сообщениях Хартулари говорил только о личных делах, я отвечаю: всем подобным заявле-

ниям заинтересованных лиц мы противопоставляем железную революционную логику.

Доказано, что Хартулари, Донин и Азаревич были в Москве, Донин являлся к Мельгунову, привезя ему поклон из-за рубежа, от Титова и Мякотина, и просил направить его к какому-нибудь из московских деятелей; Мельгунов направил его к Щепкину. Мы знаем также, что Хартулари предупреждал о Донине, рекомендуя не особенно доверять ему и не пускать его внутрь организации. Отсюда мы можем сделать безошибочный вывод о том, с какой собственно целью приезжал Донин и какова была его «информация».

Но даже допустим на минуту, что посещения Донина и Хартулари не доказывают сношений с зарубежной контрреволюцией. Что могут возразить подсудимые относительно деятельности «Тактического центра» в плоскости его сношений с военной организацией? Наличие контрреволюционного военного заговора в Москве доказано: во главе его стояли генералы Стогов, Кузнецов и Ступин, все они бывали на заседаниях «Тактического центра» и докладывали там о своей организации. Представители «Тактического центра» спрашивали их, какую численность представляет военная организация, на что они рассчитывают, связаны ли с извне действующими вооруженными силами Следовательно, в тайной организации «Тактического центра» принимали близкое участие представители военного заговора, которые ставили своей целью вооруженное выступление против советской власти и рассчитывали на государственную измену наших военных сил. Этого тоже отрицать нельзя.

Нам пытались доказывать, что беседы подсудимых с этими заговорщиками имели характер академических рассуждений. Но характер этих собеседований нам совершенно ясен. Когда один из обвиняемых рассказывал об авантюристических замыслах Стогова занять московскую радиостанцию, охватить бульварное кольцо и т. п., я спросил: что лежит в основе рассказа Стогова о своих планах, академическая болтовня или контрреволюционное дело? А в обстановке августа 1919 года, в период наступления Деникина, не есть ли даже подобная болтовня — контрреволюционное деяние? Эти данные, обнаружившиеся на судебном следствии, тоже сами говорят за себя.

«Тактический центр», объединившийся на платформе признания перечисленных мною выше трех пунктов и организовавший общий антисоветский фронт, представляет собою ярко выраженную контрреволюционную организацию, он должен быть определен как организация военного заговора, с намерением вооруженного выступления вошедшая в связь с активными деятелями из рядов Деникина. Строя эту организацию, создавшие ее лица знали, по словам обвиняемого Фельдштейна, всю тяжесть наказания, которое их ожидало, и были готовы его понести. Эти деятели «Тактического центра» — граждане Леонтьев, Щепкин, Мельгунов и Трубецкой. Их сношения с военными организация-

ми, с Полем Дьюксом и другими шпионами достаточно выяснились на суде, и вина их дальнейших доказательств не требует.

Из остальных подсудимых я должен прежде всего остановиться на тех, которые непосредственно оказывали содействие ядру «Тактического центра». Сюда относятся гр. Малеина, которая по предложению Леонтьева выполняла расшифровку шифрованных писем. Я спросил гражданку Малеину: «Вы читали содержание переписки и вам оно было известно; что же, задумывались вы над характером своей работы, или считали ее вполне допустимым делом?». Она ответила: «Да, считала допустимым». Это есть соучастие в контрреволюции, и Малеина несет всю тяжесть ответственности за все содеянное ею по поручению Леонтьева.

В том же положении стоят и два других лица: гражданка Толстая и гражданин Кольцов. Здесь вызвали смех слова гражданки Толстой, когда на мой вопрос, что она делала в совещаниях, она ответила: «Ставила самовар». Но, исполняя эти обязанности гостеприимной хозяйки, вы, гражданка Толстая, знали, что предоставляете квартиру для антисоветской организации, вы сами признали это. Здесь—доказанное соучастие в контрреволюционной организации путем предоставления для ее заседаний помещения и сознательное оказание ей этим путем содействия. Профессор биологии гражданин Кольцов точно так же предоставлял свою квартиру для заседаний контрреволюционной организации и в своем научном кабинете в стенах института он два раза в месяц собирал представителей контрреволюционной группы. При этом—очевидно, в силу гостеприимства—он не счел себя вправе отказаться от вступления в эту организацию, когда ему сделали такое предложение, и лишь заявил, что он оставляет за собой право продолжать научные работы и сохранять самостоятельный социалистический образ мыслей. Не будем оспаривать этого рода права на научную работу и на самостоятельность социалистического мышления гр. Кольцова, — для оценки ее нам достаточно участия Кольцова в контрреволюционной организации хотя бы только путем предоставления для нее квартиры. Когда вы, товарищи судьи, будете взвешивать эти факты из деятельности Кольцова, вспомните, как строго нам приходится в период гражданской войны карать рабочих и крестьян за сравнительно ничтожные и творимые по несознательности контрреволюционные проступки. Соответственно оцените и этого деятеля, который, прикрываясь званием профессора и иммунитетом ученого, в стенах здания, предоставленного ему советской властью для занятий, содействует контрреволюционной организации и сам принимает в ней активное участие.

К этой же категории обвиняемых я отношу и гражданина Пучкова. В его ответах на вопрос об его отношении к советской власти я слышал давно известный, трафаретный мотив, что, мол, Советская власть есть факт, в гражданской войне она выходит победительницей, а потому он, Пучков, всякое вооруженное вы-

ступление против нее считает сейчас бессмысленным. Как поумнел теперь гражданин Пучков! Когда он принимал от гражданина Гершельмана поручение разыскивать квартиры, красть паспорта, собирать шпионские сведения, — тогда идейного перелома в его сознании не было! Он понимал, что делал, ему 25 лет, — он уже достаточно взрослый человек, этот старший делопроизводитель Главного санитарного управления. Я полагаю, что за совершенную им кражу паспортов трибунал воздаст этому старшему делопроизводителю должное по делам его.

Обращаясь теперь к группе подсудимых, участвовавших в Национальном центре и Союзе общественных деятелей и оказавших содействие организации «Тактического центра», я должен формулировать основное положение: наш лозунг объявления страны в 1919 году на военном положении не был фразой; мы боролись за самое существование советской власти, отбивая нападения врагов извне и разрушая замыслы заговорщиков внутри страны; поэтому в отношении всех тех подсудимых, которые в той или иной форме оказывали содействие контрреволюционным организациям, мы должны стоять на точке зрения самой беспощадной борьбы.

Гражданин Шейман помогал контрреволюционной организации, составляя записки об основах судебного строя после ожидавшегося им переворота, о том, какие права должны быть даны военному главнокомандующему и об изъятии дел из общей подсудности для передачи их военно-окружным судам. Гражданин Муралевич написал для той же организации книгу о народном образовании. Гражданин Стемпковский разрабатывал для нее аграрные вопросы. В действиях всех этих лиц я вижу не только академическое изучение интересовавших их вопросов, а определенное участие в контрреволюционной организации.

Профессор Котляревский, будучи участником ряда контрреволюционных объединений, составлял для них записки о федеративном устройстве России. И когда здесь я услышал заявление того же Котляревского, что по этому же вопросу он составлял записку и для советской власти, его личность получила в моих глазах совершенно определенную оценку; я думаю, что советской власти вовсе не нужны такого рода работники. Это относится одинаково и к проф. Сергиевскому, разрабатывавшему для организации вопросы школы, а здесь на суде избравшему, по остроумному выражению защитника, «систему двойного страхования», и к гражданину Виноградскому, который участвовал в обсуждении основных положений программы Совета общественных деятелей, а теперь будто бы является осью, на которой держится советский Главтоп; — ко всем этим лицам, исходя из соображений безопасности советской республики, следует отнестись с максимальной строгостью. Врангель еще жив, и доверять лояльности этих хамелеонов невозможно.

Дальше следует группа обвиняемых, состоящая из Левицкого-Цедербаума, Розанова и Филатьева. В моих глазах эта группа

представляет собой одно целое; ее единство в том, что все эти лица привыкли действовать в рабочих слоях и связались с ними годами общей борьбы; они, члены партии социал-демократов меньшевиков, были ближе к интересам рабочего класса, чем какая-нибудь другая группа. К делу приобщено сношение ЦК меньшевистской партии, которое заверяет, что если бы ЦК знал о вхождении отдельных членов партии в Союз возрождения, то такие члены были бы удалены из партии. Когда я здесь спрашивал обвиняемых, знал ли ЦК об участии их в Союзе возрождения, они отвечали: может быть, знал, а может быть нет. Но то обстоятельство, что Левицкий и Розанов участвовали в Союзе, — это доказано; что об этом сообщалось в печати, — это тоже факт; одинаково доказано и то, что ЦК меньшевиков не предпринимал шагов к исключению этих обвиняемых из партии и они до сих пор состоят ее членами. А это значит, что и вся эта группа в целом, состоявшая ранее на левом крыле социалистического фронта, вошла в антисоветские ряды в самый тяжелый для республики период. Ее представители принимали участие в этих рядах вместе с другими обвиняемыми, совещались с ними, обсуждали «информации». Этого достаточно, чтобы в целях ограждения безопасности советской власти отнестись к этой группе с максимальной строгостью, более сурово, чем к участию в этих же антисоветских организациях представителей Союза земельных собственников и Торгово-промышленного комитета.

Перехожу к Морозову. Это — активный деятель враждебной нам организации; я отношу его к категории соучастников, и участие его выразилось в даче 190 тысяч рублей на организационные нужды. Состоя членом Торгово-промышленного комитета, он одновременно работал в советских экономических учреждениях и при этом давал деньги на поддержку контрреволюции. С мая по сентябрь он дал, в три раза: 40, 50 и 100 тысяч рублей. Защита Морозова старалась доказать, что он дал эти деньги в уплату своих долгов, сделанных в 1918 году; но Морозов сам здесь признался, что по существу не знал, за что давал деньги в организацию, и для меня представляется совершенно ясным, что Морозов финансировал контрреволюционное сообщество.

Мне остается перейти к той группе подсудимых, которых объединяет их общая принадлежность к кадетской партии. Сюда относятся Протопопов, Кишкин и Топоркова-Губарева. Перед вами, товарищи судьи, в опровержение обвинительного акта приводились указания, что в 1918 году партия к.-д. совещалась открыто и не преследовалась властью, несмотря на декрет, объявлявший ее членов врагами народа; далее, что активнейшие участники партии находились за границей, а оставшиеся здесь представляли только маленькую, не игравшую большой роли, группу лиц. Напомню, что в ноябре 1917 года, в начальный период активной борьбы за советскую власть, партия к.-д. была поставлена вне закона, а ее члены объявлены врагами революции. С тех пор, поскольку деятельность членов партии к.-д. не выяв-

ляется в конкретных формах, направленных против советской власти, никто не запрещает им совещаний на общих основаниях, в рамках ст. 23 советской Конституции. Но когда их заседания приобретают определенно контрреволюционный характер, тогда ноябрьский декрет 1917 года обрушивается на членов кадетской партии со всей своей тяжестью. Поэтому, когда я перед распорядительным заседанием трибунала составлял список лиц, в отношении которых предлагал прекратить преследование, я в этот список включил и членов партии к.-д., даже членов ЦК партии — как Велихова, Кизеветтера и других; но Протопопова, Кишкина и Топоркову я оставил на скамье подсудимых. Почему? Потому, что, как установлено на судебном следствии, у этих лиц в 1919 году были собрания; там выслушивались информации о том, что делается у белых; там Н. Н. Щепкин делал свои доклады о сношениях с Деникиным и Колчаком; там происходили беседы об успешности дальнейшего продвижения колчаковской армии. Декрет, объявляющий кадетов врагами народа, поэтому вновь получает свою силу, раз эти факты установлены. Обнаружив, что на квартирах Протопопова, Кишкина и Топорковой-Губаревой происходили совещания о сношениях с белыми, мы должны квалифицировать этих лиц как врагов народа, поэтому я считаю в полной мере доказанным то общее обвинение, которое формулировано в отношении этих лиц обвинительным актом: они являются участниками контрреволюционной организации, поставившей себе целью низвержение советской власти и замену ее генеральской диктатурой.

Позвольте вернуться к общим выводам.

Итак, данная группа лиц в конце 1919 года осуществила ряд действий, которые следует охарактеризовать как сношения с контрреволюционными силами генералов Колчака и Деникина, с английской разведкой, с представителями зарубежных противосоветских организаций в Париже, на юге, в Яссах. Вся эта группа интеллигентов поставила себе задачей способствовать приближению момента вступления Деникина или Колчака в столицу советской России. Вся она, в лице этого «Тактического объединения» разных группировок, начиная от правых меньшевиков и кончая торгово-промышленниками, оказалась по ту сторону баррикады; тяга к буржуазному строю оказалась у подсудимых сильнее пространных фраз о народовластии и о правах народа, и в практике жизненной борьбы они оказались не с нами, а против нас.

Сейчас наступает иной момент. 1920 год принес с собой новую опасность со стороны Польши, новое напряжение сил советской России для борьбы; затем — победу республики на польском фронте, фактическое признание нашей мощи представителями мирового империализма и, наконец, фактическое вступление рабоче-крестьянской России в ряды европейских держав, которые начинают считаться с нами как с мировой державой. В связи с этим в рядах интеллигенции опять намечается новый пе-

релом: целый ряд ее представителей, подводя итоги своей борьбы против рабочих и крестьян, говорит: мы ошибались, мы сознаем свои ошибки, а в дальнейшем как граждане будем исполнять свои обязанности к советской власти вполне лойяльно. Я не хотел бы утверждать, что эти заявления не заслуживают веры, но я думаю, что лойяльность каждого такого лица должна быть сначала доказана на деле. Не забывайте, что Врангель еще жив; не забывайте, что в феврале этого же 1920 года был момент, когда наше положение было крайне тяжело, и враги занимали Киев. Не забывайте, что соратники подсудимых там, в панской Польше, хотя бы Родичев, продолжают писать филиппики против России и призывают иностранцев к вмешательству в русские дела. Вот почему у меня нет особой охоты верить этим показаниям подсудимых...

Но я не хочу для отдельных представителей данной социальной группы закрывать полной возможности доказать этот перелом. В отношении пяти подсудимых я считаю возможным спокойно заявить, что не требую никакого их наказания. Это касается граждан Муравьева и Урусова: они могут выйти отсюда свободными и продолжать доказывать на деле лойяльность своего отношения к советской власти. Гражданин Кондратьев открыто свидетельствовал перед трибуналом о переломе своих убеждений, и я чувствую себя вправе не требовать для него кары. Я не хочу, чтобы гражданин Кондратьев понял меня так, что его заявление искупило его вину; я не хочу, чтоб кто-нибудь решил, что достаточно одного заявления о гражданской лойяльности, чтобы со скамьи подсудимых уйти на свободу, — нет: я хотел услышать в заявлении Кондратьева нотки действительной искренности, — и уверен, что слышал их и потому не требую никакого наказания в отношении Кондратьева. Точно так же — в отношении граждан Фельдштейна и Хрущевой: пусть уйдут они отсюда свободными.

Я не могу так отнестись к гражданкам Малеиной, Толстой, Топорковой; к гражданам Протопопову, Кольцову, Кишкину, Муралевичу и Каптереву. Этих подсудимых, как опасных для советской республики, следует изолировать и заключить в лагерь до разгрома врангелевского фронта. До этого момента — он, может быть, не так далек — перечисленные подсудимые, безусловно, должны быть изолированы от остальной общественной среды.

Более активных деятелей этой группы подсудимых: Пучкова за кражу паспортов и дачу справок; Морозова за дачу денег; Шеймана за его богатые юридические познания и, наконец, Стемпковского за такие же познания в аграрном вопросе — я полагаю достаточным заключить на два года в лагерь, с тем, чтобы их познания по специальности могли быть использованы согласно положению о концентрационных лагерях. Эта мера наказания обезопасит советскую власть от названных подсудимых на остающееся время тяжелого переходного периода.

Граждан Левицкого, Розанова и Филатьева я рассматриваю как лиц, деятельность которых может быть вредна во все время до окончательного установления основ социалистического строя. Эти обвиняемые доказали на деле, что способны вредить советскому строю в той самой среде, которая является главной нашей базой, — среди рабочих; поэтому я требую для них изоляции на пять лет.

В отношении граждан Котляревского, Виноградского, Сергиевского и Устинова я полагаю, что они заслужили десять лет изоляции, с запрещением в дальнейшем советской работы. Считаю, что этого будет достаточно, чтобы обезопасить советскую власть от этих перевертней и хамелеонов.

Наконец, остается последняя группа: Мельгунов, Леонтьев, Щепкин и Трубецкой. Двое из них были активными членами военной комиссии, и все четверо являются руководителями «Тактического центра». В Верховном революционном трибунале их деятельность найдет одну оценку, один приговор — расстрел.

Мне предстоит еще коснуться деятельности тех лиц, в отношении которых Верховный трибунал решил слушать дело заочно. Считаю себя обязанным заявить трибуналу, что по материалам, которые имелись в моих руках, я не нашел в себе силы в отношении всех этих лиц поддерживать полностью обвинение в участии в контрреволюционных организациях; но я не нахожу возможным и отказаться от их обвинения. Поэтому я разделяю их на две группы и прошу трибунал выделить из дела часть этих лиц впредь до их розыска, чтобы затем судить их; только в отношении другой группы, окончательно и бесповоротно заклеймившей себя контрреволюционной деятельностью, я предлагаю вынести заочный приговор. В этой группе на первое место я ставлю Астрова, о котором имеются достаточные данные в деле.

Фигуры Аргунова, Авксентьева и Алексинского для нас совершенно ясны, и деятельность их не требует специального освещения. Но так как к данному делу они не имеют непосредственного отношения и следственный материал не содержит соответствующих данных, я полагаю, что в отношении их дело может быть выделено, как и в отношении Бунакова.

Но Астров и с ним Мякотин заслужили полностью заочный приговор, так же, как Чайковский, глава северного правительства и член Союза возрождения. То же и Гершельман, чья связь с югом и деятельность здесь достаточно раскрылись; то же Тихомиров, Стогов — деятели военной организации, подготовлявшие восенный заговор; Федоров, председатель Национального центра, чьи записки приобщены к делу; Червен-Водали, Струве, Гурко, Кривошеин, Донин, Азаревич, Фабрициус, Титов — в отношении всех этих лиц обвинительные данные установлены полностью, и контрреволюционная их роль и здесь и за рубежом ясна. Я полагаю, что согласно ст. 18 Основного положения о трибуналах, разрешающей лиц, которые находятся вне территории РСФСР, судить заочно, — названным мною деятелям может

быть вынесен заочный приговор. Но какой приговор! Если бы они были у нас под руками, то это был бы расстрел; объявлять же им расстрел, когда они находятся вне пределов досягаемости, бесцельно. Я предлагаю трибуналу объявить этих лиц изгнанными навсегда из пределов республики, объявить их врагами народа и революции и предупредить, что, явившись на территорию советской власти (если только они дерзнут на ней появиться), они будут расстреляны первым органом власти, который установит их личность. Вот, по моему убеждению, те меры предупреждения и самообороны, которые должны быть приняты Верховным трибуналом в отношении этой группы лиц.

Товарищи судьи! Материалы этого дела с полной ясностью показали, как русская интеллигенция, войдя в горнило революции с лозунгами народовластия, вышла из него союзником черных генералов, наемным и послушным агентом европейского империализма. Интеллигенция попрала свои знамена и забросала их грязью. Она потеряла право гордиться преемственностью своей деятельности от первых пионеров русской революционной борьбы, которых считала своими родоначальниками, а себя — завершителями их воли.

Эта социальная группа отжила свой век, и, думается мне, нам нет нужды добивать отдельных ее представителей.

Вот почему и в отношении четырех главных деятелей «Тактического центра» я ставлю перед трибуналом вопрос, — если трибунал по своей совести сочтет возможным его поставить, — о применении к ним той же формы наказания, которую я предлагал по отношению к лицам, скрывшимся за рубежом: объявить их навсегда врагами народа, изменниками и предателями революции, и изгнать их из пределов республики, если вы сочтете, что там они будут не опасны. Но если трибунал признает, что и там они будут опасны для рабоче-крестьянской России, тогда пусть трибунал не остановится перед подписанием им смертного приговора — расстрел.

Приговором Верховного революционного трибунала ВЦИК постановлено: гр. С. Д. Урусова признать оправданным, гр. В. М. Устинова и Г. В. Сергиевского, признавая их виновными в пособничестве контрреволюционным организациям, освободить от наказания по амнистии 1 мая 1920 г., ввиду их чистосердечного раскаяния и желания честно служить советской власти; гр. С. А. Морозова, П. Н. Каптерева и Л. Н. Хрущеву признать виновными в пособничестве вышеозначенным организациям и подвергнуть трем годам тюремного заключения условно, гр. Н. С. Пучкова, Е. И. Малеину и А. Л. Толстую, признавая их виновность в том же, заключить в концентрационный лагерь на три года; прочих обвиняемых признать виновными в участии и сотрудничестве в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской ре-

волюции и восстановление диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте, и подвергнуть расстрелу; но принимая во внимание их более или менее полное раскаяние, искреннее желание работать с советской властью, а также решительное осуждение ими вооруженных белогвардейских выступлений и иностранных интервенций, — заменить им расстрел:

Н. Н. Виноградскому и В. Н. Муравьеву — тремя годами заключения с освобождением от наказания по амнистии; Н. М. Кишкину, Н. К. Кольцову, В. С. Муралевичу, Д. Д. Протопопову, В. И. Стемпковскому, М. С. Фельдштейну и С. А. Котляревскому — условным тюремным заключением на пять лет; В. Н. Розанову, В. С. Левицкому-Цедербауму, Ю. Г. Губаревой, Топорковой, И. И. Шейману, Г. В. Филатьеву и Н. Д. Кондратьеву-Китаеву — заключением в концентрационный лагерь до конца гражданской войны; Д. М. Щепкину, С. М. Леонтьеву, С. П. Мельгунову и С. Е. Трубецкому — тюремным заключением на десять лет.

Подсудимых, находящихся вне пределов России: Астрова, Мякотина, Чайковского, Гершельмана, Стогова, Тихомирова, Федорова, Червен-Водали, Струве, Гурко, Кривошеина, Новгородцева, Донина, Азаревича, Титова, Фабрициуса и Алексинского, виновных в соучастии в контрреволюционных организациях и пособничестве иностранной интервенции, постановлено объявить врагами народа и лишить права въезда на территорию Советской республики.

ДЕЛО ПРАВЫХ ЭСЕРОВ

Исторический процесс правых эсеров слушался Верховным трибуналом ВЦИК в течение лета 1922 г. Продолжаясь с 8 июня по 7 августа, т. е. два месяца, этот процесс вскрыл политическую сущность партии с.-р. и контрреволюционную деятельность ее руководителей. Судебное следствие и прения сторон развернули во всей полноте этапы контрреволюционной работы Центрального комитета партии, начиная от 1917 г., осветив истинное устремление вождей партии и подлинный смысл и значение ее лозунгов.

Имея в виду, что фактическая сторона преступной деятельности подсудимых нашла подробное изложение в обвинительной речи, ограничиваемся изложением резолютивной части обвинительного заключения по делу.

Суду Верховного трибунала были преданы:

1. Гоц А. Р., Донской Д. Д., Герштейн Л. Я., Лихач М. А., Иванов Н. Н., Ратнер-Элькинд Е. М., Раков Д. Ф., Федорович Ф. Ф., Веденяпин М. А., Гендельман-Грабовский М. Я., Морозов С. В., Артемьев Н. И., Ратнер Г. М., Тимофеев Е. М. — по обвинению в том, что, будучи руководящими деятелями и ответственными вождями партии с.-р., направляли деятельность этой партии в сторону использования всех ее средств и сил на свержение завоеванной пролетарской революцией власти Рабоче-крестьянских советов и существующего на основании конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства, для чего:

1) Подготовляли и организовывали вооруженные восстания против советской власти в Петрограде и в Москве, создавая специальные военные организации и дружины, входя для этого в связь и контакт с иными контрреволюционными организациями, принимая от них в тех же целях финансовую помощь и организуя совместно технические органы для вооруженного мятежа в виде боевых штабов, комендатур и проч. и поддерживая всеми средствами, кои имелись в их распоряжении, мятежи и восстания, где бы таковые ни возникали.

2) От имени партии входили в сношения с представителями международного капитала в лице официальных представителей капиталистических государств Антанты в момент, когда последние находились в состо-

линии войны с РСФСР, способствуя последним в захвате ими территорий советской республики, доставляя им сведения и информируя их о внутреннем положении страны и пользуясь от них военной, финансовой и технической помощью.

3) Входили с той же целью в сношения с белогвардейским командованием вооруженными силами, направленными против советской республики, а именно с генералами Красновым, Алексеевым и Деникиным и возникшими на окраинах РСФСР буржуазно-националистическими контрреволюционными центрами, именовавшими себя правительствами Украины, Кубани, Дона, способствовали всеми средствами укреплению возникавших контрреволюционных центров, в особенности в Самаре, на Севере, в Уфе и в Омске — под именем «Правительства членов Учредительного собрания» и направляемой последними вооруженной борьбе с советским правительством, путем государственной измены, шпионажа и предательства.

4) Организовали и руководили деятельностью боевых групп, специально созданных для учинения террористических актов против деятелей советской власти, взрывов железнодорожных путей и вооруженных ограблений советских учреждений и частных лиц, используя получаемые таким образом средства на продолжение той же контрреволюционной работы.

При этом: 1. Член ЦК партии с.-р. Гоц лично агитировал в войсках после переворота октябрьских дней (выступая на митингах в Царском, в Могилеве и в Пскове с призывом к противодействию власти), подготовлял и участвовал в организации юнкерского восстания 29 октября в Петрограде, подписывал приказы о выступлении юнкеров для открытой вооруженной борьбы с властью советов, участвовал в заседаниях военной комиссии и заседаниях бюро военной комиссии, равно как на совместных заседаниях военной комиссии и военного отдела Союза возрождения с целью свержения советского правительства, участвовал в заседаниях военного штаба Союза возрождения вместе с представителями других входивших в указанный союз контрреволюционных организаций для совместной подготовки вооруженных выступлений в целях свержения советской власти, входил для той же цели в качестве члена в Комитет спасения родины и революции, получал деньги на контрреволюционную работу военной комиссии от военного отдела Союза возрождения и сверх того в феврале 1918 г. в Петрограде, по предложению Лидии Коноплевой организовать покушение на жизнь Ленина, не только дал на то свое личное согласие, но и обещал ей получить официальную санкцию ЦК на означенный акт, во исполнение чего, перед отъездом ЦК партии с.-р. из Петрограда в Москву, передал Коноплевой санкцию ЦК на организацию покушения на товарища Ленина, а затем после отъезда ЦК партии с.-р. в Москву посылал за вторичной и окончательной санкцией ЦК на производство террористического акта члена партии с.-р. Рабиновича Бориса. Через того же Рабиновича в то же время вел переговоры с членом Петроградского губернского комитета Эстриным по вопросу об организации взрыва поезда, на котором следовал Совнарком, в Москве в марте 1918 г.; в апреля 1918 г. при разговоре с Семеновым дал последнему санкцию от имени ЦК на производство террористических актов против ответственных работников советской власти, сам указал лиц (Володарского и других), против которых в первую очередь

должны быть организованы террористические акты и, лично сговорившись с эсером Зейме о том, чтобы последний указал местожительство этих лиц, указал Семенову упомянутого Зейме, для получения Семеновым от него необходимых адресов, что в июле 1918 г., будучи осведомлен о готовящемся покушении на Володарского и фактически руководя таковым покушением путем назначения сроков такового, после совершения убийства дал директиву о немедленном переезде членов боевого отряда из Петрограда в Москву, для укрывательства как физического убийцы Володарского, так и соучастников убийства; что в конце июня и в начале июля 1918 г вновь подтвердил от имени ЦК санкцию на производство покушения на Ленина, наконец, дал от имени ЦК партии с.-р. санкцию на производство экспроприаций в советских учреждениях и у частных лиц.

2 Донской Д Д., член ЦК партии с.-р., руководил военной комиссией после разгона Учредительного собрания, представлял ЦК партии в Совете военной комиссии из представителей ее отделов в 1918 г., присутствовал от ЦК на совещании военной комиссии в связи с разоружением Преображенского полка, причем входил в сношения с контрреволюционной организацией Филоненко и дал санкцию от имени ЦК на сношения с контрреволюционной организацией Иванова и на сношения с германским штабом Людендорфа, для чего посылал в ставку с.-р Постникова, затем в Москве вел военную работу, присутствовал при докладе представителей Уфимского комитета и участвовал в иных сношениях руководящих организаций партии с.-р. с иными эмиссарами и курьерами, а равно вел ту же контрреволюционную военную работу в Саратове и сверх того, в апреле 1918 г., дал обратившемуся к нему Семенову свое согласие на производство террористических актов против ответственных представителей советской власти и связал Семенова с членом ЦК партии с.-р. Гоцем в целях получения от последнего официальной санкции на означенные деяния; что в июне 1918 г. вновь подтвердил Семенову в Саратове санкцию ЦК на производство террористических актов и согласился с предложением организации покушения на Ленина; в июле 1918 г., находясь в Москве в качестве ответственного члена ЦК, зная и руководя деятельностью Центрального боевого отряда, имел свидание незадолго до покушения на Ленина с исполнительницей покушения Каплан по вопросу о готовящемся покушении, давал Семенову от имени ЦК санкцию на производство террористических актов против Ленина, Володарского, Урицкого и других, кроме того, дал Семенову официальную санкцию на производство экспроприаций из советских учреждений, у частных лиц и не только сам выражал готовность принять участие в экспроприациях, но и содействовал их осуществлению.

3. Иванов Николай вел личные переговоры и объяснения с Игнатьевым по поводу распределения денег, переданных от Союза возрождения для финансирования военной комиссии; в области террористической деятельности и организации вооруженных ограблений: по личной инициативе внес вопрос о применимости террора на обсуждение ЦК в феврале 1918 г.; отстаивал эту точку зрения в ЦК партии с.-р., причем не только выставлял свою кандидатуру для работы в означенной области, но и высказывал свою точку зрения на допустимость террора и экспроприаций начальнику центрального боевого отряда Семенову, чем подстрекал последнего к совершению террористических актов и экспроприаций.

4. Герштейн состоял уполномоченным ЦК при военной комиссии по подготовке вооруженных восстаний в Петрограде; лично агитировал после переворота в войсках в Могилеве и командировал для такой же агитации Паевского в Везенберг; предложил, в качестве первого инициатора, организовать боевые дружины, санкционировал, как член ЦК, получение денег от Союза возрождения для финансирования военной комиссии; в качестве делегата ЦК и особоуполномоченного вел военную работу на Украине по формированию вооруженных сил против советской власти и переговоры с Радой по вопросу о заключении договора на предмет совместных действий против советского правительства и сносился по тому же поводу с французской миссией.

5. Тимофеев вел сношения в московский период работы через Дашевского с военными работниками по переброске на антисоветский фронт белогвардейского офицерства; имел сношения, через Илью Минора и непосредственно с союзными миссиями в Москве и Петрограде, о чем докладывал специально в ЦК в качестве особоуполномоченного лица; поддерживал связь с подрывниками в период московской работы последних и, наконец, в области террористической работы, будучи в апреле 1918 г. в Москве, сносился с Ефимовым и Коноплевой в период их подготовительной работы по организации покушения на товарища Ленина, будучи в курсе последней.

6. Веденяпин по поручению ЦК партии с.-р. специально выехал в Самару с директивой принять участие в восстании, в случае если таковое произойдет; по приезде в Самару вел сношения с чехословацким командованием; в области террористической работы, будучи в апреле 1918 г. в Москве, сносился с Ефимовым и Коноплевой по подготовительной их работе по организации покушения на товарища Ленина, причем выдал Ефимову деньги на обратный проезд Ефимова и Коноплевой из Москвы в Петроград после неудавшейся их попытки произвести террористический акт.

7. Лихач, будучи избран ЦК после IV съезда партии с.-р. специально заведующим военным отделом ЦК, в качестве члена ЦК присутствовал на заседаниях военной комиссии, участвовал совместно с Параделовым и Семеновым на объединенном заседании военного отдела Комитета спасения родины и революции и военной комиссии при ЦК партии с.-р. по подготовке вооруженного мятежа по поводу разгона Учредительного собрания, получил лично деньги от Игнатьева, переданные из английских источников, на поездку свою из Вологды в Архангельск; в качестве уполномоченного ЦК и Союза возрождения выехал для организации контрреволюционного правительства на север, в Вологду, в середине июня 1918 г., и принял участие в формировании указанного правительства, в каковое и вошел после контрреволюционного переворота в Архангельске.

8 и 9. Морозов и Артемьев вели активную работу в Москве, причем Морозов лично участвовал в совещании, где происходил доклад представителя Уфимского комитета партии с.-р. по вопросу о сформировании антисоветского фронта на Поволжье.

10. Ратнер-Элькинд Е., состоя кассиром ЦК партии с.-р., в мае 1918 г. получила для нужд ЦК партии с.-р. экспроприированные Центральным боевым отрядом у артельщика комиссариата продовольствия деньги, заведомо зная об источнике принятой от Семенова суммы.

11. Ратнер Г. лично вел политическую работу в Москве среди рабочих, представительствовал от МК партии с.-р. в военной группе при Бюро членов Учредительного собрания; присутствовал при докладе Хреновского Донскому о переговорах с генералом Алексеевым; вел военную работу на Украине и Кубани, о чем впоследствии доложил Донскому, и, кроме того, знал, со слов Евгении Ратнер, о произведенном Центральным боевым отрядом убийстве Володарского и экспроприации у артельщика комиссариата продовольствия.

12. Раков принял от Семенова экспрепрированные последним у торговца на Лесном в Петрограде деньги, заведомо зная об источнике таковых.

13. Федорович находился в непосредственных сношениях с агентом савинковской организации Калининым.

14. Гендельман, будучи членом фракции Учредительного собрания, участвовал в сношениях Бюро с иностранными миссиями и, согласно общему решению ЦК, выехал в Поволжье для контрреволюционной работы, в которой принимал затем участие на уфимском совещании, как сторонник группы Авксентьева.

II. Иванова-Иранова Е. А., Агапов В. В., Злобин П. В., Львов П. М., Усов К. А., Федоров-Козлов Ф. Ф., Дашевский И. С., Коноплева Л. В., Семенов Г. И., Ставская Ф. Е., Моравчевский Ю. В., Альтовский А. И., Утгоф-Дерюжинский В. Л., Либеров А. В., Горьков-Добролюбов Г. Л. — по обвинению в том, что, состоя членами различных партийных организаций партии с.-р., совершали по директивам Центрального комитета партии, разновременно с 25 октября 1917 г. и по день ареста, контрреволюционные действия, направленные на свержение советской власти, причем:

1) Агапов В. В. вел военную работу и организовал подрывную группу, являясь связью между подрывниками и членом ЦК Донским.

2) Альтовский А. И. вел военную работу в Саратове и снабжал документами и явками направляемых к нему белогвардейцев и членов организации.

3) Утгоф-Дерюжинский В. Л. вел военную работу в Петрограде, будучи членом военной комиссии после IV съезда партии с.-р.

4) Либеров А. В. вел военную работу в Москве, содержа явочную квартиру для приезжающих из провинции.

5) Злобин П. В. вел организационную работу в Москве.

6) Горьков-Добролюбов Г. Л. вел военную работу в Москве, способствуя переправе за Волгу членов Учредительного собрания, и сверх того участвовал в заседании при докладе уфимского представителя в московском бюро ЦК.

7) Иванова-Иранова Е. А., амнистированная в 1919 г. Верховным трибуналом за военную работу в Москве и переправку из Петербурга в Москву для дальнейшего следования в Саратов на белогвардейский фронт офицеров, войдя в состав Центрального боевого отряда:

а) в феврале 1918 г. приняла участие совместно с Коноплевой, Рабиновичем и Ефимовым в организации террористического акта против товарища Ленина, для чего вела слежку за ним;

б) в июне 1918 г. в Петрограде вела слежку за Володарским в целях организации совместно с остальными членами Центрального боевого отряда, террористического акта против него, и

в) в то же время приняла участие в организации террористического акта против ответственных военных работников и ездила, в качестве исполнительницы акта, на линию железной дороги на станцию Томилино с целью крушения поезда, в котором следовал ряд активных работников Реввоенсовета республики

8) Семенов Г. И., наряду с контрреволюционной работой, по которой был амнистирован в 1919 г., сверх того:

1. Будучи в сентябре 1917 г. членом Бюро военной комиссии при ЦК партии с.-р. и организовавши, с санкции ЦК партии с.-р., в марте 1918 г. при этой комиссии специальный Центральный боевой отряд, поставивший себе целью производство террористических актов и экспроприаций и состоявший из Коноплевой, Ивановой Елены, Усова, Федорова-Козлова Зубкова, Пелевина и Ефимова, в деле фигурирующих, и ряда лиц, по делу не проходящих, руководил работой указанного отряда по организации террористических актов и экспроприаций против советской власти и, заручившись специальной санкцией в ЦК партии с.-р. на означенные действия:

а) организовал в мае и июне 1918 г. и лично принял участие в слежке за Володарским, дал предписание члену Центрального боевого отряда Сергееву произвести убийство Володарского, после чего скрывал Сергеева у себя на квартире и организовал его отъезд из Петрограда с целью сокрытия следов и лично произвел отравление пуль, коими был убит Володарский;

б) организовал в целях производства террористических актов в мае и июне 1918 г. слежку за Урицким и другими и поручил Коноплевой проведение слежки,

в) организовал в июле 1918 г. и руководил работой по организации покушения на товарища Ленина, причем лично произвел отравление пуль.

2. Заручившись официальной санкцией ЦК партии с.-р. на производство экспроприаций в советских учреждениях и у частных лиц, начиная с февраля и кончая августом 1918 г., совместно с другими членами Центрального боевого отряда, организовал и принял участие в ряде экспроприаций.

9) Дашевский И. С., равным образом амнистированный Верховным трибуналом за контрреволюционную деятельность в 1919 г.:

1. В мае 1918 г., узнавши от Семенова о произведенной Центральным боевым отрядом экспроприации у артельщика комиссариата продовольствия на ст. Буй, содействовал Семенову в передаче денег в кассу ЦК партии с.-р.

2. В июле 1918 г. узнавши о намерении Каплан произвести террористический акт против товарища Ленина, ввел Каплан в Центральный боевой отряд для предоставления последнему возможности использовать Каплан для производства акта.

10) Коноплева Л. В. состояла в Бюро военной комиссии партии с.-р. вместе с Семеновым и Леппером по организации вооруженного восстания, руководила военной работой среди матросов Балтийского флота и участвовала в совещании с Верховским, Игнатьевым, Гоцем и Суворовым по подготовке вооруженного выступления в момент волнений в минной дивизии и за Невской заставой, поддерживала связь и вела переговоры с Парским, командовавшим северным фронтом, по вооруженному свержению советской власти,

и сверх того в области террористической работы и организации экспроприаций:

1. Будучи в феврале 1918 г. членом Бюро военной комиссии, решила организовать покушение на товарища Ленина, обратилась за содействием в означенном намерении к Борису Рабиновичу, специально от ЦК партии с.-р. командированному в военную комиссию для руководства работой последней, и, получивши от Рабиновича принципиальное согласие на совершение террористического акта против товарища Ленина, связалась через Рабиновича с членом ЦК партии с.-р. Гоцем, от коего получила окончательную санкцию ЦК партии с.-р. на производство акта против товарища Ленина; затем поехала вместе с Ефимовым в Москву, где организовала слежку за товарищем Лениным и получила от члена ЦК партии с.-р. Рихтера яд для отравления пуль.

2. Вступивши в марте 1918 г. в Центральный боевой отряд, она, Коноплева:

а) приняла участие и самостоятельно вела слежку за Урицким, Володарским и другими в целях организации террористических актов против них;

б) приняла участие в организации террористического акта против товарища Ленина в июле — августе 1918 г. и состояла в числе исполнителей акта.

3. Состоя членом Центрального боевого отряда, приняла участие в организации ряда экспроприаций в советских учреждениях.

11) Ефимов П. Т., амнистированный Верховным трибуналом в 1920 г. за военную работу в Петрограде при военной комиссии:

а) в феврале 1918 г. по предложению с.-р Рабиновича вступил в группу террористов, поставивших себе целью организацию террористического акта против товарища Ленина и, по указанию Рабиновича и члена ЦК партии с.-р. Гоца, выехал вместе с Коноплевой в Москву для организации указанного акта и

б) вступил, по предложению Семенова, в число охраны комиссариата продовольствия с целью содействия Центральному боевому отряду для производства экспроприации в означенном комиссариате.

12) Усов К. А. принял участие в организации боевых дружин в Колпинском районе под руководством Семенова, в качестве начальника этого района и, сверх того:

а) принял участие в организации террористического акта против товарища Ленина в июле—августе 1918 г. и был в числе исполнителей этого акта;

б) принял участие в организации террористического акта против ответственных военных работников, для чего пытался с Ивановой Еленой и Зубковым произвести крушение поезда Реввоенсовета, в коем должен был следовать ряд работников Реввоенсовета республики.

13) Федоров-Козлов Ф. Ф. состоял организатором боевых дружин в Невском районе под руководством Семенова и сверх того в области террористической работы и производства экспроприаций в советских учреждениях:

а) в июле 1918 г. принял участие в организации террористического акта против Володарского, проводил слежку за ним и, скрываясь вместе с

убийцей Володарского Сергеевым уехал в Москву, для продолжения террористической работы.

б) в Москве в июле—августе 1918 г. принял участие в организации террористического акта против товарища Ленина и был в числе исполнителей этого акта и

в) будучи членом Центрального боевого отряда, принял участие в ряде экспроприаций

14) Зубков Ф. В., будучи членом боевой дружины, сверх того:

1. В июле и августе 1918 г. в Москве принял участие в организации террористического акта против товарища Ленина.

2. В то же время в Москве принял участие в организации террористического акта против руководящих военных работников, для чего пытался произвести крушение поезда, в котором следовал ряд работников Реввоенсовета республики.

3. Принял участие в ряде экспроприаций.

15) Пелевин П. Н. — по обвинению его в том, что:

1. В июле 1918 г. совместно с Ф. Каплан, вступивши в Центральный боевой отряд, принял участие в организации террористического акта против товарища Ленина, причем роль его свелась к установлению места и времени выступления товарища Ленина на митингах и осведомления об этом Центрального боевого отряда.

2. Что, состоя членом Центрального боевого отряда, принял участие в организации экспроприаций советских учреждений и частных лиц.

16) Львов М. Л., состоя членом организации, в сентябре 1918 г. снабдил Коноплеву через Иванову Елену необходимой Коноплевой для организации экспроприации в Калужском губпродкоме явкой к эсеру, служившему в упомянутом губпродкоме и оказавшему Коноплевой содействие для осмотра губпродкома в целях определения возможности совершения экспроприации.

17) Морачевский Ю. В. организовал боевые дружины в Васильеостровском районе в Петрограде и сверх того в Петрограде состоял хозяином явочной квартиры Центрального боевого отряда, а в июне 1918 г., после убийства Сергеевым Володарского, скрывал у себя на квартире Сергеева.

18) Ставская Ф. Е., состоя членом организации и приехав в Москву в сентябре 1918 г., вошла в боевой отряд по рекомендации Донского для совершения террористических актов и, по поручению этого же Донского, выехала на самарский фронт для сношения с контрреволюционным центром за Волгой и присутствовала при докладе уфимского представителя о сношениях с заволжским фронтом.

III. Берг Е. Ф. в том, что состоял членом ЦК и участвовал во всей его деятельности, а после сего принимал участие в работе по подготовке вооруженного выступления, участвуя на объединенном заседании военной комиссии Бюро ЦК и ПК по вопросу о вооруженном выступлении в связи с движением за Невской заставой.

IV. Игнатьев В. И. — по обвинению в том, что, состоя членом ЦК партии народных социалистов, принял участие в контрреволюционной деятельности, направленной к свержению советской власти, с 25 октября 1917 г. и. по день ареста, для чего вошел в состав Комитета спасения родины и революции, участвуя во всех действиях указанной организации по борьбе с советской властью; вошел с той же целью в сношения с

контрреволюционными организациями Филоненко и Иванова, как равно военной комиссии партии эсеров, участвуя в совещаниях по вопросам о подготовке вооруженных выступлений, организуемых этой комиссией; вошел в военный штаб Союза возрождения в Петрограде, участвуя в совещаниях, созываемых этой организацией по вопросам подготовки вооруженных выступлений, принимал участие в добывании средств и в передаче таковых в военную комиссию партии с.-р. в целях усиления ее работы, принимал участие в заседаниях политического центра Союза возрождения по формированию будущего контрреволюционного правительства для Северной области и лично выехал для контрреволюционной работы в Вологду, после чего там на месте вступил в сношения с представителями союзнических миссий и контрреволюционных организаций белогвардейского характера в тех же целях свержения советской власти вплоть до момента своего нелегального перехода фронта навстречу союзническому десанту в Архангельске.

Товарищи судьи! В один из минувших дней судебного следствия обвиняемый Гендельман, описывая печальный финал печальной памяти уфимской учредилки и пытаясь объяснить причины, которые, по его мнению, вызвали такой финал этой истории, бросил фразу: «В исторические минуты и отдельные люди и случайности играют определенную роль, и от тех или иных действий этих людей в определенных обстоятельствах зачастую зависят большие последствия».

Я не буду говорить и спорить сейчас, насколько правильно или неправильно выражена в этих словах обвиняемого Гендельмана социологическая истина, но с одним нельзя не согласиться, что, как бы то ни было, на нашей земле живые люди всегда являются тем, чьими руками в последнем счете творится история. Поскольку живые люди, работающие в конкретных условиях, имеют возможность в определенных пределах действовать в качестве фактора жизни, постольку от социологического анализа, от исторических экскурсов нам на суде надлежит вернуться именно к живым людям и к их конкретной, живой деятельности. Дело суда истории определить, исследовать, взвесить и оценить роль индивидуальных лиц в общем потоке развития исторических событий и исторической действительности. Наше же дело, дело суда, решить: что вчера, сегодня, сейчас сделали конкретно эти люди, какой конкретный вред или какую пользу они принесли или хотели принести республике, что они еще могут сделать, и в зависимости от этого решить, какие меры суд обязан принять по отношению к ним. Это наша обязанность, а там — пусть суд истории судит нас с ними.

Что этот вопрос отнюдь не является праздным, а что в этом вопросе — должно ли сохранить или уничтожить подсудимых — заинтересованы не только мы и русские трудящиеся массы, но заинтересованы и широкие слои буржуазии, в том числе и буржуазии Западной Европы, — об этом можно было бы привести сейчас, после 50 дней процесса, целый ряд документальных доказательств. Для примера достаточно вспомнить печатающиеся в

заграничных газетах протесты и заявления за подписями отдельных деятелей буржуазии, вроде редакторов «Берлинер Тагеблат» и других германских газет буржуазного характера, где эти апологеты буржуазного строя с одинаковой яростью и настойчивостью вопиют, бия себя в перси: «Сохраните их жизнь, этих высоконужных нам, западноевропейской буржуазии, деятелей партии с.-р.»

И так как не было до сих пор примера, чтобы буржуазия без всякой корысти для себя вмешивалась в чужие дела, то суду надлежит с тем большей тщательностью всмотреться в конкретную деятельность этих людей.

Это надлежит сделать и по прямому требованию закона. Ст. 5 Уголовного кодекса точно говорит, что «Уголовный кодекс имеет своей задачей защиту государства трудящихся от общественно опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания и других мер социальной защиты». Мы обязаны поэтому определить, в какой мере общественно опасными являются эти люди, и что в отношении их должен определить суд.

Я должен сделать тут еще одно отступление, чтобы раз навсегда покончить с еще одной очередной клеветой, которую угодно распространять по адресу нашего пролетарского суда социал-соглашателям разных толков. В своих телеграммах они кричат о мести, как о главном двигателе, которым якобы руководствуется в данном случае трибунал. Этим господам и их подголоскам я должен процитировать статью закона, которой прошу трибунал самым строжайшим образом руководиться при вынесении своего решения. Это ст. 3 Уголовного кодекса, по которой наказание с нашей точки зрения имеет только две цели: во-первых, предупреждение новых нарушений со стороны неустойчивых элементов общества, а с другой стороны — лишение данного преступника возможности совершения дальнейших преступлений. Исключительно только эти две цели преследует наш суд. Мы хотим охранить советскую Россию от новых преступлений, от новых бедствий, которыми ей угрожает деятельность обвиняемых; мы обязаны охранить республику путем лишения их возможности совершать дальнейшие преступления.

И если бы у нас была хоть на одну секунду гарантия того, что эти лица в будущем не будут опасны и что республика гарантирована от дальнейших преступлений с их стороны, — я заявляю, что я первый пошел бы в данном случае по стопам Центрального комитета партии социалистов-революционеров, подобно тому как он это учинил по отношению к обвиняемому Донскому после его первой экспроприации, — мы сказали бы им: «Иди и впредь не греши». Но в первый же день судебного следствия подсудимые сделали совершенно определенные и не подлежащие никакому двусмысленному толкованию заявления. Так обвиняемый Либеров сказал: «Я признаю себя виновным в том, что в 1918 году я недостаточно работал для свержения вла-

сти большевиков». Обвиняемый Берг заявил: «Считаю себя виновным перед рабочей Россией в том, что не смог со всей силой бороться с так называемой рабоче-крестьянской властью, но я надеюсь, что мое время еще не ушло» О том же самом заявила Евгения Ратнер Наконец, от лица всех подсудимых в своей первой же декларации обвиняемый Тимофеев заявил, — и я тогда же в свое время просил занести это в протокол, — что подсудимые в качестве политической организации не отказываются от права, как он сказал, на восстание, заявив, что при известных условиях это право они используют.

Для меня совершенно ясно, что, с точки зрения революционной юстиции, мы могли бы уже в тот момент процесса на основании ст ст 5 и 8 Общей части Уголовного кодекса и на основании только что запротоколированного заявления подсудимых постановить, что трибунал объявляет судебное следствие законченным и прямо переходит к вопросу о принятии соответствующих мер социальной защиты или наказания Но этот процесс имеет громадное значение в том смысле, что дает возможность тут же, перед лицом русских рабочих и крестьян, вскрыть весь преступный характер деятельности этих людей; поэтому-то трибунал не использовал тогда права, предоставляемого ему законом, и продолжал судебное следствие.

По этим же мотивам не могу и я ни в какой мере пройти молчанием событий, которые, казалось бы, являются событиями давно минувших дней 1918 — 1919 годов, тех самых событий, относительно которых Вандервельде написал в свое время против подсудимых ничего нет, кроме событий 1918 года, давно покрытых амнистией Гражданину Вандервельде, конечно, не угодно читать и знать русские законы. Вандервельде не хочет, конечно, знать того, что из всех предыдущих амнистий ни одна не покрывает контрреволюционных деяний. Это, конечно, его дело. Мое дело — вам эти события напомнить.

Есть однако, еще одно соображение, по которому я обязан обследовать полностью весь материал, который прошел перед вами в течение судебного следствия Закон требует от вас, чтобы, при разрешении вопроса об индивидуальной опасности отдельных подсудимых, вы приняли во внимание все, что они делали от момента утверждения советской власти и до настоящего дня.

Ст 25 Общей части Уголовного кодекса говорит, что суд при определении вопроса о мере наказания обязан прежде всего установить: совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии или в чисто личных интересах преступника Это — основная точка зрения, с которой наш пролетарский суд обязан подойти ко всякому преступлению, а вы судите этих людей, вы будете им определять меру наказания, вы обязаны, следовательно, исполнить требование 25 статьи Ведь утверждают же подсудимые, что они действовали в интересах рабоче-крестьянской России! Закон требует далее: надлежит

установить, совершено ли преступление с полным сознанием причиняемого вреда, при наличии насилия или с преднамеренной жестокостью, и не совершено ли оно профессиональными преступниками-рецидивистами. Все эти вопросы стоят перед нами, и на каждый из них мы, по точному смыслу закона, должны дать ответ. И для того, чтобы ответить на них, нам придется всю громадную массу фактов, которые в течение более 50 дней проходили перед вашим вниманием, еще раз пройти и просмотреть. Это займет, вероятно, достаточное количество времени, но я не считаю себя вправе в данном случае оставить без внимания деятельность подсудимых, за которую миллионы русских рабочих и крестьян платили своей жизнью, а страна платилась своим благосостоянием.

Основной вопрос, который был поставлен с самого начала судебного следствия в первом декларативном заявлении обвиняемого Тимофеева, гласил следующее: «Мы, — говорит он, — ожидали услышать все, но одного не ожидали услышать, — что мы являемся инициаторами гражданской войны». Это обвинение, говорит он, направлено не по адресу, в этом-де мы неповинны. И в доказательство этого утверждения обвиняемый Тимофеев прибавил: «В первый раз, когда я прибыл в Петроград, первое, что бросилось мне в глаза на улицах, — это плакаты, расклеенные новой большевистской властью, они гласили: «Да здравствует гражданская война, мир хижинам — война дворцам!» Из этих плакатов обвиняемый Тимофеев усмотрел, что инициатором гражданской войны была советская власть.

Позвольте уточнить, как здесь говорилось, этот вопрос. Гражданская война — кому и со стороны кого? «Мир хижинам — война дворцам» — это лозунг, говорит Тимофеев, утопического социализма, который был пристегнут большевиками к своему красному знамени. Утопический лозунг это или не утопический — другой вопрос, но что это лозунг пролетарский, лозунг классовой борьбы, лозунг, который всегда с самого начала выдвигался рабочим классом, — об этом спорить нельзя. И ставить его нам в вину, утверждать, что мы, советская власть, явились инициаторами гражданской войны, потому что взяли буржуазию за горло и лишили ее положения господствующего класса, заявлять, как об этот заявил обвиняемый Тимофеев: «Вы инициаторы гражданской войны, потому что свергли власть буржуазии, а поэтому мы будем с вами вести войну», — является верхом нелепости, до какой еще не договаривались эсеры. А Тимофеев заявил: «Что оставалось делать нам, партии с.-р., в таких условиях, как не взяться за меч, — и мы взялись за него». Да, вы взялись за меч, и в инициативе вот этой гражданской войны, совместно с буржуазией, против первого бескровного переворота пролетариата мы вас и обвиняем, так как слова Тимофеева не остались только словами.

Они сейчас же оказались делом. 25 октября был переворот большевистский, а 28 и 29 открылись первые страницы граждан-

ской войны, во главе которой встала партия правых с.-р. Если это было не так, то еще можно было бы опровергать обвинительный акт. Можно было бы попытаться сделать это, если бы живая действительность представляла нам иную картину и в борьбе этой, с ее первых шагов, не создалось бы такого положения, что во главе нападающей на нас буржуазии немедленно же встала партия с.-р.

Вспомните показания свидетелей, которые здесь перед вами прошли, показания Ракитина-Броуна, показания Краковецкого; отбросив в сторону то трактование свидетелей, на какое в особенности—мастер обвиняемый Гендельман, который всегда, когда свидетель ему не понравится, заявляет, что верить этому свидетелю нельзя, так как его либо в Верховном трибунале обработали, либо еще раньше обработали в ГПУ. Пока эти свидетели не опорочены перед судом, их слова имеют на суде большее значение и большие основания достоверности, чем слова обвиняемых, — и поэтому позвольте к этим словам прислушаться.

Что говорит Ракитин-Броун? Кто с первого момента ноябрьского юнкерского восстания присосался к начавшемуся движению и партии с.-р.? Откуда взялся этот некий офицер, явившийся к Авксентьеву с заверением, что он предоставляет в его распоряжение 600 других офицеров, и которого последний направил к Краковецкому? Кто этот Винтергрец, расстрелянный затем за бандитизм, который явился также совершенно неожиданно и заявил, что он берет на себя овладеть броневыми машинами? Вспомните, как у Полковникова, которого посадил в качестве начальника действующей части обвиняемый Гоц, немедленно явился ближайшим помощником некий Хартулари; тот самый Хартулари, с которым мы встретились затем в процессе «Тактического центра» как с шпионом Деникина. К Хартулари присоединилась сейчас же другая группа военщины, целая фаланга алчущих и жаждущих «движения воды» представителей генштаба и простого штаба белогвардейской офицерщины. Я могу цитировать показания Ракитина, где он говорил, что предлагали свои услуги лица определенно монархического покроя. Вспомните, наконец, почему Полковников был назначен Гоцем и был предпочтен им Краковецкому, — ведь одним из мотивов этого было выставлено то, что только за Полковниковым пойдут реакционно настроенные донские казачьи полки. Что все это значит?

Спросим, однако, себя: почему же партия с.-р. во всем этом виновата? Ведь Краснов, Деникин и другая белогвардейщина могли итти и воевать независимо от деятельности партии с.-р. Но так ли было на самом деле? По этому поводу Ракитин-Броун говорит: «Если бы Гоц и Авксентьев не давали нам тех или других директив, то мы не считали бы для себя обязательными какие-либо директивы Комитета спасения родины и революции». Практическая и политическая обстановка того времени была такова, что для того, чтобы поднять хотя бы часть действительно народных масс, для этого нужно было, чтобы во главе контрдви-

жения стояла партия обязательно с социалистическим ярлыком; такая партия и была найдена в лице партии эсеров. Еще больше: чтобы ответить на вопрос о роли партии, достаточно цитаты из письма Гоца от 5 ноября в «Деле народа», того письма, которое он написал, когда был уже вне пределов досягаемости большевиков. Он написал. «Когда движение было решено, мы пригласили представителей военной комиссии Броуна и Краковецкого; мы запросили, какие силы имеются в их распоряжении, и решили двинуть броневые части; я назначил руководителей движения».

Эти вскрывшиеся и прошедшие перед вами факты показывают, что с первой же страницы кровавой гражданской войны, которую буржуазия повела против пролетариата, вместе с буржуазией оказалась партия с.-р. Она оказалась в роли вождя и руководителя, в роли того фокуса, к которому стекались все остальные мелкобуржуазные элементы и за которым шли тяжелой поступью батальоны крупной буржуазии.

Больше того: Гоцу был прямо поставлен вопрос: знаете ли вы, с кем идете, что собой представляет тот союзник, с которым вы подвигаетесь на Петроград? Вопрос был поставлен прямо: знаете ли вы, что такое Краснов? — «Да, мы знали, что такое Краснов», — отвечал Гоц. А из предъявленной мной суду копии того приказа, о котором мы столько здесь спорили и на обратной стороне которой имеется собственноручная подпись Хартулари, мы увидим, что это донесение было адресовано в лагерь Краснова с указанием на те социальные силы, на которые в данном случае партия с.-р. опиралась. Вот эти силы в тот момент: «Наши силы состоят из 200—300 юнкеров Николаевского училища, 6 броневых машин, обслуживаемых офицерством, и 50 дружинников, вооруженных также гранатами». Вот социальный состав сил, на которые они могли в тот момент опереться.

Противопоставьте же этому беспристрастному документу слова Краковецкого о том, как, выходя из Инженерного замка, он встретил черную массу не умевших стрелять рабочих, которые шли, чтобы защищать завоевания революции; сопоставьте эти два факта, и все объективноисторическое содержание этих первых шагов и первых выступлений партии с.-р. станет ясным; да и не только партии вообще, но и конкретных обвиняемых. Партия с.-р. пыталась поднять своим авторитетом вспыхнувшую гражданскую войну, пыталась притянуть к ней рабочие и крестьянские массы, чтобы этим упрочить позицию безнадежно-бессильной группы, которую представляла собою буржуазия в чистом виде. К счастью, рабочие за ней не пошли.

Но если даже вопрос, кто начал гражданскую войну, т.-е. кто первый выпустил пулю, мы отбросим в сторону и признаем просто исторически неизбежным, что гражданская война в формах ожесточенной схватки двух классов все равно должна была разыграться; если мы перейдем только к вопросу о том, какое соотношение сил имело место в действительности, то неизбежно

получим один вывод: в этой борьбе на стороне буржуазии против рабочих и крестьян, против масс, совершивших переворот, в качестве вождя и застрельщика буржуазии встала партия с.-р. Вот то, с чего начала свое историческое бытие после 25 октября 1917 г партия с.-р., и этого не опровергнуть.

Прошли первые дни, и вслед за первыми схватками начались вторые, требующие еще больших усилий и еще больших жертв И в этот период везде, а в частности на юге, в той русской Вандее, которая в течение ряда лет представляла собой главную опору для контрреволюционных устремлений, партия с.-р оставалась руководителем всех контрреволюционных выступлений Я опускаю всю промежуточную полосу от октября до января и перейду прямо ко дню 5 января, к разгону Учредилки. Остановлюсь лишь на две минуты на IV партийном съезде эсеров На нем раздавались речи: «Если посягнут на святая святых партии с.-р., на Учредительное собрание, то в арсенале партии эсеров найдутся методы старой испытанной борьбы» и т. д. Я спрашиваю, в объективной исторической обстановке дней конца 1917 и начала 1918 года были ли эти речи ссылкой на право народа с оружием в руках восстать за попранные права или они были ссылкой на террор? Я чувствовал себя неловко, когда слышал объяснения, данные по этому поводу обвиняемыми Гоц и Ратнер, что они в тот момент не имели в виду террора, а имели в виду, главным образом, право народа на восстание. Это было в ноябре, после того, как их попытка восстания была подавлена, когда после юнкерского и московского октябрьского восстаний они видели, что как раз этим-то оружием потрясать нельзя, ибо это оружие у них заржавело, вышиблено из их рук у них в руках остались только обломки. Я обращаю внимание на этот момент только для его исторической обрисовки, чтобы вернуться к нему впоследствии, когда это будет мне нужно

Наступил день созыва Учредительного собрания, 5 января 1918 г. В этом дне отразилась, как в фокусе, вся последующая история партии с.-р В тактике, которая была принята в день разгона Учредительного собрания, полностью отразилось все то, на что партия с.-р в ее настоящей социальной формации, в ее структуре мелкобуржуазной партии в эпоху пролетарской революции, единственно была способна. И вы увидите, что тактика, которая была принята партией с.-р. в этот день, дальше проявлялась всюду и везде, во всех вопросах политики: будет ли это на Украине или в Самаре, будет ли это в Уфе, в Тамбове, в Сибири или в Черноморье, будет ли это, наконец, здесь, в зале суда, — везде одна и та же линия, проводимая с достойным лучшего применения упорством.

Вот почему тактику с.-р в первый день Учредительного собрания надлежит изучить с особой внимательностью Мы имеем по этому вопросу целый ряд свидетелей, и я очень рад, что этот момент был нами обследован с достаточной полнотой еще тогда, когда ни суд, ни стороны не утомились, когда весь блеск бур-

жуазной адвокатуры, заседающей там, напрягал всю свою энергию и умение, чтобы спасти то, что считал возможным спасти. И тем не не менее показания ряда свидетелей и обвиняемых Лихача, Коноплевой, Усова, Кононова, Ефимова, Паевского, Берга и других установили достоверно историю того, что в этот день случилось.

Еще до этого, военной комиссией, которая была создана IV съездом партии с.-р., на день 5 января было направлено особое внимание. Это был главный объект, так сказать, видимая веха, куда направлялась и где концентрировалась вся совершаемая работа. Я сошлюсь хотя бы на показание Паевского, который определенно говорит, и это показание не опровергнуто никем: «Я получил приказ стянуть боевую дружину к городскому району, около Царскосельского вокзала».

Из показаний Кононова мы знаем, что в этот день он получил приказ собрать дружинников, и они собрались в помещение Московского городского района. Усов показывал, как он пришел в качестве дружинника на это собрание и вместе с другими ждал приказа. Дружинники были разделены на две части, на вооруженных и невооруженных. Невооруженным сказали: идите на Марсово поле и присоединяйтесь к общей демонстрации, вооруженным было приказано отправиться к броневикам. Кононов пошел к броневикам, сидел там и ждал приказания взять броневики, приказа не было, но ясно, что здесь была налаженная организация и боевая группа в виде дружинников, направленных с определенной целью к броневикам.

Возьмите показания ультрабеспристрастного Лихача по этому поводу. Я недаром допытывался у него: как должны были пойти дальше дружинники, куда они должны были пойти, повернуть, на какой улице и т. д. Мы увидели совершенно точную и ясную картину. Лихач указывал следующий маршрут. «Такая-то рабочая демонстрация, из такого-то района—Василеостровского или Замоскворецкого—должна была подойти к броневому дивизиону, захватить его по дороге и затем, вместе с этим броневым дивизионом, подойти к Семеновскому полку как самому надежному; взяв его с собой, подойти к Измайловскому полку, потом к Преображенскому и вместе с ними, сохраняя порядок, отправиться к Учредительному собранию...» Там они должны были заявить, что они предоставляют себя в распоряжение Учредительного собрания. «Беспристрастный» свидетель Лихач кончает следующим: «Никакой инсуррекции, никакого вооруженного восстания не подготовлялось».

Итак, для начала мы имеем определенный план, по которому люди собрались с тем, чтобы захватить броневики; было установлено, что броневики идут и берут с собой Семеновский полк; в Семеновском полку в то время были Ефимов и Паевский, с этим Семеновским полком имел постоянную связь и заходил туда и Семенов; в Семеновском полку, согласно решению последнего гарнизонного совещания, должен был выступать Лихач,

чтобы от имени фракции Учредительного собрания предложить этому полку выступить с оружием в руках. Все это — факты, которых никто не опроверг.

Вспомним, что запрещение Лихачу выступать в Семеновском полку основывалось только на том, что Семеновский полк заявил, — об этом показывает Ефимов, — что он пойдет только, «если его позовет Учредительное собрание». Вспомним, что по этому поводу целые дни шли дебаты в полковом комитете Семеновского полка; что затем, когда услышали, что где-то раздаются выстрелы, произошел перелом настроения, и семеновцы стали разбирать цинки с патронами. Мы видим отсюда, какого сорта «мирные намерения» имели место или были предположены в этом плане. А обвиняемый Лихач дал этому плану заголовок: «Никакой инсуррекции, никакого вооруженного восстания!».

Этого мало. Член боевого штаба свидетель Келлер утверждает, что вопрос о выступлении обсуждался накануне на гарнизонном совещании, что ставился вопрос именно об определенном выступлении и для этого заранее был создан штаб. «Беспристрастный» обвиняемый Лихач говорит, что была создана только «контактная комиссия». Я с большим удовольствием процитирую вам еще раз эту интересную, с точки зрения психологической, страницу допроса обвиняемого Лихача по поводу этой «контактной комиссии». Когда я его спросил: «Были ли у вас одни цели с Союзом защиты Учредительного собрания? — он ответил: «Одни».—«Была ли цель свергнуть советскую власть?»—«Да».—«Были ли у Союза Учредительного собрания те же средства, что и у вас?» — «Да». — «Значит, нужно было только согласовывать совместные шаги, и для этого была организована ваша «контактная комиссия?» — «Она же — штаб». — Больше мне ничего не нужно. По показаниям Келлера и Паевского, в «комиссию» входили три лица, они находились в определенном месте на углу Пантелеймоновской улицы и Литейного и отсюда должны были действовать и сами получать соответствующие распоряжения. Келлер показывал, что он по поручению Семенова вместе с другими должен был итти туда в качестве одного из начальников Броневого отдела; Ефимов рассказывал, что он должен был поддерживать связь с ним; обвиняемый Тимофеев откровенно рассказал, каким образом затем должны были тринадцать броневых машин, те самые, для которых Кононов, по его показанию, ночью доставил бензин, «занять плацдарм соответствующих улиц и повернуть дула, чтобы обстреливать в случае необходимости площадь» и... «итти штурмом на Смольный». Мне кажется, что после этих откровенных показаний и заявлений, которые сделал обвиняемый Тимофеев, вообще часто помогавший мне во время судебного следствия, — не приходится говорить о том, что не было планов «никакой инсуррекции, ни штаба».

Спрашивается, почему же угодно было все-таки эсерам именовать эту демонстрацию мирной? Ведь на нее могли пойти и погибнуть целые толпы народа. И обвиняемый Берг трагическим

шопотом описывал здесь, как падали перед ним убитые. Правда, на мой вопрос, много ли рабочих могли вообще выставить эсеры, он сказал, что большого количества рабочих они выставить не могли. Но тем не менее определенное количество было. Я спросил обвиняемого Тимофеева, каким же образом вы думали с вашими войсками «мирно» производить ваши манипуляции на улицах? Думали ли вы, что караулы будут целоваться с вами, как это было по вашему утверждению 28 ноября, во время первой попытки созыва Учредительного собрания? Но подсудимые все-таки продолжали утверждать, что демонстрация предполагалась мирной. Однако я уже цитировал лозунги и призывы на демонстрацию, помещенные в бюллетене Союза защиты Учредительного собрания и в газете «Земля и воля», вот они: «Вы должны все итти противопоставить свою решимость, желание защитить присущие вам политические права; идите все на эту демонстрацию, идите без оружия». Так гласили призывы. А на деле предполагалось, что пока все будут собираться на Марсовом поле, а от Марсового поля невооруженная толпа пойдет по направлению к Таврическому дворцу, тем временем другая, заранее подготовленная, вооруженная толпа лиц, по определенному плану, по совершенно другому маршруту (минуя Марсово поле, прямо от Царскосельского вокзала и по Литейному) пойдет мимо заранее намеченных полков. Эта группа должна была создать вооруженный кулак, который служил бы, как заявил Тимофеев, «если бы дула броневиков повернулись против Смольного». Таким образом установлено, что для подготовлявшегося и провоцировавшегося столкновения безоружных масс с советскими войсками была подготовлена вооруженная сила; по откровенному признанию обвиняемого Тимофеева, в случае необходимости, она должна была итти «штурмом на Смольный».

Вот какова политика дня 5 января: ложь и лицемерие, лицемерие и ложь, обман народных масс, обман собственных товарищей,—вот характерные черты, которые в эти дни были наглядно, выпукло проявлены ЦК партии с.-р. Помните показание Кононова о том, как после этих дней, когда он второй раз получил приказ собрать боевую дружину в день разоружения Преображенского полка, он сказал, что дружины вторично не собрал, потому что не хотел снова подставлять людей под пули. Кононов требовал искренности и прямоты там, где люди идут умирать. Вот чего он требовал от ЦК в тот момент, и вот почему нам говорит здесь: «Я нарушил партийную дисциплину и не собрал дружины, когда в другой раз получил такой же приказ».

Эта лицемерная, в корне лживая — я не хочу употреблять более сильного выражения — политика партии с.-р., которая была проявлена в день 5 января, была, однако, еще украшена рядом арабесков, равным образом достойных внимания. Прежде всего я остановлюсь на первом из них, на истории, почему была отменена вооруженная демонстрация.

Не случайно она не состоялась, хотя до двух часов, как по-

казывают Усов и Кононов, они просидели около этих самых броневиков. Ждали приказа начинать, но приказа не было. Его не было по двум причинам. Одна из них та, что Лихач не выступил в Семеновском полку, так как бюро фракции ему запретило, а бюро фракции ему запретило потому, что считало, что Учредительному собранию «не гоже самому себя защищать».

Каковы были действительные причины этого запрещения у фракции Учредительного собрания? Политическая наивность, или политическая глупость, или, наконец, политическая трусость, — я не буду этого рассматривать. Факт остается фактом. Лихач не выступил, и не случилось первого толчка, который должен был поднять непосредственную первую боевую силу; замысел был ликвидирован в самом начале.

Вторая причина — Семенов тоже не дал приказа. Почему? Как он показывает, потому, что накануне в ночь от обвиняемого Гоца последовало по этому поводу запрещение. Обвиняемый Гоц отрицает этот факт. Поддерживая Гоца, обвиняемый Лихач пытался хронологически обосновать это отрицание, состряпав новую теорию о том, что он, Лихач, пришел на угол Литейного с Галерной в два часа ночи, только тогда получил от бюро фракции запрет, а поэтому пока он сообщил это известие, прошло время, так что Семенов никак не мог увидать Гоца. Мог он увидать Гоца или нет, — это все-таки вопрос, так как здесь время, когда Лихач попал на Литейный, не играло роли, а в одном из своих показаний перед тем Лихач сказал, что во фракции он был не ночью, а вечером. И если бы я в этом случае следовал примеру Гендельмана и старался так же скрупулезно толковать каждое слово, то я, конечно, громовым голосом просил бы занести в протокол, что в одном случае обвиняемый Лихач сказал, что он был в два часа, а в другом случае, — что вечером. Вопрос не в этом, вопрос в том, что указывают две причины: одну что Гоц распорядился не начинать, — другую, что Учредительное собрание не хотело само себя защищать.

В этих двух арабесках, в этих двух украшениях этого дня тоже сказались определенные черты. Эти черты обе будут повторяться в дальнейшем: в критический момент, когда нужно действовать, — в этот момент эсеры бьют отбой, бросая спровоцированные массы на произвол судьбы. Я не буду говорить о том, какое влияние эта тактика, возведенная в принцип, оказывает и на сторонников партии и на верящие в нее рабочие массы. Я пока только констатирую этот факт, чтобы показать, что на этом дне 5 января отразилось все, что потом будет повторяться всякий раз: трусливый отбой, боязнь ответственности, сваливание вины на других и запоздалое объяснение, что все, мол, «само случилось»...

Еще третий маленький штришок, который тоже чрезвычайно характерен и одинаково относится и к 5 января и к дням октябрьского восстания юнкеров. Это — позиция, которую партия с.-р. заняла по отношению к своим соратникам, к своим полити-

ческим друзьям и союзникам, к Комитету спасения родины и революции, в лице его пленума, и к Союзу защиты Учредительного собрания. Вы помните, с каким остервенением Гоц, Авксентьев и другие писали о том, что Гоц не состоит председателем Комитета спасения родины и революции, и с каким жаром это доказывалось и здесь. Когда допрашивали Игнатьева, Гоц заявил, что никакого пленума у Комитета спасения родины и революции не было, не было и президиума, было так что-то вроде чего-то, вроде бюро. Обвиняемый Игнатьев наоборот, утверждает, что президиум был, что председателем был Авксентьев. Свидетели, которые непосредственно в это время работали, тоже говорят, что председателем был Авксентьев. Игнатьев далее показывает, что на заседаниях пленума ставился вопрос, кто же вызвал то юнкерское восстание, которое проводится от имени Комитета спасения родины и революции. И оказалось, что никто ничего не знает: кто и почему вызвал восстание, и причем тут Комитет спасения родины и революции. В то же время свидетель Краковецкий показал: «Военная комиссия стояла на той точке зрения, что возглавить восстание должны мы, эсеры, но Центральный комитет решил, что ему неудобно возглавить восстание, пусть поэтому оно идет от имени Комитета спасения родины и революции».

Таким образом, с одной стороны, Комитет говорит: знать не знаем, ведать не ведаем; с другой стороны, партия с.-р. говорит: это не мы, не партия, т. е. мы и в то же время не мы, а Комитет, — мы тут, мол, тоже сторона. Вот еще одна черта, которую мы встретим и впоследствии — спрятаться в случае нужды за чужую спину, прикрываться чужой организацией, действовать от имени чужой организации, чтобы потом, когда потянут к ответу, сказать: мы тут не при чем.

Так было и в день 5 января. Демонстрация шла под лозунгом Союза защиты Учредительного собрания, еще накануне из Союза звонили в ЦК, какая же будет демонстрация — мирная или не мирная? Отвечали: мирная, а сами готовили броневики и Семеновский полк. И впоследствии, в другие моменты, например в работе Маслова в Вологде и в Военной комиссии Пашутинского на Украине, мы везде найдем эту черточку. Нигде ни капли политической искренности, нигде ни капли политической прямоты. Этим анализом дня 5 января я считал бы возможным закончить эту первую страницу развития и движения деятельности партии с.-р. и перейти к слдующей странице, которая будет охватывать период от 5 января и до первых чисел июля 1918 года.

Следующий период охватывает собой время от разгона Учредительного собрания и до начала июля, до разъезда из Петрограда главных руководителей и деятелей партии с.-р., членов Центрального комитета. Следствие показало, что Центральный

комитет партии с.-р. представлял собой отнюдь не сплоченное и не единое целое; это в достаточной мере установлено следствием, и впоследствии я буду обосновывать это аргументами фактического характера. Он представлял, с одной стороны, инициативную группу, а с другой стороны, лиц, которые шли за ней и в громадном числе случаев не знали того, что делала основная группа.

Военная комиссия, по свидетельству и Дашевского, и Келлера, и Бергмана, уже не была в это время организацией, которая бы точно исполняла предначертания, данные на IV съезде партии. Вместо широкой агитационной и пропагандистской работы, работа получает характер более конспиративный и узкий, она становится работой заговорщиков.

Военные гарнизонные совещания из бесформенных собраний, которые собирались каждый четверг и каждый вторник и о которых мы находим публикации в «Деле народа», обращаются в собрание руководящей группы, первоначально в лице так называемого Совета, куда входят представители от отделений и отделов, а впоследствии становятся еще более законспирированными в лице так называемых Бюро отделов, которые существовали в Военной комиссии; я сейчас перечислять не буду, полагая, что суд сохранил в памяти эти подразделения: были отделы штабной, красноармейский, издательский, боевой отдел и т. д. Они начинали приобретать характер технических средств для определенной цели, которая, по формулировке обвиняемого Гоца, состояла в «накоплении сил»; но не в том смысле накопления сил, как угодно было формулировать гражданину Гоцу, в смысле широкой агитации, спайки, организационной связанности масс и т. д., а с совершенно определенным техническим характером, где главное место занимает учет сил, скорей арифметический (об этом нам говорил свидетель Бергман), чем политический, на котором настаивает Гоц.

Учитывались конкретные вооруженные силы, конкретные лица, на которых можно было бы рассчитывать в тот момент, когда это будет нужно, — и только. Это первая характерная черта нового периода.

Вторая еще характернее. Мы впервые тут сталкиваемся с вопросами не только политического соглашения, но и финансовой поддержки эсеров буржуазными элементами. Прежде всего мы встречаемся тут с заявлением свидетеля Паевского, который говорит, что от так называемого Комитета спасения Военная комиссия начала пользоваться финансовой помощью, передаваемой, как говорит он, Сергеем Масловым. Эти деньги Комиссия тратила на покупку оружия. Было еще гораздо более компетентное и более авторитетное разъяснение. Оно было дано здесь на суде и исходит от обвиняемого Лихача, который заявил: «Да, гражданин Крыленко! Поскольку мы видели, что работа Союза защиты Учредительного собрания выходит из рамок чисто партийной работы, постольку мы считали возможным брать сред-

ства от этой организации; но, повторяю, не на партийную работу, а на технические поручения, которые нашими партийными работниками выполнялись для Союза защиты Учредительного собрания».

Это заявление чрезвычайно важно и ценно; оно является не чем иным, как второй редакцией того же факта, о котором я только что говорил; оно дает объяснение той картины, которая имела место в дни юнкерского восстания в отношениях партии с.-р. к Комитету спасения родины и революции. Если там считалось возможным в качестве вывески использовать имя этого учреждения, то здесь использовали ту же организацию, чтобы прикрыть факт получения денег.

По этой философии, финансовые средства у буржуазии брать можно; важно только, чтобы эти средства не шли на то, что называется узко партийной работой, узко партийной целью. Деньги можно брать на работу «общенациональную». Что означает это конкретно в той практической работе, которую тогда приходилось вести Военной комиссии? Почему для покупки оружия или, скажем, на содержание броневого дивизиона брать деньги можно, будь это от Союза возрождения или будь это, как при Паевском, от Союза защиты Учредительного собрания; но передать партийному товарищу револьвер, купленный на эти деньги, вооружить партийную дружину, издать агитационные листки для распространения среди рабочих с восхвалением того же Учредительного собрания, но только с аншлагом партии с.-р., — нельзя? Или можно, но только без партийного аншлага? Для того, чтобы содержать шофера броневого дивизиона, для этого можно ему платить деньгами Союза защиты Учредительного собрания, а вот на содержание партийного работника, который ведет ту же самую работу, на это денег у Союза защиты брать якобы нельзя. Что же, работа партийных организаций не диктовалась интересами страны и революции, как они их понимали? Спрашивается: где та принципиальная, существенная, качественная разница, которую можно было бы в действительности провести? В области непосредственной революционной работы во имя достижения определенных политических целей, которые вы признаете важными, необходимыми и святыми, — почему, например, на переброску с фронта или из Петрограда на фронт, скажем, беспартийного белогвардейского офицера можно брать деньги, а на переброску своего самоотверженного партийного работника деньги брать нельзя? Спрашивается: где тут логика, где принцип? Ведь деньги шли от буржуазии. Это важно! Вопрос может стоять только так: или деньги от буржуазии брать можно или нельзя. Tertium non datur. Но эсеры обязательно найдут «tertium». Опять та же черта, такое же сплошное лицемерие, самообман и обман других, для того чтобы подлое дело прикрыть софистикой и ложью.

Наиболее выпуклое проявление этой теории выступает в интерпретации обвиняемого Тимофеева, когда он рассказывает о

«военной конвенции», которую он якобы заключил с офицером французской миссии Вертамоном, цель которой заключалась в том, чтобы получить взрывчатые вещества от французской миссии для взрыва поезда с золотом. Тимофеев считал допустимой техническую помощь французов для того, чтобы произвести взрыв, но взять у них деньги, чтобы найти автомобиль и увезти золото, считал недопустимым. Эта теория, которая здесь впервые появляется, впоследствии получит свое развитие. Но по существу для всякого человека, который мыслит логически, называя вещи их настоящими именами, и не боится сказать открыто, что он делает, — для всякого такого человека никакой тут разницы, ни принципиальной, ни другой, — нет. Для эсеров, для фразеров, для людей, которые, наоборот, не могут, что называется, плюнуть, не сделав соответствующего демократического жеста, — тут разница есть. Он обязательно должен сказать: я возьму деньги от Союза возрождения для того, чтобы осуществить переброску белогвардейца на советский фронт, так как это диктуется «общенациональными» задачами, общими интересами и общими целями с буржуазией; а на текущую партийную работу, хотя бы она способствовала той же переброске или обеспечивала условия, благоприятные для дальнейшей переброски, — не возьму; так скажет эсер — и тут же солжет, ибо все равно деньги он возьмет, но только не скажет.

Что делала эта Военная комиссия? По показаниям Келлера, работа Военной комиссии носила, главным образом, военно-оперативный характер, для чего город разделялся на комендатуры. Первоначально комендатура ставится исключительно партийная, а потом и партийная и беспартийная. В штаб входят первоначально также только члены партии, в частности известные лица, с которыми мы затем не раз встретимся,—полковник Постников и Виктор Шкловский. По показаниям Дашевского, с определенного момента целиком и, так сказать, взасос начинают работать в этой комиссии Рабинович и Донской, один специально уполномоченный ЦК, а другой сам член Центрального комитета. Какого же характера производится работа? Сюда относится прежде всего та система «вливания», которая составляет исключительную особенность этого периода: в армию «вливают». С одной стороны, «влили» заведомого предателя Тисленко, с другой стороны — Карпова, и, наконец, в показаниях Дашевского мы имеем упоминание о чрезвычайно крупном назначении, которое удалось провести на высокую командную должность. Дальше при помощи тех же связей исключительно конспиративного характера открывается еще одна область работы, которая относится к эвакуации частей, а именно: переброски артиллерийских батарей из Петрограда в Вольск и электротехнического батальона в Саратов, а затем переброски броневого дивизиона, того самого, из-за которого происходит впоследствии горячий спор между Игнатьевым и военной организацией партии с.-р.

Эта работа носит характер совершенно определенный. Здесь не может быть и речи, что на первом плане стоит работа политической агитации и политической пропаганды. Эта работа оперативная и техническая, узко военного характера, по подготовке определенного конкретного дела и вооруженных выступлений.

Во всех трех случаях, которые перед нами прошли, как попытки выступления: 1) при разоружении Преображенского полка; 2) попытки в связи с волнениями за Невской заставой; 3) попытки в связи с волнениями в минной дивизии, — обвиняемый Гоц и другие пытались представить картину, что заговорщического элемента в этом движении не было, а была, наоборот, ставка на широкое массовое движение, во время которого эсерам надлежало, так сказать, явиться и объявить: «Вот я, мол, к вашим услугам, слушайте меня и повинуйтесь, я поведу вас ко спасению».

Так ли это?

Возьмем только один, наиболее подробно обследованный момент — разоружение Преображенского полка. Здесь мы имеем, с одной стороны, показание, что по этому вопросу было специальное совещание, где принимали участие члены ЦК и где было решено выступление произвести. Имеется затем показание Келлера, который присутствовал на другом совещании по этому же поводу, с Филоненко; я допрашивал Келлера, какой же характер носило ваше совещание, информационный или практически-деловой? Он ответил: практически-деловой; обсуждали конкретные задания, причем боролись две точки зрения — одна, что нужно выступать сейчас же, а другая, что нужно погодить. Но вопрос шел чисто практический, военно-технический, отнюдь не имея характера информационного или общей политической пропаганды.

Дальше по тому же вопросу в Преображенском полку мы имеем показания Кононова, которому было дано специальное задание собрать боевиков. Были установлены дежурства, как говорит Келлер, два или три дня дежурили и ожидали соответствующего момента, что вот-вот с момента разоружения Преображенского полка начнется движение. По этому же поводу Гоц и Донской дали характерный ответ: «Мы не препятствовали противодействию полков разоружаться». Это замечательная формула! «Не препятствовали их противодействию разоружаться!» Когда я конкретно пытался вскрыть содержание этой формулы, что в ответ на это нам поведал обвиняемый Гоц? Он сказал, что в этот день одновременно были мобилизованы все ячейки, ожидавшие соответствующих указаний; они ожидали, что как только начнет Преображенский полк, его поддержит Семеновский, за ним Измайловский и другие полки, захваченные чувством «профессиональной солидарности», как сказал Гоц, и произойдет столкновение. Я спросил тогда: «А что, при этом столкновении были даны политические лозунги и девизы, во имя

чего полки должны выступать?» Нет, никакого политического лозунга не выдвигалось.

Ставка была на то, что они называли «профессиональной солидарностью» не желающих разоружаться солдат! И это называется «политическое выступление»! Мы называем это политической провокацией в расчете, авось что-либо выйдет и тогда мы кое-что выиграем. Но нельзя забывать, что означало это практически, что скрывается конкретно за этими словами. За ними скрывается смерть, скрывается кровь, столкновение и жертвы, а между тем подсудимые считали возможным вести людей на эти жертвы и сейчас считают возможным открыто и нагло заявлять, что вот как, мол, мы это делали: политического лозунга не выставлялось, а ставка наша была на «профессиональную солидарность» не желающих разоружаться солдат.

Дальше я спрашивал: «Позвольте, неужели вы не предвидели этой возможности крови и жертв?» Нет, предвидели. Мы видим и в этом случае повторение той же самой системы и тактики подготовить и собрать, мобилизовать, отдать приказ, но все же не под своим именем, а за чужой спиной на всякий случай, чтобы можно было потом уйти в кусты.

Возьмите два других факта, относящихся к разоружению минной дивизии и к волнениям на Обуховском заводе. Там тоже были совещания о конкретном выступлении. Об этом шла речь на собрании, где присутствовал Гоц, Семенов, Флеккель, Коноплева и другие; относительно одного Берга только не было твердо установлено, был ли он или не был, так как обвиняемыми Семеновым и Коноплевой заявлено, что они не могут твердо установить его присутствие. Решался вопрос именно о выступлении. Решение было отрицательное, вследствие «трезвого учета» реального политика Гоца. Присмотритесь, однако, к этому «реальному политику» и к обстоятельствам, которые имели место при разоружении минной дивизии, и вы получите еще целый ряд штришков, характерных для той же эквилибристики партии с.-р.; вы оцените тогда вполне, в чем же «реализм» и какого сорта «реализм» его политики.

Вся история с минной дивизией сводится к тому, что 14 миноносцев дивизии должны были продвигаться по Неве. Это продвижение было сопряжено с чрезвычайными затруднениями и упорством матросов минной дивизии, которые не хотели продвигаться. По датам документов, которые я приобщил к делу, видно, что продвижение началось чуть ли не в начале апреля, а закончилось чуть ли не в мае, причем за месяц дивизия дошла от Николаевского моста только до Обуховского завода, где окончательно остановилась. Настроение все повышалось и, наконец, разразилось в том выступлении, которое связано с именем Лисаневича и Зосимука, этих двух лейтенантов, о которых я говорил на судебном следствии. На суде фигурировали документы, характеризующие агитацию, которая велась в минном дивизионе; те самые документы, из-за которых у меня

произошло столкновение с защитником Ждановым, когда гр. Жданов, зная, как защитник в процессе Шасного о подложности документов, так как он видел их еще в 1918 году, все-таки позволил себе тут замечание, что это документы не подложные. Документы известны; они представляют самую беззастенчивую клевету, глупую и наивную, что Совнарком связан с германским штабом, что приказы Реввоенсовета республики пишутся Людендорфом, который приказывает назначить Флеровского, сменить Блохина и т. д., уволить Дыбенко и в частности приказывает взорвать Балтийский флот. Вот какого рода агитацией поддерживалось возбуждение среди минной дивизии. Игнатьев, в свою очередь, рассказывал здесь, что, получив сведения о контрреволюционной организации черносотенца Иванова, которая располагает такими силами, что может посылать эти миноносцы по своему усмотрению, проверил эти сведения и действительно нашел, как было условлено, два миноносца у Литейного моста.

Но Игнатьев убедился не только в том, что была рука, направляющая организацию, но и в том, чья была эта рука, инсценировавшая и провоцировавшая возмущение минной дивизии, и решил... отойти от греха. Когда Игнатьев был впоследствии в Архангельске и встретился лично с Лисаневичем и Зосимуком, он выяснил физиономию этого движения полностью.

И с таким настроением, с такого рода агитацией, с такого рода союзниками представители партии с.-р. сочли возможным действовать совместно, ставить ставку на такого рода движение!

Чтобы еще более уяснить и конкретизировать этот инцидент, я в свое время задал вопрос Донскому: когда вы убедились и осведомились, что такое собой представляет черносотенная организация Иванова, когда убедились, что она связана с германским штабом, что́ вы сочли нужным предпринять для того, чтобы парализовать этого рода деятельность и интриги германского империализма? «Мы не считали нужным предпринимать какие бы то ни было меры, — ответил Донской. Я не требовал от Донского донесения в ВЧК, раз он полагает, что советская власть — такой дьявол, что против нее даже германские шпионы хороши. Но разоблачить планы этого сорта среди матросов, политически бороться с людьми этого рода было все же обязательно! А вместо этого были завязаны сношения с Ивановым и никаких мер против них предпринято не было. Пусть даже эти совещания были информационного характера, но это были совещания людей, встретившихся на одной работе, и не разошедшихся врагами.

Еще большая связь обнаружена с организацией Филоненко. Там была прямая попытка соглашения; свидетель Келлер был на этом совещании, рядом с ними сидел Филоненко, и они беседовали о конкретном техническом деле, о боевом техническом соглашении для вооруженного выступления. Обвиняемый Лихач об этом говорит: я знал, я слышал об этой организации;

обвиняемый Тимофеев говорит: я слышал от Лихача, но принял как анекдот, а не всерьез.

Так ли это? Так ли, когда есть живой свидетель, что это было вовсе не так? Когда для координации действий, для совместного выступления было созвано совещание, после этого нам здесь будут говорить, что даже объективного, так, сказать, «невольного» блока якобы не было? Нет, блок у вас был; тот факт, что вы ничего не предприняли против организации Иванова, доказывает, что объективный блок у вас был даже с германскими шпионами, а политический блок, не объективный, а принятый вами и проведенный по совместному уговору в жизнь, у вас был с организацией Филоненко.

Я подойду теперь очень осторожно к вопросу относительно финансирования социалистов-революционеров деньгами от Филоненко и Иванова. Я подойду к этому вопросу осторожно, потому что, выступая в качестве государственного обвинителя, считаю для себя возможным оперировать только такого рода фактами или свидетелями, которые мне представляются в полной мере или хотя бы в достаточной степени обоснованными и имеющими доказательную силу Келлер рассказывал о том, как после заседания с Филоненко денежные средства организации усилились, причем Келлер видел, что после заседания остались вдвоем Семенов и Филоненко. Мы знаем далее из показаний Семенова, что он получил деньги от Филоненко. Отсюда мы вправе заключить, что финансирование имело место; сопоставляя эти факты и подходя к ним с максимальным критицизмом, я должен установить, что никаких оснований для того, чтобы не верить Келлеру, у меня в данном случае нет Вот почему я думаю, что в этом вопросе мы можем с достаточным обоснованием утверждать, что дело не ограничивалось только политическим блоком.

Равным образом также ставится, хотя тут нужно быть еще более осторожным, вопрос о финансировании со стороны организации Иванова. Более важным мне представляется, однако, другое обстоятельство в истории с организацией Иванова, а именно тот факт, что к Иванову и его организации эсеры подошли не однажды, а два раза Они подошли к ним еще раз тогда, когда вплотную сплошным фронтом шли в бой против советской власти, вместе с военным отделом Союза возрождения. И вот тогда, поскольку и в этот момент, месяц спустя, они уперлись в ту же самую организацию, и поскольку мы слышали не могущие быть опровергнутыми свидетельства Верховского относительно его попытки поставить практически вопрос о деятельности совместно с Ивановым, — постольку опровергаются слова Донского, что с Ивановым дело ограничилось только информацией.

Мы видим отсюда, что вопросы практики в этом отношении преобладали над вопросом принципа, и столь любящая вообще принципы партия с.-р. в этом деле далеко не оказалась стоящей

на принципиальной высоте. Это — уже третий блок после первого блока с Филоненко. Второй блок с Ивановым, и третий, наиболее тесный, наиболее развитой и согласованный — блок эсеров с Союзом возрождения Присмотримся же к этому блоку.

Вы помните показания, которые давали сначала Келлер, а потом Верховский, об едином политическом штабе с этой организацией, в котором были перечислены следующие лица: Шкловский, Полковников, Постников, Гоц, генерал Суворов, генерал Верховский и обвиняемый Игнатьев Эта организация возникла первоначально по инициативе Игнатьева, когда к нему обратился народный социалист Станкевич, познакомил его с генералом Суворовым и с генералом Верховским, когда таким образом создалась первоначальная ячейка. К Игнатьеву явились Шкловский и Постников уже в качестве представителей военной организации партии с.-р и к нему же потом явился в качестве политического представителя и руководителя Гоц. Последний не отрицает факта, что он входил в эту организацию и принимал участие в ее работе, но он говорит, я принимал участие с политико-информационными целями Занимались же они, по выражению Игнатьева, болтовней без какого бы то ни было конкретного дела Но когда мы спросили Верховского, что собой представляла эта организация, мы увидели иное.

Она делилась на две организации: ту, которую мы здесь на судебном следствии именовали как организацию «ста», и другую организацию, которую мы называли организацией «тысячи». Организация «ста» была непосредственно делом рук работников, составлявших военный штаб, и сюда входили как партийные, так и беспартийные элементы, во всяком случае только люди, которые стояли по меньшей мере на принципе борьбы за Учредительное собрание; она и составляла основное ядро военного отдела Союза возрождения. Затем была организация «тысячи», которая тянулась к генералу Суворову, а от генерала Суворова шла в массу офицерства, большею частью, как сказал обвиняемый Гоц, высшего командного состава, из которой он, Гоц, намеревался затем образовать резерв для будущей народной армии Другим концом эта организация тянулась через Суворова, по свидетельству Верховского, к французскому агенту графу де-Шевильи, имя которого нам сделалось известным из показаний Рене Маршан, и, наконец, к французскому генералу Нисселю, с которым непосредственно беседовал и имел связь сам Верховский.

Сопоставим с этим показанием Верховского показания Игнатьева относительно непосредственной связи финансового характера через Суворова с французской миссией; вспомним утверждение Гоца, что им брались от Союза возрождения деньги на работу по переброске офицеров и построению новой армии, и мы получим сплошной политический фронт На правом крыле его стоит французская миссия с Шевильи, Нисселем, Суворовым, а на левом фланге народные социалисты и социалисты-револю-

ционеры. Эту неразрывную цепь, которая спаяла тесным содружеством лиц, стоящих рядом друг с другом, разорвать нельзя; они связаны самыми крепкими узами, которые существуют в капиталистическом мире, — узами золота. Мы увидим затем, как не раз и не два делались потом дальнейшие шаги для укрепления такого рода уз.

Я спрашиваю: какая политическая цель объединяла их? Их политическая цель была одна, вооруженная борьба против советской власти. Я задавал вопрос Гоцу: вот эта «тысяча», она являлась слагаемым в этой предполагаемой борьбе? Нет, слагаемым, — отвечал Гоц, — она не являлась, ибо эти офицеры мыслили себя «аполитичными». Но т. Луначарский вчера уже говорил, что трезво, реально смотрящий человек, тем более политик, не может полагать, что эта «аполитичная» тысяча офицеров, финансируемая за счет французской миссии, в момент переворота так и будет абсолютно «аполитична», что когда развернется открытая борьба и выступление на улице, то эта «аполитичная» тысяча, состоящая на точном учете, останется только равнодушным зрителем.

Обвиняемому Гоцу угодно было сказать, что связь их с офицерством заключалась еще в том, что они издавали литературный сборник на военные темы; этим невинным делом все ограничилось. Едва ли так! Во всяком случае французская миссия и в частности французский посол Нуланс, которого Рене Маршан характеризовал как человека сугубо скупого, на издание сборника для разрешения теоретических вопросов военной стратегии и тактики отнюдь не отпустили бы денег. Эта связь представляется мне совершенно иной и характеризуется показаниями Верховского, что конкретной целью штаба была подготовка выступления, а не издание сборников и не накопление сил на предмет строения будущей армии.

Обвиняемый Игнатьев пошел в этом отношении еще больше вперед. Он человек, который не так осторожен, как члены ЦК партии с.-р., и в известных случаях рубит с плеча. Если есть под рукой генерал Геруа, возьмем деньги от Геруа, есть англичанин Галлеспи, возьмем и от Галлеспи. Он более примитивен в области этики и не стремится или просто не умеет так искусно вуалировать свои дела. Но факты от этого не меняются. Если обвиняемый Игнатьев брал несколько раз деньги у генерала Геруа, если он потом брал деньги в Вологде у английского агента Галлеспи, а через Суворова у французской миссии и давал эти деньги на военную организацию партии с.-р. вместе с Постниковым, то этими показаниями одинаково уличается и Игнатьев и партия с.-р. Когда обвиняемый Гоц возражает: «Этого не было»,— то это не есть еще судебное доказательство; в смысле судебном оба эти показания являются равноценными для суда, и Гоц не делал попыток привести доказательства против Игнатьева. И потому вопрос о разделе этих денег является по меньшей мере не опровергнутым.

Но я бы иначе подошел к вопросу. Повторяю, мне представляется смешным и нелепым утверждать, что деньги брать на переброску можно, а на партийную работу нельзя. Я таких тонкостей в области политики не различаю. Нужно смотреть на вещи трезво и говорить, что деньги есть деньги, а работа есть работа; цель одинакова — и люди одни; и нечего поэтому завитушками прикрывать действительное содержание вещей. Мы имеем доказанные факты в этом отношении, и Верховский и Игнатьев одинаково говорят: денежная помощь, шедшая непосредственно из сундука французского капитала, оказывалась для работы военного отдела Союза возрождения; во главе политической части этого отдела стояли обвиняемые Игнатьев и Гоц; как часть его работала военная организация партии с.-р. Вот и все,— и больше ничего не нужно.

Есть еще одно обстоятельство, которое здесь на суде вызвало ожесточенную борьбу: это вопрос о передаче денег члену ЦК партии с.-р обвиняемому Иванову. Позвольте в этом вопросе обратить внимание на целый ряд мелочей, поскольку здесь эти мелочи существенны. По заявлению обвиняемого Игнатьева, им должны были быть получены крупные суммы денег, исчисляемые сотнями тысяч, из Москвы, непосредственно из французского источника. «Я этих денег не получил,—говорит Игнатьев,— получил только одну часть, около 30 000; деньги должен был передать некий эсер, но он передал только часть; по этому поводу я обращался к Гоцу: так, мол, и так, ждем денег, а деньги не поступают, где они?» — На суде мы спросили обвиняемого Гоца, было ли это? Он ответил: «Я помню такой разговор; Игнатьев жаловался, что какая-то сумма не поступает». — Так и запишем. Дальше обвиняемый Игнатьев говорит: «По этому поводу ко мне явился однажды совершенно мне до сих пор незнакомый член ЦК партии с.-р Н. Н. Иванов и с ним мы выяснили вопрос относительно этих денег». Спрашиваем Н. Н. Иванова: «Вы были у обвиняемого Игнатьева по вопросу о деньгах?» — «Да, был, но денег никаких знать не знал, мне только сказали: зайдите к Игнатьеву, там что-то с какими то деньгами выясняется; но сам я про деньги ничего не слыхал и денег в глаза не видал». — Допустим, что и это так. Подойдем с другого конца и спросим: как, через кого могли в эсеровскую организацию в Москве поступать французские деньги?

Два имени могут здесь быть: либо Моисеенко, который был непосредственно связан в Москве в этом периоде с военной работой, либо Тимофеев, который все время заявлял, что только через него могли итти деньги на военную работу. Но так как деньги шли из Союза возрождения, то ясно, что они могли пройти только через лиц, близко стоявших к Союзу. Близок же был именно Моисеенко, а не Тимофеев. Но тут на сцену неожиданно выступает обвиняемый Ефимов и говорит: «Я получил эти деньги от Рабиновича». Мог ли Рабинович их получить? Да, он был непосредственным работником Военной комиссии;

Военная комиссия была связана с отделом Союза возрождения и для этой Комиссии мог получить деньги только Рабинович; Рабиновичу же мог их передать только Моисеенко. Этого мало; Ефимов дальше говорит: «Было сказано, что эти деньги надлежит передать для Игнатьева и для Суворова». Так устанавливается первоисточник.

Ефимов рассказал далее, как он приехал и передал. Иванов продолжает отрицать: нет, не передавал, ничего подобного не было. Обвиняемый Гоц, чтобы опровергнуть показание Ефимова, построил целую теорию относительно своей первой и второй поездки в Казань, чтобы доказать невозможность встречи Ефимова с Рабиновичем. Обвиняемый Николай Иванов старался иным способом запутать вопрос: «Я, — говорит, — в Петербурге был два раза, и до поездки на Урал и после поездки, и не мог, следовательно, видеть Ефимова». Разберемся и в этом: первая поездка Иванова в Москву (до поездки на Урал) была в конце мая, а вторая — между 20 и 30 июля. Игнатьев показывает, что у него свидание с Ивановым было в конце июля. Ефимов говорит: «Я ехал в Петроград летом в гимнастерке», — значит тоже в июле; дальше, Рабинович и Гоц в это время были в Москве, с 15 июля по 30 июля. Рабинович мог, значит, видеться с Ефимовым. Теперь Ефимов, приехав в Москву, отдает деньги Николаю Иванову. Мы не знаем точно даты, когда приехал Ефимов, знаем только, что между 20-м и 30-м; но мы знаем, что Игнатьев уехал из Петрограда в конце июля, и что 1 августа, когда совершился переворот в Архангельске, он был уже в Вологде. Следовательно, точно так же он мог уехать из Петрограда в самом конце июля.

Теперь представьте себе, мог ли в этих условиях вполне добросовестно Николай Иванов до приезда Ефимова притти к Игнатьеву и сказать: знать не знаю ничего о деньгах? — Мог. Мог ли Ефимов приехать к Николаю Иванову и передать деньги после отъезда Игнатьева? — Мог. Должен ли был в этом случае Николай Иванов вторично искать Игнатьева? — Нет. Но, может быть, кто-нибудь другой был, кроме Игнатьева, кому возможно было отдать деньги? — Посмотрим: Шкловский в это время был в Саратове, Постников и Верховский сидели в тюрьме, Гоц уехал в Москву, а Игнатьев в Вологду. Кому отдать? Что же надлежало сделать с деньгами? Дело общее, — штаб один... Ответ ясен. Так разрешается вопрос, если даже верить Иванову, что он в беседе с Игнатьевым ничего не знал о деньгах. Если верить...

Сопоставление мелких деталей дает мне возможность в этом запутанном вопросе сказать: вероятность полностью падает не на сторону Николая Иванова и Гоца, а на сторону Ефимова и Игнатьева; истина ясна из этих полупризнаний Иванова и Гоца. Мне представляется, что еще одно обстоятельство здесь также нужно принять во внимание, еще одно полупризнание такого же характера. Игнатьев говорит: ввиду того, что по поводу этих

денег происходили постоянные нелады, встал вопрос об урегулировании этого дела, и Военной комиссии партии с.-р было предложено составить смету. Мы спрашиваем Гоца: «Было?» — «Было, вопрос о смете шел». Это — еще одно доказательство.

По этому же вопросу есть и еще деталь.

В Невском районе имели место нелады организационного характера, перепутали комендантов: неизвестно, какой комендант был эсеровский, какой энесовский По этому поводу Игнатьев специально ездил за Невскую заставу, видался с Семеновым и говорил с Гоцем. Спрашиваем Гоца: «Было так?» Гоц говорит: «Что-то по этому вопросу я помню». Картина согласованной практической работы совершенно ясна и версия об «информационно-политических разговорах» терпит фиаско.

Наконец, последнее обстоятельство из той же категории мелких штришков, касающееся целиком обвиняемого Лихача. Обвиняемый Лихач как раз для этого случая состряпал на досуге свой знаменитый календарь 1918 года и по нему высчитал, что из Петрограда он выехал ровно и точно 26 июля 1918 г. Перед этим Лихач был в Москве, виделся с Гоцем. Перед отъездом Гоц сказал Лихачу: «Поезжайте в Петроград, там вы найдете Игнатьева, адрес его такой-то, у Игнатьева найдете Суворова (Верховский уже сидел в тюрьме). Найдя Суворова, столкуйтесь с ним и возьмите Суворова как военспеца с собой...» Я спрашивал тогда Лихача: «Вы знали, что Гоц работал в Союзе возрождения?» — «Нет, не знал». — «Но вы вообще знали, что ведется общая военная работа?» — «Знал». — «Вы знали, что ведется у вас переброска войск не только на восток, а и на север?» — «Нет, не знал». — «А может быть знали?» Тогда Лихач, улыбаясь, заявил: «Для вашего удовольствия, извольте, знал». — «Хорошо, а кто заведывал переброской, знали?» — «Нет, — говорит, — этого удовольствия я вам не сделаю, не скажу» Но и первого признания довольно. Лихач приехал к Игнатьеву, чтобы взять Суворова с собой на север.

Позвольте противопоставить этому объяснение Игнатьева, данное независимо и до заявления Лихача. Игнатьев разъясняет: Суворов выражал желание ехать на север в качестве руководителя северным плацдармом. Почему именно о Суворове говорилось? Потому, что Суворов был военный спец по военному отделу Союза возрождения. Зачем сам Игнатьев поехал на север? По подготовке восстания в связи с ожидавшимся десантом союзников на севере. Лихач поехал за тем же самым и перед отъездом заехал к Игнатьеву, чтобы забрать Суворова на север. Но Лихач поехал не один, а вместе с Ганжумовым, одним из комендантов военной организации Игнатьева — Гоца — Верховского — Нисселя и tutti quanti. Так обстояло дело с третьим блоком и его деньгами.

Позвольте, товарищи, теперь пока закрыть эту страницу и перейти к аналогичным событиям этого же периода в Москве.

Если в Питере была в этом момент неразбериха, то в Москве неразбериха была в головах эсеров в десять раз больше. Первую неразбериху мы имеем как раз в период после Октябрьских дней, и она выражается в том, что когда Григорий Ратнер с Коганом-Бернштейном выставляли в Московском совете лозунг: «Долой гражданскую войну внутри демократии», — другие проповедывали: «Долой советскую власть». Свидетеля Шестакова по этому поводу мы сугубо спрашивали: «Были ли такие лозунги?» — «Да, были такие лозунги». — «А как они вяжутся друг с другом?» На это свидетель Шестаков ответил: «Я не желаю отвечать» Что же, это тоже ответ в своем роде.

Ту же неразбериху, лучшее ее живое олицетворение мы видели в лице партийно-беспартийного Давыдова, который состоял товарищем председателя фракции Московского совета и был выдвинут фракцией нето как непартийный от партийных, нето как партийный от беспартийных. Это — одна сторона. Это, так сказать, «идейное» вступление, а теперь... цель Рядом с этим в тот же самый период мы видим авантюру доктора Павлова.

Относительно этой авантюры имеется целый ряд свидетельских показаний: Канделаки, Шестакова, Святицкого, Фейта и впоследствии по тому же вопросу показания обвиняемых: Ратнера, Дашевского и Тимофеева Доктор Павлов, член Учредительного собрания от партии с.-р., в свою организацию включил объединение буржуазной домовой охраны и организации церковных приходов. Поразительно красочная картина! Интересно то отношение, которое проявил к этой авантюре член ЦК обвиняемый Гендельман Как вы помните, Канделаки встретился с Гендельманом и говорил: «Что мне делать? Павлов меня тянет в какую-то организацию. Имеет ли Павлов полномочия?». «Нет, не имеет». «А как же тогда поступить?» «А как бог на душу положит», — отвечает Гендельман Шестакова тоже тянули в эту организацию, но он просил уволить его от этого. Предложили же Шестакову в нее вступить Григорий Ратнер и Павлов, оба члены Московского комитета или члены Бюро московского комитета партии с.-р Итак, два члена Московского комитета предлагают Шестакову войти в военную организацию, причем оба сообщают об этом на ушко, так как это «конспиративное дело» и «Московский комитет о сем не узнает». По крайней мере, когда мы спрашивали третьего члена Московского комитета, знал ли он об этом, — он ничего не знал.

Что же это такое? Что это за организация, что за нравы в этой знаменитой партии с.-р., где все друг от друга конспирировали? В эту организацию вошел управляющий делами ЦК Фейт, который рассказал нам тут, что в штабе этой организации были два полковника А генералы были? — Нет, генералов не было, но два полковника были — один хороший, другой скверный, хороший — это знаменитый Махин, а скверный — Ткаченко. — А почему скверный? Потому, что он был не партийный, не эсер, за ним был хвост, как за генералом Суворовым, хвост

из 1000 офицеров. Эта организация имела место, и Фейт, старый, преклонного возраста революционер, работал в этой организации... об руку с церковными приходами.

Это не все. Рядом со стариком Фейтом мы имеем мальчика Закгейма, который также показывал, что делалось в этой организации. Он рассказал нам о попытке создания боевой группы Игошина, Богданова и т. д., рассказывал и о намерении производить экспроприации. Это подтвердил и Ратнер, который был в той же организации как информатор от Московского комитета и который по сему поводу Московскому комитету ничего не доложил. И это характерно не только для неразберихи в умах, что было бы простительно: нет, это характерно для всей партии, ибо это оппортунизм, возведенный в принцип.

Но пойдем от Павлова выше. Павлов был только член фракции Учредительного собрания и не состоял членом Бюро фракции, и обвиняемый Лихач просил запротоколировать, что Павлов в качестве члена Бюро не упоминается. Но у нас имеются показания Святицкого, члена Бюро, который показал: фракция делилась на две группы—большинства и меньшинства; меньшинство было активно, большинство — пассивно. Меньшинство было недовольно большинством, и дело решилось так, что активное меньшинство сначала писало протесты в ЦК, а потом решило действовать самостоятельно. Вот если к этому заявлению Святицкого от левого крыла добавить заявление Авксентьева от правого крыла, который в своей брошюре описывает, как образовался в это время Союз возрождения, мы получим действительную картину того, что же было на самом деле.

«Лица разных партий», — пишет Авксентьев, — «решили сами действовать». О том же говорит и Игнатьев: собрались люди и решили сами действовать, так работал Павлов, так действовали Авксентьев, Канделаки, Ратнер и другие. Правда нам скажут, причем же тут ЦК? А вот причем. Когда ЦК в октябре 1918 года приказал ликвидировать участие членов партии в Союзе возрождения, Авксентьев и компания преподнесли «сенатское разъяснение», что, конечно, ЦК прав. Но что из того вытекает, что нужно разогнать Союз возрождения? Отнюдь нет, это полезнейшее учреждение, его нужно всячески культивировать, но его работу нужно понимать так: задачи Союза — практическое согласование действий разных партий, и уходить из него нельзя. Только что ЦК во имя выпрямления политической линии сказал: уйдите из всех организаций, которые вас втягивают в авантюру, а Авксентьев пишет: Союз возрождения — полезная вещь, уходить не надо. И ЦК об этом знает, как знает Гендельман об участии Канделаки в работе Павлова, как знает Постников о работе Ратнера, и... молчит.

Таков основной принцип внутрипартийной жизни эсеров, и одним из проявлений этого принципа и была авантюристическая организация Павлова. Она ставила себе определенную цель, подготовку боевых дружин и вооруженного восстания. И это было

в Москве после Октябрьских дней, о которых так красочно рассказывала здесь обвиняемая Евгения Ратнер, после только что полученного предметного урока... Вы помните, как это было. Все демократические овцы и козлища, кроме большевиков, собрались в Комитете общественной безопасности и оттуда руководили двумя школами юнкеров и пятью школами прапорщиков, ибо рабочие, по словам Евгении Ратнер, сидели по домам, а солдаты в казармах, и только прапорщики и юнкера дрались и подавляли «народные беспорядки», как выразилась обвиняемая Евгения Ратнер про Октябрьские дни в Москве

Юнкерам и прапорщикам не удалось подавить «очередные народные беспорядки», то есть Октябрьскую революцию Эсеры были разбиты, и тем не менее при таком положении и таком настроении рабочих масс они организуют авантюристскую попытку Павлова. Такова первая картина.

Но вот приезжают в Москву, в качестве представителя верхов, Тимофеев, а из Петрограда — Дашевский, вступают в работу вместе с Зензиновым и Моисеенко. Вполне разумно они начинают с разгона старой организации и строят новую, и из этой работы я также отмечу несколько штрихов. Основной наш вопрос тот же: была ли эта работа агитационной, широко пропагандистской или нет? Дашевский отвечает: нет, работа была того же технического боевого военного характера по организации учета и подбора военных частей, как и в Петрограде, опять была налажена связь с офицерством, и офицеров направляли из Москвы на восточный фронт.

Из других отраслей военной работы я отмечу только две: первая характеризуется картиной, нарисованной членом ЦК Тимофеевым, рассказавшим нам, как он вместе с полковником Махиным, — я не помню, был ли при этом Дашевский, — рассматривал карту и секретные военные документы, похищенные из мобилизационного отдела Всероссийского штаба Красной армии; они расценивали военные округа и тут же разрешали вопросы практической политики о назначении на командные должности в Красной армии «своих людей», в том числе позднейшего изменника Махина, предателя Уфы.

Этот факт для меня чрезвычайно важен, ибо он превалирует по своему значению над всеми остальными моментами. Он выдвигает во весь рост уголовный момент, ибо именно эти лица в момент тяжелой борьбы 1918 года, когда Красная армия только что становилась на ноги, насаждали нам в армию предателей, всех этих Махиных и Карповых, благодаря действиям которых десятки и сотни тысяч красноармейцев потом падали мертвыми. Этим руководителям, изменникам и предателям мы не простим той крови, которая тогда была пролита благодаря заседаниям вашего комитета, благодаря вами выкраденным документам. И пусть русские рабочие и крестьяне знают, что вами было сделано на ваших секретных заседаниях; пусть они вам предъявят сейчас счет за свои страдания и кровь! Не шутки шутить мы бу-

дем с вами. Вопрос идет о защите и обороне государства, которое мы завоевали, за которое отдали столько сил, крови и энергии, и так легко вам эти преступления не пройдут!

Вторая страсль. которую я считаю необходимым из этой работы отметить, не менее красочна и не менее достойна того, чтобы ее занести на скрижали истории и в летопись нашего исторического процесса. Она касается работы, которую в этот период исполняли Дашевский и Московская военная комиссия вместе с обвиняемой Еленой Ивановой, по переброске белых офицеров за рубеж. Кто приходил к эсерам искать явок, паролей, пропусков, искать их денег, которые они получали на эту «национальную» работу из французской миссии? Белогвардейские офицеры, вроде таких господ, как Хризосколео де-Платана, дело которого я здесь докладывал. Весь опыт революции, накопленный десятилетиями в подполье, которым так богаты русские революционеры, который мы вместе с эсерами выстрадали,—кому вы отдали этот свой опыт и свои знания, выработанные и выстраданные при царизме? Все то, что знают только революционеры и чего не знают господа буржуазные белоподкладочники, чего они никогда не нюхали, все это принесла им в дар партия с.-р.: «Мы к вашим услугам, мы вас будем направлять и учить» Эта работа партии с.-р. запечатлена кровью, и ее я прошу отметить и запомнить. Это вторая картина.

Прежде чем перейти к VIII совету партии с.-р., на котором кристаллизировались в форме определенных резолюций и принципиальных решений устремления, до тех пор хранившиеся в недрах ЦК, я должен остановиться на некоторых предварительных моментах, и прежде всего на чрезвычайно любопытном признании, которое было сделано обвиняемым Тимофеевым.

Последний явился в Москве руководящим деятелем-практиком с момента приезда (с переездом всего Центрального комитета в марте) и до своего отъезда 21 августа 1918 г. Я беру эту дату из заявления обвиняемого Донского и самого Тимофеева, указавшего, что он уехал на другой день после приезда Донского из Саратова. А так как Донской приехал около 20 августа, следовательно, Тимофеев выехал приблизительно 21-го. Вопрос касался международной политики и тех конкретных решений, которые были приняты ЦК еще до заключения Брестского мира, в момент первых переговоров советской власти с германским империализмом. Уже тогда в протоколах ЦК, в № 5 «Партийных известий» мы находим заявление, что партия не приемлет «похабного» Брестского мира и доводит до сведения держав, что она считает Россию «находящейся в состоянии войны» и мирного договора не признает. В связи с этим возник вопрос о так называемом «воссоздании восточного фронта».

Здесь много раз говорилось, что конкретные мероприятия по подготовке этого фронта имели место задолго до VIII совета

партии, что намерения воссоздать восточный фронт существовали раньше, но, как говорил обвиняемый Тимофеев, они были «внутри ЦК»; конкретно же и во всеуслышание об этом было заявлено только на VIII совете партии.

Одновременно у руководящих организаций встали вопросы, с кем бороться и как бороться. Основных руководящих организаций было две: ЦК партии, с одной стороны, и Бюро фракции Учредительного собрания — с другой. Правда, с точки зрения нашего понимания отношений ЦК к партийным организациям и партийным фракциям вопрос решался просто: мы, люди в области политики мыслящие более примитивно, полагаем, что партия есть партия, а ЦК на то и ЦК, чтобы, раз что-нибудь он постановил, остальные подчинялись и не разговаривали. Но у эсеров на этот счет смотрят иначе.

Я позволю себе обратить внимание одновременно на другое обстоятельство того же рода, чрезвычайно характерное и чреватое целым рядом последствий; оно касается чрезвычайно серьезного и глубоко волновавшего эсеров вопроса, что́ такое Учредительное собрание или оставшееся охвостье Учредительного собрания — «власть» это или «не власть». Другими словами, может ли оно действовать как законное правительство или не может. И здесь было установлено, что в то время как ЦК решил этот вопрос государственной важности положительно, то есть что Учредительное собрание даже в составе фракции эсеров Учредительного собрания, поскольку она составляет его большинство, есть власть, — другие решали его отрицательно. Был, впрочем, случай, когда эта теория была претворена в жизнь, об этом здесь говорили обвиняемые, и это должно быть также учтено: это было в феврале, когда эсерами был распространен циркуляр о земельных комитетах за подписью Чернова как председателя Учредительного собрания. С точки зрения уголовной этот факт является чрезвычайно важным; нужен он нам и для оценки всех дальнейших шагов ЦК. Как бы то ни было, но особенно остро встал этот метафизический вопрос по следующему поводу.

Может или не может Учредительное собрание обращаться как власть к иностранным державам? ЦК и тут принял точку зрения, что может; фракция Учредительного собрания, наоборот, стала на противоположную точку зрения. В результате ЦК якобы не счел возможным настаивать на своем решении и «приневоливать» фракцию. В силу этого ЦК не провел своего постановления в жизнь, а вместо этого ограничился манифестом по поводу Брестского мира, адресованным «всем общественным организациям и союзным державам». Этот факт характерен вдвойне. Он характеризует, во-первых, вышеупомянутую точку зрения ЦК, а во-вторых — «самовольство» фракции Учредительного собрания. Оба факта сыграли свою роль в дальнейшем, и я прошу трибунал особо отметить их.

Из второго факта вытекают дальнейшие выводы: что же, если постановление ЦК не всегда обязательно для фракции, то

постановление фракции обязательно для отдельных членов фракции или нет? Вот как ставился вопрос. Посмотрим, как он практически преломился в недрах партии.

Позвольте здесь перейти к деятельности двух наиболее ярких выразителей эсеровских партийных нравов, поскольку отсюда проистекают логические и уголовно-юридические выводы. Здесь мы слышали, что за всю деятельность членов партии ЦК несет ответственность. Значит, что бы ни делали отдельные члены партии, их деятельность покрывается, так? Но возьмем двух деятелей, Маслова и Авксентьева, обоих членов Бюро фракции Учредительного собрания; позвольте продемонстрировать вам первые их шаги. Когда в Москве заседал VIII совет партии с 7 по 14 мая, какой основной лозунг был выдвинут на Совете? Лозунг борьбы за Учредительное собрание как за орган власти. Одновременно, 25 мая, по рассказу Игнатьева, в Москве собираются деятели отдельных партий и решается вопрос о составе будущей государственной власти, о так называемой директории; на этом собрании присутствовали: Аргунов, Моисеенко, Авксентьев, Маслов и другие. Упоминание об этом есть и в брошюрах Аргунова и Лебедева, есть и в показаниях Игнатьева; это является установленным и спорить против этого нельзя. Итак, 14 мая Совет партии устанавливает лозунг: «Борьба за Учредительное собрание», а 25 мая ответственные члены партии, в том числе члены, непосредственно входящие, как руководители фракции, в Учредительное собрание и в Бюро Учредительного собрания, постановляют: форма государственной власти должна строиться как директория, до созыва нового Учредительного собрания; директория заведомо мыслилась как блок, коалиция с буржуазными элементами. Теперь позвольте противопоставить этому факту, имевшему место 25 мая, через 10 дней после VIII совета партии, следующее чрезвычайно ценное заявление Ельяшевича, одновременно члена Бюро фракции и члена ЦК партии.

Я с п р о с и л: Если кто-либо из членов фракции Учредительного собрания или из членов партии входит в состав некоторой организации, в которую входят непартийные, несоциалистические элементы, то чему он подлежит?

Е л ь я ш е в и ч (отвечает): Он подлежал бы исключению, если бы без ведома ЦК партии вошел в какую-нибудь организацию.

В о п р о с: А если с ведома ЦК?

Е л ь я ш е в и ч (отвечает): Я не знаю такого случая, что кому-либо из членов партии кто-либо давал право входить в организацию, в которую входили бы буржуазные элементы; в тот период, о котором я говорю, я не знаю такого положения, чтобы кто-нибудь из членов партии принимал участие в буржуазной организации.

М о й в о п р о с: Вы не допускаете возможности такого положения, что в тот момент, когда бы вы не знали об этом, другие члены ЦК знали и действовали таким образом?

Ответ: Я не допускаю.

Вот прямой ответ Член ЦК и член Бюро фракции говорит, что не допускает мысли, чтобы подобные факты могли иметь место. И одновременно происходит заседание именно этого рода, куда входят и члены Бюро. Одно из двух: или тут опять перед нами политические младенцы и сплошные несмышленыши, или это опять политические лицемеры, которые не знают только, кого они хотят этим обмануть. Я не вхожу в критику сущности их внутрипартийных традиций, мне нужно сделать политический вывод, и этот вывод таков: за все действия политической группы и за все, что делали отдельные члены партии, все надлежит вменить в качестве уголовной ответственности данному составу ЦК, ибо не случайностью, а системой были эти изолированные сепаратные действия; таковы были традиции и нравы этой партии, едва ли представлявшие для кого-нибудь секрет.

А теперь позвольте от этого введения перейти к рассмотрению фактов. В частности по поводу Союза возрождения. Поскольку физиономия этой организации в достаточной степени выяснена, позвольте перейти к фактам другого рода, которые имели место на той же самой почве и в силу тех же самых традиций Тов. Луначарский дал вчера социологическое обоснование этих фактов, а нам нужно перейти к их политической и юридической оценке.

После 25 мая Игнатьев возвращается в Петроград, и там организуется политический центр — Союз возрождения; вопросы, которые обсуждались в Москве, переносятся на обсуждение в Петроград Я глубоко сожалею вместе с обвиняемыми, что здесь нет Розанова, чтобы можно было сверх всего и живым свидетелем подтвердить этот факт, но и без этого совершенно ясно, и об этом свидетельствует общеизвестный исторический факт — процесс «Тактического центра», где Розанов был и об этом рассказывал. Приехавший из Москвы Брамсон делает доклад в присутствии Игнатьева и Гоца Гоц категорически этот факт отрицает и говорит: я категорически заявляю, что Брамсон не делал доклада в Петрограде, он был против решения, которое было сделано в Москве Позвольте, а откуда московский план был известен Гоцу? Но Гоц говорит: «Этот план был мне совершенно неизвестен». Я спрашиваю, что можно понять в этих заявлениях Они напоминают русскую поговорку: «Я не я, и лошадь не моя, и сам я извозчик». Но ведь после приезда Брамсона мы наблюдаем претворение выработанного плана в жизнь, выезд Игнатьева и ряда лиц, которых он с собою взял на северный плацдарм, встречи там с другими руководителями фракции Учредительного собрания, как с Масловым. Обвиняемый Лихач указывал, что Маслов из партии исключен; я не знаю, когда исключен Маслов и за что он исключен, не знаю даже, исключен ли он в действительности, но я знаю, что Маслов делал, знаю, что Маслов был членом Архангельского правительства, что Лихач тоже был членом того же правительства, и я знаю, что

эту политическую работу они вели вместе с Игнатьевым. Маслов одновременно состоял и членом Союза возрождения и членом партии.

На мой вопрос Гоцу: «Откуда вы знаете, что делалось в Союзе возрождения», — он сказал: «Мы осведомлены таким же путем, как вы осведомлены о том, что делается в недрах ЦК РКП». Если таким путем идет осведомленность, то эта осведомленность мало достоверна, хотя тоже характерна для политических нравов партии с.-р. Но факт все-таки остается фактом: в Москве, как и в Петрограде, члены партии с.-р., они же члены Союза возрождения, работали рука об руку с членами той же самой партии, не входящими в Союз возрождения, и работали совместно на самых ответственных руководящих постах.

Поскольку в силу предпосылок, которые я указывал выше, ЦК несет ответственность за деятельность всех его членов в области политической работы, постольку за все действия с Союзом возрождения. в руководящий орган которого входили, с одной стороны, эсеры, а с другой — кадет Щепкин, — за этот политический блок с буржуазией на почве борьбы с советской властью они ответственны полностью, и от этого отойти никуда нельзя. Последнее тем более правильно, что, по словам Гоца, они сознательно не отзывали своих членов из Союза возрождения вплоть до октября 1918 года. Это — одна линия работы, которая продолжалась не только здесь, а и на юге. Относительно действий южного Союза возрождения мы будем говорить впоследствии. Не качайте головой, я помню о документах, запрещающих входить в Союз возрождения, я буду объективен, и соответствующая оценка этого факта будет сделана в свое время.

Теперь перейду к деятельности другого характера, которая развивалась одновременно; она представляет собой в. высокой степени важное второе слагаемое из той совокупности фактов, которые надлежит изучить и осветить применительно к обследуемому периоду. Это та работа, которая представляет собой, главным образом привилегию обвиняемого Тимофеева и касается непосредственно вопроса об отношении к Антанте и к союзникам. Позвольте эти факты рассматривать так как они были, оценивая их с точки зрения их фактической сущности и освобождая от той идеологической шелухи, которой обвиняемым угодно было их опутать.

VIII совет партии с гордостью заявил: он констатирует, что «в недрах партии нет течения, которое мыслило бы возрождение России вне каких-либо материальных или духовных ресурсов страны»; в этом отношении интервенцию и союзную помощь Совет приемлет только как помощь держав, равноправных и полномочных заключить друг с другом акт договорного характера. Позвольте сопоставить с этим утверждением VIII совета прежде всего точку зрения, которой держался ЦК относительно данного состава Уч-

редительного собрания как органа власти. В этом споре фракции Учредительного собрания и ЦК и в факте издания Черновым в качестве председателя Учредительного собрания закона о земле в феврале 1918 года ясно его практическое значение. Если ЦК стоял на такой точке зрения и мыслил Учредительное собрание данного состава властью, то отсюда вытекает абсолютная фальшь тезисов, принятых на VIII совете партии, ибо эти тезисы предварительным условием договора с союзными державами ставили создание новой правомочной власти; вытекает, что либо эта точка зрения вздор, либо что ЦК отказался от своей первой точки зрения и принял вторую, формулированную на VIII совете партии. Повторяю: для нас, конечно, эти метафизические тонкости не важны, но для характеристики партии с.-р. их нужно отметить.

Перейдем к изучению сношений партии с.-р. с союзниками. Первый случай, если судить по письму Шарля Дюма и по фактам, которые здесь не отрицались обвиняемыми, относится к февралю 1918 года, к первому официозному разговору Чернова с Шарлем Дюма и затем его же обращению к французскому правительству. Товарищи помнят текст этого обращения на французском языке, «официозном», как подчеркнул и обвиняемый Тимофеев. Чернов спрашивал: поддержит или не поддержит французское правительство Учредилку финансовой и технической помощью; запрос был сделан при посредстве Сухомлина. Этот факт, относящийся еще к февралю 1918 года, уже характеризует, чего, главным образом, ждали и добивались, что именно было важно партии с.-р. добиться от французов, о чем мечтали эти политические работники, претендующие на звание руководителей революции.

Дальше мы имеем указания Шарля Дюма в следующем его послании от 27 апреля, где он сообщает Пишону по поводу манифеста, изданного межфракционным совещанием. Он говорит, что межфракционное совещание Учредительного собрания издало манифест, написанный Тимофеевым, в котором обратилось к державам опять-таки с просьбой о помощи, в частности — о помощи вооружением. Шарль Дюма, агент французского правительства (ибо отрицать то, что он агент правительства, после опубликования документов сейчас абсолютно нельзя), говорит, что он, Дюма, обратил внимание эсеров на двусмысленность той оговорки манифеста, в которой сказано, что в качестве предпосылки оказания помощи должна быть налицо новая суверенная власть; но его успокоили: эта оговорка отнюдь не означает, что авторы манифеста мыслят о необходимости раньше создать суверенную власть, а потом говорить с правительством.

Нет, по словам Дюма, они мыслили так, что они уже являются единственной легальной властью и, следовательно, с ними уже можно говорить. Это относится к периоду до VIII совета партии. Спрашивается, совпадает ли изложение Дюма с точкой зрения ЦК в его споре с фракцией Учредительного собрания или

нет и, если оно совпадает, то кто прав? Прав ли Тимофеев, который говорит, что это истолкование он оставляет на совести автора письма, то есть Шарля Дюма, или прав Дюма, когда он своему непосредственному начальству Пишону докладывает, что́ было на самом деле и о чем он получил соответствующую информацию? Так приходится ставить этот вопрос и относительно этого письма и этой оговорки. И опять-таки, чего стоят после этого резолюции VIII совета и кого ими хотела обмануть партия с.-р.?

Перейдем теперь к самой резолюции VIII совета. Она говорит следующее по поводу Брестского мира: «Советская власть (или, как там сказано, большевистская диктатура) должна быть уничтожена, даже если бы она нарушила договор и вступила в борьбу с германским империализмом». Что это значит? Значит ли это, что вопрос о борьбе с германским империализмом является основным для эсеров в сношениях с союзниками, или является не основным, а вторым вопросом. Если говорится, что она все равно должна быть уничтожена, хотя бы она порвала с Брестским миром и вступила вновь в борьбу с германским империализмом, то эта оговорка, заключающаяся в резолюции VIII совета, проливает окончательно все разъясняющий свет на позицию эсеров. Уничтожение советской власти — главное, а пресловутое «воссоздание восточного фронта» — только предлог.

Теперь позвольте перейти к тому письму Шарля Дюма, где он говорит о передаче консулу Соединенных штатов манифеста Тимофеева. Я спрашивал обвиняемого Тимофеева: «В ваших переговорах с Шарлем Дюма или в ваших переговорах с Эрлишем—какой характер носили эти переговоры? Были это беседы-интервью за чашкой чая в кафе?» Обвиняемый Тимофеев ответил, что именно в кафе они и имели место, что это было только интервью двух политических деятелей. «Я рассматривал Эрлиша, — говорит Тимофеев, — как социалиста, приехавшего в Россию, а себя рассматривал как политического деятеля, и мы друг с другом разговаривали на животрепещущие политические темы». Я спросил тогда обвиняемого Тимофеева: «Вам было известно, что он является не только социалистом, не только журналистом, но и агентом французского правительства?» — «Нет, — говорит, — не было известно». Это относительно Эрлиша и Шарля Дюма — не было известно. Но мы слышали опубликованную по любезности обвиняемой Ратнер характеристику Эрлиша, которую дали сами обвиняемые; они его характеризуют как прощалыгу и прохвоста самой последней марки. Спрашивается: что же они, задним умом крепки? Что же, политические работники, разговаривавшие с Эрлишем, не предвидели, не сообразили и не спросили себя, с кем они беседуют с этим господином и что он собой представляет? Или они думали, что нужно хвататься за всякую возможность для своей основной цели, для свержения советской власти во что бы то ни стало?

Теперь, когда опубликовано письмо Пишона к Веденяпину, по этому поводу спорить не приходится. Ясно, как Пишон смотрел на партию с.-р., и это не могло быть тайной для них. Но мы имеем до VIII совета еще два момента: один — апрельский, момент владивостокского десанта японцев, другой — момент северного архангельского десанта союзников. Точка зрения, которую развили Тимофеев в разговоре с Эрлишем, а ЦК в своем манифесте, была следующая: «Владивостокский десант для нас абсолютно не приемлем; мы протестуем самым категорическим образом против того, чтобы японцы вмешивались в наши дела; в крайнем случае мы можем пойти на то, чтобы этот десант был американский, т. е. с преобладанием американских сил».

Это было в апреле. Но когда практически встал вопрос о десанте в Архангельске, который ближе к Москве, чем Владивосток, и когда со дня на день можно было ожидать, что иностранные интервенты с помощью иностранных штыков захватят русскую область и там учинят порядки, какие им заблагорассудится, — на мой вопрос обвиняемым Лихачу и Тимофееву: «Как вы к этому вопросу относились, об этом вы с Эрлишем толковали?» — они отвечали: «Для нас вопрос десанта в Архангельске был второстепенным, он нами не освещался». Я позволю себе усомниться; неверно, что на северный десант смотрели как на второстепенный или третьестепенный вопрос; я позволю себе сослаться на документ, в котором рассказано, как смотрели. Это — опять-таки письмо Дюма, где он указывает, что его собеседники протестуют против десанта во Владивостоке и вообще в Сибири и что, наоборот, они ждут десанта на севере; что вокруг этого десанта должно собраться 200—300 тысяч русских людей, которые положат основу русской армии. Дюма не сочинил этого факта, и кто правильно, а кто неправильно отражает действительную суть того информационного сообщения, которым обменялся Тимофеев с агентом французского правительства, — это представляется мне вполне выясненным.

Поставим теперь вопрос, как практически готовилось это дело. Мы имеем тут показания Святицкого, Дедусенко и Канделаки и объяснения Ратнера — все об одном и том же. Когда Святицкого я спрашивал: «Как вы представляли себе момент организации правительства, что должно было возникнуть раньше: ваше правительство, а потом должен был последовать десант союзников, или же сначала десант, а потом ваше правительство?» — он отвечал, что все зависело, в конце концов, от практических обстоятельств. На вопрос, не предполагалось ли в принципе, что ранее возникнет свое правительство, он ответил положительно, но дополнил: «Могло быть иначе». Вот ответ одного из свидетелей

Второй — Дедусенко, которого приходилось допрашивать с неимоверной трудностью; однако он вспомнил постановку вопроса, и оказалось, что вопрос разрешался иначе. Когда, нако-

нец, я Лихача спрашивал об этом, Лихач отвечал: «В расчете на десант», — потом сказал: «В связи с десантом нам нужно было знать, с какими намерениями и силами шел десант». Практически вопрос решился таким образом, что прилетел союзный аэроплан, начала эвакуироваться советская власть, и тут эту музыку по установлению верховного правления Лихач и проделал, а на следующий день или вечером в тот же день произошел и десант.

Впоследствии я подробно остановлюсь на вопросе о переговорах и попробую расшифровать туман, который напускают тут Дедусенко и Лихач, пока же на этом остановимся и обратимся к показаниям Ратнера и Канделаки.

Канделаки рассказывает об одном собрании, на котором выступал Донской по вопросу об интервенции, на ту же тему — как мыслился десант, а Ратнер рассказывал о собрании, где выступали Гендельман и Кричевский. Они ставили вопрос прямо: десант неизбежен, с этим фактом нужно считаться и, следовательно (это, кажется, точка зрения Кричевского), нужно под покровом десанта попытаться организовать Учредительное собрание или свою власть. Другие — Гендельман или Донской — считали, что можно ставить вопрос о создании своего правительства и независимо от этого, не используя десанта Отсюда вытекает одно: принципиальной позиции в этом вопросе не было: были соображения исключительно практического характера, а так как было ясно, что десант все равно будет, то отсюда вытекало стремление на этой почве приобрести политический капитал. Ведь я ставил вопрос Лихачу прямо: «Для борьбы с десантом вы были посланы туда?» — «Нет, не для борьбы». А в чем же дело? Дальше предполагалось, видите ли, движение южнее за Вологду, совместно с десантом. И если мы сюда добавим, что, по сообщению Лихача, английский десант якобы привез уже с собой готовое правительство; если добавим то, о чем говорил свидетель Ренэ Маршан, об отношении Нуланса к социалистическим партиям, то станет ясным, что в вопросе о десанте было намечено во что бы то ни стало использовать десант и при его помощи, в зависимости от обстоятельств, создать свое правительство, а затем вместе с десантом итти свергать советскую власть. Вот и вся действительная сущность резолюции VIII совета, независимо от внешней формы и фраз. Эту действительную сущность резолюции VIII совета признал, как мы знаем, и Авксентьев.

Реальная сила кулака была на стороне Антанты, и этого эсеры не могли не сознавать. Они прекрасно сознавали и другое: что объективной возможности противодействия у них нет. Отсюда вытекают два вывода: либо, если они считали оккупацию злом, то они должны были бороться с этим злом изо всех сил; но этого они не делали, и Лихач сказал, что приехал он не за

тем; либо же они должны были стремиться как-нибудь приспособиться к этому, чтобы с этой помощью что-нибудь выиграть. Антанта с ними не считалась, игнорировала их, и никакой принципиальной линии, никакой принципиальной политической выдержанности в этом вопросе об иностранной интервенции у партии с.-р. нет. Нет ее в постановлении VIII совета, нет и в решениях ЦК до VIII совета, нет и в практической постановке этого вопроса; с точки же зрения уголовной, есть пресмыкательство перед иностранным врагом, предательство и измена.

Я позволю себе привести еще одну чрезвычайно характерную цитату из показаний обвиняемого Тимофеева, которая лучше всего вскрывает истинную подоплеку всей их политики. Он говорил: «Организация Савинкова возникла в конце марта или в начале апреля. Это — Союз защиты и спасения родины и революции. Моисеенко удалось добиться связи с Савинковым, и я предложил Моисеенко иметь информацию от Савинкова. У нас были определенные сведения, что Савинков находится в контакте с союзными миссиями, и мы боялись, что Савинков явится орудием действий этих миссий в России». Вот она, настоящая точка зрения: кто кого, кто скорей? И если мы сопоставим это заявление Тимофеева с заявлением Ренэ Маршана о том, что французским посланникам Нулансу и Гренару сообщались и декларации Союза возрождения, и декларации кадетов, и декларации эсеров, все станет совершенно ясным. Кучка лиц, именующих себя социалистами, вошла в соглашение с представителями иностранных государств, чувствующих себя господами в завоеванной стране; за обещание, за одни посулы власти она отдает и себя и своих соратников в услужение этим иностранным представителям, чтобы совершить грязное дело разрушения народного хозяйства своей собственной страны, дело, которым брезгают сами иностранцы. Вот все, что остается на деле от всей шумихи, громких фраз гражданина Тимофеева; но, загипнотизированный своим величием, Тимофеев не хочет видеть действительного положения вещей...

Вопрос шел определенно: все контрреволюционные группировки того времени ставили карту на иностранную интервенцию, на десант, «в расчете» или «в связи» (как угодно было сказать Лихачу) с тем, чтобы использовать этот десант как-нибудь для своих целей. Дело обстояло именно так, а остальное только пустая шумиха фраз и декларация политических банкротов.

Перейдем теперь к периоду июня — июля. В июне создается волжский антисоветский фронт и начинаются официальные переговоры Тимофеева с Эрлишем. По показаниям Тимофеева, уже во время владивостокского десанта Эрлиш представлялся ему официальным представителем французской миссии. Теперь же вопрос был поставлен ребром, и Тимофеев, который по свиде-

тельству Веденяпина не был уполномочен говорить от имени Самарского правительства, но который сам стал себя считать истолкователем воли этого правительства, потребовал «доверительной грамоты» от Эрлиша. Последний представил ему таковую, и тогда Тимофеев заявил, что теперь он будет говорить с ним, как с официальным лицом, от имени «своего» официального Самарского правительства.

Мне жаль обвиняемого Тимофеева, что такой прохвост, как Эрлиш, так умело водил его за нос. Но Тимофееву угодно было навлечь на себя тогу посла самостоятельного государства самарской Учредилки и войти в переговоры не только с Эрлишем, но и с чехословацкими офицерами. Мы потом рассмотрим и этот разговор и версию «нейтрализации» чехословацких полков, посмотрим также, какова была эта «нейтрализация» и каковы были действия чехословаков в Самаре, в Пензе, в Саратове, в Омске, в Ново-Николаевске, но пока отметим этот новый момент официальных сношений с Антантой, в частности знаменитую «вербальную ноту».

«Вербальная нота» была, как говорит Тимофеев, вручена ему французским правительством, и в ней оно заявило, что «благожелательно советует» эсерам такой-то состав правительства. На это последовал гордый ответ: мы считаем такой совет интервенцией в наши внутренние дела и возражаем против этого. Однако, если сопоставить факты и дату «вербальной ноты» с тем, что делалось приблизительно в то же время в Архангельске, то мы увидим, что на деле все происходило так, как рассказывает Ренэ Маршан, а не так, как излагает Тимофеев. Французы не «благожелательно советовали», а ставили ультиматумы; со стороны же эсеров, наоборот, имели место только почтительные просьбы.

За официальными сношениями последовала знаменитая «военная конвенция». Правда, обвиняемому Тимофееву было самому неловко за эти слова, и он сказал — так называемая «военная конвенция». Эта «военная конвенция» сводилась к следующему: французы соглашались дать технических руководителей и взрывчатые вещества (а свидетель Давыдов сказал — «и деньги»), а эсеры согласились «исполнять». Что исполнять? Взрывы железнодорожных путей! Такова была «военная конвенция». Что это на деле обозначало? Иностранное правительство, действующее в чужой стране, полагало себя полным господином и нашло верных слуг для исполнения своих предначертаний. Оно не хотело само марать своих рук в русских делах: для этого есть эсеры, эсеры дают людей, которые производят взрывы. Вот реальный смысл этой «конвенции».

Скиньте ваш тогу, обвиняемый Тимофеев, и посмотрите, во что вы на деле превращаетесь с этой «военной конвенцией»! В наемных агентов иностранных капиталистов по разрушению

русских железнодорожных путей, по разрушению русского народного хозяйства, по разрушению русского народного достояния. Вот голые факты, которые скрываются под этим фразами и которые ни в малой мере не изменяются от того, в тоге или без тоги проделывают это грязное дело граждане Тимофеев и иже с ним. Я спрашиваю: как надлежит и политически и уголовным порядком оценить такого рода деятельность?

Вот дипломатическая деятельность обвиняемого Тимофеева. Позвольте отсюда перейти к характеристике тех лиц, с которыми ему приходилось иметь дело.

Характеристику Эрлиша дали сами эсеры; оценку Дюма мы слышали; то обстоятельство, что он из социалиста превратился в национального блокиста во Франции, и опубликованная переписка — достаточны для его характеристики. Кроме этих лиц, Тимофеев сносился с Гине в Саратове, с Энно — в Одессе и, кажется, с Жанно — тоже в Саратове. Энно также охрактеризовали сами эсеры в документе, который приобщен к делу. А относительно Гине и Жанно общеизвестно, как они спорили, кто больше выиграет на продаже икры и олова; один из них был раньше учителем танцев и говорил, что будет иметь теперь больше уроков, потому что стал консулом. Такого рода были те официальные представители Антанты, с которыми эсеры сносились. Правда, кроме того Нуланс разговаривал с Авксентьевым, или Авксентьев разговаривал с Нулансом, — это установил Дедусенко. Когда обвиняемому Тимофееву предъявили такой же вексель, что он разговаривал с Гренаром, то он отрекся; он считает, что с Эрлишем ему можно говорить, а с Гренаром нельзя, потому что Эрлиш — журналист, называющий себя социалистом, а Гренар — официальный посол. И когда Дашевский напомнил ему об этом разговоре и сказал: «Помните ли о расписке, которую вы хотели дать Гренару?» — Тимофеев заявил, что ничего подобного не было. Но какая по существу разница между Гренаром и Эрлишем? И почему, признавая официальные переговоры с Эрлишем, отрицать таковые с Гренаром?

Рассмотрим, наконец, еще один момент, также раскрывшийся только на судебном следствии, момент свидания в Вологде Авксентьева с Нулансом. Это свидание и все, что с ним связано, только выясняет ту же картину, которую мы рисовали выше. Связанные с ним обстоятельства резко подчеркивают нашу правоту при обрисовке действительного исторического смысла всех этих переговоров с союзниками и подлинную роль эсеров. После беседы Нуланса с Авксентьевым, Авксентьев, в передаче Дедусенко, г о в о р и л о д е с а н т е и ж а л о в а л с я, ч т о «э т и с о ю з н и к и о б е щ а т ь — о б е щ а ю т, н о о ч е н ь н е о п р е д е л е н н о». Ему важна была определенность, а тактика Нуланса и компании, по свидетельству Маршана и по документам, была сознательно неопределенная. Политика партии с.-р заключалась только в споре за влияние в передних Антанты, и другого содержания ее политики не найти.

Что отсюда вытекает? Тактика иностранных послов в Москве, обещавших направо и налево тем или иным политическим группировкам, с целью использовать их полностью, с одной стороны, и тактика бабочек, летящих на огонь,—тактика людей, которые, закрыв глаза, идут на поводу, торгуясь за власть, и которых иностранные капиталисты использовывают как угодно, с другой. Вот единственная реальная картина, которая рисуется и из этих переговоров: та же, что и выше. Смешно думать, чтобы капиталистические государства, во время империалистической войны имеющие возможность войти в чужую страну, чтобы они эту страну рассматривали как-нибудь иначе, а не как объект своих империалистических вожделений. Это азбука. Когда я спрашивал обвиняемого Тимофеева: «Вы это знаете?» — он сказал: «Мне это известно с 19-ти лет». Но на деле оказалось, что это ему осталось неизвестным и что целая партия, именующая себя социалистической, поверила лживым обещаниям капиталистических воротил и пошла за ними. Или — еще хуже: они пошли за ними, не веря и заведомо зная, что представляют собой только орудие для капиталистических государств. Вот как в свете реальной жизни представляются эти отношения с Антантой. Они могли бы оказаться безвредными, если бы этим и ограничилось, но они не ограничились этим. Мы знаем их конечные практические результаты, и я покажу их, когда перейду к изучению событий на окраинах.

Что практически принесла с собой руководящая политика ЦК? Прежде всего и тут надлежит охарактеризовать реальную обстановку. Измученная царской войной, страна, сбросившая с себя иго самодержавия, вырвавшаяся путем тяжелых жертв и неслыханных страданий из ужасов империалистической бойни, объективно не могшая ни в какой степени ее продолжать, пошла на Брестский мир. Народные массы, измученные, требовали прежде всего отдыха, и недаром была брошена в октябре 1917 года, перед Октябрьской революцией, крылатая фраза делегата II съезда советов: «Хоть какой-нибудь, хоть похабный мир, да мир». Эта фраза выражала собой волю миллионов исстрадавшегося народа, который не мог больше выдержать ужасов империалистической войны; мира требовал народ.

И вот является политическая партия, которая заявляет: «Мы будем вести войну, мы все-таки будем ее продолжать и Брестского мира мы не приемлем». Вспомните Альтовского. Он рассказывал, как в Саратове «обучал» крестьян восстановлению фронта и как крестьяне ему говорили: «Мы все принимаем — и Учредительное собрание хорошо и то хорошо, но вот насчет войны — этого никак не можем. Разве что при одном условии: чтобы нам техническую помощь союзники дали, значит одели бы, обули, дали снаряжение»... Разве непонятно для людей, знающих живую действительность, что значит такая постановка вопроса на крестьянском сходе. Разве можно думать, хоть на

одну секунду, что протащенная таким образом резолюция схода действительно означает, что крестьяне Саратовской губернии ничего не имеют против возобновления войны, что эта резолюция имеет какое-либо политическое значение. Где была элементарная политическая чуткость, элементарное сознание ответственности перед миллионами рабочих и крестьян за такую постановку вопроса. Этого нет, а вместо этого — горделивое увлечение фразеологией о «национальном позоре». «Мы не примем мира, о чем заявляем союзным державам». Как гордо и... глупо. О чем говорят эсеры в первом же воззвании Самарского комитета Учредительного собрания, в первой же телеграмме, обращенной к иностранным государствам? «Большевистские негодяи свергнуты, снова восстановлены все свободы; мы будем продолжать войну с немцами, но, если вы хотите, чтобы эта война шла как следует, дайте нам снаряжение и техническую помощь».

Я не знаю, как оценить подобное обращение Если бы это была только близорукость и только тупоумие! Но — это преступление, ибо это призыв оккупантов, призыв насильников на новую кровь и новые жертвы...

Я не буду останавливаться больше на этой эпопее дипломатических триумфов и побед обвиняемого Тимофеева: мы их увидим еще в Архангельске. Я перейду теперь к вопросу, который был затронут в достаточной степени моим товарищем по обвинению, т. Муна, но который считаю нужным осветить с одной стороны: как было на самом деле в области дипломатических сношений эсеров с чехословаками. Мы слышали показания Альтовского о тактике эсеров в связи с движением чехословаков, и ему нет оснований не доверять в этом отношении. Ему известны три случая восстания против Советов: случай восстания в Саратовском уезде, восстание в городе Саратове какой-то военной части и вольское восстание (их было, кажется, два). Вольское восстание, по словам Альтовского, эсеровская организация стремилась удерживать, «ибо мы были еще недостаточно готовы». Во время восстания военной части в Саратове, когда было сплошное безвластие, Саратовская организация эсеров выпустила прокламацию, в которой сказала: «Граждане, пользуйтесь полной политической свободой, собирайтесь, рассуждайте, издавайте газеты»,— но власти в свои руки не взяли. «Не хотели», — как говорит Альтовский Для тех, кто верит этой политической организации, нельзя дать лучшего урока. «Не хотели»! А что же дальше? Дальше — либо те, либо другие, но в конце концов кто-нибудь должен победить. Представьте себе, что дело было бы не только в пределах Саратовской губернии, а в большом масштабе. Тогда что? И крестьяне была правы, когда сказали эсерам: нет, вы нас спровоцировали, научили, — теперь извольте руководить нами. Я спросил Альтовского по этому поводу: «Как же, силком вас заставили?» — «Да, — говорит, — заставили; иди, а то по загривку получишь». Так действовали эсеровские организации, когда были предоставлены своим собственным силам.

Но иначе они действовали, когда рядом оказывалась чужая, чехословацкая сила. Документы, исходящие из чехословацкого источника, официальные донесения чехословаков Сырового и Войцеховского, которых обвинить в сочувствии большевизму не приходится, устанавливают истинное положение. Из показаний Ренэ Маршана не ясно, кем было вызвано первое столкновение чехословаков с советской властью 25 мая. Но личная политика Нуланса как раз заключалась в том, чтобы создать столкновение и этим доказать свою пригодность для колониальной политики Франции в России; более яркого примера империалистического бесстыдства, свойственного капиталистическому строю, чем этот, нам, конечно, не нужно. Чехословаки колебались между движением на Архангельск и на Владивосток, провоцируемые французами и своим командным составом, не веря никому или, наоборот, веря всему... А эсеры? Когда чехословаки, наконец, двинулись, Самарская организация посылает к ним посла в Пензу и убеждает чехословаков остаться; под охраной чехословацких штыков начинает свое бытие Самарская учредилка. Партии с.-р. нужно было использовать иностранную силу для установления своей собственной власти, и это было сделано. И все разговоры в Самаре о «восточном фронте» остались снова пустой болтовней. Никакого «восточного фронта» эсеры не воссоздали, никаких немцев не нашли, болтовня о мадьярских легионах и немецких военнопленных осталась болтовней, а дрались с русскими красноармейцами, с русскими рабочими и крестьянами; дрались под командой российских золотопогонников, под командой того же самого Галкина и иже с ним. Вот что практически на деле вышло из «иностранной политики» Тимофеева. А Тимофеев тут нам рассказывает, что он совещался с чехословацкими офицерами о «нейтрализации» чехословаков, зная о том, что эти офицеры действуют с ведома французской миссии. «Наша точка зрения была убедить чехословаков не вмешиваться в наши внутренние дела, нейтрализовать их особенности и охранять пензенский артиллерийский склад», — так говорил обвиняемый Тимофеев. Может быть, у обвиняемого и была такая задача, — я не хочу заподозревать в этом отношении обвиняемого Тимофеева, — но меня интересует не то, что хочет Тимофеев, а то, что делала в Самаре эсеровская организация. И расценивая факты, мы вновь спрашиваем себя: что это, политика младенцев, которые не понимают, что делают, или политика лицемеров, которая дорого обошлась русским рабочим и крестьянам?

Перейдем к тому, что делалось на севере. На первом плане у нас стоит, конечно, вологодская работа партии с.-р., и я считаю необходимым на этой работе остановиться подробнее.

Она освещена прежде всего показаниями свидетеля Бессонова, которые сводятся к следующему: была военная организация в Вологде, состоявшая сплошь из эсеров; во главе ее стояли два

эсера — Мищенко и Турба. Комитет партии не знал, что делать с этой военной организацией, и никаких директив по этому поводу не имел, а личные обстоятельства были таковы, что этот партийный комитет был связан с советской властью дружелюбными, «добрососедскими» отношениями.

Получается так: военная организация хочет учинить военный заговор и снестись с другими белогвардейскими организациями, а партийный комитет разводит руками: не знаю, как поступить, директив из центра нет никаких (хотя обвиняемый Раков нам рассказывал, что была постоянная связь, ездили курьеры и т. д.). И вот Маслов, член Учредительного собрания и Бюро Учредительного собрания, он же член губернского партийного комитета, входит в состав Союза возрождения и начинает работать. Губернский комитет постановляет — запретить. Тогда Маслов «механически выбывает из состава губернского комитета. А из партии?

Я обращаю внимание на эту мелочь потому, что она характерна, рисует разницу между верхами и низами партии, где политически честных и политически искренних элементов в десять раз больше. В низах чутьем чувствуют, и сам Бессонов чувствует: что-то тут неладно, что-то нехорошо.

И для того, чтобы сгладить это, находят выход: Маслов «механически выбывает». Но вот приезжает туда же и Дедусенко, тоже партийный генерал, и начинается то же самое. Хотя Дедусенко и говорит, что он ничего в Вологде не делал, а сидел у себя дома, но установлено, что у него постоянно бывали его «хорошие знакомые», Турба и Мищенко, и делали «доклады». Когда приезжают два генерала и начинают свою «работу», естественно, у низов в головах начинается сумбур; даже Бессонов начинает делать глупости: к нему приезжает какая-то эсерка, привозит пуд динамита; оставить его небезопасно, — нужно увезти на лодке. А зачем динамит? Взрывать мосты. Кто будет взрывать? Военная организация. Бессонов об этом знает? Знает. Партийный комитет об этом знает? Знает. А партийный комитет какую-нибудь свою точку зрения имеет? Нет. В это же время Мищенко в своих «докладах» говорит: мы учиним восстание в Вологде и в Архангельске вместе с десантом, а ваше, партийного комитета, дело — держать благожелательный нейтралитет.

Вот при такой нейтральной позиции низов партии верхи продолжают делать свое преступное и предательское дело. Именно в это время Игнатьев устанавливает связь с доктором Ковалевским и при помощи эсеровских явок вливает в армию белогвардейский элемент, который так картинно определил Бессонов: это были сюсюкающие белогвардейцы с французским романом в кармане. Все это освещается и в показаниях Оленгрена, Куроченко и Якиманского, причем показание последнего ярко характеризует, каких субъектов при помощи своих явок переправляли эсеры на ту сторону фронта.

Вологодский плацдарм определенно обслуживался чисто эсеровской организацией; когда в первый раз, в начале июля, приехал туда Игнатьев, он произвел эсеровской организации соответствующий смотр, пробрался оттуда в Архангельск к Чайковскому; возвратился снова в Петроград, виделся с Гоцем, поехал во второй и третий раз, и во время одной из поездок встретился в Архангельске с Ивановым, будущим членом правительства. Так развивалась подготовительная к дальнейшим событиям работа.

Я перейду теперь к рассмотрению, как произошел самый переворот в Архангельске. Для начала, чтобы охранить правдоподобность своих показаний, и Дедусенко и Лихач стремились опорочить показание Игнатьева и свою связь через него с Союзом возрождения. Дедусенко смело заявил на суде, что он не видел Игнатьева в Архангельске, а Лихач доказывал, что не мог встретить там Иванова, потому что, мол, в то время газеты были закрыты (кстати, газеты — это аргумент, с которым особенно любит оперировать Лихач). Посмотрим, как это было. Первая поездка Игнатьева в Вологду состоялась 8—9 июля, потом следовала поездка в Архангельск и сейчас же выезд обратно в Питер; встреча с Ивановым произошла в редакции Кооперативного издательства. В период с 6 по 15 июля Иванов ликвидировал свою газету, и в момент ликвидации издательства в Архангельске туда приехал Игнатьев. Если Дедусенко выехал из Вологды раньше Игнатьева приблизительно на десять дней, вместе с Масловым, и, следовательно, в это время был в Архангельске, то мог он там встретиться с Игнатьевым или не мог? Я думаю, что мог. Дедусенко отрицает это и говорит, что не видел Игнатьева. Бывают моменты, когда два свидетеля друг другу в лицо утверждают: один «да», а другой «нет»; тогда решить, кто из них прав, можно только на основании логики. Скажите, если бы Дедусенко не видел Игнатьева, то какой смысл и логика заставляла бы Игнатьева утверждать противное? Этот вопрос совершенно ясен; я считаю, что Дедусенко сознательно солгал на суде, и потому полагаю, что в отношении Дедусенко, если суд согласится со мной, должно быть вынесено соответствующее частное определение суда.

Перейдем к рассмотрению вопросов, которые возникли уже при самом перевороте в Архангельске. При допросе Дедусенко с большим трудом нам все-таки удалось от него добиться, что перед переворотом у него были переговоры относительно правительства, заранее подготовлявшегося. Во время переворота сам Дедусенко состоял начальником штаба одного крестьянского отряда, «для порядка», как он говорит, а как я утверждаю, — по директиве, которая была ему ранее дана. Затем Дедусенко признал, что в состав предполагаемого правительства были включены два нечлена Учредительного собрания, кадеты — Старцев и Зубов, которых отстаивали Чайковский, Маслов и Дедусенко. Совпадает ли это с точкой зрения платформы эсеров или это политическая платформа Союза возрождения? Направление дея-

тельности эсеров в Архангельске ярко характеризуется докладом обвиняемого Лихача 6 августа 1918 г., в заседании правительства верховного управления Архангельской области. Шел вопрос о советах рабочих депутатов, и Лихач предложил: «Вопрос о создании классовых широких организаций рабочих, в виде советов, оставить открытым вплоть до разрешения этого вместе с союзниками». Сопоставьте с этим заявление свидетеля Майского, что и в Самаре также в определенный момент советы прекратили свое существование. На вопрос, поставленный Лихачу, зависел ли вопрос о том, будут ли или не будут существовать советы, от английской контрразведки, — он ответил: «Да, зависел от английской контрразведки».

Резюмируем же объективное положение вещей на севере, как оно выражено показаниями Лихача: «ЦК партии с.-р., предвидя неизбежность десанта, зная объективно хищническую природу буржуазии, а в особенности аппетиты колониальной военщины, в целях предупредить оккупацию послал двух членов ЦК и ряд других своих работников, в расчете или «в связи» с предполагавшимся десантом, образовать там свое правительство и затем вступить в переговоры с союзниками, чтобы вместе с ними продолжать борьбу с большевиками. Посланные поехали, столкнулись на месте с хищническими аппетитами международной буржуазии, пытались в течение месяца кое-что для борьбы с этими аппетитами предпринять и за это были отправлены в Соловки. Затем, благодаря восстанию рабочих и трудящихся масс, они из Соловков были возвращены и через 5—7 дней решили ликвидировать свою власть и уехать, заявив: за то, что впоследствии произойдет, они никакой политической ответственности не несут».

И Лихач с Дедусенко — это были они — сейчас же уехали; не хотели, очевидно, мараться. И целый год, до августа 1919 года, на севере России распоряжались английские военные и капиталисты, гнули рабочего и крестьянина в дугу, забирая у него все, что им было нужно, благодарные Лихачу и компании за то, что те помогли сесть на шею русскому мужику и рабочему. Вот объективные итоги работы, которая проделана Лихачом в Архангельске с благословения Центрального комитета партии с.-р., — преступления, которых не сбросить со счетов. Та же самая история, что и в Омске с Колчаком, но только в еще более позорных для эсеров формах. Вот плоды «народолюбия» этих господ.

Вспомните последние дни оккупации Архангельска, когда власть архангельских английских наемников заколебалась, и вопрос о восстановлении советской власти стоял как вопрос порядка дня. Тогда последний из воротил архангельского правительства, Игнатьев, также решил уехать в Сибирь и бросить Архангельск на произвол судьбы. Это было в августе 1919 года. В этот момент в последний раз собралось эсеровское земское и городское собрание (протокол его в деле имеется). Когда они узнали,

что английские войска, терзавшие страну, уходят, они обратились к ним с знаменитым воззванием: «Мы вам во имя человечности поверили, а теперь вы бросаете нас на произвол судьбы. Пожалейте нашу жизнь». Вот они, эти предатели и изменники делу рабочих и крестьян, представители «всеобщего избирательного права» и «демократического самоуправления»! В момент, когда рабочий класс и крестьянские массы Архангельска вновь обретали свою свободу, они предпочли обратиться с криком о помощи и спасении своей шкуры... опять к оккупантам, одновременно к правительствам Франции и Англии и кстати к Гендерсону и Вандервельде: «Спасите нас»,—писали эти архангельские эсеры Вандервельде. Вот он, объективный блок предателей того и другого пошиба! Этих политических итогов опять-таки никакими фразами не прикрыть, как бы подсудимые ни старались разукрасить свою деятельность идеалами чистой демократии для спасения народа от «ужасов большевизма». Как параллель к обращению архангельских эсеров в 1919 году к Франции и Англии можно указать на такие же обращения к тем же Франции и Англии министра Самарской учредилки Веденяпина по поводу ареста Колчаком Ракова: «Спасите нас от Колчака», — как раньше кричали: «Спасите нас от большевистских ужасов». Бессильные и жалкие трусы!

Итак, в теории—горделивое заявление на VIII совете: «Не ищите никакого спасения и возрождения вне собственных материальных и духовных ресурсов»; «только суверенная власть может заключить договор с суверенными правительствами Англии, Франции и т. д.». А на деле? На деле—верноподданничество самого жалкого рода, пособничество Антанте в оккупации Архангельска, использование чехословаков в Самаре при захвате власти, работа Тимофеева на поводу и по указке и на средства агентов иностранного империализма по разрушению железных дорог под громким именем «военной конвенции».

Вот политические и уголовные итоги этого периода деятельности обвиняемых членов ЦК партии с.-р.

Мне остается обследовать период деятельности партии с.-р. и обвиняемых на Советской Украине. Этот период наиболее труден для анализа, ибо Украина представляла собой в течение 1918 года калейдоскоп претендентов на власть, сменявших один другого с чрезвычайной быстротой; поэтому анализ политических группировок этой эпохи для человека, который сам лично не наблюдал с достаточной внимательностью ее жизни, представляется чрезвычайно трудным. Мы слышали полные и обстоятельные свидетельские показания свидетеля Рафеса, который, пробывши сам на Украине в течение всего 1918 года, здесь, в порядке изложения своих свидетельских показаний, перечислил с точностью почти до чисел и дней отдельных месяцев все смены режимов и властей, которые имели место на Украине.

Поэтому я сочту возможным остановиться исключительно на некоторых более выпуклых моментах и этим ограничусь. Это, с одной стороны, период первой Украинской рады, откуда я выделю вопросы о Брестском мире, о национальном самоопределении Украины и позицию, которую в этом вопросе занимали ЦК партии с.-р. и подчиненные ему партийные организации; затем вопрос об отношении к рабочему движению в период гетмановщины, следовавший далее переломный момент, когда опять претендовали на власть украинские националисты одновременно с рабоче-крестьянскими советами и опять-таки позиция, которую в это время занял представитель ЦК обвиняемый Тимофеев. Затем я считаю нужным осветить вопрос относительно антантовской интервенции и десанта, имевшего место в конце 1918 года или во второй половине этого года в Одессе, и, наконец, более подробно остановлюсь на деятельности так называемой Всеукраинской военной комиссии и эсеровских организаций, группировавшихся в Ростове-на-Дону и в Екатеринодаре.

В вопросе о Брестском мире факты твердо устанавливают, что фракция с.-р. в Центральной раде голосовала за предоставление ее делегации в Бресте полномочий на заключение Брестского мира сепаратно от российской делегации, с.. немцами против Советской России. Здесь нужно обратить внимание на основной момент — заключение сепаратного договора. Мы слышали от эсеров громы и молнии по поводу Брестского мира: похабный мир и прочее. Для Украины, по свидетельству Рафеса, мир с немцами фактически означал оккупацию. И тем не менее, хотя и с точки зрения борьбы против германского империализма, и с точки зрения интересов Украины как таковой, и, наконец, с точки зрения партии с.-р. заключение этого мира являлось недопустимым, тем не менее соответствующий вотум был дан. Как же в данном случае поступили официальные представители и руководители партии с.-р., специально посланные на Украину? Какие мотивы в данном случае преобладали у них, — момент их принципиальной идеологии, или момент практических соображений? Практически это был вотум доверия Центральной раде за соответствующую компенсацию. Какую? Компенсация заключалась в таком же блоке шовинистической Центральной рады с представителями российских эсеров на предмет борьбы с советской властью. Не забудем, что принципиальная позиция партии с.-р. в вопросе национальном нам известна. Теперь мы познали их практическую позицию. В момент, когда пробудившееся национальное сознание большинства или меньшинства населения известной территории в качестве ультиматума ставило вопрос о своем национальном самоопределении, как это было с Украиной и с Финляндией в 1917 году, позиция с.-р. была против самоопределения. Их унитарные, централистические стремления в 1917 году возобладали над принципом федерализма, и по вопросу Украины и Финляндии партия с.-р. была в 1917 году против их права на отделение. В тот момент эсеры заняли позицию, соли-

дарную с Керенским. Теперь, в 1918 году, на Украине же, в период Центральной рады, эсеры занимают противоположную позицию. Здесь принцип централизма отбрасывается в сторону и, наоборот, целиком защищается и допускается возможность сепаратного самоопределения националистических группировок, в частности, Центральной рады, и их право на разрыв связи с Россией. Здесь опять-таки характерно это отсутствие всякой принципиальности эсеров в этом вопросе, принесение принципов в жертву практическим соображениям, власть слов и фраз; в то же время — фактическая измена общепролетарскому делу, ибо никто не будет сомневаться в том, что заключение мира отдельно от российской делегации в тот момент являлось прямым предательством со стороны украинской делегации в отношении России.

Из свидетельских показаний Рафеса я выделю два момента — июнь 1918 года, момент развития железнодорожной стачки на Украине, и позиция, которую в этот момент занимала партия с.-р. в лице ее руководящих элементов. По этому поводу имеются показания Бориса Иванова, свидетеля, который говорит, что в июне в стачечном комитете Харьковского узла было два эсера, два боротьбиста и т. д. Но свидетель Рафес утверждает, что стачка железнодорожных рабочих на Украине встретила со стороны российских эсеров резко отрицательное отношение. В дальнейшем периоде, — говорит Рафес, — между 9—14 ноября, в момент, когда Скоропадский изменил свою ситуацию с германофильской на антантовскую, а Винниченко и Петлюра проникли на Украину и провозгласили восстание на Украине против гетмановской власти, — в эти дни имели место в Киеве три совещания: демократического центра из представителей социалистических партий оппортунистического характера с городскими самоуправлениями; рабочего центра с представителями профсоюзов и совместное совещание рабочих и представителей демократического центра и партии с.-р. При этом совещании эсеры высказались против забастовки и революционной борьбы, ибо она оказалась бы наруку большевистской власти. Рабочий центр все-таки провозгласил всеобщую забастовку.

Дальше. В этот период междуцарствия некоторыми предполагалось провозгласить явочным порядком власть городских дум, т. е. как раз ту форму городского управления, которую всегда отстаивала партия с.-р. Но явочный порядок в этот момент оказался грозящим, как всякий революционный акт, перспективой дальнейшей революции в сторону большевизма, и... эсеры высказались против всякого явочного порядка и захвата власти, опасаясь ориентировки на массовое выступление и развитие большевизма.

Мы можем оценивать эти факты только с одной точки зрения, а именно: в период развивающихся событий партия, кото-

рая именует себя опирающейся на широкие массы, должна руководиться одним императивом — быть вместе с широкими массами и поддерживать определенное массовое движение. Здесь же имеется обратная позиция, позиция «как бы чего не вышло», как бы не помочь случайно советской власти и большевикам.

Последний момент — это совещание 25 января в Киеве всех социалистических партий под председательством Винниченко. Позиция совещания, по характеристике свидетеля Рафеса, сводилась вот к чему: надо было выбирать между опасностью большевистского захвата власти, во-первых, либо политикой, ориентирующейся на Антанту и антантовский десант, во-вторых, и политикой Винниченко и буржуазной демократии, в-третьих. По свидетельству Рафеса, позиция, которую занял обвиняемый Тимофеев, в качестве представителя эсеров, была против большевиков. Позицию эсеров Рафес охарактеризовал раньше как толкание украинской директории на путь Антанты. Тимофеев возразил на это, что он занял иную позицию: «Нам не по пути ни с теми, ни с другими».

На мой вопрос, какой политический смысл имеет такая позиция и может ли политическая партия, считающая себя представительницей рабочих, в такой критический момент занять позицию «ни с теми, ни с оными», обвиняемый Тимофеев заявил, что позиция, которую он защищал, и была именно такой. Послушаем же свидетеля защиты Бориса Иванова: «Позиция по отношению к поднятому Петлюрой восстанию против гетмановщины была такова: итти врозь и вместе бить. В последствии же, когда украинская директория (Винниченко) была у власти, мы были склонны итти на совместную работу с ней, но ставили ей известные условия. В общем и целом партия с.-р. была склонна тогда итти на соглашение с украинской директорией, т. е. против большевиков». Так говорит свидетель защиты Борис Иванов.

Я спрашивал свидетеля: не было ли такой позиции, что, мол, все равно большевики придут и сметут директорию, и потому наша позиция не актуальна? На это Борис Иванов ответил: «Нет, такой позиции не было, наша позиция была: против большевиков и вместе с директорией». Вот интерпретация позиции Тимофеева, которую дал свидетель защиты; это — позиция против большевизма, против рабочих и крестьян, против советов — вместе с буржуазией и Винниченко. В критический, переломный момент связь партии с.-р. с буржуазной директорией представляется свидетельскими показаниями полностью установленной.

От рассмотрения этой общей политической линии партии с.-р. позвольте опуститься в область практической работы и рассмотреть деятельность так называемой Всеукраинской военной комиссии партии с.-р. На этот счет есть показания двух свидетелей, которые работали в этой комиссии, — Кудри и Алексеева, затем Пашутинского и Брауна, письмо которого было приобще-

но по ходатайству обвиняемых, Бориса Иванова, показание обвиняемого Ратнера и свидетелей Евменева, Павлова и Евлева. Итак, девять свидетелей — вполне достаточный материал для того, чтобы в конце концов установить, где же истина во всей этой истории Всеукраинской военной комиссии. Позвольте прежде всего рассмотреть показания Бориса Иванова. Иванов, в качестве члена местной областной организации Всеукраинского комитета, был ревизором, который ревизовал деятельность Военной комиссии. Докладывая по этому поводу на собрании областного комитета партии, он установил, что Украинская военная комиссия, работавшая при областном комитете партии с.-р., в своей деятельности никакого криминала не совершала, за исключением разве только одного формального момента, — что Всеукраинская комиссия не пожелала его, Иванова, считать своим представителем от областного комитета и поэтому не хотела его принять. Так говорит Борис Иванов. Обвиняемый Ратнер, который был в это время там, подтверждает, что доклад Иванова был именно таков. Однако Браун, письмо которого приобщено к делу, говорит иначе: что он в отношении одного из членов этой комиссии, Германа или Пашутинского, установил преступный факт получения антантовских денег, но это, мол, касается только одного — нето Пашутинского, нето Германа — и не затрагивает остальных. Брауну это было известно, а тем не менее на пленуме областного комитета и на Совете, который был в сентябре и где эти вопросы разбирались, Комиссия не была распущена; правда, состав ее изменился и Пашутинский впоследствии ушел, но Герман, ездивший за деньгами к генералу Алексееву и антантовским агентам, остался.

После этих двух показаний перейдем к показанию Ратнера, который также говорит, что ему было известно о получении эсерами денег от Антанты; тем не менее обвиняемый Ратнер ребром вопроса об этой деятельности в то время не поставил. Лица, которые сами работали в этой комиссии, свидетели Кудря и Алексеев, представляют собой старых работников, особенно Кудря. Можно не доверять Кудре в целом ряде его утверждений, но если его показания подтверждаются 3—4 свидетелями, то нельзя говорить, что это неправда. Кудря показал, что он вместе с другим свидетелем, Павловым, ушел из Военной комиссии, потому что работать в атмосфере, которая в ней господствовала, не нашел для себя возможным. Эта атмосфера характеризовалась фактом поездки Германа за деньгами в добровольческую армию к Алексееву, беседой его там с генералом Романовским по вопросу о финансировании, привозом оттуда денег и постановкой вопроса о финансировании вообще Антантой деятельности этой комиссии по борьбе с гетмановщиной. Можно, конечно, провести параллель и сказать, что здесь была «военная конвенция». Если «военную конвенцию» на предмет взрыва поездов с золотом, отправляемых в Германию, санкционирует член ЦК эсеров обвиняемый Тимофеев в Москве, то почему Герману или Пашутин-

скому не заключить сделки, чтобы взорвать на Украине германскую оккупацию? Тем не менее, этот факт поступления эсеров на службу к иностранному капиталу в его борьбе с другим капиталом является и по признанию Тимофеева преступным. А он установлен и свидетельскими показаниями Павлова и Кудри.

Дальше следует свидетель Алексеев. Этот свидетель — я в этом не сомневаюсь — на всех произвел впечатление человека, который чутко чувствует, и то, что он чувствовал, он здесь передавал. Он рассказывал про свое расхождение с областным комитетом, когда впервые он встретился с Германом в Одессе, как ему претили те приемы Германа, когда для взрыва мостов он нанимал одесских хулиганов или бандитов, а затем представлял куда следует соответствующие счета; как Герман предложил ему, Алексееву, и другим партийным работникам представлять отчеты, какие поездки были, когда и где якобы тот или другой поезд был взорван, для соответствующей оплаты: на это у Алексеева вырвалось заявление, что он не может свою партийную социалистическую деятельность продавать за деньги. Свидетель устанавливает факт поездки Германа к генералу Алексееву и говорит о связи, которая установилась у Германа с белогвардейской офицершиной, с атаманом Заболотиным, генералом Келлером и т. д. Он рассказывает о факте, как белогвардейцы приходили к ним и говорили, что у вас, мол, жидов много и т. д., указывает на подлость и грязь, которая господствовала в Комиссии. А между тем во главе Комиссии стояли такие матерые деятели эсеры, как Сухомлин, Параделов, братья Коварские, Минор; и тем не менее, грязи и подлости было хоть отбавляй...

Свидетели Евменев и Павлов также подтверждают факты поездки Германа в добровольческую армию, связь с белогвардейской офицершиной, связь с французской миссией, составление сметы французам — всех этих фактов выкинуть нельзя. Спрашивается: знали Борис Иванов и другие об этом? Остановимся еще на свидетелях Койре и Александровском, работавших один в контрразведке, другой — по саботажному отделу Всеукраинской комиссии. Факт поездки Александровского и Койре в Москву установлен, об этом говорят свидетели; Алексеев рассказал нам о 75 тысячах рублей, которые получил Александровский в Москве, в которых он не давал отчета, пока не приехал Герман и не потребовал отчета. Значит, что эти лица ездили в Москву и были в связи с Антантой и шпионажем, — это тоже факт. Вопрос же, куда и зачем они были посланы, освещается показаниями Алексеева и Пашутинского: оба показывают, что Койре ездил для связи с Центральным комитетом. Если бы они привезли деньги из ЦК, то об этом, я полагаю, моментально было бы тут заявлено, так как это было бы лучшим способом реабилитироваться против выдвигаемого обвинения; но этого не заявляли, и я считаю в полной мере неопровергнутым факт, что деньги были получены именно из антантовского источника, указываемого свидетельскими показаниями. Остается последний факт: свидание

Донского и Койре у английского посла Локкарта, о котором рассказывал здесь Пашутинский. Я должен прямо сказать: в этом отношении свидетельское показание Пашутинского было заслушано всеми с напряженным вниманием и возбудило ряд сомнений по своей, на первый взгляд, исключительной неправдоподобности. Но спросим себя: совпадают ли объективные признаки чисто временного характера, хронологические, относящиеся к этому факту? Мы слышали, как обвиняемый Донской впоследствии, когда допрашивали свидетеля Буревого, стремился установить хронологическую невозможность своей встречи с Койре, так как-де он, Донской, не был якобы в это время в Москве. Это ему не удалось. Вполне установлено, что Донской прибыл в Москву около 7 мая, а уехал 1—2 июня; а Койре и Александровский, по показаниям Пашутинского, приехали в Москву в конце мая. Я понимаю, что нельзя требовать от человеческой памяти, чтобы она твердо устанавливала факты, которые были четыре года тому назад; тут можно требовать приблизительно, и поскольку устанавливаются факты, даже не вполне совпадающие, может быть, в мелочах, то объективной невозможности этой встречи нет. Трудно допустить, чтобы Пашутинский, правильно излагая факты поездки Койре и Александровского, излагая свои показания со слов Александровского, в данном случае обязательно и упорно хотел говорить неправду. Для этого нужно или заподозрить в нем сугубую проницательность, показать то, что нужно обвинению, или нужно заподозрить, что в отношении его до допроса имели место те методы обращения со свидетелями, на которые угодно было делать намеки обвиняемому Гендельману и которые я с презрением отбрасываю без всякой критики. Я подхожу к этому факту с максимальной объективностью и устанавливаю, что объективной хронологической невозможности этой встречи здесь нет. Таким образом в работе Всеукраинской комиссии, тесно связанной с Областным комитетом, имели место обстоятельства, абсолютно недопустимые и порочащие политическую партию, а с точки зрения политической чести являющиеся сплошным преступлением. Между тем, даже после всех разоблачений эта работа не была прекращена; нашлись апологеты ее в лице Фундаминского, который, по свидетельству Кудри и Алексеева, защищая деятельность Всеукраинской военной комиссии, мотивировал эту защиту так: «Где террор, там и грязь». Этот самый Фундаминский совершил затем известную поездку на Ясское совещание от имени Союза возрождения в качестве члена партии с.-р. Относительно дальнейшей судьбы Фундаминского будем говорить потом, с той предпосылкой, которую я указал: что Центральный комитет несет ответственность за деятельность всех членов партии, поскольку они формально не исключены, а относительно его исключения мы также будем говорить впоследствии. Таким образом формальный блок, связь денежного характера с Антантой и Алексеевым

и связь с черносотенными элементами в работе этой Всеукраинской комиссии являются установленными. Так практически, на деле в этом одном факте претворилась работа руководящих организаций партии с.-р.

Чтобы покончить с руководящими организациями, я приведу последний факт. Нам говорят все время, что на борьбу с Деникиным партия с.-р. направила все свои силы, вплоть до террористических актов, которые она якобы собиралась совершить. Так ли это? А конфликт с Киевским городским комитетом? Вы говорите, что Всеукраинский комитет распустил городской комитет, так как последний стоял на той точке зрения, что легальная работа в городской управе при Деникине является вполне допустимой для членов партии. Но в деле имеется документ, что все воротилы и верхи эсеровской партии, в лице Зарубина, Фрумина, Шкловского, Суховых, Рябцева и других, и все те, против которых были направлены постановления о роспуске, заявили: мы ваше постановление обязательным для себя не считаем. Верхи партии с.-р., являвшиеся фактическими руководителями всей работы, практически были за политический контакт с Деникиным. Вот основной факт, а не бумажные резолюции о роспуске.

Еще резче это выявилось в екатеринодарской истории. Шрейдер, о котором так расписывала Евгения Ратнер, как о кристально чистом человеке, сносился, как она говорит, с генералом Алексеевым, но только по делам редакции. Это оказалось неверным, и показаниями Евменева установлено, что у Шрейдера были сношения и с генералом Драгомировым. О характере газеты «Родная земля» достаточно говорилось здесь, чтобы определить ее политическую линию. Этого мало. Наряду с таким положением вещей, при таком отношении верхов, мы имеем ряд партийных низовых организаций, которые были против такого «примиренчества» с белогвардейщиной, но они не могли бороться против верхов. Когда образовалось областное Бюро, то в него вошли те же деятели—Бочарников, Бабин-Комин, Березов, т. е. те самые лица, которые являлись руководящими в редакции этой «Родной земли». Пошла снова старая погудка на новый лад. Ведь даже Чернов признал, что Шрейдер кокетничает с добровольческой армией. Дальше итти уже некуда. Свидетель Гельфгот сам признал, что принимал у себя Хреновского, члена Учредительного собрания, старого эсеровского работника, приезжавшего, по словам Дашевского, в целях политической информации в войсковой круг к Алексееву и к Деникину. Какие же другие доказательства нужны после этого?

Обратим внимание еще на один факт, о котором показала обвиняемая Ставская, по вопросу о ее переходах через волжский фронт и докладной записке уфимского представителя о сношениях ЦК в Москве с армией Алексеева и Деникина. Имеется ряд документов, подтверждающих изложение Ставской, что представитель Алексеевской армии был у Донского, что с Алексеевской

армией установилась непосредственная связь; одновременно установлены были радиотелеграфная связь и шифр для сношений. Об этом повествует и обвиняемый Веденяпин в своих переговорах по прямому проводу с Омском, вспоминая о поездках на Украину Руднева и Бунакова.

Вот почему мне представляется, что в области Украины, в области отношений к Деникину в Алексеевский период добровольческой армии позиция партии с.-р. на Украине может считаться установленной. И здесь мы видим то же самое отсутствие какой бы то ни было принципиально выдержанной политики в вопросах и национальном, и об отношениях к Антанте, и о разборчивости в средствах, и о добровольческой армии и т. д.

Обвиняемая Ратнер дала философию этого поведения, когда сказала, что члены юговосточного комитета Учредительного собрания обязаны были снимать с себя ярлык социалистической партии, принося его в жертву «общедемократической» задаче, и ради этого свершать эти грязные дела: она назвала это «общегосударственной точкой зрения». Но дело от этого не изменяется. Что такое деникинщина, что такое добровольческая армия, что такое связь с белогвардейской офицерщиной, — все это великолепно известно. И поскольку ко всему этому приложили руку представители Центрального комитета партии с.-р., в частности обвиняемые Евгения Ратнер, Тимофеев и Герштейн, постольку связь ЦК с украинской южной периферией и руководство ею со стороны ЦК представляются установленными.

Еще раз напомню о той черте партии с.-р., которая на Украине наиболее ярко нашла свое проявление. Верхи, мнившие себя политически зрелыми людьми и политическими руководителями, оказались не только изменниками по отношению к рабочим массам, но вовлекли в ту же самую трясину оппортунизма и своих собственных работников. Мне не приходится с точки зрения уголовного вменения особенно останавливаться на украинском периоде; связь ЦК с Украиной сравнительно частична и касается только нескольких лиц. Но заключительный аккорд украинского периода особенно пикантен. Когда сливки верхов, члены ЦК создали южное Бюро ЦК, они работали в Одессе под крылышком французского десанта, пользуясь там «легальным правом существования», как они это сами говорят. Итак, в самый критический момент жизни партии, когда в низах ставился вопрос о подведении итогов всего 1918 года, всех совершенных ошибок и всех преступлений, верхи партии, в лице обвиняемых Тимофеева, Евгении Ратнер и Гоца, написали свои тезисы, в которых предложили вниманию остальных партийных работников «не прекращать ни на одну минуту вооруженной борьбы с противниками народовластия». Это они писали в своих тезисах, сидя в Одессе, под крылышком французского десанта, пользуясь «легальным правом существования». Чем это хуже архангельской работы Лихача? Вот итог их политики украинского периода.

В противоположность первому периоду, 1917—1918 гг., период от начала 1919 года до конца мая 1921 года не является в такой мере обследованным судебным следствием, как был обследован 1918 год. Тем не менее, те основные политические факты, которые пришлось пережить стране в этот период, равным образом освещены настолько, что роль обвиняемых деятелей Центрального комитета партии с.-р. нашла достаточное отражение в данных судебного следствия.

Основной проблемой, которая подлежит выяснению в этот период, являются резолюции IX совета партии и вопрос о том, что собою по существу, в смысле практической директивы, практических указаний, представляли резолюции этого совещания главных руководящих деятелей партии с.-р.

Уже в декларативной речи обвиняемого Тимофеева в начале процесса был выставлен здесь тезис, который впоследствии был несколько раз повторен обвиняемым Гоцем, что с момента IX совета партия с.-р. вооруженной борьбы с советской властью не ведет.

«Мы не отказываемся, — говорили и Гоц и Тимофеев, — от права на вооруженную борьбу, от права на восстание, но в данных конкретных условиях, в данных конкретных обстоятельствах оно не является той целью, которую практически себе ставила партия за весь период от 1919 года и по настоящий момент». Правда, с точки зрения чисто юридической этот вопрос не представлял бы для нас особого интереса; он не представлял бы для нас интереса постольку, поскольку при наличности ст. 62 Уголовного кодекса для определения и квалификации деятельности партии с точки зрения уголовной этот вопрос не представляется существенным: в то время как ст. 60 карает за участие в организациях, действующих в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 58, где говорится о свержении советской власти путем организации вооруженного восстания, ст. 62 карает теми же наказаниями участие в организациях, действующих в тех же целях свержения советской власти, хотя бы, как говорит последний абзац ст. 62, вооруженное восстание не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации. Таким образом основным критерием, который должен определять оценку деятельности партии или отдельных ее представителей, с точки зрения нашего Уголовного кодекса, является вопрос о конечной цели, т. е. о свержении власти советов и замене ее другой формой государственного управления. Вопрос же о методах и средствах, т. е. является ли здесь восстание методом, намеченным на сегодня, или оно является тем методом, который предвидится в качестве одной из возможностей, могущей возникнуть впоследствии, — с точки зрения уголовной и юридической этот вопрос существенного значения не имеет ни с точки зрения квалификации обвинения, как такового, ни с точки зрения той карательной санкции, которая устанавливается за указанную преступную деятельность. Того различения, которое в этом отношении существо-

вало в уголовном царском кодексе, у нас нет, ибо для нас эти вопросы о средствах не представляются существенными. Значит, если различение здесь и важно было бы установить с точки зрения чисто юридической, то только постольку, поскольку стоит вопрос об определении признаков состава преступления.

Я принужден предпослать это юридическое введение, ибо возможно, что при аргументации, которую развивала бы здесь защита, если бы она сидела в данном процессе, она, конечно, на эту сторону обратила бы в первую голову внимание, по старой привычке оперировать царским кодексом, и старалась бы из этого, вероятно, сделать целый ряд выводов в качестве смягчающих вину обстоятельств. Я не думаю, что такого рода аргументацию я услышу от самих подсудимых. С меня, как представителя государственного обвинения, это не слагает, однако, обязанности разбирать оба вопроса и с точки зрения квалификации преступлений по ст. 60 и с точки зрения квалификации по ст. 62 Уголовного кодекса.

Вот почему я говорю, что считаю необходимым предпослать это юридическое введение, ибо я обязан это сделать по существу своей задачи.

Конечно, политически этот вопрос играет первостепенное значение; но если мы подойдем даже с точки зрения политической к этому вопросу, то это, казалось бы, первостепенное значение приобретает в конце концов второстепенный и даже третьестепенный характер; ведь от отказа от вооруженной борьбы как метода сегодняшнего дня до тех форм легальной и политической деятельности, которые бы не подлежали каре по законам советской республики,—дистанция большого размера. Правда, обвиняемый Гендельман утверждал: «Дайте нам возможность пользоваться всей гаммой гражданских так называемых свобод, и мы тогда лойяльно не будем нарушать законов, которые установлены вами, и не будем совершать преступлений, караемых Уголовным кодексом».

В свое время мы рассмотрим значение и политическое содержание этого заявления обвиняемых. Но я говорю, что от той деятельности, которую эсеры вели даже по резолюциям IX совета, если бы они эту резолюцию в точности соблюдали, все-таки еще далеко до легальной деятельности, о которой говорил Гендельман. В резолюции IX совета говорится: «В данный момент откладывается метод организации вооруженного восстания и вооруженной борьбы; но отказ от борьбы отнюдь не означает принципиального отказа вообще на будущие времена; он не означает невозможности этого возобновления в будущем». Обвиняемый Гоц заявил, что резолюции IX совета следует рассматривать лишь как тактическое движение, продиктованное реальным положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил. Такого рода толкование, с точки зрения уголовной, носит совершенно определенный характер; от декларативного заявления о том, что впредь будут при-

меняться только легальные методы борьбы, оно отстоит, как небо от земли.

Для того чтобы с этим вопросом покончить, позвольте и тут, на этом вопросе, сразу же поставить все точки над «і» и рассмотреть, что это декларативное заявление означает в его практическом и политическом содержании. Ведь одним из фетишей, одной из иллюзий, заведомо и сознательно распространяемых представителем так называемой чистой демократии, является представление о том, что любой политический государственный строй, а в особенности строй, который блещет всеми цветами радуги «истинной демкратии» и «истинного парламентаризма», есть строй, который обеспечивает возможность спокойного и безболезненного решения всех социальных конфликтов вообще. Никогда мы не разделяли такой точки зрения, а вся история социальных конфликтов XIX века и первой четверти XX столетия доказывает обратное. Никогда ни одна наиболее развитая форма так называемой парламентарной демократии не являлась той формой, в рамках которой социальные конфликты могли бы разрешаться спокойно и безболезненно. Рабочий класс Западной Европы и России в достаточной мере на собственной шкуре испытал, что такое означает всякий государственный аппарат. Это всегда только аппарат господства, насилия господствующего класса, используемый им в своих интересах и целях. И всякий раз, когда объективное развитие классовой борьбы ставило перед господствующим классом опасность захвата власти другим классом, все эти конституционные моменты, все иллюзии и формы парламентарной демократии летели в трубу, и вопрос решался всегда открытым соотношением реальных сил. Это всем известная азбука, и посему, когда мы получаем заявление: дайте легальные формы борьбы, и мы торжественно прокламируем, что ваших законов нарушать не будем, а будем ультралойяльными, — то для нас совершенно ясна внутренняя фальшь и лицемерие такого заявления. Если партия или политическое объединение заявляет, что она имеет какую-то цель, которая сводится к свержению данного порядка государственной власти, то совершенно ясно, что все торжественные обещания не нарушать законов не значат абсолютно ничего, и в известный момент данная политическая группировка сама эту декларацию возьмет обратно и будет действовать так, как будет ей диктовать реальное соотношение сил на улице. Вот почему, с точки зрения реального содержания, эта формула представляет пустоту и не имеет никакого политического смысла и политической реальности. Иное дело, если бы в качестве предпосылки мы имели другого рода заявление: что данная форма господства рабочего класса и его гегемония партией с.-р. приемлются, что никаких покушений или претензий на ее ниспровержение нет и не будет; только при наличности такой предпосылки можно предполагать, что подобная декларация в какой-либо мере имеет за собой реальное содержание. Поскольку же этой предпосылки нет, постоль-

ку торжественная декларация: «Дайте нам возможность легально работать и мы ваших законов нарушать не будем», — всегда будет содержать в себе ложь и внутреннюю фальшь или политическую безграмотность. Что тут имеет место, я предоставляю ответить тем, кто делает эти декларации.

С моей точки зрения, для государственной власти совершенно безразлично, чем руководствуются данные представители политической партии, лицемерием или политической безграмотностью; нам важен политический факт, а основание факта таково—поскольку основной предпосылки не дано, постольку важен один вопрос: та диктатура, которую мы проводим, диктатура пролетариата в окружении врагами со всех сторон, разрешает ли она нам распустить вожжи и предоставить буржуазным группировкам использовать политическую свободу? Для нас это пользование политическими свободами есть всегда только орудие борьбы, а вовсе не фетиш и не абсолют. Вопрос ставится только так: можно или нельзя, целесообразно или, наоборот, вредно собственноручно передать в руки врагам оружие?

Я помню чрезвычайно интересный момент на судебном следствии, когда, кажется, обвиняемый Тимофеев или Гендельман, распространяясь по поводу нэпа, заявил, что и политические уступки нами будут даны. Я покачал головой, а Гоц сказал: «Не качайте головой, гражданин Крыленко, увидите, что будет по-нашему». Я на это утверждение теперь отвечаю. Вопрос стоит совершенно ясно. Политические гарантии для представителей враждебных партий сводятся к тому, желаем ли мы дать им в руки оружие или нет; позволяют ли интересы рабочих, как мы их понимаем, дать в руки наших противников оружие? Мы говорим: нет, не позволяют. Поэтому в ответ на декларативное обещание Гендельмана, что при условиях предоставления им «гражданских свобод» они наших законов нарушать не будут, мы можем сказать и Гендельману и всем остальным политическим группировкам, ведущим против нас политическую борьбу: мы, коммунисты, в вопросах политики — старые воробьи; от фетишизма, иллюзий и увлечения прекрасными словами нас великолепно отучила история западноевропейского пролетарского движения и история революции России: на такой, извините за выражение, прогнившей мякине нас не проведешь.

Вот этими соображениями чисто исторического и политического характера надлежит ответить на ту постановку вопроса, которая здесь была дана Гендельманом. Эти же соображения относятся и к ультиматуму, который ЦК партии с.-р. позволил себе предъявить советской власти после IX совета и который сводился к следующему: «Мы согласны наш спор с вами передать на свободный референдум решения народных масс. Разрешите объявить перевыборы всех советов, дайте возможность свободно агитировать, и тогда мы бросим на весы вопрос, кто прав и кто виноват; пусть трудящиеся массы сами решат этот вопрос». Чернов пошел еще дальше и в своей статье в «Деле

народа» от 10 марта с заголовком «Тактика обволакивания» предлагал таким же декларативным путем всенародного голосования разрешить и борьбу с Колчаком. Кажется, в ответных статьях представителей меньшинства партии с.-р. и политическая бессмысленность и нереальность такой постановки были в достаточной мере уяснены. Было указано, что смешно даже в плоскости чистой теории с подобного рода заявлениями обращаться к Колчаку. Равно нелепо обращаться с такими заявлениями к советской власти.

Но чтобы от этой декларации, от этой политической болтовни действительно не оставалось впечатления, что она кроет за собой какую-то реальность, нам нужно остановиться на исторической обстановке момента, когда это заявление было сделано. Это было весной 1919 года. Государственная власть Советской России только что отбила одно из тяжелых нападений Колчака, когда, пользуясь поддержкой эсеров, он занял линию Поволжья На юге в этот момент контрреволюция не только не была разгромлена, но собирала силы для движения, в котором потом докатилась до Тулы. Опасные моменты были на западном фронте, и северный фронт не был еще ликвидирован. Контрреволюция была вооружена до зубов, и основные директивы, которые политическое положение диктовало для государственной власти, были — борьба во что бы то ни стало, борьба с напряжением всех сил против контрреволюционной опасности. Продовольственное положение республики, когда все ресурсы приходилось бросать на содержание Красной армии, было неизмеримо тяжело. Транспортная разруха дошла до катастрофического состояния, и обслуживание железнодорожным транспортом фронтов требовало максимального напряжения сил. Спасение было только в накоплении материальных ресурсов на продолжение борьбы. Представьте же себе, что в такой политический момент группа лиц, только что принимавшая самое напряженное участие в борьбе против государственной власти, только что убедившаяся на собственном опыте, на примере Самары и Колчака, что собою представляет буржуазная контрреволюция. и только что после этих опытов декларативно заявившая, что она от вооруженной борьбы против советской власти отказывается,— вдруг после этого является к государственной власти с заявлением: мы, побитые направо и налево, побитые и вами и Колчаком, предлагаем вам, — передайте, пожалуйста, наш спор на разрешение свободно избранных советов, развяжите нам руки на предмет новой контрреволюционной агитации и нового расстройства вашей государственной системы и разрушения государственного единства. Я не знаю тех политических людей, которые в ответ на подобное заявление в лучшем случае не пожали бы плечами; люди политически трезвые должны были бы рассмеяться над этими политическими романтиками либо, сознавая свою ответственность за организацию защиты страны, должны были сделать одно: немедленно всеми мерами государ-

ственной репрессии пресечь этим группам возможность агитировать против власти в эти тяжелые для государства моменты. После подобного рода декларации единственное, что могла и должна была сделать государственная власть, — это немедленно самым суровым образом призвать эту группу граждан к порядку, сказав им: «Вы имеете дело не с лицами, пришедшими дискутировать с вами в политических клубах, не с лицами, которые вместе с вами и рядом с вами готовы заниматься вместо дела болтовней; вы имеете дело с политическими деятелями, государственными работниками, которые обязаны определенной ответственностью перед государством и рабочим классом и поэтому обязаны работать, а не разговаривать с вами вообще и сейчас в частности. Поэтому, если вы не подчинитесь требованиям государственной необходимости, то мы заставим вас не мешать нам и примем соответствующие меры». Вот почему единственно правильным и логически возможным был тот вывод, который мы и сделали, и тот ответ, который дала государственная власть на все эти декларации, заключив вновь под стражу деятелей эсеровской партии. Ставить ультиматумы государственной власти — вообще смешно, в тот же момент даже слушать эти ультиматумы было преступно.

Такова была политическая ситуация в тот момент.

Я позволю себе обратиться теперь непосредственно к тому, как создавались и как были выражены те настроения которые накоплялись в партии с.-р. перед IX советом. Мы знаем, что этим резолюциям IX совета предшествовала конференция 8 февраля, а этой конференции предшествовали две губернских, в Петрограде и в Москве. Из всех дебатов, имевших место на конференции 8 февраля 1919 г., надлежит отметить два момента. Один, который всплыл только здесь на суде и о котором нельзя было судить по протоколам конференции, — вопрос о так называемой «поправке» обвиняемого Донского, и другой вопрос — относительно принятой резолюции о работе в военных частях. Сущность поправки Донского сводилась к следующему: Донской предложил вставить слова, что отказ от вооруженной борьбы носит характер временный. Эта поправка была отвергнута, а здесь обвиняемый Донской дал чрезвычайно интересные объяснения: «Было решено, что конференция, как областная, не могла выносить резолюции совершенно директивного характера для всей России, между тем настроение было тогда безусловно за прекращение борьбы с советской властью, без определенного теоретического и прогностического подхода к вопросу в данный момент». Вот все, что ответил Донской. Каюсь, я ничего не понимаю, что это означает. Объяснение Донского не может быть признано выдерживающим какую-либо критику. Что же из того, что была областная конференция, которая не могла выносить резолюции директивного характера для всей России; ведь для московских рабочих она должна была дать принципиальную оценку! Не было «теоретического и прогностического подхода к

вопросу в данный момент». Что значит — не было, кто же мешал вам дать? На то там были теоретики, чтобы дать «теоретический и прогностический» подход, но они не дали этого подхода, и поэтому слово «временный» решено было «выкинуть». Ясно и понятно, почему провалилась поправка о временном прекращении этой борьбы. На конференции были уже формулированы две основные точки зрения: одна относительно временного прекращения, временного отказа от того, чего так хотелось бы, но на что нехватает сил, и другая точка зрения, что борьбу надо принципиально и окончательно прекратить,—точка зрения, которая потом выразила тенденции группы меньшинства партии с.-р.

Что вопрос был, однако, спутан и на этой конференции, доказывается другим пунктом о работе военных комиссий. Вы помните, что на этой конференции было решено, что при каждом губернском комитете должна быть образована военная комиссия, чья работа должна быть сугубо законспирирована: комиссия должна была иметь своим назначением работу в военных частях по разложению Красной армии на почве агитации против карательных экспедиций с призывом к отказу от участия в них. Когда я задал вопрос Донскому: «Скажите, что это означает?» — мы получили тоже чрезвычайно интересное объяснение: «По этому поводу были дебаты, — сказал Донской, — и было решено зафиксировать отношение к этому в виде резолюции, что необходимо работать среди красноармейцев с призывом их к отказу от участия в карательных экспедициях. Вырабатывалась она, однако, при общем абсентензме, так как конференция кончалась. Это был последний вопрос. Фактически эта резолюция была передана для исполнения в Бюро ЦК. Бюро ЦК передало ее в ЦК, но в жизнь она ни одной организацией не проводилась». Так говорил Донской. Зачем вся эта болтовня, кому нужно это жалкое самооправдывание? Факт остается фактом. Принята определенная резолюция, а проводилась она или не проводилась, это никакого существенного значения не имеет. Кому нужно такое объяснение Донского? Но оно чрезвычайно характерно в другом отношении; оно обрисовывает позицию обвиняемого Донского на процессе: где можно хотя бы от чего бы то ни было откреститься — нужно сделать это. Вот на эту позицию нужно обратить внимание.

Таким образом мы можем установить, что февральская конференция являлась попыткой первого подведения итога пережитого и, как таковая, выразила в себе целый ряд тенденций, еще не оформленных и еще не окончательно сведших все концы с концами. Нельзя свести концы с концами в резолюции, которая, с одной стороны, вотирует против временного прекращения борьбы и требует прекращения полного, а с другой стороны, говорит о том, чтобы строить конспиративную нелегальную организацию для разложения Красной армии, когда Красная армия борется против восстаний, возникающих на территории республики. Концы с концами сведены не были и их решено было све-

сти на IX совете. Но раньше состоялся пленум ЦК от 5 апреля 1918 г., и на этом пленуме было принято характерное разъяснение резолюции конференции. Оно гласило: «На то время, когда партия не имеет достаточно сил для борьбы на два фронта, трудовая демократия во имя принципа собирания сил должна удерживать массы, но она никогда не может забывать, что лучшим работником на контрреволюцию является большевистская система; место партии с.-р. не в стороне, а во главе обретающего свое право народа». Мне поневоле вспоминается реплика Фауста на одну из хитроумных тирад Мефистофеля: «Кудряво сказано, а проще, что такое?» Проще, что представляет собой такое заявление? На то время, когда партия не имеет достаточно силы для борьбы на двух фронтах, она должна удерживать массы от разрозненных вспышек, а тогда, когда она будет иметь достаточно силы, — тогда что? Значит, основной вопрос, по которому шла борьба на февральской конференции, смазан, а не разъяснен ясно и отчетливо. Что это, циркулярное разъяснение конференции 8 февраля или полное извращение той резолюции? Что это такое, политически прямой шаг, или тот же своеобразный шаг— обман, который так присущ партии с.-р. по отношению к своим собственным соратникам?

Дальше мы имеем резолюцию IX совета, которая говорит вполне определенно по этому поводу и отнюдь не рассматривает прекращение вооруженной борьбы в качестве необходимого объективного вывода из минувших дней. Но и эта резолюция IX совета, говорившая о прекращении вооруженной борьбы, была разъяснена впоследствии соответствующими заявлениями заключенных из Ярославской тюрьмы, гражданина Цейтинга и других, и заявлением здесь обвиняемого Гоца. Резолюция IX совета гласит: «Обусловливаемый в настоящее время всей политической ситуацией отказ партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой не должен истолковываться как принятие, хотя и временное и условное, большевистской диктатуры, а лишь как тактическое решение, продиктованное реальным положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил». Здесь полностью торжествует линия, которую проводил на конференции Донской. Так и должно, следовательно, записать, что это и есть основная линия поведения партии с.-р. с начала 1919 года и по настоящий день.

Вооруженная борьба, как метод, в настоящий момент считается партией с.-р. неприемлемой, нецелесообразной, а вопрос должен решаться в форме «тактического собирания сил». Это— старая позиция. Она выявилась еще после поражения ноябрьского юнкерского восстания. Получив тогда по уху, они тоже занялись «собиранием сил». Теперь, после Колчака и восстановления восточного фронта, они получили второй раз по уху, на этот раз и от Колчака и от советской власти, — и опять идет вопрос, как бы начать «собирание сил». Как там выдвигался на первое место хитроумный план — сделать так, чтобы кто-нибудь

другой случайно начал «движение», а мы за ним «петушком, петушком», — и здесь получается та же позиция. В начале процесса на филиппику обвиняемого Берга я заявил, что в жертвах 5 января повинны те провокаторы этого движения, которые, с одной стороны, говорили: «Идите все без оружия», — а с другой стороны, строили специально вооруженные части и планы выступлений вооруженных частей. Та же самая позиция эсеров повторяется и здесь, во всероссийском масштабе, после резолюции IX совета. Это не принципиальная позиция уже потому, что в реальных, объективных условиях жизни такая позиция является всегда политически пустой и бессмысленной. Для примера представьте себе обычное для Западной Европы положение вещей, когда на улицах в любой стране мы имеем какую-либо резкую форму классового столкновения. В это время социалистическая парламентская фракция, будь то во французском или в английском парламенте, всегда сводит свою тактику к следующему: по отношению к власти — уговоры: «Вы видите, что делается, — уступите»; а по отношению к массам, после подуськивания, уговоры: «Ради бога подождите, не сразу, вас разобьют, все это провокация». Эта позиция, которая практически является всегда самоубийством для политической партии и сводит ее на-нет, была воспринята эсерами после IX совета, на котором она нашла свое определенное выражение.

Чтобы проверить принципиальную стойкость позиций, занятых партией с.-р на IX совете по вопросам об отношении к коалиции с буржуазными элементами и к интервенции союзников, я поставил перед обвиняемым Гоцем ряд вопросов: «Скажите, обвиняемый Гоц, представим себе такую ситуацию; скажем, в стране происходит столкновение на почве продразверстки и борьбы за продразверстку; это движение не объединено и разрознено жестоко и бессмысленно, а может быть, и имеет связь с некоторыми контрреволюционными слоями или контрреволюционными организациями. Какова в данном случае ваша позиция?» Ответ был, после долгого колебания, сначала такой: «Я понимаю, куда направляется острие вашего вопроса, будем говорить арифметически, а не алгебраически». Но потом был дан ответ: «Наша позиция — быть вне этого движения». Тогда я спросил: «Ну, а если тот или другой зарубежный центр сносится с военной или правительственной властью страны, примыкающей к русской границе, и входит в сношения с ними для организации военного вторжения на территорию нашей республики, какова будет в этом случае ваша позиция?» Я получил ответ: «Это была бы интервенция; это в высокой степени противоречило бы всем решениям и подлежало бы категорическому запрещению». Третий вопрос был относительно соглашения с буржуазными партиями, и тут равным образом был дан категорически отрицательный ответ.

Значит, мы получили от Гоца такое толкование, что если бы возникло на территории советской России движение, в ко-

гором были бы замешаны, во-первых, контрреволюционные зарубежные организации, во-вторых, представители каких бы то ни было иностранных капиталистических держав или представители российских буржуазных группировок, то участие эсеров в таком движении должно быть отвергаемо, согласно резолюции IX совета. Наконец, на последний вопрос: «Как быть с движением, если оно не связано с этими чуждыми элементами и возникло непосредственно на территории Советской России, на почве хотя бы той же самой продовольственной разрухи, какова тогда позиция партии с.-р.?» — было отвечено: «Во-первых, в этом случае партия с.-р. будет посредничать между властью и восставшими, а во-вторых, в крайнем случае, будет вместе с восставшими». Таков был ответ согласно резолюции IX совета. Но позвольте теперь противопоставить этому ответу следующий: «Как быть, — спросил я Гоца, — когда имеют место повстанческие движения, объективно неизбежные в силу своеобразного соотношения социально-политических сил в стране, какова ваша политическая позиция по отношению к таким движениям?» На этот вопрос, который каждодневно ставился в то время реальной жизнью в виде крестьянских движений против продразверстки, ответ был следующий: «Наша задача — политическое оформление этих движений путем политических кампаний с целью давить на власть, пока не продавим или не сковырнем ее». Ответ уже ясен.

Но и в этом ответе есть фальшь. Если бы мы могли в реальных условиях нашей действительности представить себе такое положение вещей, чтобы это давление путем политических кампаний и так далее не было сопряжено с вооруженными формами борьбы, то при такой абстрактной постановке вопроса еще можно, пожалуй, было бы понять эту позицию как «мирную». Но поскольку простая логика событий делает объективно невозможной такую абстрактную постановку, поскольку во всех случаях то или другое движение, и в особенности крестьянское, в объективных российских условиях неизбежно упирается в наиболее острую форму политической борьбы, постольку обязанность политической партии была прежде всего дать себе отчет в этом простом неизбежном факте и сделать отсюда вывод: каково же должно быть ее отношение к тому моменту, когда наступает переход от политического давления к формам гражданской войны? Вы помните объяснения обвиняемого Ракова, к которым я еще вернусь при подробном анализе Тамбовского движения. «Почему вы полагаете, — говорил Раков, — что мы постоянно только думаем о вооруженной борьбе?» Вопрос не к этому сводится. Можно ли было хоть на секунду мыслить, что те формы, в которых протекала жизнь в Тамбове, в Черноморье и в других местах крестьянских волнений, при наличности неизбежной нужды государства в хлебе, не приводили бы к крестьянским волнениям? А раз так, то могла ли политическая партия не предвидеть, что каждое ее слово, каждый агитационный шаг на этой почве неиз-

бежно приводит к вооруженному столкновению и, следовательно, к аннулированию резолюции IX совета об отказе (пусть временном) от вооруженной борьбы? Отсюда вывод один: надо было быть политически откровенным и честным перед собой, перед партией, перед рабочими и крестьянскими массами и на этот вопрос давать ясный, отчетливый ответ. Теперь мы видим, что в этом вопросе резолюции IX совета точного и ясного ответа не дают, указывая только негативную форму — удерживать от вспышкопускательства и т. д., что положительной линии политики опять-таки нет, кроме пустого заявления о том, что надо «давить на власть, пока не продавишь ее... путем политических кампаний». Жизнь ставила вопрос ребром, — эсеры снова и снова практиковали... фигуру умолчания.

Позвольте сразу перейти тут же и к теории о третьей силе, которая была впервые выдвинута на IX совете: две силы борются, говорят резолюции, — реакция и революция. Борется, с одной стороны, блок буржуазии всех оттенков, с другой стороны — борется закованный в железо, объединенный политической партией рабочий класс. Между ними имеется масса крестьянства, составляющего громаднейшее количество населения России, которое в области политической борьбы, начиная с 1905 года и кончая особенно 1917 годом, представляло всегда главный резерв, подпиравший своим движением рабочих в то время, когда пролетариат наносил удары царизму. Эта конфигурация социальных сил была впервые выдвинута в свое время, в 1905 году, в известной теории о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства в момент борьбы с самодержавием. Эта формула выдвигалась нами тогда против теории меньшевиков и иных оппортунистов о якобы творческой роли буржуазии в буржуазной российской революции. В феврале, марте 1917 года и особенно в августе, сентябре и октябре 1917 года, когда крестьянские восстания в Тамбовской, Саратовской и других губерниях являлись преддверием удару по капиталистической системе, который был нанесен пролетариатом в Октябре, этот факт объективного политического союза, блока крестьян и рабочих явился определяющим при решении вопроса о судьбах Октябрьской революции.

Но единство интересов рабочих и крестьян в момент, когда этот вопрос стоит ребром при борьбе со старым порядком — царизмом и крупной буржуазией, еще не значит, что в вопросах повседневной политики, в вопросах техники государственного управления не могут наступать моменты, когда не приходится тем или другим группам, тому или другому слою населения жертвовать определенной частью своих узких интересов в интересах общего союза.

Так стоял вопрос, в частности, относительно крестьянства в области продовольственной политики; отсюда происходили в определенные моменты резкие обострения отношений между городом и деревней, когда город требовал от последней хлеба в кредит. Это в свою очередь создавало глухое брожение и недоволь-

ство среди крестьян. Но такой политики неумолимо требовали интересы фронта, и это требование неуклонно проводилось в жизнь государственной властью. Отсюда вечное колебание крестьян между советской властью и ее противниками в поисках такой системы, которая бы гарантировала им возможность «накопления» и в то же время гарантировала бы их от возвращения помещиков. Отсюда вытекало и еще одно. На основании опыта всей нашей революции было совершенно ясно: мыслить возможной у нас такую государственную систему, которая бы базировалась социально на «третьей силе», специально понимая под последней специфически крестьянскую массу, а политически оформляя ее в виде политической демократии, противопоставляя ее, с одной стороны, крупной буржуазии и Колчаку, а с другой стороны—рабочему классу и той форме государственной диктатуры, которую он установил, — было нелепостью. Можно ли было мыслить государственную систему базированной на такой социальной группе, которая не представляет собой ни по географическим и топографическим, ни по техническим, ни по социально-политическим условиям своего бытия того, что может являться действительной базой? Или это было чисто теоретическое, абстрактное построение, которое на практике неизменно приводило бы, согласно социальной природе крестьянства, к одному из двух: или к утверждению политической диктатуры пролетариата или к диктатуре помещиков. О маниловщине, которой пропитана эта теория, о рае, где будут вместе мирно возлежать лев и ягнята, я не буду упоминать. А к чему привела бы эта теория на практике? Я спрашивал свидетеля Филипповского: «Когда вы, при помощи Союза освобождения Черноморья, подняли восстание в Черноморье против Деникина, когда вы вместе с большевистскими организациями свергли власть Деникина, вставал ли перед вами вопрос, какая государственная система должна быть вместо Деникина? Или, другими словами, кто будет политическим гегемоном при дальнейшем строении политической жизни, рабочий класс или эта бесформенная третья сила?»—Филипповский сказал: «Мы передали власть большевистскому ревкому».

Про Сибирь я спрашивал обвиняемого Ракова, и оказалось: когда после ниспровержения Колчака встал тот же самый политический вопрос, кто же будет гегемоном в решении вопроса дальнейшего политического бытия Сибири, ответ опять-таки дала жизнь. Жизнь велела, и вы практически передали власть большевистскому Сибирскому революционному комитету. Вот как жизнью решался вопрос о третьей силе всякий раз, когда он ставился практически.

Когда тот же вопрос ставился в Самаре и Уфе, практически эсеры передали власть Колчаку. В Архангельске они практически передали власть английскому генералу Пулю. Так опять-таки реальная жизнь объективно всякий раз решала этот политический вопрос.

Мы вернемся впоследствии еще раз к этому же вопросу.

Пока мы видим одно: резолюция о третьей силе была пустым теоретически абстрактным построением, а практического ответа на вопрос, как быть, в критический момент не давала. Но партия с.-р. не ограничивалась в этом отношении только резолюциями IX совета.

Следующим наиболее характерным документом является документ от 13 мая 1920 г. — циркулярное письмо ЦК партии с.-р. специально о работе среди крестьян. Позвольте на этом документе остановиться, на тех трех формах политической работы, которые предлагает в данном случае ЦК своим местным партийным организациям. Основная предпосылка — свержение советской власти — остается нетронутой. Свержение советской власти — цель, а дальше — средства, и таких средств три.

Во-первых, приговорное движение, сводящееся к превращению недовольства, которое имеет место в деревне, в политическое движение, к перевоплощению этой обывательской ругани большевиков в имеющий политическое значение факт, т. е. к оформлению этой ругани так, чтобы она создала «настроение». Для этого нужно иметь повсюду организацию, иметь повсюду копии приговоров, ездить на сходы, на сходах выступать или, по крайней мере, устраивать кружки, в кружках говорить: вот вам приговор, собирайтесь на сходы, выносите приговор, в котором скажите, что мы советской власти не верим; и распространяйте его, чтобы, как говорит циркуляр, «как зараза» распространялось это приговорное движение. Я поставлю вопрос прямо: что это такое? Это есть не что иное, как политическая агитация за свержение советской власти. И говорить о том, что тут не ставится вопрос о вооруженном свержении советской власти, — нельзя; глупо думать о том, чтобы крестьяне, когда вы предложите им на сходе вынести приговор, что советская власть никуда не годна и что ее нужно свергнуть, — чтобы крестьяне не поняли так, что свергать, так уже свергать, и нечего тут огород городить: свергать, так свергать, и мы «пойдем на них стеною». Все, что я говорю, подтверждается жизненными фактами. Мы имеем их достаточно — этих кровавых примеров, и тамбовская эпопея одна представляет собою достаточно красноречивый эпизод.

Вторая форма движения: когда создалась эта достаточная атмосфера, образуются беспартийные крестьянские союзы, причем надлежит при организации беспартийных союзов заключать блоки с левыми эсерами, с боротьбистами, т. е. с другими антисоветскими партиями, и на этой почве объединять волость, затем район, уезд, губернию и т. д. А в недрах беспартийного крестьянского объединения создавать крепкие партийные организации, которые могли бы быть передаточным механизмом для губернского или всероссийского центра. Что это такое? Это есть организационные формы подготовки движения, направленного на свержение советской власти. Дальше говорится: имейте в виду, что если где-нибудь вспыхнет индивидуальное движение, отдель-

ное, разрозненное, вы тогда, в целях экономии сил, сдержите его, а когда назреет момент, все вместе выступим. Достаточно вспомнить старые популярные марксистские книжки, чтобы понять утопию предположения, что можно построить социальное движение так, чтобы повсюду были одинаковые организационные формы, готовые к определенному моменту, и чтобы в определенное время планомерно организованные массовые восстания вспыхнули единообразно.

Никогда массовое планомерное движение так не вспыхнет, хотя бы оно было рассчитано со скрупулезной точностью. При наших же реальных условиях политической деятельности, при наших географических и политических условиях, при чрезвычайном разнообразии местных, бытовых и социальных условий говорить о подобном планомерном движении нельзя; говорить же о том, что можно предупреждать и удерживать индивидуальное движение, — это, опять-таки, либо политическая слепота, либо политическое лицемерие. Выбор между этими двумя квалификациями я и тут предоставляю непосредственно обвиняемым, так как объективно не может быть иной постановки вопроса.

Нельзя мыслить себе на территории Советской России крестьянское движение, которое могло бы быть руководимо из одного центра. Нельзя мыслить себе на территории Российской республики такого положения вещей, чтобы была создана нелегальная широкая беспартийная крестьянская организация, которая охватила бы в достаточной степени широкие круги, без того чтобы до этого времени не произошло столкновений, которые неминуемо выливались бы в формы острой гражданской войны, т. е. в форму вооруженной борьбы; а если нельзя было так мыслить, то ставился обязательно вопрос: как же быть в данном конкретном случае? Удерживать? А когда не удерживать? Когда же вообще наступит этот момент всеобщего организованного движения? Это — утопия Таким образом логический и политический анализ этого плана ЦК сводится к следующему: 1) ЦК дал приказ и толчок к повсеместной агитации за свержение советской власти; 2) местные организации произвели ряд попыток закрепить ее в организационных формах на местах, так как мечта о всероссийской организации являлась объективной утопией; 3) результатом были объективно неизбежные местные изолированные выступления, т. е обратное тому, что якобы ставил себе целью цекистский циркуляр. Вот политический смысл и политическое содержание этого письма от 13 мая по вопросу о крестьянском движении. Нет другого содержания в этом документе и нельзя ничего другого в него вложить.

Я позднее вернусь к позиции, которую заняли эсеры на IX совете по отношению к коалиции с буржуазией. Пока ограничусь одним: коалиция была принципиально осуждена в противоположность резолюции VIII совета партии. Здесь вспомнили старое, вытащили из архива резолюцию IV совета и решили, что

впредь коалиция ни в коей мере недопустима, и партия или Центральный комитет будут обязаны принимать всяческие меры, чтобы прекращать всякие попытки коалирования, когда они будут иметь место. Я этим ограничусь, чтобы перейти к анализу этой позиции тогда, когда буду анализировать соответственные политические факты, а сейчас, чтобы не разбивать единства изложения, перейду к рассмотрению того, во что же практически превратились резолюции IX совета в области чисто крестьянских союзов, т. е. к сибирскому крестьянскому движению и к движению тамбовскому.

В области практического применения резолюции IX совета по вопросу о крестьянском движении мы имеем две попытки: одна относится к Сибири, другая — к так называемой «антоновщине». Начнем с событий, имевших место в Сибири, где параллельно работали две организации: инициативная, или Игнатьевская, и Юдинская, или Тяпкинская, группы, работавшие в октябре 1920 года. Меня будет интересовать только вторая группа, так как работа первой группы прямой организационной связи с партией с.-р. не имела; правда, в нее входили бывшие или настоящие представители партии с.-р., она вела переговоры с партийными организациями в отдельных городах, в частности, возможно, в Красноярске, Барнауле и Томске или Омске, причем имеются данные и относительно переброски или согласия переправить типографию, но безусловно установить на суде этого не удалось.

Иной характер имеет работа Тяпкинской организации. Один из главных ее работников, член партии с.-р. Тяпкин, до сих пор не только не порвал с партией, но остается теснейшим образом связанным с партийными организациями. Установлено, что он вместе с Юдиным и целым рядом эсеров, входивших в группу, имел несколько совместных совещаний, причем набрасывалась программа и обсуждался организационный устав группы. Когда я спросил члена Краевого комитета Кудрявцева, в какой мере допустим такого рода факт, он мне ответил, что если вопрос не вышел еще из стадии подготовительных переговоров, то ни запрещать, ни разрешать их не следовало, и лишь поскольку он претворился бы в дело, постольку явилась бы необходимость, чтобы Краевой комитет обсудил этот вопрос. Но оказывается, что на деле имели место не только одни совещания между организаторами, а была уже установлена связь и с представителями офицерской организации Густомесова; эту связь не отрицают ни Густомесов, ни Тяпкин с Юдиным, и они расходятся только при определении, как далеко зашла эта связь. Густомесов говорит, что у него были склады оружия и ряд офицеров, с ним связанных; в одном показании он указывает, что с Тяпкиным и другими обсуждался вопрос о программе, каковая была принята, и что целью работы ставилось непосредственное свержение советской власти. Тяпкин расходится в своих показаниях с Густоме-

совым, но определить, кто из них прав в этом, — это дело суда. Здесь важно, что связь с густомесовской организацией установлена, и это вынуждает нас обратиться к политической оценке факта.

Что представляла собой в этот момент Сибирь? На этот вопрос был дан исчерпывающий ответ обвиняемым Раковым или Федоровичем: Сибирь напоминала кипящий котел, на ее территории действовали многочисленные остатки колчаковских и иных партизанских вооруженных повстанческих организаций и банд. Одну из них наглядно обрисовал обвиняемый Игнатьев, описывая, как он путешествовал в поисках банды нето Плотникова, нето Плужникова, как он нашел ее и как этот Плотников или Плужников среди беседы вытащил револьвер и сказал: «Если будешь так рассуждать, я тебя на месте пристрелю». Ясно, что выступления подобных организаций имели грабительский и дезорганизаторский характер; политическая их физиономия была совершенно отчетлива: либо абсолютная безыдейность, безграмотность и бандитизм, либо попытка придать неорганизованным выступлениям недовольных элементов крестьянского населения какую-либо идейную форму — самую разнообразную в отдельных случаях.

Именно этим объясняется то, что здесь говорилось о бесконечном количестве программ, возникших то в Новониколаевске, то в Алтайске, то в Красноярске. Смешно и наивно было услышать здесь утверждение Тяпкина, что в программе, составленной Игнатьевым, занимала почетное место «православная религия». Есть, конечно, разные способы порочить своих политических и всяких иных противников, но есть и предел, когда эти средства начинают действовать совершенно обратно и убеждать в противном. Полагать, что люди, именующие себя социалистами, хотя бы и энесовского толка, вставят в свою программу пункт об охране православной религии и т. д., — это является более чем гиперболой, и трудно допустить, чтобы подобный факт мог иметь место. Правда, в свое время Авксентьев написал формулу присяги со ссылкой на господствующую религию, но там это объяснялось просто: без этого распадалась коалиция с буржуазией и приходилось «ради целого жертвовать частью», по теории Евгении Ратнер. Но представить себе, что политический работник, хоть мало-мальски культурный и политически воспитанный, написал бы такую программу,—трудно. Между тем, если поставить вопрос: как могло это возникнуть, — ответ ясен. Если Плотников или Плужников вставит что-либо подобное в свою программу, это будет совершенно понятно: такая вставка Плотникова о православной церкви будет всецело аналогична тому моменту, когда Антонов в Тамбове в свою программу вставил «широкий государственный кредит личности», т. е. вещь, смысл которой понять трудно. Вот объяснение всего этого эпизода с «православною церковью», он понятен в обстановке Сибири, когда отдельные повстанческие группы и отряды могли получать

обрывки разных партийных программ и варьировать их по своему усмотрению, вплоть до «православной церкви».

Иначе стоит вопрос о «земском соборе» как программном пункте. Игнатьев признал: «Да, эта вариация была вставлена мною». Нужно или не нужно было выдумывать такое старомодное название, которое пахнет чем угодно, но не революцией, — это не имеет значения, но факт остается фактом. Из всего сказанного следует сделать вывод: в обстановке нарастающего недовольства, которое имело место в Сибири, только одна политика Краевого комитета могла бы быть признана целесообразной, это — политика запрещения всяких бесконтрольных организаций и всяких попыток изолированных выступлений в блоке с непартийными организациями.

И если бы такова была политика Краевого комитета, если бы был издан циркуляр, запрещающий контакт с беспартийными организациями, то мы могли бы сказать: «Да, тут люди поняли, как нужно в данных условиях держаться: они поняли, что если в этой обстановке сказать «а», т. е. что допустимы беспартийные крестьянские объединения, то нужно сказать и «б», т. е. что эти крестьянские беспартийные объединения должны привести практически к военным действиям, к индивидуальным разрозненным выступлениям и к излишним жертвам с точки зрения сохранения энергии «народных сил». Вот что должен был сказать себе политически развитой человек, если он учитывал объективную обстановку.

Нас здесь хотят уверить, что так и было сказано; но на этот счет приходится усомниться, ибо факты говорят совершенно обратное. Доказана связь организаций Тяпкина и Густомесова; доказаны совещания Тяпкина с Кудрявцевым и Юдина с Герштейном. Мне представляется чрезвычайно ценным показание Юдина, где он говорит: «После начала работы я получил циркуляр ЦК о беспартийных и крестьянских союзах и душевно порадовался, что моя индивидуальная линия поведения, тактики и организации совпадает с тем, что рекомендует ЦК». Вопрос сводится к тому, что директива ЦК была вполне определенна: Юдин действовал формально в соответствии с циркуляром, и Тяпкин имел разговор с Кудрявцевым о той же работе. Правда, Кудрявцев говорил, что он рекомендовал отмести все несоциалистические элементы. Но ведь мы спрашивали Юдина: «Тяпкин делал доклады в местных партийных организациях?» — «Делал». Так можно ли допустить, чтобы такой член партии, как Тяпкин, действовал совершенно сепаратно и об этой своей работе ничего не говорил областной местной организации?

Возьмем обе версии. Первая — он говорил; в таком случае циркуляр Краевого комитета — миф, и, следовательно, циркуляр ЦК был принят к исполнению и выразился в политике создания беспартийной крестьянской организации совместно с белогвардейцем Густомесовым. Вторая версия — Тяпкин не говорил; тогда мы имеем следующую картину: члены партии изолированно,

на свой страх и риск, строят определенные организации и входят в сношения с Густомесовым в обстановке, когда этому противоречат и циркуляр Краевого комитета и общеполитические соображения. Хороша картина! Что отсюда вытекает? Я спрашивал подсудимых: «В данном случае вы отгораживаетесь или не отгораживаетесь от своих местных работников?» Вот ответ, который я получил от Ракова: «Партия, как таковая, в лице своих центральных и местных краевых организаций. . к работе Тяпкина никакого отношения не имеет; никакой санкции партийного органа во всяком случае здесь не было». Но я спрашиваю: «Шла ли вразрез с директивой Краевого комитета деятельность Тяпкина?» — «Несомненно, шла вразрез». — «От лиц, нарушавших такие директивы, вы отгораживаетесь или нет?» Раков отвечает: «Участие партийной организации не выяснено». Это не ответ! Вопрос и сейчас стоит ребром. От деятельности партийных работников типа Тяпкина, который молится на вас, который, чтобы свидетельствовать в вашу пользу, даже искажал перед судом действительность, — ибо показания Густомесова рисуют более широкую картину, чем одни «разговоры за чашкой чая», — Тяпкин пришел сюда вас спасать, — вы от Тяпкина отгораживаетесь или нет? От его деятельности вместе с Густомесовым, Юдиным и другими вы отрекаетесь или нет? Вот политический вопрос. Вы, верхи и низы, не в первый раз здесь, на этом процессе, сопоставлены.

Мы имеем, правда, заявление обвиняемого Гоца о том, что за всю деятельность всех эсеровских организаций на территории Советской России Центральный комитет несет ответственность. Но разрешается ли этим вопрос политический, который я здесь поставил в отношении Тяпкина? Нет, не разрешается, ибо он все-таки сводится к тому, как же в действительности обстояло дело. Или был краевой циркуляр, запрещающий такого рода деятельность, и тогда Тяпкин нарушил его и потому должен быть призван к порядку, какового призыва не последовало,—тогда вообще партия представляет собой рассыпанную храмину, где каждый делает что́ хочет. Либо краевого циркуляра не было, а был циркуляр о беспартийных организациях, который Тяпкины на местах проводили в жизнь так, как умели и понимали; ибо в то время, когда ЦК сидел в Москве, Тяпкиным приходилось работать в обстановке Сибири, и все проклятые жизненные вопросы перед ними стояли не в качестве теоретических построений, а требуя немедленного ответа — да или нет. Позвольте разрубить этот Гордиев узел и заявить, что, конечно, циркуляра Краевого комитета не было, и Тяпкин работал с полного благословения местной организации.

Выступая в качестве государственного прокурора, я не должен ни на секунду забывать юридических соображений. С точки зрения юридической я полагал бы чрезвычайно трудным вменить в вину обвиняемым, а в частности Ракову, Федоровичу или Герштейну, работу, о которой говорил, тем более что хроноло-

гические данные указывают, что беседа Юдина с Герштейном имела место в июле, а работа по созданию беспартийных групп относится к октябрю. Даже принимая во внимание заявление, что в общем и целом суммарная ответственность принимается членами ЦК на себя, все же юридически вопрос об ответственности за Тяпкина по существу не может иметь большого значения.

Я позволю себе перейти к другому, более тяжелому, кровавому эпизоду, так называемому тамбовскому движению. По вопросу об этом движении обвиняемый Раков сказал: «Мы добиваемся в течение ряда лет права и возможности раскрыть публично всю правду об этом тяжелом периоде русской жизни и русской действительности и снять с себя те обвинения, которые печать распространяет про нас». Пойдем ему навстречу. Перед нами не открылось, правда, возможности полностью разобраться во всех деталях этого движения, но, изучая материал, который имеется в нашем распоряжении, все-таки можно в определенной степени эту правду восстановить.

Мы имеем по этому вопросу, с одной стороны, свидетельство эсера Подбельского, одного из непосредственных работников этого движения, а с другой стороны, доклад представителей тамбовской организации на сентябрьской конференции в момент, когда это движение уже разгоралось: конференция была в сентябре, а движение началось в августе. Кроме того, имеются протоколы показаний Ишина и двух Муравьевых, показания Боголюбского и объяснения обвиняемого Ракова. Вот судебный материал, с которым мы должны оперировать.

В докладах тамбовской организации говорится следующее: «Организация в феврале — марте 1920 года решительно стала на точку зрения нелегальную. Вышло два номера нелегальной газеты «Земля и воля», в некоторых селах организуются строго крестьянские и партийные братства, не более десятка, крестьянство сплачивалось в беспартийные, но строго классовые по своему составу союзы трудового крестьянства». В эту работу эсеры вошли в согласии с левыми эсерами, и ими были совместно поставлены две главные задачи: первая — отвоевание власти из рук Коммунистической партии в руки нового Временного правительства, составленного из представителей крестьянских союзов, рабочих и представителей социалистических партий, причем Временное правительство должно было созвать «Всероссийский съезд трудящихся» для решения вопроса о форме государственной власти; вторая задача — организация союзов; они были созданы в уездах Тамбовском, Кирсановском, Борисоглебском и т. д. Весною 1920 года была тамбовская партийная конференция, а летом состоялась губернская партийная конференция. «Сейчас же после уборки хлеба, — говорит «Воля России», — вспыхнуло восстание, носящее название независимого антоновского восстания. У Антонова были красные флаги, на которых были надписи: «Да здравствует трудовое крестьянство». Два предста-

вителя тамбовской организации настаивали на необходимости пойти навстречу стихийному процессу и дать ему свои «испытанные в борьбе лозунги».

Перейдем прежде всего к области фактов. Они устанавливают, во-первых, нелегальную работу по организации крестьянских союзов и крестьянских братств, и, во-вторых, попытки создания организационного объединяющего центра на губернских партийных конференциях и на отдельных районных съездах. Далее устанавливается, что по этому поводу было достигнуто соглашение с левыми эсерами, и что при непосредственном участии организаций Тамбовского уезда, Моршанской и Кирсановской, состоялись партийные конференции. Если мы обратимся к циркулярному письму от 13 мая 1920 г., то мы увидим, что Тамбовская губерния строго выполнила соответствующие директивы. Значит, с одной стороны, было возбуждение настроения путем агитации, затем беспартийные объединения, объединения с левыми эсерами, создание партийных организаций и ячеек и, наконец, образование руководящего центра. Конечная задача была — образование Временного правительства.

Здесь обвиняемый Раков в своих объяснениях говорил, что «сие должно пониматься иносказательно», — по его словам из самого текста получается, что Временное правительство созывает съезды трудящихся, что это надлежит понимать «не как организацию центров, а именно только как политическую кампанию» (которая, по выражению Гоца, должна была «продавить» советскую власть). Оставим в стороне вопрос о том, правильно или неправильно с редакционной стороны выразились тамбовские делегаты, а поставим основной вопрос: Временное правительство, которое должно созвать Всероссийский съезд трудящихся и решить вопрос о формах государственной власти,—вот конкретная объективная цель, изложенная делегатами на Всероссийской партийной конференции, — она ставилась или не ставилась вами? И если ставилась, то конкретно не является ли это объективным провоцированием таких практических результатов, которые должны последовать в форме вооруженой борьбы? На этот вопрос не может быть двух ответов. Так именно и понималось это местными работниками, и на вопрос, как работать среди крестьян, тамбовские эсеры отвечали: во имя свержения власти и вооруженного восстания. Этот окончательный вывод неизбежно вытекает из конца доклада, где указывается, что нужно пойти навстречу нарастающему стихийному процессу и дать движению свои лозунги.

Возьмем протоколы других организаций: Сибирского краевого союза, протоколы кубанской делегации на конференции 1920 года, — как они ставят вопрос? Здесь Гендельман говорил: настроение конференции было более активистским, чем настроение ЦК. Нет, утверждаю я, оно не было более активистским, а было только более последовательным, неизбежно последовательным, как у практиков, у работников с мест. Это целиком под-

утверждается документами, на которые ссылался обвиняемый Раков, корреспонденцией из Великолуцкого уезда, Псковской губернии, где рассказывается, что эсеры в Псковской губернии на местах тоже не в состоянии были удержать движение и сами вырабатывали план о захвате Великолуцкого уезда. Практика, при той основной линии, которую давало директивное письмо ЦК, неизбежно и обязательно приводила к вооруженному конфликту, и лица, которые подготовляли этот неизбежный конфликт, действовали согласно директивам ЦК. Что дело обстоит именно так, для этого совершенно достаточно прочитать протоколы сентябрьской конференции и доклады с мест, которые там представлены. Там говорится, что ставить вопрос на практике иначе было совершенно невозможно.

Посмотрим, как разрешился этот вопрос в тамбовской живой действительности и прежде всего в области фактов, которые мы проверили при помощи свидетельских показаний. Один из номеров «Земли и воли» есть в деле и был здесь оглашен. Вот что в нем сказано (№ 2 «Земли и воли» от 1 июля 1920 г.): «Все, кто не мирится с положением страны, должны установить основные причины этой слабости — власть большевиков», — а в статье «Как они продовольствие собирают» говорится: «До каких же пор господа коммунисты будут измываться над мужиком?» Вот как писали тамбовские эсеры в своих воззваниях; поставьте этот лозунг в объективные условия Тамбовской губернии и спросите, какой может быть практический вывод. «До каких пор господа коммунисты будут измываться над мужиком?» Это было в июле... И сейчас же после уборки хлеба вспыхнуло крестьянское движение в Тамбовской губернии. В это время, по показанию Подбельского, заседал районный съезд Хитровской волости. Он получил соответствующее извещение и послал двух делегатов к восставшим. Первоначально было решено удерживать, как говорит Подбельский, но оказалось, что движение далеко переросло те рамки, которые хотели наметить местные деятели и организаторы.

Здесь позвольте процитировать показание одного из Муравьевых, красочно и ярко рисующее действительное положение вещей. Крестьяне говорили: «Что же, видно, придется нам итти одним; но тогда берегитесь; придем в Тамбов, перебьем и вас заодно». Вспомните теперь, что рассказывал в свое время Альтовский относительно саратовского движения, как и там эсеров силком заставили принять руководство движением. Вот как ставили вопрос крестьяне, которые в то время верили эсерам: «Вы нас вызвали, спровоцировали нас, извольте итти теперь вместе с нами».

И после такого красочного начала гражданину Подбельскому угодно было с пафосом писать в «Революционной России»: «По степям, по холмам, по полям скачет крестьянская месть...» Я не знаю, какую дозу политического бесстыдства нужно иметь, чтобы так писать об этом движении! Посмотрите, что дальше

пишет Подбельский, когда затем отрекается от этого движения. Анализируя 17 политических требований, которые выставили крестьяне: «Учредительное собрание, прекращение войны между другими государствами, восстановление кооперации и широкий государственный кредит», — Подбельский с видом знатока третирует безграмотные мужицкие требования, написанные каким-нибудь бывшим семинаристом или ходатаем по крестьянским делам, и говорит: «Разве это наши эсеровские требования? Мы не такие неучи, как тамбовские мужики!» Подбельский забывает все, что он перед этим говорил. Можно ли отрицать непосредственную связь крестьянского движения с агитацией, которую проводили эсеры, руководясь своей программой по крестьянскому вопросу? А между тем Подбельский дальше пишет: «Лишенные антоновской базы, лишенные всякой идейности и вождей, всеми покинутые, боролись крестьяне, и так был растрачен богатый запас революционной энергии». И это говорит человек, который сам был в гуще этой работы, вел ее с начала весны 1920 года, который сам принимал участие в партийных районных съездах, сам положил начало и, может быть, собственной рукой писал эти слова во втором номере «Земли и воли»: «Доколе же будет продолжаться измывание коммунистов над мужиками!»

И вы будете после этого говорить, обвиняемый Раков, что ваши руки чисты от всей этой крови, от этих ужасов тамбовского движения? Вы будете утверждать, что вы, эсеры, в этом деле совершенно неповинны, что в данном случае не было самой бесстыдной политической провокации несознательных элементов населения, т. е. тех элементов, политическая работа среди которых требует максимальной осторожности и сдержанности, ибо вы знаете объективные условия Российской республики и российской действительности. Ведь вы умнее, чем Антонов, и могли бы в данном случае понимать и осмыслить и это движение и неизбежные результаты своей работы!

Вспомните интереснейшее показание о том, как происходило свидание эсеров на Комендантской улице с Антоновым, когда Антонов сказал: «В конце концов, кем вы меня считаете, просто бандитом или кем-нибудь другим?» Ему было отвечено: «Мы вас бандитом не считаем, но указываем, что надлежит делать». Это характеризует политическую прямолинейность бандита Антонова, который говорил эсерам: «Одно из двух,—если у нас с вами какие-нибудь отношения есть, то они к чему-нибудь обязывают и требуют соответственного отношения».

Что отсюда вытекает практически для оценки антоновского движения? Связь эсеров с Антоновым была, и никто не может ее отрицать; она доказывается бесспорными фактами: беспартийный свидетель Боголюбский, считавший себя эсером шурин Антонова, принимавший участие в его экспроприаторской деятельности, потом работал в типографии губернского парткома партии с.-р. и, очевидно, участвовал на партийных конферен-

циях: даты его показаний, где и когда была конференция, полностью совпадают с датами тамбовских представителей на сентябрьской конференции 1920 года. Спрашивается, как приходится понимать эти отношения? Правда, у Подбельского есть намек, что якобы Антонову было в свое время социал-революционерами предложено прекратить работу. Но так ли это было? И во всяком случае, сношения с Антоновым имели место. Наконец, кроме всего ранее по этому поводу известного, здесь, на суде, Раков поведал, что двое Муравьевых, которые в момент движения пошли в объединенный штаб и работали в качестве руководителей движения, — что они раньше этого состояли членами губернского комитета партии с.-р. Из этого вытекает несомненная достоверность показаний Николая и Григория Муравьевых и показаний Боголюбского о связи губернского бюро и губернского комитета с местными антоновскими организациями.

По показаниям Боголюбского, инструкцию о крестьянских союзах на весенней конференции вырыбатывал Подбельский; эта инструкция была передана Антонову, и ячейки, созданные предварительно Антоновым, были потом практически объединены в эти трудовые эсеровские союзы. Если поверить Подбельскому, утверждающему, что параллельно с трудовым союзом эсеров возник совершенно другой губернский союз трудового крестьянства, созданный Антоновым, то приходится спросить: мог ли Антонов, человек политически неграмотный, скорее типичный заговорщик и авантюрист, мог ли он суметь самостоятельно создать губернский союз трудового крестьянства параллельно с эсеровскими организациями? Или это было иначе, и когда настал момент движения, то созданные эсерами, при их навыке и политическом умении, трудовые ячейки крестьянских союзов целиком перекочевали под знамена антоновщины и образовали Тамбовский губернский союз Антонова? Не будет ли правильнее признать, что вся работа, которую вел Подбельский, была водой на мельницу антоновского губернского союза и что никакого другого союза в этой губернии не было? Вот какое практическое понимание, мне думается, следует вложить в эти, казалось бы, бессвязные сообщения полуграмотного свидетеля Боголюбского.

Тогда становится понятным и этот памятный адрес: Комендантская 9 — адрес конспиративной квартиры эсеров, на которой первоначально жили приехавший с лесопильного завода свидетель Боголюбский и партийный работник Березняков, он же инструктор народного образования (все эсеры гнездятся либо по народному образованию, либо по кооперации). На Комендантской 9 Березняков устраивал свои явки, на которых присутствовал и Антонов. Эти сообщения, вызвавшие с первого взгляда сомнения, получают совершенно иной характер при более внимательном сопоставлении статьи Подбельского в «Революционной России» с показаниями Муравьева и Фетискина, описывающих по-

пытки захвата моршанского и тамбовского артиллерийских складов. Когда исход восстания стал ясен, Фетискин и Муравьев решают, что надо хотя бы достать оружие путем захвата складов; был отдан приказ собрать в лесу 200 дезертиров или же у Антонова получить боевиков для ограбления моршанского артиллерийского склада. Тут действительно пошло гулять бесформенное крестьянское движение, инспираторы же и инициаторы движения «умыли руки» и отошли в сторону. Опять та же картина, которую мы видели ранее, а эсеры с лирическим пафосом пишут про скачущую по сугробам крестьянскую месть...

Но разве можно в сфере политической ответственности отделываться заявлениями вроде сделанных здесь, что «мы пытались отгородиться от движения, послав из Хитровой волости в Каменку двух делегатов, которые вместо этого перешли на сторону повстанцев»? В этом видно то же самое отмежевывание от низов, когда практические результаты привели к печальному концу, которые мы видели и раньше; от низов отрекаются, их выдают на поток и разграбление, а сами прячутся в кусты, — «мы к этому движению совершенно не причастны...». Даже если бы не было показаний Боголюбского, Муравьева и Ишина, если бы не было корреспонденции Подбельского, а оставались только одни показания обвиняемого Ракова, и то вы, обвиняемые, не могли бы снять с себя ответственности за тамбовское движение; она целиком и полностью лежит на вас как на лицах, которые его вызвали своей политикой, своей работой на местах и своими лозунгами в той обстановке, которая переживалась в 1920 году.

Это была осень 1920 года, период максимального накопления того недовольства, которое было результатом тяжелых испытаний, павших на долю республики, и до своего кульминационного пункта это недовольство дошло в кронштадтском движении. В этот тяжелый период исторической жизни вы бросили лозунги, действительно, политически преступные, значение которых было прикрыто и спрятано. Но ваши работники на местах, в Сибири — Тяпкин, в Тамбове — Боголюбский и Березняков, все они действовали не по внешне приличным вашим лозунгам, а по одной единственно возможной логике вещей, которая диктовалась и истинными вашими пожеланиями и объективными условиями действительности.

Так стоит вопрос относительно тамбовского движения; и если тамбовские крестьяне-антоновцы подымали красные флаги с надписью: «Да здравствует трудовое крестьянство», — этот лозунг был предложен им эсерами. Остаются мелочные вопросы, касающиеся этого периода. Я остановлюсь на связи с Антоновым, которую здесь рисовал свидетель Боголюбский, рассказывая о своей поездке к Антонову для покупки велосипеда за 45 000 рублей. Здесь указывалось на абсолютную вздорность такого предположения, но я не понимаю, почему это следует считать вздорным. Что местные организации были деньгами не богаты, — об этом известно всем и лучше всего ЦК; что велосипед

очень полезен для разъезда по селам, — тоже верно; что при помощи Антонова легче всего было достать велосипед,—это понятно; что у Антонова деньги были, — тоже известно; и что, наконец, у эсеров была связь с антоновцами, — это тоже факт. Почему же считать это невозможным? Или, может быть, подсудимые опять станут на точку зрения «зазорности и недопустимости» брать деньги у Антонова? Но я не хочу возвращаться к «принципиальным соображениям» этого сорта.

Я заканчиваю разбор антоновского движения двумя небольшими цитатами. Первую я беру из показаний Николая Муравьева: он указывает, что на собрании 10 сентября, в составе его, Фетискина, Данковского, Никитина, Бондаренко и еще двух, поднимался вопрос о взятии моршанского артиллерийского склада. Здесь важно упоминание Данковского, который, по показаниям Боголюбского, был одним из работников, державших связь с центром, а следовательно, был работником не второстепенным, а крупным деятелем губернского масштаба. Тем не менее, даже он, если верить показаниям Николая Муравьева, в момент дальнейшего восстания сделал тот решительный практический вывод, который до сих пор не хотят признать и понять члены ЦК, авторы знаменитого циркуляра от 13 мая. Вторую цитату я беру из протокола сентябрьской конференции, где высказывается «Лев Михайлович», расшифрованный только здесь на суде. По поводу резолюций IX совета партии «Лев Михайлович» заявил: «Эти резолюции надо пересмотреть, ибо наступает час активной вооруженной борьбы; соответственные обстоятельства налицо, и поэтому прежняя точка зрения должна быть отброшена». Если это заявление верно передано, то слова Гоца, что ЦК занимался выпрямлением линии направо, а не налево, получают другое освещение, иное освещение получает и резолюция самой сентябрьской конференции; ибо «Лев Михайлович» оказался членом ЦК Герштейном, а не каким-нибудь увлекшимся местным работником. Цитируем резолюцию конференции: «Поражение Колчака и Деникина изменяет политическую обстановку, и положение вещей на местах ставит в порядок дня неизбежность вооруженного свержения большевистской диктатуры». После такой ясной формулировки не приходится говорить, что резолюция сентябрьской конференции повторила резолюцию конференции 8 февраля; ведь резолюция февральской конференции говорит: «Решительно отвергаем всякие попытки вооруженного свержения советской власти». Я не знаю, за кого нас принимает обвиняемый Гоц, так как читать мы все-таки умеем, и как вы ни толкуйте эти слова, прочесть их иначе нельзя.

Когда говорят, что в порядок дня ставится вопрос о неизбежности вооруженного свержения, то не приходится это толковать иначе, как переход от 62 к 60 статье Уголовного кодекса. Вот почему я думаю, что и практически и с точки зрения изучения документов можно установить, что резолюция IX совета, как таковая, просуществовала чрезвычайно недолго. Для боль-

шей точности я приведу резолюцию X совета: «Вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня». Так написал X совет, а сидевший в это время в тюрьме ЦК торжественно выразил свое удовольствие по этому поводу.

Я перейду теперь к событиям осенью 1921 года в Черноморье, где тогда явилась «третья сила» в ее эсеровском понимании. Мы знаем, как «третья сила» действовала там против Деникина; по этому поводу в «Воле России» были большие статьи, рекомендовавшие желательный способ действий, были изданы специальные брошюры о том, как черноморские крестьяне боролись за свою свободу, была написана специальная статья полковником Махиным о практическом уроке, который надлежит извлечь из тактики Черноморья, и о том, как технически надлежит оборудовать и организовать это вооруженное движение. Чернов тогда в «Воле России» сугубо подчеркнул, что «жива третья сила». Посмотрим же, что собой эта «третья сила» действительно представляла.

О периоде борьбы с деникинщиной мы имеем свидетельства Филипповского и Рябова. Борьба против Деникина велась местными эсерами совместная с большевистской организацией и велась на почве признания принципов советской Конституции. Я спросил Филипповского: «Разве вы принимали трудовластие?» — «Да, — говорит,—приняли». Следовательно, в обстановке реальной борьбы политическая платформа, объединившая крестьянство и рабочих, была платформой советовластия; да она и не могла быть в то время иной, несмотря на то, что формально эсеры и все остальные оппозиционные группировки стояли на позиции «Учредилки». Вопрос о трудовластии был тем водоразделом, который разделял буржуазные группировки от группировок трудящихся масс. И этот блок привел в смысле практических шагов после победы к передаче власти советам, к ревкому.

И вот начинается дальнейший период, наступает 1921 год. На сцену является Воронович, личность которого мы в достаточной степени выяснили. Я не скажу, что Воронович представляется одиозной фигурой, худшим из худших: это неверно. Биография Вороновича здесь была приведена, и в ней имеется ряд положительных и отрицательных черт, а свидетельство Филипповского и Сорокина положительно характеризует Вороновича в период, когда он был начальником штаба крестьянского ополчения. Правда, Филипповский указывает на два каких-то компрометирующих факта, из коих он сообщил один; о другом факте Филипповский не хотел рассказать, так как он слишком компрометирует Вороновича. Это осталось в конце концов невыясненным. Но, как бы то ни было, Воронович был за какие-то действия из партии эсеров исключен.

Таков исходный факт. И вот Воронович после исключения приезжает в Прагу как эмигрант и предлагает свои услуги членам заграничных организаций партии с.-р., как он сам об этом говорит: «Состоя членом партии с.-р., я прежде всего решил обратиться к своим партийным товарищам, считая, что им более других близки интересы крестьян; я встретил, — говорит он дальше, — в группе товарищей, объединившихся вокруг «Воли народа», полное сочувствие и готовность оказать моральную и материальную помощь». Так пишет Воронович. В апреле 1921 года Федор Сорокин, — он это признает, — пишет письмо, в котором указывает, что Воронович — самозванец и его нужно от всякой работы отстранить. В апреле же, видимо, под влиянием этого письма, состоялось постановление административного центра партии с.-р.: рассчитаться с Вороновичем и дела с ним не иметь. Однако в августе 1921 года Вороновичу выдается удостоверение: «сим удостоверяется», что вы, мол, можете ехать в Константинополь и делать там то, что мы данным мандатом предлагаем. И в последующих протоколах административного центра мы имеем уже не только данные, что Воронович играет большую роль, но и целый ряд указаний, что Воронович стал persona grata в среде заграничной эмиграции. Начав работу в Константинополе, Воронович вступил там членом в некое объединение, в которое вошли какой-то комитет горцев, комитет объединения Северного Кавказа, какая-то группа «Вольный горец», Украинская организация и т. д.; входили туда лица очень подозрительные, если судить хотя бы по фамилии Булацеля. Какую же работу стал исполнять Воронович по мандату административного центра? В своем письме от 11 октября за № 16 Воронович пишет: «6 октября прибыл из Сухума один человек, который привёз мне письмо от направленного мною 12 сентября на Черноморье курьера». Итак Воронович завязал связи с Черноморьем при помощи курьеров.

Когда я цитировал статью Чернова из «Воли России», где Чернов, говоря о третьей силе, кончает так: «Растет это движение, невидимыми, но крепкими нитями связанное со всей нашей работой...», — мне брошена была реплика со скамьи обвиняемых: «Нити-то невидимые». Я сказал тогда: «Мы сделаем их видимыми», — и позвольте теперь свое обещание исполнить.

Курьер, о котором говорил в своем письме Воронович, был не единичный курьер. «У меня был подготовлен ряд лиц для новой отправки», — пишет Воронович, а в следующем письме прямо говорит: «Произведенный во время моего 2½-месячного пребывания в Константинополе опыт установления связи с Северным Кавказом (это письмо от 5 декабря 1921 г.) дал блестящие результаты. Через три недели после этого курьер, посланный мною, сделал первое донесение из Сухума. Затем я имел возможность через 7—8 дней получать свежие сведения. Попытка отправить в Черноморье агитационную литературу кончилась полным

успехом. Что касается агентов связи, то в Константинополе находится ряд вполне надежных, испытанных людей, которые жаждут принести пользу своим землякам и которые, рискуя собственной жизнью, исполнят какое угодно поручение».

Вот они, эти «невидимые» нити, которые сделались благодаря откровенности Вороновича видимыми. Работа, которую он вел из Константинополя с благословения зарубежной эмиграции, названная Черновым в статье «Воля России» «крепкими невидимыми нитями», идейно связывает всех этих людей. Мы потом рассмотрим идейное содержание этой работы; пока же для характеристики этой работы процитируем сообщение Вороновича в письме от 6 октября: «Этот факт (т. е. то, что такая быстрая связь имелась с Сухумом) сыграл крупную роль в другом отношении; английская и французская контрразведки немедленно стали просить меня поделиться, имеющимися у меня сведениями». Вот вам эта «невидимая нить» в своей натуральной наготе.

Если к этому прибавить сообщение Вороновича в другом письме, где он рассказывает, как поднялись его шансы среди кишевших в Константинополе различных антантовских и всяких иных, шпионских и контрразведочных организаций, то эта работа Вороновича, а следовательно и работа заграничного центра становится вполне определенной. Ей имя шпионаж.

А что в центре знали и ценили деятельность Вороновича, показывает письмо за подписью «Михаил»: «На-днях вам послана из Праги некоторая сумма, и при первом же небольшом поступлении вы получите все, что будет возможно. В общем мы считаем вашу деятельность заслуживающей всякого поощрения и поддержки. Насколько можно разобраться во всех данных, вами столь аккуратно сообщаемых, видно, что собирание и сцепление всех здоровых и демократических сил на юге является единственно возможной сейчас там тактикой, которая, к нашему удовлетворению, так полно совпадает со специальными заданиями нашей организации. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что при первой возможности мы поддержим и то объединение, устав которого вы нам прислали. Просьба наша: твердо стоя в принципиальной области на тех положениях, которые вам хорошо известны и которые дают полное удовлетворение их государственно-национальным устремлениям в пределах их страны, — в деловой области не выходить за пределы техники, понимая ее в широких пределах включительно до возможности установления общих сроков всяческих действий, но без каких бы то ни было обязательств по отношению к разного рода элементам, не входящим в семью самих «путешественников». Думаю во всех этих туманностях вы в местной обстановке хорошо разберетесь. Через «Тоцю» мы имеем много сведений от «сестры», знаем, боль-

ше чем раньше, о настроениях «Руслана» и деятельности всей огромной семьи «Габриэлы» [1]. Эта деятельность все разрастается и понемногу делается более энергичной. Пока же в порядке спешности решили наладить, что возможно у «Бориса». Итак, голубчик, имейте еще немного терпения, на нас чересчур не сетуйте и держитесь, проявляя всю вашу энергию еще некоторое время».

Позвольте добавить, через кого и при помощи кого действовал Воронович. Здесь оглашалась переписка по этому поводу. Воронович пишет сам, что паспорт он получил через чехословацкую миссию и через нее же он посылает свое сообщение. Такова связь—Прага и «Административный центр», чехословацкая миссия и Воронович! В дополнение к словам Крамаржа, когда в своей речи он говорил (она приложена к делу): «Мы не хотим, чтобы на наши деньги дальше содержалась печать эсеровской партии», — мы здесь имеем еще и другую картину: кроме денег, чехословацкое правительство оказывало представителям контрреволюционной организации помощь и паспортами и почтой.

В протоколах «Административного центра» имеется затем сообщение, что доставленные Вороновичем сведения о количестве советских войск на Северном Кавказе были переведены в Париже эсерами на французский язык. Зачем нужно было их переводить? На мой вопрос, заданный в свое время обвиняемому Тимофееву: «При помощи организации, в которой работал Дашевский, вы получали сведения о приближении немецких эшелонов и русских войск; передавали вы эти сведения представителям Антанты?» — обвиняемый Тимофеев сказал: «Извините, шпионом я никогда не был». Я не стану сейчас вспоминать о работе Тимофеева с Махиным, но как назвать эту деятельность Вороновича и «Административного центра»? Понятно, какой смысл мог иметь перевод сведений о войсках на французский язык и кому они могли быть интересны, если вспомнить, что во время повстанчества на Кавказе на организацию этого движения работали антантовские деньги: сам Воронович называл Нелидова агентом Антанты, шпионом антантовской контрразведки,—того Нелидова, который, несмотря на протест Вороновича, участвовал в деятельности «Административного центра».

Что же делалось в это время на Кавказе? Вот письмо Вороновича от 8 октября: «Ввиду чрезвычайной важности прилагаемых к сему писем, я вынужден посылать их не обыкновенной почтой, а через чехословацкую миссию... Таким образом положение на Кубани и Черноморье сейчас таково: все население готово выступить в последний решающий бой с большевиками, но оно воздерживается от этого шага, так как не видит тех людей, которые могли бы повести их на этот бой. Если бы могли прит-

[1] Конспиративные клички переписки Административного центра, частью расшифрованные обвинителем при помощи других документов. *Примечание редакции.*

ти на помощь избранному на майкопском съезде комитету и помочь ему организовать массы, успех будет обеспечен».

Устанавливается, что имел место майкопский съезд, на котором, как следует из письма от 15 октября, присутствовали представители ставропольских и черноморских крестьянских организаций, делегаты казачества кубанской и закубанской областей, представители комитета «объединения повстанческих отрядов Северного Кавказа», далее — представители 11 отдельных «зеленых» отрядов и представители... красноармейцев IX армии. Основным вопросом было объединение крестьян, казаков и горцев для совместной борьбы против большевиков. Так организовывалось вооруженное выступление на местах, в противовес и в нарушение всех резолюций и теорий IX совета и во исполнение резолюции X совета партии с.-р.

Кто же руководил этим движением? Воронович говорит в своих письмах, что крестьяне не хотят итти с теми, кто ведет практическую контрреволюционную работу. «Летом в указанный район являлись агенты Врангеля и Краснова. Однако, ввиду непопулярности на Кавказе имен Врангеля и Краснова и членов нынешних казачьих правительств, агитация агентов Врангеля успеха не имела. Агенты Краснова имели больший успех, так как агитировали и против большевиков и против находящихся в эмиграции казачьих правительств. Но безусловно наибольшим успехом пользуется программа крестьянско-казачьего союза. Повстанцы просят снабдить их беспартийной крестьянской литературой, бумагой и шрифтом для печатания прокламаций, медикаментами и патронами». Очевидно, крестьяне уже тогда изверились в белогвардейских генералах и не хотели за ними итти; были нужны другие руководители, и Воронович пишет: «Этих руководителей нужно дать; если бы вы могли притти на помощь и помочь организовать массы, успех будет обеспечен». Какова же, значит, позиция зарубежных организаций и Административного центра по отношению к этой третьей силе, фактически вступающей в бой?

Раздается агитационная литература, поддерживается связь, получаются сведения о войсках, идет снабжение тем же путем, при помощи тех же курьеров. А кто руководит движением, видно из следующего письма Вороновича: «В горах майкопского и баталпашинского отделов (как мною указывалось в сводке № 11) уже с весны стали собираться со всех сторон довольно многочисленные отряды «зеленых». К сожалению, до последнего времени попытки объединить их вокруг единого руководящего органа остались безуспешными. Правда, после июльского съезда большинство майкопских отрядов признало власть избранного на этом съезде комитета, но другие отряды, преимущественно из тех, во главе которых стоят генералы и полковники бывшей добровольческой ар-

мии, категорически отказались признать главенство лиц, избранных на съезде крестьян и казаков... Возглавлявший один из «зеленых» отрядов (из тех, которые не признали майкопского комитета) генерал Пржевальский решил встать во главе всего партизанского и «зеленого» движения на Кубани». Генерал Пржевальский,—так как своих вождей эсеры так и не дали!

Авантюристы, белогвардейцы, бандиты, золотопогонники, генералы — вот кто взял руководство на съезде этим движением, вот кто повел обманутые крестьянские массы на бой, на смерть, на новые страдания. А те, кто выдвигали теорию «третьей силы», устанавливали связь и распространяли литературу, — те в критический момент опять-таки ушли в кусты. Покинутое на произвол судьбы, лишенное идейной программы и руководства, крестьянское движение и тут, как и в Тамбове, было спровоцировано, чтобы явиться жертвой репрессий государственной власти. И дальше Воронович сообщает: «Большевикам удалось разбить наголову отряд генерала Пржевальского». Да, Пржевальский был нами уничтожен, но другие отряды — Маслюка, Криворучки, Пилюка — продолжали действовать попрежнему. По сообщениям Вороновича, Маслюк нападает на места, где шла приемка продналога, расстреливает сборщика продналога, уничтожает поголовно ответственных партийных работников РКП, — одним словом, антоновщина и еще раз антоновщина — вот что имело место на Кубани. И при этой обстановке Воронович советует: «Если умело вести антибольшевистскую пропаганду, но обязательно демократического характера, и снабжать население соответствующей литературой, можно достигнуть хороших результатов в смысле сплочения массы для борьбы с большевиками, так как почва для этого удобная». Тут уже не разберешь, — для кого же, в конце концов, хлопочет Воронович, и не перешло ли из количества в качество его знакомство с французской и английской контрразведкой?

Я позволю себе привести и еще цитату из писем Вороновича, которая покажет, к чему приводила на практике такая работа. В письме № 19 от 16 марта он пишет: «Зеленые поставили себе следующую задачу: нарушение деятельности Наркомпрода, взыскивающего продналог, поджог ссыпных пунктов, амбаров, складов, куда свозится продналог; устройство крушений поездов с хлебом, ограбление следующего гужом продовольственного транспорта»; «эти задачи, — говорит Воронович, — преследуют исключительную цель — подорвать советское хозяйство».

Пусть теперь все рабочие и крестьяне России знают, почему на Кубани в 1921 году из тех 200 тысяч пудов хлеба, которые нужно было оттуда вывезти, как пишет Воронович, были вывезены только десятки тысяч пудов; почему до сих пор страдает советское хозяйство России, и в какой мере ответственность за все это падает на партию с.-р. Пусть они не говорят: «Мы отгораживаемся от этой деятельности, так действовали не мы, а только

Пржевальский, Криворучка, Маслюк, Пилюк и прочие бело-зеленые бандиты». Ведь Воронович был принят с распростертыми объятиями в «Воле России». Именно его, как деятеля «третьей силы», рекомендует Чернов заграничной делегации партии с.-р. В документе, который приобщен к делу, говорится: «Воля России» всецело выражает партийную идеологию, партийные традиции партии и заграничной делегации партии с.-р.». Этот документ есть, он приобщен и здесь оглашался. Там — даже уже не «Административный центр», а ваша заграничная делегация, за деятельность которой, по вашему собственному признанию, вы отвечаете. Этот документ есть, и вы не смеете его отрицать.

Вся эта картина «третьей силы» совмещает в себе измену и предательство и по отношению к крестьянам, и по отношению к советскому хозяйству, и к истощенной и разоренной России. В ней — измена и предательство по отношению к тем самоотверженным людям, которые, по признанию Вороновича, были готовы пожертвовать своей жизнью, чтобы помочь своим землякам, и которые, сами того не зная, работали на мельницу английской контрразведки в Константинополе. Вот реальное проведение в жизнь резолюций IX совета партии, резолюций X совета и партийных конференций.

Из фактов, относящихся к исследуемому периоду, самым крупным затем представляется кронштадтское движение весной 1921 года. Для освещения этого движения у нас имеются, с одной стороны, документы, которые были в распоряжении судебно-следственных властей в период предварительного следствия, и, с другой стороны, документы, приобщенные в период следствия на суде. Из первых документов, кроме известных уже телеграмм, которыми обменялись во время кронштадтского движения председатель Кронштадтского ревкома Петриченко и член ЦК Чернов, надлежит отметить оглашенное мною обращение по тому же поводу заграничной делегации партии с.-р. По теории, которую здесь развивал обвиняемый Гоц и согласно которой должны были действовать местные партийные организации, последним надлежало выступить в качестве посредников между властью и восставшими, а в случае неудачи переговоров — вместе с восставшими умереть. Я поставил Гоцу вопросы об отношении партии к вооруженной интервенции наших соседей, об отношении к коалиции и обращению за помощью к буржуазным кругам. На все эти вопросы я получил от Гоца отрицательный ответ. Следовательно, подобные перспективы были заранее исключены. Что же говорят по этому поводу факты? Позвольте несколько остановиться на «Административном центре», так как тут и до Кронштадта и после Кронштадта фигурирует эта своеобразная организация.

В официальных документах, которые приобщены к делу, в объяснениях по этому поводу Авксентьева указывается, что «внепартийная организация», именовавшая себя «Административным центром», действительно существовала, но что она, с одной сто-

роны, вмещала в себе представителей разных демократических течений и общественной мысли, а с другой стороны, мол, она ни в какой связи с партийной организацией не состояла; что за деятельность «Административного центра» партийные организации, в том числе Заграничная делегация, а тем более сидящие на скамье подсудимых лица никакой ответственности не несут; что этот «центр» имел целью только «подготовку общественного мнения в целях создания благоприятного отношения к России». Присмотримся же к нему поближе.

Последующим документальным анализом данных мы проверим все эти утверждения Заграничной делегации, а пока остановимся на составе «Административного центра» и рассмотрим отношения, которые эта организация имела с Заграничной делегацией, — той самой, которая заявила, что никакой ответственности за деятельность «Административного центра» не несет. Каков же был состав этого «Административного центра»? Имена здесь были перечислены. Назвали Брушвита, — с ним мы уже встречались в Москве в 1918 году, затем в Самаре; там он был тем самым представителем Самарского комитета партии с.-р., который отправился в Пензу к чехословакам за помощью; впоследствии тот же Брушвит был членом комитета и съезда членов Учредительного собрания в Уфе — видимо, не последняя фигура в рядах эсеров. За ним следует Махин, чье имя встречалось и в показаниях Дашевского и Тимофеева в Москве; тот же Махин, по свидетельству Веденяпина и Ракова, был организатором борьбы против советской власти на поволжском фронте. Следующий — Роговский, он уже встречался нам в период Самары: его имя встретилось в документе за подписью Бунакова, Роговского, Вишняка, Авксентьева, т. е. лиц, не согласных с постановлением IX совета ЦК. Далее идут Авксентьев, Зензинов, член Заграничной делегации, и... Воронович. Далее Керенский, формально выбывший из партии в 1917 году, члены Заграничной делегации Сухомлин и Рубанович. Все эти лица, судя по протоколам, принимали участие в работах «Административного центра», все они — старые эсеры, а Зензинов, Сухомлин одновременно входили в качестве официальных членов в Заграничную делегацию ЦК партии с.-р. Замечательная партия с.-р. — «двойным естеством»!!!

Наконец, в «Административном центре» стоял вопрос и о «самом» Чернове как о лице, которое хотели включить в «Административный центр», но он от этого уклонился. В протоколах Заграничной делегации партии с.-р. дважды упоминается об «Административном центре»; одно упоминание — постановление заслушать доклад «Административного центра» (повидимому, об его деятельности), а второе — отклонить предложение «Административного центра» о передаче Заграничной делегации еженедельника «Воля России». Персональный состав «Административного центра» заключает в себе лиц, деятельность которых в до-

статочной мере запечатлена в истории партии с.-р. Исключения этих лиц из партии не было и нет; часть из них и посейчас является ответственными представителями ЦК партии с.-р. за границей. Спрашивается, в какой мере может быть политически поставлен вопрос о том, что партия не несет за них ответственности и что их деятельность ничем не связана с партийной деятельностью? Это одна из тех загадок, с которыми мы сталкиваемся не в первый раз в течение процесса, и относительно которых можно только развести руками: мудрый Эдип, разреши!

Из всей деятельности «Административного центра» я выделю только некоторые факты. Сюда будет относиться деятельность «Административного центра» в связи с кронштадтским движением и подготовкой новой вооруженной интервенции на территории России. И деятельность его же по вопросу о коалировании направо. По первому вопросу, в связи с кронштадтским движением установлено: ряд лиц был направлен «Административным центром» в Прибалтику, а ряд лиц для контрреволюции, подпольной работы внутри России. «Организация общественного мнения», которая якобы являлась единственной задачей «Административного центра», выражается затем в направлении 50 вагонов муки восставшим кронштадтцам, в получении 25 тысяч долларов от царского посла Бахметьева и в «нажимании» на парижских толстосумов и на парижские банки. Вот что следует из переписки деятелей «Административного центра», приобщенной к делу.

Далее, по протоколам «Административного центра», таковой должен был ликвидировать свою деятельность к 15 мая 1922 г. Возник же он приблизительно в начале 1921 года, а Авксентьев пишет: «Организация эта, прекратившая свое существование в 1921 году...», — так пишет историю в поучение своих меньших братьев старый заматерелый волк из партии с.-р., Авксентьев.

От этих бросающихся в глаза фактов позвольте перейти к конкретной обрисовке работы центра. Прежде всего, я вспоминаю слова обвиняемого Тимофеева о том, что «Воля России» не есть орган партии, и что ответственности за «Волю России» подсудимые не могут принять. Параллельно вспомним заявление Заграничной делегации о том, что «Воля России» правильно отражает идеологию партии, — это еще одна из характернейших черт. Я позволю себе затем обратить внимание на то, куда были направлены соответствующие работники «Административного центра». В протоколе от 5 мая 1921 г. указано: «Руководящая комиссия в Прибалтийском районе должна будет состоять из Зензинова, Брушвита, Слонима. Нестеров будет руководить работой в Белоруссии, В. Н. Рабинович — в Литве, в Финляндии — Брушвит, в Бессарабии — С. О. Лазаревич, в Болгарии — Мокогон, в Константинополе — Пальчевский. В «Воле России» — Правдин, Сухомлин, Архангельский, Лебедев и т. д.» Здесь указывается, куда раскидываются щупальцы «Административного центра». Итак, Финляндия, потом южная Белоруссия, Бессарабия,

Болгария, Константинополь — полностью вся наша пограничная западная и юго-западная полоса. Дальше в том же протоколе значится: «Утвердить заключение соглашения с карельской организацией, организующей связь с Россией, в направлении на Олонец, Кемь, Петрозаводск; утвердить соглашение Брушвита с «Ингерманландским национальным комитетом», ассигновать на имя Тюнни 14 тысяч марок, из коих переведенные 10 тысяч на имя Тюнни считать авансом этой ассигновки. Смета карельской организации и ее утверждение откладывается». В дальнейшем, в одном из заседаний она была утверждена. В соответствии с этим, в последнем письме Махина указывается на план работы, который надлежит провести: «Есть полная возможность развивать нашу работу в направлении Двинска, где городской голова Прагин оказался эсером, и таким образом наш план развернуть работу к югу на линии Москва — Рига может получить реальное осуществление». Так пишет Махин. Намечаются центры: в северной области — Рига, в южной области — Львов и т. д. Указывается, что на месте есть Махин, готовится выехать Зензинов, могут поехать Брушвит, Нестеров, Фабрикант, Роговский, — таким образом намечаются не только практически-политические центры, но намечаются и практические руководители. В чем выражается практическая работа? «Начать военную подготовительную работу можно только тогда, когда будут созданы предполагаемые органы содействия революции; шансы на успех могут быть тогда, когда мы разовьем свою деятельность на фронте от Выборга до Двинска. Дипломатическая подготовка... должна быть построена на нашей готовности помочь латышам и эстонцам, в случае движения на них большевиков, и на нашей работе среди населения. Я думаю, что с местными генеральными штабами можно договориться о содействии...».

В связи с поставленным раньше вопросом об организации интервенции, как надлежит нам расценить эту деятельность Махина? Мне могут сказать, что она рисует план обороны латышей и литовцев от большевистского нападения, а не наоборот, что в связи с этим только шла работа с генеральными штабами. Но я полагаю, что следует уметь читать, о чем здесь говорится; конечно, не об обороне литовцев и латышей в данном случае говорят деятели «Административного центра».

Дальше идет вторая работа по линии Брушвита; это совместная работа, во-первых, с министром Латвии Пийпом; во-вторых, с министром Эстонии Меерovичем, и в-третьих, с министром Швеции Брантингом. Брушвит пишет: «Английский посол, передавший телеграмму Олега, сказал, что у него есть определенные основания полагать, что Литвинов два раза был у Пийпа, и что не исключена возможность, что они под столом пожали себе руки. Если старания Пийпа успехом не увенчаются, то остается одно — пожаловаться «богатому дяде» за Ламаншем и попросить его «наступить на мозоль», и это, несомненно, по-

мирит». Что это за «богатый дядя за Ламаншем» и каким образом «богатый дядя за Ламаншем» умеет «наступать крепко на мозоли», — об этом долго распространяться не приходится. Совершенно понятно, о чем идет речь. Но то, что деятели «Административного центра» имеют заручку у «богатого дяди за Ламаншем» на тот предмет, чтобы подтолкнуть Пийпа, — это совершено ясно, а если мы вспомним, что имеется, кроме того, постановление «Административного центра» о выезде «Олега», сиречь Керенского, в Лондон, то вопрос будет еще ясней. «Относительно Пийпа я написал подробное письмо с просьбой удовлетворить требования о визе», — пишет Брушвит. Здесь мы имеем связь с чужим правительством, направленную на оказание содействия и помощи в контрреволюционной работе русских контрреволюционеров в их борьбе против Советской России; недаром тот же самый Пийп, по словам Брушвита, вертится между двумя огнями, между эсерами «со слезами на глазах и с клятвой любви на устах» и между Литвиновым, по требованию которого он снимает партийный аншлаг с «Народного дела». Связь русских контрреволюционеров с западными деятелями белых правительств ясна. Ясно также, зачем им была нужна эта связь.

Дальше идет речь об уже упоминавшемся Тюнни: «Все требования на паспорта нужно адресовать в Гельсингфорс связанному с министерством иностранных дел магистру Тюнни», — пишет Брушвит. Этот Тюнни — деятель, борющийся за национальную независимость Ингерманландии, за то, чтобы ингерманландский национальный комитет «имел возможность развернуть национальную потенцию маленького народа», как об этом пишет Виктор Чернов. Этот Тюнни, которому Виктор Чернов переслал 10 тысяч финских марок и которому было ассигновано еще 14 тысяч с зачетом этих десяти, являлся связующим звеном между Финляндским министерством иностранных дел и эсерами. Вот еще одна сброшенная завеса...

Какую, однако, практическую пользу эсерам мог бы принести этот «ингерманландский национальный комитет»? Какая-то маленькая организация, именующая себя «национальным комитетом» маленькой национальности, что она может сделать? Я спрашивал об этом Гоца, и он ответил: «Смешно, авантюра». Я согласен, что авантюрой было толкать эту маленькую национальность на Россию, — все равно, что карлика заставить махать своим маленьким кулачком против закованного в железо великана. Совершенно верно, но в том-то и дело, что тут приходится вспомнить поговорку: «Коли не с чего, то с бубен», — когда нужно, то можно ухватиться и за соломинку, можно попробовать замахнуться и кулачонком маленького человечка. Посмотрим, мог ли этот маленький человек в данном случае что-либо сделать. Имеется указание, что этот «национальный комитет» мог бросить около трех тысяч мобилизованных в качестве помощи в кронштадтском движении, и это конкретное указание разъясняет, как надлежит в данном случае понимать позицию

эсеров относительно вооруженной интервенции. Письмо от 31 марта о том, что в Финляндии имеется около 15 тысяч мужчин ингерманландцев и около 3 тысяч из них могут быть мобилизованы, — вот та фактическая помощь, на которую рассчитывал «Административный центр» и которая подлежала оплате. В протоколе от 12 марта указано, что «Тюнни возбуждается вопрос финансового характера об уплате суммы около 6 тысяч финских марок». Финансирование «Административным центром» ингерманландцев, таким образом, установлено. Брушвит заявляет Тюнни, что расходы, сделанные по его поручению, будут оплачены, а общий финансовый план он представит на рассмотрение и утверждение своей организации. Смета расходов на один месяц была определена в 14 тысяч.

Параллельно, конечно, указывается и соответствующее идейное оправдание: ингерманландский национальный комитет считает необходимым вести борьбу для свержения большевиков «под знаменем Учредительного собрания» и при условии концентрации сил вокруг демократии, работавшей в духе резолюций, принятых на совещании членов Учредительного собрания в Париже. С этой целью он обещает свою помощь как для установления связи с Россией через Финляндию, так и для прямой вооруженной борьбы, при наличии благоприятных условий для этого, «путем организации национальных кадров». Вот о чем шло дело! Вот какова была практическая подготовка «общественного мнения», которая якобы была целью «Административного центра».

А что делалось в самом центре? Первого июня 1921 года, когда средства центра истощились, было постановлено составить конфиденциальный меморандум с конкретным указанием на потребности организации активной борьбы с большевиками... «переговорить с лицами, обеспечивающими до 4 февраля нормальный бюджет организации, переговорить с частными лицами из русских кругов о присылке средств на организацию; послать телеграфный запрос в Америку к господину Б. и, в случае его благоприятного ответа, послать специального представителя в Америку». Убийственная это вещь — официальные протоколы! Тут чрезвычайно важно отметить еще одно обстоятельство: как складывались взаимоотношения «внепартийного» объединения—«Административного центра»—к партии с.-р. Мы имеем два документа. Один — письмо за подписью А. К., в котором указывается, что когда в Эстонию посылались люди, в частности некто Яковлев, для практической работы, то Чернов, бывший в Ревеле, брал на себя распределение и использование людей. В ответ на это последовал протест Керенского (сначала телеграфный, а потом и письменный), в котором тот указывал: «Люди направляются нами в наши организации, в наше распоряжение, а ЦК есть учреждение внешнее для нас, поэтому он претендовать на указанное распределение не может». Параллельно с этим имеется письмо Зензинова, указывающего, что «не нужно впредь именовать Бах-

метьева превосходительством, так как *такими мелочами* можно раздразнить некоторых гусей». Это—комплименты, которые позволяют себе в отношении своей партии лица, до сих пор не изгнанные из партии. Они характеризуют тот внутренний маразм и разложение, которые существуют в среде верхов заграничной эмиграции партии с.-р.

Еще одна интересная цитата. Это письмо, в котором подводится итог всего, сделанного «Административным центром» в отношении кронштадтского движения, датированное 15 марта 1921 г. и адресованное «дорогому Володе», оно начинается словами: «После того, как выяснилось, что правым не удастся *купить* кронштадтцев продовольствием»... — цинизм этого заявления не требует комментариев. В письме устанавливается связь с некоей Центрокомиссией, которая является не чем иным, как отделением Чешского кооперативного объединения, имеющего свой центр в Праге, и которая предлагала перебросить Кронштадту 50 вагонов муки. Здесь это письмо уже цитировалось т. Луначарским, справедливо указавшим, что если бы удалось это продовольствие доставить, то это послужило бы искрой, брошенной в порох для взрыва по всей территории Советской России.

Денежная связь «Центра» с Бахметьевым и с русскими толстосумами, практическая его связь с реакционными пограничными организациями, финансируемыми средствами «Административного центра», который получал их, в свою очередь, от русских и заграничных толстосумов, политическая связь с министерствами иностранных дел, вернее, с их секретно-разведочными отделениями, наконец, связь с генштабами всех пограничных государственных объединений, переименованными в письмах деятелей «Административного центра», — все это рисует картину совершенно ясную. Эту работу «Административного центра» важно противопоставить официальной идеологии, официальной болтовне о том, что «мы теперь вместе с кронштадтцами, мы согласны с резолюциями IX съезда, мы никакого коалирования не допускаем», или, как говорит Гоц, «не допускаем никакой попытки к организации интервенции путем вторжения вооруженных банд». Эту же практическую работу важно противопоставить другой болтовне— на этот раз Чернова—в письме к Тюнни. Здесь обвиняемый Гоц, когда оглашались эти документы, говорил, что из всей совокупности документов обвиняемые признают один — письмо Чернова: «Ибо он стоит на правильной точке зрения, что мелким государствам не следует учинять политических авантюр, что программа и требования партии с.-р. диктуют именно такое отношение к возможностям культурного самоопределения данной национальности», — а посему это письмо целиком приемлемо и за него ответственность обвиняемые несут. Это письмо датировано, кажется, октябрем 1920 года. Ну, а посылка 10 тысяч финских марок тем же Черновым этому самому Тюнни, о которой говорят протоколы «Административного центра»? А связь Тюнни с министерством иностранных дел? А готовность этого самого

Тюнни и других предоставить вооруженную силу? Как можно оценить эти факты, как уложить их в те «приемлемые» рамки, которые угодно было определить Гоцу по отношению к письму Виктора Чернова от октября 1920 года?

Позвольте, наконец, перейти к последней черточке, которая дорисовывает всю физиономию этого «внепартийного объединения», — к организации так называемого «Особого отдела» при «Административном центре». Этот Особый отдел должен был включать в себе, согласно уставу, прежде всего в о е н н ы х. Условия же для вступления военнослужащих на службу в Особый отдел были: 1) беспрекословно исполнять все распоряжения административных органов и организаций; 2) покинуть формально и фактически всякую иную тайную организацию и 3) хранить в строгой тайне существование самой организации и план ее деятельности. В качестве программы значилось: «Низвержение большевиков, утверждение народовластия, обеспечение Учредительному собранию должного нравственного авторитета» На инструкции написано: «Утверждено 20 апреля 1920 г., читал и согласен. Махин». «В случае нарушения данных условий военнослужащий исключается со службы Особого отдела и будет подлежать взысканию применительно к воинскому уставу о наказаниях, с изменениями, внесенными до захвата власти большевиками», — и далее: «Во время командировок служащие будут получать соответствующее довольствие. В течение стольких же дней суточные, приварочные, чаевые и т. д.»

Нам кажутся смешными эти пункты, напоминающие похождения Рокамболя, все эти обязательства сохранить в строгой тайне существование данной организации и беспрекословно исполнять распоряжения и директивы «Административного центра». Если бы это писали ребята, гимназисты, которые переживают свойственный определенному возрасту период стремлений в Индию, их можно было бы понять. Но когда эти типично авантюристические планы утверждаются такими лицами, как Роговский, Махин, Воронович и другие, если затем добавить, что в протоколах Особого отдела «Административного центра» имеются пометки о принятии на службу генерала Багратуни, имя которого известно нам еще по Питеру 1917 года, то дело получает совершенно иную окраску, и как мальчишескую организацию ее трактовать нельзя.

Впрочем, кого, говорят, бог захочет наказать, у того он отнимет разум. В известный период революции разбитые партии вырождаются и впадают в детство. Вот этот период полного вырождения и забвения элементарнейшей азбуки политической работы при трактовании политических явлений и переживает, видимо, зарубежная эмиграция; наиболее конкретным выражением этого вырождения является организация Особого отдела «Административного центра».

Позвольте к этому добавить еще последние штришки как доказательство беспринципности и политической гнили той же

заграничной организации; они касаются сношений с союзом офицеров «мартовцев». Вы здесь слышали письмо некоего Русакова о том, как он решил войти в сношение с полковником Зеленевым, организатором этого союза: он указывает, что в этом союзе пахнет Врангелем, но что надлежит их «приголубить», чтобы нейтрализовать врангелевские тенденции; в соответствующем протоколе «Административного центра» говорится, что эти шаги Русакова одобрены. Чтобы обрисовать степень падения, до которой докатилась партия с.-р., я приведу две цитаты из воззвания «мартовцев». Первая цитата: «Два злых гения в новорожденной республике — Гучков и Керенский, первый бессознательно, второй вполне сознательно, разложили армию и отдали офицеров на поругание, как бы на распятие на кресте». «Спите же с миром, великие народные герои, Корнилов и Алексеев, ваши имена будут вечными для потомства». Между тем именно Керенский, которого только что так ошельмовали эти офицеры-«мартовцы», считает необходимым протянуть им руку и совместно с ними работать для низвержения советской власти. Возьмем еще цитату. Офицеры-«мартовцы» указывают на традиции русского офицерства в его борьбе за свободу «от Пестеля до Корнилова» и затем пишут: «Мы впитали в себя все эти традиции русской культуры, искусства, литературы, ибо в прошлом мы имели таких представителей русского офицерства, как Лермонтов, Надсон и даже Цезарь Кюи». Я думаю, что большей политической претенциозности, чем та, которая здесь выражена, нельзя найти. Ставить Пестеля наряду с Корниловым могут только эти господа; но если им позволено кощунство, то я думаю, политическим группировкам, которые тоже имеют претензию возводить свой род от народовольцев и декабристов, надлежало бы вступиться за честь этих действительных поборников первого проблеска русской общественной мысли и оградить их от соприкосновения с офицерами-«мартовцами».

Но все забывается, все отдается на поругание ради союза в борьбе с советской властью, все, в том числе честь и самолюбие, и не только личная революционная честь, но и честь великих предшественников и пионеров нашей революции.

Вот с кем вошли в блок, с кем заключали союз заграничные эсеры. Сказанным можно было бы исчерпать характеристику «Административного центра» и, в частности, роль Заграничной делегации по отношению к нему; остается поставить вопрос о юридической оценке фактов. Конечно, юридически мы не можем вменить подсудимым ответственность за деятельность «Административного центра», так как обвиняемые заявили, что об его существовании они не подозревали. Если этому заявлению верить, то юридически бессмысленно говорить, что они виновны в его деятельности. Но не этот вопрос выдвигается на первый план; надлежит выдвинуть другой вопрос, о котором я говорил с самого начала.

Вспомните движение 5 января 1918 г. и тактику эсеров по отношению к пленуму «Комитета спасения и защиты родины и революции»; вспомните тактику ЦК партии с.-р. и в частности обвиняемого Гоца; вспомните, наконец, мои доказательства того же основного свойства их тактики: всякую контрреволюционную бучу надлежит, с их точки зрения, принимать как положительный факт, поскольку он способствует борьбе против советской власти, но только от ответственности за нее надлежит в известный момент отречься. Как только было признано неудобным вести контрреволюционные восстания от имени ЦК, они предпочли вести их от имени «Комитета спасения родины и революции», пленум которого ничего об этом не знал. Так и тут подсудимые сейчас перед нами отгораживаются, говоря: ничего не ведаем и не знаем и потому за «внепартийную» организацию «Административного центра» не несем никакой ответственности. На прямо поставленный вопрос, равняется ли это политическое отречение осуждению деятельности «Административного центра», равносильно ли оно категорическому заявлению, что эти формы борьбы против советской власти являются недопустимыми, мы ответа не получили.

Подсудимые согласились нести ответственность только за деятельность Заграничной делегации. А что такое делегация? Мы видели ее деятельность в документах, которые оглашены и приобщены к делу; там сказана заведомая ложь, что «Административный центр» преследовал только цели организации общественного мнения; что он ни в какой связи с партией не состоял; — это ложь, ибо рассечь на две части Зензинова, Брушвита, Махина, Роговского нельзя и нельзя сказать, что до таких-то пор они эсеры, а от этих пор — «Административный центр». Наглой ложью нельзя скрыть действительного положения вещей; так, публично утверждать, как делают Зензинов и другие, что он, Зензинов, к «Административному центру» отношения не имел, в то время как имеются фактические материалы; утверждать заведомую неправду, которая опровергается оглашением цитат за подписью того же самого Зензинова и других членов Заграничной делегации, — можно только не зная, что эти документы уже у нас в руках. Цена этих публичных заявлений теперь известна. Это — двурушничество, и я верю, что даже ни один из обвиняемых открыто с этих скамей не попытается сейчас искать другого наименования для поведения Заграничной делегации. Я ставил на судебном следствии вопрос, отрекаются ли обвиняемые от Чернова; они ответили, что этот вопрос здесь обсуждению не подлежит, что это их дело. Ваше дело — так ваше дело, но в таком случае вступает в силу оценка, которую должно дать объективному вреду, нанесенному действиями Заграничной делегации нашей Советской России. Обвиняемые члены ЦК — руководители Заграничной делегации, так пусть же они понесут за нее ответ.

Нам остается остановиться на последних фактах, на истории

«Парижской учредилки». Мы видели постановление ЦК, что все члены партии с.-р. должны были уйти из нее и что Заграничной делегации поручается исключить тех, кто не ушел; мы знаем, однако, чем окончилось на деле исключение Авксентьева. Меня интересуют не эта смехотворная попытка создать Учредительное собрание, а та ложь, лицемерие и увертки, которыми вождь ЦК партии с.-р. Виктор Чернов пытается обосновать амнистию перед Центральным комитетом для деятелей этой «Парижской учредилки», меня занимают те методы, к которым он прибег в обращении к ним и к своим товарищам по партии как член ЦК, когда он закончил свое ходатайство об амнистии Зензинову и другим заявлением: «Может быть, вы в деньгах обнищали? Субсидийку, может быть, дать? Но помните, что если вы разгоните «беспартийные объединения», — денежки улыбнутся». Все это мелочь, но в этой мелочи — проклятие, висящее над подсудимыми, ибо все они — звенья, цепляющиеся друг за друга: Керенский — за Авксентьева, Авксентьев — за Зензинова, Зензинов — за Чернова, Чернов — за ЦК. Теперь, когда эта цепочка перед нами продефилировала, когда подсудимые отказались разорвать эту цепочку, нам остается поставить последний вопрос: едина ли порода политических работников, здесь сидящих, обвиняемых членов ЦК, с той породой, которую представляет собой заграничное объединение, от Виктора Чернова до Керенского и Авксентьева включительно? Да, это та же порода, и на деле обвиняемые и сейчас тут на суде проводят ту же политику систематического лицемерия, обмана и двурушничества, какую проводили в своей работе.

Последний итог всего этого периода может быть только один: и опыт тамбовского движения, и опыт кронштадтских дней, и директивные указания, которые давались в свое время ЦК по вопросу о крестьянских движениях, и горделивые заявления членов ЦК из тюрьмы по поводу X совета, что они радуются, что партия с.-р. «несет несвернутым свое знамя» и впредь будет нести, и, наконец, заявление обвиняемых в начале судебного следствия о том, что все, что они делали, — благо, — все это мы должны учесть и запомнить. Тогда на основной, поставленный мною в начале обвинительной речи вопрос: опасны или не опасны для Советской России обвиняемые, и отвечают или не отвечают они, при анализе их деятельности за истекшие годы революции, характеристике, даваемой Уголовным кодексом, когда он говорит о своей задаче — защищать государство трудящихся от общественно опасных элементов, — на этот вопрос вы ответите, товарищи, положительно. В свое время я перейду к определению тех мер защиты, которые государственная власть должна принять против посягающих на ее существование общественно опасных элементов. Позвольте же теперь перейти к самым позорным страницам истории партии с.-р. — к ее террористической работе.

Переходя теперь к рассмотрению данных, добытых судебным следствием в отношении предъявленных подсудимым обвинений в организации террористических актов на вождей Советской России, я считаю необходимым предпослать некоторые юридические соображения, касающиеся этого вопроса.

Многие из лиц, сидящих на скамье подсудимых, не подлежали бы привлечению к данному процессу, так как в отношении их состоялись уже соответствующие определения суда или в распорядительных или в судебных заседаниях, ликвидирующие дела по обвинению их вообще в контрреволюционной работе, кроме обвинений по организации террористических актов, потому что когда акт об амнистии 1919 года был издан, никому из деятелей Советской России и советской юстиции не приходило в голову, что к преступлениям, совершенным отдельными членами партии с.-р., следует добавить и обвинение по организации террористических актов. Традиции прошлого создали привычку полагать, что в области политической борьбы те или другие публичные заявления партии, раз они имеют место, должны быть принимаемы с достаточным основанием достоверности. Однако при производстве следствия по саратовскому делу, когда следствие, как это было установлено здесь показаниями подсудимых второй группы, подошло почти к грани истины по вопросу о характере той преступной организации, по обвинению в принадлежности к которой была привлечена часть подсудимых настоящего процесса, вопрос об организации террористических актов стоял, тем не менее, вне поля зрения судебно-следственной власти. Это и было тем основанием, по которому сейчас рамки судебного следствия развернулись шире и захватили и это обвинение; это обвинение не было амнистировано, а посему в этой области обвинение к ним поддерживается мною сейчас в полной мере и в полной силе.

Второе обстоятельство, на которое я считаю необходимым обратить внимание трибунала, касается общей характеристики материала, с которым мы в этой части судебного следствия имеем дело. Исходя уже из конспиративных принципов строения террористических организаций, можно было умозаключить, что свидетельских показаний, т. е. как раз того, что обыкновенно признается необходимейшим элементом судебно-следственного производства, в этой области нашего исследования будет мало. Здесь приходится оперировать обстоятельствами и уликами иного порядка. Этим до чрезвычайности затруднена моя задача, и благодаря этому в этой области приходится в некоторых моментах бродить в потемках и иногда оставлять в недостаточной степени освещенными и выявленными полностью, до конца все детали, часто существенного характера, касающиеся общей картины.

Есть и еще одно обстоятельство, также препятствующее уверенности, что все предстанет воочию с исчерпывающей полнотой, и все, что было тайным, окажется явным. Это — дли-

тельный промежуток времени, который отделяет обследуемые события от настоящих дней. Рассчитывать полностью на человеческую память, конечно, не приходится, и один из эпизодов, имеющий значение в данном процессе, наглядно обнаруживает слабость человеческой памяти, и вместе с этим, что люди даже при самом искреннем с их стороны желании восстановить прошлое так как оно было, — поневоле добавляют иногда и то, чего в действительности не было. Я считаю нужным обратить внимание на это обстоятельство сразу же, поскольку оно должно быть учтено и принято во внимание трибуналом при рассмотрении отдельных деталей, касающихся исследуемого периода. Вот здесь, на судебном следствии, мы слышали показание обвиняемого Семенова о том, когда и каким образом у него возникла мысль о начале террористической деятельности и об организации группы с этой задачей. В предварительных объяснениях по этому поводу обвиняемый Семенов говорит: «Я встретился на именинах или на каком-то семейном празднике с обвиняемым Донским и с ним имел там по этому поводу разговор. Это было, — говорит Семенов, — 13—14 мая». Семенов вспомнил об именинах обвиняемого Донского потому, что помнил об именинном пироге; факт именин подтвержден затем и Коноплевой, и Ивановым, и Донским, как равно и то, что Семенов действительно на именинах был. Когда Семенов говорил, никто его, конечно, за язык не тянул упомянуть ни об этих именинах, ни о дате 14 мая. Человек стремился вспомнить и указал два признака: внешний признак — именинный пирог и признак, созданный путем приблизительного восстановления по памяти, — дата 13—14 мая. А между тем нам великолепно известно, что 14 мая окончился VIII совет партии, что 14 мая Донской был в Москве, что 15 мая Донской и Семенов вместе ехали в одном вагоне из Москвы в Петроград. Факт свидания на именинах и именинный пирог имели место, этот признак и признание Донского придали этому факту значение безусловно установленного судебного доказательства. Но представьте себе, что не было бы именинного пирога, и тогда сейчас же путем сопоставления этой даты VIII совета партии и факта, что Семенов вместе с Донским ехал в вагоне именно 14 мая, моментально можно было бы сделать вывод, что сказанное Семеновым о своем свидании с Донским — ложь. Обвиняемый Донской в своем дальнейшем показании сказал: «Мои именины или день рождения были 21 мая». Итак, разница в одну неделю, объясняющая обмолвку Семенова. Но ведь Донской мог бы и отрицать все свидание целиком, и одного из важнейших доказательств не существовало бы.

Это один из примеров, на который я считаю необходимым показать, как благодаря внешним причинам, четырех с половиной годичному промежутку, иногда создаются возможности для одних — ошибаться в утверждениях о тех или иных фактах, а для других, пользуясь этим, — утверждать заведомую неправду. Я позволю себе обратить внимание трибунала и на другое

обстоятельство: здесь был брошен намек обвиняемым Гендельманом, что во время предварительного следствия, которое велось под наблюдением прокурора, т. е. моим, следствием якобы сознательно сглаживались отдельные несогласованности в тех или других показаниях, причем, конечно, с определенной целью. Я докажу сейчас вздорность этого намека. Сущность предварительного следствия заключается в собирании фактов, говорящих за и против того или другого обвиняемого по поводу предъявляемых ему обвинений. Если бы мы взяли те предварительные сводки, которые должен сделать всякий следователь, получая материалы от органов дознания, то—и это знает всякий юрист—увидели бы, в чем отличие материалов дознания от материалов предварительного следствия. Оно заключается в том, что материалы органов дознания, не проверенные следствием, имеют гораздо меньшую судебную доказательную ценность, чем материалы следствия, и в зависимости от категорий преступления и от тяжести грозящей кары закон разрешает в одних случаях ограничиваться формами предварительного дознания, а в других случаях ставит категорическое требование проведения предварительного следствия. В числе рапортов, которые по данному процессу были представлены следователем, надзиравшим за следствием, имелось, между прочим, замечание по поводу станций Томилино и Люберцы, между которыми находилось место покушения на крушение поезда Реввоенсовета. Один из обвиняемых указал на Томилино, а другой указывал на Люберцы, и перед следователем встал вопрос — проверить, находятся ли Люберцы и Томилино на одной линии железной дороги. Вот пустяковый, кажется, факт, но в области проведения предварительного следствия он является в высокой степени показательным, и тем лучше считается проведенным предварительное следствие, тем легче работа суда, чем больше внимания на всякую мелочь обратит добросовестный следователь. Ибо только при этом условии будет полностью достигнута цель, которая ставится в судебном процессе, — гарантировать при судоговорении возможный минимум судебных ошибок. В этом вся суть, и всякий знает и из процессов прежних времен, что сопоставлением отдельных фактов и мелких деталей удавалось создавать картину действительности, резко отличавшуюся от первоначального представления. Вот почему, не возражая во все время судебного следствия против требований занести в протокол, что то или другое заявление подсудимыми сделано только в трибунале, я в настоящий момент считаю своей обязанностью и долгом рассказать юристу Гендельману эти элементарные азбучные истины ведения предварительного следствия; следователь обязан был выяснить все, каждую деталь, иначе он не был бы следователем. Я не буду более обращаться к этой категории заявлений обвиняемых и предоставлю трибуналу впоследствии оценить своей судейской совестью методы опорочения предварительного следствия, использованные здесь Гендельманом. Одного нельзя допускать при следствии:

сознательного извращения тех данных, о которых говорил тот или другой обвиняемый или свидетель, — вот этих «лыжинских» приемов в нашем следствии нет, и никто не смеет утверждать противного. Позвольте, товарищи, после этого краткого введения перейти непосредственно к разбору материалов, касающихся фактов, которые нам надлежит сейчас обследовать.

Вопрос о терроре как о методе борьбы являлся вопросом, давным-давно разделявшим боровшиеся еще во время царизма политические партии на два противоположных лагеря и по оценке самого метода, и по оценке его результатов, и по оценке его своевременности в тот или другой момент развития революционного движения. Партия с.-р. до революции террор признавала. Следует поставить вопрос: как же смотрела она на террор после революции?

По этому поводу проанализируем два взаимно друг друга исключающих воззрения, которые принадлежат двум членам ЦК партии с.-р. Это, с одной стороны, точка зрения обвиняемой Евгении Ратнер; по ее мнению, террористические акты должны быть применены и против социалистического правительства, как против правительства насильнического, ибо социализм не соединен с насилием. Я полагаю, что с такой теорией едва ли согласятся даже те из обвиняемых, которые сидят на одной скамье с Евгенией Ратнер; азбучной истиной является старая цитата из Маркса, что насилие было всегда «повивальной бабкой старого строя, когда он был чреват новым»; самая диктатура, как форма переворота, который осуществляет рабочий класс при переходе к новому строю, есть не что иное, как синтезированная форма насилия. Следовательно, утверждать, что социалистическое правительство несоединимо с насилием, а посему это правительство не социалистическое и значит против него возможно употреблять террор, — это логический абсурд, и теорию Евгении Ратнер не разделяют и сами подсудимые. Она и является только лишним аргументом того, какая неразбериха существует в их собственных головах.

Резко противоположна позиция, выдвинутая членом ЦК Сунгиным. На заседании ЦК в феврале Сунгин утверждал, что с момента революции террор партии с.-р. изжил себя, как таковой, навсегда; следовательно, он не может быть вообще применяем. Сунгину правильно возразили Чернов и товарищ председателя ЦК, что партия, если признает необходимым, снова может поставить вопрос о терроре в порядок дня. Следует полагать, что обе эти взаимно исключающие себя точки зрения едва ли были разделены большинством членов ЦК и что истину нужно искать вне их. Вопрос должен быть поставлен путем специального точного и внимательного обследования тех заявлений, которые имели место за этот период. Мы знаем, что по этому поводу высказывались: на Петроградской губернской конференции, на съезде партии (в речах Евгении Ратнер на этом съезде), в письме обвиняемого Гоца, которое здесь было оглашено, и, на-

конец, в тех показаниях по этому вопросу, которые здесь давали Буревой и Ракитников К чему сводятся эти показания? Они прежде всего устанавливают что вопрос о терроре как о методе борьбы с советской властью ставился и обсуждался в руководящих инстанциях партии с.-р В скрытой, неразвернутой форме он ставился на IV съезде партии с.-р. и на Петроградской конференции, а открыто, со всеми точками над «i», ставился на заседании Центрального комитета партии с.-р

Я уже указывал на то совершенно недопустимое и недостойное здоровой логики толкование, которое было дано здесь обвиняемой Ратнер и обвиняемым Гоцем тем выступлениям которые имели место на IV съезде партии Говорить, что под «старыми испытанными методами борьбы» приходится понимать не террор, а вооруженное восстание, метод, эсерами только что испытанный, на котором выражаясь любимой формулой обвиняемого Тимофеева, «их карта была бита», — так толковать содержание письма Гоца и слова его «в таком случае партия вспомнит о старых, испытанных методах боевой тактики», — так толковать это сейчас — значит приводить в виде аргумента жалкую и нелепую увертку, которая никого не убедит, а говорящего только скомпрометирует

Здесь цитировался проект резолюции Чернова по текущему моменту, где Чернов говорит: «Партия должна быть готова к самому худшему исходу, то есть к борьбе всеми средствами», — здесь приводились другие цитаты из его же речи: «Если кто-либо посягнет на Учредительное собрание, это заставит нас вспомнить о старых методах борьбы с насильниками», — «если услышат они (большевики) наш голос и остановят новую готовящуюся авантюру, — тем лучше, если нет — не наша вина, но во всяком случае они предупреждены» Более ясной, более недвусмысленной формулы террора не приходится искать.

Вспомните теперь еще более откровенное заявление Евгении Ратнер, которая говорила, что «в случае, если большевики перейдут от арестов к казни, что почти неизбежно, то партия должна стать на путь террора, а пока никаких действий, помимо постепенной организации боевых дружин, не предпринимать» Тут все точки над «i» поставлены и толковать иначе, чем так, как тут написано, нельзя Единственное объяснение, которое пыталась дать Евгения Ратнер, сводилось к тому, что «это было мое личное индивидуальное заявление, которое совершенно ни к чему не обязывает» Я должен возразить на это. Человека, который сделал такое заявление выбирают в ЦК партии, — это есть вотум доверия политическому руководителю; никем это заявление не дезавуируется, никакого контрвыступления по этому поводу нет, и говорить о том, что это был лишь индивидуальный холостой выстрел в воздух, конечно, нельзя.

Из показаний Святицкого, Розенблюма и Буревого с совершенной точностью устанавливается, что главный вождь и лидер ЦК партии с.-р. Виктор Чернов не только теоретически в своих

выступлениях на съезде и конференции, но и практически, в частности в споре с Сунгиным, ставил вопрос о терроре как о вполне приемлемом в определенных условиях методе борьбы. Мы слышали от обвиняемого Иванова откровенное заявление: «Я, член ЦК партии с.-р., стоял (он не сказал. «и стою») на точке зрения террористической борьбы». Мы можем добавить, что в том споре по вопросу о допустимости террора Центральным комитетом была принята резолюция, отвергнувшая абсолютное отрицание террора.

Обращаясь к существу принятой резолюции, я должен прежде всего отметить следующее обстоятельство: в то время, когда обвиняемые с такой старательностью и в таком обилии, если им было нужно, всегда имели добытые соответствующие резолюции из своих организаций, — как раз этой резолюции не оказалось, и даже по памяти они не смогли ее восстановить; когда я спрашивал обвиняемых, имела ли место поправка Сунгина об абсолютной недопустимости террора, то все до одного ответили: именно этого обстоятельства они никак не могут вспомнить за давностью времени. Для того чтобы еще ярче выделить это, я позволю себе привести полностью цитату из допроса по этому предмету обвиняемого Веденяпина. Я спросил: «Были две точки зрения по вопросу о терроре или одна?» Веденяпин ответил: «Высказывались члены ЦК, которые обычно не всегда сходятся» — «Когда шел вопрос о применении террора, были ли высказаны две точки зрения: одна, защищающая допущение террора, другая, запрещающая, или была одна точка зрения: нет, мы не можем допустить террора?» Веденяпин ответил: «Может быть, кто-нибудь из членов ЦК высказывал отдельно свой взгляд, но я не помню». — «Но разделялся ли ЦК так, что одна часть стояла на точке зрения Сунгина, а другая — на другой точке зрения?» — «Не помню». — «Была ли эта резолюция единогласно принята?» — «Не могу сейчас сказать, я только знаю, что отношение ЦК было вообще отрицательное и что решение было принято подавляющим большинством. — «Но какая группа голосовала «за» и какая против?» — «Не помню». — «Не помните ли, поправки были?»—«Поправок не было, но помню, что было много высказываний». — «Голосование, поправки были?» — «За четыре года многое может быть забыто, но, думается, что поправок не было». — «Содержание их не помните?» — «Не помню».

Я вижу здесь только упорное нежелание вспомнить явно компрометирующие факты из того, как и что было на этом заседании. Ведь когда мы спросили свидетеля Буревого, он категорически показал: «Да, было заседание, были предложения и мотивировки; была определенная поправка, которую отвергли». Спрашивается, что особенного в этом факте? Почему его не признать? А между тем, пересмотрите стенограммы допроса всех до одного членов ЦК.

На вопрос: «Были ли поправки», — все отвечали: «Нет, не помню». Я не обращаю, конечно, существенного внимания на этот

факт; при наличности показаний Буревого он не имеет большого значения, но, в качестве определенного симптома отношения к данной резолюции и к обсуждению вопроса о терроре в недрах Центрального комитета, он является чрезвычайно характерным

В чем же заключается дело? А вот в чем. При допросе свидетелей Буревого и Ракитникова, для большего уяснения вопроса мною было предложено свидетелям три возможных варианта, которые могли выразить основные тенденции принятой резолюции. Смысл первой формулы был: «Террор абсолютно запрещается», — вторая формула: «Сейчас, когда массы восстали, террор не считается целесообразным», — и третья формула: «Сейчас, когда массы восстали, террор не целесообразен, но в отношении к отдельным случаям может быть признан целесообразным». Буревой отверг первую и третью поправки и остановился в общем на второй: «Сейчас, когда масса сама вступила в действие, террор не считается имеющим первоочередное значение методом борьбы и в общем и целом якобы был отвергнут». Мотивировка, которую давал Чернов, заключала в себе две возможности: во-первых, конкретная мотивировка по поводу деятельности того или другого «зарвавшегося комиссара», и другая, гипотетическая мотивировка — о приемлемости террора против того или другого генерала в случае наступления реакции. Эту вторую часть Буревой указал только здесь на судебном следствии.

Если бы я шел по стопам обвиняемого Гендельмана, я бы моментально сделал вывод о неценности вообще показаний Буревого, так как он на суде «не так» показывает, как на следствии, но я не хочу подражать дурным примерам и говорю, что такого вывода не буду делать; мне важно, что сказанное Буревым на предварительном следствии он все же подтвердил и здесь. Итак, в этой плоскости мы имеем следующее: в мотивировке резолюции было сказано (по крайней мере, Чернов так говорил), что в известных случаях террор может быть принят как метод борьбы против зарвавшихся комиссаров. Ракитников добавил к этому, что ввиду остроты прений по этому вопросу мотивировка вовсе отсутствовала в окончательно принятой резолюции. Другими словами, с о г л а с и л и с ь н а в ы в о д е — и н е с о ш л и с ь н а м о т и в и р о в к е. Если это так, то приходится сделать логическое заключение: разве так легко забыть случай, когда ЦК в своем пленарном собрании сошелся на выводе и не сошелся на мотивировке? Или, может быть, именно потому и не помнят его обвиняемые? Мне думается, что это обстоятельство приходится учитывать как один из тех маленьких штришков, которые приходится собирать в следственном материале для окончательной постановки вопроса и окончательных выводов. Я позволю себе обратить внимание на это заседание ЦК еще и потому, что из того, как происходили прения на этом заседании, вытекает целый ряд чрезвычайно важных выводов для последую-

щего определения деятельности отдельных членов ЦК в дальнейшей их практической работе. Не сошлись на мотивировке; но самое отрицание террора было принято, как выражался здесь Буревой, в том смысле, что террор — только не первоочередной, не актуальный метод, когда массовое движение налицо, но — и только. Это не есть отрицание террора.

После этого заседания ни разу больше не было ни одного пленарного обсуждения вопроса в ЦК, и само это принятое постановление, отрицающее целесообразность террористической борьбы в данных условиях, не было широко распространено для сведения партийных организаций и партийных работников. А почему? Разве в этом не было необходимости? Ведь тогда, при наличности террористических устремлений в рядах низовых организаций партии, не только Гоцу и Гендельману, но и таким людям как Ракитников, приходилось выслушивать сплошь и рядом предложение своих услуг по организации террористических актов со стороны отдельных членов партии. Ведь дело обстояло так, что даже работавший в течение нескольких месяцев непосредственно рядом с Центральным комитетом, в качестве особо доверенного лица, обвиняемый Дашевский не знал об этом решении ЦК и прекрасно знал, что рядом существует целая группа, которая ставит своей задачей экспроприаторские и террористические задания. И Дашевский говорит, что он не считал для себя обязательным доводить об этом до сведения ЦК, ибо полагал, что и ЦК отлично осведомлен о деятельности этой группы, и группа связана с Центральным комитетом. Все это очень показательные факты.

Разрешите сделать отсюда вывод, что хотя в свое время обвиняемый Гоц и просил занести в протокол как чрезвычайно важное обстоятельство, что Дашевский, Коноплева и Семенов были близкие друзья, все же поведение Дашевского в этом отношении чрезвычайно знаменательно. Ибо во все время предварительного следствия и здесь на суде, когда Дашевский давал объяснения по вопросу военной работы в Московской организации и по работе Питерской и Саратовской организаций, со стороны первой группы обвиняемых ни разу не было отрицания показаний Дашевского; наоборот, в области фактов его показания всегда подтверждались первой группой обвиняемых, за исключением того единственного случая, когда он показывал о снабжении обвиняемой Ивановой соответствующим костюмом на время слежки для террора.

Таким образом обстановка получается следующая: с одной стороны, не распубликованное широко, принятое с таким трудом, без мотивировки, постановление об условном отрицании террора, а с другой стороны — наличность большого количества предложений террористической деятельности со стороны отдельных членов партии и разногласие в области мотивировок и в области общепринципиального разрешения вопроса о терроре и

пределах самого ЦК: все это—в той общественно-политической обстановке, когда перед обвиняемыми, как перед политическими работниками одним из основных вопросов дня стояла необходимость собирания сил, преодоления апатии и эксцитирования, как выражался Донской, масс, то есть в той обстановке, для которой эсеры всегда считали террор наиболее действительным средством, — таковы были условия, среди коих делались первые попытки террористической работы. О том, насколько подобные условия должны считаться способствующими субъективным устремлениям Центрального комитета к террору или от него, предоставляю судить трибуналу. Все это, конечно, если верить, что резолюция ЦК была против террора.

Позвольте теперь, после этой общей характеристики положения вещей и настроения членов ЦК, после исследования принятых решений, перейти еще к одной мелочи — к постановке вопроса о терроре обвиняемым Ивановым; по его словам, вопрос о терроре, как тактический вопрос, он поставил в ЦК через Бюро, но Бюро якобы не перенесло его по каким-то соображениям в пленум. Позвольте учесть и оценить это обстоятельство, ибо оно является также одним из мелких звеньев в этой цепи фактов, и скинуть его со счета мы никоим образом не можем. В этом обстоятельстве мы имеем факт постановки в ЦК инициативного предложения о терроре уже не со стороны низов, а со стороны верхов, непосредственно руководящих всей деятельностью партийных эсеровских элементов. Чтобы закончить соображения относительно позиции ЦК, вспомним еще одно событие, на которое надлежит обратить внимание: на то, как реагировал пленум ЦК в Самаре, получив известие о покушении на председателя Совета народных комиссаров В. И. Ленина; как говорит Буревой, он в порядке информации сообщил о покушении, и это сообщение в порядке информации же было принято к сведению. По этому поводу никаких принципиальных заявлений, порицающих покушение, не было; зато было обратное — одобрительное высказывание и представление самого факта как проявление «народного гнева», что было выражено как раз свидетелем Буревым в статье за его подписью. Никем такое освещение события дезавуировано не было. Это также весьма характерно: и позиция ЦК и «теория гнева». И с тем и с другим мы еще впоследствии встретимся.

Правда, в нашем распоряжении имеется еще заявление от 1920 года, которое приобщено к делу: горделивое заявление, что если советская власть посягнет на жизнь заложников эсеров, сидящих в тюрьме, то для защиты их чести и неприкосновенности партия возьмется за оружие; в начале этого заявления помещена торжественная декларация: партия с.-р. никогда, мол, не прибегала к террору в отношении вождей коммунистической партии. Второй абзац мы еще особо рассмотрим, а первая часть заявления чрезвычайно характерна и является решающей постольку, поскольку освещает недоговоренное на февральском заседании

Центрального комитета. «Партия возьмется за оружие», — следовательно, это отнюдь не исключено и в известных условиях приемлемо Вопрос относительно поправки Сунгина и постановки вопроса Евгенией Ратнер этим здесь также решается как выражение мнения Центрального комитета. Террор как средство борьбы в конкретных определенных условиях, по данному конкретному поводу защиты жизни и неприкосновенности сидящих в тюрьме членов партии с.-р., оказывается мыслимым и целесообразным. Я не буду, конечно, подвергать специальному анализу путаницу, которую допускают тут эсеры, смешивая вопросы политической борьбы с вопросами защиты «жизни и чести» сидящих в тюрьме членов организации: путать эти две категории вопросов, по-моему, не следовало бы, но факт есть факт, и мы должны его отметить.

Вот тот сравнительно небольшой материал, которым мы располагаем. Вывод из этого материала сводится к констатированию того, что и в среде массы низовых партийных работников и в среде ЦК, в его пленарном заседании, и до покушения на Ленина и после, не было никаких высказываний абсолютно отрицательного характера, кроме заявления Сунгина. Статья Буревого, наоборот, была положительного характера, а сам ЦК принял резолюцию, которая голое отвержение террора совершенно снимала с очереди Так приходится судить о резолюции, содержание и текст которой подсудимые нам не помогли ни вспомнить, ни достать; кроме всего этого, установлено, что на мотивировке члены ЦК не сошлись; мотивировка не была опубликована, и само постановление ЦК не было широко распубликовано. Вот та совокупность фактов, которую нам следует принять во внимание до перехода к рассмотрению отдельных проявлений террористической борьбы.

Первой попыткой практической постановки вопроса о терроре является та, которая изложена в показаниях Коноплевой о проекте организации террористического акта в связи с выездом Совнаркома в Москву, в марте 1918 года Согласно показаниям обвиняемой Коноплевой, на заседании Петроградского губернского комитета в конце февраля 1918 года было принято постановление, признающее целесообразным и необходимым произвести террористический акт Коноплева рассказывает, что на этом заседании, по соображениям, которые она излагает тут же, она сама голосовала против этого предложения; остальные голосовали за совершение акта Остановимся на вопросе, было ли такое заседание и обсуждался ли вопрос о терроре или не обсуждался.

По этому поводу давал объяснения обвиняемый Гоц, который сказал, что помнит, как Брюлова-Шаскольская, член Петроградского губернского комитета партии с.-р., обратилась к нему с указанием на то что он, Гоц, дал по этому поводу отрицательный ответ. На допросе, касающемся этого обстоятельства, мною

было задано Гоцу несколько вопросов, и Гоц ответил: «Брюлова-Шаскольская не говорила конкретно об этом плане; она вообще говорила только о некоторых террористических замыслах и настроениях». Я поставил второй вопрос—о том, не было ли принято постановление Петроградским губернским комитетом о совершении акта. Гоц ответил: «Нет, об этом она ничего не говорила». И еще раз: «Действительно, не было ли принято постановление?» — «Ни о каких постановлениях она не докладывала, у меня разговор был с ней не в той плоскости», — так сказал Гоц, приобщая письмо Брюловой-Шаскольской и ходатайствуя об его оглашении.

Позвольте сослаться теперь непосредственно на текст; вот что в нем говорит Шаскольская: «В настоящее время мы здесь не имеем никаких точных сведений относительно позиции, которую намерен занять ЦК в процессе». Постановка вопроса чрезвычайно характерная, в связи с датой письма: 20 мая 1922 г. Затем дальше: «Мы были членами Петроградского губернского комитета в 1918 году. На заседании был поднят вопрос о терроре и были приняты по этому поводу некоторые постановления» Вот точное, ясное и определенное указание. «Они были доложены ЦК, и Гоц дал определенный ответ, что ЦК актов санкционировать не считает возможным». Держа в руках письмо и ходатайствуя о его приобщении, я задал вопрос, были ли приняты постановления, и получил ответ, который я только что процитировал: ни о каких постановлениях Шаскольская не докладывала, а разговор был о размышлениях и настроениях. Между тем, оглашенные документы совершенно ясны и категоричны и, мне думается, оценивать их совершенно излишне Итак, во-первых, на заседании губернского комитета был поднят и определенным образом решен вопрос о терроре и зафиксирован в постановлении. Все увертки Гоца делают его только смешным и жалким в этой лжи.

Пойдем дальше. Мы имеем заявление обвиняемого Гендельмана о том, что он также слышал о намерениях произвести взрыв поезда Совнаркома. Почему Шаскольской угодно рассказывать, что ответ Гоца был отрицательным, ясно как из данного письма, так и из вводной фразы о том, что она, Шаскольская, «не знает еще позиции, которую ЦК намерен занять во время процесса»; этим все объясняется.

Мы слышали, что здесь оглашалось из соответствующей статьи Тисленко. Прежде чем обращаться к ее содержанию, вспомним имеющийся в деле материал, устанавливающий, что 12 марта 1922 г., уже в период следствия по данному делу, Тисленко был вызван Черновым в Париж и обсуждал там вопрос о своих показаниях вместе с Рабиновичем и Черновым; его показание было записано, а затем его статьи появились в заграничной печати, были переведены на иностранные языки и разосланы во все редакции. Так писалось это «реабилитирующее» показание, ложность коего здесь установлена и обвиняемым Гоцем и обви-

няемым Семеновым. С чего же начинает Тисленко? «Мы, — говорит он, — трое: я, Семенов и Коноплева — решили уничтожить большевистских диктаторов, и одним из проектов было взорвать поезд Совнаркома. По этому поводу я приволок шесть пудов динамита, провез его на крыше или под крышей вагона, над головой матроса Панюшкина, чтобы учинить взрыв, и т. д. Чернов по этому поводу разводит руками: вот, говорит, какие факты разъясняются, о которых и Семенов не решился опубликовать; могла пострадать поездная прислуга, могла быть масса жертв и т. д.».

Здесь уже было установлено показаниями Гоца, а не кого-нибудь другого, что версия Тисленко в ее целом должна быть признана сплошным специально выдуманным вздором, но то, что Тисленко сообщает о самом факте проекта взрыва поезда Совнаркома, остается ценным показанием. Вопрос ставится так: если бы человек хотел вообще выдумать, то вряд ли этот человек выдумал бы так, чтобы случайно попасть как раз в точку. Если бы даже он почерпнул в данном случае эти сведения из уже опубликованной тогда брошюры Семенова, то опять-таки из этого вытекает, что либо он должен был этот факт отрицать, либо он должен был его раскрашивать. Третьего выхода у него не было. И он предпочел второй метод; и все же то, что рассказывает Тисленко о проекте взрыва, — более правдоподобно, чем то, что рассказывалось о проекте «демонстрации» на полотне железной дороги, который развивал здесь обвиняемый Иванов.

Иванов говорит следующее: post factum я узнал, что некоторая группа лиц имела намерение произвести взрыв паровоза поезда Совнаркома тогда, когда люди сидели бы в вагонах, либо испортить бомбой путь. На вопросы, которые ему здесь специально задавались, что же это такое за «демонстрация», когда паровоз взлетает на воздух, и должно ли такого рода «демонстрацию» считать политическим актом или безвредным фокусом-покусом, никому вреда не приносящим, — в этих вопросах мы разошлись в мнениях с обвиняемым Ивановым. Он полагал, что, если взорвать паровоз, паровозный котел и все, что составляет части паровоза, то от этого никакого вреда сидящим в вагонах не случится; я же скромно заявил, что держусь несколько иного мнения. Но мне интересен вопрос факта, а факт таков: таковой проект был, и о проекте ему, члену ЦК, было известно, хотя, как он говорит, post factum. Когда ему поставили вопрос, что же по этому поводу было предпринято, то получился ответ: ничего, ибо это была только дикая и нелепая затея.

Обвиняемая Елена Иванова к этой версии своего брата добавила другие проекты: проектов, мол, было много, — хотели намазать маслом рельсы, стать толпой на линию. Но все же на мой вопрос она конкретно ответила, что эта «самая дикая» история должна была быть произведена уже не на станции при отъезде Совнаркома с Николаевского вокзала, а на одной из маленьких станций под Петроградом, где-то около села Рыбацкого. А если так, то вопрос об объективном значении и объективных резуль-

тах этого проекта принимает другой характер. Совершенно ясно, что—одно, когда говорится о демонстрации на станции перед отходом поезда, и совсем другое, когда поезд уже пошел и когда на пути, во время остановки на маленькой станции, взрывают паровоз или разбирают рельсы. Итак, план был, он вышел из недр партийного Петроградского губернского комитета, об этом плане сообщалось Гоцу и о нем знали еще два члена Центрального комитета — Гендельман и Иванов.

До сих пор все ясно, но дальше показания расходятся. Гоц говорит, что он запретил покушение, а согласно заявлению обвиняемого Иванова результаты не наступили «по независящим» от них обстоятельствам: во-первых, из-за «технической неподготовленности», а во-вторых, из-за того, что «Совнарком уехал раньше». Вот два объяснения, почему ничего не произошло.

Позвольте об этих фактах, которые я почерпнул только из показаний Шаскольской, Гоца, Иванова и Тисленко, т. е. лиц, заинтересованных в оправдании подсудимых, перейти к показанию Коноплевой. Последняя утверждает, что присутствовала на этом заседании и что вопрос ставился именно в такой плоскости: совершить взрыв поезда, т. е произвести террористический акт. Ее показания ни в чем не противоречат, а, наоборот, подкрепляются всеми предыдущими, и нужно признать, что описываемая ею картина является полностью установленной. Этого, однако, мало; далее идет вопрос о роли Эстрина. Знал ли Гоц Эстрина? Гоц говорит: «Помню такого молодого студентика»... Молодой ли он студентик, старый ли, студентик ли вообще, — это вопрос, который здесь интереса не возбуждает, а интересно то, что он имел отношение к Петроградскому губернскому комитету; это установлено письмом, ибо там указано: «Мы были членами Петроградского комитета — Шаскольская и Эстрин». Отсюда вытекает, что утверждение Коноплевой, когда она говорит, что этим делом должен был специально заняться Эстрин, находит свое подтверждение в данном документе.

Семенов показывает, что Эстрин обращался к нему с предложением достать некоторое количество пироксилина. Есть ли основание утверждать, что это показание не соответствует действительности? Нет оснований, ибо нет ни одного факта из тех, которые в совокупности были выше разобраны и которые бы утверждали, что указанное намерение Эстрина противоречит действительности. Коноплева утверждает, что Эстрин имел свидание с Рабиновичем, которое происходило на квартире Коноплевой, причем она содержания разговора не слышала, а только устанавливает факт, что Эстрин и Рабинович там были. Если мы поставим вопрос так, что Коноплева выдумывает все это, чтобы уличить тех, о ком говорит, то ясно: выдумывать — так выдумывать и уличать — так уличать. Сообщить, что в ее квартире было заседание или разговор, причем она его содержания не слышала, — это во всяком случае не способ сообщать или подтасовывать что-либо для уличения. Объективно, могла произойти

эта встреча? Если мы имеем свидетельство обвиняемого Гоца о том, что Рабинович и Коноплева часто встречались, часто бывали вместе, то, следовательно, такая возможность отнюдь не исключается. И, наконец, когда Коноплева показывает, что Рабинович сообщил ей (находившейся, по заявлению обвиняемого Гоца, в близких отношениях с Рабиновичем) о разговорах с Эстриным то можем мы поверить этому показанию Коноплевой? Конечно, можем. Свидетельства Гоца совершенно достаточно, и возможность разговора между Рабиновичем и Коноплевой из категории таких разговоров, которые ведутся только между хорошо знающими друг друга людьми, здесь не исключена именно в силу особых условий, связывавших Коноплеву и Рабиновича.

Я вспоминаю, что обвиняемый Гендельман во время судебного следствия сейчас же уцепился за эти показания Коноплевой и сказал: «Прошу запротоколировать, это было установлено только у следователя Верховного трибунала». Совершенно верно, но что из этого вытекает? Если следствие, проводимое Верховным трибуналом, имело задачей разъяснить более детально и полно все то, что было получено от органов дознания в виде хаотических материалов, то отсюда вытекает только, что в Верховном трибунале следствием было сделано все то, что и надлежало сделать. Для какого бы то ни было другого заключения в данном случае нет никаких оснований и права у кого бы то ни было. Ни в коей мере возможность разговора Гоца и Рабиновича с Эстриным не исключена и по объективному характеру событий и по анализу всего эпизода с Эстриным. Весь эпизод с предполагавшимся взрывом поезда Совнаркома — это попытка, вышедшая в неорганизованном и хаотическом виде из недр низовых организаций, недр Петербургского губернского комитета в качестве первой ласточки террора; лишь по обстоятельствам, не зависевшим от воли инициаторов, она не была воплощена в жизнь. Этим анализом его можно было бы закончить. Я согласен пойти навстречу обвиняемому Иванову и вместе с ним утверждать, что в тот момент таких планов было в общем много и что о желательности как-нибудь воспрепятствовать выезду Совнаркома вообще ходили разговоры. По этому поводу есть еще свидетельство Кононова, здесь оглашавшееся, что он, встретившись на явке с Липпером, также сказал: «Хорошо было бы, мол, не выпустить Совнарком из Питера?» На что Липпер ответил: «Мы это сами знаем». Но эта маленькая черточка является только лишним добавлением, характеризующим и атмосферу, и условия, и объективный характер того, что тогда делалось, и добавляющим еще одну весомую долю к вероятности факта, который мы разобрали.

Вот что получается, если даже будем подходить к попытке взрыва поезда Совнаркома с точки зрения чрезвычайно критической, с предпосылкой о возможности лживости показаний Коноплевой и т. д. Но я ставлю вопрос ребром: есть ли у нас основание, чтобы так подходить в данном случае к показаниям и за-

явлениям обвиняемой Коноплевой или нет? С формальной стороны объяснения и той и другой группы обвиняемых являются совершенно равновеликими. И когда мы имеем совершенно определенные и ясные сообщения, сделанные Коноплевой в ее первых показаниях, подтверждение которых в стадии предварительного следствия мы получили в сообщениях обвиняемого Иванова, а на судебном следствии в сообщениях обвиняемого Гоца и в оглашенном письме Шаскольской и Эстрина, то больше не представляется никаких оснований говорить, что показания Коноплевой не соответствуют действительности. Они подтверждены целым рядом мелких фактов и признаний, которые здесь имели место, а со стороны первой группы обвиняемых подтверждены оглашенными документами; я убежден, что если бросить на чашку весов вопрос о достоверности показаний Коноплевой, то все данные говорят за то, что эти показания полностью отвечают действительности; поэтому и тот чрезвычайный критицизм, с которым я сам подошел к ним, представляется мне при этих обстоятельствах ненужным.

Позвольте теперь перейти ко второму факту, который будет касаться уже более организованной попытки террористического акта — покушения на Ленина, известного под именем покушения Коноплевой и Ефимова.

«Мое решение относится, — говорит Коноплева, — к половине февраля старого стиля, когда на пленуме ВЦИК разрешился вопрос о санкции второго Брестского мира и вторых мирных переговоров». Мы затребовали соответствующую хронологическую справку, и был получен ответ, где дата этого решения ВЦИК отнесена к 21(8) февраля. Совпадает эта дата? Совпадает. Следовательно, первая наша проверка по этому поводу подтверждает показание Коноплевой. Дальше: с кем по этому поводу могла прежде всего и раньше всего иметь беседу Коноплева? Она отвечает: «С Рабиновичем». Соответствует ли это объективным условиям места и времени? Вполне соответствует. Затем Коноплева показывает, что Рабинович сослался на необходимость по этому вопросу говорить с Гоцем. Помимо формальных соображений о том, что Гоц в этом отношении был ответственным членом ЦК, Рабиновича, несомненно, толкало на такой шаг то обстоятельство, что в то время он жил вместе с Гоцем. Вот этот маленький штришок вполне подтверждает, что разговор Рабиновича с Гоцем мог иметь место. Дальше — свидание Коноплевой с Гоцем. Последний не отрицает ни самого факта свидания, ни того, что оно происходило на Литейном в квартире Архангельского; значит, факт беседы безусловно имел место. Коноплева свидетельствует, каким образом принялись за подготовку совершения самого акта; в это время в качестве одного из участников в «дело» вошел обвиняемый Ефимов, и установлено, что Ефимов обучал Коноплеву стрелять из револьвера; Ефимов не отрицает этого, не отрицает и того, что знал, зачем это производится. Далее следует свидание Ефимова с Гоцем, который категорически

отрицает это свидание. Но Ефимов утверждает, что свидание было; он описывает, где, в какой момент оно состоялось и как ставился вопрос на этом свидании. Оно было мельком, в какой-то комнатушке с цветными окнами и ставился вопрос так Гоц: «Вы поедете в Москву?» Ефимов: «Да, поеду в Москву». Вопрос о том, зачем ехать, оказывался решенным. Затем Гоцем сказана была следующая фраза: «Смотрите, удерживайте Коноплеву от необдуманных, неорганизованных (как интерпретировал Ефимов) шагов», — так показывает Ефимов.

Дальше в показании Коноплевой рассказывается о поездке Рабиновича в Москву. Что эта поездка действительно имела место, подтверждается показаниями самого Рабиновича и Гоца. Но Гоц говорит: «Я, между прочим, Рабиновичу сказал, поезжайте в Москву и поговорите с Московским бюро ЦК по следующему вопросу — о постановке вопроса о терроре в той интерпретации, которую дает Коноплева, ибо она намерена совершить этот акт в качестве акта индивидуального, так как только что в феврале месяце имело место запретительное решение ЦК». Гоц далее утверждает: «Я не мог отказать Коноплевой как члену партии в праве узнать, раз она этого хочет, мнение авторитетного органа, т. е. Бюро ЦК, о той постановке вопроса о терроре, какую она давала. Для этого я сказал, между прочим, Рабиновичу: поезжайте в Москву и т. д.» Однако эту версию Гоца Рабинович в своей заграничной статье: «Как это было» — отрицает. Рабинович говорит только о факте своей поездки, устанавливает самый факт. Спрашивается: но зачем же понадобилось вдруг Рабиновичу ехать в Москву? И в своем первоначальном показании и здесь на суде Коноплева указывала на то обстоятельство, что позиция ЦК могла перемениться в силу переезда Совнаркома в Москву, а поэтому обстоятельства требовали оценки со стороны органа, действующего на территории Москвы, Московского бюро ЦК. Так ли это было — я не знаю, но если бы даже этого мотива не было, если бы даже не признавать этого мотива существенным, то существовало другое, вполне достаточное основание к поездке, о котором мог знать только Гоц: все происходило в феврале — начале марта, после недавнего совещания ЦК, и Гоц, даже если бы он стоял индивидуально на точке зрения террора и санкционировал всю предварительную работу, то в связи с отъездом ЦК в Москву постановка этого вопроса для Гоца в Бюро ЦК была безусловно обязательна. И поездка Рабиновича состоялась.

Дальше обнаруживается новое разноречие между подсудимыми. В Москве, по показаниям Коноплевой и Семенова, одним из деятелей подготовки покушения является Рихтер. Спрашивается, Рихтер выдуман или нет? Он был в Москве в это время? Был. Был он членом ЦК и Бюро ЦК? Был. Все это установлено, хотя Чернов и пишет: «Рихтер никогда не был членом ЦК». Это — наглая ложь со стороны Чернова. Коноплева показывает, что Рихтера выдвинули в Москве в качестве лица, которое должно было заняться предварительной подготовкой акта, пригото-

вить квартиру, принять все соответствующие меры, и террористы должны были приехать «на готовое». Ефимов и Коноплева приезжают. По их показаниям, они приехали на квартиру Рихтера; в течение целого ряда дней они постоянно виделись с Рихтером и в конце концов уехали вместе, захватив жену Рихтера.

Если бы Рихтер не бежал, нарушив то слово, которое он дал работникам ГПУ, то, конечно, мы имели бы здесь другую картину; будь он здесь, тактика его была бы аналогичной тактике обвиняемых, потому что не легко отрицать факты в упор, не все способны на это, даже из сидящих здесь, и когда можно не слишком резко отходить от действительности, они это делают. Как бы то ни было, изъять Рихтера из этого дела нельзя. Если бы была возможность провести предварительное следствие еще более тщательно и еще более полно, например, проверить по домовым книгам адреса, то можно было бы установить и квартиру не в Успенском переулке, а ту, где жил Рихтер, выяснить, кто жил в то время, и жил ли он там, видели ли третьи лица там Ефимова и т. д. Может быть, мы собрали бы еще несколько мелких улик и деталей, которые помогли бы в обрисовке общей картины во всех мелочах, но пока факты остаются фактами, и наличность Ефимова и Коноплевой в Москве у Рихтера и связь с ним ничем не опровергнуты. Ефимов дал показания отдельно от Коноплевой, до свидания и переговоров с нею, а подводить ее ни с того ни с сего под расстрел — едва ли ему это было нужно. Дальше Ефимов рассказывает, что он делал, как ходил к Боровицким воротам (здесь явная ошибка: поскольку по обрисовке топографии Москвы он указывает на студенческую столовую и на движение трамвая, то вопрос, видимо, идет о Троицких воротах, а не о Боровицких), указывает, как он ходил к Метрополю, где в то время происходили заседания ВЦИК, как встретил однажды Карахана, которого он знал по Иркутску и которого думал использовать, чтобы попасть в Метрополь. Это все такие мелочи, которых не выдумаешь и которые, будучи взяты в совокупности, создают картину полной правдоподобности.

Переходим к финалу этого эпизода. Здесь надлежит отметить прежде всего вторую беседу Коноплевой с Гоцем, который приехал в Москву. Гоц признает, что беседа с Коноплевой была и добавляет: «Я говорил Коноплевой: вы видите на опыте, что значит такая постановка дела, бросьте все это и уезжайте лечить свои нервы». Коноплева показывает, что в результате неудач она была в тяжелом настроении. Эти совпадающие целиком признания обоих подсудимых устанавливают, что член ЦК партии с.-р. Гоц знал о террористических подготовлениях, проводящихся членом партии с.-р. Коноплевой. Этот факт — основной. Затем, доказано, что состоялась беседа Тимофеева с Ефимовым. Это — второй основной факт: два члена ЦК знали о том, что делала группа в лице Коноплевой и Ефимова. Третий

факт — беседа, которая имела место по этому поводу между Тимофеевым и Гоцем; два члена ЦК знают о подготовке террористического акта и совещаются по этому поводу. Мы обращались к третьему члену ЦК Веденяпину: «Была ли у вас беседа по этому поводу?» Веденяпин отвечал: «Не помню». Сказать «не было» он не считает возможным, сказать «было» — тоже не находит возможным. Это обычная позиция Веденяпина в такого рода вопросах, позиция человека, которого здесь аттестовали как «сугубо искреннего» и человека «высокой, идеальной духовной силы и красоты».

Но пойдем дальше: жил или не жил в то время Веденяпин вместе с Тимофеевым? Жил, и адрес, который указан на Новинском бульваре, совпадает. Тут долго допытывались и пытались установить, к кому приходила Коноплева, к Веденяпину или к Тимофееву. Но ведь люди жили в одной квартире и разговор обоих вполне вероятен; однако один член ЦК отрицает, что беседовал с другим, а тот признает. Ефимов точно рассказывает, как эта беседа происходила, и говорит, что он получил и деньги на обратную дорогу, и Тимофеев признает, что дал Ефимову деньги на дорогу. Что значит вся совокупность этих фактов? При всех условиях, с какой бы критикой к ним ни подходили, они означают одно: была попытка организации террористического покушения на Ленина, совершенная в Москве Коноплевой и Ефимовым; о ней были осведомлены, по собственному признанию, два члена ЦК и об этом «не помнит» (забыл?) третий член Центрального комитета. В «нетях» находится только четвертый член ЦК Рихтер.

Так решается вопрос, если подойти к нему с сугубым критицизмом. Отбросим теперь этот сугубый критицизм и станем на иную точку зрения; вспомним о том, что доказано откровенными показаниями Ефимова и Коноплевой. Они рассказывают, как они приехали, как работали, как потерпели неудачу и как вели переговоры с Рихтером. Чрезвычайно ценным является следующее показание Ефимова: «Приехавши в Москву и начав исполнять эту работу, у меня в результате постоянных бесед с Рихтером и неудач зародился целый ряд сомнений; благодаря этим сомнениям я однажды ребром поставил Рихтеру вопрос, в ответ на который получил указание: возможно, по целому ряду соображений, что в настоящее время быстрое признание акта не будет иметь места»; дальше идет разъяснение о том, что Моисеенко, которому было предложено заняться этим делом, также от него отказался. Ефимов знал Моисеенко как террориста; Моисеенко жил в это время в Москве — и все же отказался участвовать; все это чрезвычайно поразило Ефимова.

Товарищи! Мы встречаемся с чрезвычайно характерным обстоятельством: среди членов ЦК мы наблюдаем тут некоторую несолидарность не только во взглядах, но и в действиях в отношении к террору и террористам. Между тем следовало бы ожидать, что в такого рода вопросах мы встретим полную осведом-

ленность и точную согласованность и действий и показаний. Я на суде спрашивал членов ЦК Буревого и Ракитникова, считают ли они возможным и допустимым, чтобы отдельные члены Центрального комитета знали о деятельности террористов или о подготовке кем-либо из членов партии террористических выступлений, но другим членам ЦК даже не сообщали бы, — допускают ли Буревой и Ракитников эту возможность. Буревой мне ответил: «Нет, не допускаем, я,—говорит,—узнал это из отчетов о процессе в газетах, что якобы Гоц и другие знали, но газетам не верю, а если покажете стенограмму, тогда дело другое». Но здесь мы имеем даже не стенограмму, — здесь мы имеем прямое заявление Гоца с указанием на два свидания, которые Гоц имел с Коноплевой, сначала в Петрограде, а затем в Москве; имеем указание Тимофеева, что Гоц имел не случайный, а, как он выразился, длительный разговор с Тимофеевым и Коноплевой по этому поводу, когда Коноплева была у него. Это был серьезный разговор, а не только «шутка» с этим самым «Петькой Ефимовым». Что же Буревой, который *только теперь* узнал? Что же Ракитников, который об этом тоже *только теперь* узнал, как узнал, между прочим, и о «вербальной ноте» Тимофеева? Что все это значит? Вспомним теперь обстановку, в которой обсуждался вопрос о терроре на февральском пленуме ЦК, вспомним споры и отсутствие мотивировки в резолюции, и мы, может быть, получим ключ к пониманию действительного положения вещей, почему после недостижения соглашения на пленуме Ракитников, Буревой ничего не знают о действиях Гоца, может быть, станет понятной и та постановка вопроса о терроре, на которую здесь пошла Коноплева и на которую не согласился Ефимов. Так складывается мало-помалу, камушек за камушком, картина действительного положения, каким оно было в недрах Центрального комитета.

Из истории этого эпизода я остановлюсь еще на нескольких маленьких деталях: на роли в этом деле обвиняемой Ивановой и на некоторых обстоятельствах хронологического характера, относящихся к этому эпизоду. Мы имеем прежде всего показания, данные кем-то из свидетелей на предварительном следствии, что обвиняемый Дашевский удивился, встретив в марте Коноплеву в Москве. Здесь обнаруживается расхождение, запротоколированное обвиняемым Гендельманом, в следующем: раньше Коноплева говорила, что она выехала из Москвы после свидания с Гоцем сразу в тот же день, а потом сказала, что на другой день; расхождение оказалось в том, что по ее словам она сначала поехала из Москвы в Ярославль, а потом в Петроград; между тем выяснилось, что она из Москвы вернулась в Петербург, а потом уже поехала в Ярославль. Спрашивается: что из этого вытекает? Если из этого хотят сделать вывод, что у Коноплевой скверная память, то это только факт, с которым приходится считаться. Если же из этого хотят сделать другой вывод, что вообще ничего не было из того, что показывает Коноплева, то для такого вывода нет никаких оснований. Вопрос шел о том, куда поехала Конон-

лева,—имеется свидетельское показание, что вместе с Ефимовым она поехала в Петербург. Если нужно проверить, как в действительности было дело, то имеются некоторые указания, которые могут помочь проверке, — я говорю об указаниях, что когда Коноплева поехала потом из Петербурга в Ярославль, то, возвращаясь обратно, она будто бы видела в Вологде часть боевиков, связанных с экспроприацией на станции Буй. По датам мы можем установить (в этом отношении нам помог обвиняемый Лихач своим календарем), что пасха была 5 мая; и так как экспроприация была совершена на второй день пасхи, то можно приблизительно установить проезд Коноплевой через Вологду.

Относительно Елены Ивановой обвиняемый Гендельман пытался установить другое противоречие: что́ раньше чего было, кто начал учреждать группу и кто кого в эту группу привлек,— Рабинович ли начал привлекать Ефимова и Иванову, как нам Семенов говорил, или сначала Коноплева предложила мысль о терроре а потом Рабинович стал собирать группу. Здесь Гендельман усмотрел противоречие, ибо в показаниях Семенова якобы сказано, что раньше группа создалась, а потом Коноплеву включили, а теперь получается, что сначала Коноплева сделала заявление, а потом начала создаваться группа. Этого рода мнемонический опыт предоставим обвиняемому Гендельману. Чтобы показать всю нелепость подобного ведения судебного следствия, мною был проведен на суде такой же мнемонический опыт с самим обвиняемым Гендельманом, и опыт дал блестящий результат: обвиняемый Гендельман не мог вспомнить, что́ он несколько минут тому назад читал и в каком томе читал показание Ефимова; сначала я просил его назвать страницу, потом уступил ему и просил назвать хотя бы том, но ни из того, ни из другого ничего не вышло. Значит Гендельман «тоже» забыл; подобная критика и такой подход к делу бесспорным «доказательством» явиться не могут.

Основные факты всего этого эпизода следующие: свидание обвиняемой Коноплевой с обвиняемым Гоцем в Петрограде, свидание ее с Гоцем в Москве, свидание Гоца с Ефимовым в Петрограде, Ефимова с Тимофеевым в Москве и, наконец, участие Рихтера, которое ни в какой мере, кроме ссылок на то, что Рихтер — вообще «шляпа», не было здесь опровергнуто.

Сопоставление всех этих фактов, освещенных показаниями, с определенной ясностью устанавливает: 1) что Коноплева и Ефимов вели работу по подготовке террористического покушения; 2) что они вели ее с ведома отдельных членов ЦК; 3) что члены ЦК имели с ними сношения; 4) что никаких соответственных мер о прекращении этих действий в начале марта, т. е. через две недели после постановления ЦК, не было принято. Обращаясь к участию в этом эпизоде обвиняемого Ефимова, нам следует установить, был ли он осведомлен о том, против кого готовится акт. Этот вопрос был затронут на судебном следствии обвиняемым Гендельманом как «сомнительный», но и он всецело разрешен

показаниями самого Ефимова. Он показывал, что знал, что покушение готовится на Ленина, когда вел за ним слежку у этих Троицких или Боровицких ворот.

Что касается участия в подготовке покушения со стороны обвиняемой Елены Ивановой, то имеется категорическое заявление, с одной стороны, обвиняемой Коноплевой, а с другой стороны, не категорическое заявление Ефимова, который, рассказывая о совещании четырех человек, указывает, что этого четвертого, кроме себя, Коноплевой и Рабиновича, он не помнит. При такой постановке вопроса показание Ефимова не противоречит показаниям Коноплевой и не ослабляет его, но свидетельствует об общей правдоподобности показаний Ефимова вообще, так как это, видимо, человек, который в случаях, когда память ему изменяет, не говорит того, относительно чего у него нет полной уверенности. Конечно, если бы он «сочинял» свои показания, его тактика была бы совершенно обратная.

Что касается самой Ивановой, то позвольте привести маленький штришок. Первый вопрос, который был задан Ивановой на судебном следствии и даже до него, был следующий: «Судились вы когда-нибудь или нет при советском строе?» На этот вопрос Иванова ответила: «Не судилась», — а между тем она была привлечена, судилась и была амнистирована в 1919 году по саратовскому делу. Эта черточка является достаточно характерной и показывает, как нужно вообще относиться к ее объяснениям.

Мне приходится остановиться еще на одном обстоятельстве — на яде кураре. «Голосу России» угодно было в номерах, приобщенных к делу, изображать яд кураре как своеобразный ультравымысел большевиков. Этот «вымысел» имеет, однако, за собой данные экспертизы по вопросу о том, что собой представляет яд кураре, какими качествами он обладает, как и в каких условиях он может действовать. Когда подсудимым предъявили надрезанную пулю, извлеченную из В. И. Ленина, они отмахивались и просили унести ее от них подальше. Я понимаю ваше ощущение, — перед лицом фактов вам было не до смеха, и если сейчас подсудимые пытаются смеяться, то, когда мы подойдем к этому эпизоду, я думаю, у них эта веселость пропадет.

Здесь имеется показание, что этот яд был найден Рихтером и передан Коноплевой; Ефимов показывает, что он помнит, какая была бутылочка, как была притерта пробка и каков был наружный вид яда. У нас нет оснований не верить и говорить, что признание обоих подсудимых не отвечает действительности.

Позвольте от этих двух попыток перейти к третьей, более трагической, относящейся к деятельности обвиняемого Семенова. Начинается эта трагическая страница эпизодом комического характера — воспоминанием об именинном пироге Донского. Тот факт, что у Донского было собрание, на котором присутствовал Семенов, никем не отрицается, равно как и факт, что Семенов обратился к Донскому (я беру пока версию Донского) с проектом реорганизации боевых дружин, на что Донской сказал, что

вследствие его отъезда по этому поводу следует обратиться к Гоцу. К этим установленным фактам добавим теперь показания Семенова и известные из дела обстоятельства; такое обстоятельство прежде всего — дата 21 мая, т. е. дата «именинного пирога», ибо это было после VIII совета, а мы знаем, что на VIII совете 14 мая были вручены Донскому деньги, экспроприированные на станции Буй боевой группой Семенова с ведома, с санкции и благословения (это установлено самим Донским) его, Донского.

Как же следует понимать слова Донского о том, что Семенов обратился к нему с проектом «реорганизации» его группы, в каком направлении шел вопрос об этой «реорганизации» и совпадают ли эти показания Донского с показаниями Семенова, что он, Семенов, поднял в тот вечер с Донским именно вопрос о терроре и об образовании террористической группы, чего не хочет договаривать Донской. Здесь обвиняемый Гендельман с упорством устанавливал: «Скажите, пожалуйста, как же эта группа была образована, и не было ли так, что к бывшей уже группе были прибавлены новые террористические задания» и т. д. В этом отношении я готов целиком пойти навстречу Гендельману и сказать, что, исходя из сопоставления объективных фактов, так и могло быть; из целой группы лиц подбираются более подходящие элементы, и для них дается новая, более ответственная работа. Подобно тому, как из аморфной группы дружинников, начавшей свое формирование с декабря 1917 года, была выделена группа боевиков-руководителей, как из этой аморфной группы, куда входили, по свидетельству Кононова, и болтун Белецкий, и Рейснер, и сам Кононов, выделилась более подобранная группа, которая работала по экспроприации на станции Буй, — так и теперь выделяется еще более тщательно подобранная группа, перед которой ставят террористические задания. Отсюда проект реорганизации группы, с которым обратился, по его собственному изложению, к Донскому Семенов во время «именинного пирога». И когда мы подходим к этому вопросу еще более внимательно, мы получаем новое доказательство. Вспомним показание Кононова, что от членов военной комиссии и от членов ЦК он знал, что задачей группы будет заняться теми же делами, что и при царизме, в том числе и террористическими актами; вспомним слова Евгении Ратнер, к чему нужно исподволь подготовлять боевые дружины. Именно с этим вопросом и обратился Семенов к Донскому и говорил, что получил полную поддержку Донского и указание на необходимость обратиться к Гоцу. И на следующий день происходит свидание Семенова с Гоцем; Гоц не отрицает факта этого свидания.

Так создалась группа, в которую вошли: Козлов, Сергеев, Елена Иванова, позже Коноплева, Зеленков и Усов, причем Зеленков и Усов направились в Москву, где оставался участник буйской экспроприации Гвоздь. Все это происходит в период времени с 21 мая до первых чисел июня. Здесь остается невыяснен-

ным обстоятельство, которое связано с так называемым «колпинским расстрелом». По этому вопросу нам говорили, что первое не организационное собрание группы состоялось после расстрела; участвовали все лица которые группировались вокруг Семенова и составляли его «дружину», был заслушан доклад по поводу колпинских расстрелов; были и прения, в связи с точкой зрения, высказанной Еленой Ивановой о необходимости террористических актов против инициаторов этого расстрела, но против этого якобы возражал Усов, что если бить, то нужно бить по голове. А между тем ведь Усов отправился в Москву; даты отправки Усова мы не знаем, но у нас имеются следующие сообщения: Усов говорит, что это было якобы первое заседание, где ставился вопрос об организации террористической группы. Так это или не так, я твердо установить не могу; Усову, видимо, кажется, что это так, и если это верно, то следует дату его отъезда отнести позже. Обвиняемый Лихач заявил, что расстрел был 9 июня, а значит это заседание должно было быть после 9 июня, следовательно, Усов должен был уехать в Москву после этого заседания, и тогда самое заседание относится к дате после 9 июня, к 10—11 июня В этом случае остается только 10 дней на все дело Володарского и уже во всяком случае дата 21 мая и свидание Семенова у Донского отпадает; или же Семенов прав, и тогда Усов в то время уже был в Москве и не мог быть на заседании по поводу колпинских расстрелов.

Одно из двух: или первая дата неверна и неверна возможность работы, которую рисует Семенов, или Усов не прав, когда говорит, что это было первое заседание организационного характера и что оно имело место после колпинских расстрелов или... дата Лихача — выдуманная дата. Тут нужно разграничить два факта: прежде всего это заседание широкого характера организационным заседанием никак назвать нельзя, — это совершенно ясно Что касается даты 9 июня, обвиняемый Лихач в свое время сказал: «Я устанавливаю эту дату и дам вам документальное подтверждение вечером». Я ждал документального подтверждения и — не получил его; оно не было представлено, и я вынужден целиком сбросить со счетов все аргументирования этой датой как не имеющие силы судебного доказательства. Дело той стороны было удостоверить дату, и это была их обязанность, которую надлежало исполнить

Но допустим даже, что это было не так, — что из этого вытекает? Только то, что Усов мог уехать после 9 июня; однако этим отнюдь не решается вопрос, когда организационно зародилась дружина и боевая группа: она могла зародиться и раньше, независимо от 9 июня.

Позвольте перейти к более точному показанию Рабиновича,— ведь он пишет в своей статье, что в свое время он согласился на создание группы Семенова Он знал, что группа создавалась, правда, только... для взрыва мостов, для подрыва поездов и т. д., но давая санкцию, предварил Семенова: «Помните, Семенов, ни

одного ответственного акта без санкции Центрального комитета, ни одного недисциплинированного шага без его ведома»[6]. При оглашении этого показания я спросил: как и где эта группа должна была взрывать мосты? Если эта группа должна была быть на фронте где-нибудь под Самарой, то каким образом она должна была не совершать ни одного ответственного акта без санкции ЦК, сидящего в Москве или в Петрограде? Это противоречие показаний Рабиновича, писанных 12 марта в Париже, что группа была организована с его ведома и санкции, с данными судебного следствия, дает нам право сделать вывод: что же было на самом деле? То, что не вышло у Семенова с Донским, вышло у Семенова с Гоцем и Рабиновичем, и его группа была санкционирована, однако, не на предмет «взрывов». Но почему же выехали Усов, Гвоздь и Зеленков в Москву? Потому, что им было указано, что в связи с только что проведенной экспроприацией им нельзя оставаться в Петрограде.

Обвиняемый Гендельман здесь заявлял: «Дело в том, что Усов, по первым показаниям, не входил в группу; его вхождение установлено им впервые только на следствии Верховного трибунала. Тут показания подтасованы». Если бы я мог обвиняемому Гендельману показать соответствующую сводку следователя в период предварительного следствия, он мог бы прочитать там: «Из показания Семенова вытекает, что Усов был в Петрограде, а в показаниях Коноплевой имеется противоречивое указание, что Усова в Петрограде не было; это — разноречие, которое надлежит проверить допросом Усова и передопросом обвиняемых». Так мне докладывал в свое время следователь. Обязан ли был сделать это следователь? Конечно, обязан. Этого мало, обвинительный акт самым подробным образом рассказывает, как это разноречие выяснилось на предварительном следствии и как от него ничего не осталось после передопроса обвиняемых. Был неясен вопрос о роли Усова; его передопросили, и разноречие исчезло, — только и всего, про это самое и рассказано в обвинительном акте. Отсюда вытекает, что вся сугубая премудрость и глубокая проницательность, которые в этом случае хотел проявить обвиняемый Гендельман, опять-таки оказались выстрелом впустую.

Спрашивается, почему же создалось такое положение, что Семенов сказал, что Усов был в Петрограде, когда Усов был в Москве? Товарищи, не раз еще мы будем констатировать при обследовании эксов случаи, когда называют участниками экспроприаций таких лиц, которые на самом деле не принимали никакого участия и попали просто по ошибке памяти лиц, дававших показания. Эти ошибки надо исправлять путем допросов и передопросов, но по одной ошибке порочить все следствие нельзя. И разве мы не имели тут такого же разительного примера, когда рассматривали и обследовали экс в губпродкоме? То разноречие, которое тогда было занесено в протокол между показаниями Зубкова и Козлова, с одной стороны, и Семенова и

Коноплевой, с другой стороны,— было еще более разительно, чем это. Однако никто, даже Гендельман, не осмелился делать вывод из этого разноречия, что Зубков и Козлов лгут или что Семенов и Коноплева лгут, так как и те и другие своими показаниями уличали только себя и никого больше; а ведь было разительное разноречие и во времени и в месте. Вот почему не всякое противоречие и невязка — улика.

Итак, мы имеем заявление Рабиновича, свидание Семенова с Гоцем, свидание Семенова с Донским, совпадение дат и, наконец, показание обвиняемых—членов этой группы о том, как они были привлечены в террористическую группу. Теперь позвольте перейти к дальнейшему развитию событий.

Как была построена группа, какие принципы лежали в ее основе? Здесь обвиняемый Гендельман по этому поводу пытался допрашивать и передопрашивать Усова: верно или неверно передал Усов основной принцип Семенова, что члены группы не должны были знать друг друга, не могли знать о поручениях, которые тому или другому давались, не должны были рассуждать, а только исполнять. Цитировалась теория Усова относительно разницы в положении интеллигентов, входивших в группу, и рабочих, и отсюда строился целый ряд соображений о позиции рабочих по отношению к Семенову и обратно; при этом указывалось, что среди рабочих в отношении Усова к Сергееву, Сергеева к Козлову или Козлова к Зубкову подобных отношений приказа и субординации не соблюдалось.

Позвольте привести для разъяснения этого вопроса одно обстоятельство, которое относится уже к покушению на Ленина: беседу обвиняемых Зубкова и Козлова в день покушения на Ленина. Зубков встретил выскочившего с Хлебной биржи Козлова, где тот только что видел Ленина и не нашел в себе сил стрелять. Зубков сказал: «По-моему, это ты хорошо сделал»,— но никому больше о своей беседе ни Зубков, ни Козлов не сказали. Вспомним беседу Зубкова с Каплан, после митинга на Ходынке, когда они возвращались пешком в Сыромятники; он передал ей о своих сомнениях и, не встретив понимания, замолчал и больше не говорил никому. Эти маленькие черточки чрезвычайно характерны для той обстановки, в которой приходится жить и действовать боевикам. Что все это доказывает? Только то, что жизнь все же ставит рамки между интеллигентом и рабочим, что этих рамок так легко не изжить... но и только. Другого вывода нельзя сделать и нельзя сделать никакого вывода и о строении и принципах группы.

Как же в действительности обстояло дело? Я должен сказать, что, конечно, организация была в достаточной мере примитивной. Несмотря на всю нечеловеческую энергию, которую проявил в этом деле Семенов, все-таки дело не было поставлено на должную высоту; по вопросу, например, о порядке слежки мы имеем такую картину, как хождение Федорова Козлова в трибунал, где он иногда встречал Володарского; толку от этого хож-

дения быть не могло; толк мог получиться только при условии двухкратного или трехкратного посещения Володарским трибунала, чего никак нельзя было предугадать. Равным образом из того факта, что Федоров-Козлов и Семенов были на Николаевском вокзале, где происходил митинг, еще отнюдь не вытекало, что Володарский обязательно поедет на Николаевский вокзал и в следующий раз. Необходимо было устанавливать постоянство встреч и возможность постоянных проездов; она была найдена только на территории около Обуховского завода.

Я не буду сейчас останавливаться на всем известных подробностях убийства и коснусь только того, что произошло непосредственно вслед за убийством. Позвольте здесь опять-таки оперировать тем же методом: сначала брать доказательства, исходящие из версии первой группы обвиняемых, и затем дополнять их, присоединяя к ним доказательства обвиняемых второй группы. От первой группы обвиняемых имеется объяснение Гоца, которое гласит: «В день убийства Володарского я, Гоц, был в редакции. В этой редакции я узнал об убийстве от Постникова; ко мне Постников вовсе не прибежал, а мы с ним вместе были; я сказал: как это могло случиться; и тут только вспомнил: со мною 22 мая, на другой день после именинного пирога Донского, Семенов говорил о том, что думает заняться террористическим актом: не он ли это произвел? И поэтому я приказал через Рабиновича немедленно найти Семенова и позвать ко мне; Семенов был найден на следующее утро, 21 июня, в промежуток времени от раннего утра, но не позднее часа дня».

Вот, что показал обвиняемый Гоц. Посмотрим, могло ли произойти свидание, о котором он говорит. Володарский был убит между 4 и 6 часами 20 июня. Убил его Сергеев, который затем пошел на квартиру Федорова-Козлова и с ним отправился к Семенову на Васильевский остров на квартиру Морачевского; там Сергеев ночевал. В этот день, до 9 часов утра следующего дня, по свидетельству Федорова-Козлова, Коноплевой и самого Семенова, никакого вызова его к Гоцу не было; никто туда не приходил. На следующий день, по показаниям Рабиновича (а приказ вызвать Семенова шел через него), Коноплева встретила Рабиновича на явке после 12 часов дня. Тот налетел на нее и сказал: «Что вы наделали! Немедленно дайте мне сюда Семенова!» — и она пошла его искать. Следовательно, никоим образом утром до 12 часов ни Рабинович не мог найти Семенова, ни Семенов не мог быть вызван к Гоцу. Когда обрисовалось это объективное сопоставление хронологических и временных дат, обвиняемый Гоц сказал: «Ведь Рабинович в своих показаниях пишет, что он в тот же день вечером видел Семенова; значит, он мог ему сказать, и следовательно, Семенов мог быть у меня на следующий день». Однако при наличии покушения между 4—6 часами вечера — ясно, что в этот день Рабинович не мог его найти. Сопоставьте этот вывод и вышеприведенное показание Федорова-

Козлова, проведшего весь этот вечер с Сергеевым и затем с Семеновым до утра, и станет ясно, что в вечер убийства Рабинович Семенова не видел.

Возьмемте теперь показания Чернова из его статьи в заграничном «Голосе России»; со слов Постникова. Чернов в своей статье пишет: «Постников мне лично рассказал буквально следующее. Вот как было дело: (Постников и Гоц) встретились в редакции. Я подбежал к Гоцу, спросил, как было дело, и Гоц сказал: один рабочий-эсер, имевший серьезное партийное поручение, встретил Володарского, не стерпел и выстрелил». Это было на другой день после убийства. Когда же я, тут на суде, стал допрашивать Гоца, о каком «серьезном партийном поручении идет дело», Гоц ответил: «Этого я Постникову не говорил, это относится уже к области, не отвечающей действительности».

То, что Чернов удостоверил как буквально переданное Постниковым, Гоц отрицает. Почему? Потому, что по его, Гоца, версии все можно объяснить,—и то, что рабочий-эсер убил, и то, что рабочий «не вытерпел» и т. д., кроме этой последней фразы: «рабочий, имевший серьезное партийное поручение», убил. Эту фразу нельзя ничем объяснить, ибо она топит окончательно ту версию, которую создает в данном случае Гоц. Отсюда вытекает, что Гоцу ничего не оставалось, как отрицать эту фразу, — и он эту фразу отрицает. Но — не только это.

Дальше, по свидетельству Постникова, приведенному Черновым, Гоц сказал Постникову: «Ведь вы знаете, что по нашим традициям за такое самовольство человека, стоящего на революционном посту, расстреливают». На каком революционном посту стоял Сергеев? В чем выразилось самовольство? Какой революционный пост он нарушил? Гоц отвечал: «Этой фразы я тоже не говорил». Я спросил тогда Гоца: «А почему же Чернов в следующем же номере «Голос России» жирным шрифтом печатает: «Важная опечатка», — и приводит именно эти пропущенные в первой статье слова: «За такое самовольство расстреливают»? Почему же Рабинович говорит, что в разговоре с Семеновым он тоже употребил эти сказанные ему, Рабиновичу, Гоцем перед тем слова: «За такие дела расстреливают»? Тогда Гоц ответил: «Может быть, если хотите, я эту фразу или что-нибудь о расстреле вообще сказал».

Но Рабинович не только об этом говорит; дальше он сообщает: «Я встретился с Семеновым и сказал ему эту фразу, сказанную в разговоре с Гоцем». — Сказанную в разговоре с Гоцем? Давайте восстановим, что это означает. Рабинович пишет: «Я встретился с Семеновым и сказал ему фразу, сказанную мне в разговоре с Гоцем». Когда сказанную? До встречи Рабиновича с Семеновым; значит разговор Рабиновича с Гоцем по этому поводу был до встречи с Семеновым; это совпадает с показаниями Постникова и Чернова, значит, в этом случае Гоц был уже осведомлен о некоторых серьезных поручениях и самовольных нарушениях, за которые расстреливают. А если так, то из двух

версий, той, о которой говорит здесь Семенов, и той, которую угодно говорить Гоцу, вытекает, что такую фразу Гоц мог только сказать тогда, если он раньше знал, какое поручение имел Сергеев и в чем выразилось самовольство Семенова, которому он, Гоц, дал указание ждать, а Семенов все же сказал Сергееву: «Если встретишь, убей». Итак: 1) Рабинович Семенова в день убийства не нашел; 2) Рабинович только к 12 часам на другой день нашел Коноплеву и через нее Семенова; 3) Гоц, Постников и Рабинович утром на следующий день имели беседу, когда Гоц рассказывал о Сергееве, совершившем самовольство, за которое расстреливают. Это все было до беседы Рабиновича с Семеновым; вывод — Гоц не хуже, чем Семенов, был посвящен во все детали подготовлявшегося убийства.

Вот что вытекает из этого сопоставления мелких улик, отдельных черточек и нечаянных обмолвок лиц, которые, сидя там в Париже, и составляли статью под заглавием: «Как было дело», — мешали правду с неправдой, не знали, о чем можно и о чем нельзя говорить, и как опасно в иные минуты сказать то, о чем лучше промолчать. Вот если бы к такого рода методам создания свидетельских показаний подошел обвиняемый Гендельман, он здесь нашел бы большую почву и больший материал для своих умозаключений.

Так обстояло дело с убийством Володарского «раньше времени», несмотря на запрещение Гоца. Теперь позвольте остановиться на ряде мелочей. В это время происходили выборы в Петроградский совет и выходила эсеровская газета. Мотив запрещения убийства был тот, что акт повлияет на выборы и власть обрушится репрессиями, которые помешают выборам. Этот мотив приводит Чернов в своей статье, об этом же мотиве говорит Коноплева, излагая свою встречу с Зейманом и его недовольство по поводу террористического акта. Гоц возражает: «Это совершенно не повлияло на выборы, наша фракция после убийства, с 20 человек, которые были уже выбраны, выросла до 70». Однако, раньше чем говорить, надо внимательно осмотреться вокруг, как бы не сказать лишнего; в газете, которая приобщена к делу, имеются данные об этих выборах. Я не полагаюсь твердо на свою память, так как видел газету только один раз, когда ее осматривал, но я обратил внимание на хронику выборов, и там, гражданин Гоц, указано, что цифра выборщиков от эсеров была нето 2, нето 3; если я ошибаюсь, суд восстановит истину, посмотрев газету, но ни 70, ни 20 человек вы там не найдете. Лишнее доказательство того, чего стоят показания обвиняемых...

Затем имеет место следующий факт, который приобретает чрезвычайно симптоматическое значение для всего дальнейшего развития событий, вплоть до октября 1918 года. Рабинович передает требование Гоца немедленно всей группе выехать из Петрограда. Гоц рассказывает: «Я для этого позвал к себе Елену Иванову, заявил ей, что нужно выехать в Москву и доложить об этом

случае ЦК, а всех дружинников, «которые группируются вокруг Семенова (я цитирую буквально), немедленно и моментально вон из Питера». Это первая высылка Семенова в наказание «за самовольство»; Семенов должен был выехать вместе со всей группой. Иванова поехала в Москву и, явившись там к обвиняемому Тимофееву, рассказала ему об убийстве в версии Гоца (т. е., что якобы Семенов ему сказал, что никакого отношения к этому делу не имеет, что все дело вышло совершенно неожиданно, что Сергеев, мол, и встретил и убил случайно); поэтому нужно Семенова, всю группу его и всех дружинников удалить из Петрограда. На это Тимофеев заявил: «Я пришел к еще более решительному выводу, что весь вообще боевой элемент нужно вон из Петрограда; нужно всех дружинников собрать и немедленно перекинуть на восточный фронт».

Я упорно допытывался: «Было ли заседание Московского бюро ЦК, где Тимофеев докладывал о террористическом акте в версии Гоца, и все ли члены ЦК об этом действительно знали?» Я не получил точного и определенного ответа, но одно обстоятельство обращает на себя внимание. Обвиняемый Раков сказал: «По этому поводу было наряжено следствие». Правда, Раков взял сейчас же эти слова обратно, заявив, что «он не так выразился», что следствие — не следствие, а было решено «навести справку». В то время сам Раков не ходил на заседания и не знает, был ли доклад в Московском бюро ЦК; он только слышал краем уха, что «наводили справку». Когда я спросил Гоца, было ли следствие, Гоц ответил, что «ничего не было», а ЦК, мол, удовлетворился докладом Иванова. Но если удовлетворились, тогда зачем же постановление о наведении дальнейших справок? Зачем ведение следствия? Позвольте выразить уверенность, что Раков ближе к истине, чем Гоц.

Мы переходим к чрезвычайно запутанному периоду с момента убийства Володарского и до начала организации покушения на Ленина. Но прежде этого еще два слова об Ивановой.

Мы слышали свидетельство Коноплевой, как Иванова возмущалась тем, что ЦК струсил и отрекся от акта на Володарского. Такое же свидетельство дал и Усов. Показания других говорят, что Иванова ездила устраивать убийцам Сергееву и Козлову квартиру в Москве, Козлов говорил, что видел Иванову на собрании боевиков. Впоследствии в отношении Ивановой мы имеем такого рода свидетельства еще три раза; и об ее участии в подготовке убийства Володарского, и в подготовке покушения на Ленина и третий раз — в подготовке покушения на крушение поезда Реввоенсовета. Против Ивановой показывают лица, которых никто не смеет здесь заподозрить в том, что они говорят неправду; даже со скамей первой группы обвиняемых во все время судебного следствия не было брошено ни одного намека, что эти люди, Зубков, Козлов и другие, вместе с Ивановой подставлявшие свои головы под пули и рисковавшие жизнью, говорят ложь, рассказывая, как в свое время Иванова возмущалась

поведением ЦК и как говорила, что верхом подлости будет, если ЦК снова отречется от покушения на Ленина, подобно отречению от убийства Володарского. Эту деталь также прошу иметь в виду, ибо все здесь надо принимать во внимание, всякую мелочь, чтобы установить правду. Так обстояло дело с кровавым делом против Володарского.

Позвольте последним штрихом докончить эту картину. Каковы бы ни были отдельные детали, ясно: убил Володарского член партии, член партийной организации, дружинник из группы Семенова; а 22 июня появляется в газетах объявление: «Ни одна партийная организация не имела ничего общего с убийством Володарского». Когда газета еще не была приобщена к делу, я спрашивал: в какой редакции писалось отречение? Мне сказали, что там говорилось о партии, а не о партийной организации. Но приобщили газету, — оказалось, что в объявлении сказано именно о партийной организации. И тут ложь, даже в этой мелочи — ложь; ибо партийная организация, а не партия вообще, даже по версии, которую угодно развивать Гоцу, имела ближайшее отношение к убийству Володарского.

К периоду, обследованному и доложенному мною здесь трибуналу, относятся еще два маленьких обстоятельства. Первое — касательно передачи Семеновым яда кураре, полученного в свое время от Рихтера, Коноплевой; этим устанавливается прямая связь первого покушения и первой попытки со второй, а, кроме того, связь с Рихтером, от коего был получен этот яд. Второе относится к обвиняемой Ивановой и к той роли, которую она играла в качестве лица, принимавшего меры к установлению местопребывания намеченных к убийству представителей советской власти.

По показаниям Семенова (я говорю теперь о показаниях обвиняемых второй группы), в переговорах с Гоцем намечались в качестве будущих жертв: Володарский, Урицкий и другие; личная причастность Ивановой устанавливается фактом, о котором показывают обвиняемые второй группы, что Иванова принимала меры к установлению адреса Володарского, наводя справки в квартире Бокия. Мы слышали здесь заявление обвиняемой Ивановой, что она не считала возможным для себя поддерживать знакомства с «чекистами», как она выразилась, видимо желая сугубо оскорбить Бокия и других; однако вопрос исследования сводится к тому, целесообразно ли было пытаться установить адрес Володарского путем знакомства с Бокием.

Конечно, отрицать, что Бокий мог скорее чем кто-либо другой помочь в этом отношении и, может быть, ненароком указать и адрес, — это не подлежит сомнению. Важно установить, было ли это возможно для Ивановой, — на суде путем допроса мы установили связь, которую имела обвиняемая Иванова с женой Бокия — гражданкой Доллер и ее матерью, которых она знала одну в качестве старой революционерки, а другую по совместной работе и состоянию в эсеровской группе на Бестужевских

курсах. А ведь об этом знакомстве впервые показывала Коноплева! Отсюда вытекает полная правдоподобность проверки адреса Володарского через Иванову, при помощи гражданки Долер. Остается вопрос о целесообразности передачи этого адреса Коноплевой для вторичной проверки (уже после убийства Володарского). На этом основании строились предположения, что передача этого адреса Коноплевой была бессмысленна, ибо Володарский был уже убит и устанавливать его адрес через Бокия не представлялось необходимости, но если мы с этим сопоставим, что дальнейшая слежка Коноплевой производилась за Урицким, что Урицкий был председателем ЧК, а Бокий — его заместителем, то целесообразность установления адреса Урицкого через Бокия для этой цели представляется вполне естественной и понятной. Вот почему нет ничего неестественного и неправдоподобного в том факте, что до убийства Володарского Иванова пыталась установить его адрес и что для тех же целей адрес Бокия был передан Коноплевой. На эту мелочь необходимо также обратить внимание.

Я перейду к дальнейшему, третьему эпизоду, покушению, которое подготовляла обвиняемая Коноплева против Урицкого. Здесь мы имеем только показания Коноплевой, и поэтому только с ними можем оперировать.

О том, что ею производилась слежка и что для этого она сняла квартиру, что в течение ряда дней, вплоть до двадцатых чисел июня, ею велось наблюдение и были установлены часы выезда Урицкого из его квартиры на службу, это подтверждается подачей телеграммы на имя Калашниковой в Москву для Семенова: «Здесь все готово».

Весьма ценными являются показания Коноплевой о том, что Рабинович был у нее на новой квартире, которую она сняла против квартиры Урицкого, и что Рабинович знал о производимой ею работе. Одновременно Коноплева продолжала вести совместно с Рабиновичем военную работу до 14 июля, т. е. до дня выезда в Москву Рабиновича. До этого дня продолжалась работа в Военной комиссии, и мы знаем, что к этому периоду (июнь — июль) относится подготовка восстания минной дивизии, где на совещании принимал непосредственное участие Гоц, о чем, конечно, был осведомлен и Рабинович. Обвиняемый Гоц устанавливает, что в этот период Коноплева была у них на квартире и вела длительные беседы с Рабиновичем; Гоц делает вывод, что раз знал Рабинович, то не мог не знать и Гоц. Совершенно верно, совершенно правильная предпосылка: раз знал Рабинович, не мог не знать и Гоц. И Гоц знал.

Далее идет следующий вопрос, на первый взгляд, казалось бы, спорный: как и почему была приостановлена слежка за Урицким и как было ликвидировано все это дело? Для этого нужно вернуться немного назад. После убийства Володарского было приказано всем участникам немедленно выехать из Петрограда в Москву. В ближайшие дни после убийства выехали Сер-

геев и Козлов, и гораздо позже их выехал Семенов, который, по его показаниям, должен был принимать еще участие в совещании по вопросу минной дивизии. Здесь указывалось: какая, мол, явная несообразность — с одной стороны, только что произведен террористический акт и произошло резкое столкновение между Рабиновичем и Семеновым, а с другой стороны, Рабинович предлагает Семенову снова вести подпольную работу, да еще в связи с минной дивизией по обследованию настроения на судах. Но в этом-то и вся суть, что этот факт получает полную правдоподобность именно при таком положении вещей, как оно было в действительности и как я его рисую.

Если бы убийство Володарского было явным нарушением директив партии с.-р.. то должен был бы немедленно встать вопрос о прекращении всякой работы Семенова, а продолжение его работы было возможно только при условии соглашения между Семеновым, Рабиновичем и Гоцем. И соглашение было. Следы оказались заметными в достаточной мере хорошо. То, на что указывал обвиняемый Гендельман, когда рассматривалось убийство Володарского, ясным образом доказывает, насколько хорошо была поставлена конспиративная сторона; единственно на что натолкнулось следствие по этому делу — это на установление факта, что расстрелянный по этому делу Юргенсон был знаком, как устанавливается по данным следствия, с Ганжумовым, принимавшим в то время некоторое участие в военной работе, и Семенов остался на несколько дней и принимал участие в подготовке выступления минной дивизии, чем устанавливается дата его выезда, т. е. первые числа июля.

В первых числах июля собралась в Москве эта террористическая группа; на собрании ее ставится вопрос, во-первых, об отказе ЦК признать убийство Володарского партийным актом, и, во-вторых, вопрос о дальнейшем существовании группы и ее переброске на фронт. Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что, в связи с требованием во что бы то ни стало принять меры к удалению этой группы, могло стоять предложение Семенова превратить ее в партизанский отряд. По настоянию группы и вопреки своему желанию Усов, однако, остался в Москве, что означает отсутствие категорического решения о полной ликвидации группы и ее террористической работы; Коноплева осталась в Петрограде, Усов в Москве. Для чего?

Если были правы Гоц и Тимофеев, то Иванова должна была ввиду постановления о полной ликвидации всей группы не допустить оставления Усова в Москве, потому что это шло вопреки постановлению ЦК. Только при наличности соответствующей санкции такое постановление могло иметь место, притом с ведома Ивановой, так как Иванова в течение июля несколько раз приезжала в Питер и, по заявлению Усова, категорически отрицаемому Ивановой, он подыскивал ей при этом комнату в Мос-

кве. Нет, следовательно, никаких оснований не верить в этом отношении Усову, и есть все основания не верить Ивановой. Спрашивается, почему же Иванова не доложила, что Усов все-таки остался? Это возможно допустить только при том условии, что оставление Усова входило в планы, намеченные ЦК. Дальше имеется заявление Дашевского о том, что из переговоров с Семеновым он знал об Усове как о человеке, с которым по известным вопросам нужно сноситься. Есть заявление обвиняемого Тимофеева, что он имел сношения в это время с боевиком Гвоздом. Тимофеев все время оставался в Москве. Тимофеев знал, если поверить Гоцу и Ивановой, что отряд должен был быть переброшен на фронт; Тимофеев сам говорит, что именно его инициатива была перебросить не только этот отряд, но и все боевые элементы из Петрограда на фронт. По показанию Тимофеева, только в августе после попытки освободить Гоца, он, Тимофеев, поставил вопрос о разрешении отряду Семенова остаться в Москве. Но ведь это было 6 августа, а что было 24—26 июня? Разве Тимофеев не знал о том, что отдельные дружинники, в том числе Семенов, Усов и другие, здесь остались?

Так остается все до покушения на освобождение Гоца, т. е. до первых чисел августа, Семенов, Усов и отдельные дружинники оставались в Москве, с ведома Тимофеева; последний знал о постановлении немедленно выслать их на фронт (а не только из Питера, как показывают об этом Рабинович и Гоц), и тем не менее вопрос о немедленной отправке группы на фронт, оказывается, вовсе не стоял в качестве категорического приказа. Группу немедленно распылили и только.

В это же время в Петрограде, с ведома Рабиновича, продолжалась слежка за Урицким. Семенов, возвратившись в первых числах июля в Москву, собирает свой отряд и начинает переброску; сам выезжает в Саратов, встречается там с Донским, с которым два-три раза беседует и, наконец, возвращается обратно. Донской не отрицает своих свиданий с Семеновым, но указывает, что свидания касались только вопроса, «возможно ли Семенову сесть верхом на фронт и, сидя верхом на фронте, бороться по сю и по ту сторону». Семенов показывает: «У нас было картинное представление, что мы возьмем винтовочки за спину, сядем на коней и поедем, а нам говорят: извольте, братцы, итти поодиночке», — на этот счет, мол, и шел спор. Но только ли на этот?

Отметим любопытный момент в показаниях Донского, которые относятся к этому вопросу. Чтобы опорочить показания Семенова, обвиняемые старались доказать, что переправа через фронт была вообще делом «плевым», что переходили такие дряхлые старики, как Е. Е. Лазарев, как Брешко-Брешковская, как Минор, а Минна Свирская переходила пять раз туда и назад; Евгения Ратнер заявляет, что она три раза переходила. Одним словом, все ходили в свое удовольствие и лишь Семенов не

хотел. Но когда шел вопрос о саратовских делах, тогда обвиняемый Донской докладывал им следующее: «Постоянная переправа была чрезвычайно трудна, установить систему переправы «веревочкой», от явки до явки, было абсолютно невозможно. Приходилось пользоваться случайными крестьянскими связями».

Вот что показывал Донской, когда шел вопрос о саратовском периоде, и что он показывает теперь, когда идет вопрос о переброске за фронт Семенова и об опорочении его показаний. Одно только сопоставление этих двух показаний достаточно для того, чтобы установить факт, что с исторической действительностью обвиняемые играют как своеобразные жонглеры, поворачивая эту правду в ту или другую стороны в зависимости от обстоятельств. Итак, переправа оказалась делом нелегким, да и не только о ней шел разговор.

По показаниям Семенова, Донской задал ему такой приблизительно вопрос: «До меня дошли сведения, что дело убийства Володарского — дело ваших рук?» — и заявил ему, что по его, Донского, мнению, «Центральный комитет не имел права отказываться от этого акта». Так говорит Семенов; Донской, конечно, это отрицает, кроме факта разговора. Но разговор был... Но вот Семенов отказался работать в Саратове и поехал обратно в Москву; здесь мы имеем его первое свидание с Гоцем в Москве, а перед этим — свидание с Тимофеевым. Разговоров с Тимофеевым и затем с Гоцем о терроре опять-таки никто из собеседников не отрицает. Тимофеев показывает, что он приводил Семенову свои доводы против террора, но к Гоцу его не направлял, ибо он, Тимофеев, не знал даже, что Гоц — под Москвой, и даже адреса не знал. В то же время вторым членом ЦК, ведшим практическую работу, была Евгения Ратнер; по ее словам, Гоцу от ЦК были переданы документы и деньги, «правда, через третье лицо». Но если член ЦК Евгения Ратнер передает Гоцу деньги и документы на отъезд, зная, что Гоц сидит под Москвой с 14 по 30 июля, т. е. как раз в тот момент, когда приезжает в Москву Семенов, то чтобы обвиняемая Ратнер не знала, где именно Гоц находится,—этому нельзя поверить. Мы знаем, что вместе с Гоцем был Рабинович, что, с другой стороны, родные Рабиновича находились в это время в Москве и у них были сношения с Рабиновичем, у них же останавливалась Коноплева; чтобы при таком положении вещей через этих родных нельзя было члену Центрального комитета, руководящему практической работой в Москве, узнать адрес Гоца, — этого быть не могло, хотя бы из-за бедности в руководителях в тот период, — ведь было всего два члена Центрального комитета на всю Россию.

Вопрос стоял, видимо, иначе; Семенов накануне свидания с Гоцем видел Тимофеева, и понятно, что только у него Семенов мог получить адрес и поехать к Гоцу. Ведь Семенов адрес получил и поехал, этого Гоц не отрицает; но Семенов говорит о трех встречах, а Гоц утверждает, что была только одна. Он отрицает

вторую и третью встречи, ибо знает, что если он признает вторую встречу, то это будет уликой в том отношении, что Семенов после разговора с боевиками второй раз пошел к Гоцу именно за гарантией, чтобы получить это знаменитое «честное слово». Поэтому второй встречи Гоц признать не хочет.

В это время приезжают из Петрограда в Москву боевики Зубков, за ним Новиков и Королев; Зубков направляется по данному ему адресу на Зацепу, затем на Сыромятники. Все это подтверждается Ивановой, которая этим самым подтверждает и момент вторичного образования группы. Когда Гоц 30 числа уехал из Москвы и был арестован по дороге в Казань, Тимофеев дал знать «отряду» (вот она, случайная обмолвка Тимофеева[1]) — освободить Гоца, когда его привезут на вокзал. Обвиняемая Иванова здесь рассказала, как должны были произвести эту попытку.

Отсюда был сделан следующий логический вывод: *после этого* Тимофеев согласился на оставление отряда в Москве как проявившего такую боевую готовность и сплоченность. Но на деле было гораздо проще: согласие и санкция на оставление этого отряда в Москве были даны не теперь, а еще при первом разговоре с Донским в Саратове и при втором разговоре с Гоцем и Коноплевой, когда они после 20 июля съехались из Саратова и Питера в Москву. Обвиняемый Лихач пытался точно установить дату своего отъезда из Петрограда; он выехал 26 июля, — говорит он, — Коноплева провожала его 26 июля и сама выехала на следующий день, 27 июля, а 28 была в Москве. Если бы Гоц не сказал, что он видел Коноплеву, когда она приехала к нему на дачу, якобы к Рабиновичу, то обвиняемый Лихач, вероятно, сейчас же построил бы свой вариант, примерно в таком роде: она приехала 28, Гоц уехал 30, следовательно, она никак не могла попасть за это время к нему на дачу. Но после заявления Гоца, что Коноплева у Рабиновича была (а Коноплева говорит, что не только у Рабиновича, но и у Гоца и с Гоцем по сему поводу беседовала), вариант Лихача, конечно, был уже не нужен. Кроме этого, Коноплева, однако, излагает и те мотивы, которые приводились ей Гоцем по вопросу о терроре, в защиту его применения в данном случае. Это, конечно, отрицается Гоцем. Но ведь раньше этого приезжал в Петроград Семенов (ибо он не получил телеграммы, посланной ему от Коноплевой, на имя Калашниковой, адрес которой дала Иванова); по приезде Семенов виделся с Коноплевой, взял ее в качестве исполнительницы и затем возвратился с ней в Москву. Тут и разрешается вопрос о так называемой приостановке действий против Урицкого. На судебном следствии был спор по этому вопросу: кто и где приостановил деятельность по подготовке покушения на Урицкого. Сопоставьте с этими остроумными вопросами истинное положение вещей—*решение приостановить дело Урицкого для более серьезного дела — покушения на Ленина*, и этот вопрос будет ясным. В этих условиях во-

прос об Урицком отошел на задний план и потерял актуальное значение.

На всякий случай продолжение слежки было передано Зейме, который, однако, бросил ее, и дело расстроилось. Так обстояло дело. Кто же мог дать санкцию на то, что не так важен теперь вопрос об Урицком, как о Ленине, и что в Москве, а не в Питере важен теперь террористический акт? Гоц дал эту санкцию.

Когда идет вопрос, было ли это в Питере или в Москве, вопрос решается просто: конечно, в Москве. Если Семенов говорит, что не помнит, в Москве или в Питере, то в этом нет ничего удивительного; вопрос решается не его памятью, а сопоставлением дат, и даты дают точный и ясный ответ. Так разъясняется этот сравнительно ничтожный и второстепенный эпизод.

Нам остается обследовать основной вопрос: рассмотреть поочередно все свидания боевиков с Гоцем, их требования гарантий и историю «честного слова», которое было дано Гоцем, что партия впредь не отречется от убийства. Тут пытались указать на другое «честное слово», которое было дано в свое время Савинкову Семеновым, и пытались сделать из этого соответствующие выводы. Я не могу останавливаться на этих обстоятельствах; я считаю, что это обстоятельство для меня не имеет значения ни в качестве улики, ни вообще в качестве какого-либо факта, с точки зрения его судебного содержания. Здесь важно другое обстоятельство: что боевиками ставился в тот момент вопрос о так называемых гарантиях; боевики требовали гарантий, они это подтверждают здесь, и кроме голого отрицания, Гоц ничего не может им противопоставить.

Остановимся на дате вступления в отряд, таким образом сформировавшийся, Фанни Каплан. И здесь были попытки изловить на противоречии: 12 августа или не 12 августа она вступила, или в конце июля. Если обратиться к действительным хронологическим датам и на них посмотреть с точки зрения их соответствия обстоятельствам дела, то будет ясно, что, конечно, вступление произошло в июле месяце, после этого вступления приехали боевики Новиков и Королев и до 20 августа, до свидания с Донским, велась подготовительная работа. На судебном следствии интересовались, главным образом, вопросом, сколько прошло пятниц, в течение которых производилась слежка выступления Ленина на пятничных митингах. Тут производился подсчет, но и это теперь ясно. Покушение было 30 августа, предыдущая пятница — 23 августа, перед ней 16-го. Эти три пятницы обязательны в качестве тех хронологических рамок, в которых имела место слежка на митингах. 9 августа — еще одна пятница, до нее пятница 2 августа. Итак, мы имеем от 2 по 30 августа не три, а пять пятниц. Откиньте то время, когда происхо-

дила митинговая слежка, откиньте первые две недели и от 2 июля до четверга или среды третьей недели между 9 и 16 числом, так как это — период, в который велась неорганизованная, не «пятничная» кампания, — и мы получим опять полное совпадение и полное соответствие хронологических дат: 6 августа происходит освобождение Гоца, после этого еще более серьезно ставится вопрос о покушении, и устанавливается возможность следить за товарищем Лениным по пятницам, и мы имеем 9, 16, 23 и 30, т. е. гораздо больше, чем нужно для правильного уложения событий в хронологические рамки тех дат, которые известны по делу, — т. е. последнее покушение Каплан, предыдущее покушение Усова и, в пятницу 16 августа, новое перераспределение ролей, с прекращением посылки на митинги боевиков в той начальной, неурегулированной форме, когда они рассылались без разведчиков.

Хронологические данные целиком укладываются в эту схему и никакого противоречия здесь нет; все разговоры о том, что пятниц «нехватает», являются пустой болтовней. К третьей пятнице, к моменту до 23 августа, относится приезд Донского; он приехал 20 августа, а 21 уехал из Москвы Тимофеев; происходит передача дел, и во время передачи идет вопрос и о Семенове. Мы знаем, что Донской был уже осведомлен о том, что Семенов не желает ехать на фронт, а стремится в Москву; мы знаем, что Донской уже осведомлен о боевой готовности отряда Семенова, как это свидетельствовал Тимофеев. Произошла передача дел — и вместе с ними и передача отряда Семенова; Тимофеев показывал, что об этом им было упомянуто. Если верить, что Тимофеев, который говорил с Семеновым после возвращения его в июле из Саратова о терроре и видел террористические его устремления, все-таки не был осведомлен о настоящем положении дела, — то Тимофеев был обязан во что бы то ни стало провести в жизнь июньское постановление, которое сам выставил: о немедленной высылке семеновского отряда из Москвы. А между тем, в июле месяце, возвратившись самовольно из Саратова, Семенов говорит с Тимофеевым о терроре, просит оставить его отряд в Москве, и отряд оставляется до приезда Донского. Оставление Семенова было прямым нарушением прежде данной директивы, тем более что террористические настроения Семенова были явно выражены, так как Семенов говорил о терроре. Этот факт не укладывается в объяснения Тимофеева.

Дальше Тимофеев говорит, что именно попытка освобождения Гоца, этот боевой террористического характера акт, совершенный данной группой, так подействовал на него, что он решил оставить Семенова за быструю способность к боевой мобилизации.

Вслед за этим Тимофеев в августе дает поручение Семенову взорвать поезд, везущий золото в Германию. Кому дается поручение? Не Семенову только, а его отряду. Одно из двух: или мы тут имеем дело с определенной группой, с определенными зада-

ниями боевого характера, и в таком случае должны установить, что либо Тимофеев говорит не все, что ему известно, либо он поступал вопреки прямым распоряжениям, которые сам раньше дал. При передаче дел Тимофеев, по его словам, передает Донскому и о своем проекте по поводу золота. Донской потом говорит, что он об этом проекте знал и принимал меры к его осуществлению. Что же все это значит? И кто поверит после этого, что ни Тимофеев, ни Донской не рассматривали отряд Семенова как «боевой» отряд? Так обстоит вопрос с «самовольным» оставлением Семеновым своего отряда в Москве и «самовольным» образованием им террористического отряда или по меньшей мере «самовольной» постановкой перед ним террористических заданий.

В это время и вступила в группу Фанни Каплан и произошло упомянутое перераспределение ролей. Здесь надо мельком остановиться на вопросе о связи Семенова и Фанни Каплан с Савинковым. Я думаю, показаниями Пелевина, которые никем не заподозрены в несоответствии их действительности, а также фактами, которые здесь установлены иным порядком, о якобы возможных сношениях Семенова с Савинковым в этот период, все эти версии о связи с Савинковым должны быть откинуты в сторону. И Пелевин, и Зубков, которых Каплан видела, которые ходили с Каплан для убийства в одну из пятниц на Ходынку, и Коноплева, которая жила с Фанни Каплан и могла беседовать с ней по этому поводу, и Ставская, которая знала Каплан как свою близкую знакомую, — все они говорят, что она принадлежала к черновскому толку эсеров. Это признала и сама Каплан в показаниях, данных после своего ареста. Всем этим точно устанавливается, что ни о какой связи этой группы с Савинковым речи быть не может, и то возмущение, которое здесь обнаружила Коноплева по поводу этих подозрений, также должно быть учтено как своеобразная форма очной ставки, подлежащей оценке трибунала.

Пойдем теперь дальше. Семенов, по заявлению Донского, сообщает ему, что в его группе имеется некая Каплан с террористическими устремлениями. Донской говорит, что хочет ее видеть, и происходит свидание (этого не отрицает и Донской) Донского и Каплан на бульваре, в присутствии Семенова. Семенов молчит, сидит в стороне, а Донской и Каплан разговаривают. Я спрашивал: «Скажите, пожалуйста, зачем Семенов заявил Донскому, что у него в группе есть человек, который обладает террористическими устремлениями? Затем, чтобы Донской отговорил Каплан от этого террористического настроения?» Донской ответил: «Может быть, для этого». Но если Семенов сам настроен террористически, и только несколько дней тому назад говорил об этом Донскому, так какой же смысл ему сообщать Донскому: «У меня в группе есть человек с такими же террористическими настроениями как и я, и вы, пожалуйста, ее от этих настроений отговорите». Такая постановка вопроса не выдерживает никакой

критики. Иное дело версия, изложенная Семеновым: у меня есть Каплан, готовая исполнить акт; член ЦК выражает желание с ней видеться. Свидание состоялось, и член ЦК Донской говорил с намеченным исполнителем, — эта версия вполне отвечает логике. Донской дальше говорит: «Я ушел, сказав ей, в конце концов: ну, подумайте». Что это значит? Человек уходит от Донского с твердым убеждением в том, что она права, что она должна и будет стрелять, а Донской говорит: «Ну, подумайте, подумайте над моими словами». Это после резолюции ЦК, запрещающего террористические акты! Донской говорит, что он видел убежденного человека, а не ту истеричку, которую угодно было изобразить Гоцу из Коноплевой после неудачного покушения на Ленина, — и все-таки Донской говорит только: «Ну, подумайте», — и уходит, и оставляет ее поступать, как она хочет, предупредивши только о том, что она будет вне партии. Так не делают! Если боевики задумали вредный политический акт, значение которого чрезвычайно велико, то он, Донской, должен был принять все меры, и эти меры не могли выразиться только в словах: «Ну, подумайте». Следовало по меньшей мере приказать Семенову сейчас же порвать с Каплан; но об этом ни одного слова не говорили ни Донской, ни Семенов, ни Ставская, говорившая впоследствии об этом свидании с Донским. Какая же логика в той версии, которая дается обвиняемыми?

Происходит выстрел Каплан. Мы знаем, что условия, которые были поставлены исполнителям террористического акта, заключались в следующем: исполнитель имел право заявить, что он член партии, но что он совершил это не от имени партии. Боевик Зубков встретился с Каплан в одну из пятниц и передал ей о своих сомнениях; Зубков сказал Каплан, что не верит в это дело и в его необходимость.

Убийца Володарского, рабочий Сергеев, ночуя в Москве у Усова, рассказывал ему о том, что он убил Володарского, тоже мучился и волновался; с этого момента, возможно, начались и колебания Усова, но даже после этого свидания с Сергеевым он не поделился ими ни с Семеновым, ни с другими; ибо не легко было ему разочаровываться в партии.

Я должен остановиться на этой трагической психологии боевиков, хотя бы для того, чтобы возразить на незаслуженные ими упреки по их адресу. Здесь спрашивали Зубкова, как он, который не верил в это дело, потом пошел разведчиком в Петровский парк; спрашивали Усова, как он, который не нашел в себе силы стрелять в Ленина на митинге в Алексеевском народном доме, все-таки остался разведчиком (хотя Семенов разошелся с ним). От рабочих-боевиков, от лиц, которые голову свою подставляли для освобождения Гоца, когда того везли арестованным, — от них члены ЦК партии с.-р. требуют величайшей этической выдержанности и последовательности и говорят им: если у вас были сомнения, как же вы пошли в другой раз на акт, на слежку? Но этот счет нужно предъявить обратной сто-

роне и сказать: как вы смеете сейчас людям, которые в свое время жертвовали жизнью по вашим указаниям; как смеете вы на суде, для спасения своих политических и личных интересов, их чернить и, в частности, им в лицо бросать упреки в невыдержанности и, наконец, в том, что они свои сомнения, зародившиеся еще тогда, сейчас приносят на суд и, будучи последовательными до конца, полностью рассказывают о том, что действительно имело место? Обвиняемый Гендельман ставил им этический ультиматум, но надо подумать, у кого в данном случае остается этическое право ставить подобные ультиматумы? Эти люди глубоко в себе запрятали свои колебания, ибо авторитет партии и членов ЦК для них стоял еще очень высоко; эти люди считали, что если ЦК принял решение, то все, что их мучит и постоянно тревожит, они должны подавить и затаить в себе. И это им ставится в упрек! Ведь только встретив Козлова, выходившего после того, как он не смог выстрелить в Ленина, Зубков сказал ему: «Нет, хорошо это ты сделал», — и снова оба затаили далеко в глубь себя свои сомнения. Усов тоже не решался стрелять в Ленина. И их за это обвиняют те, кто их посылал на смерть... Можно ли дойти до большего цинизма и наглости, я не знаю.

Но вернемся к делу. Мы установили, что Усов и Козлов не стреляли, что Зубков не хотел стрелять; они оба были убеждены, что выстрелить не могли, потому что у них рука на Владимира Ильича не поднималась. Так поступили рабочие. Так было до трагического дня 30 августа: Новиков помог задержать толпу, Каплан стреляла, покушение свершилось, и Владимир Ильич был ранен.

Для истории мировой революции, для спасения русской революции этот трагический день является одним из самых тяжелых и самых опасных, которые когда-либо переживали русский рабочий класс и революция. В этот день, убежденная в правоте своего дела и подтолкнутая на это дело обвиняемыми, Донским и всеми присными его, стреляла гражданка Каплан в Владимира Ильича Ленина. О, если бы можно было хоть на одну секунду думать, что эти люди поняли хоть сейчас весь ужас того, что было совершено в этот день, ощутили хоть сегодня всю степень опасности, которой в этот день они подвергли Российскую революцию, русский рабочий класс и все его завоевания! Оправдание еще можно было бы найти. Они бы поняли, что если бы в борьбе, которую мы вели и ведем, в этой борьбе за спасение русской революции не было бы Владимира Ильича, не было бы его ясного ума, не было бы его железной воли, вся эта проклятая буржуазная сволочь терзала бы сейчас трупы тысяч русских рабочих и сотен тысяч русских крестьян... Ужас этого дня, 30 августа, мы чувствуем еще теперь, так как результаты этого дня и до сих пор сказываются. В тот же момент трагедия была еще ужасней. Поняли ли они?! Я не могу больше об этом спокойно говорить...

Позвольте перейти к событиям, имевшим место тотчас же

после покушения: 6 сентября было опубликовано объявление ЦК о том, что ни одна партийная организация не имела отношения к покушению на Ленина; начинается длительное заседание в Томилине и разложение всей боевой группы; за объяснениями боевики посылают Новикова к Донскому. Я спрашивал всех обвиняемых: «Вы помните о том, что Новиков действительно ходил к Донскому?» Они сказали: «Да, помним». Мы спрашивали у Донского: «Был у вас Новиков?» — «Нет, не был». А что говорят нам Зубков, Козлов, Усов о том собрании, где Новиков, вернувшись, сказал: «Я прежде всего эсер и на подлое предложение итти и продолжать террористическую деятельность под именем какой-нибудь «черной маски» или «черного ворона» не отвечаю и не считаю нужным отвечать». Усов говорит, что на предложение Донского он ответил: «Если это такое дело, которое должны делать черные вороны, то пускай сам Донской превращается в ворону и клюет дохлятину», — так передают боевики о получении ответа, а Донской рассказывает нам басню, что, мол, к нему пришел Семенов и стал говорить, что он передал Каплан револьвер, и в этом только выразилось его содействие. «Я, — говорит Донской,—вспылил и сказал: зачем вы это сделали?» На это Семенов ответил: «А зачем вы отрекаетесь от террора? Я организую группу, которая будет автономно действовать». Донской, мол, заявил: «Если вы хотите действовать по-анархистски, то идите к анархистам и берите у них название «черные соколы».

Вот оно, происхождение названия «черные вороны», «черные маски», ведущего начало от «черных соколов» обвиняемого Донского. Вопрос сводится к тому, как действительно обстояло с предложением называться «черными соколами» и в какой плоскости это название было рекомендовано: под влиянием ли возмущения Донского и как насмешка, или как серьезный совет, который предложил Донской? Если бы не было Новикова, если бы не было показаний Зубкова об этом собрании, то можно было бы еще на одну секунду придать некоторую степень вероятности показаниям Донского. Но мы слышали прямые утверждения Усова и Зубкова. Последнему председателем был прямо поставлен вопрос: «Знаете ли вы, что значит каждое произнесенное вами здесь слово?» — и тот ответил: «Знаю и говорю с полным сознанием ответственности за каждое мое слово». После этого я утверждаю: вы не имеете права о людях, которые в свое время жертвовали для вашей жизни своей жизнью, сказать, что они лгут.

У вас нет этого права. Пролетарский суд, пролетарская совесть в данном случае должны решить, кто прав и кто лжет, ибо эти люди своим делом, в частности отказом в свое время стрелять в Ильича, показали, как они глубоко переживали и как глубоко чувствовали ответственность за каждый свой шаг. Так же они чувствуют и теперь ответственность за каждое свое слово здесь на суде, и вот почему им нельзя теперь не верить.

Но и это не все. Донской показывает: в понедельник решено было опубликовать заявление. В пятницу было 30-е, 1-е было воскресенье, 2-е — понедельник; и если бы заявление было сочинено 2-го, то опубликовано было бы 3-го; но оно опубликовано 6-го. Из этой мелкой детали видно, как умело сочиняет свои версии Донской. ЦК нужен был, видимо, некоторый срок, чтобы обсудить положение.

Донской дальше рассказывает, что через несколько дней после того, как он прогнал Семенова, чрезвычайно взволнованного после памятного ему разговора, между ними вновь произошло соглашение. Но, говорит Донской, «снесшись организационно», решено было выслать всю эту группу из Москвы. Вторая ссылка. Я спросил тогда Донского: «Что же Семенов сделал? Если действительно Семенов только передал револьвер Каплан, за что же высылать из Москвы всю рабочую группу?» — «Потому, что все равно они должны были уехать». — «Значит, нужно было не выслать, а только заставить их скорее выехать. Почему же до сих пор это не было сделано?» — «Денег не было»,—говорит Донской. Тогда один из защитников спросил: «А сколько было нужно денег для того, чтобы содержать эту группу в Москве?» — Такую-то сумму. — «А сколько нужно было денег, чтобы каждому из Москвы выехать?» — Такую-то сумму. Оказалось, что сумма приблизительно одна и та же. «Почему же нельзя было их раньше выслать?» — «Знаете ли, то деньги были, людей не было, то люди были, денег не было, а то деньги и люди были, да явок не было, дело тянулось, да тянулось». Только в сентябре решено было окончательно выслать и ни в чем неповинных рабочих и Семенова; но была ли хоть теперь произведена высылка? Нет, ее не было; никуда группа не уехала, она продолжала действовать и совершать экспроприации до 4 октября, когда в третий раз решено было их выслать.

Выясняя связь боевой группы с членами ЦК, я спрашивал Гоца: «Когда к вам и Тимофееву в Пензу после покушения на Ленина приезжал Тисленко, ваша беседа с ним носила характер абстрактный, разговора о терроре вообще, или же конкретный характер в связи с поручением группы боевиков?» Гоц сказал: «Ничего подобного, никакой конкретности в данном случае не было». Между тем, Тимофеев и Тисленко показывают, что шел совершенно конкретный разговор, что Тисленко получил новое поручение от боевиков — запросить ЦК о причинах его отречения от акта. Тисленко пишет, что он повез в ЦК от боевиков якобы предложение организовать автономную группу и получил ясный, категорический отказ. Мы спрашивали боевиков, ездил ли Тисленко, — и все подтвердили: ездил, Тисленко ездил с определенным поручением и его поездка носила не абстрактный, а конкретный характер. А раз это так, то нельзя отречься от сношений ЦК с боевой террористической группой и от переговоров группы с ЦК по поводу

совершения террористического акта: эти сношения в связи с совершенным террористическим актом представляются полностью и точно доказанными. А в таком случае из тех версий, которые развивают обвиняемые первой и второй группы, мы должны отдать предпочтение исключительно версии, которую указывают боевики

Теперь последнее и самое основное, что касается обвиняемой Ивановой. Своего участия в попытке отряда освободить Гоца она не отрицает Обвиняемый Тимофеев говорит, что он предложил Ивановой участвовать «в отдельном конкретном случае»; Иванова тут случайно была: не угодно ли и вам принять то же участие; но что вовсе не было сплоченной организованной группы, которая должна была действовать.

Относительно же покушения на крушение поезда Реввоенсовета Гендельман нам заявил, что его вовсе не было. Он смеет один вместе с Ивановой продолжать утверждать это против голосов четырех лиц, которые непосредственно с Ивановой принимали участие в организации покушения? Здесь строили знаменитое «алиби» Ивановой, но в конце концов к нему не рискнули прибегнуть и сами обвиняемые; одного этого достаточно, чтобы оценить ценность этого алиби. Я думаю, что в этом отношении показания лиц, которые рассказывают, как и что они вместе с Ивановой делали на откосе железнодорожного полотна, как укрепляли взрывчатый снаряд, как выслеживали часового, — являются достаточными и, если Иванова против этих прямых улик и прямых показаний лиц, которые вместе с ней там были, не может противопоставить ничего, кроме своего голого отрицания и кривляния на скамье подсудимых, то ценность этим кривляниям мы найдем.

Вопрос относительно этого покушения представляется совершенно ясным после допросов обвиняемых, которые были соучастниками и соратниками Ивановой. Когда же нам Ставская, кроме того, рассказывает, что Иванова была на собрании в Томилине и сначала голосовала за продолжение террора, несмотря на отречение ЦК, а затем сказала: «Нет, я пойду вместе с рабочими, которые не хотят больше заниматься террористической деятельностью», — когда рассказывают, как та же Иванова утешала «Марусю», плакавшую о Каплан, — что же, против показаний Зубкова, Козлова, Усова, против показаний Ставской, Коноплевой, против показаний лиц, из которых половина имеют тот же революционный и политический стаж каторги, что и Иванова, против показаний пяти человек против одного, нам могут возразить, что все эти пять человек лгут? Позвольте не поверить! Прибегните тогда к помощи вашего сообвиняемого Лихача, к его арифметическим подсчетам и арифметическим талантам при оценке стоимости этих показаний. А вам, гражданка Иванова, с вашей усмешкой, мы найдем цену и найдем возможность сделать так, чтобы вы не смеялись больше никогда.

Какую цену имеют показания Ивановой, которая свое выступление на суде начала со лжи и которая продолжает с упорной настойчивостью до настоящего времени лгать? Пусть рабочие, и сидящие на скамье подсудимых и те рабочие, которые здесь слушают, — пусть они оценят поведение руководителей партии с.-р., пусть оценят этот еще раз демонстративно проделываемый на суде отказ и отречение от боевиков, которые тогда по вашим директивам и по вашим указаниям работали. Этот пример, это отречение от целого ряда организаций, которые демонстрировались уже не раз на судебном следствии, являются лучшим доказательством их вины. И пусть этот акт отречения от совместной работы будет оценен не только непосредственными участниками, которые сидят по их вине на скамье подсудимых, но пусть его оценят и широкие рабочие массы России.

Я перехожу к следующим обстоятельствам, которые имели место после томилинского совещания, к показаниям Ставской и к показаниям Пелевина. Два каторжанина — один за восстание 1905 года матросов на корабле «Память Азова», другая за убийство царского опричника — эти два лица, которые имеют право заявить, что они здесь, в этот момент хотят говорить правду, имеют право требовать, чтобы к их словам отнеслись с доверием, — они говорят — Ставская: «Я говорила с Донским»; Пелевин: «Я говорил с Донским». Ставская сказала: «Донской мне рассказывал о своем свидании с Фанни Каплан и о том, что он ей говорил, как он удерживал ее, но не мог удержать, и о том, что ЦК, зная о подготовлявшемся акте, не мог его признать, боясь разгрома партии». Пелевин сказал: «Я спросил Донского, как было дело. Он вместо прямого ответа — да или нет, ответил, что потом, мол, это будет выясняться на съезде, но что сейчас об этом не время и не место говорить». Почему же нельзя было прямо сказать старому боевику, что санкции на убийство ЦК не давал? При чем тут съезд, где нужно еще что-то выяснить? Потому, что кому-кому, а Пелевину, который вместе с Каплан вошел в дело, нельзя было лгать...

Тут же Донской опять запутался. Когда я допрашивал его в первый раз, еще до допроса Ставской, я задал ему прямой вопрос: «Скажите, пожалуйста, удерживали ли вы Каплан?» «Это не входило в объект моего разговора», — ответил Донской. При очной ставке со Ставской я опять спросил: «Как же обстояло дело, вы удерживали Фанни Каплан или нет?» — «Да, удерживал». Так не связывает концов с концами Донской, забывая то, что он сказал накануне, в зависимости от обстановки и не рассчитав, что стенограмма все отмечает и что есть люди, которые внимательно ее читают. Когда Ставская рассказывает об этом свидании и говорит, что смысл его был для нее совершенно ясен, и то же самое показывает Пелевин, — этим двум показаниям двух каторжан ничего, кроме голого отрицания, также не могут противопоставить обвиняемые.

Еще одно доказательство: Коноплева и Чернов виделись. Коноплева показывает, что она в это время рассказала Чернову о предательском акте ЦК и Донского по отношению к отряду. Эти показания находят подтверждение в статье Чернова, где в своем ответе Коноплевой он признает, что в с в о е в р е м я К о н о п л е в а е м у п е р е д а л а о п о в е д е н и и Д о н с к о г о и что он якобы указал ей на следственную комиссию, которая была создана IX советом партии, куда ей следует обратиться. Наконец, мы имеем еще показание Дашевского о том, как с Ивановой и Коноплевой он имел беседу по поводу того, как должна одеться Иванова в целях конспирации для совершения террористического акта. Что же, все они, в том числе и Чернов, лгут?

Позвольте к этому добавить еще последнее обстоятельство, как писалось отречение Центрального комитета. Мы имеем по этому поводу показания Коноплевой на обвиняемого Морозова; Морозов ей говорил, что он настаивал на написании этого отречения. Всеми этими обстоятельствами и показаниями Дашевского, Усова, Зубкова, Козлова, Коноплевой, Ставской, Семенова устанавливается один и тот же факт — непосредственной связи и осведомленности Центрального комитета об акте Каплан и о всей деятельности террористической группы. И после всего этого мы имеем экс 4 октября, о котором равным образом был осведомлен Донской. Экс был совершен все той же группой, после чего опять якобы был поставлен все тот же роковой вопрос о высылке этой группы из Москвы. Наконец, ведь Донской же направил Ставскую в этот партизанский отряд Семенова после заявления Ставской о своих террористических настроениях. Одно из двух — или все эти лица забыли, где они, что они задались целью во что бы то ни стало все до одного налгать, или же единственно возможно другое объяснение: заинтересованные в реабилитации, чтобы не быть публично уличенными в убийстве из-за угла и в том, что они лгали в своем отречении, члены Центрального комитета партии с.-р. теперь во что бы то ни стало, ценой лжесвидетельства, ценой отречения от всех, с которыми они вместе боролись, желают спасти остатки своей политической репутации и политической чести своей, якобы «политической» и якобы «социалистической», партии.

Этим представляется законченным период, касающийся террористической работы. Позвольте подвести ему итог: связь с ЦК установлена и при попытке первого покушения Коноплевой и Ефимова и в деле убийства Володарского; равным образом эта связь, и в особенности участие Ивановой, являются безусловно установленными и в деле Фанни Каплан и в покушении на крушение поезда Реввоенсовета. Но опять, как в деле Володарского, та же формула отречения: «Ни одна партийная организация не принимала участия в этом деле», — а через несколько дней, около 19 — 20 числа, Донской снова восстанавливает связь с этой же организацией и направляет туда же Ставскую для но-

вой боевой работы, говоря, что там от Новикова она может узнать все подробности о Каплан.

Кончилась ли на этом эта эпопея? Был ли выслан отряд из Москвы или нет? Нет. После этого продолжалась экспроприаторская деятельность. Весь вопрос об экспроприациях я постараюсь охватить в самых кратких чертах, поскольку с моей точки зрения ценность и значение этой экспроприаторской деятельности по сравнению с вопросом о терроре представляются в минимальной степени важными. Здесь важно обратить внимание только на следующее обстоятельство: ошибки, которые были допущены в фактической области относительно степени участия отдельных обвиняемых, меня не интересуют; стенограмма есть, и дело суда при определении степени индивидуальной причастности установить точно, кто из участников в какой экспроприации участвовал. Меня интересуют принципиальное отношение ЦК и его связи с этими экспроприациями.

Основной факт — это, конечно, экспроприация на станции Буй. Она признана Центральным комитетом. Был взят миллион денег у артельщика Наркомпрода—это признано. Деньги были, по выражению Тимофеева, «инкассированы в кассу ЦК». И тут этот лакированный дипломат не обошелся без фразы; неловко сказать, что прямо взяли деньги и поделили, пустили на свои нужды; надо сказать с вывертом: «Инкассировали в кассу ЦК». Какова же позиция ЦК по поводу этого «инкассирования?» Позиция Донского следующая: «Перед отъездом моим на VIII совет партии Семенов пришел ко мне и сообщил, что некий артельщик предлагает передать везомую им сумму денег в количестве около миллиона в распоряжение партии; я на эту комбинацию согласился и Семенова благословил на это дело. Приехал Семенов, а возможно, что и Дашевский, и деньги мне передал в количестве 970 000 рублей; я эти деньги передал в ЦК и ЦК их инкассировал». ЦК затем в пленуме обсуждал этот вопрос, вынес порицание Донскому, но деньги взял и вообще решил никому об этом не говорить, чтобы «другим было неповадно».

Статья 76 ч. 2 Уголовного кодекса по этому поводу гласит: «Пособничество и укрывательство банд и отдельных участников, а равно сокрытие добытого и следов преступления караются»... Здесь ЦК отвечает в целом.

После этого имеет место экспроприация 4 октября, когда были экспроприированы деньги в IX почтово-телеграфном отделении в Москве. Семенов опять принес деньги Донскому (я беру версию обвиняемых), Донской говорит: «Как вы смели произвести экспроприацию, тем более, что вы произвели ее без моего ведома?» — «Да, позвольте, я деньги принес». — «Берите деньги и уходите, я вас знать больше не хочу». Семенов взял деньги, вышел и потратил их на своих соратников. Я спрашиваю: откуда такой гнев, откуда такое страшное недовольство Семеновым? Я начал спрашивать: в чем разница между первым случаем и вторым? Разница, оказывается, в следующем: объектив-

ные условия одни и те же; те же самые люди совершили, и даже условия те же, и тут и там те, кого грабили, были осведомлены, и в обоих случаях была симуляция. В обоих случаях могли предполагать, что кровопролитий не будет. В Москве нельзя было, говорит Донской. Почему? А в Буе можно? «Я согласен», — сказал Донской, — «если хотите, принципиальной разницы не было; но не было предварительной санкции ЦК». Но так ли, что в данном случае не было предварительной санкции? Если в первом случае ЦК не опубликовал, что эксы недопустимы, а деньги взял, то спрашивается: если Семенов и его группа произвели экспроприацию в Буе, и ЦК взял у них деньги, так они могли предполагать, что и впредь можно это делать, и впредь деньги возьмут? ЦК рассуждал так: если мы опубликуем, что эксов делать нельзя, а деньги мы взяли, то это подействует развращающе; скажут: они только говорят, а деньги взяли Правильно. Но если вы совершенно ничего не публикуете, а деньги берете, то разве не вправе Семенов и его группа рассуждать так: раз взяли, и другой раз тоже возьмут! Принципиальной разницы тут нет, как правильно говорит Донской.

Но беда была в том, что и в том и другом случае санкция была, и сведения об этом были; возьмемте данные о следующей экспроприации Главсахара, когда с ведома представителей ЦК Коноплева пыталась организовать поездку в Питер, чтобы там подобрать работников для этой экспроприации. Ведь когда встал вопрос о деятельности Коноплевой, то Донской уже в январе или декабре 1919 года сказал Агапову, когда Коноплева просилась в группу: «Не бери ее», — но почему «не бери», об этом не сказал. И самому Семенову за его второе нарушение, за самовольную якобы экспроприацию ничего не было? Экспроприация была 4-го, а 26-го Семенов был арестован; в течение 22 дней никаких мер ЦК в отношении к Семенову не принял, никаких репрессий не было, да и не могло быть принято. Ибо если бы мы опросили здесь членов ЦК Ракитникова и Буревого и, может быть, других, знали ли они что-нибудь относительно этих экспроприаций, то оказалось бы, что они ничего не знали. Это была круговая порука Донских, Гоцев, Семеновых и Коноплевых... и с репрессиями надо было быть осторожней...

Этих двух фактов совершенно достаточно, чтобы охарактеризовать позицию ЦК и степень его участия. Показания свидетеля Рейснера о том, что и он с Рабиновичем говорили в свое время о проекте экспроприации театральной кассы в Петрограде, показания Ефимова, что он в другом случае говорил с Донским по поводу проекта экспроприации какой-то транспортной конторы, тот факт, что Ефимов поступил специально в охрану губпродкома и что подготовка буйского экса имела длительный характер показывают что говорить о том, что Донской об этом узнал только 5 мая, накануне VIII совета, — тоже нельзя: ведь подготовка экспроприации в Буе заняла две поездки — в

Астрахань и Архангельск. Поэтому я считаю, что и в этом вопросе связь ЦК с экспроприаторами установлена.

Остановлюсь еще на философии Тимофеева по вопросу о проекте экспроприации русского золота, которое вывозилось в Германию. Чтобы выяснить истинные цели этого экса без идеологической шелухи, позвольте напомнить диалог по этому поводу с обвиняемым: «Все казенное имущество, находящееся в руках власти, с которой мы вели борьбу, брать можно», — говорит Тимофеев. — «И золото?» — спрашиваю я. — «И золото можно». — «Зачем же золото бросать на улицу, как якобы хотели вы сделать, взорвав поезд и оставив золото разбросанным на путях?» — «Затем, что мы не находили целесообразным брать», — говорит Тимофеев. — «Почему же?» — «Сорок тысяч причин было, — отвечает нам философ, — и первая — мы не желали себя ослаблять, потому что не каждое золото укрепляет» Гм...? Я спрашиваю: «Так это золото вас не укрепило бы, а бумажки артельщика, те укрепили бы?» Тимофеев отвечает: «Да, укрепили бы». — «Ну, а если бы артельщик, которого вы ограбили, имел не бумажки, а золото, то это золото можно было бы взять?» Тимофеев отвечает: «Это можно брать». Вот и разберите эту философию Центрального комитета.

Вопрос, конечно, гораздо проще. Учинять демонстрацию и разбрасывать золото на линии железной дороги они едва ли хотели, а гораздо проще, попросту хотели увезти это золото вне всякой связи с Брестским миром и выявлением своего «национального лица». И тут, как и в других случаях, говорит правду Семенов, а не Тимофеев. Ссылка, что у нас, дескать, в Самаре было и так много золота, — эта ссылка в условиях московской жизни значения не имела. Опять-таки в этом вопросе отражается та же любовь к фразе и пустопорожней болтовне, — и только. Вот, приблизительно, то, что необходимо было сказать по обследованию обстоятельств, связанных с террористической деятельностью партии с.-р. Мне остается теперь немного: перейти к подведению окончательных итогов и к определению степени уголовной ответственности каждого из обвиняемых.

Подведение итогов процесса и значительный абзац речи должны содержать в себе определение, с одной стороны, индивидуальной вины каждого из обвиняемых, и с другой стороны, определение состава преступления с точки зрения действующих карательных норм. Для того, чтобы определить основную точку зрения для оценки действия подсудимых, надо обратиться, конечно, раньше всего к точной формулировке закона, определяющего понятие контрреволюционных действий.

Согласно определению ст. 57 Уголовного кодекса, советская власть признает контрреволюционными всякие действия, направленные на свержение завоеваний пролетарской революции и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьян-

ского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистическому обществу, и стремится к ее свержению путем блокады и иными средствами. Это определение закона, лежащее в основе главы I, раздела I о государственных преступлениях, является основным при разрешении вопроса, есть ли состав преступления в тех действиях, сущность которых прошла на судебном следствии. Вот основной, определяющий принцип. И если действия подсудимых были направлены на свержение советов, на установление иных форм государственной и политической власти, на ниспровержение завоеваний Октябрьской революции и диктатуры рабочего класса и трудящихся масс, если этот факт является установленным, то выводом отсюда должно следовать признание наличности состава преступления и контрреволюционного характера разбираемых и обследуемых действий.

Следует только определить, были или не были действия, направленные на свержение власти.

Резолюции VIII совета, IX и X советов партии эсеров решают этот вопрос совершенно ясно, отчетливо и бесповоротно. Действия подсудимых, в частности членов ЦК, руководящих деятельностью остальных партийных организаций, как это явствует из их личных заявлений здесь на суде, из резолюций партийных советов и из фактов, которые прошли на судебном следствии, были, несомненно, направлены на свержение советской власти и рабоче-крестьянского правительства. С другой стороны, факты из их деятельности, которые прошли на судебном следствии, касающиеся сношений их с представителями буржуазно-капиталистических держав, с ясной точностью и бесповоротностью устанавливают, что своими действиями они оказывали помощь международной буржуазии, стремившейся к свержению коммунистической системы и к восстановлению частной собственности. Этот факт запечатлен в резолюции VIII совета партии и в конкретных действиях отдельных подсудимых. Все это является явно и точно установленным, и в этой плоскости эти факты не дают возможности их оспаривать и отрицать. Отсюда ясно, что признаки, которые определены в ст. 57, имеются налицо.

В соответствии с этим ст. 60 Уголовного кодекса гласит: «Участие в организации, действующей в целях свержения преступления, означенного в ст. ст. 57—58, карается так-то». Имеется ли налицо организация, которая действовала в целях, предусмотренных и караемых по ст. 57? Да, имеется разветвленная организация партийно-политического характера, во главе которой стоит данная группа подсудимых: следовательно, участие в организации, действующей в целях, предусмотренных ст. 58, т. е. в целях свержения власти советов и помощи международной буржуазии в борьбе против коммунистической власти, — полностью доказано.

На этом основывается первое обвинение, которое я сейчас

предъявлю в отношении всех до одного подсудимых, за исключением обвиняемого Игнатьева, поскольку его деятельность носила перемежающийся характер, то в связи с данной организацией, как это было в военном отделе Союза возрождения, то изолированно, как это имело место потом в Сибири и далее в другой организации. Состав статьи 60 налицо по отношению ко всем подсудимым. В определенный момент часть их из этой организации вышла, — это касается подсудимых, сидящих во второй группе. Тем не менее, в известный период и по отношению к ним состав 60 статьи представляется с ясностью и точностью определенным — участие в организации, поскольку оно не покрыто амнистией.

Однако требование закона сводится в данном случае к тому, чтобы и при наличности участия в организации так или иначе конкретизировать индивидуальную ответственность и индивидуальную виновность. Если бы даже со стороны тех или иных подсудимых судебное следствие не установило ни одного конкретного факта их деятельности контрреволюционного характера, кроме одной принадлежности к организации, тем не менее, согласно ст. 68 Уголовного кодекса, укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным ст. ст. 56, 57 и 60, также караются; если мы возьмем еще более ослабленный род деятельности, то мы найдем 89 статью — о недонесении о достоверно известных предстоящих или совершенных преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 и 66 Уголовного кодекса. Следовательно, исходя из этих карательных норм, надо признать, что наличность организации — это одно, а пособничество и недонесение, как ослабленная степень, — другое. В крайнем случае недонесение есть тот состав преступления, который по отношению ко всем без исключения подсудимым имеет место и должен считаться установленным. Но об этих статьях я буду говорить постольку, поскольку придется ссылаться на них при определении индивидуальной ответственности.

Ст. ст. 58 и 59, непосредственно расположенные перед статьей об организации, конкретизируют более точно понятие контрреволюционных деяний и карают организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний и вторжений на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре или на местах, или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенный ею договор. Каждый из моментов, предусмотренных этой статьей, имеет место в деятельности подсудимых; и организация вооруженных восстаний, и организация вторжений вооруженных отрядов или банд, и участие в попытке захватить власть в центре или на местах и участие в попытке насильственного отторжения определенной части территории и расторжения заключенных договоров, — все эти элементы, составляющие совокупность признаков, обнимаемых 67 статьей, прошли на судебном

следствии; все они имеют место в качестве доказанных фактов, подлежащих вменению в вину.

Сношения с иностранными государствами, предусмотренные ст. 59, или с их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела республики, объявление войны, или организация военной экспедиции, равно как способствование иностранным государствам после объявления войны — также установлено в отношении обвиняемых.

Попытки подсудимых помочь западноевропейским империалистам использовать Россию в качестве колониальной территории, чтобы потом набивать алчные и бездонные карманы английского и французского капитала, — этот элемент главным образом прошел перед судебным следствием, — имеется налицо и подлежит вменению в вину.

Основное содержание тех обвинений, которые я сверх того предъявляю, сводится к участию в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти, против деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, — ст. 64 Уголовного кодекса.

«Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железных дорог или иных путей и средств сообщения, народной связи, водопроводов и пр., а равно участие в выполнении указанных преступлений» — это ст. 65; наличность признаков, предусмотренных этой статьей, прошла здесь в судебном следствии.

Дальше: «Участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче, сообщении или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям» — это ст. 66. Этот состав преступления установлен здесь при анализе событий 1918 года.

Наконец к этим основным статьям надлежит добавить и ст. 69 «Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия рабоче-крестьянскому правительству»; состав преступления, характеризуемый этими признаками, равным образом имел место среди фактов, обследованных на судебном следствии.

Наконец: «Изготовление, хранение с целью распространения и распространение литературы контрреволюционного характера» — ст. 72, поскольку этот факт подлежит вменению в вину Львову, одному из подсудимых первой группы, он также установлен на судебном следствии.

Наконец, ст. 76: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановка поездов и разрушение же-

лезнодорожных путей», — состав этих преступлений также является доказанным.

Вот основной угол зрения, с которым надлежит подходить при определении степени индивидуальной вины и индивидуальной ответственности.

1. Переходя к этому моменту, я должен указать, что прежде всего обвиняемый Гоц является членом ЦК партии с.-р., одним из наиболее ответственных и видных ее руководителей, пользующийся наибольшим авторитетом, для спасения которого остальные деятели не останавливались перед тем, чтобы поставить вопрос о возможных жертвах другими членами своих организаций, в частности членами боевой группы Семенова. С первого же момента организации юнкерского восстания и во всей дальнейшей работе, которую проводила военная организация, военный отдел Союза возрождения, в работах Центрального комитета в Москве и в дальнейшем, когда Гоцу уже удалось перейти на юг, в работах южного бюро ЦК, и, наконец, в непосредственном его руководстве боевой группой и ее террористической деятельностью контрреволюционная деятельность обвиняемого Гоца представляется полностью доказанной. Поскольку 60 статья предусматривает деятельность, указанную в статьях 58 и 59, постольку нет необходимости вменять специально обвиняемому Гоцу 58 и 59 статьи, а достаточно предъявить одну лишь 60, указав в мотивировке, что он является одним из руководителей этой организации и совершал деяния, предусмотренные в частности ст. 58, а именно организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний, как это было в Петрограде, вооруженного вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов-банд и т. д.

Вот почему первое обвинение, которое я предъявляю обвиняемому Гоцу, заключается в принадлежности к этой организации, по 60 статье. Дальше, поскольку ст. 64 предусматривает участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, а ст. 15 Общей части указывает: «За преступления наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники», — постольку на основании ст. 15 Общей части Уголовного кодекса статья 64 Особенной части подлежит, главным образом, в полной мере вменению обвиняемому Гоцу. И, наконец, то заседание ЦК, на котором было постановлено инкассировать похищенный миллион и взять деньги, есть предусмотренное ст. 76 ч. 2 «пособничество бандам, укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие добытого и следов преступления». В данном случае и ст. 76 в ее 2 части безусловно подлежит вменению обвиняемому Гоцу. Вот почему я полагаю, что в отношении обвиняемого Гоца подлежит признанию наличность признаков, предусмотренных ст. 60, на основании ст. 15 Общей части, ст. 64 и 2 частью ст. 76.

2. Обвиняемый Донской, член ЦК партии с.-р., один из наиболее авторитетных и наиболее видных практических ру-

ководителей ее работ, руководивший работой в Петрограде, в Москве и в Саратове, а затем снова в Москве по возвращении, и, наконец, впоследствии принимавший участие в Южном бюро ЦК. В отношении Донского имеется наличность целого ряда статей, помимо ст. 60; прежде всего ст. 66, а именно: участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче сообщений или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям в контрреволюционных целях или за вознаграждение. Этот состав преступления подлежит посему особой квалификации и особой постановке. Далее ст. ст. 64 и 15, за подстрекательство к участию в совершении террористических актов, подлежат полностью равным образом вменению. Ст. ст. 65 и 15, т.-е. подстрекательство и пособничество в контрреволюционных целях организации взрывов, разрушений, поджогов железнодорожных путей и средств сообщения, как это имело место в саратовской и московской деятельности Донского, подлежат равным образом вменению. Дальше ст. 76, выражающаяся как в укрывательстве и пособничестве бандам, так и в подстрекательстве к участию в бандах и в организации банд для налетов и грабежей. Итак, ст. ст. 60, 64, 65 и 76, на основании ст. 15 Общей части,— вот статьи, подлежащие вменению Донскому.

3. Обвиняемый Герштейн, член ЦК партии эсеров, по уполномочию партии вел контрреволюционную работу по подготовке вооруженного восстания в Петрограде и такую же работу по организации вторжения на советскую территорию на Украине; контрреволюционную работу во время пребывания в ЦК, затем — по своем возвращении и во время своей поездки на Урал. В отношении обвиняемого Герштейна налицо состав преступления — подстрекательство к учинению террористических актов, что предусмотрено ст. 15 Общей части и ст. 64 Уголовного кодекса и равным образом, поскольку ЦК весь отвечает за сокрытие краденого, ч. 2 ст. 76, ст. 65 (по организации взрывов и поджогов путей, в бытность его на Урале) и ст. 66 по участию в шпионаже всякого рода, так как устанавливается связь Герштейна с проходившими тогда враждебными войсками Народной армии и чехословацкими легионами. В отношении Герштейна подлежат вменению статьи 60, 64 и 65, на основании ст. 15 Общей части, и ч. 2 ст. ст. 76 и 66.

4. Обвиняемый Раков, член ЦК партии эсеров, подлежит ответственности в качестве деятеля ЦК и члена организации, на основании ст. 60 Уголовного кодекса (как член ЦК, принимавший участие в его работах в Петрограде с IV съезда партии и вплоть до перехода впоследствии через фронт Самарской учредилки, и затем в дальнейших работах ЦК вплоть до ареста), и равным образом по 2 ч. 76 ст. по обвинению в укрывательстве за тот грабеж народного достояния, который был произведен во время экспроприации на станции Буй.

5. Обвиняемый Федорович как член ЦК партии эсеров, один из руководящих участников этой преступной организации, подлежит ответственности по ст. 60 и по 76 ст. 2 ч., как соучастник того же укрывательства и дележа похищенного.

6. Обвиняемый Веденяпин подлежит ответственности как член ЦК, принимавший участие в его работах, по ст. 60, и ответственен по 2 ч. ст. 76 за участие в сокрытии добытого экспроприациями; подлежит ответственности и по ст. 68 за укрывательство и пособничество преступлениям, предусмотренным ст. 64, — за укрывательство террористических актов, поскольку свидания Веденяпина с Коноплевой в момент подготовки первого покушения на Ленина заключают в себе состав преступления, предусмотренного этой статьей как укрывательство преступников.

7. Обвиняемый Гендельман подлежит ответственности по ст. 60, как деятельный член ЦК за все время, в частности как участник той конференции, где им предлагались соответствующие поправки,—поскольку его имя, как участника этой конференции, расшифровано на суде; кроме того, по 2 ч. ст. 76, как член ЦК, за укрывательство краденого.

8. Обвиняемый Лихач как член ЦК по тем же основным ст. 60 и 2 ч. ст. 76 подлежит ответственности, так как это представляется с абсолютной точностью установленным; по ст. 58 — как организатор вооруженных вторжений на советскую территорию и вооруженных восстаний, в частности архангельского; по ст. 59 — за сношения с иностранными государствами. Обе статьи, однако, покрываются ст. 60 и остаются таким образом ст. 60 и 2 ч. ст. 76.

9. Обвиняемый Иванов, член ЦК, подлежит ответственности по ст. 60 как член ЦК и член преступной организации и по 2 ч. ст. 76 наравне с общей ответственностью за экспроприации; по ст. 68 — за укрывательство и пособничество, которые были оказаны им по отношению к деятелям экспроприаторских и террористических организаций, с которыми он через свою сестру Иванову, как участницу этих организаций, имел непосредственную связь. Наконец, по ст. ст. 64 и 65, т. е. за участие в террористических актах в качестве подстрекателя и за участие в нападениях и взрывах в бытность свою в соответствующих организациях на Урале.

10. Обвиняемая Евгения Ратнер подлежит ответственности по ст. 60 как член ЦК, совершившая аналогичные деяния, и по 2 ч. ст. 70 как член организации, принявшая экспроприированные деньги; по ст. 68 — за недонесение, за укрывательство и пособничество, поскольку ей было известно о деятельности террористического характера, в частности в отношении убийства Володарского.

11. Обвиняемый Тимофеев подлежит ответственности по ст. 60 как член ЦК, по ст. ст. 64 и 15 — за участие в подстрекательстве к террористическим актам, по 2 ч. ст. 76 — за

укрывательство краденого и специально по ст. 59 — в качестве его индивидуальной вины, поскольку в отношении его непосредственно и точно доказаны сношения с иностранными государствами в контрреволюционных целях. Последняя статья равным образом покрывается общим смыслом 60 статьи.

12. Из деятелей той же группы подсудимых подлежит в равной мере ответственности Морозов как член Московского бюро Центрального комитета, по ст 60.

13. Артемьев — по ст. 60, с одной стороны, а с другой стороны, и он и Морозов по ст. 68 за недонесение и укрывательство деятельности террористической организации, поскольку после покушения Каплан была установлена определенная связь и участие в этом деле партийной организации группы Семенова, и это для них не представляло никакой тайны В этом отношении налицо имеются укрывательство и пособничество, предусмотренные ст. 68.

14. Агапов в качестве непосредственного работника московской организации поллежит ответственности по ст. 60—как член контрреволюционной организации и равным образом по ст. 65 — как работник в подрывной группе, организованной в контрреволюционных целях для взрывов, поджогов и разрушений железнодорожных путей.

15. Альтовский подлежит ответственности по ст. 60 как член контрреволюционной организации, именовавшей себя областным комитетом Поволжья; он проводил контрреволюционную деятельность, и в частности все сношения с уральской контрреволюционной повстанческой организацией, т. е. участвовал в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 и 69: участие в пропаганде и агитации за свержение власти советов путем насильственных деяний, активных и пассивных актов противодействия рабоче-крестьянскому правительству. Таким образом Альтовскому вменяются ст. ст. 60 и 69.

16. Либеров имеет налицо состав преступления, предусмотренного ст. 60 как член преступной организации, активно работавший для свержения советской власти. В частности обвиняемый по прибытии в Москву, как он признал, указывал явки для помощи деятелям этой же организации. Кроме того, — по ст. 69 за пропаганду и агитацию, проводимые для свержения советской власти по собственному его признанию. Итак, — по ст. ст. 60 и 69.

17. Горьков-Добролюбов — по ст. 60 как и Либеров, и по ст. 69 за пропаганду и агитацию, проводимые контрреволюционной организацией, которая работала в целях свержения советской власти.

18. Дальше, из деятелей той же группы — Львов подлежит ответственности, с одной стороны, по ст. 60 как член контрреволюционной организации и специфически подлежит ответственности за свои действия, которые были установлены после его ареста. В имеющихся в деле показаниях мы находим его

собственные признания относительно того, что ему принадлежат взятые при обыске у него предметы специального оборудования в целях распространения литературы контрреволюционного характера, как равным образом и самая литература. Согласно тем же показаниям он являлся представителем ЦК и выполнял его поручения и контрреволюционную работу против советской власти. Налицо имеются и 69 и 72 статьи вместе с основной ст. 60.

19. И, наконец, Игнатьев; здесь налицо сравнительно изолированные действия, связанные лишь косвенно с организацией партии социалистов-революционеров. Их надлежит квалифицировать индивидуальными статьями без статьи об организации, а именно: по ст. 58 — организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний и вооруженного вторжения на советскую территорию; по ст. 59 — сношение с иностранными государствами или с их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству; по ст. 65 — за организацию в контрреволюционных целях разрушения и повреждения взрывами и поджогами железнодорожных путей в бытность его в Вологде; по ст. 66 — за шпионаж всякого рода; по ст. 68 — за укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным ст. ст. 59 и 68; по ст. 69 — за агитацию, выражающуюся в призывах к свержению власти советов, и по ст. 70 — за пропаганду и агитацию, направленную к оказанию помощи международной буржуазии, организующей вооруженную интервенцию. Итак, — по ст. ст. 58, 59, 65, 66 и 70. Вот та совокупность преступлений, которые я вменяю в вину Игнатьеву.

20. Перехожу к другой категории обвиняемых. На первом месте этого списка стоит Ратнер Григорий; ему не подлежит вменению ст. 60, т. е. принадлежность к организации, из которой он в определенный момент ушел, тем не менее я предъявляю обвинение по ст. 89, т. е. за недонесение о достоверно известных, предстоящих или совершенных преступлениях, предусмотренных ст. 58, в частности о террористических актах и экспроприациях.

21. Семенову, ввиду амнистирования в свое время при ликвидации саратовского дела, преступления, предусмотренного статьей Уголовного кодекса, карающей за работу военного характера, подлежат вменению: ст. 64, т. е. участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, ст. 65, т. е. организация разрушения или повреждения взрывами и поджогами железнодорожных путей, и ст. 76 — непосредственное участие в бандитских налетах и ограблениях советских и частных учреждений и отдельных граждан. Итак, ст. ст. 64, 65 и 76 я вменяю Семенову.

22. Ввиду того, что военная работа Дашевского амнистирована, согласно постановлению Верховного трибунала от 1919 года, то в отношении Дашевского остаются исключительно

ст. 15 Общей части, ст. 64 — виновность в подстрекательстве и пособничестве при выполнении в контрреволюционных целях террористических актов и в частности в пособничестве и сведении Каплан с группой Семенова; ст. 68 — недонесение, укрывательство и пособничество преступлениям, предусмотренным предыдущими статьями, в том числе экспроприациям и террористическим актам по 2 ч. ст. 76. Вот те статьи, которые подлежат вменению в вину Дашевскому.

23. По отношению к К о н о п л е в о й, при ликвидации ст. 60, остается ст. 64, т. е. участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, ст. 76, т. е. участие непосредственно в бандитских нападениях и различных ограблениях, и ст. 68 — недонесение, укрывательство и пособничество.

24. Е ф и м о в, — поскольку амнистируется его военная работа, постольку остается ст. 64 — участие в организации террористических актов, ст. 76, т. е. участие в бандитских нападениях и ст. 68, т. е. укрывательство и пособничество.

25. У с о в — остается ст. 64, т. е. непосредственное участие в террористических актах, ст. 76 — бандитские нападения и 68 — укрывательство и пособничество.

26. К о з л о в — ст. 64 — террористические акты, ст. 76 — бандитские нападения и ст. 68—укрывательство и пособничество.

27. З у б к о в — ст. ст. 64, 76, 68 и 65; они касаются террора, участия в попытках взрывов, поджога железнодорожных путей и т. д.

28. П е л е в и н — ч. 1 ст. 76 — бандитские налеты и ограбления и недонесение по ст. 68.

29 Затем — С т а в с к а я; если ст. 60 отпадает поскольку Ставская вышла из преступной организации, то остается 2 ч. ст. 76, ст. 68, т. е. недонесение, и специально ст. 213 из абзаца военных преступлений, в которой указано: «Военный шпионаж, т. е. агентурное обслуживание неприятельских армий, собирание и передача неприятелю всяких сведений, осведомленность в коих может способствовать неприятелю в его враждебных действиях против республики». Итак, — ст. ст. 68, 2 ч. 76 и 213.

Остаются трое подсудимых:

30 — У т г о ф-Д е р ю ж и н с к и й, 31 — Б е р г и 32 — М о р а ч е в с к и й.

Прежде всего, по отношению обвиняемого Берга мы имеем наличе ст. 60 в качестве принадлежности его к организации. Однако конкретные политические факты, которые вменялись в вину обвиняемому Бергу, т. е. участие в контрреволюционной организации в марте и в дальнейшие месяцы в Петрограде и Москве, в собрании уполномоченных, не могут быть вменены ему в вину, ибо дело было прекращено Верховным трибуналом в свое время в 1919 году. Поскольку это обвинение отпадает, остается из конкретных фактов исключительно вопрос об его участии по подготовке выступлений во время волнений на Обуховском заводе. По поводу участия Берга здесь имел место целый ряд не-

точностей и неясностей, и поэтому я не могу найти достаточного основания, чтобы вменить ему это обстоятельство в вину как конкретное и определенное деяние. Вот почему в отношении Берга остается в силе, во-первых, его заявление о том, что он мало боролся и впредь намерен еще бороться, и с другой стороны, наличность принадлежности к организации.

Дальше, в отношении обвиняемого Морачевского остается, с одной стороны, наличность участия в организации, с которой он сам покончил, ибо он из этой организации вышел, и с другой стороны, то обвинение, которое я полагал бы возможным первоначально предъявить ему по ст. 68; она карает «укрывательство при неосведомленности о конечных целях преступления». Однако я не могу найти полностью состава и признаков этой статьи, ибо допросом Коноплевой, Федорова, Козлова и Семенова устанавливается неосведомленность Морачевского о том, что в эту ночь Сергеев действительно ночевал в комнате Семенова. Таким образом в области состава фактических данных остается в отношении обвиняемого Морачевского такое же положение, как и в отношении обвиняемого Берга.

Наконец, в отношении обвиняемого Утгофа мы имеем такое же положение, ибо определенные данные, которые проходят по делу, относятся либо к его деятельности в период Самарской учредилки, т. е. к тому, что не подлежит обвинению в настоящий момент, либо к его деятельности в качестве работника военной комиссии до IV съезда партии социалистов-революционеров, когда деятельность этой комиссии не приняла еще явно заговорщического характера; значит, и тут фактического материала не остается. Вот почему в отношении этих трех подсудимых мне представляется необходимым остановиться на ст. 49 Общей части Уголовного кодекса. Эта статья гласит: «Лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет». Согласно признакам указанной статьи и тому материалу, который имеется в отношении трех лиц этой группы обвиняемых, я нахожу единственно возможным с моей точки зрения применить к ним ст. 49 Общей части в качестве меры социальной защиты республики. Я полагал бы возможным ограничиться применением к ним исключительно этой статьи, причем равно в отношении Берга, Утгофа, Морачевского и в отношении Злобина, ибо Злобин находится в том же положении; мы имеем только наличность ст. 60, но не видим точных фактов. Кроме того, имеется заявление Злобина, написанное им во время предварительного следствия, где на вопрос, предложенный ему о подписке, он написал, что целиком и полностью будучи согласен с тем, что изложено в этой подписке, он тем не менее отказывается ее подписать, полагая получить не амнистию, а оправдание... Вот, исходя из этих соображений, я полагаю, что, поскольку установлена тесная связь всех этих че-

тырех подсудимых с преступными социальными элементами, есть возможность по отношению к ним исходить только из признаков ст. 49 Общей части Уголовного кодекса. Поскольку деятельность данных лиц в населенных территориях местностей РСФСР может представлять, с моей точки зрения, достаточную опасность для республики, я полагал бы, что к этим гражданам должно быть применено лишение права пребывать в местностях, где есть населенные центры, и все эти четыре лица — Берг, Уттоф, Морачевский и Злобин — подлежат высылке на указанный судом срок в северные местности России. Я думаю, что эта мера социальной защиты должна быть в данном случае применена, поскольку задачей нашей власти является принятие мер к обеспечению республики от дальнейшей преступной деятельности этого рода элементов.

Следующая группа лиц, на которых приходится остановиться при точном определении меры репрессии, — это та группа, которая занимает правую скамью подсудимых и которая своим поведением за истекший период и показаниями, данными на суде, помогла раскрыть рассмотренные здесь преступления. Исходя из этих соображений, я полагаю, что трибунал при решении вопроса о мерах наказания обязан исходить из общих соображений, изложенных в руководящих началах Общей части Уголовного кодекса, где наказание, как таковое, рассматривается как мера предупреждения новых преступлений и лишения преступников возможности совершать таковые. Поскольку, с точки зрения нашей советской юстиции, наказание момента мести не преследует, постольку лишь от трибунала будет зависеть, подвергать ли их наказанию. Я укажу лишь на то, что в данном случае суровая норма закона требует в высшей степени суровой меры репрессии; норма закона, от которой я лично, как представитель государственного обвинения, ни в коей мере не могу отступить, по этой категории преступлений требует высшей меры наказания.

Исходя из понимания опасности этих преступлений, закон указывает, что по смягчающим обстоятельствам понижение наказания может иметь место по ст. ст. 64 и 65 исключительно не ниже пяти лет со строгой изоляцией, и эта норма определяет низший предел возможного в этом случае понижения. Одновременно 28 статья Общей части определяет, что суд в известных случаях может и вправе определить норму наказания ниже низшего предела, но не иначе, как точно изложив мотивы понижения. Соответственно с этим, согласно ст. 330 Уголовно-процессуального кодекса, если суд по внутреннему убеждению признает справедливым по обстоятельствам дела не подвергать подсудимого вовсе наказанию, он может это сделать, исключительно изложив мотивы своих действий, и по этому поводу войти с ходатайством в Президиум ВЦИК о проведении в жизнь своего решения.

Я обязан, как представитель государственного обвинения,

только формулировать эти юридические нормы как законные пути, которыми в данном случае располагает суд. Это моя обязанность. Из этого отнюдь не вытекает, что в данном случае это является в какой-либо мере указанием для суда, которое он может или обязан непосредственно принять к сведению или исполнению. Вопрос стоит таким образом: должно или не должно при индивидуальной оценке каждого из данных подсудимых найти возможность применения и права понижения наказания ниже пяти лет. Это право предусмотрено ст. 28 Общей части Кодекса, и последнюю грань этого права указывает 330 статья. Я лично полагаю, что этот вопрос может стоять по отношению лиц, относительно которых на судебном следствии доказано, что они по собственной инициативе, по собственному побуждению отказались и сами не приняли мер к окончательному доведению до конца своих преступных намерений.

Дальше, переходя от этих общих соображений об обвиняемых второй группы к индивидуальной их оценке, мы сталкиваемся прежде всего с Семеновым, Коноплевой Ефимовым, Федоровым-Козловым, Зубковым и Усовым, затем с Пелевиным, Григорием Ратнером и Игнатьевым. Я считаю нужным указать суду, что, если в отношении обвиняемых Семенова, Коноплева и Григория Ратнера он пожелает учесть деятельность, которая была проявлена ими впоследствии, то в этом отношении закон равным образом дает соответствующие указания, по ст 24 при определении меры наказания должны быть учтены степень и характер опасности самого преступника, и для этого подлежит обследованию личность преступника, выяснение образа жизни и прошлого, насколько преступник нарушает или нарушал основы данного порядка; здесь должно быть принято во внимание все то, что по данным следствия в отношении его установлено И только этим кратким указанием соответствующего закона я ограничу свое заявление.

Я должен дополнительно указать в отношении этой группы, что так же стоит вопрос в отношении Дашевского и Ставской, где имеются данные об их последующей деятельности, и особо стоит вопрос только по отношению обвиняемого Игнатьева. И здесь я устанавливаю, что преступления, совершенные обвиняемым Игнатьевым, с моей точки зрения, являются тягчайшими преступлениями против республики.

Только если суд признает наличие такой устойчивости у Игнатьева, которая гарантирует, что он не может считаться социально-опасным, — только в этом случае возможна постановка вопроса относительно применения соответствующих статей закона, разрешающих смягчать наказание. Если же для суда останется недоказанным утверждение относительно дальнейшей социальной безвредности Игнатьева, то все эти статьи закона остаются в силе. и я принужден и считаю своей обязанностью указать ту санкцию, которая в данном случае этими статьями полагается. Мы имеем ст. 58, в качестве нормальной меры наказания

без смягчающих обстоятельств требующую высшей меры наказания, ст. 59, требующую высшей меры наказания, ст. 65 — высшая мера наказания и ст. 66 — также высшая мера наказания. По ст. 68 — не ниже одного года, по ст. 69 — не ниже трех лет и по ст. 70 — изгнание из пределов России и лишение свободы не ниже трех лет. Вот какую тяжелую меру репрессий определяет закон за совершенные Игнатьевым преступления, вот какую квалификацию имеет в данном случае трибунал. И поскольку всякий трибунал в качестве исключительного суда, а Верховный трибунал — тем более, обязан стоять на страже интересов республики и рабочего класса в его будущем и в его настоящем, постольку, обозревая деятельность Игнатьева в прошлом, я прошу суд сугубо взвешивать и сугубо расценивать вопрос о том, возможна ли в данном случае постановка вопроса о наличности условий, позволяющих признать Игнатьева политически безвредным.

Я позволю себе теперь перейти к категории подсудимых первой группы и к оценке их деятельности.

Оставляя в стороне первую, уже рассмотренную четверку, я должен установить, что не вижу большой и принципиальной разницы между деятельностью отдельных подсудимых в индивидуальной их оценке; мы имеем сплоченную деятельность лиц, которые в своих декларативных заявлениях на суде и в своей конкретной практической деятельности проявили определенное упорство в достижении поставленных целей. Вот почему при разрешении вопроса о степени их индивидуальной виновности для меня не представляется необходимым, за исключением выделенной группы четырех, специально индивидуализировать разницу.

Ст. 60 в той ее формулировке, как она указана в законе, карает наказанием, предусмотренным 1 ч. и 2 ч. 58 ст., т. е. высшей мерой наказания с конфискацией всего имущества и с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не меньше пяти лет. Неосведомленность участников о конечной цели допускает понижение наказания до лишения свободы не ниже трех лет, но это отпадает в данном случае, ибо их осведомленность — налицо. Считаясь же с тем, что ст. ст. 64 и 15 Общей части, 65 и 66, т. е. пособничество террористическим актам, организации взрывов, шпионажа, и ст. 76 во второй ее части, т. е. пособничество при разделе краденого не являются теми статьями, которые имеют более мягкую меру наказания, постольку основное наказание остается одним и тем же: высшая мера наказания. Вот почему, не видя индивидуальной разницы, я бы поставил это требование как общую меру, но при одном условии: если трибунал признает, что учиненные преступления требуют именно такой меры и что только эта мера сможет обезопасить республику от этих лиц и от их дальнейшей преступной деятельности. На этом последнем вопросе я позволю себе остановиться несколько подробнее.

Товарищи судьи, мы знаем, каким образом в настоящее вре-

мя действуют представители соглашательских партий II интернационала и как относится международная буржуазия к деятельности партии эсеров. Если нам известна и документально доказана та работа по широкой агитации, которая была поднята ими для того, чтобы помешать совершиться делу правосудия, — работа, начатая еще тогда, когда вопрос о судебном процессе не стоял как вопрос сегодняшнего дня, и шло только предварительное следствие; если мы знаем, что на конференции в Берлине, от имени которой здесь выступали в первые дни процесса иностранные защитники, ставился уже вопрос о том, чтобы во что бы то ни стало предотвратить высшую меру наказания; если мы знаем, что в настоящее время развивается бешеная агитация в этом направлении, — то надлежит поставить прежде всего вопрос о политическом значении и политическом содержании этого явления.

Какой политический и исторический смысл имеет шум, который поднят? В течение пяти лет борется советская республика, в течение пяти лет со всем напряжением своей умственной и физической энергии работали обвиняемые, чтобы предать страну и установить еще большую разруху, страдания и лишения, чем те, которые переживала Россия в течение этих лет. Не раз и не два они были в руках представителей государственной власти и чрезвычайных органов в такие моменты, когда эти органы имели чрезвычайные полномочия; но благодаря тем или иным обстоятельствам им удалось уцелеть во время этих тяжелых этапов развития нашей революции. В настоящий момент, когда государственная власть, укрепившись, предоставила возможность дать необходимые судебно-правовые гарантии при рассмотрении политических преступлений, эти права и гарантии были предоставлены и этим подсудимым. Спрашивается, в какой же мере, в какой степени и для каких целей использовали подсудимые эти права, эти гарантии?

При подведении итогов политической деятельности, прежних ошибок и прежних заблуждений и при определении нового направления дальнейших путей и дальнейших действий,—что мы имеем со стороны признанных вождей, руководителей крупной политической группировки в России? Правда, эта группировка политически ослаблена, от нее ушли низовые, лучшие элементы, но по ходу вещей она является той политической группировкой, к которой могут примыкать антисоветские слои мелкобуржуазной демократии, за которыми двигаются тяжелые фаланги международной и российской буржуазии. Эта политическая группировка в лице ее авангарда использовала данные ей в свое время правовые гарантии лишь для торжественного и громкого заявления, что и впредь работа ее будет продолжаться для достижения тех же преступных целей — свержения советской власти и нанесения дальнейшего вреда республике. Исходя из этого заявления, исходя из этого факта, как относятся международная буржуазия и ее прихлебатели в виде со-

глашателей разного толка к самому факту существования Советской республики? Исходя из того, что нам предстоят в ближайшем будущем новые, тяжелые, может быть, моменты, в особенности на поприще отстаивания своей экономической самостоятельности от хищнических потуг и прожектов использования нашего тяжелого положения международным капиталом, — надо признать, что в этих условиях единственная правильная политическая линия — твердость государственной власти. С этой точки зрения подлежит оценке деятельность подсудимых при определении меры наказания.

Мы видели за эти годы с их стороны ряд попыток вооруженного восстания. Что же, гарантированы мы от этих попыток в будущем? Или, наоборот, согласно резолюции X совета и согласно предшествовавшим фактам в течение 1920 и 1921 годов, мы имеем работу, направленную на новую организацию и новые попытки подготовить вооруженное свержение советской власти? А в области помощи международной буржуазии, в ее потугах и стремлениях к свержению пролетарского государства, после опыта в Самаре и в Архангельске, разве мы не имели указания, что старые уроки ничего не дали и что теперь мы стоим опять перед теми же перспективами? Опыт проведения в жизнь резолюции IX совета партии эсеров показал, что в этом отношении никаких гарантий нет. Даже несмотря на отдельные пожелания, которые в свое время высказывал в письме по поводу пункта сентябрьской конференции обвиняемый Веденяпин, на деле эти желания остались желаниями, и индивидуальные точки зрения— индивидуальными точками зрения; на деле мы имеем перед собой опять тот же самый сплошной фронт, начиная от Веденяпина и других и кончая Авксентьевым и Керенским, Бахметьевым и парижскими толстосумами. Это — политический факт, и как политический факт он подлежит оценке; только исходя из его оценки, следует определять степень опасности подсудимых. Я вовсе не хотел бы этими словами запугивать подсудимых: такого желания у меня нет, это не мое дело и не этим делом я должен здесь заниматься. Я здесь подхожу совершенно безотносительно даже к индивидуальной характеристике отдельных лиц с этой скамьи подсудимых. Я подхожу только к политическим фактам, только к анализу природы данной политической группировки. Я подхожу к общему итогу за все эти пять лет, потому что в итогах за этот период эти рыцари печального образа остались неизменными и, подобно рыцарю Гринвальдусу, они сидят сейчас на своей скамье подсудимых такими же, каким тот сидел под окном своей Амалии в свое время. Вот почему нет надежды объективно, исторически и политически, нет возможности полагать что здесь мы впредь будем иметь перед собой что-либо иное, кроме тех же ожесточенных вечных противников. Даже если бы новые уроки истории заставили их на время, как это было в 1919 году, выказать колебания, подобно Веденяпину, то новый курс приведет их опять к старому кур-

су — снова на Самару. Даже если бы такого рода заявления были сделаны, верить им все же нельзя, ибо социальная природа и логика социальной среды, которую эти люди представляют, сильнее, чем формальная логика. Эта логика имеет свою внутреннюю последовательность, и она всегда приведет к сплошному единому фронту против нас. Вот почему я думаю, что в этой плоскости не может быть никаких иллюзий.

А теперь — посмотрите на степень вреда, который уже принесен республике. О степени этого вреда я говорил в первой части своей обвинительной речи, когда упоминал о тех ужасах, которые пришлось в 1918 году пережить истерзанной, измученной стране. Мы видели, что даже вопрос борьбы с голодом, с этим величайшим несчастьем, которое обрушилось на нашу страну, — даже он ставился эсерами исключительно в качестве способа использования этого несчастья как агитационного средства для борьбы против советской власти. Что мы со страшным напряжением сил ведем нашу борьбу, что со страшным напряжением сил мы продолжаем строить наше государство в неимоверных трудностях, — это остается для них пустым звуком, фактом, мимо которого они проходят, как мимо не стоящего внимания.

Я верю, что большого вреда, свержения советской власти не добиться, конечно, этой политической партии; если чего-нибудь ей и удавалось добиться, то только того, чтобы ее же раздавливали разные контрреволюционные элементы всякий раз, когда она приближалась к власти. Но что в грядущих перспективах новых тяжелых переживаний, новых тяжелых лишений и страданий в лице подсудимых мы найдем людей, которые сделают все, чтобы до максимальной степени увеличить эти страдания, увеличить лишения и трудности, которые стоят на пути советской власти и русских рабочих и крестьян,—в этом, на основании фактов, которые здесь прошли, не приходится сомневаться. Вот почему я думаю, товарищи, что нам надлежит с совершенной ясностью и хладнокровностью сказать: не вопрос исторической оценки прошлого в настоящий момент занимает нас, не вопрос о том, как суд истории будет оценивать творимое нами дело. Быть может, некоторые из них находят свое утешение в том, что когда-нибудь летописец будет о них или об их поведении на суде отзываться с похвалой, — что же, пусть им сие будет в утешение. Пусть некоторые из них, изображая собой российскую мадам Ролан, повторяют: «О, свобода, сколько преступлений творится во имя твое!» Пусть любовь к фразе, самая фраза, как существо и содержание всего их политического мышления, даст возможность им еще раз сделать здесь свой последний жест.

Мы знаем одно — преступлением и непоправимой ошибкой будет, если в настоящий момент, когда благосостояние республики является высшим законом, во имя которого все должно быть принесено в жертву, мы окажемся снисходительными. В мо-

мент, когда буржуазные воротилы и их приспешники в Западной Европе полагают, что под их дудку заявлений и требований они могут заставить плясать советскую власть, — пусть трибунал поставит вопрос только так: государственная власть есть власть, основанная прежде всего на сознании собственной силы и собственной непреклонной воли в осуществлении своих обязательств перед трудящимися массами. Эти обстоятельства требуют обезопасить республику, и если старые древние римляне имели хорошую поговорку: «Caveant consules ne quid Respublica detrimenti capiat»,[1] — то пусть этим указанием равным образом руководствуется трибунал. Надо блюсти, чтобы республика не потерпела вреда, надо блюсти, чтобы всегда и во всем интересы республики были выше всего, что бы ни говорили, что бы ни кричали здесь, в России или в Западной Европе, представители соглашательских партий.

Задачей трибунала является прежде всего установить, что эти люди социально опасны, и нет надежды на то, что их действия изменятся. Трибунал есть орган классовой борьбы рабочих, направленный против их врагов; поэтому я полагаю, что при постановке вопроса о мере наказания в отношении всей группы этих лиц, за исключением только четверых, которых я выделил, должна быть поставлена, согласно требованию закона, та мера наказания, которая по совокупности определена законом. Приговор должен быть один: расстрел всех до одного за все преступления, за всю кровь, за весь ужас, за все страдания, за все лишения, которые в течение пяти лет нам приходилось выносить и которые сознательно причинили республике эти лица, заявившие здесь, что они и впредь не отказываются от того, чтобы все силы, умственные и физические, как еще говорил тогда Чернов на IV съезде, направить на то, чтобы приносить и в дальнейшем вред нашему делу, за которое мы уже пять лет боремся. Мы выстрадали себе это право самозащиты и самообороны против наших врагов. Я требую высшей меры наказания.

Верховный трибунал ВЦИК постановил:

1. Г. М. Ратнер и Ю. В. Морачевского считать по суду оправданными.

2. П. В. Злобина подвергнуть тюремному заключению сроком на два года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

3. Г. Л. Горькова-Добролюбова — тюремному заключению на три года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

4. И. С. Дашевского подвергнуть тюремному заключению сроком на три года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ.

---

[1] Т. е. блюдите, консулы, чтобы государство не понесло ущерба.

5. Ф. Е. Ставскую подвергнуть тюремному заключению сроком на два года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ.

6. В. Л. Утгоф-Дерюжинского, Е. Ф. Берга и М. Л. Львова подвергнуть тюремному заключению на пять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

7. П. Н. Пелевина подвергнуть тюремному заключению сроком на три года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

8. К. А. Усова, Ф. В. Зубкова и Ф. Ф. Федорова-Козлова подвергнуть тюремному заключению сроком на пять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

9. П. Т. Ефимова (считая обвинение доказанным) подвергнуть тюремному заключению на десять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключению.

10 А. В. Либерова и Н. И. Артемьева (считая обвинение по ст. 60 доказанным) подвергнуть тюремному заключению на десять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

11. Д. Ф. Ракова, Ф. Ф. Федоровича и М. А. Веденяпина подвергнуть тюремному заключению сроком на десять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

12. А. Ф. Гоца, Д. Д. Донского, Л. Я. Герштейна, М. Я. Гендельман-Гробовского, М. А. Лихача, Н. Н. Иванова, Е. М. Ратнер-Элькинд, Е. М. Тимофеева, С. В. Морозова, В. В. Аганова, А. И. Альтовского, В. И. Игнатьева, Г. И. Семенова, Л. В. Коноплеву, Е. А. Иванову-Иранову — расстрелять.

Принимая во внимание, однако, что Игнатьев бесповоротно порвал со своим контрреволюционным прошлым, добросовестно служит советской власти и является элементом социально безопасным, Верховный трибунал обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством об освобождении его, Игнатьева, от наказания.

В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской и Дашевского Верховный трибунал нашел: эти подсудимые добросовестно заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции; поняв на деле контрреволюционную роль партии с.-р., они вышли из нее и ушли из стана врагов рабочего класса, в каковой они попали по трагической случайности. Названные подсудимые вполне осознали всю тяжесть содеянного ими преступления, и трибунал, в полной уверенности, что они будут мужественно и самоотверженно бороться в рядах рабочего класса за советскую власть против всех ее врагов, ходатайствует перед Президиумом ВЦИК об их полном освобождении от всякого наказания.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета постановил:

1. Приговор Верховного трибунала в отношении к подсудимым:

Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельман-Гробовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е. Ивановой-Ирановой, приговоренным к высшей мере наказания, утвердить, но исполнением приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот, применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно повлечет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и осужденные к долгосрочному заключению остаются в строгом заключении.

2. В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

ПРОТИВ

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

эпохи 1925—1931 годов

ДЕЛО НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ

В Специальном присутствии Верховного суда СССР 24 июня—3 июля 1925 г. слушалось дело Карла Киндермана, Теодора Вольшта и Максима фон-Дитмара.

Все трое, германские подданные, состояли членами контрреволюционной организации «Консул», поставившей своей целью и одной из задач всяческими способами подорвать и ослабить мощь СССР и свержение советского правительства.

Во исполнение поручения организации «Консул» Киндерман, Вольшт и Дитмар прибыли 14 октября 1924 г. в Москву с целью совершения террористических актов против руководителей коммунистической партии и советского правительства.

В Москве Киндерман, Вольшт и Дитмар приступили к исполнению намеченных в Берлине заданий: по разведке Кремля, по шпионажу среди политэмигрантов, по выяснению связей Коминтерна с КПГ и по выяснению способов наиболее удобной встречи с руководителями РКП(б) и советской власти для выполнения своих террористических планов.

Киндерман, Вольшт и Дитмар возбудили с самого начала подозрения не только коммунистов, но и беспартийных своими назойливыми расспросами, фантастическими планами о предполагаемых якобы культурно-просветительных и научных путешествиях по СССР, рассказами о своей якобы революционной деятельности и коммунистических связях и попыткой собрать подписи и клички политэмигрантов, скрывающихся от преследований буржуазных правительств в пределах СССР, вследствие чего и были арестованы 26 октября 1924 г.

Суд буржуазный и суд пролетарский

Товарищи! В наше время, время социальных революций, когда классовая борьба приняла свои наиболее острые формы гражданской войны и охватила именно в этой острой форме почти весь земной шар, начиная от Дальнего Востока, который представляет собой сейчас как раз картину этой гражданской войны, и кончая Центральной Европой, откуда сегодня только получилось известие о новом coup d'état в Греции, — в наше время гражданских войн и мировых революций рушатся, рушились и погибли под обломками и старые традиционные представления буржуазии о ряде ее институтов и органов общественной и политической жизни. Я имею в виду в данном случае те представления, которые господствовали еще так недавно в буржуазной Европе, в широких слоях ее буржуазно настроенных обывательских масс, а в известной части и в довольно широких слоях рабочего класса, — представления о сущности суда как об органе некоей надклассовой справедливости. Если вы возьмете теперешние газеты, если вы вчитаетесь в каждодневные, приходящие при посредстве газет к нам известия о судебных процессах, вы увидите, что все эти процессы и все эти известия, все они окрашены сейчас одной определенной краской; они рисуют нам всегда одну и ту же картину: они говорят нам все до одного об одних и тех же фактах, вернее о фактах одного и того же порядка; они говорят нам о борьбе подымающегося рабочего класса, о напряженной революционной борьбе активных рабочих революционных организаций, о героических актах этой борьбы со стороны отдельных представителей организованного пролетариата и об ужасах тех репрессий, при помощи которых буржуазные правительства господствующих классов современной Европы обрушиваются на этих борющихся представителей рабочего класса, — судебные процессы являются сейчас далеко не последним из тех средств, к которым прибегает буржуазия для борьбы со своими классовыми врагами. Это — не те процессы, о которых мы привыкли читать в учебниках буржуазного права, это не те процессы, о которых пишут многотомные диссертации студенты берлинского и других университетов. Это — процессы, из которых каждый является

отражающим кусок живой, сочащейся кровью жизни. Это — процессы, из каждого слова которых, из каждого эпизода которых до нас доносятся вопли мучимых и терзаемых представителей рабочих и злобное «распни, распни их» — со стороны буржуазии.

Та кровавая оргия, которая сейчас разыгрывается в Болгарии, те сцены, которые сейчас имеют место в судебных процессах в Германии, те картины, которые описывают нам известия из ряда других стран, — говорят нам все об одной и той же картине. Суд работает как одно из колес аппарата государственной власти, работает во славу, по приказу, во исполнение задач и заданий, которые ставит перед ним буржуазная государственная власть. А в теоретических кругах германских ученых послушно, по-старинке, поют и повторяют и научно аргументируют все ту же старую песню, старые сказки о... надклассовом характере юстиции, о вечных началах справедливости, которыми якобы руководится буржуазный суд. Но во всяком случае, если эти картины судебной деятельности еще прикрываются старыми фразами о надклассовом характере этой юстиции; если они прикрываются еще старыми лозунгами о том, что во имя вечных принципов справедливости, морали, права и так далее вершит ныне свое дело буржуазный суд, то объективные факты, объективная действительность, результаты судебных процессов, кровь, которая льется в результате судебных приговоров, виселицы, электрические стулья говорят о другом. Они иллюстрируют вечную истину марксизма, что суд был всегда, есть и остался органом данной государственной власти.

Суд является орудием, при помощи которого данный господствующий класс охраняет им установленный, существующий социальный порядок и борется, давит, подавляет всех тех, кто против этого порядка восстает. В отличие от буржуазных теоретиков права, в отличие от либеральных болтунов Западной Европы, в отличие от седовласых буржуазных профессоров, в отличие от всей той своры молодых и старых юнцов, которые повторяют за ними прогнившие истины буржуазного права, в отличие от всех, мы, которые никогда до сих пор не отрицали того, что в борьбе за новый социальный порядок, за новый, нами устанавливаемый у нас социальный строй, — строй, основанный прежде всего на подавлении бывших эксплоататоров, строй, который хочет заложить новые начала нового мира,—этот строй восставший и победивший рабочий класс и идущие с ним в ногу широкие крестьянские массы защищают также всеми средствами, в том числе и при помощи своего пролетарского суда, — мы не боимся эту истину бросить открыто в глаза всем нашим противникам: да, мы тоже при помощи нашего суда защищаем наше дело.

Вопрос идет лишь о том, что мы защищаем. Вопрос идет о том, как мы защищаем. Вопрос идет о том, во имя чего мы защищаем.

Что́ мы защищаем — об этом говорят те миллионы жертв, которые погибли в эпоху подпольной борьбы с царизмом со времен первых организаций рабочего класса. Что́ мы защищаем — об этом говорят миллионы жертв, которые перенесла Россия, перенесла наша страна в эпоху гражданской войны, когда она одна боролась против вооруженной до зубов Западной Европы.

Как мы защищаем? Мы отвечаем: мы защищаем всеми средствами в зависимости от обстоятельств, времени и места, и суд для нас является таким же средством. Его отличие от других форм борьбы только в том, что если мы в борьбе против наших врагов опускаем на их головы карающий меч суда, то наш суд дает нам возможность быть уверенным в том, что мы караем именно тех, кто совершили преступления, против которых направляет свою угрозу наш закон. Вот почему, когда мы писали наши законы, мы бросили в печь ненужный хлам тех лживых слов, которые были написаны на фронтоне прежних судов, о якобы надклассовом характере их и создали свой суд, который защищает наше право строить новый мир, наше общество так, как мы этого хотим, — без эксплоататоров, без гнета и без насилия. Мы написали еще в первом нашем декрете о суде от 24 ноября 1917 г., что наш суд работает «в ограждение завоеваний революции», для борьбы с контрреволюционными замыслами врагов рабочего класса и крестьянства, что революцию защищает и для ее охраны действует наш суд.

Политическое значение процесса

Отсюда основным вопросом, который сейчас стоит перед нами, является вопрос о том, что же лица, которые в настоящий момент имели несчастье сесть на скамью подсудимых перед высшим судебным органом нашего Союза, — что они сделали преступного, и если сделали, то как должен в интересах охраны революции поступить с ними пролетарский суд, пролетарский закон. Так юридически стоит этот вопрос.

Но, конечно, товарищи, не только юридический вопрос мы с вами разрешаем. Мы не метафизики, мы не из тех, которые предполагают, что когда они сидят за судебным столом, то они уже теряют представление о времени, пространстве, что они находятся под стеклянным колпаком, оторванные от всего внешнего мира. Мы, сидя здесь, не хотим забывать того, что мы вершим здесь наше общее дело, что нам важно установить не только юридически, что сделали Вольшт, Киндерман и Дитмар, но этим самым мы вершим и определенное политическое дело. И на этой стороне настоящего процесса нам тоже нужно остановиться.

Мы, конечно, наперед уверены, что с какой бы беспощадной объективностью мы ни установили, что Киндерман, Вольшт и Дитмар являются террористической группой, что они замыш-

ляли убийства вождей нашей революции, с какими бы убийственными для них доказательствами мы бы сюда ни пришли и как бы мы широко ни демонстрировали эти доказательства, мы уверены, что определенную группу наших врагов, определенную группу наших противников нам не переубедить. Один пример: достаточно было обвиняемому Киндерману в первый же день судебного рассмотрения пролепетать здесь в свое оправдание утверждение о том, что он-де протокол от 6 февраля писал под гипнозом, чтобы эту сплошную глупость, абсолютный вздор, наглое измышление, исчерпывающее доказательство умственной бедности и нищеты содержимого черепа гражданина Киндермана, — чтобы все это вся буржуазная пресса перепечатала как факт, не подлежащий сомнению. Ибо для нее, для этой прессы, для определенной категории наших противников не важно то, что здесь на самом деле доказано. Им прежде всего важно использовать и этот факт и этот процесс как еще один источник, как еще одно средство, как еще повод для новой лжи, для новой клеветы, для новых измышлений, для новой пропаганды против Советского союза, для нового затуманивания сознания широких рабочих масс. Но если даже мы не достигнем задачи переубедить наших врагов и наших противников, то твердое и безусловное, абсолютно точное установление определенных фактов сыграет прежде всего для нас огромную роль в том отношении, что и там, и в Западной Европе, мы найдем все же своих слушателей, которые будут внимательно следить за каждой мелочью настоящего процесса и для которых эти факты и этот процесс будут представлять ценность как изложение той правды, которую они ниоткуда у себя из другого источника получить не могут.

Вот почему точное установление фактов, установление здесь того, за что именно должны понести кару Киндерман, Вольшт и Дитмар, имеет для нас крупнейшее политическое значение.

Когда-нибудь, когда эпоха гражданских войн и мировых революций отойдет в прошлое, когда строй, за который мы боремся, станет фактом во всем своем расцвете, в полном своем развитии, тогда, быть может, получивши доступ к новым источникам знания, новые питомцы трудящихся масс будут изучать и этот процесс как одну из страниц мировой борьбы пролетариата. И с этой точки зрения каждое здесь сказанное слово равным образом получает определенное значение. Вот почему рассмотрение этого процесса для нас с вами представляет чрезвычайную важность, вот почему мы с такой внимательностью должны были употреблять наше время и силы для того, чтобы обосновать каждую мелочь из тех, которые мелькали перед вами в эти шесть дней при допросах свидетелей и обвиняемых. Моя обязанность сейчас дать выводы из этих данных и в точной, четкой форме обосновать итог всего того, что было нами здесь проделано. И моя обязанность, кроме того, товарищи, эти факты поставить в связь с большими исходными нашими идеями, со всей

нашей действительностью, с конечными целями нашей борьбы, поставить в связь со всей нашей работой во всех иных отраслях нашей общественной и хозяйственной жизни и поставить, наконец, в связь с такой же работой широких трудящихся масс в Западной Европе.

«Последний бой» буржуазии

Товарищи, я начну с рассмотрения всего того, над чем мы здесь работали в течение этих пяти или шести дней, в том же порядке, в каком был дан вам первоначальный эскиз, первоначальный набросок в обвинительном заключении.

Мы слышали здесь блестящее изложение и характеристику фактов жизни современной Германии, мы слышали здесь непосредственный рассказ об актах и фактах гражданской войны и классовой борьбы в Германии из уст свидетеля Баумана, мы слышали здесь цитаты из книги одного из наиболее махровых представителей современного фашизма в Германии, одного из наших наиболее отъявленных классовых врагов и противников — капитана Эрхардта, мы слышали здесь цитаты из книги Гумбеля. Все эти факты, все эти цитаты говорят об одном. Если наша с вами история, история пролетарской борьбы в России, история нашей Октябрьской революции, история гражданской войны после Октябрьской революции, наша теперешняя борьба на хозяйственном фронте представляют собою эпизоды и картины иной раз необычайного героизма, необычайного самоотвержения, картины, которые похожи на привычные нам с детства представления об античных героях древности, то картины современной Германии, поскольку здесь приподняли завесу того, что там происходит, я думаю, иной раз превзошли своим трагизмом все то, что нам известно из истории нашей борьбы.

У нас никогда буржуазия не была настолько классово сплоченной и классово сильной, как германская. У нас никогда буржуазия, даже в момент своего падения, не понимала того, что ей грозит, не сознавала пропасти, могущей ее поглотить, как это видит германская. У нас никогда наша буржуазия не была так тесно спаяна с международной буржуазией, со всеми вершителями судеб западных государств, как западноевропейская. Вот почему борьба западноевропейской буржуазии оказалась такой выпуклой, чеканной, ясной и отчетливой в своем содержании, в своих целях и такой последовательной в своих методах, как мы об этом здесь узнали.

Мы когда-то читали о Великой французской буржуазной революции и о революционных подвигах французской буржуазии в эпоху ее «Sturm und Drang», в эпоху ее «бури и натиска», ее расцвета и революционной молодости, когда она выступала вождем на исторической авансцене, когда она была полным жизни классом. Эта картина, казалось, отжила свое. Приблизительно в середине XIX века, в эпоху «безумного» 1848 года, как

называли его немецкие буржуазные историки, буржуазия представлялась уже дряхлой, старой, немощной, чуть ли не лишенной даже уменья защищаться и бороться за свои интересы. И вот мы видим, сейчас она как бы оживает, мы видим, как в момент, когда она видит перед собой пропасть, готовую ее поглотить, буржуазия вдруг выступает перед нами, в лице, по крайней мере, ее наиболее махровых представителей и фашистских героев, в качестве такой же молодой силы, как была когда-то. Таков Муссолини, с гордостью утверждающий, что парламентаризм теперь обуздан, таков Эрхардт, описывающий в своей книге, как он рвался в бой, таковы стоящие за Эрхардтом, за его бригадой, широкие слои буржуазной молодежи, представителей которых, в частности, мы видим здесь на скамье подсудимых. Буржуазия собирает все свои силы, чтобы дать нам действительно последний бой, бой не на жизнь, а на смерть.

Вот почему я и говорю: Германия и классовая борьба в Германии представляют собой страницы, которые не уступают по своей трагичности, по героизму рабочего класса, по ожесточенности классовых схваток, по кровавым столкновениям, кровавым расправам в результате этих схваток, — не уступают картинам нашей гражданской войны, картинам нашей революции.

Более того, когда мы слушали Баумана, слушали его показания о том, что делается в Руре, когда мы видим, что эти фашистские организации не только стали на путь прямого открытого насилия, террористических актов и т. д., но не останавливаются и перед провокацией массовых расстрелов, на которые такие типы, как Бауман, совершенно спокойно, совершенно сознательно, по приказу фашистских вождей ведут тысячную толпу рабочих, когда мы видим картину, как тот же самый Бауман для взрыва туннеля или для взрыва моста употребляет специальные флакончики с отравляющими газами, на расстоянии 20 шагов умерщвляющими вокруг себя все живое, — мы видим, что здесь во всеоружии всей современной науки и современной техники, используя все, идет в бой с нами эта буржуазия.

В частности, мы должны это помнить, когда рассматриваем эту группу обвиняемых, чтобы поставить их деятельность в связь со всем рассказанным нам здесь Бауманом, со всей нашей оценкой форм классовой борьбы Германии, чтобы не забыть, что в данном случае мы имеем дело с врагом, который не отказывается ни от каких средств, который идет на все и по отношению к которому с нашей стороны так же равно не может быть пощады.

Фашистская организация «Консул»

Позвольте поэтому прежде всего оттенить роль фашистских организаций.

Если бы кому-нибудь из нас рассказали об этой организации «Консул», рассказали ее строение, дали прочитать устав ее,

который напечатан в № 10 «Форума», который здесь оглашался; если бы на сон грядущий кто-нибудь, хотя бы тот же Бауман, стал рассказывать все то, что он здесь говорил, — пожалуй, мы с вами даже не поверили бы ему, мы бы сказали, что в громаднейшей части это нужно отнести на долю фантазии и что не может быть, чтобы все было действительно так

Тем не менее — это факт, и этот факт должно нам учесть как определенную улику когда мы будем рассматривать то, что сделали данные обвиняемые или что они хотели сделать для того, чтобы устранить наши первые представления о них поскольку не вяжется в нашем с вами сознании, что могут найтись лица, которые будут в целях своей политической борьбы прибегать к таким средствам, как цианистый калий или как отравленные конфеты А между тем мы об этих фактах читали, об этих фактах мы слышали, об этих конфетах пишут сами наши противники, об этих средствах борьбы мы имеем сведения как об установленных, определенных, имевших место фактах Об этом всем нам нужно будет помнить когда мы будем решать вопрос, насколько объективно возможно, насколько объективно достоверно то, что мы приписываем обвиняемым

Итак, что же мы прежде всего имеем как основной исходный факт?

Как основной исходный факт мы имеем следующее: мы имеем наличность в Германии определенной квазинелегальной, на самом деле легально действующей организации, боевой организации крайнего правого крыла буржуазии, в виде так называемой организации «Консул»

Для нас, старых конспираторов, по своему опыту знающих, что такое подпольная работа и что такое революционная борьба, нам, быть может, несколько странны некоторые из приемов этой организации

Мы, может быть, так бы не поступали. Мы, конечно, не писали бы в наших уставах пустой болтовни, глупых фраз вроде тех, которые написаны в опубликованном, имеющемся у нас уставе ОЦ № 10 «Форума». Мы, может быть, не стали бы писать из соображений конспирации о том, каким образом формируются наши боевые дружины, каким образом обучаются члены этих боевых дружин стрельбе или чему-нибудь другому такому В Германии, впрочем, в особенности, когда буржуазия стоит у власти, может быть, эта конспирация и не нужна. Конечно, мы бы строили наши организации по-иному.

Тем не менее эта организация — факт. Она настолько факт, что в том номере, который здесь приложен, в номере «Берлинер тагеблатт» говорится так: «Организация «Консул» с развернутыми знаменами принимала участие в торжествах Гинденбурга в Берлине наряду с другими на улицах Берлина»

Вот факт засвидетельствованный буржуазной прессой засвидетельствованный одним из распространеннейших органов буржуазной прессы.

Из этого прежде всего ясно, какую цену мы должны придать основному аргументу Киндермана и Вольшта, что они-де услыхали об организации «Консул» впервые только в ГПУ. Сам этот аргумент уже говорит против них, а не за них. Тут они немножко просчитались. Их немецкие газеты до нас доходят, и мы их читаем, видимо, немножко внимательнее, чем они наши. Факт существования организации есть исходный пункт, от которого мы должны исходить. Какая же это организация, какие цели она себе ставит, какие средства ее борьбы?

Раньше о средствах

Все средства хороши, и в том числе револьвер и яды, — таковы их средства. Они так и говорят: «Такими средствами нужно бороться с этими собаками». Ну что же, мы покажем, что эти собаки тоже умеют кусаться. Во всяком случае, тот факт, что они считают револьвер и яд удобными средствами, мы с вами должны учесть, когда будем оценивать уликовое значение маленького флакончика с цианистым калием, который найден в пиджаке или кармане обвиняемого Вольшта Правда, обвиняемый Вольшт с цинизмом до которого он поднимался сравнительно реже, чем обвиняемый Киндерман, утверждал, что все-таки этот пузырек с цианистым калием не есть пузырек с цианистым калием Но это уже его дело. Акт экспертизы больше стоит чем все утверждения Вольшта Итак, тот абзац устава, который говорит о том, что яды и револьвер являются удобными средствами, — вот что мы прежде всего должны сопоставить с фактом найденного у Вольшта пузырька с цианистым калием и его револьвером

Какие цели преследует эта организация «Консул»? Нам это удостоверил эксперт Это можно установить из цитат самого Эрхардта На словах цель, — как он выражается, — «воспитание воистину национального духа», а на деле — во что бы то ни стало утвердить господство крупной буржуазии обеспечить за ней государственную власть, поддержав данное правительство лишь постольку, поскольку оно отвечает этим классовым целям Организация «Консул» не является другом германского правительства Организация «Консул» не является защитником германского правительства, она командует германским правительством, она командует как выразитель основного руководящего слоя германской буржуазии, той военной клики, которая сейчас, с избранием Гинденбурга, фактически взяла на себя кормило правления И цель — это цель крайнего национализма, крайнего шовинизма, цель фашистской диктатуры

В одном из параграфов устава говорится откровенно о том, как они подбирают людей, которые умеют приказывать, умеют исполнять, но которые не умеют болтать Вот их человеческий материал, вот те, при помощи которых они ведут свою борьбу. С такой организацией мы имеем дело Отрицать ее существование уже теперь нельзя Отрицать ее цели нельзя тоже, отрицать ее средства — также. Остается перейти к непосредстве...ому рас-

смотрению вопроса о том, как они в этих целях вели борьбу с коммунизмом.

Если борьба с коммунизмом, борьба с рабочим революционным движением являлась одной из главных задач борьбы в Германии, то совершенно ясно, что наиболее активная боевая часть буржуазии не могла пройти мимо нас молча, она не могла оставить нас вне своего внимания...

Бауман

Тот факт, что перед нами здесь прошел свидетель Бауман, является в десять раз более важным и основным фактом, уличающим обвиняемых, чем все остальные. Ибо что устанавливает этот факт? Он устанавливает прежде всего то, что Киндерман, Вольшт и Дитмар не первые, что фашистская организация уже не впервые посылает к нам своих террористов. Фашистская организация «Консул» уже не впервые посылает к нам своих агентов, и если здесь мы видим эти две группы, то мы не знаем, нет ли сейчас вокруг нас, может быть рядом с нами, еще и третьей группы. Тот факт, что Бауман явился сюда после того, как он провел террористические акты в Рурской области против Вика и против других, что Бауман явился сюда как коммунист после того, как он провоцировал рабочих в Аахене на расстрелы со стороны французских оккупационных властей и сепаратистов, тот факт, что он явился к нам после того, как он в Средней Германии исполнял аналогичного рода поручения, — все это должно быть оценено нами и принято во внимание, когда мы рассматриваем то, что нам говорят Вольшт и Дитмар о себе, и то, что мы знаем об их деятельности. Бауман был первой, а может быть, и не первой ласточкой. И не случайный эпизод — поездка к нам этих трех учащихся студентов. Она лишь одно из звеньев, один из последовательных шагов одного порядка, исходящих из одного пункта и стремящихся к одной и той же цели.

Мы возьмем пока только Баумана, мы будем рассматривать первоначально то, что его касается. В чем тут дело? После того как в Руре, используя, с одной стороны, националистическое настроение германской средней буржуазии, с другой стороны, используя национальные чувства германских рабочих масс Рурской области, он, Бауман, там от имени фашистской организации и по ее поручению производил террористические акты и провоцировал на расстрел толпы рабочих, он, Бауман, в Средней Германии производил работы «по обезвреживанию» рабочего движения в Германии; после этого он получил задание сесть на корабль и в качестве политического эмигранта отправиться в Советскую Россию. Зачем? Задание было ясно. Нам Бауман здесь сам его передал. Бауман знает, что значат его слова, сказанные здесь, он знает, что их взять назад нельзя, он знает, что для него, Бау-

мана, эти слова, сказанные здесь, означают ту же ст. 64 Уголовного кодекса, по которой обвиняются и эти подсудимые. И Бауман все-таки сказал их. Он сказал, что он приехал сюда с определенной целью разведки, для подготовки террористических актов, и что он должен был к сентябрю вернуться и дать отчет о своей деятельности фашистской организации в Германии. К сентябрю во что бы то ни стало он должен был вернуться. Основные задачи: разведка Кремля, разведка Коминтерна, разведка о том, где, когда и кого можно встретить из вождей Советской России, вождей нашей революции, нашего революционного движения.

Дитмар

Для сопоставления я возьму рассказ Дитмара о его, Дитмара, деятельности до поездки сюда. Два наиболее основных факта. Во-первых, его поездку в Бремен-Гафен и затем его встречу с Киндерманом и Вольштом.

Что означала поездка в Бремен-Гафен? С кем ехал туда Дитмар? С Ионсоном. Кто такой Ионсон? Об этом нам сказал не только Финк, об этом нам сказал Киндерман. Об этом нам сказал Вольшт: Ионсон — крайний фашист, непосредственный участник капповского путча, определенная фигура из той же организации «Консул». Правда, мне могут сказать, что это не точно, что Вольшт не говорил ничего относительно принадлежности Ионсона к организации «Консул», но мы умеем читать между строк и знаем, как нужно относиться к тому, что говорят обвиняемые. Они все признали, что Ионсон крайний правый. А Киндерман, так тот в последнюю минуту изобразил из себя дурачка и сказал, что нам, русским коммунистам, нужно взять пример с немецких коммунистов, с него, Киндермана, как, мол, он, несмотря на его коммунистические воззрения, дружил с крайним правым.

Ионсон едет в Бремен-Гафен, Дитмар едет в Бремен-Гафен. Я спросил Дитмара, кто послал его. Он ответил — Розе. Зачем он послал его в Бремен-Гафен? Работать. Где работать? Среди рабочих, в качестве фашистского пропагандиста. Зачем поехал Ионсон в Бремен-Гафен? Показания Розе и Вольшта целиком и полностью сошлись в этом, что он фашист, и что он поехал вместе с Дитмаром, одним из типичных агентов фашистской организации, направлять работу среди рабочих для того, чтобы отвратить или совратить их с революционного движения.

О том же самом говорил здесь Бауман, о том же самом говорят книги и документы, которые здесь оглашали. Добавьте теперь те факты, о которых здесь говорили Дитмар и Розе, об их встрече после поездки и первом знакомстве Дитмара и Киндермана и вспомните первый день нашего судебного следствия и первый допрос, когда мы еще не знали ни о протоколе 6 фев-

раля, когда мы ничего еще не знали из того, что оказалось в дальнейшем. По этому допросу мы установили, что Дитмар был сведен с Киндерманом при помощи Розе и при посредстве Финка и что когда они встретились, то уже знали, как говорит Дитмар, в чем было дело. По словам Киндермана, дело было иначе. Они были только осторожны при встрече. »О чем они друг друга спросили? О политических убеждениях. Друг другу сказали, что они оба коммунисты. Пожали друг другу руки и условились об общей поездке, — и только Только ли? Возьмите теперь этот рассказ в этой интерпретации Киндермана, но добавьте только те поправки, которые внес Дитмар, и получится совершенно ясная картина в ее фактической правде, как оно было. По указу Розе Дитмар и Киндерман встречаются, условливаются в общем и целом о поездке, причем один знает только, что его посылают, а другой знает, что к нему пришел тот, которого к нему прислали и которому сказали, что он будет полезен, так как говорит по-русски.

Цели поездки

Если бы хотя на одну секунду мы могли поверить тому, что говорил здесь Киндерман о том, что это была только научная поездка, то из этого, во всяком случае, с совершенной ясностью вытекало бы одно то, что цель их поездки, цель их путешествия, должна была быть по крайней мере им ясна, а между тем, на в упор поставленный вопрос Вольшту, какова цель поездки, и на в упор поставленный вопрос Киндерману, какая же цель последней, и на в упор поставленный Дитмару этот же вопрос, мы только от Дитмара получили правдивый ответ; наоборот, Киндерман говорил то об изучении советских идей, то об изучении полярных стран, то об изучении Туркестана, то об исследовании быта студенчества в Томске, то о завоевании российской науки, то о просвещении немцев Поволжья. А на в упор поставленный вопрос Вольшту, какие цели он преследовал, оказывается, что Вольшт поехал, не имея никакого представления ни о целях, ни о том, что ему придется ехать в Якутию и в Сибирь. Он, повидимому, узнал только здесь, что ему нужно было ехать в Якутию, чуть ли не на мыс Челюскин, и там отыскивать следы нето быта якутов, нето тропических пальм. Цели этой поездки, впрочем, как оказывается, Вольшта даже не интересовали Его интересовало другое У него благодаря тому, что он, мол, очень материально нуждался, у него, мол, поэтому «почва горела под ногами», и он должен был во что бы то ни стало скорее уехать из Германии Такова-де была его основная цель, по его собственным словам, по тем словам, которые он сказал в разговоре с Бауманом и которые он подтвердил Что характерно для Вольшта — это то, что он не имеет достаточной дерзости для того, чтобы на в упор поставленный вопрос отрицать факт. На очной ставке с Бауманом он держался такой

политики, что на в упор поставленный вопрос он решил кое-что отвечать, а кое о чем промолчать. И тут он попался, потому что всякий раз, когда он признавался кое в чем, он тем самым и признавался во всем. Когда его Бауман на очной ставке спросил, не говорил ли он Бауману, что его, Вольшта, задачей и целью было убийство коммунистических вождей, Вольшт сказал: «Я это в шутку сказал». Хороша шутка! Возьмем другой случай. Когда его спросили, не говорил ли Вольшт, что Киндерман — реакционер, что Киндерман — фашист по своим убеждениям, что Киндерман — крайне правый, то он ответил: «Да, я это сказал, но я сказал с тем, чтобы уважить правых, которые сидели в одной камере со мной, чтобы они установили со мной хорошие отношения, так как они были правые, и мне неловко было говорить иначе». Третий факт. Когда Вольшт сидел в камере вместе с Бауманом, и Бауман ему рассказывал, что он проделал в Руре, Вольшт сказал, что он тоже был в оккупированной области. Дальше Бауман открыл Вольшту, что он фашист и боролся против коммунистов; в ответ Вольшт ему тоже в этом признался.

Во всяком случае, если там, в камере, когда он думал, что он и Бауман только друг другу об этом говорят, когда один откровенно рассказывал, что он, действительно, фашист, а другой это подтверждал, — можем ли мы придавать теперешним словам Вольшта веру, как правдивым, искренним словам? Конечно, не можем и не должны. Наоборот, полностью можем и должны верить его словам, сказанным в камере. И гражданину Вольшту известно не только это, ему известен разговор, который он не только Бауману передавал. Вот почему Вольшт думает, что ему невыгодно все огулом отрицать. Поэтому он отрицает по частям.

Террористические цели поездки

Цели поездки. Террористические цели поездки. Какие доказательства мы имеем по этому поводу? Во-первых, показания Дитмара — прямые, точные и ясные. Второе, показания Киндермана по тому же поводу в протоколе 6 февраля (относительно гипноза я буду говорить позже) — прямые, точные и ясные. Третье, показания Баумана — прямые, точные и ясные. Показания Вольшта в разговоре с Бауманом — прямые, точные и ясные. Никакой самый щепетильный из судей не потребует лучших доказательств. Но, правда, могут сказать, что признание обвиняемых—не доказательство. Будем же искать еще объективных фактов и доказательств. Прежде всего, на столе лежат вещественные доказательства, которые никоим образом нельзя отвергнуть, которые остаются фактом и которые совпадают со всей той обстановкой, о которой я говорил выше. Есть и еще. Поверим на минуту Киндерману относительно научного характера его экспедиции. В таком случае мы имеем следующие три факта, которые

в сопоставлении один с другим приводят прямо к обратному выводу. Первый факт — это знаменитая телеграмма, поздравляющая с новорожденным.

Она здесь вызвала много смеха. Она здесь вызвала веселое настроение аудитории, потому что иногда забываешь о трагизме того, что совершается когда лица, совершающие эти трагические факты, в своих потугах доказать обратное становятся смешными. Дитмар говорит, что между ними было условлено о получении виз известить телеграммой «Поздравляю вас с новорожденным». Телеграмма лежит на столе, написано: «Поздравляю вас с новорожденным». Телеграмма посылается Дитмаром и получается Киндерманом. Я Киндермана спрашиваю: «Получили телеграмму?»—«Получил».—«Поняли, что она означает?» — «Понял. Она значит, что виза получена». — «Было это раньше условлено?» — «Нет». Это отрицание для оценки объективных доказательств, для оценки самого факта, как объективной улики, только замыкает общую логическую цепь и устанавливает то, что было. Второй случай. Другая телеграмма, которая должна была быть только послана, гласила: «Как поживает гражданин Грюнбаум?» Это уже по части Вольшта. Был у него такой разговор о посылке такой телеграммы? Был. Говорил об этом сам Вольшт? Говорил. Бауман это подтверждает в еще более категорической форме. Дитмар тоже говорит, что было так условлено. Наконец, сам Вольшт утверждает, что это так и было, т. е. что он говорил о том, что нужно послать такую телеграмму, но что она должна была означать не то, что «мы арестованы», а должна была означать, что «мы лишены возможности писать».

Что же получается? Представьте себе, что Вольшт в Москве не арестован и вот он считает почему-то нужным дать телеграмму Финку в таком виде: «Как поживает гражданин Грюнбаум?»— которого Финк никогда не знал. Но из чего все же Финк должен был понять без предварительного уговора, что он, Вольшт, лишен возможности писать? Не знаю, можно ли сказать более несообразную чепуху, чем это утверждение Вольшта. А теперь поставьте вопрос так. Объективно могло ли так случиться, чтобы такого рода разговор и эту фамилию Вольшт мог назвать без предварительного согласия и уговора с Дитмаром? С момента ареста 26 октября и до момента очной ставки они не встречались и друг друга не видели. В камере, где сидели Бауман и Кучин, Вольшт передает им эту фразу, хотя утверждает, что о ней никогда раньше не говорил с Дитмаром. Я спросил тогда: «Каким же святым духом вы узнали фамилию Грюнбаум? Каким святым духом могла так совпасть выдумка этой фамилии с Дитмаром, раз вы раньше не условливались об этом? Да или нет?» И Вольшт ответил: «Да». Сверхестественное случайное совпадение?! После такого утверждения, как говорит русская пословица, «дальше ехать некуда».

Третье. Дитмар говорит: в Берлине раньше на одном из заседаний, четвертом по счету, которое происходило у него на

квартире, под хмельком, под влиянием выпитого вина, разоткровенничались Киндерман и Вольшт и сказали, что они имеют еще особое задание, специальное задание, задание, исходящее от почтеннейшего учреждения — полицей-президиума.

В это задание входит установление точных кличек и фамилий политэмигрантов, скрывающихся в Москве, и в частности работающих в Коминтерне. Допустим, что Дитмар лжет, что ничего подобного не было. Допустим, что они не встречались, не пили, или пили, но об этом не говорили. Но вот перед нами свидетель Дротман, который рассказывает о том, как уже в Москве Вольшт на вечеринке берет лист бумаги, рисует с одной стороны советский герб и предлагает политэмигрантам, работающим в Коминтерне, дать свои подлинные подписи, имена и клички, а господин Вольшт заявляет: «Я не хотел отсылать это в Германию, это должно было остаться в моем распоряжении». Нужно добавить, что этот очень ценный и дорого оплачиваемый документ до полицей-президиума не дошел. Присутствующие политэмигранты его уничтожили. Но этот третий факт опять-таки одно из звеньев той же цепи неумолимых фактов, доказывающих истинную работу Вольшта. Они еще раз вскрывают всю подкладку этой квазиэкспедиции.

Подготовления к экспедиции

Наконец, если мы обратимся к исследованию тех мелочей, которые характеризовали подготовительный период к экспедиции и, прежде всего, основные факты, заключающиеся в том, что все трое прикинулись коммунистами, этому факту также стоит придать значение. Ибо весьма для нас поучительно, как обвиняемые описали здесь свое превращение в коммунистов. Киндерман заявил, что он коммунист по наследству от отца, который много работал на пользу рабочего класса до тех пор, пока его не изгнали из партии и который и сейчас оказывает помощь дурлахской организации тем, что одного из ее членов держит у себя в качестве агента по взысканию долгов у беднейшего населения, через которого он и достал для сына партийный билет.

Что Киндерман пошел на подлог, присвоил самовольно себе партийный стаж, заполнив партийный билет, написав что он коммунист с 1920 года, солгав об этом и германской коммунистической организации и нашей организации, — это в конце концов еще не так важно; для мелкотравчатого жулика это весьма свойственный прием, но спрашивается, зачем бы Киндерману, если он серьезно хоть на одну секунду поставил себе научную цель, были нужны такого рода приемы и такого рода методы? Неужели можно представить себе, если Киндерман хоть на одну секунду серьезно думал организовать научную экспедицию, что он стал бы прибегать к такого рода методам — совмещать, с одной

стороны, мелкое мошенничество с партийным билетом и, с другой стороны, обращение к целому ряду наших и, как он говорит, германских ученых.

Если проф. Калиненко в своем показании говорит, что Киндерман на него произвел впечатление по меньшей мере легкомысленного человека, то во всяком случае, с точки зрения действительной оценки этой «научной экспедиции», эта характеристика должна быть признана по меньшей мере слишком мягкой. Так как тут несуразно все: и то, что люди едут в научную экспедицию, рассчитывая, что будут зарабатывать деньги по дороге чтением лекций, и то, что люди едут в научную экспедицию, не обращаясь предварительно никуда в научные общества для разработки плана экспедиции и т. д., и то, что люди едут в научную экспедицию, не имея понятия о том, как и куда ехать, и то, что те же люди для того, чтобы ехать в научную экспедицию, начинают с подделки партийных билетов, обманывают те учреждения и лиц, с которыми они вступают в сношения. И что всего характернее, это то, что не только Киндерман подделывал, но все трое проделали то же самое; ту же самую историю проделал для получения партийного билета и Литмар, и только Вольшт не успел всего проделать до конца, хотя мы знаем, что и он писал из тюрьмы, что он протестует, что его, как коммуниста, держат в тюрьме на общем положении.

Эта картина подготовки экспедиции при помощи подлога, при помощи обмана, при помощи мелкого мошенничества характеризует в общем всю подготовительную деятельность, всю подготовительную стадию этой работы. Кто же еще принимает участие в подготовительных шагах в экспедиции? Финк. Что собою представляет Финк? Мы здесь видели. Это типичный немецкий бурш. Типичный немецкий студент, весьма, видимо, далекий от того, чтобы серьезно задумываться над вопросами политической борьбы и т. д., но тем не менее активный исполнитель предначертаний, которые ему дают.

Второй этап подготовки характеризуется теми же приемами. Здесь нужно особо остановиться на чрезвычайно красочной картине получения виз. Довольно хитроумно все это было задумано. Как говорит Дитмар, вся история проделывалась и исполнялась по определенному плану. Сперва было намечено установить научные связи, завязать научные сношения, представить картину видимости «научной экспедиции». Исполнено. Сделано: завязаны сношения, разосланы письма, получен ответ из Томска, получен ответ из Владивостока, получен ответ из Республики немцев Поволжья, — не получен ответ только из Якутской республики.

Дальше второй шаг — нужно проникнуть в посольство. В посольство нужно проникнуть при помощи рекомендаций. Нужно подготовить почву. И опять на сцене Дурлах, на сцене отец Киндермана, на сцене Минцлер, исключенный сейчас из партии, на сцене шесть штук подложных удостоверений. С этими рекомендациями идут к Оскару Кону, от него получают визитную

карточку. В торгпредство? Нет, в Центральное закупочное бюро Наркомпроса. В Центральном закупочном бюро Киндерман и Вольшт имеют длительную беседу с Гринбергом и Новиковым, и эти Гринберг и Новиков распластываются целиком перед молодыми учеными и перед диссертацией доктора Киндермана. Доктор Киндерман рассказывает, что он по-латыни пишет диссертацию, — не иначе. А после разговора о диссертации они получают необходимую препроводительную записку и рекомендательные письма. Готово письмо к Луначарскому, готово соответствующее письмо к Крупской и, наконец, готово письмо в полпредство. Приходя в полпредство, ведут беседу с Якубовичем, и тот в свою очередь распластывается перед ними целиком. Молодой ученый, самый молодой доктор в Германии, хочет ехать просвещать варварскую Россию. Этот «самый молодой доктор» с нарушением всех порядков и способов, о чем говорит сам Якубович, получает по телеграфу разрешение из Москвы на визу. По телеграфу дается распоряжение. Недавно в одной статье в «Известиях» по поводу этих фактов судебного следствия было сказано: «Не будьте легковерны». Это слишком слабо сказано. «Не будьте дураками», — вот как надо было бы сказать по адресу наших работников.

Иначе, как таким термином, трудно назвать всех тех, которые позволяют так легко, преступно легкомысленно водить себя за нос таким, в конце концов, ребятам, каких представляют собою Киндерман, Вольшт и Дитмар.

Вопрос об экономическом шпионаже

Виза получена. Мы не знаем, какими средствами, при помощи каких пружин и благодаря чему было получено это телеграфное разрешение на въезд. И наши «деятели» отправляются за границу.

Здесь нужно остановиться несколько на таких фактах, которые были судебным следствием мало освещены и которых я, как обвинитель, сознательно не освещал и не детализировал. Это — посещение Киндерманом ряда крупных промышленных и торговых фирм. Я не освещал и не детализировал их, с одной стороны, потому, что было трудно проверить, действительно ли они посещали эти фирмы, с другой стороны, потому, что едва ли можно было утверждать, что цели экономического шпионажа являлись в этом случае основными целями группы.

Безусловно, это было не так. И если нельзя сомневаться в этом отношении в искренности Дитмара или в правдивости Киндермана, который показал, что их целью был шпионаж, то это объясняется тем, что они понятие шпионаж понимали в широком обывательском толковании слова — сообщение экономических сведений вообще. Никаких сомнений не может быть в том, что крупные германские промышленные фирмы могли по-

ручить Киндерману, Вольшту или Дитмару давать им сведения общего характера относительно хозяйственных и иных экономических условий Советской России, в том числе и относительно ее промышленного строя, ее промышленной структуры. Но я не думаю, чтобы здесь можно было говорить о сознательно поставленной им этой цели как главной цели постольку, поскольку для этого требовалось очень подробное для каждой отрасли промышленности знание определенной суммы вопросов, которые данной промышленности нужны. Чтобы получить данные, которые можно было характеризовать как экономический шпионаж, необходимо было иметь большую специальную, чисто практическую подготовку по каждой отрасли, что отнюдь не было в силах обвиняемых. Гораздо естественнее предположить со стороны крупных промышленников, что для того, чтобы получить сведения вообще, ими были даны деньги, со стороны же обвиняемых было желание получить авансом деньги за предполагавшиеся сведения. Я только сомневаюсь в том, что у них было действительно так условлено с «Берлинер тагеблатт», как это говорится в документе. Что «Берлинер тагеблатт» согласилась заплатить им 1500 или 2000 марок за статьи авансом, в этом сомневаться незачем: «Берлинер тагеблатт» была заинтересована в том, чтобы получить отчеты и корреспонденции от доктора Киндермана, хотя бы и чепуху о Советской России, ибо всякая чепуха о Советской России ценится на этом рынке. Чем эта чепуха бессмысленнее, тем больше ценится, и в этом отношении эти деньги вернулись бы «Берлинер тагеблатт» и вернулись бы сторицей. Вероятно так было дело. Экономический шпионаж тут выдуман, чтобы прикрыть другое. Тут Теодор Вольшт проговорился о том, что они имели источник в 1000 марок в месяц,—это показание очень ценное. Я уверен в том, что не «Берлинер тагеблатт» должна была заплатить им эти 1000 марок в месяц, и я думаю, на этом остановиться следует. Тот факт, что, приехав в Россию, они не боялись очутиться здесь без гроша, объясняется именно этим. Быть может, им так и нужно было приехать в Россию без копейки денег, изобразив из себя голодающих и нищих коммунистов-студентов, желающих познакомиться с Советской Россией. Быть может, для того, чтобы их поместили в дом политэмигрантов, им и нужно было ехать, не имея ни копейки денег. И нужно было также иметь необходимые адреса, чтобы в свое время получать на них в определенный срок по 1000 марок в месяц.

Вольшт об этом не говорил, больше детализировать этот вопрос не пришлось, потому что, конечно, большего и нельзя было получить, кроме этой оговорки, а то еще, чего доброго, он смекнул бы в чем дело и взял бы ее сейчас назад. Вот почему я и говорю, что этой оговорке нужно придать особое значение. Вот почему так ценны и эти телефоны, которые мы нашли на некоторых визитных карточках у обвиняемых. Это полупризнание Вольшта получает иное значение в свете тех фактов, которые мы выше установили.

Обвиняемые имели целью совершение террористических актов

Объективными данными представляется, таким образом, установленным не только существование организации «Консул» в Германии, но объективными данными мне представляется, равным образом, совершенно установленным и то, что эти трое обвиняемых предварительно между собой сговорились о совершении ими террористических актов по поручению этой организации. Факты, доказывающие это, заключаются прежде всего в откровенных показаниях Дитмара, в показаниях, данных Киндерманом, в том полупризнании, которое мы слыхали от Вольшта на очной ставке с Бауманом. Субсидия 1000 марок в месяц также укладывается прекрасно в эту цепь фактов. Нам нужно остановиться теперь особенно подробно на показаниях Киндермана, потому что они являются, явились и явятся определяющим, руководящим в развитии этого процесса.

Протокол 6 февраля

Я имею в виду его знаменитый протокол показаний от 6 февраля. Почему именно этот протокол должен быть признан руководящим, определяющим все? Потому, что если бы не было показаний Киндермана, если бы не было протокола от 6 февраля, то можно было бы признать, хотя бы в минимальном размере, правдоподобность утверждения, что мы здесь имеем, с одной стороны, только оговор, неслыханный оговор одним из обвиняемых—Дитмаром, стремящимся своими показаниями спасти свою жизнь, а с другой стороны, только взбалмошного, легкомысленного, без царя в голове, Хлестакова наших дней, в виде Карла Киндермана, этого пресловутого творца пресловутой «научной экспедиции». Защита, конечно, соответственная защита, могла бы, если бы она здесь была, строить и, вероятно, строила бы так свою аргументацию, ибо для этого есть много данных: сам характер этой экспедиции, меры, которые Киндерман предпринимал для ее организации, сама физиономия Киндермана, как такового, его постоянное бросание то туда, то сюда, все зигзагообразные методы его «научной» работы и «научных» исследований и зигзагообразные методы его мышления, и все поведение этого человека, заявляющего, что он в сентябре еще был коммунист, а теперь уже не коммунист, человека, который был способен одновременно стремиться и к воссозданию дружественных отношений и общения между студенческой молодежью Германии и России и одновременно праздновать в тюрьме ГПУ день рождения кайзера Вильгельма, человека, который не может быть иначе охарактеризован, как Хлестаков наших дней.

На этом можно было бы, повторяю, можно было бы попытаться выгораживать Киндермана, если бы не было протокола от

6 февраля. Я отметил уже, что его показания были даны раньше, чем давал свои показания Дитмар. Это я подчеркивал на судебном следствии. Первое заявление о террористических целях дал Киндерман, а не Дитмар, отсюда уже вытекает, что нельзя говорить об оговоре, так как оговариваемый показывал раньше оговаривающего.

Содержание же протокола от 6 февраля таково, что не оставляет никаких сомнений. Накаких. Наконец, если бы у нас был только один протокол 6 февраля, еще можно было бы под тем или иным соусом выгораживать Киндермана, предположить припадок некоторого умопомрачения у него в тот день, когда он наговорил так много неслыханных вещей, если бы это было только 6 февраля или 7 февраля. Но после этого было еще 9 февраля, после этого было 12 мая, после этого было 17 июня. Поэтому я стремился на судебном следствии так подробно, обстоятельно установить точную обстановку, в которой писались все эти доклады 6 февраля, 7 февраля, 12 и еще раньше — 25 и 26 января 1925 г.

Карл Киндерман

Что Киндерман является человеком, у которого не все в порядке, — это не представляет для нас никакого сомнения.

Здравомысляший в полной мере человек, конечно, не стал бы делать таких шагов, которые предпринял Киндерман, но это не мешает Киндерману оставаться тем живым и реальным Киндерманом, который, несмотря на целый ряд странностей и нелепостей, все же знал прекрасно, где раки зимуют, и знал прекрасно, чего он хочет.

Начнем с его берлинских похождений. В Берлине он фигурирует как студент университета, как доктор (должен сказать, что доктор философии — это только окончивший университет и больше ничего), который хорошо знает классическую латынь, настолько хорошо, что по-латыни пишет свою диссертацию, чрезвычайно важное исследование о порядке использования в древней Греции растительных ядов. Диссертация эта — одна сторона киндермановской физиономии. Другая сторона физиономии Киндермана — это Киндерман в поисках средств к жизни. Я беру только его версию, только то, что он сам признал доказанным, а не то, что утверждает обвинение. Киндерман в поисках средств предлагает свои услуги частному сыскному бюро по раскрытию преступников. Он идет, по его словам, на эту сыскную работу из-за заработка и, так как он этим делом весьма интересовался, посещает сыскной музей и близко знакомится с заведующим сыскным бюро, которого раньше знал по лекциям, которые тот читал в университете о сыскном деле. Это вторая сторона киндермановской физиономии — Киндерман № 2.

Третья сторона. Киндерман — человек, который изучает по специальности использование растительных ядов при Перикле и

еще раньше Перикла, Киндерман, который в порядке удовлетворения своей любознательности шатается по притонам в северной части Берлина для наблюдения быта преступников и на этот предмет предлагает сыскному детективному бюро свои услуги; этот Киндерман — одновременно и «научный путешественник» — старательно исследует полярные круги, полярные страны, арктические зоны, хотя никогда раньше этим не занимался, так как это его специальностью не было, — вот третья физиономия Киндермана — Киндерман № 3.

Наконец, Киндерман — участник террористической группы, использующий свое квазинаучное путешествие в качестве предлога и прикрытия для этой группы, — четвертая физиономия Киндермана — Киндерман № 4.

Можно ли, мыслимо ли представить себе такое разнообразное сочетание разнообразных целей и интересов? Какая же из этих целей, из этих сторон является стороной основной, стороной, определяющей все? Будем разбирать по очереди.

Если бы его основная сторона, основное существо его, как личности, была его научная работа относительно употребления растительных ядов в древней Греции, спрашивается, серьезно занимающийся этим человек стал бы разве одновременно шататься по притонам и предлагать свои услуги по сыскной работе в дедективном бюро? Нет, не стал бы. Это является логически несообразным, бессмыслицей, фактом, не могущим иметь место в реальной действительности.

Вторая гипотеза. Киндерман — исследователь быта якутов, начиная со времен Петра Первого и кончая последним трудом, который надо отнести, по его словам, к 1746 году. Спрашивается, какой человек, ставя серьезно работу в этой области, будет одновременно ходить в притоны, писать диссертацию о ядах, предлагать свои услуги сыскному бюро? Если бы он серьезно этой работой занимался, то эта сторона также была бы исключена, эта сторона не могла бы иметь места и не имела бы места в реальной жизни. Третья гипотеза. Киндерман, состоящий на службе в детективном бюро. Киндерман — агент полицей-президиума, исследующий по его заданиям те или другие притоны и добывающий этим средства к существованию и исполняющий его поручения под предлогом хотя бы научных экскурсий, под предлогом хотя бы посещения Советской страны для установления тесной связи между томским и берлинским студенчеством, одновременно пишущий диссертацию, чтобы закончить университет, диссертацию которая, по его собственным словам, никому не нужна. Могла ли быть эта гипотеза мыслимой? Она мыслима и естественно мыслима. Наконец, последняя гипотеза. Киндерман как участник террористической группы, не как главный исполнитель террористических актов, так как это должны были сделать Вольшт и Дитмар, а как предлог и повод для поездки и одновременно как исполнитель заданий полицей-президиума не в качестве полнокровного фашиста, а в качестве агента полиции

социал-демократического правительства по наблюдению за фашизмом, — мыслима ли эта комбинация в качестве реальной жизненной комбинации, мыслима или нет? Опять-таки да. Если нас поражало во время судебного следствия то, что мы имеем дело, с одной стороны, с двумя такими выдержанными и истинными тевтонами, как Дитмар и Вольшт, а с другой, с Киндерманом, чья физиономия как-то не вязалась с ними, казалась пристегнутой сбоку к этой группе, то этот диссонанс совершенно не диссонирует при этой последней гипотезе, когда мы в Киндермане будем видеть прежде всего вошедшего в эту группу с определенными целями платного сотрудника полицей-президиума и уж затем фашиста

С точки зрения реальной возможности, реального учета тех возможностей, которые дарит нам жизнь, в особенности в настоящий период переоценки всех ценностей, мы должны сказать, что такое построение наиболее правдоподобно и достоверно. Мы не могли при помощи судебного следствия установить его службу как определенный факт, ибо здесь мы находимся в области предположений. Но это наиболее вероятное из всех предположений Его участие, однако, как члена террористической группы доказано безусловно.

Ибо и тут мы имеем полупризнание Киндермана, которого никто не тянул за язык говорить о том, что он предлагал свои услуги детективному бюро или полицей-президиуму. Все это вместе дает возможность утверждать правильность этой последней гипотезы.

И, конечно, если бы не было протокола 6 февраля, быть может, мы правды бы не узнали, и Киндерман мог бы сказать и защита его могла бы сказать, что мы имеем дело только с взбалмошным легкомысленным человеком, с человеком, который берется сегодня за одно завтра за другое, с человеком с чрезвычайно спутанными понятиями и представлениями но и только.

Это можно было бы доказывать оглашенными мною в конце следствия документами. Возьмите хотя бы последний документ, так называемое «обращение к русскому народу», или возьмите его письмо, написанное на Фридрихштрассе 107, — вы увидите воочию, какая путаница понятий действительно была в этой несчастной голове. Какая каша слов, фраз, пустозвонства, фразерства и т. д. Тут, с одной стороны, утверждение о том, что он получает необычную силу, «погружаясь в германский дух», с другой стороны, утверждение о том, что «Россия открыла новые страницы всему миру» Абсолютное отсутствие какой бы то ни было устойчивости, какого бы то ни было вообще миросозерцания.

Но это-то и есть та неустойчивая, трясинообразная, похожая на жижицу, на кисель, каша, которая лучше всего используется различного рода сыскными учреждениями, так как именно неустойчивый характер таких лиц и их психология дают возможность, в конце концов, делать из них все, что угодно.

Киндерман не только Хлестаков

Но протокол 6 февраля появился, и эта версия, что мы имеем дело только с Хлестаковым, должна быть отброшена. Протокол говорит точно и определенно о террористических заданиях, которые знал и которые имел Киндерман. Вспомните показание Розенфельда, которого мы подвергли специальному допросу, чтобы развеять раз и навсегда басни, которые выдумал Киндерман относительно гипноза. Кстати, Киндерман утверждает, что Бауман сидел против него в течение всего допроса, упорно на него смотрел и этим так на него влиял, что Киндерман впал в гипнотический транс. Но Бауман сидел рядом с Киндерманом тут перед нами в течение битых трех часов. Один момент Бауман в упор так смотрел на Киндермана, что стоящий рядом часовой уже вынужден был приготовиться к тому, чтобы их разнимать силой. Однако это никакого гипнотического впечатления на Киндермана не произвело. Наоборот, он с тем же цинизмом продолжал утверждать, что все то, что говорит Бауман, — явный вздор и ложь. Этот один пример, которому мы все были свидетели, является лучшим доказательством бессмысленности его утверждения относительно гипноза. Но по существу, что было до этого протокола? Розенфельд показал: до этого было письмо в «Берлинер тагеблатт», до этого было обращение к ректору университета. О чем писал там Киндерман?

Письмо Киндермана

Здесь я хочу отметить два характерных момента из этого письма. Первый — его утверждение о том, что он готов всегда подтвердить эти свои признания при ком угодно, лишь бы конфиденциально, т. е. чтобы об этом никто не знал. Вот самое важное из этого письма. Второе — это то, что он в этом письме сознательно отгораживался от Дитмара и от Вольшта, другими словами, стремился путем секретного признания предать своих соратников и этим выгородить себя. Вот в чем значение этого письма. Это было 25 января. После этого, когда Киндерман уже колебнулся, когда он обнаружил свою слабость и ему показали записку, которую он писал Вольшту, и сказали: «Полно вам ломать комедию!» — он сдался и перестал ломаться, и не только признался, но даже спросил: «Хорошо ли я играл свою роль?» Киндерман молчал, как в рот воды набрал; когда Розенфельд об этом нам рассказывал, Киндерман ни звука не испустил по этому поводу в опровержение слов Розенфельда. Видимо, он не решился здесь, прямо перед лицом суда, отрицать этот факт. После же того, как огласили его записку, в которой он Розенфельду писал о том, что только один Розенфельд способен утихомирить его страдающие нервы, только после этих записок, написанных

собственноручно, установивших, что ни о каком воздействии, насилии и принуждении здесь речи не могло быть, после этого вопрос о применении к нему тех неправомерностей, о которых Киндерман кричал здесь в первый день, отпал вовсе. Помните, с какой гордостью Киндерман заявлял здесь: «Я требую немедленной изоляции, немедленного ареста следователя Розенфельда», и что он, Киндерман, не будет отвечать суду, пока не узнает, что следователь Розенфельд арестован за допущенные им необычайные преступления. И, однако, Киндерман молчал в ответ на слова Розенфельда, как пойманный с поличным, молчал, как побитый щенок. Когда Розенфельд описывал, каким образом происходил допрос 6 февраля, Киндерман ничего не мог сказать в ответ.

Сказка о гипнозе

Но возьмите ту версию, о которой говорит Киндерман. Допустим, что Бауман все время присутствовал. Бауман на него смотрел, и поэтому Киндерман писал все, что ему диктовали. Я спросил: «А разве вам все диктовали?» — «Нет», — говорит. Оказалось, что часть он сам писал. Киндерман должен был признать, что он сам писал. Потому, что из оглашения этих цитат из протокола было ясно, что выдумать и продиктовать Киндерману то, что написано, Розенфельд никак не мог, потому что Розенфельд не мог никак раньше знать того, что было написано в протоколе 6 февраля. Итак, протокол писал сам Киндерман, но Бауман на него смотрел и внушал ему. Тогда председательствующий задал вопрос, известно ли ему, что лицо, находившееся в гипнотическом трансе, ничего не помнит, что с ним происходило. Здесь на столе лежат книги, специально посвященные вопросу о роли гипноза в судебных процессах. Если бы Киндерман вздумал и это отрицать, можно было бы ему доказать, что, если бы он был в гипнотическом трансе, то не мог бы ничего помнить из того, что с ним происходило, а он все помнил и рассказал, и рассказал даже о том, что подписал и что не подписал, и как подписал и в каком порядке писал.

Когда я ему показывал этот протокол, я спрашивал: «Как вы писали? Подписывали ли вы в протоколе после каждого абзаца или раньше все написали и после всего показания подписали?» И он рассказал все и подтвердил весь процесс писания этого протокола. Он все это помнит. Так в чем же заключается самый гипноз? Только в том, что Бауман сидел в ночь на 6 февраля против него. Но ведь потом, когда Киндерман писал письмо к Дзержинскому, не было Баумана. А затем, когда он писал последнее обращение к Розенфельду, то не было никого — ни Розенфельда, ни Баумана. Правда, был кто-то еще третий, который тоже с ним в это время сидел в камере. И вот Киндерман говорит, что на этот раз этот третий на него влиял. Но ведь есть же предел для всякой наглости? Обман, вся необоснованность, все

легкомыслие этого способа защиты, выдуманного Киндерманом, совершенно ясны

Но в этом протоколе чрезвычайно характерно одно — Киндерман прав в одном. Не все то, что в этом протоколе сказано,— правда. Часть этого протокола действительно содержит явную ложь. Это та часть, где Киндерман рассказывает о том, как Вольшт потопил санитарный пароход, или как Дитмар бежал из какой-то тюрьмы, где он рассказывает и именует Вольшта Вольтом и говорит, что его фамилия не Вольшт, а Вольт. Спрашивается, зачем Киндерман все это написал? Не так трудно объяснить. В первой части следствия, как это можно установить из документов, у следственных властей было подозрение, что Дитмар не Дитмар, и в том, что Вольшт не Вольшт. Основание к такому подозрению заключалось прежде всего в том, что прежде всего можно всегда предполагать, что люди ехали сюда не под своей фамилией. Прошлое Вольшта давало основание к такому утверждению, так как, с одной стороны, — а это потом было установлено, — его семейное происхождение таково, что лишь потом он окончательно оформился юридически как Вольшт. Наконец, у него были найдены платки с другими инициалами: по традициям фашизма, когда людям нужно исчезнуть или переменить фамилию или кличку, они меняют часто только первую букву своей фамилии; относительно Дитмара имелось то, что он ехал как Дитмарин, хотя он является фон-Дитмаром. Все это давало основание полагать, что может быть, мы тут имеем дело не с Вольштом и не с Дитмаром, а с другими лицами. Об этом можно найти указание в протоколах следствия и в первых вопросах, которые следователь ставил этим двум обвиняемым. Ясно, что об этом спрашивали и Киндермана. И вот, когда Киндерман решил, что будет признаваться, он начал нагромождать не только то, что было, но и то, чего не было, с целью как можно больше написать для того, чтобы себя выгородить, чтобы представить себя, что он находится в полном и абсолютном распоряжении следственных властей. Чрезвычайно характерно в этом отношении его последнее заявление Дзержинскому и Розенфельду, где он пишет, что он готов, если ему прикажут, составить подробный доклад об организации «Консул». Он уже готовил доклад и предложил свои услуги. Прав был Дитмар, когда здесь, во время судебного следствия, бросил реплику: «Не золотой ли гипноз был, который заставил Киндермана рассказать все?»

Это было неправильно понято, — не в том смысле это был «золотой гипноз», что Киндерману что-нибудь предложили или чем-нибудь оплатили его признание, а в том смысле был «золотой гипноз», что сам Киндерман предложил в этом отношении услуги, заявив, что если нужно правительству, он готов сейчас же написать подробный доклад об организации «Консул». Этого не выкинешь, этот факт остается. Вот почему, если и этот факт поставить в связь с анализом тех четырех гипотез, которые я разбирал несколько минут назад, то этот факт также бросает

определенный свет на вопрос, какую из этих гипотез мы должны принять как наиболее отвечающую достоверности, как наиболее отвечающую действительности. Так обстоит дело с пресловутым гипнозом. Каюсь, я думаю, что у Киндермана будет на этот раз более мощный взмах фантазии. Когда я допрашивал Киндермана по поводу протокола 6 февраля, вы помните, товарищи, что весь допрос велся мною таким образом, что я стремился установить сначала факты, чтобы потом дать ему возможность болтать, что придет в голову. Это делалось потому, что я ожидал, что у этого «доктора философии» в этот критический для него момент мы будем иметь бурный взлет фантазии, который будет использован буржуазной прессой и который создаст впечатление, что человека действительно измочалили в лоск гипнозом и так далее, что его поставили в угол, а Бауман подходил справа и слева со специальными пассами, что будет что-либо специальное в этом отношении нам рассказано, и поэтому мне надо было раньше установить факты, чтобы этими фактами бить затем его фантастический бред.

Киндерман не нашелся ничего сказать кроме того, что против него сидел Бауман и на него смотрел. Но Розенфельд показал, что Бауман вовсе не сидел против него, что Бауман сидел в соседней комнате, что Бауман был приглашен потом, когда допрос уже кончился, когда они мирно пили чай и ели бутерброды с икрой вместе с Розенфельдом, когда уже не нужен был гипноз, а через стену камеры трудно гипнотизировать. Эти показания Розенфельда решают все. Они в корне подрывают возможность той версии, которую хочет нам навязать Киндерман.

Как защищается Киндерман на суде

Больше того, Киндерман не знал до самого последнего дня, до суда не знал, как ему держаться на суде, Киндерман все думал и гадал, выгоднее ли будет ему занять ту позицию, которую он, в конце концов, занял, — все отрицать, или выгоднее ему будет все признать и все подтвердить. Киндерман не знал, Киндерман думал, Киндерман разгадывал, Киндерман гадал, и я, к сожалению, должен признаться, что нет сейчас у меня в руках того маленького хотя бы узла или кончика ниточки, который бы мог мне помочь сейчас найти и установить тот момент, когда именно он решил занять ту позицию, которой он держится сейчас. В связи с чем последовало это решение, где этот переломный момент, кто ему и что в этот момент, когда и каким образом посоветовал, что передал, — я не знаю. Но что такой момент был, это не подлежит никакому сомнению, что такой момент был, это совершенно ясно, ибо иначе это решение созрело бы раньше и оно выразилось бы в чем-нибудь раньше, но это случилось в один из тех моментов, когда представляли следственный материал или когда окончательно формулировали обвинение против него.

Совершенно ясно, что до 12 мая Киндерман не знал, как он будет держаться. И не только он не знал, но и Вольшт не знал, как будет держаться Киндерман. Протокол же 6 февраля и дальнейшие признания, в особенности письма Дзержинскому, ясно указывают, что Киндерман был совершенно точно осведомлен о террористических целях и что версию о том, что он был здесь с боку припека, нужно откинуть.

Всего этого, мне представляется, достаточно для того, чтобы закончить уликовую часть моей обвинительной речи и анализ непосредственного материала, хотя то, что я сказал, является, конечно, исчерпывающим лишь часть всего того, что дало судебное следствие. Потому что уже до анализа допроса 6 февраля, на почве анализа подготовки, на почве рассмотрения и сравнения показаний Киндермана и Дитмара создалось совершенно определенное впечатление, уже в этот период удалось установить абсолютную вероятность, достоверность показаний Дитмара.

Анализ юридической стороны деяний подсудимых

Я должен перейти теперь к анализу юридической стороны того, что было совершено подсудимыми, а с другой — к той оценке, которую должен дать этому преступлению суд в виде той меры социальной защиты, которую он должен будет определить.

Если бы опять-таки здесь была представлена защита, как она первоначально предполагалась быть, кретины от юриспруденции могли бы, пожалуй, построить свою юридическую аргументацию следующим образом. Они бы доказывали: «Допустим, они хотели совершить террористический акт; даже если это допустим, то все-таки их нужно выпустить на свободу, ибо они ничего не сделали, ибо они невинны, как агнцы, так как никакого вредного действия ими все же не было совершено. А закон, сказали бы кретины от юриспруденции, карает только за действие. А закон карает только за то, что сделано. Закон не карает лиц тогда, когда они ничего не сделали, когда они, пускай, хотели, но только хотели сделать, и не сделали...» Соответственные статьи, которые привела бы при этом защита, были бы следующие: «Приготовлением к преступлению считается приискание или приспособление орудий, средств и создание условий для совершения преступления. Приготовление не карается, если оно само по себе не составляет деяния наказуемого, согласно настоящего кодекса». Но от суда зависит применять в отношении привлекаемых лиц, признаваемых им социально опасными, меры социальной защиты.

Защита сказала бы: «Приготовление, т. е. приискание или приспособление орудий, в том числе цианистый калий, приискание и приспособление средств для совершения преступления, в том числе беседа с советником Гильгером, создание условий для совершения преступления, в том числе стремление узнать точно

адреса соответствующих лиц или проникнуть в Кремль, — да, все это есть. Но само по себе хранение цианистого калия квалифицируется, согласно главе VIII Уголовного кодекса, лишь как нарушение правил о хранении ядовитых веществ. Но само по себе сношение с советником Гильгером ничего преступного не заключает, а наоборот, им, как немцам, даже делает честь. Но само по себе стремление проникнуть в Кремль ничего преступного в себе не заключает, а доказывает лишь их любознательность, и, как таковое, должно быть поощряемо. Отсюда следует их карать, согласно VIII главе, только штрафом до 300 рублей или принудительными работами до трех месяцев».

Вот так можно было бы юридически построить эту защиту, если бы мы стали слушать подобных кретинов. Но отличие наше, нашего права, наших законов, нашего суда от буржуазного права, от буржуазного суда заключается именно в том, что мы так никогда ни к одному факту не подходим. Более того, в одной из статей Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых сессией ЦИК Союза ССР, специально говорится о том, что мы берем всегда каждое преступление в данных условиях места и времени и что поэтому никогда так фетишистски, так ультраюридически мы ни к одному факту подходить не будем. Мы определяем прежде всего социальную опасность данного явления и социальную опасность данного лица, хотя бы оно ничего и не сделало из того, что оно хотело. Статья 12 говорит также о принятии мер социальной защиты, если суд признает этих лиц социально опасными. Какие меры социальной защиты? Те, которые суд сочтет нужным. И в этом отношении является предрешенным, должны ли мы в отношении лиц, которые хотели совершить террористические покушения, принять соответственную меру. Но дело-то в том, что и в этом отношении дело обстоит далеко не так, как могли бы строить юридически защиту подобные кретины.

Ст. ст. 61, 64 и 57 Уголовного кодекса

Обвинение предъявлено этим лицам по ст.ст. 64 и 61 Уголовного кодекса. Статья 61 гласит: «Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, действующей в целях, указанных в ст 57 Уголовного кодекса»... Не приготовление к участию, не приспособление средств к участию, а участие в организации или хотя бы содействие организации. Существует организация «Консул»? Да, существует. Участвовали ли в этой организации обвиняемые или содействовали ли, по крайней мере, этой организации? Да, содействовали.

Есть, следовательно, состав 61 статьи? Есть. А остальное нам не интересно, не интересно то, какие приготовления были к покушению, преследуемому по 64 статье. Что же говорит 57 статья?

Настоящий процесс чрезвычайно интересен тем, что он еще раз доказывает прямую, до поразительности необычайную сверхестественную в известном отношении, политическую прозорливость Владимира Ильича. Когда писался Уголовный кодекс, нам, писавшим этот Уголовный кодекс, в голову не приходило, что нужно написать особую статью, которая будет карать за содействие международной буржуазии в ее борьбе против советской власти; когда мы писали эти статьи, мы знали, что наказуемо участие в наших контрреволюционных организациях, которые стремятся вооруженным путем, путем восстаний или вооруженных вторжений, путем сношений с неприятельскими армиями или сношений с буржуазными державами действовать против советской власти, но мы никогда не думали, что нужно будет иметь особую статью, которая бы преследовала и карала участие в международных организациях буржуазии, стремящихся к борьбе против советской власти.

Владимир Ильич Ленин собственной рукой написал вторую часть статьи 57, которая гласит:

«Контрреволюционным признается всякое действие... в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п.».

Сообразно с этим была составлена 57 статья. Владимир Ильич знал, что настанет момент, когда международная буржуазия в борьбе против советской власти поставит своей специальной целью создание организаций для этой борьбы. Это нужно было предусмотреть. И настоящий процесс, когда первый раз у нас на скамье подсудимых сидят иностранцы, члены иностранной буржуазной организации, члены боевой организации буржуазии и именно той буржуазии, которая не признает, как говорил Владимир Ильич, «равноправия приходящего на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится свергнуть ее путем интервенции... и т. д.». Эти лица сейчас, как реальное доказательство прозорливости Владимира Ильича, сидят перед нами на скамье подсудимых. В этом тоже историческое значение процесса, поскольку доказывается, как рушатся все национальные рамки в этой классовой борьбе, как она шагает через национальные границы и как одинаково сейчас, одним языком, хотя и на разных языках, говорят друг с другом представители буржуазии и одинаково мы понимаем их и они понимают нас.

Обвинение по статье 61 является абсолютно и полностью доказанным. В этом отношении после всего того, о чем здесь говорили, не может быть никаких сомнений.

Статья 64 говорит также об организации в контрреволюционных целях террористических актов, а под организацией террористических актов мы понимаем все меры, которые для этого

необходимы, вплоть до приезда в Советскую Россию с билетами коммунистов Дурлахской группы. С точки зрения анализа целого в цепи шагов, в цепи действий, необходимых для совершения террористических актов, пусть это — приготовление. С точки зрения текста закона это есть организация террористических актов. Поэтому и обвинение по статье 64 представляется полностью доказанным.

Почему подсудимые так наглы?

Товарищи, нам особо нужно остановиться еще на одном вопросе. Может быть, многим приходило в голову, когда они слушали судебный процесс и судебное следствие, чем объяснить (вероятно, многие спрашивали себя) ту поразительную самоуверенность, с которой держатся обвиняемые, тот поразительный... именно цинизм, переходящий все пределы, который выражался в этих репликах подсудимых, вроде реплики Вольшта о низком научном уровне нашей химии, реплики по поводу экспертизы флакона с цианистым калием, когда он отрицал, что это цианистый калий, и говорил, что это пирамидон, и в многочисленных репликах Киндермана аналогичного рода, — чем объяснить? Только убеждением в том, что они не будут наказаны, что практика международных отношений (между прочим, практика, которой нельзя найти равных прецедентов в области международного права прежнего времени) приводит к тому, что борющиеся как два враждебных лагеря, — с одной стороны, буржуазные государства, с другой, Союз советских социалистических республик, в известных случаях, — как на войне, обмениваются пленными. Мы можем найти в этой папке ряд записок тех же самых обвиняемых, где они говорят относительно возможного обмена. Я думаю, что тут эти мотивы сыграли свою роль. Ну, что же? Пусть, благодаря этим мотивам, они так вызывающе держат себя, это нас также не должно останавливать.

Трезвый реализм партии

С точки зрения настоящего момента, с точки зрения возможных перспектив будущего и, наконец, с точки зрения исполнения основной задачи суда, выражающейся в воздействии не только на данного правонарушителя, но выражающейся в воздействии на широкие неустойчивые элементы вообще, в интересах ограждения советской власти, ее коммунистического строя и основных принципов правопорядка, ею установленного, мы спокойно должны делать свое дело. Мы имеем одну прекрасную цитату у Владимира Ильича, где он клеймит маниловские настроения тех, кто полагает возможным в гражданскую войну обойтись без высшей меры наказания. Маниловской болтовней назы-

вает это Владимир Ильич. Только лицемеры, говорил он, лицемеры и Маниловы или прожженные негодяи могут утверждать и на этом строить свою политику, что в гражданской войне можно обойтись без физического уничтожения противника.

В одном из томов его сочинений мы найдем язвительные фразы по поводу того маниловского прекраснодушия, которое проявила советская власть, в частности, по отношению к генералу Краснову, который из Смольного еще в Октябрьские дни был нами освобожден под честное слово. За это «честное слово» юзовские рабочие заплатили своими головами. Этот трезвый реализм, который всегда отличал Владимира Ильича, этот трезвый реализм, который отличал большевистскую партию, этот трезвый реализм, который отличает пролетарскую диктатуру, он должен теперь, сейчас здесь вступить в свои права.

Отряд фашизма не может вернуться

Поэтому сейчас, когда мы рассматриваем возможные меры в отношении обвиняемых, здесь не может быть никакого сомнения ни на одну минуту, никакой капли колебания относительно того, о какой мере единственно может итти речь.

Фашизм, посылающий в нашу страну передовой отряд, должен быть встречен согласованным, стройным пулеметным огнем наших батарей. Первый отряд его должен быть уничтожен целиком на аванпостах нашей границы. Отряд фашизма не может вернуться. В этом уничтожении всех троих, согласно точному смыслу закона, должен содержаться ответ, который даст суд на установленные факты. Мы знаем, что закон в этом отношении предоставляет суду чрезвычайно широкую возможность варьирования мер репрессии. Мы знаем, в частности, что по той же 64 статье и по той же 61 статье вопрос об относительном пределе наказания варьируется в гранях не ниже пяти лет и до высшей меры наказания.

Но эта мера поставлена в законе, однако, не так, как мера, которая наступает при отягчающих обстоятельствах, она поставлена как мера, от которой должен исходить суд. Исходным пунктом должен быть расстрел. Отсюда вытекает и то, как должен ставить вопрос суд о применении ее в отношении подсудимых. Я думаю, что характеристика их составилась уже у судей полностью.

Основной руководитель и исполнитель, лицо наиболее в этом отношении крепкое, твердое, знающее, чего оно хочет, знающее, что оно делает, оценивающее трезво свои поступки и намерения, — Теодор Вольшт.

Поэтому в отношении участи, которая его ждет, не может быть никаких сомнений — расстрел.

Расстрел Вольшта является логически неизбежным следствием из того, что здесь говорилось, расстрел Вольшта должен

явиться поэтому единственным справедливым решением суда в отношении этого участника. Расстрел Вольшта должен постановить суд.

Киндерман. Я полагаю, что все, что я говорил относительно Киндермана, в частности, когда я характеризовал его работу и мотивы, которые толкнули его на эту работу, и ту связь, которую он установил с другими учреждениями на почве этой работы, достаточно говорит о том, что наука много не теряет от его уничтожения. Мы здесь имеем дело с человеком не только неустойчивых воззрений, но с абсолютным моральным нулем, с абсолютным моральным ничтожеством и в то же время с ничтожеством вредным, ничтожеством, которое сделало много скверного и которое еще достаточно много может сделать. Как-то в перерывах во время процесса мне указали, что в случае, если когда-нибудь, каким-нибудь чудом или иным путем Киндерману удастся попасть вновь в фашистскую среду, он не только использует этот процесс как карьеру для себя и начнет по этому поводу читать лекции во всех городах мира, в каких побывает, но использует этот материал, а затем создавшуюся благодаря этому процессу известность прежде всего для продолжения своей прежней деятельности.

Поэтому приговор Киндермана к высшей мере социальной защиты, расстрелу, является необходимым для того, чтобы политически обезвредить его и в то же время показать не только фашистам, но и берлинской полиции, что безнаказанно они не смеют проникать через советскую границу. Расстрел Киндермана также должен постановить суд.

Дитмара мы мало касались на допросах. Прежде всего, мы мало его касались потому, что самое главное и основное, с точки зрения судебного следствия, было сказано им самим в своем заявлении и в своем признании. Улик и доказательств в отношении Дитмара я не должен был искать.

Дитмар своим признанием сделал то, что разоблачил других сообщников, более того, своим признанием Дитмар закрыл себе возможность возвращения в фашистские ряды, в фашистские организации, во всяком случае без определенной компенсации, если он захочет туда вновь войти, они его не примут обратно.

Отсюда вытекает, что, с точки зрения прямой социальной опасности или оценки социальной опасности Дитмара, нельзя приравнять его к первым двум и можно, следовательно, говорить в отношении его о смягчении наказания.

Обстоятельства дела, однако, таковы, что никакой речи об этом смягчении быть не может. Должен ли суд в этом отношении использовать имеющееся у него право отходить от высшей меры наказания и перейти к низшей? Я не найду в себе достаточной силы, чтобы говорить о том, что такое смягчение возможно: Я не найду в себе достаточной силы, ибо борьба равным образом далеко еще не окончена, и мы не знаем всех тех обстоятельств, в которых может оказаться Дитмар в будущем.

Мы видели здесь Баумана. Видели Баумана, рассказывающего о том, что он делал в Руре. Мы видели Баумана, приехавшего сюда с целью подготовить террористические покушения. Мы видели Баумана, рассказывающего о фашистской организации. Однако, если бы мы поставили вопрос: если бы был на месте Дитмара Бауман, как в отношении его нужно было бы поступить, — то у меня не было бы никакого сомнения в этом вопросе. Ибо человек, который был способен сознательно и спокойно вести массы рабочих под расстрел буржуазных войск и буржуазной полиции, такой человек не может быть признан лицом, в отношении которого должны быть приняты во внимание смягчающие вину обстоятельства, — он должен быть расстрелян.

Я бы совершенно спокойно в свое время вотировал за расстрел лиц, подобных Бауману. Я спрашиваю, в чем же конкретно разница в практической работе Дитмара и Баумана? Если Дитмар ездил в Бременгафен, чтобы вести, как он говорил, «разлагающую» пропаганду среди рабочих, если Дитмар ехал сюда с целью совершить террористические акты, если Дитмар раньше ездил в полпредство СССР и в Вену, чтобы предложить свои услуги якобы по разоблачению фашизма, а на самом деле, по поручению фашистов, — я не знаю, где грань, не знаю, где предел его «способностям». Я знаю одно, что лучше переборщить, чем недоборщить. Поэтому я, как государственный обвинитель, с точки зрения охраны государственной безопасности вотирую равным образом за расстрел и Дитмара.

Верховный суд в специальном присутствии приговорил:

1) Карла Киндермана,

2) Теодора Вольшта и

3) Максима фон-Дитмара

по ст. 61 и ст. 64 Уголовного кодекса и руководствуясь ст. 58[1] Уголовного кодекса — к высшей мере наказания — к расстрелу.

Приговор не был приведен в исполнение, и через некоторое время специальным постановлением правительства Киндерман, Вольшт и Дитмар были обменены на арестованных в Германии коммунистов.

ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО

В официальном сообщении Прокурора Верховного суда СССР от 12 марта 1928 г., напечатанном в № 60 «Известий ЦИК и ВЦИК», было указано:

«На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района.

Руководящий центр этой организации, как подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, имеющих тесные связи с отдельными агентами некоторых германских промышленных фирм и польской контрразведкой...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д. При этом задача злоумышленников в случае интервенции, на которую они неизменно рассчитывали, состояла в том, чтобы организовать катастрофический срыв всей промышленности, резко понизить обороноспособность страны и тем помочь интервентам одолеть сопротивление Рабоче-крестьянской Красной армии...

Следствием установлено, что участники организации финансировались заграничным белогвардейским центром»...

Это сообщение о раскрытом контрреволюционном заговоре ряда лиц, поставивших своей целью борьбу с советской властью путем экономического вредительства в каменноугольной промышленности, было основано на направленных своевременно в прокуратуру Верховного суда СССР сообщениях ОГПУ.

По мере того, однако, как развивалось дальнейшее расследование по делу, оно обнаружило, что контрреволюционная организация на деле представляла собой гораздо более сильную и сплоченную группу лиц, центр

которой лежал отнюдь не в пределах Шахтинского района Донбасса, как равно и гораздо более опасную с точки зрения не только конкретных целей, которые ставила себе эта организация, но и с точки зрения тех методов и приемов, с помощью которых она добивалась осуществления этих целей.

Данные предварительного следствия устанавливают, что эта организация.

1. Охватывала собой не только наиболее крупные рудоуправления Донбасса и руководящий центр Донугля, но имела своих сторонников и активных членов среди высшего руководящего технического персонала каменноугольной промышленности в Москве.

2. Была связана с такими же организациями в других отраслях промышленности.

3. Одновременно была связана не только с осколками прежних организаций частнокапиталистического характера бывших собственников и владельцев каменноугольных предприятий СССР, но и с органами и деятелями иностранных держав, не имеющих никакого отношения к каменноугольной промышленности, как таковой.

4. Ставила своей задачей не только экономическое вредительство, но и прямое оказание помощи неприятелю в момент грядущей подготовляемой капиталистическим миром интервенции.

Суду Специального присутствия Верховного суда СССР преданы были 53 лица по обвинению в том, что они состояли членами вредительской контрреволюционной организации, действовавшей с 1920 по 1928 г., разновременно вступив в нее и поставив своей целью подрыв советской каменноугольной промышленности, в контрреволюционных целях, для достижения чего производили:

1. Разрушение и срыв производства на местах.

2. Срыв работы организационного центра каменноугольной промышленности Донбасса — Донуголь.

3. Срыв работы центральных органов, руководивших каменноугольной промышленностью.

Для достижения этих целей означенная контрреволюционная организация не только использовала аппараты советских учреждений, противодействуя их нормальной деятельности, но и связавшись с пребывающими за границей и на территории СССР враждебными СССР лицами, группировками и органами, выполняла их враждебные в отношении СССР задания, передавала им сведения об экономическом состоянии каменноугольной промышленности для использования этих сведений во вред СССР и получала от заграничных контрреволюционных объединений и иных органов денежные средства для продолжения и дальнейшего развития своей контрреволюционной деятельности, каковые действия предусмотрены ст. 58[7] Уголовного кодекса РСФСР, в отношении:

1) Калганова Н. Е., 2) Бабенко С. Я., 3) Самойлова В. Е., 4) Черноклижникова С. Е., 5) Петрова Ф. В., 6) Никишина М. Е., 7) Кузьмы Л. Б., 8) Горлова И. Г., 9) Горлецкого Н. Н., 10) Березовского Н. Н., 11) Кржижановского Н. К., 12) Сушенского Д. М., 13) Соколова В. О., 14) Воликовского А. К., 15) Штельбринг В. Э., 16) Мешкова Л. Н., 17) Чинокала Н. А., 18) Фаермана П. М., 19) Потемкина В. П., 20) Бояршинова Н. П., 21) Ра-

биновича Л. Г., 22) Колодуба Е. К., 23) Беленко В. И., 24) Колодуба А. К., 25) Васильева Ф. Т., 26) Нашивочникова В. А., 27) Овчарека М. А., 28) Калинина П. Э., 29) Некрасова А. Г., 30) Кувалдина В. М., 31) Элиадзе А. Я., 32) Антонова П. И., 33) Одрова В. К., 34) Семенченко П. И., 35) Люри В. В., 36) Стояновского И. К., 37) Некрасова И. И., 38) Ржепецкого В. С., 39) Владимирского В. В., 40) Именитова С. Г.;

ст. ст. 58^7 и 58^8 в отношении: 1) Будного С. З., 2) Матова Ю. Н., 3) Братановского С. В., 4) Шадлун Г. А., 5) Дегер А. В., 6) Юсевич В. Я., 7) Казаринова А. И., 8) Бояринова Н. А., 9) Скорутто Н. И., 10) Башкина А. Б. и

ст. ст. 58^7 и 17 в отношении: 1) Бадштибера В. И., 2) Отто Э. К., 3) Мейер М. К.

Данными предварительного и судебного следствия в отношении отдельных подсудимых установлено нижеследующее:

1. Матов Ю. Н., бывший заведующий Управлением новым строительством (УНС):

а) вступил в 1921 году в связь с находившимися за границей бывшими собственниками и, в частности, с Дворжанчиком, систематически информируя их о положении советской каменноугольной промышленности и поддерживая таковую связь и во все последующее время;

б) вступил в 1923—1924 году в образовавшуюся к этому времени вредительскую контрреволюционную организацию, где сразу же занял выдающееся руководящее положение;

в) активно участвовал во вредительской контрреволюционной работе, вербуя новых участников этой организации, руководя вредительской деятельностью членов организации и отдельных вредительских групп на местах, лично устанавливая связь с зарубежными организациями бывших собственников (Парижский центр) и с представителями некоторых официальных учреждений некоторых иностранных государств и непосредственно осуществляя таковую;

г) получал для контрреволюционной вредительской работы из указанных выше источников денежные средства, которые и распределял среди других участников организации;

д) получал из тех же сумм личное вознаграждение за проводившуюся им вредительскую работу.

2. Братановский С. П., бывший заведующий проектировочным отделом Донугля:

а) вступил в 1921 году в связь с бывшими собственниками и, в частности, с Буржем, систематически информируя последнего о состоянии принадлежавшего ему до Октябрьской революции рудника, за что получал от Буржа денежное вознаграждение;

б) будучи групповым директором, вступил в 1923 году во вредительскую контрреволюционную организацию и осуществлял вредительские действия, выражавшиеся в сокрытии ценных пластов (например, Амазный пласт в Екатерининском руднике 4), умышленном торможении откачки затопленных уклонов (например, уклон на том же Амазном пласте), в задержании ремонта отдельных шахт (например ремонт ствола на шахте Капитальная) и в ряде других аналогичного характера преступлениях;

в) будучи заведующим проектным бюро, а затем проектным отделом УНС, принимал в соответствии с планами и решениями вредительской организации меры к сознательному замедлению составления и прохождения проектов по новому капитальному строительству, в каковых целях установил систему многократных пересоставлений уже готовых проектов;

г) участвовал в подготовке, систематизации и направлении за границу в распоряжение бывшего совета съездов горнопромышленников юга России сведений, поступавших от членов вредительской организации;

д) принимал участие в качестве одного из участников руководящей группы вредительской организации в распределении денежных сумм, поступавших на нужды вредительской организации из-за границы;

е) получал за свою личную вредительскую работу вознаграждение из указанных выше сумм;

ж) осуществлял связь через подсудимого Кржижановского с одним из иностранных учреждений, передавая в его распоряжение интересующие это учреждение сведения, за что получал от указанного учреждения денежное вознаграждение.

3. Казаринов А. И., бывший заведующий иностранным отделом Донугля:

а) состоя заведующим горными работами Гришинского рудника, вступил в 1924 году во вредительскую контрреволюционную организацию, вовлек в нее ряд лиц инженерно-технического персонала Гришинского рудника, содействовал явно нецелесообразному переоборудованию шахт (например, Ново-Экономической, Центральной и Городовской) и совершал другие такого же характера вредительские действия;

б) перейдя на службу в Харьков, вошел в руководящее ядро Харьковской организации и принимал активное участие в ее вредительской деятельности;

в) будучи командирован за границу для участия в работе Берлинского торгпредства, вошел, по поручению организации, в соглашение с заграничной группой бывших углепромышленников юга России и принял участие в совещании совместно с Дворжанчиком, Исаем Башкиным и др., где обсуждались вопросы, интересующие вредительскую организацию, а именно: вопрос об установлении связи с Парижем через Юсевича, об усилении денежных поступлений в пользу организации, об объединении бывших русских торговопромышленных кругов за границей и др.;

г) производил крупные импортные закупки машин, не требовавшихся или не соответствовавших условиям производства в Донбассе;

д) получал, как и ряд других членов вредительской организации, за свою вредительскую работу денежное вознаграждение из сумм, поступавших в распоряжение организации из-за границы.

4. Горлецкий Н. Н., заведующий подотделом механизации Донугля:

а) состоя членом вредительской контрреволюционной организации, организовывал, начиная с 1921 — 1923 гг., отдельные вредительские группы, вовлекая в них ряд инженеров и техников;

б) состоял в связи с бывшими собственниками, получая от них указания вредительского характера и денежные суммы, большую часть которых распределял при посредстве Березовского среди членов организации;

в) руководил вредительской работой, давая через Березовского, Калганова и других указания о сокрытии пластов, замедлении работ и т. п.;

г) будучи одним из ответственных руководителей отдела механизации, производил нерациональные заказы машин, давая указания о приобретении машин, вовсе непригодных или менее пригодных для работы в условиях производства в Донбассе, вследствие чего при затрате крупных денежных государственных средств большая масса этих машин оказывалась или вовсе неиспользованной или использованной с значительно пониженным эффектом (машины Сисколь, Джефри, Кнапп).

5. Бояршинов Н. П., главный технический директор Донугля:

а) вступил в связь с Дворжанчиком, сообщая последнему и в его интересах сведения, могущие быть им использованными в связи с попытками добиться наиболее выгодного получения концессий;

б) вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, сгруппировавшуюся в Донугле, осуществлял совместно с организацией и в соответствии с ее планами ряд вредительских действий, наиболее крупным из которых является так называемое мелкое шахтное строительство, проходившее под непосредственным руководством Бояршинова;

в) занял, благодаря личным качествам своего характера и своему должностному положению, руководящее положение во вредительской организации, о которой не только знал, как это утверждает он сам, но которой руководил наряду с некоторыми другими членами руководящей головки вредительской организации;

г) участвовал наряду с Матовым и другими руководителями организации в распределении и передаче находящихся в распоряжении организации денежных сумм.

6. Сущевский Д. М., бывший помощник заведующего УНС Донугля:

а) вступил в 1923 году в сношения с Дворжанчиком и, действуя в интересах бывших хозяев, не только информировал его, но и присылал за границу на его утверждение проекты новых шахт, производя затем в этих проектах изменения соответственно указаниям Дворжанчика;

б) вступил во вредительскую контрреволюционную организацию и привлек к участию в ней ряд инженеров и техников (Одрова, Стояновского и др.), выплачивал им денежные суммы, полученные через Бахтиарова от бывших хозяев и вообще из-за границы;

в) участвовал в проведении мелкого шахтного строительства в прямых интересах бывших хозяев и следуя соответствующим их указаниям;

г) перейдя на работу в УНС, вошел в руководящую группу контрреволюционной вредительской организации и принимал активное участие в ее вредительской деятельности.

7. Березовский Н. Н., бывший групповой директор:

а) с начала установления в Донбассе советской власти Березовский в течение ряда лет осуществлял вредительские действия в индивидуальном порядке, привлекая к этому ряд лиц, связанных с ним служебными отношениями;

б) вступил в 1922 году в рудничную вредительскую организацию (по Донецко-Грушевскому рудоуправлению), привлекши к участию в ней Калганова, а через последнего еще ряд инженеров и техников — Коло-

дуба Е., Колодуба А., Самойлова, Башкина, Бабенко, Чернокнижникова и др.;

в) руководил вредительской работой отдельных членов организации, давая им соответствующие указания (Калганову и др.);

г) получал через Горлецкого денежные суммы в размере до 175 000 р. и распределял эти суммы между остальными, связанными с ним, членами организации.

8. Калганов Н. Е.:

а) вступил в 1922 году в контрреволюционную вредительскую организацию и во исполнение ее директив:

А. скрывал и задерживал разработкой ряд ценных пластов и участков (шахта «Пролетарская диктатура», им. Воровского, им. Крыленко, шахта «Октябрьская революция» и др.);

Б. пускал в ход нерентабельные шахты (Краснепькая, Тагро и др.) вкладывая в это дело значительные денежные средства и отвлекая их, таким образом, от более целесообразного использования;

В. допускал сознательную порчу машин и отдельных механизмов;

б) привлек к участию в контрреволюционной вредительской организации ряд инженеров и техников — Нашивочникова, Бабенко, Колодуба Ем., Колодуба А., Самойлова, Антонова, Чернокнижникова, Шишкина;

в) получал через Березовского для себя и для других, связанных с ним членов вредительской организации, денежные суммы.

9. Скорутто Н. И., бывший заместитель директора Главгортопа ВСНХ СССР:

а) состоял членом контрреволюционной вредительской организации в Москве («Московский центр»), посещал при своих проездах в Харьков Харьковскую вредительскую организацию («Харьковский центр»), принимал участие в совещаниях этой организации в качестве представителя Московского центра;

б) доставлял неоднократно в Харьков денежные суммы на нужды организации;

в) в качестве члена Московского центра вошел в связь с заграничным объединением польских углепромышленников и некоторыми специальными учреждениями иностранных государств в целях информации последних в интересующем их направлении и получения от них в свою очередь директив экономического и военно-политического характера.

10. Детер А. В.:

а) получал в 1921 году от своих бывших хозяев (Сулимское акц. о-во) задания, направленные к охране их интересов, чем и руководствовался в этот период времени в своей работе, сокращал подготовительные работы по ряду шахт (№ 6, № 2 и др.);

б) вступил в связь с Дворжанчиком, посылал ему доклады, используя в тех же целях свою заграничную командировку;

в) вступил в Харьковскую вредительскую контрреволюционную организацию в качестве одного из руководящих деятелей ее;

г) получал от бывших хозяев денежные суммы, часть из которых оставалась за границей и вносилась в банк на личный счет Детера.

11. Шадлун Г. А.:

а) получал от эмигрировавшего за границу бывшего своего хозяина

Ремо деньги с указанием затопить шахту № 14 (Берестовско-Богодуховскую), каковое поручение и передал для выполнения И. И. Некрасову, каковым шахта и была затоплена;

б) принял участие в рудничных вредительских организациях, связав Березовского с Горлецким на почве вредительских интересов;

в) входил в руководящую группу контрреволюционной вредительской организации, принимая участие в ее совещаниях, собирал необходимые для посылки за границу сведения и посылал таковые, получая деньги от Сушевского, Матова и др.

12. Бояринов Н. А.:

а) в 1924 году вошел в связь с «Объединением шахтовладельцев Донбасса в Польше» в лице Дворжанчика;

б) в 1925 году вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, от которой получал так же, как и от Дворжанчика, директивы по вредительству, которые и проводил в жизнь;

в) вошел в сношение по указанию вредительской организации с некоторыми учреждениями некоторых иностранных государств, передавая им сведения военного и экономического характера, за что получал от указанных выше учреждений денежное вознаграждение;

г) в течение двух лет тормозил откачку шахт в Калининском рудоуправлении, в целях задержки эксплоатации других шахт, неоднократно переделывал проекты и т. д.

13. Башкин А. Б.:

а) производил до 1922 года отдельные вредительские акты в индивидуальном порядке;

б) вступил в 1932 году в контрреволюционную вредительскую организацию, исполняя вредительские действия по указанию Калганова, Самойлова;

в) получал за вредительство денежное вознаграждение;

г) был в сношениях с зарубежными белоэмигрантскими группировками.

14. Юсевич А. Я., техник-консультант по экспорту антрацита в Париже:

а) вступил в 1925 году в контрреволюционную вредительскую организацию;

б) принял поручение этой организации установить связь с «Объединением бывших промышленников юга России», имеющим местопребывание в Париже, каковое поручение выполнил;

в) во вторую командировку принял совместно с Матовым другое поручение об установлении связи с некоторыми официальными учреждениями за границей, каковое также выполнил;

г) получил вместе с Матовым на нужды вредительской организации крупную сумму денег (500 000 фр.) и, привезя с собой часть этих денег, передал ее в распоряжение контрреволюционной вредительской организации.

15. Будный С. З.:

а) будучи членом вредительской контрреволюционной организации, установил связь с Дворжанчиком. Через одно из иностранных учреждений получал указанным порядком письма, содержавшие в себе данные,

относящиеся к вредительской деятельности в интересах бывших хозяев, передавал эти письма (до 40 штук) их адресатам;

б) получал для членов контрреволюционной вредительской организации письма от Парижского центра, каковые и передавал по назначению;

в) вошел в связь с некоторым иностранным государственным учреждением, передавал этому учреждению сведения не только экономического, но и военного характера.

16. Мешков Л. Н.:

а) будучи заместителем технического директора Допугля, состоял вместе с тем членом руководящей группы вредительской организации;

б) не проявляя большой активности в деле вредительства, как член организации участвовал в совещаниях ее членов и был в курсе работ всей организации;

в) получал денежные суммы и распределял таковые между инженерами Сталинского района, инструктируя их в отношении проведения ими вредительской работы.

17. Самойлов В. Н.:

а) вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, выполняя ее директивы;

б) вербовал новых членов организации, давая им в свою очередь указания;

в) получал денежные суммы, каковые и распределял среди других членов организации;

г) получал лично вознаграждение из тех же источников за свою вредительскую работу.

18. Некрасов И. И.:

будучи управляющим Берестовским рудником, затем главным инженером Кадиевского рудника и главным инженером электрокольца Амазис-Марьевского района:

а) по директиве бывших членов правления Берестовско-Богодуховского района Ремо и Декса затопил шахту № 14, за что получил через Шадлуна от Ремо денежное вознаграждение в размере 600 рублей золотом;

б) вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, получал и исполнял ее директивы, в частности в области заказов на оборудование и нажимов на рабочих;

в) получал наряду с другими членами организации из сумм, поступавших в распоряжение организации.

19. Кржижановский Н. К., бывший старший инженер проектного отдела УНС:

а) состоял членом контрреволюционной организации в Харькове; вступил в нее в 1925/1926 году;

б) в качестве члена организации был выделен ею для связи с одним иностранным учреждением в Харькове, каковому учреждению и передавал сведения экономического и политического характера, получая за это вознаграждение как для передачи организации, так и в свою личную пользу;

в) кроме того, получал от организации вознаграждение в связи со своей вредительской деятельностью.

20. Одрон В. К., бывший заместитель гла. инженера Щербиновского рудоуправления:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации;

б) передавал письма от Дворжанчика различным лицам, причастным к организации;

в) принимал участие во вредительской работе Сущевского и Щербиновской контрреволюционной группы,

г) получал за это вознаграждение.

21. Стояновский И. К., бывший помощник главного инженера Щербиновского рудоуправления:

а) состоял членом той же организации, будучи вовлечен в нее Сущевским;

б) исполнял ее директивы, в связи с чем и получал от организации денежное вознаграждение.

22. Чернокнижников С. Ф., бывший главный механик ДГРУ:

а) вступил в 1922 году в рудничную контрреволюционную группу;

б) исполнял директивы организации, совершил ряд вредительских актов (в отношении различных механизмов турбины электростанции ДГРУ);

в) получал в связи с этой вредительской работой вознаграждение из сумм вредительской организации.

23. Бабенко С. А., бывший помощник заведующего горными работами ДГРУ:

а) вступил в 1922 году в контрреволюционную вредительскую организацию, получал от нее директивы и во исполнение их осуществил ряд вредительских актов (затопил шахту «Ново-Азов», сократил в течение четырех лет целиков восточного крыла лит. «Б», на шахте № 2, разработка уступов в механизированном участке лит. «Б», приводившая к их частым завалам, браковка советской (Краматорская) врубовой машины и ряд других действий);

б) получал за эти вредительские действия от организации вознаграждение.

24. Ржепецкий В. С., бывший главный инженер Ирминского и Байракского рудоуправлений:

а) с 1924 года состоял членом вредительской организации, получал от нее директивы;

б) не проявляя особой активности, однако, получаемые от Дворжанчика и Сущевского указания исполнял.

25. Горлов И. Г., бывший заведующий шахтой «Артель» Власовского рудоуправления, знал о наличии контрреволюционной вредительской группы, но не принял мер к осведомлению о ее существовании и деятельности органов власти.

26. Кувалдин В. М., механик Несветаевского рудоуправления:

а) состоял во вредительской контрреволюционной организации;

б) участвовал во вредительской работе на Несветаевском руднике, в частности, вывел из строя подъемную машину, повредил ряд механизмов и не принял мер, способных предотвратить затопление шахты № 2, что, однако, имел полную возможность сделать, и т. д.

27. Овчарек М. А., бывший заведующий горными работами на Власовском рудоуправлении:

знал о наличии контрреволюционной вредительской организации, но не принял мер осведомления о ней органов власти.

28. Калинин П. Э., бывший главный инженер Несветаевского рудоуправления:

а) будучи вовлечен в контрреволюционную вредительскую организацию, получал от нее деньги и не препятствовал совершению вредительских актов;

б) сам, однако, участия в них не принимал, но и не сообщал о них органам власти.

29. Некрасов А. Е., заведующий шахтой на Несветаевском рудоуправлении:

а) вступил в 1923 году в контрреволюционную вредительскую организацию;

б) производил по директивам организации ряд вредительских актов (задержка работ по проходке уклонов нужного горизонта шахт №№ 2 и 3 и пр.);

в) вербовал членов организации;

г) получал денежные суммы для себя лично и для распределения между другими членами организации.

30. Кузьма Л. Б., бывший главный инженер Пастуховского, Власовского и Несветаевского рудоуправлений:

а) занимая должность главного инженера Власовского рудоуправления, знал о существовании вредительской организации в Донецко-Грушевском рудоуправлении;

б) знал о вредительской деятельности Березовского, Горлецкого, Башкина, Бояринова, Некрасова Александра;

в) согласился оказывать вредительской организации содействие, получая от Березовского в связи с этим денежное вознаграждение.

31. Соколов В. О., бывший главный инженер Кадиевского рудоуправления, бывший заведующий полотделом проектировок УНС:

а) вступил в 1924 году в контрреволюционную вредительскую организацию, получая от нее директивы, и во исполнение их произвел ряд вредительских актов (затягивание проектирования шахты «Ильич», неправильная закладка мелких шахт и пр.);

б) вовлекал в организацию новых членов (Бояршинова, Некрасова И. И и др.);

в) получал деньги в связи со своей вредительской деятельностью лично для себя и для передачи другим членам организации.

32. Рабинович Л. Г., бывший председатель технического совета Донугля:

а) неоднократно в течение 1925/1926 года присутствовал на совещаниях членов вредительской контрреволюционной организации, принимая участие в обсуждении вопросов, дебатировавшихся на этих совещаниях;

б) не осуществляя вредительства в своей личной деятельности в качестве председателя технического совета, тем не менее оказывал членам вредительской организации свое содействие в отношении установления и осуществления связей с различными учреждениями.

33. Петров В. Ф. вступил в 1922 году во вредительскую организацию и совершил по указанию Калганова ряд вредительских актов, часть которых совершил совместно с Самойловым, получая за эти действия деньги.

34. Чинокал Н. А., бывший заместитель заведующего техническим отделом Донугля:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации и осуществлял вредительские действия в области механизации рудников Донбасса;

б) направлял совместно с Горлецким, в соответствии с вредительскими заданиями организации, на рудники и шахты врубовые машины в условия, заведомо для отдела механизации не подходящие для данного типа машин;

в) присутствовал на заседании Харьковской группы; принимал участие в обсуждении различного рода вопросов вредительского характера;

г) получал в связи со своей вредительской деятельностью денежное вознаграждение.

35. Колодуб А. К., бывший заведующий шахтой «Аюта» ДГРУ:

а) состоял в контрреволюционной вредительской организации, получал от нее соответствующие директивы;

б) выполнил ряд вредительских актов (шахта «Красненькая», затопление шахты «Аюта» и пр.), получал за это денежное вознаграждение.

36. Нашивочников В. Н., бывший заведующий шахтой № 2 ДГРУ:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации, получая директивы по вредительству, осуществляя их по шахте № 2, получая в связи с этим денежное вознаграждение.

37. Васильев Ф. Т., бывший горный техник ДГРУ:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации и во исполнение ее указаний совершил ряд вредительских действий (завалы ходов и уступов в лит. «В», искривление уступов и сознательное оставление целиков, не допускающих возможности их выемки и т. д.);

б) получал деньги за указанную выше вредительскую работу.

38. Валиковский А. К., бывший директор Донугля:

а) состоял членом контрреволюционной вредительской организации, будучи вовлечен в нее с 1925 года Матовым;

б) будучи директором антрацитного района, выполнил указания вредительской организации, хотя и не проявлял большой активности. Тем не менее благодаря его действиям были почти приостановлены работы по шахте «Карл» и вообще был замедлен темп работы по добыче угля в Хрустальском рудоуправлении;

в) в связи со своим участием во вредительской организации получал деньги и распределял их между другими членами этой организации в своем районе.

39. Антонов П. И., бывший помощник начальника горного округа:

а) состоял членом контрреволюционной вредительской организации;

б) осуществлял свою вредительскую деятельность, покрывая авторитетом горного надзора преступные действия членов этой организации, в связи с чем и

в) получал денежные вознаграждения из средств организации.

40. Колодуб Е. К., бывший техник по рационализации производства в ДГРУ:

а) вошел в 1922 году по предложению Калганова в контрреволюционную вредительскую организацию;

б) активного участия в ней не принимал, но оказывал ей своим опытом содействие.

41. Владимирский В. В., бывший главный инженер Рутченковского рудника:

а) имел связь с «Объединением бывших углепромышленников Донбасса в Польше» в лице Дворжанчика;

б) состоял членом контрреволюционной вредительской организации, но особой активности не проявлял;

в) получал от организации деньги.

42. Беленко В. И., бывший участковый техник, бывший заведующий проходной шахтой им. Красина:

а) состоял членом контрреволюционной вредительской организации;

б) совершал отдельные мелкие вредительские действия (крепление рудничного двора, искривление уступов, срывавшее работу скреперов и пр.).

43. Элиадзе А. Я., бывший заведующий шахтой в ДГРУ до июня 1924 года:

будучи связан с членами контрреволюционной вредительской организации и зная о ее деятельности, оказывал отдельным членам организации услуги (случай с Куркиным), не принял мер к осведомлению об этой организации органов власти.

44. Никитин М. Е., бывший инструктор врубовых машин:

а) зная о существовании вредительской организации, не довел об этом до сведения органов власти;

б) получил за дачу положительного отзыва о работе машин «Кнаппа» взятку, переданную ему монтером фирмы Бадштибером.

45. Бадштибер В. И., монтер фирмы «Кнапп», передал под давлением своего начальства, заинтересованного в получении положительного отзыва о работе машины «Кнапп», надсмотрщику Никитину взятку.

46. Семенченко П. И., бывший электромонтер Щербиновского рудника:

а) состоял в контрреволюционной вредительской организации;

б) осуществлял мелкое вредительство, за что получал вознаграждение.

47. Люри В. В., заведующий горными работами рудников «Северный» и «Артем» Щербиновского рудника:

а) состоял членом контрреволюционной организации;

б) получал от нее денежное вознаграждение, но активного участия во вредительской работе не принимал.

48. Файерман П. М., бывший старший инженер УНС Донугля; зная о существовании контрреволюционной организации и видя ее вредительскую деятельность, не принимал никаких мер к осведомлению органов власти.

49. Именитов С. Г., бывший заведующий производственно-техническим отделом Московского представительства Донугля: зная о существовании контрреволюционной вредительской организации, не принял никаких мер к осведомлению об этом органов власти.

Дело о контрреволюционной организации инженеров и техников, работавших в каменноугольной промышленности СССР, слушалось в Москве от 18 мая по 5 июля 1928 г. в Специальном присутствии Верховного суда СССР.

Товарищи! После 35 дней судебного следствия мы подошли к итоговой части нашего процесса. Мы подошли к установлению того, что же является установленным, что является доказанным, и какие общественные политические выводы и выводы в смысле применения норм нашей уголовной политики надлежит в результате этой работы сделать.

Позвольте отступить несколько от обычного метода построения прокурорской обвинительной речи и не доказывать специально на основании данных судебного следствия основной факт существования контрреволюционной организации. Разрешите считать, что после этих 35 дней после взаимной перекрестной проверки, путем перекрестного допроса обвиняемых, после проверки показаний сознавшихся и признавших этот факт обвиняемых, исследования фактов реального положения вещей на том или ином участке Донбасса, в тех или других отраслях производственной деятельности Донугля, разрешите этот основной факт, что контрреволюционная организация была создана, что в течение ряда лет она действовала согласно установленным и признанным членами этой организации целям, — считать установленным и не тратить специально здесь ни сил, ни вашего внимания на доказательства этого факта, ибо его не отрицают сейчас ни сознавшиеся обвиняемые, ни даже несознавшиеся обвиняемые. Наибольшее, на что в данном случае они идут, это на утверждение того, что им, обвиняемым, конкретно не было известно о факте этой организации, но на отрицание этого факта организации не идет сейчас никто. Не отрицают этого сами подсудимые, не отрицает, не может отрицать этого и общественное мнение нашей страны, нашего Союза. Не могут отрицать этого даже представители не нашей общественности, представители не нашей советской страны, советской жизни, советского быта. Не может отрицать этого и общественное мнение буржуазной Европы. Этот факт является установленным. Он прошел здесь перед нами в течение этих 35 дней в мельчайших деталях, в анализе положения вещей на той или иной шахте, на том или ином уклоне, на том или ином уступе. Он прошел здесь при рассмотрении

вопроса о том, какие были цели, как эти цели ставились, как эта организация развивалась, как она стремилась проводить в жизнь тот или иной конкретный свой метод действия, свои задачи.

Я думаю, что поэтому мне будет позволено построить свое обвинительное выступление и задержать ваше внимание на иных вопросах, на иных проблемах. Прежде всего на вопросе общественного и политического содержания данного процесса, что уже в достаточной степени выпукло и ярко развили здесь общественные обвинители, затем, главным образом, сосредоточить свое главное внимание на рассмотрении отдельных совокупностей обстоятельств, из которых вам необходимо будет сделать выводы о степени причастности к этой организации того или иного подсудимого, доказанности его участия в этой организации, и, в зависимости от этого, сделать соответствующие выводы о мерах репрессии в отношении того или иного подсудимого.

Итак, тот факт, что приблизительно с 1924 года уже в оформленном виде, а до этого в неоформленном виде отдельных кустарных образований, а после 1925 года и с начала 1926 года в стройном виде с определенным иерархическим соподчинением групп, существовала организация контрреволюционно настроенных представителей квалифицированного инженерства,—представляется установленным. Но эта организация была не только организацией, охватившей наш Донбасс. Здесь прошли люди, в лице живых свидетелей из тех, которых обвинение было вынуждено сюда доставить по логике судебного процесса, по логике необходимости приведения доказательного материала, прошли такие свидетели, как Андреев, как Мухин, которые рассказали о себе, о своих преступлениях в других отраслях промышленности, чем доказали, что эта организация была более мощной, более сильной, чем казалось на первый взгляд, на основании данных предварительного следствия. Из последних показаний подсудимого Скорутто на открытом судебном заседании и из более подробных показаний его же на закрытом судебном заседании следует установить, что эта организация имела в достаточной степени определенные укрепившиеся корни и в центральных учреждениях по управлению нашей промышленностью.

Наконец, из того, что здесь прошло перед вами при обследовании обстоятельств, касавшихся связи отдельных членов организации с контрреволюционными политическими группировками из бывших собственников за границей, вы можете видеть, что эта организация была связана с организациями бывших промышленников не в одной стране, но в ряде буржуазных стран. На этих вопросах я позволю себе остановиться — впрочем, впоследствии — более детально.

Сейчас позвольте только констатировать этот факт и раньше, чем перейти к анализу уликовой стороны, остановиться на

некоторых общих вопросах о политическом и общественном содержании данного процесса, ибо государственное обвинение не может себя отграничить от общественного значения этого дела.

Мы должны рассматривать факты не только с точки зрения юридической оценки. Наш процесс есть факт определенного реагирования государства на нездоровые явления нашей общественности, на больные явления, которые происходят в условиях еще раздирающей мир классовой борьбы. Вот почему наш суд не может и не должен отграничивать себя от общественной и политической стороны дела, и этой стороне дела государственное обвинение также должно посвятить несколько времени.

Для того, чтобы определить здесь исходные пункты для определения общественной значимости этого процесса, я позволю себе обратить внимание на другой факт, который также является фактом, не возбуждающим никакого сомнения. Это—факт, что на скамье подсудимых сидят представители технической интеллигенции, представители определенного, однородного общественного слоя, однородного по своему социальному происхождению в целом, одной определенной общественной прослойки, существующей в наш переходный период, когда приходится еще считаться с наличием классовых группировок и классовых отслоений.

Один из обвинителей правильно отметил, что это не значит, что если здесь сидят представители технической интеллигенции, то вся техническая интеллигенция является объектом нашего судопроизводства. Это, конечно, не так. Это совершенно неверно. Но это не колеблет того факта, что все же именно представители технической интеллигенции сидят здесь на скамье подсудимых, и если мы хотим определить общественное и политическое значение этого процесса, мы должны поставить вопрос: чем объяснить, что на одиннадцатом году советской власти мы должны присутствовать при рассмотрении дела о контрреволюционной организации с таким составом подсудимых. А мы с удовлетворением можем и должны констатировать, что процессы по обвинению в контрреволюционной работе в нашей стране делаются все более редким явлением, процессы по обвинениям по статьям главы о контрреволюционных преступлениях в наших судах делаются все более и более исключительным явлением.

И если сейчас мы присутствуем на процессе по обвинению по ст.ст. 58^7 и 58^3 Уголовного кодекса, по делу о контрреволюционном преступлении, и если на скамье подсудимых сидят представители одного определенного в социальном отношении слоя или группы населения, то мы не можем пройти мимо этого факта, мы должны понять его исторические корни, понять его исторические причины и сделать для себя отсюда равным образом ряд выводов, которые должно иметь в виду при оценке конкретных форм уголовной репрессии, которые должны быть применены.

На одиннадцатом году советской власти, диктатуры рабочего

класса, по контрреволюционному делу перед нами опять сидят представители технической интеллигенции. Что это значит?

Я вспоминаю другой процесс в этом самом зале, который равным образом в свое время привлек общественное внимание всех трудящихся нашей страны и привлек общественное внимание буржуазной Европы. Это процесс правых эсеров, который проходил здесь, в этом самом зале. Тогда в качестве обвиняемых сидели тоже в большинстве представители интеллигенции, правда, не технической интеллигенции, но представители интеллигенции в ее наиболее рафинированной части, в лице политиков по профессии, в лице представителей одной из выдающихся политических группировок тех времен. Но ведь это был период, когда мы подводили итоги гражданской войны; но ведь это был 1922 год, когда хотя гражданская война уже отходила в прошлое, но кое-где еще слышались отзвуки ее громов, кое-где еще можно было видеть отблески ее зарницы. Это был период, когда можно было объяснить такой состав, можно было предполагать, что еще кое-где копошатся затаившиеся враги советской власти, сторонники открытого вооруженного мятежа против порядка, установленного волей миллионов, волей большинства рабочего класса и крестьянских масс.

Но не сейчас, но не шесть лет спустя, но не на одиннадцатом году пролетарской революции.

Вот почему, проводя эту параллель, нельзя говорить, что оба эти процесса — однородное явление. Сейчас мы уж прожили ряд лет успешного мирного строительства, правда, строительства, купленного дорогой ценой, но мирного строительства, которое привело к определенным успехам, запечатлено в колонках сухих цифр, но цифр, скрывающих собой, тем не менее, реальные результаты сознательного, согласованного труда миллионов трудящегося населения и когда, казалось бы, представители интеллигенции, именующие себя носителями традиций героической борьбы чуть ли не эпохи «Народной воли», ни в каком случае не должны были бы находиться по ту сторону баррикад, вместе с буржуазным миром, с их бывшими властелинами. Сейчас мы не должны были бы видеть в качестве наших врагов и представителей интеллигенции.

А между тем это так. А между тем мы здесь присутствуем при рассмотрении процесса, когда установленными являются факты, что целью этой организации была помощь вооруженной интервенции, что реальной связью, которая их связывала, была золотая цепь, были деньги, было золото из карманов Дворжанчика, Пряжкина, Соколова и всех прочих, и прочих, и прочих из тех, которых, мы полагаем, сюда к нам обратно уже не пустим. И сами они в большинстве — представители интеллигенции.

Что значит, говорю я, этот факт? Мне кажется, что его можно прекрасно разгадать прежде всего, когда мы посмотрим на то, что здесь говорили сами подсудимые. Слышали ли мы здесь маленький намек, хотя бы какой-нибудь в малой степени

намек, нечто, что напоминало бы нам до известной степени политическую постановку вопроса? Слышали ли мы здесь хоть что-нибудь, что могло бы показаться нам бросанием своего рода политической перчатки? Слышали ли мы здесь хоть какое-нибудь обоснование их политических позиций? Нет, этого здесь мы не слышали, здесь перед нами было либо слезливое бормотание с просьбой о пощаде, либо рассказы о том, как люди не совладали с собой тогда, когда перед ними встал призрак золотого тельца, либо перед нами здесь прошли разговоры людей, которые говорили, что в настоящий момент они уже поняли и готовы признать преимущества советского, социалистического порядка.

Это все для нас, конечно, слова. Этим словам у нас нет ни необходимости, ни обязанности верить. Сказано давно: по делам их познаете их. Слова, хотя бы и поздние, слова раскаяния здесь, равным образом, не помогут. Словами сейчас сделанного уже не замазать.

Итак, прежде всего, это не люди идейной политической борьбы, это, как здесь уже правильно было сказано, просто наемники, причем наемники трусливые, наемники, которые согласны продавать сегодня тех, кому они сами вчера продавались, которые сейчас готовы здесь клясться в том, что они вновь будут верно служить советскому государству, точно так же, как они клялись на том собрании в Харькове, где им было сделано первое сообщение об открытом контрреволюционном заговоре среди инженерства. На этом совещании в феврале именно подсудимый Матов от имени собравшихся инженеров заявил, что инженерство клеймит презрением тех, кто предает, кто участвует в контрреволюционном заговоре. И с лицемерием, которое может вызвать только чувство гадливости и отвращения, вручил от имени инженеров соответствующую резолюцию тому, кого сам обманывал в течение целого ряда лет... А на следующий день опять принялся за контрреволюционную работу вместе с другими, прежде всего предприняв шаги, чтобы скрыть документы, которые могли бы пролить еще больше света на существо этой организации.

Этому обязаны мы, в частности, тем, что на этом процессе у нас так мало документальных данных, мало таких улик, после которых никто из тех, кто сидит на скамье подсудимых, не смел бы сказать, что он не член организации, не посмел бы становиться в позу и, бия себя в грудь, говорить, что чуть ли не с пеленок он уже предчувствовал социалистический строй, Октябрьскую революцию и т. д., и т. д.

Итак, это не политические идейные борцы. Это наемники. Таков первый вывод, который должно сделать из их собственных слов.

Но почему же они пришли из среды технической интеллигенции и как все же надо расценивать этот факт?

Об этом они тоже сами рассказывали нам на суде.

Они сами говорили здесь, что раньше они были обер-офице-

рами капитала, были теснее других связаны с капиталистическим миром и поэтому пошли на поводу капиталистических предпринимателей, пошли на зов как их старые слуги, как только те их позвали, хотя и состояли на советской службе. Так и поставим тогда вопрос о существе этого процесса: что этот процесс есть демонстрация одной из картин классовой борьбы, которую ведет буржуазный мир против социалистического пролетарского государства. Так и будем расценивать общественно-политическое содержание этого процесса.

Но интеллигенция никогда не была классом или слоем населения, который имел свою определенную отчетливую политическую физиономию. По самому существу своему, как обслуживающий, а не производящий социальный слой, интеллигенция всегда была осуждена на то, чтобы расслаиваться и тяготеть то к классу крупной буржуазии, то подниматься иногда на недолгое время до высот сочувствия рабочему классу. Так было во всех революциях, так было и в наши революции. И чем шире, чем мощнее разрасталась революция, тем быстрее интеллигенция откатывалась назад вправо, и недаром все они, или большинство из них, побывали в Ростове, недаром большинство из них, члены совета съездов, с упоением слушали в Ростове генерала Краснова и клялись именем всевышнего и другими важными и неважными в то время для них именами, что они приложат все усилия к тому, чтобы уничтожить советскую власть.

Вот где корень и объяснение их роли — «свои возвратились к своим».

Передо мной лежат протоколы последнего съезда горнопромышленников юга России, в составе которых мы видим Горлецкого, Скорутто, видим Березовского, Штельбринга — не этого, а отца его, видим Владимирского, Будного, Шадлуна, видим Юсевича и других, которые сидят здесь. Все они, в большинстве, в период гражданской войны нашли там свое место. Председатель съезда фон-Дитмар открыл съезд предложением приветствовать вождей всех славных армий: добровольческой, донской и прочих, зал покрыл его предложение громом аплодисментов, затем фон-Дитмар предложил съезду почтить память всех героев, погибших в борьбе с большевиками, и съезд с безмолвным благоговением встает для почтения памяти погибших палачей. В ответ от имени добровольческой армии генерал Маевский, имя которого помнят прекрасно рабочие Донбасса, имя которого покрыто проклятиями за те ужасы, которые он внес в наши промышленные округа, в очаги нашей производственной работы, заканчивает свою речь указанием, что представители горной промышленности должны заключить тесный союз «для победы над большевизмом, для уничтожения этого исчадия ада». Вот когда эти люди говорили своим настоящим языком, вот когда без всякого фигового листка они показали свое настоящее классовое лицо. И в этом — ключ к пониманию всей их истинной природы и всей их последующей деятельности. Этих фактов далекого

прошлого мы сейчас забыть не можем — не потому, что мы хотим судить их за это, но потому, что для того, чтобы понять их настоящую нынешнюю психологию, все надо принимать во внимание; нельзя забывать и всех этих отдельных фактов, чтобы понять, кто же, действительно, сидит сейчас перед нами. Вот они и вот их истинная физиономия. В то время как вся остальная интеллигенция уже отошла от капитала, уже порвала с ним, уже приобщилась к нам, эти бывшие соратники капиталистов, их прежняя правая рука, остались теми же, остались прежними. Еще раз «своя своих познаша». Здесь разгадка. Здесь объяснение.

Здесь перед нами, на скамье подсудимых, сидят классовые враги, посланные к нам извне, посланные буржуазией к нам в тыл, чтобы в тылу нашего строительства совершать вооруженные действия согласно принципам и законам войны.

Вот второй вывод, который должно сделать и опять-таки из их собственных слов.

Недаром один из подсудимых, Бояринов, рассказывал нам здесь о том, что он за тысячу долларов обязался совершить взрыв электрической станции или иной диверсионный акт по договору с нашими врагами. Недаром же и другой подсудимый, Юсевич, на прямо мною поставленный вопрос, понимает ли он, что, поддерживая свои сношения с Соколовым, Прядкиным, Бурозом и другими, он совершает акт государственной измены, ответил: «Понимаю». Рассматривать содержание этого процесса приходится, прежде всего, с точки зрения предательства, измены советскому государству и рабочему классу, расценивать как проявление акта той классовой борьбы, которую капиталистический мир ведет против пролетарского государства.

Но буржуазный мир не представляет собой единого целого, буржуазный мир разделен на те или иные государственные и иные образования; в пределах одного государства имеются те или другие отдельные группировки. Поэтому здесь, когда мы рассматриваем судебное дело, когда рассматриваем процесс сквозь лупу судебного разбирательства, мы не можем, конечно, отожествлять весь буржуазный мир, как таковой, с этими подсудимыми.

Мы должны пойти дальше, должны провести отграничительные линии, должны установить, с какими группами, группировками, с какими элементами буржуазного мира связаны данные лица, где в данном случае проходит отграничительная черта, которую мы не должны никогда забывать.

Эти линии, эти связи, эти нити идут по трем направлениям: они идут в Париж, они идут в Варшаву, они идут в Берлин. Правда, у нас были в деле намеки и на другие организации и другие страны, но они не привлекли особенно внимания суда, — вопрос о них оставим пока в стороне. Но то, что мы знаем, и то, что установлено — это то, что представители старого совета съездов горнопромышленников юга России, вместе с представителями французского капитала, заинтересованного в возврате

бывших рудников, которыми они обладали на праве собственности в старой царской России, — вот одна линия, которая является установленной данными судебного следствия. Другая ведет к Дворжанчику, к польскому объединению тех же бывших горнопромышленников И, наконец, третья ведет к ряду лиц и некоторым отдельным лицам (пока, надеюсь, отдельным лицам), деятелям отдельных немецких фирм, которые под тем или другим предлогом, по тому или другому мотиву (об этом тоже будем особо говорить, что это были за мотивы) находились в связи с членами контрреволюционной организации.

Вот те отдельные группировки, которые установлены судебным следствием, которых, повторяю, мы не можем и не хотим отождествлять, сколько бы нам это ни приписывали, со всем комплексом буржуазных классов и партий той или другой страны, но о существовании которых мы тоже не можем и не хотим забывать.

О том, что такие группки существуют, что они были связаны с данными контрреволюционерами, что лица, имевшие сношения с данными обвиняемыми, реально живут и действуют, об этом мы не можем и не хотим забыть. Но мы сознательно отграничиваем их от всей остальной массы буржуазной Европы, хотя это не значит, что вся остальная буржуазная Европа настроена хорошо по отношению к нам. Факты исторической жизни заставляют ставить под сомнение это утверждение, да и логика классовой борьбы давно научила нас другому.

А за ними, за этими группами, за этими отдельными лицами вырисовываются и иные силуэты некоторых иных учреждений, вырисовываются силуэты, правда туманные, темные, неясные, но тем не менее в достаточной мере знакомые и... в достаточной мере все же отчетливые, — силуэты учреждений не только экономического, а прямо политического характера. Ибо, если можно было говорить и спорить о связях с ними до судебного закрытого заседания, товарищи судьи, то после закрытого заседания об этом спорить не приходится: здесь, на этом закрытом заседании обвиняемые ясно и точно называли имена и учреждения. Вот почему о наличии этих связей мы не можем, равным образом, забыть.

Итак, что же это все означает? Это все означает, что в тех условиях классовой борьбы, которую ведет социалистическая советская республика, в той борьбе, которую ведет рабочий класс нашей страны с капиталистическим миром и прежде всего ведет с обломками капиталистических организаций своей страны, — авангардом этого классового врага, глубоко подосланным к нам в тыл диверсионным отрядом являются сидящие на скамье подсудимых. Что это так, я позволю себе установить и некоторыми цитатами. Я остановлюсь лишь на словах Горлецкого, с одной стороны, и на той обрисовке политической физиономии Дворжанчика, которая дана была Казариновым, с другой стороны. Вы помните Горлецкого и помните политическую философию, кото-

рую он проповедывал. Эта политическая философия сводилась к утверждению того, что по мнению его, Горлецкого, власть должна принадлежать определенной совокупности, как он говорил, трех элементов: рабочих, крестьян и частных капиталистов. Эта философия шла затем дальше. Он говорил о том, что для него неприемлем социалистический порядок. Он говорил о том, что эволюция советской власти в области возврата к капиталистическому порядку началась и неминуемо и неизбежно будет продолжаться. Но все эти слова, ведь, лишь наиболее мягкая форма выражения классовой ненависти, которой пропитан к социалистическому строю и к пролетарской диктатуре этот представитель буржуазии. Такую форму нашел для выражения своей идеологии Горлецкий лишь потому, что на другую форму у него нехватило здесь совести. Если вспомним о том, как говорил или выражался, по словам Казаринова, о Советском союзе его хозяин Дворжанчик, мы увидим, что он не мог без ненависти, без пены у рта и вспоминать о советской власти. Если вспомнить содержание его писем, которые мы частично вскрывали здесь на судебном следствии, то истинная классовая природа этой борьбы станет для нас совершенно очевидной.

За что же, товарищи, нас ненавидят так представители буржуазного класса? За что нас ненавидят так и представители той квалифицированной верхушки технической интеллигенции, которая была так связана с капиталом, лучшим выразителем которой явился здесь Горлецкий?

Товарищи, что есть строительство пролетариата? Строительство пролетариата есть сейчас первый мировой опыт построения новой экономики на началах согласованного труда всех, вместо войны всех против всех, вместо борьбы всех против всех, господствовавшей в капиталистическом мире, где человек человеку волк. Вместо этого мы хотим добиться построения новой экономики на основах добровольного согласования труда всех. Мы делаем это дело среди распыленного товаропроизводства деревни, над которой нужно проработать еще много и много лет, чтобы победить в ней атавистические инстинкты собственности. Мы делаем это дело в труднейших политических условиях, в условиях мирового окружения буржуазии, мы делаем это дело, наконец, после тяжелых годов гражданской войны. Мы делаем это дело при данном уровне нашей технической культуры и в предвидении новой войны, которая будет раздирать капиталистический мир и в которую будет, в конце концов, втянута наша страна. За что? За нашу смелую попытку построить мир без злобы и вражды, без гнета и эксплоатации? За это? Да, за это! Этого не могут нам простить ни капиталисты всего мира, ни их верные слуги. А между тем, именно к ним, к инженерам, в момент, когда для нас важно было не терять зря ни одной минуты, ни одной секунды в деле укрепления нашей экономики, укрепления базы нашей экономики, обратился к технической интеллигенции рабочий класс с призывом к совместной работе. Он обратился

именно к технической интеллигенции в первую голову, ибо он знал, что если машинная техника, если крупная промышленность есть база нашей индустрии, есть основа построения социализма, то технические знания, техническая интеллигенция есть тот цемент социалистического созидания, без которого нельзя обойтись. К ним обратились, их позвали, и ни один из них не посмел сказать здесь, что он хоть что-нибудь может поставить в упрек рабочему классу. Дрожал голос Сущевского, когда он говорил, что даже обыск не был у него произведен. Не посмел ни один сказать, что рабочий класс ему в чем-нибудь отказывал. В то время, когда страна была голодна, когда мы собирали остатки, в первую голову им шли эти остатки, их ставили в лучшее положение. А что получили в ответ? Грязь и предательство, демонстрацию продажности, демонстрацию политического и нравственного маразма. Вот что мы получили в ответ от той части технической интеллигенции, которая перед нами сидит. И это не случайное явление, что эти представители технической интеллигенции давно растеряли все свои лучшие качества, которыми они когда-то гордились. Это не случайное явление.

Не случайным является, что та часть интеллигенции, которая пошла вместе с капиталом в период его умирания, в период его последней исторической агонии, могла сюда принести с собой только грязь, только предательство, только политический и нравственный маразм. Это не случайное явление, и это касается не только тех, которые здесь признались, что они — члены организации, это касается — и я буду стремиться это доказать — и тех, кто сохранил, казалось бы, на первый взгляд, остатки элементов человеческих качеств, это будет касаться и Кузьмы, и Горлецкого, и Рабиновича.

Миллионы стоит их работа, миллионы народных денег даром затрачены благодаря той вредительской работе, которую они вели. Но это не деньги затрачены, — денег, в конце концов, нам не жалко. Эти миллионы — миллионы народных слез, это кровь и пот народные, и эти слезы, кровь и пот расценивались ими и продавались, кровь и пот, труд и усилия рабочих, бессонные ночи, голод, страдания, нужда — этим они торговали, это они продавали, когда вели переговоры и заключали торги с Дворжанчиком и Прядкиным.

Вот почему я полагаю, что когда мы подводим итоги того, как мы должны отнестись к этим людям, мы должны прежде всего помнить задачу, которая стоит перед пролетарским судом, нашим классовым судом, судом рабочего класса, отбросившего, как ветошь, лицемерие и ложь так называемой внеклассовой юстиции, задачу защиты пролетарского общественного порядка, защиты пролетарского общественного созидания нового пролетарского общества, нового, коммунистического будущего.

По отношению к тем, кто раз поднял против нас меч, был разбит и повержен в прах, кого потом позвали на работу, кому поверили и кто продал и предал затем это доверие, кто попрал

это доверие, — по отношению к ним пролетарский суд должен быть, в интересах самосохранения общественного порядка нового пролетарского государства, беспощаден. Должен быть беспощаден и суров по отношению к ним приговор, должен быть беспощаден пролетарский суд. Таковы должны быть неизбежные последствия при той постановке проблемы о сущности данного процесса, которую я дал выше.

Вот почему, товарищи, хотя в отдельные минуты и на меня действовали и слезы раскаяния, и истерические припадки, и истерические женские крики, я сейчас, когда мне приходится выступать как представителю государственной прокуратуры, все эти чувства принужден откинуть, ибо интересы охраны пролетарского государства выше всего, а они требуют беспощадных мероприятий по отношению к подсудимым и к большинству из них, без всякого снисхождения.

Разрешите перейти теперь к некоторой бытовой характеристике отдельных группировок подсудимых, как они сложились в исторической реальности, чтобы показать, при помощи таких заштриховок, пока что не степень индивидуальной опасности каждого из них, а степень общественной опасности всей организации в целом и степень и пределы ее распространенности.

Возьмите, товарищи, Донецко-Грушевское рудоуправление и посмотрите на него как бы со стороны. Один из захолустных закоулков нашей всесоюзной кочегарки — Шахтинский горный округ. Какую мы видим картину? Те, кто бывали в Донбассе, знают, что Шахтинский округ, хотя и расположен по линии магистрали Воронежской железной дороги, но тем не менее, и в смысле культурности и в смысле своих транспортных условий, стоит далеко позади по сравнению с остальными центрами Донбасса. Это не Горловка, не Никитовка, расположенные по главной магистрали. Это — заброшенный район. И вот в этом Шахтинском районе, богатейшем по характеру своих месторождений, мы видим деятельность следующих лиц. Сюда входят: Березовский, Горлецкий, Калганов, Башкин, Самойлов, Бабенко, Нашивочников, Чернокнижников, Петров, Элиадзе, Васильев, Беленко, оба Колодуба, Кузьма, Овчарек и другие.

Что представляют собой все эти лица? Как они жили, чем характеризовалось их внешнее и внутреннее бытие? В то время как рабочие жили в неимоверно тяжелых жилищных условиях,— в деле имеются показания некоторых рабочих об их жилищных условиях, — эта группа лиц жила в условиях гораздо более хороших, представляла собой своеобразный, особый мир, недаром им присвоили имя «сеттльмент», нечто подобное иностранным кварталам среди пролетарского моря. Эта группа лиц в своем бытие, в своей повседневной жизни сохраняла полностью почти до самого последнего времени свой характер, свой прежний быт периода царской России.

Вы думаете, там господствовало равенство, там господствовало какое-либо единство? Нет, они делились на различные об-

щественные слои, вернее, группировки и отслаивания. Они жили как бы в разных этажах. Верхний этаж или, вернее, по-буржуазному выражаясь, бельэтаж, населяли представители верхушки квалифицированного инженерства; это были те, которые отгораживали себя старательно и тщательно от иных представителей той же интеллигенции, от простых штейгеров и техников. Сюда входили, главным образом, инженеры с большим стажем. На вечеринках у Калганова, которые являлись центром, объединяющим эту группировку или группу лиц, мы встречаем Горлецкого, Калганова, Березовского; сюда из Власовки приезжал Кузьма; правда, бывал кое-когда и Самойлов и другие. Но все же можно резко выделить два слоя: с одной стороны, слой, возглавлявшийся Калгановым, а с другой—слой, типичными представителями которого являлись оба Колодуба. Колодуб — нарицательное имя сейчас после Шахтинского процесса в СССР; Колодуб и колодубовщина, как говорил свидетель Вайлов, является нарицательным именем в том смысле, что они характеризуют собой определенный слой. Колодубы — это выходцы из среднего мещанства, которые путем скопидомства, путем труда личного и эксплоатации своей семьи и других, дошли до некоторого уровня материального благосостояния и замкнулись в определенный круг эгоистических и личных интересов, живущие, если не по Домострою, то во всяком случае в духе, близком ему. Колодубы были и остались враждебны по своей природе, по своему существу, всему новому, что принесла с собой революция. Это — второй слой.

Сюда же, к этой группе можно отнести Васильева, Гаврюшенко, Беленко, одним словом, состав штейгерского персонала, низшего технического персонала. До известной степени сюда же можно отнести и Самойлова, который вышел из этой среды.

Эти два этажа резко сохранили свое групповое различие в период и бытность свою в Донецко-Грушевском рудоуправлении. Еще ниже шли выходцы из рабочих, вроде Никитина.

Но что объединяло их всех? Объединяло их всех маркшейдерское бюро, а что́ такое маркшейдерское бюро, мы слышали здесь. Выразителем маркшейдерского бюро являлся Козьмодемьянский. Эта фигура прошла здесь в порядке опроса подсудимых. Он чертежник. Простой чертежник, который был интересен и близок всем им потому, что, во-первых, умело рассказывал сальные анекдоты, а во-вторых, рассказывал хорошо антисоветские анекдоты. Вот почва, которая их объединяла, вот язык, который был общим в этом месте, куда они все приходили с работы, приходили послушать зубоскальство Козьмодемьянского и пару сальных или антисоветских анекдотов. Вот те два полюса, которые замыкали их миросозерцание, их круг интересов при советской власти, в пору их служения советской власти. Что большего они могли дать, чего они могли еще ждать? Если они не шли с рабочими вместе, они могли либо мечтать о возвращении старых времен, либо утешаться рассказами и анекдотами Козьмодемьянского.

Вот что представляет собой эта группа.

Это было бы ничего, если бы эта группа занималась только исключительно этой, в конце концов, безвредной болтовней, но эта группа занималась вредительской работой, эта группа, отрезанная, отгородившаяся от остального пролетарского мира, занималась вредительской работой, и на вечеринках у Калганова, на собраниях у Калганова решались основные проблемы строительства Донбасса, в пределах Донецко-Грушевского рудоуправления. Здесь решались вопросы о налаживании новых шахт, здесь решался вопрос о Бессергеневской проходке, сюда приходил Горлецкий и, сидя за столом вместе с Самойловым за чашкой чая или стаканом вина, рассказывал о том, что там из Парижа на нас смотрят, там в Париже мы все на учете, за каждым из нас следят, работу каждого из нас учитывают, обо всем знают и обо всем в свое время спросят. Здесь обсуждались и решались планы вредительства.

Вот почему далеко не безвредную и далеко не безвинную картину представляла эта группировка, не случайная и не единичная. Разве Донецко-Грушевское рудоуправление было изолированной ячейкой, разве Донецко-Грушевское рудоуправление было исключением, разве этот куст был единичным, разве эти вечеринки, которые были у Калганова, не повторялись у Кузьмы? Сюда тоже приезжали Горлецкий и Березовский, и однажды они встретились — Башкин, Кузьма и Горлецкий—за обеденным столом, и Башкин рассказывал нам о том, какого рода разговоры были за этим столом. Вы скажете, что Башкин врет, что Башкину нельзя верить. Не будем предугадывать, где он говорит правду и где он лжет. Наша задача, задача суда—разобрать, где он говорит правду и где он лжет. Не думаю, все-таки чтобы природа Горлецкого изменилась из-за того, что он из-за обеденного стола у Калганова пересел за обеденный стол Кузьмы. Нет никаких оснований так думать, а является безусловно доказанным, что вредительская работа велась в Донецко-Грушевском рудоуправлении, что вредительская работа возглавлялась и проводилась Березовским и Калгановым, что Горлецкий являлся, в этом отношении, в Донецко-Грушевском рудоуправлении связывающим центром и направляющим рычагом. Нет никаких оснований поэтому полагать, что Горлецкий, пересев за обеденный стол Кузьмы на Власовке, вдруг стал проповедывать другие теории или стал хотя бы молчать. Но мы знаем, что он не молчал, знаем, с кем и какие были разговоры. У нас есть установленные очной ставкой того же Бабенко и Кузьмы данные о том, как Бабенко и Кузьма, встретившись при осмотре состояния механизации, спустившись вместе в шахту и затем поднявшись, потом обменялись мнениями по поводу состояния механизации этой шахты: «Да, у вас с механизацией неважно, — сказал Кузьма, — но таковой она и должна быть. Незачем специально работать над этой механизацией, настанет время, когда эта механизация пригодится...», — пригодится для старых хозяев. Об этом разговоре сообщает Бабенко, он был вполне в порядке вещей и вытекал

из общего русла вредительской работы. Если Бабенко утверждает, что такой разговор был с Кузьмой, нет никаких оснований полагать, что Горлецкий и Березовский, проводившие определенную вредительскую работу в Донецко-Грушевском рудоуправлении, не вели ее на Власовке. Разве Власовка в этом случае была исключением? Разве на Несветаевке не было такой группки? И на Несветаевке была. Кувалдин и Некрасов — два классических типа, два старых парамоновских служащих — «парамоновский пес», как называли рабочие Кувалдина, и «парамоновский зверь», как характеризовали рабочие Некрасова. Они даже в родство вступили между собой и вдвоем составили спевшуюся вредительскую группу... Ну, скажут, их было только два человека. Потом будем разбирать подробно, было ли их двое, трое или четверо. Ну, а Щербиновка? Там — Сущевский, Одров, Стояновский, Люри, Пешехонов. Я беру имена, которые прошли по материалам судебного следствия, — все те, которые попали в неразграфленную ведомость, против имен которых бухгалтер Мартьянов ставил птички при раздаче денег. Разве они не все вместе, разве здесь не одна и та же картина и разве здесь не повторялись те же разговоры и беседы о той же вредительской работе? Ну, а допрошенная здесь в качестве свидетелей группа Андреева, у которого бывали Детер, Соколов и Именитов, — разве это не такая же группа, разве здесь не та же самая картина, разве это не картина повсеместно разбросанных в Донбассе ячеек одной и той же вредительской организации, которая проникла в отдельные районы и почти во всех районах пускала свои ядовитые корни?

Вот мы имеем уже пять таких констатированных, прошедших здесь на судебном следствии групп. А разве мы все их вскрыли? А разве мы все знаем? А разве определенная часть не затаилась теперь в подполье и не сидит там тише воды, ниже травы, разве она не сидит там, притаившись, боясь, как бы ланцет судебного следствия не вскрыл и этого гнойного нарыва и не поставил бы его под свет судебного следствия, общественного мнения всего мира, трудящихся масс? Ну, а бахмутская группа, жившая под единой кровлей общежития в Бахмуте, группа, которую возглавлял Бояршинов, принявший здесь наименование со скромностью, достойной лучшего применения, «святого Бояршинова». Разве здесь, когда собирались Будный, Мероз и Шадлун, Потемкин и Буховский, разве эта группа не сродни уже обрисованным мною наростам вредительской организации? А ведь это центр! И это 1922 год. Это начало. И отсюда, из этого начала пошло зло. И возглавляющим эту группу мы видим Бояршинова, который встал затем во главе всей производственной работы Донугля. Вот как в отдельные периоды 1922—1923—1924 годов зарождались на местах эти гнилые, отдельные гнойники. Под предлогом повседневных бесед и вопросов повседневного быта зарождались, обсуждались и планировались вредительские действия организации. А рядом Сталино, Югосталь, Юрт, Химуголь.

И Мухин нам здесь рассказывал, как самостоятельно зарождались и там организации такого же типа, связанные с другой группой промышленников за границей. Но разве это все? А ВСНХ? Там также создавалась самостоятельная группировка, о которой говорил Скорутто в закрытом заседании. Группировка из шести—семи человек, которая потом вошла в контакт с Донуглевской организацией. Под лозунгом объединения сил, под лозунгом, что для достижения одной цели надо совместно работать. Так постепенно в атмосфере мирного периода оживали старые собственнические традиции, старые связи старого доброго времени. И еще раз «своя своих познаша». Потянулись опять старые прежние нити, заговорили прежние старые симпатии. Недаром же Братановский говорил, что период 1923—1924 годов был периодом, когда с двух слов понимали друг друга современные авгуры, когда достаточно было одного слова, и они соглашались вступать в организацию, когда как каким-то гипнозом объятые они входили и организовывали вредительские ячейки.

Так развивалась эта организация, так представляла она собой постепенно объективно все более серьезную политическую силу. А отсюда вытекает и оценка ее работы как чрезвычайно вредной и опасной по своим размерам работы.

Я позволю себе остановить теперь ваше внимание на трех основных объектах вредительства, мимо которых мы не можем пройти: это — управление новым строительством, затем — импортные операции и, наконец, мелкое шахтное строительство. Это уже не отдельные шахты, это уже не отдельные шахтенки, не отдельные месторождения или скрытый пласт. Это — срыв всей производственной работы, срыв крупнейшей производственной операции. Это срыв нового шахтного строительства с помощью управления новым строительством Донугля, о чем уже говорил т. Крумин, это есть подготовка кризиса Донбасса, это есть помеха обороне, это есть сдача в руки врагу, — вот это что, вот до чего дошло дело. А импортные операции, о которых говорил Казаринов, которые стоят миллионов, в то время, когда еще в 1923 году Владимир Ильич, умирая, говорил: берегите каждую копейку на пустяках, на мелочах, чтобы вложить ее в машинную индустрию, чтобы вложить ее в Днепрострой и гидроторф, для того, чтобы скорей перескочить с крестьянской лошаденки на мощного коня машинной крупной индустрии. Это есть не что иное, как срыв всей нашей программы индустриализации, заведомое преступление, подрывавшее основные корни, на которых зиждется наше социалистическое строительство, заведомая растрата тех народных миллионов, которые мы собираем путем неслыханных усилий, ценой голода, ценой холода, ценой тех бесконечных сокращений, которые вносим в наш аппарат, когда ради достижения экономии идем иной раз на тяжелые жертвы, осуждая на безработицу определенные категории трудящихся масс.

А мелкое шахтное строительство? Здесь достаточно вспомнить несколько отдельных фактов: малую и большую Карабанки

на Щербиновке, «Аюту» и «Красненькую» из Донецко-Грушевского рудоуправления и другие, — вы помните те разговоры на судебном следствии, которые велись по поводу «22 дырок» на Щербиновке.

Вы помните о деньгах, которые расходовались на проходку шахт, которые заведомо должны были быть залиты водой, вы помните о закладке 2-го торфа, о котором говорил Березовский, вы помните о работе на Байраке, куда приехал Ржепецкий и увидал, что там делать нечего, потому что Байрак доведен «до ручки». Вот те факты, которые прошли перед нами, если мы возьмем картину только общими мазками, грубыми штрихами, не всматриваясь в отдельные детали. Можем ли мы сказать, что уже знаем, где предел этому вредительству, где предел этой вредительской работы. Мы должны прямо сказать, что мы еще пока не знаем, где этот предел, ибо мы пока еще не можем сказать, что в достаточной мере всюду и везде мы пресекли корни этой организации, вскрыли все их дела, что мы в достаточной мере обезглавили этих вредителей в тех районах и в тех местах, где они укрепились. Но из этого мы должны еще раз сделать вывод, что если Дворжанчик, в полной уверенности в том, что он найдет сочувствие, что он найдет отклик в сердцах этих «господ-инженеров», посылал свои письма, подобно тому, как передается по радио, «всем, всем, всем»... В результате этого процесса тоже «всем, всем всем» должно быть ясно, понятно и отчетливо «всеми, всеми, всеми» осознано, что не шутки шутить, не людей смешить явился сюда пролетарский суд. А в результате этого процесса, в результате рассмотрения дела эти лица и все спрятавшиеся и еще неоткрытые гады контрреволюции должны понять, что о головах сейчас дело идет. Мы имеем право так ставить вопрос, ибо организация дошла до такого предела, когда экономика переплелась с политикой, когда политика слилась с экономикой и когда уже нельзя сказать, где грань, где предел. Я позволю себе остановиться на инциденте, который здесь произошел на процессе с Куркиным. Кто такой Куркин, этот таинственный незнакомец, которого мы здесь стремились расшифровать? Приехал штейгер, был принят на работу, жил, работал, внезапно исчез, — исчез при странной обстановке подготовленного взрыва, предупрежденного лишь благодаря случайности. Какой смысл взрывать отдельную шахту? Это нелепо, — скажут. Да, это нелепо, если это отдельный изолированный акт, а если это не изолированный акт, а если мы это поставим рядом с фактом скрытой шахты Колодуба, с фактом, что в Куркине опознали офицера карательного отряда, или что после того, как Куркин исчез, его принимает Элиадзе на Кавказе с письмом от Самойлова с указанием, что Куркина нужно пристроить, причем прибавляется, что о неудаче взрыва расскажет сам Куркин?

А в показаниях Гаврюшенко о чем идет речь? Там идет речь об организации повстанческих отрядов, о скрытых складах

оружия, о секретных шифрах. Нам скажут: что за «пинкертоновщина» в 1927 году? Уж такая ли это «пинкертоновщина»?

А если в течение всех этих лет мы то там, то сям в отдельных местностях наталкиваемся на контрреволюционные группировки, разве здесь нельзя предугадать наличия одной организованной работы, наличия одной и той же организованной руки?

Нельзя сказать, что это только пинкертоновщина.

А бояриновская тысяч. долларов на диверсионные акты в тылу во время войны,—разве это не является актом, который целиком может итти в ряд с Куркиным, с динамитом и взрывом, с заготовкой повстанческих отрядов, с заготовкой оружия для контрреволюционного движения? Разве это не есть чистой формы политика и чистой формы контрреволюция? Контрреволюция, которую мы знаем хорошо и на которую мы привыкли отвечать всегда одним образом; мы не забыли годов гражданской войны и мы не забыли, что умеем жестоко наносить удары; пусть этого не забывают и враги и не думают, что мы уже такими мягонькими сделались, такими добросердечными сделались, что уж так и забыли о том, как следует разить врага.

Вот почему в этот момент слияния экономики с политикой эта тысяча долларов, полученная Бояриновым по уговору за диверсионную работу от Дворжанчика, должна быть нами сейчас поставлена как аргумент, который должен быть также брошен в окончательном расчете на весы. Но если эта тысяча долларов является аналогичной государственной измене и предательству, если работа Бояринова, по его собственному признанию, должна быть определена как работа шпионская, то чем разнится эта тысяча долларов от четырехсот рублей, от ста рублей иудиных денег, иудиных денег, полученных тем же Семенченко или Люри, — чем они отличаются от тысячи долларов, о которых проговорился Бояринов? Почему должна быть определена какая-то разница? На основании чего мы можем сказать, что это разного рода и порядка явления, что это не явления одного порядка, не явления одного типа? Этого у нас нет никаких оснований утверждать.

А разве тут не по тем же методам шла работа в Москве, работал и Торгово-промышленный банк и другие почтенные учреждения, куда должен был явиться Скорутто с повернутой вниз ручкой портфеля в качестве знака, по которому его должны были узнать и пропустить на конспиративное свидание, должны были узнать представители другой организации и других учреждений, чтобы дать ему инструкции для предательской работы? Разве это явление не сродни Куркину, разве это явление не сродни бояриновской тысяче долларов? Разве этот опрокинутый ручкой вниз портфель не сродни шляпе Башкина, башкинскому дождевику? На этой шляпе и дождевике мы в свое время еще остановимся. Они казались нам какой-то фантасмагорией — явлением, которое не может укладываться ни в какие разумные рамки. Но если не рассматривать его отдельно, если посмотреть

на него вместе с портфелем, опрокинутым ручкой вниз, вместе с явкой в Торгово-промышленном банке, вместе с тысячей долларов Бояринова, вместе с Куркиным, радушно принятым Элиадзе, сохранившим его у себя после того как ему пришлось навострить лыжи с шахты от Самойлова, — если на все это посмотреть вместе, все приобретает иную окраску. И иную оценку приобретают тогда и показания Гаврюшенко о шифре, о деньгах и о повстанческих отрядах.

А деньги в их последних суммах, которые проходили здесь, 500 тысяч франков, привезенные из Парижа Матовым и Юсевичем, 900 тысяч франков, полученные ими из другого учреждения, 60 тысяч рублей, взятые ими из третьего источника, 40 тысяч рублей, получаемые ежемесячно московским центром с 1926 года, эти суммы в достаточной степени значительны. Возьмите теперь слова Березовского о том, что с 1926 года деньги стали поступать в усиленном количестве, по мере того как установились четыре канала, четыре связи, четыре линии, по которым протекали эти деньги, и мы получим общую картину, которая заставит нас сказать, что организация сделалась достаточно сильной для того, чтобы оправдать то любезное внимание, которое проявляли к ней в бытность Матова и Юсевича за границей представители французского военного министерства, польских официальных учреждений, германского министерства торговли и других к нам «дружески» расположенных учреждений.

Вот почему, товарищи, можно прямо сказать, что если в свое время для них оказался всесильным лозунг «подбирай золото», которое сыпалось к ним по всем четырем каналам, то сейчас для нас доказанным должен быть признан крупный и опасный характер этой организации, и основная задача суда — изучить эти каналы и принять все меры к тому, чтобы их пресечь.

Разрешите же поставить эту проблему как определенную политическую задачу перед Специальным присутствием Верховного суда и перейти теперь к анализу отдельных конкретных действий, совершенных отдельными обвиняемыми.

Раньше чем приступить к более подробному анализу уликового материала в отношении отдельных обвиняемых, я позволю себе некоторое отступление, касающееся изложения руководящих принципов нашей уголовной политики и принципов ее применения.

Конечно, не для того мне это нужно, чтобы специально трактовать об этом составу суда. Состав Специального присутствия Верховного суда — достаточно компетентное учреждение, и перед ним излишне трактовать об этих вещах. Но поскольку мне здесь придется делать практический вывод конкретно по отношению к отдельным обвиняемым, постольку я считаю необходимым для того, чтобы были понятны мои предложения, указать на некоторые принципы, ибо все же тот порядок применения мер репрессии, который будет мной предложен, будет разниться от общепринятых методов их применения.

Основными статьями, руководящими статьями нашей уголовной политики я считаю ст. 6 с примечанием к ней и ст. 8 Уголовного кодекса. Примечание к ст. 6 говорит, что если даже данное лицо совершило формально преступное действие, если это формальное преступление не является общественно опасным по его малой значимости, нет оснований подвергать данное лицо той или иной мере социальной репрессии или изоляции. Это наш принцип, принцип нашего действующего Уголовного кодекса, до которого не додумалась до сих пор кричащая о своей культуре буржуазная Европа. Этот принцип я кладу в основу уголовной политики.

И второй принцип, выраженный в ст. 8.

Короче я выражу оба принципа в следующем афоризме: преступление и человек, совершивший преступление, опасное вчера, может быть неопасным сегодня. И второй принцип — человек, совершивший преступление, являющийся неопасным или кажущийся неопасным сегодня, может быть опасным завтра. Оба эти принципа должны быть признаны определяющими при применении мер социальной репрессии нашим судом, и с точки зрения обоих принципов надлежит оценивать деяния каждого лица, чтобы обезопасить наше социалистическое строительство, наше социалистическое общество.

Я определенно подчеркиваю оба эти принципа, чтобы не полагать, что единственно руководящим принципом является только первый, оценивающий социальную опасность данного лица в настоящий момент. Надо принять во внимание все совершенное им, весь комплекс данных его психологии и всяких иных качеств, всю совокупность общественной и политической обстановки данного момента, возможность изменения общественно-политической обстановки в следующий, завтрашний момент и возможность опасности от этого лица и завтра на основании того, что он совершил вчера. Только в таком разрезе можно применять оба принципа, только в таком взаимодействии можно и следует их применять. Иначе это будет однобокое толкование, иначе суд превратится только в аппарат по измерению или гаданию о степени опасности данного лица вчера и сегодня, без дум о завтрашнем дне, а мы живем в обществе, где еще не утихли классовые битвы, где еще не иссякли возможности, в том числе и возможность печальной необходимости защищаться вооруженной силой. При этих условиях все должно быть учтено, оба принципа должны быть приняты во внимание.

Одновременно с этим я прошу вас, товарищи судьи, не удивляться тому, если я по отношению к целому ряду обвиняемых либо вовсе воздержусь, либо не сочту обязательным для себя указывать срок изоляции и укажу лишь, что считаю мерой социальной защиты, подлежащей применению к данному лицу, лишь изоляцию, — вопрос о сроке этой изоляции будет представляться мне второстепенным вопросом, не имеющим большого практического значения, я буду целиком предоставлять этот

вопрос усмотрению суда, — или когда я буду брать за одни общие скобки целую группу лиц, не указывая, кому из них нужно дать месяцем или годом больше или месяцем меньше.

Одновременно с этим я считаю необходимым остановиться еще на одном обстоятельстве, еще на одном принципе нашей уголовной политики: не только задачи одной изоляции от общества данного лица преследует наша уголовная политика. Есть еще и другие задачи. Я говорю о том, что наш суд не есть только орган борьбы с данным социально опасным явлением, в данном его конкретном выражении: наш суд есть общественный инструмент, действующий перед лицом тысяч и миллионов народных масс, наш суд есть орган, при помощи которого руководящий авангард пролетариата, рабочий класс в целом, строит новое общество; вот почему его приговоры должны являться определенным орудием политической работы, должны являться определенным орудием воспитательной, правовой и политической пропаганды. Вот почему его приговоры должны нести в себе и элементы общественно-политического воспитания и служить задачам воздействия не только на данных виновных лиц, но и на широкие массы трудящихся, для того чтобы показать им тот путь, который, по мнению суда, является наиболее правильным для укрепления основ социалистического строительства. Эти задачи морального политического воздействия являются отнюдь не маловажными задачами, с точки зрения указаний, как реагирует наш суд на определенные нездоровые явления. Поэтому я буду считать возможным для себя иной раз настаивать на применении социальной репрессии по отношению к подсудимым в целях демонстрации определенного политического действия, независимо от того, как это применение отзовется на судьбе данного обвиняемого. Ибо не может терпеть, не терпит и не будет терпеть наш социально-политический уклад определенной категории действий и не хочет допустить, чтобы такие действия имели место впредь. И я буду применять этот метод по отношению к целому ряду подсудимых, исключительно с целью показать, что их действия нетерпимы и не будут терпимы нами никогда.

Здесь говорил общественный обвинитель инженер Шейн о том, что стотысячная масса инженеров и техников приносит осуждение данной группе инженеров Донбасса. Имеем ли мы данные предполагать, однако, после примеров Матова, что искренне все так думают? Далеко нет. Вот почему в отношении тех, которые продолжают думать иначе, эти средства воздействия должны оказать свое влияние.

Я позволю себе теперь остановиться еще на одном вопросе — вопросе о методах судебного доказательства в нашем суде.

Здесь прошли перед нами в довольно большом количестве те факты, часто встречающиеся в судебной практике, которые именуются «оговорами» и которые имеют весьма условное доказательное значение. Так по крайней мере, принято думать согласно теории буржуазного права, где не все скверно, откуда

многое мы заимствуем и кладем в основу нашей уголовной политики. Тем не менее, поскольку могут встретиться утверждения о никчемности и бездоказательности оговора вообще, я считаю необходимым на этом вопросе остановиться подробнее.

Сам по себе оговор, конечно, мало что значит, но если этот оговор будет повторяться неоднократно разными лицами, если эти оговоры будут совпадать в тех или иных своих мелочах или деталях, если эти оговоры будут даны различными лицами в различных местах или если оговаривающие были допрошены разными лицами и в различном разрезе следовательского предварительного расследования, — такие оговоры приобретают полное доказательное значение. Я лично скорее придал бы меньше значения оговорам тогда, если они совпадали бы целиком на все 100%. Здесь скорее можно было бы сказать, что имеется согласованный оговор. Но если в основном факты сходятся, если мы имеем разноречивость лишь в деталях и эта разноречивость в деталях все же не создает картины совершенной невозможности самого факта, то эти оговоры должны приниматься как имеющие определенное уликовое значение, тогда эти оговоры не могут не приниматься во внимание судом.

Мы будем иметь оговоры, в частности, по отношению к некоторым основным обвиняемым, как о той роли, которую они играли в организации, так и об отдельных конкретных преступлениях, совершенных ими.

Уже ясно, что все эти оговоры можно и должно будет принять во внимание, и во всяком случае полное отрицание или полное отметание их как судебного доказательства ни в коем случае не может иметь места. Это было бы неправильно, — такого фетишизма мы в нашем суде, равным образом, не признаем. Всякое доказательство мы оцениваем по его объективному содержанию, и может быть такое положение вещей, что оговор одного лица в одном случае должен быть отвергнут целиком и полностью, а в другом случае оговор того же самого лица по отношению к другому лицу или даже по отношению к тому же лицу может быть принят как совершенно достоверное судебное доказательство.

С этими оговорками мы можем и должны приступить к оценке тех оговоров, которые имеются в нашем судебном следствии.

Останавливаясь теперь на вопросе о том, каким образом приступить к оценке уликового материала в отношении отдельных лиц, для меня наилучшим способом или методом классификации материалов представляется метод, которым мы шли в судебном следствии, однако, без того, чтобы вновь конкретно восстанавливать перед вашим вниманием всю картину совместной согласованной работы всех привлеченных к вредительской работе лиц. Это далеко бы нас завело и потребовало бы слишком много времени. Поэтому я пойду в том порядке анализа их по группам, как они прошли на судебном следствии, и в этом порядке позволю себе группировать и уликовый материал. В ос-

новном я буду обращать ваше внимание не только на то, что сделали отдельные лица, но буду стремиться дать и психологическую обрисовку того или другого лица, обрисовку его внутреннего содержания с точки зрения именно того, надлежит или не надлежит к нему, несмотря на то, что оно столько совершило, или несмотря на то, что оно очень мало совершило, применить ту или иную меру социальной репрессии. Я позволю себе в этом порядке приступить к рассмотрению отдельных обвиняемых.

Гражданин Березовский, Николай Николаевич, представляет собой одну из руководящих фигур организации. По его собственному признанию, он вел вредительскую работу в течение ряда лет в качестве группового директора Донецко-Грушевского рудоуправления. Гражданин Березовский здесь утверждал нам на судебном следствии, что с переходом его на Щербиновку он эту работу прекратил или, во всяком случае, активно больше себя как вредитель не проявлял. Ему угодно таким образом изобразить конец своей вредительской деятельности на рубеже 1926—1927 года. Вместе с тем, мы знаем, что, несмотря на то, что целый ряд обвиняемых утверждает, что его видели на ряде конспиративных совещаний организации в Харькове, тем не менее он отрицает и свое участие во всех этих конспиративных совещаниях. Из тех лиц, которых он называет в качестве источника финансовой помощи, он указывает только одного Горлецкого. Получается такая картина, будто бы гражданин Березовский свою вредительскую работу осуществлял в совокупности с Горлецким и затем с группой Донецко-Грушевского рудоуправления, а что касается его работы в Щербиновской группе, что касается того, что делалось в Харькове, то здесь Березовский остается в стороне: знать не знаю, ведать не ведаю, может быть, там что-нибудь было, может быть, какая-нибудь была организация, что-то такое слышал, говорили, мол, мне относительно Москвы, но конкретно, что, как и где — на этот счет гражданин Березовский точного ответа не дает.

Я оставлю в стороне работу гражданина Березовского, ту, которую он признал сам. Я отмечу здесь лишь лиц, которые при помощи его были вовлечены в организацию. Сюда относится прежде всего главный инженер Калганов. Мы знаем, что главные инженеры в рудоуправлениях были теми основными рычагами, при помощи которых действовала вредительская организация.

Даже тогда, когда главный инженер был пассивен или недостаточно активен, как о себе утверждает, например, Калнин, даже тогда организация считала необходимым так или иначе вовлечь его в свои ряды. А затем главный инженер, главный механик, с одной стороны, и представители горного надзора, эти три основных педали, при помощи которых вертелось колесо рудоуправления, они являлись и теми объектами, на которые всегда считала необходимым обратить свое внимание контрреволюционная организация. Ему, Березовскому, принадлежит честь во-

влечения Калганова, а через последнего—уже целого ряда лиц. С другой стороны, мы имеем указания на то, что он, Березовский, имел прямые сношения по передаче денег и по установлению контакта в контрреволюционной работе с Горлецким или заместителем заведующего отдела механизации и в то же время одной из основных — как я буду впоследствии доказывать — и руководящих сил контрреволюционной организации в Харькове.

Шадлун, тип весьма и весьма интересный со многих точек зрения, равным образом входил в поле зрения Березовского, явился тем лицом, которое послужило соединительной нитью между Березовским и организацией. Шалдун в свою очередь являлся лицом, которое примыкало к группировке Бояршинова еще с 1922 года. Шадлун был лицом, которое персонально установило индивидуальную связь с Ремо. Наконец, с Шадлуном мы встречаемся, когда говорим о группе Пастуховского и Берестовско-Богодуховского рудника. Шадлун, таким образом, одна из центральных фигур. И с этим лицом был связан Березовский. И не может быть и речи, чтобы Березовский, который в течение ряда лет нес руководящую работу по вредительству в Донецко-Грушевском рудоуправлении и по своему прошлому представляет собой старого инженера с дореволюционным стажем, представлял собой одного из старейших инженеров и раньше имел сношения почти со всеми практическими руководителями капиталистических предприятий Донецко-Грушевского шахтного района, — чтобы Березовский, живя постоянно в Харькове, работая как групповой инженер, входя в состав группового директората, чтобы он, этот Березовский, ничего не знал об организации, о том, что делается в Харькове.

Вот один из нагляднейших примеров и образцов самого достоверного оговора. Может ли быть сомнение в том, насколько достоверны оговоры и указания, что Березовский являлся членом Харьковского центра, являлся одним из его руководящих работников и, как таковой, без сомнения, участвовал в основных руководящих заседаниях Харьковской организации.

Что может дать сейчас его отрицание, как оценить это отрицание? Можно только пожалеть о некотором недомыслии, которое проявляет здесь Березовский, думая, что таким голым отрицанием он сможет опровергнуть что-нибудь, поколебать утверждение обвинения. Здравая логика и простой здравый смысл не допускают, чтобы человек, которому доверяли работу Донецко-Грушевского рудоуправления в течение ряда лет, не был связан, живя постоянно в Харькове, с центром или был связан только с двумя лицами, только с Горлецким и Шадлуном.

Как отнестись ко второму утверждению Березовского о том, что на Щербиновке он не вел вредительской работы? Мы Щербиновку разбирали подробно и по мелочам. Вы помните те вопросы, которые я ставил Сушевскому и Одрову: в каком состоянии застал Березовский Щербиновку после ухода Сушевского? Я говорил при этом: довели ли Щербиновку «до ручки»? На что

мне ответили, что Щербиновка была в критическом, катастрофическом состоянии, как тяжело больной человек, в состоянии если не агонии, то хронического недомогания. Между тем тот же Одров показывает, что когда его спрашивали о мотивах его желания уйти с Щербиновки, он отвечал, что основным мотивом было то, что работа нового главного инженера (Березовского) носит совершенно недопустимый характер и во всяком случае необъяснимый. В то же время, тот же Одров пишет, что этот новый главный инженер позволял себе намеки, в которых указывалось, что, пожалуй, старый главный инженер работал на французов. Мы знаем, что между Березовским и Сущевским были неприязненные отношения. Но мы знаем сейчас, что Березовский, по его собственному признанию, был член организации, знаем, что Сущевский, также по его собственному признанию, был член организации. Как же политически и морально можно расценивать подобные экивоки Березовского, как можно расценивать моральную ценность Березовского, если эти экивоки были? И это в то время, когда есть факты, указывающие, что оба они делали одну и ту же вредительскую работу, в частности в области закладки мелких шахт. Вы помните, что после неудачной первой закладки шахты № 10 Сущевским второй опыт был проведен при Березовском, и он сам признал на допросе, что это была его «неудачная» попытка закладки.

Но если он говорит о «неудаче», мы говорим о вредительстве. Спрашивается, когда нет никаких указаний со стороны хотя бы одного члена организации на то, что Березовский отошел от организации в период 1927 года, а есть, наоборот, указания об его прямой принадлежности, когда налицо факты бесцельных, вредных или «неудачных», по признанию самого Березовского, действий, то как же расценивать в данном случае его утверждения о том, что в 1927 году, в бытность свою на Щербиновке, он уже не имел, якобы, никакого отношения к вредительской работе. Больше того, мы знаем, что в дальнейшем положение вещей на Щербиновке не улучшилось в тех основных проблемах, которые стояли тогда перед рудоуправлением и которые касались состояния котельного хозяйства и работы наиболее ценных пластов, не изменилась ни политика сокрытия ценных пластов, ни политика продолжать «неудачное» мелкое шахтное строительство. Никаких радикальных изменений не произошло. Больше того, вредительство усилилось, раз лица, работавшие раньше у Сущевского, стали ставить вопросы о непонятности для них действий нового главного инженера. Правда, это недоумение тоже несколько странное, потому что Одров сам признал здесь, что он тоже вел вредительскую работу. Тут также что-то нечисто, что-то недоговорено или, вернее, сказано далеко не все, а может и прямо сказано неверно. Но тем не менее для оценки деятельности Березовского в этом периоде на Щербиновке слова Одрова должны быть приняты во внимание, ибо они ни в чем не противоречат выводам, вытекающим из при-

знания самим Березовским его прошлой деятельности, целиком подтверждают, укрепляют, подкрепляют основные оговоры других обвиняемых, основной тезис обвинения, что Березовский до самого последнего конца своей работы, до своего ареста, не прерывал своей вредительской работы, не прекращал своей вредительской деятельности. Вообще приходится относиться весьма и весьма скептически к словам обвиняемых о пределах того, что было ими совершено, — об этом говорили и другие общественные обвинители, и я тоже указал в первой части своей обвинительной речи, что мы не верим словам, а требуем дел, дел и дел, дел совсем другого характера. И, наконец, утверждение Березовского является сомнительным уже потому, что нет никаких оснований полагать, что в какой бы то ни было степени искренне это самое заявление Березовского.

Что собой Березовский представляет как личность? Одну из его черточек я уже охарактеризовал, указав на недопустимость, с точки зрения хотя бы элементарной порядочности (не хочется грубо выражаться), элементарной чистоплотности, того метода, который позволил себе Березовский в отношении Сущевского. Ну, а политика Березовского в период его прежней работы, с дореволюционного времени? Помните здесь спор свидетеля Сизова и Березовского о том, как Березовский на лошадях в серых яблоках приехал в мае 1918 года в рудник Донецко-Грушевского рудоуправления? Это было в один из первых дней процесса. Но допустим, что Сизов неправ, что объективно он не мог видеть и узнать его на расстоянии приблизительно полукилометра, когда Березовский приехал; допустим, хотя Сизов на это очень остроумно ответил ему: «Вас я всегда узнаю». Допустим, что Сизов говорил неправду, ну а Прудентов, он тоже говорил неправду — этот печальный герой проклятого времени, этот начальник контрразведки, этот штаб-ротмистр отдельного корпуса жандармов, здесь по-офицерски, по-военному на вытяжку рапортовавший Специальному судебному присутствию о тех, с которыми он вместе творил палаческое дело над рабочими. Что же, он оговаривает только чтобы спасти свою шкуру? Почему же он не врет на всех остальных? Почему он не оболгал всех работников в Донецко-Грушевском управлении? Этого нет с его стороны, а против Березовского мы имеем прямое указание. А Кладько? А Куприянов — один из мелких сотрудников шахтинской контрразведки, из мелких писарей и делопроизводителей, разве это улики, которые можно сбросить со счета? А красочная сценка между Березовским и комсомольцем, прошедшая здесь, когда Березовский должен был сознаться, что употребил, как он сказал, «недостаточно тактичное» выражение, бросив этой молодежи, которая собралась грудью защищать советскую страну от польского нашествия, оскорбительное обвинение: «Ага, идете мародерничать». Это черточки, но они характеризуют Березовского как жесткого, бездушного эгоиста, сухого эгоиста и в то же время человека, у которого нет, или в

котором иссякли все источники, придающие красоту, хотя чем-нибудь облагораживающие человеческую душу.

Факты — вещь хорошая. За фактические сообщения, проверенные здесь судебным следствием, гражданину Березовскому и другим обвиняемым мы всегда благодарны, но «Платон мне друг, но истина дороже», и когда вопрос ставится о том, в какой мере можно принять на веру утверждение Березовского, что в его работе на Щербиновке он не вредил или что он не состоял в центральной Харьковской организации, я имею все основания сказать, что у нас нет веры этим словам, нет веры этим утверждениям и, наоборот, есть все основания сказать, что он, Березовский, был и остался руководящей фигурой центральной Харьковской организации, был и остался одним из главных рычагов вредительской деятельности на периферии, был и остался одним из наиболее опытных, одним из наиболее опасных вредителей. Что является отсюда практическим выводом? Я думаю, что групповой директор, член Харьковского центра, бывший контрразведчик, опытный вредитель, сухой и жестокий эгоист, человек, которому верить нельзя, не заслуживает того, чтобы в отношении него были приняты на веру его слова раскаяния. Являлся ли он в достаточной мере опасным в прошлом? Да, являлся. Является ли он в достаточной мере опасным сегодня? Да, является. Мне могут сказать: какая опасность в человеке, который схвачен, какая опасность в человеке, который заключен под стражу, какая опасность в человеке, которого можно изолировать и т. д.? Я думаю, что если мы так будем ставить вопрос, мы далеко не уедем. Это совершенно ни из чего не вытекающее самоограничение не выдерживает никакой критики. Бесконечное количество врагов нас окружает. Десять лет советской власти показали, что пока существует капиталистический мир, пока существует капиталистическая Европа, еще возможна борьба во всевозможных перипетиях в будущем. У нас нет никакой гарантии, что находящийся на свободе (а мы знаем, что при всех условиях мы не можем гарантировать, мы не можем взять на себя обязательства, что десятилетний срок заключения, в силу того или иного акта государственной власти, в силу тех или иных событий, не будет изменен) гражданин Березовский может, должен и будет — я лично в этом не сомневаюсь — в достаточной степени активным и опасным врагом. Мы должны вырвать организацию с корнем. Мы должны отрубить у организации все щупальцы. Рычаги преступной организации должны быть сломаны и разбиты вдребезги. Вот почему уничтожение Березовского является практическим выводом из всего того, что он совершил. В отношении Березовского мы мыслим только один приговор — расстрелять. Это — тот метод в отношении опасного врага, который должна применять советская власть, когда она видит, что этот враг после того, как ему доверили очень многое, он это многое попрал, он это многое предал. Тот же метод должен быть признан руководящим и в

отношении других лиц той же категории. Но довольно о Березовском.

Главный инженер Калганов. Главный инженер Калганов представляет собой интересную фигуру прежде всего в политическом отношении. В Донецко-Грушевском рудоуправлении он был организующим центром, он был тем организующим центром, который объединял все Донецко-Грушевское «общество», объединял весь технический состав, всех инженеров и техников. За гражданином Калгановым как членом организации мы имеем следующий интересный с точки зрения уголовных итогов актив: он вовлек в организацию Самойлова, Бабенко, Гаврюшенко, Башкина, обоих Колодубов, Чернокнижникова и через Бабенко целый ряд других лиц. Он являлся центром организации Донецко-Грушевского рудоуправления и финансовым нервом организации, в течение ряда лет производившим оплату вредительских действий. Как главный инженер он провел ряд вредительских действий. Сюда относится и сокрытие ценных участков, сюда относится и затрата народных средств на мелкое шахтное строительство, сюда относится и неправильная система работ, неправильное использование механизмов и ряд других фактов, которые прошли на судебном следствии. Возвращать ли ваше внимание к рассмотрению отдельных мелочей? Ко всему, что мы имели на шахте «Диктатура пролетариата», и на шахте имени Воровского, и на Макарьевке, и на Красненькой, и на Землячке, и на шахте имени Фрунзе, и т. д. и т. д.?

К этому активу относится и сокрытие Бессергеньевского участка. Калганов являлся инициатором и проводником всего. Одного списка того, что он совершил, достаточно, чтобы определить степень социальной опасности Калганова в прошлом. А что мы имеем в настоящее время? То, что он в 1927 году отошел? Что же мы имеем в подтверждение этого факта? Ничего. Было ли что-нибудь исправлено? Нет. Продолжалась такого сорта деятельность на крупных шахтах? Да. Здесь конкретно (я не помню к какому году, но, кажется, показания Мухина относятся к 1927 году) Мухин в числе присутствующих на заседании Харьковской организации назвал и Калганова. О том, что он тогда состоял членом организации, указывает и список, который имеется у Казаринова.

Какой смысл Мухину оговаривать Калганова? Мухин работал в другом районе, он только бывал в Харькове, но он назвал Калганова. Этот оговор прекрасно вяжется с общей системой построения организации, со сведениями, данными другими лицами, что в определенное время происходили если не собрания, то посещения главными инженерами центра организации. Главные инженеры встречались в кабинете у Матова и уходили оттуда, оставляя там свои сведения. Отрицает ли это Калганов? Нет. Какие же данные верить тому, что в 1927 году он отошел от вредительской работы? Никаких данных, которыми можно было бы подкрепить это голое утверждение, нет. Вот почему нет ос-

нований не верить показаниям Мухина и других, нет оснований полагать, что Калганов говорит правду.

Я полагаю, что и в отношении Калганова, равным образом, вопрос относительно меры социальной репрессии должен быть поставлен так. Ряд лет работал Калганов, активным организатором был он, и как принцип должно быть поставлено, что такого рода категория работников организации должна быть уничтожена. Главные рычаги, я сказал, должны быть сломаны. Нет данных, которые бы заставили нас поставить вопрос иначе, а я внимательно прислушивался к Калганову, мне хотелось найти в его словах, мне хотелось почувствовать в его речи, хотелось почувствовать в его объяснении то, что заставило бы меня подумать о том, что можно иначе к нему отнестись. Он здесь рассказывал нам о своей вредительской работе со спокойным видом интеллигента-джентльмена, рассказывал чуть ли не с эпическим спокойствием; правда, это не значит, что мы требуем истерических рыданий, — мы цену знаем и им, — но мы требуем, чтобы в этих словах раскаяния звучала хоть некоторая доля искренности, которая позволила бы думать, что мы можем пойти против общей установки с необходимости уничтожения. Я этой доли искренности не чуял, я этой нотки не слышал. И поэтому государственное обвинение должно сказать суду, что инженер Калганов должен быть расстрелян так же, как и Берзовский, ибо он представляет, с нашей точки зрения, такую же опасность, такое же угрожающее обществу и социальному порядку лицо.

Я забыл упомянуть об отношении Калганова к контрразведочной работе, о чем, равным образом, имеются показания. Эти показания тоже забыть нельзя. Эти показания остаются как наглядное доказательство степени его социальной опасности. Правда, он это отрицает, но его отрицание не является в достаточной степени доказательным.

Третьим лицом из тех, что здесь прошли перед нами, был Самойлов. Казалось бы, что Самойлов, бывший собственник шахты Красненькой, начавший ее с грошевой работы, выбившийся, как говорится, с трудом «в люди», привлекший затем в организацию целый ряд лиц, — он является как раз лицом, в отношении которого едва ли можно бы было поставить вопрос о каком-нибудь ином отношении в оценке его социальной опасности. Перед нами классовый враг, классовый противник-предприниматель.

Что он сделал? Вовлек Нашивочникова, Петрова, Чернокнижникова и действовал вместе с ними; дальше в качестве заведующего одной из крупнейших шахт проводил вредительскую работу. Об этом он сам говорит. Получал деньги, получил около пяти тысяч или шести тысяч рублей, выдавал другим вознаграждение, участвовал в известном сговоре с Горлецким на вечеринке у Калганова. Он спрятал впоследствии и укрыл Куркина. Вы помните, как мы раскрыли в эпизоде Куркина, что его бегство к Элиадзе было совершено по указанию Самойлова, мы

имеем, наконец, указания на его работу в контрразведке — показания Прудентова.

Тем не менее, прокуратура не ставит вопроса в отношении Самойлова так, как ставит вопрос о Березовском и Калганове. Пусть он будет предпринимателем. Но его показания дают основания думать, что в его раскаянии есть определенная доза искренности. Только один факт он отрицает из тех, которые вменяются ему, как совершенные им, — это связь с контрразведкой, о чем показывает Прудентов. Но если бы мы только по этому принципу разрешали вопросы уголовной политики, это значило бы, что мы руководствуемся принципом мести, принципом возмездия, а наши основы уголовного законодательства говорят, что «задач кары и возмездия уголовное законодательство Союза себе не ставит». Вот почему я думаю, что один этот признак не может и не должен быть признан достаточным для того, чтобы обязательно расстрелять Самойлова. Прокуратура полагает, что в отношении Самойлова нет необходимости прибегать к такой жесткой мере, как расстрел, но отсюда, конечно, не вытекает, что Самойлова следует пустить на свободу, отсюда, конечно, не вытекает, что следует сказать Самойлову: иди и впредь не греши. Нет, это было бы неосторожно. Это было бы неосторожно, а неосторожных шагов в политике делать нельзя, ибо неосторожность в политике равносильна уже совершенной ошибке, а ошибок, конечно, нужно избегать, — это старая истина.

Я думаю, что изоляция — я не буду определять срок, тут трудно определить срок, ибо нельзя же думать, что здесь сроком мы что-нибудь предопределим в вопросе о дальнейшей его общественной вредности или полезности, — во всяком случае я думаю, что изоляция от общества на продолжительный срок, в течение которого можно было бы использовать его труд и знания в местах лишения свободы, где эти знания можно и нужно применить, такая мера в отношении Самойлова представляется мне наиболее рациональной.

Я не буду останавливаться особенно на наличии уликового материала по тем соображениям, что он признан им самим и поэтому тут нет вопросов спорных, нет вопросов, которые необходимо было бы специально рассматривать. Во всяком случае, пятилетний, скажем, срок лишения свободы представлялся бы мне той мерой, которую, пока что, сейчас должна применить к нему пролетарская власть.

Я остановлюсь теперь на Бабенко, идя в том порядке, в котором мы шли на судебном следствии.

Бабенко — несколько иной психологический тип, чем Самойлов или Калганов. Бабенко является выходцем из группы Колодубов, связанным с ней целым рядом связей. По своему служебному и иерархическому положению он не является тем лицом, которое могло или способно было нанести крупный вред. Тем не менее, он являлся лицом, в отношении которого мы здесь имеем все данные, заставляющие серьезно подумать о нем с точ-

ки зрения социальной опасности. Он не из тех лиц, которые имеют свои твердые моральные политические взгляды или установку. Но он из тех, кто, будучи послан на вредительскую работу, не останавливается затем перед совершением самых предосудительных действий. Он из тех лиц, которые учились на медные гроши, которые выросли в мещанской среде, которые были далеки от пролетарской созидательной творческой работы, которым негде было научиться служить пролетарскому обществу, которые вышли из среды, привыкшей раболепствовать и унижаться перед своими начальниками лишь для того, чтобы самому затем сделаться начальником. И этим маленьким начальником он был.

Он был заведующим горными работами, раньше был заведующим шахтой и сам признал, что совершил целый ряд вредительских действий: затопил шахту, портил врубовые машины, принимал меры к сокрытию ценных пластов, затрачивал средства на прохождение того или иного ненужного бремсберга, предпринял неправильную разработку уступа, принял участие в забраковке советской машины и т. д. и т. д. — целый ряд крупных и мелких вредительских актов, получал деньги и давал деньги другим.

О Бабенко же мы помним рассказ свидетеля, жуткий рассказ, как Бабенко, приставив дуло нагана ко лбу рабочего, спрашивал его: «Холодно тебе или жарко?». Это издевательство над личностью, издевательство над беззащитным, издевательство над безоружным, издевательство над лицом, которое было неспособно что-либо сделать для самозащиты, — в высокой степени характеризует нравственный уровень гражданина Бабенко и то, чего от него можно ждать.

Вместе с тем не проявил он твердости и здесь на суде, виляя в своих показаниях, видно было, как бегали его глаза, когда он стоял у микрофона, видно было, что в его сокровенном существе борются две душонки, копошатся подлые жалкие мыслишки. С этой точки зрения он представлял собой фигуру, которая не вызывает ни доверия, ни симпатии. Но из этого все же не вытекает, что ко всякой несимпатичной фигуре мы будем применять суровые меры репрессии. Тогда бы мы далеко заехали, и я не знаю, где пришлось бы остановиться.

Вот почему я думаю, что и к этому воспитаннику Колодуба все же нет оснований применять суровую жесткую репрессию. Пролетарский суд вовсе не обязан и не должен ставить вопрос об уничтожении всех тех, которые нанесли нам тот или другой вред.

Поэтому в отношении Бабенко, как и в отношении Самойлова, прокуратура полагает наиболее целесообразной мерой репрессии — поставить его равным образом в такие же условия производительного труда в том или ином месте заключения, где он может и должен принести пользу своей работой и своими знаниями.

То, что он позволил себе когда-то такое издевательство над рабочим, это издевательство с наганом?.. Ну что же, пусть... Пусть этому человеку сравнительно мягкий приговор Специаль-

ного присутствия Верховного суда покажет, что мы действительно не мстим, и покажет, что мы умеем уважать человеческую жизнь и человеческую личность даже в тех, которые такого уважения не заслуживают.

Я перехожу к Чернокнижникову.

Гражданин Чернокнижников — квалифицированный инженер и в этом отношении человек совершенно другой психологической и другой общественной формации, чем только что разобранные Бабенко и Самойлов.

Что же мы имеем в отношении уликовых данных? Вот что: он сам признал порчу турбины на Петропавловском руднике, сознательный вывод из строя одного из ценнейших механизмов, ценнейшего оборудования. Это было в 1924 году Мы не были тогда богаты, мы не могли тогда располагать никакими специальными средствами, которые облегчали бы нам поставку новых турбин Мы знаем, что мы не в состоянии и до сих пор сами на наших заводах строить эти механизмы и должны прибегать к заграничным заказам. С ясно осознанной вредительской целью инженер Чернокнижников произвел этот вредительский акт А в дальнейшем? И в дальнейшем он вел ту же самую вредительскую работу На Донецко-Грушевское рудоуправление же получал он и деньги.

Он показывает, правда, что с переездом на Рутченковское рудоуправление он прекратил вредительскую работу Нам приходится проверить эти слова, насколько они совпадают с действительностью. И в отношении гражданина Чернокнижникова как раз имел место тот факт, который является самым отрадным и самым ценным для пролетарского суда. Мы орган государства, которое построено прежде всего на теснейшем контакте с рабочими массами: мы строим такое государство, где нельзя было бы различить или трудно было бы различить грань, отделяющую непосредственно народные низы от государственных органов. Вот почему каждый рабочий и каждый крестьянин, считая наше государство своим, ставит своей задачей помогать нам каждым своим шагом, и в помощь пролетарскому суду по делу Чернокнижникова явились заявления свидетелей, поступившие в прокуратуру по их личной инициативе. Эти свидетели-рабочие показали здесь перед судом о работе Чернокнижникова на Рутченковском рудоуправлении Вы помните этих свидетелей? Они говорили о водопроводных трубах, неправильно проложенных, говорили о неправильной установке копра, говорили о целом ряде других безобразий, мелких, правда, но тем не менее явно вредительских.

И вы помните спор, который произошел здесь между свидетелем-рабочим и инженером Чернокнижниковым? Вы помните, как инженер Чернокнижников должен был спасовать перед свидетелем, как этот мастер-рабочий спрашивал господина инженера: а ну, объясните, что вы скажете мне по этому поводу, мне, который 27 лет протрубил на этой работе, который знает ее, как свои пять пальцев, и который не позволит вам теперь утвер-

ждать заведомую неправду? Эти свидетельские показания доказали, что не прекратилась работа Чернокнижникова равным образом и в Рутченковском рудоуправлении. А спрашивается, что могло ее прекратить, что могло остановить Чернокнижникова в этой работе? Что? Нравственный перелом? Из каких мотивов? По какому поводу? Говорят, Чернокнижников тяготился. А почему когда переходил с Власовки в Донецко-Грушевское рудоуправление не тяготился? Почему не тяготился тогда, когда испортил Петропавловскую турбину? Почему он вдруг прекратил на Рутченкове? Нет оснований верить Чернокнижникову, поэтому мы думаем, что по отношению к нему должна быть применена та же мера репрессии — тюремное заключение, поставление его в те же условия, что и Бабенко, и приблизительно на тот же срок. Ориентировочно на пять лет. Распорядительная комиссия, наблюдательная комиссия при тюрьме и другие органы, ведающие пенитенциарной политикой, всегда будут иметь возможность и право поставить вопрос о сокращении, об изменении в отношении Чернокнижникова срока, об изменении режима, но пока что, пока является доказанной в течение ряда лет на трех рудоуправлениях его вредительская деятельность, до тех пор, пока не выкорчеваны до конца все связи контрреволюционной организации, нет оснований выпускать Чернокнижникова на свободу. Вот почему тюрьма, изоляция минимум на пятилетний срок представляется мне целесообразной в отношении Чернокнижникова.

Б а ш к и н... Я думаю, Башкина мы пока отложим в сторону, он еще будет нужен, вопрос в отношении его мы поставим в связи с другими подсудимыми. Возьмем Никишина.

Н и к и ш и н на вопрос, поставленный мною ему ребром: «Что же, вас купили?» — ответил: «Да, купили». Это человек, которого купили за хорошую квартиру, за несколько сот рублей в месяц, — вышедший из пролетарской среды, сам пролетарий, продавшийся контрреволюционной организации. Рабочий класс к предателям из своей среды более нетерпим, чем к предателям из чужого класса. Рабочий класс к предателям из своей среды, как правило, более жестко привык подходить. Но что конкретно сделал Никишин? Работа с врубовыми машинами, взятка от Бадштибера, покрывательство чужих грехов. Он знал о том, что машины негодны, он видел неправильную работу машин, он вместе с Гаврюшенко и вместе с Бадштибером принимал участие в исполнении указаний, которые исходили от других лиц: от Калганова, от Зеебольда, от отдела механизации. Он несколько раз в Харькове имел непосредственные сношения с Горлецким и Чиногалом, он знал о вредительской работе. С этой точки зрения Никишин представляется человеком, по отношению к которому по меньшей мере приходится поставить вопрос о прямом укрывательстве, о прямом соучастии. Стоит вопрос о мере репрессии в отношении Никишина. Я думаю, товарищи судьи, что в отношении Никишина нет необходимости в применении жестких мер репрессии, нет необходимости ставить вопрос даже об изоляции.

Ваше, конечно, дело решить окончательно этот вопрос, но я думаю, что урок, который имел здесь Никишин, когда сидел здесь на скамье подсудимых, рядом с прожженными предателями, когда он должен был публично на весь СССР, перед лицом всего рабочего класса своей страны сказать, что он продался, что его купили, — это для рабочего, мне кажется, самое тяжелое, что может быть.

Условный приговор, я думаю, может быть поэтому применен к Никишину. Если вы считаете, что я в данном случае слишком мягок, если вы предполагаете, что я ошибаюсь, — ваше дело, но я думаю, что тюрьма на короткий срок едва ли даст исправление, хотя она и заставит его еще раз прочувствовать всю свою низость. Длительная же изоляция тут ничего не даст. Но если мы разойдемся в мерах репрессии, прокуратура не будет возражать. Я думаю все же, что здесь можно поставить вопрос об условном приговоре. Взятка подла и гадка, взятка для рабочего трижды подла и гадка, взятка за предательство рабочего класса есть преступление, после которого человек выходит с таким пятном, которое не смывается. Я думаю, что можно поэтому ограничиться этими мерами морального воздействия, без применения лишения свободы.

Петров Василий Филиппович, инженер, сам признал, что он имеет все основания носить ту кличку, которую ему дали — кличку «классического саботажника». Обвиняемый Петров сам здесь признал, что отличительной чертой его работы было ленивое, не активное отношение к делу, отношение халатное, преступное, небрежное. Но он признал сверх того, что был связан с организацией, знал о существовании этой организации, и показывает лишь, что он с 1924 года уже не вредил больше, ибо был переведен в Донуголь, где был сделан одним из инженеров при Березовском. Особо сверх того он признал, что был связан с Куркиным, знал Куркина, жил с Куркиным. Я не верю Петрову в том, что он, служа при Березовском, не был осведомлен о деятельности Харьковской организации. Я не верю, что он так-таки ничего, будучи переведен в Донуголь, не знал и ничего не делал. Ведь он сам был из Донецко-Грушевского управления, где работал Березовский. Может быть, он по складу своего характера особо себя не проявлял, может быть, он был из тех людей, которым лень повернуться, которых называют Обломовыми? Может быть, это должно быть принято во внимание при определении степени опасности Петрова, но все же он *классический саботажник*. Если, однако, обратиться к тому, что делал Петров, то мы увидим, что здесь имеется не только «ничегонеделание», за ним вместе с Самойловым числится задержание некоторых уклонов, числится получение денег от Калганова, числится задержание проходки шахт, ряд действий определенно вредительского характера числится за Петровым.

Гражданин Петров, нет оснований верить вашим словам, что вы уже не вредили с 1924 года.

Вот почему я думаю, что в отношении гражданина Петрова равным образом изоляция, быть может, не на столь продолжительный срок, — в порядке известной проверки его, — но все же должна быть предложена. Я думаю, что это сделать необходимо постольку, поскольку те данные, которые он сам признал, — ряд действий, признанных им, не позволяют относиться к нему слишком снисходительно или, вернее, слишком неосторожно. Перейдем к остальным работникам Донецко-Грушевского рудоуправления

Прежде всего относительно Элиадзе. Гражданина Элиадзе чрезвычайно характеризует сделанное им здесь суду заявление; оно его характеризует целиком и полностью. Он заявил перед судом, что он прекратил всякую вредительскую деятельность с 1923 года, ибо в тот момент с гражданином Элиадзе произошел глубокий коренной перелом, после того, как он... увидел в Москве ходящие трамваи и посетил камвольный трест. Трамвай произвел на Элиадзе такое впечатление, что он перестал вредить, и потому, когда в 1925 году к нему приехал вредитель Куркин, Элиадзе спрятал, укрыл его. Что же сказать по поводу гражданина Элиадзе? У нас мало данных о его работе после того, как он уехал на Кавказ; мы можем оперировать данными о работе Элиадзе, датирующимися 1923 или 1924 годом. И эти данные устанавливают его полную осведомленность о вредительской работе в Донецко-Грушевском рудоуправлении, совершение определенных действий в этот период и затем... укрывание Куркина. Это последнее — очень скверный факт. Его никак нельзя сбросить со счетов. Спрятать Куркина — это еще куда ни шло, но затем помогать скрыться за границу — это уже совсем скверно.

Вот почему, гражданин Элиадзе, вам поверить мы тоже не можем. Не можем поверить в эту вашу большую впечатлительность в отношении ходящих трамваев. И вот почему мы должны и по отношению к вам принять известные меры предосторожности. И мы думаем, что изоляция гражданина Элиадзе тем более необходима, что он сам показывает, что он 14 марта принимал торжественную резолюцию вместе с другими, клеймящую предателей, вредителей и т. д., а 15 марта уже признавался в совершенных им самим саботажных действиях.

Мы думаем, что в этом отношении Элиадзе и Петров — это приблизительно одинаковые величины, лица одинакового удельного веса, одной политической категории. Оба не хватают звезд с неба, не идут далеко в смысле какого-нибудь богатого полета творческой мысли, хотя обладают достаточным полетом фантазии.

Прокуратура полагает, что и в отношении Элиадзе необходимо определить тот же срок изоляции, что и в отношении Петрова

Иначе стоит вопрос о Нашивочникове. Гражданин Нашивочников здесь был одним из тех, которые произвели первоначально хорошее впечатление. Казалось, что среди всей той

галереи, которая проходила перед нами, на Нашивочникове можно было отдохнуть некоторое время. Так твердо и уверенно, на первый взгляд, он отстаивал свою невиновность. Твердо и определенно отвергал он получение денег, твердо и определенно говорил, что он видел вредительскую работу, докладывал о вредительской работе и указывал на вредительскую работу и этим исполнял свой долг. Но явились два свидетеля и от уверенности и твердости Нашивочникова не осталось и следа.

Вы помните этих свидетелей? Это Домненко и Петраков. Петраков, который нам рассказывал, как культурный гражданин Нашивочников в период гражданской войны обращался с ним, Петраковым, когда Петраков был пленным красноармейцем и под чужой фамилией работал в Донецко-Грушевском рудоуправлении. Петраков рассказывал нам, как обращался с пленными красноармейцами Нашивочников. Петраков рассказывал нам о невозможных сценах издевательства при помощи того же урядника Хмыза, о котором говорил здесь много раз; Петраков рассказывал о тех условиях работы, которые создавал Нашивочников, заведывавший тогда строительным отделом или строительным бюро; Петраков рассказывал нам о том, как приходилось беречься Нашивочникова, как тогда, даже казаки, указывали рабочим и пленным красноармейцам: «Берегитесь Нашивочникова, это зверь!» Так говорил Петраков, и эти факты не удалось опровергнуть Нашивочникову.

Затем мы имеем показания Домненко, человека, который служил непосредственно с Нашивочниковым и который рассказывал о поразительных, возмутительных по своему вопиющему безобразию фактах, о смерти рабочего Зайцева и несчастном случае с полутора десятком других рабочих, угоревших благодаря прямому вредительству Нашивочникова. Вы помните, как тут он отрицал сначала самый факт — не было, мол, такого факта. Но мы вызвали рабочих, мы спросили рабочих и оказалось — был. Нам говорили, что в книге несчастных случаев этот факт не записан, в списке несчастных случаев этого случая нет. Да может быть не записан. Это показывает, как прекрасно работал гражданин Антонов как представитель горного надзора. Этот факт показывает, кому была поручена забота о жизни, здоровьи и безопасности рабочих, когда эти лица стояли непосредственно у руля правления в Донецко-Грушевском рудоуправлении.

Этот факт — сам по себе самое большое обвинение, которое можно бросить Нашивочникову, ибо это есть издевательство над всеми принципами советского социалистического строительства, это есть издевательство над самой идеей советского порядка, над идеей диктатуры рабочего класса, над самой идеей построения рабочего пролетарского государства.

Таких издевательств не умеет прощать советская власть, органически не способна.

Вот почему эти последние показания должны решить вопрос относительно Нашивочникова. Пусть он не думает, что он может

отсюда уйти с поднятой головой; Нашивочникову отсюда путь один — в тюрьму, чтобы там Нашивочников понял основные принципы советской власти и понял, что уважение к рабочему классу, к ценности жизни рабочих, уважение к труду рабочих требует прежде всего безоговорочно от него советская власть И в этом освещении иное значение получают указания, которые имеются относительно принятия Нашивочниковым денег, его осведомленности об организации и состояния его в организации.

Вот почему мне думается, что в отношении Нашивочникова изоляция на достаточно продолжительный срок должна быть определена решением Специального присутствия Верховного суда.

Васильев и Беленко — приблизительно одного типа люди.

Васильев — бывший меньшевик, он же атаман «Кучум», белобандит, калиф на час, при помощи налетевшей банды — начальник районной милиции, менявший в течение нескольких часов несколько раз свой политический язык, рассказывавший на суде басни о том, как сорок человек убежали от пяти и как он, переезжая на тот и другой берег, желал помочь то тем, то другим. Что сказать о нем? Васильев, который, по его словам, «дал вывезти себя на тачке», чтобы не вывезли на тачке Березовского, и который, по словам рабочих, был вывезен на тачке «в пиджачке и с тросточкой» за зверское обращение с рабочими, — активных вредительских действий крупного масштаба мы не можем поставить ему в вину, — он мелкий вредитель, но он вредитель и вредитель наиболее злостного типа — политический авантюрист, политический проходимец, продающийся направо и налево, один из тех, которых незачем терпеть на советской земле.

Вот почему в отношении Васильева вполне целесообразно потребовать физического уничтожения — расстрела.

Нам не нужны в нашем социалистическом строительстве эти люди, на которых нельзя положиться ни в малейшей степени, ни на единую секунду. Нам не нужны эти люди, которые способны издеваться над рабочими и в то же время здесь на суде прикрываться тем, что когда-то принадлежали к социал-демократической партии, и рассказывать басни из истории нашей революционной эпохи.

Это один из тех отбросов, накипи, которая на взбаламученном революцией море всплывает наверх, грязнит и пачкает всех, кого коснется, от которой необходимо очиститься и очистить наше общество, и чем скорее, тем лучше.

Беленко является героем Кореньковской истории. Эта история является показательной с точки зрения того, что собой представляет гражданин Беленко. По делу он проходит, равным образом, как одно из лиц, участвовавших во вредительской организации. В отношении Беленко имеются данные, заставляющие отнестись к нему с определенной дозой недоверия, большой дозой здорового предубеждения.

Получение денег, вредительство такое же, как и у Васильева, в частности, торможение скрепера Лунценко. Основное вредительство заключалось в постоянном систематическом и сознательном возбуждении рабочих. Между тем, после ареста Беленко совещание техников решило встать за него горой, потребовать его освобождения. Почему он был арестован? Он здесь спорил, рассказывая нам историю с рабочим Кореньковым. Он-де не видал, что тот был пьян или был спохмелья, когда послал его в шахту бурить с явным нарушением закона и с прямой угрозой его жизни. Несчастный случай имел место, и Кореньков погиб. Погиб в результате распоряжений Беленко. Но это — не неосторожность, это — почти заведомое преступление, в результате которого погиб Кореньков. Гражданин Беленко, такой как вы, в той среде, в которой вы были, вы не могли не принадлежать к организации. Это как раз те исполнители, которые были нужны. Вы как раз тот исполнитель, при помощи которого можно было быть уверенным в осуществлении вредительства, ибо на всякую гадость, на всякую подлость с легкой душой и с легким сердцем шел гражданин Беленко. Я думаю, что хотя в отношении Беленко, как и Васильева, мы не располагаем большим материалом о количестве их вредительской работы, но, как заведующий шахтой, он исполнял эту вредительскую работу по указаниям Калганова, получал от него деньги, являлся членом организации, и поэтому как таковой должен быть подвергнут изоляции, ибо толку и проку от Беленко в ближайшем будущем тоже ожидать нельзя.

Я перехожу теперь к трем последним и в то же время наиболее красочным представителям Донецко-Грушевского района.

Гражданин Антонов — представитель горного надзора, человек, который вышел сюда с усмешечкой, человек, который полагал, что ему легко удастся отвести от себя все то, что против него имеется. Но на судебном следствии я вам после показаний свидетеля Галаджа задавал вопрос за вопросом: «Входило ли в вашу обязанность наблюдение, чтобы правильно и целесообразно велась горная работа?» — «Да, входило». — «Входило ли в вашу обязанность наблюдение за тем, чтобы техника безопасности строго и неуклонно соблюдалась?» — «Да, входило». — «Входило ли в вашу обязанность знать о наличии всех укрытых и всех находящихся в эксплоатации пластов?» — «Да, входило».—«Имело ли место сокрытие пластов, были ли и имели ли место недопустимые случаи нарушений техники безопасности и сознательно нецелесообразные акты горной работы?» — «Да, были». — «Виновны ли, повинны ли вы по меньшей мере в укрывательстве, попустительстве?» — «Да», — вы это должны были признать. Но здесь это не только служебное упущение. Это далеко не 111 статья. Это типичная 58[7] статья, поскольку, входя в эту организацию, зная о ней, получая деньги за нее, вы тем самым сознательно попустительствовали контрреволюции. Вы говорили, что

не получали, что вы не знали и т. д. Вы как специальный представитель горного надзора, контрольного надзора, не знали Вы говорите, что ваш начальник Жалковский должен был наблюдать, что это была не только ваша обязанность, но и Жалковского. Но вы сами показали, и Жалковский показал, что вы были в таком же положении, как и Жалковский, но Жалковский жил в Новочеркасске, а вы в Шахтинском районе.

Исключено, чтобы представитель горного надзора, достаточно знающий свое дело, мог не заметить того, что делалось, когда это видели простые рабочие; каждый из тех крепильщиков, из тех забойщиков, которые находились в шахтах, все видели, все знали, а вы не знали. Правда, здесь прошли данные о ваших посещениях шахт. Были шахты, в которых вы бывали раз в год, раз в несколько лет. Но мы произвели некоторый сравнительный подсчет и установили, что те девять шахт, которые находились рядом с вами, которые находились около вас, вы тоже не посещали. А ваша книга, которую мы разбирали, книга записей несчастных случаев? А случай с рабочим Горностаевым, погибшим благодаря тому, что кабель не был изолирован? На вопрос, который я поставил, насколько является допустимым наличие кабеля без изоляции, вы ответили, что недопустимо, а дали заключение, где возлагали всю вину на самого погибшего Горностаева. А случай с Кореньковым, где опять-таки по вашему заключению он сам был виноват? Наконец, красочная картина, которая разыгралась при допросе свидетелей Михайличенко и Подгорного. Когда я спрашивал о щенке, подаренном вам, вы сказали, что я хотел, мол, напомнить сценку из Гоголя: с борзыми, что там-де взяли взятку борзыми щенками, а я обвиняю вас в принятии взятки легавыми. Нет, не о взятке шла речь, а о демонстрации ваших дружественных отношений с частником Мансуровым и о нарушении закона, которое вы проводили для него и в его интересах, о покрывательстве безобразий, которые вами проводились для доказательства правильности показаний свидетеля Рябых, крикнувшего вам по телефону: «Как ты смеешь, паразит, извращать советский закон». И вот теперь, сидя здесь на скамье подсудимых, скажите, гражданин Антонов, не жалеете ли вы, что вы слишком близко принимали участие в защите интересов этого частника, такой черной неблагодарностью заплатившего, во всеуслышание характеризовавшего вас как человека, который способен на всякую гадость. Я думаю, впрочем, что он не так был далек от истины, этот частник. В отношении гражданина Антонова вопрос ставится таким образом: горный надзор—не шутка, не пустяки, горный надзор — контрольный орган, горный надзор должен быть на деле контрольным органом, и если вас поставили в качестве контролера, если вы видели,—а вы не могли не видеть, вы должны были видеть, при всех условиях,—видели то вредительство, которое имело место, то факт вашего соучастия доказан, ваше соучастие является установленным фактом, а то, что вы считали возможным принимать подарки от Ман-

сурова, заставляет нас поверить и тому, что вы брали деньги и от Донецко-Грушевской контрреволюционной организации. Антонов должен итти в тюрьму, я полагаю, на срок в достаточной степени длительный, чтобы показать, что задачи горного надзора — не пустяки и что в деле охраны жизни рабочих нельзя простить даже мелких упущений.

Остаются два Колодуба, Емельян и Андрей. Этим можно закончить анализ Донецко-Грушевского рудоуправления.

Емельян Колодуб — старик, капиталист, сам исчислявший свою собственность до 100 тысяч рублей — собственность, которую он нажил тяжелым трудом, первоначально в качестве маленького собственника, а затем сделавшийся настолько видной фигурой, что с его мнением считался даже Рабинович.

Он признал себя виновным в том, что «недостаточно внимательно относился к вопросам профтехнического образования». Мы его обвиняем в вопросах более серьезных: в том, что он заведомо знал о существовании вредительской организации, и он сам сознает, что существовала контрреволюционная группа, и называет девять вредительских актов, которые он видел и которые он перечислил в своих показаниях. Правда, он потом трактует, что он назвал их контрреволюционными потому, что следователь объяснил, что если Колодуб не за революцию, значит он против революции, он контрреволюционер. Но на такой отговорке сейчас далеко не уедешь. Вы помните, товарищи судьи, фотографию открытия Бессергеньевки, после чего, по словам Колодуба, было гигантское пьянство. Это было при старых хозяевах, а при новых мы знаем о наличии совещания, где был решен вопрос о том, чтобы Бессергеньевку укрыть. И мы знаем из показания, что протокол этого совещания писался одним из Колодубов.

Факт соучастия Емельяна Колодуба в укрытии от советской власти крупнейшего месторождения не нуждается в иных доказательствах, как и факт его осведомленности о контрреволюционной организации.

Позвольте, однако, еще ближе приглядеться к Емельяну Колодубу, чтобы точнее определить его политическую фигуру.

Емельян Колодуб был одним из тех представителей старого «доброго» времени, который не различал ручной кулачной расправы в своем доме от кулачной расправы с рабочими, который в отношении к новому порядку не мог питать ничего другого, кроме чувства злобы и чувства ненависти, который может быть признан не очень опасным врагом лишь потому, что он все же в достаточной мере стар. Но гражданин Колодуб Емельян не может быть признан тем лицом, в отношении которого можно исходить только из снисхождения к его старости.

Я взял на себя труд ознакомиться с «ученым» трудом Емельяна Колодуба, который называется так: «Труд и жизнь горнорабочих по Донецко-Грушевскому району». Этот труд и приобщен к делу по ходатайству защиты, с указанием, что защита будет

цитировать и ссылаться на отдельные фразы из этого труда. Я сам за нее процитирую ту фразу, где он говорит: «Сами рабочие должны получить возможность обсуждать свои нужды и принимать участие в выработке законопроектов, задачей которых является удовлетворение назревших потребностей и нужд рабочей жизни». Колодуб, так сказать, — в роли защитника диктатуры рабочего класса.

Сказано очень хорошо и очень, так сказать, «благожелательно» по отношению к рабочим: они «должны получить возможность обсуждать свои нужды и принимать участие в выработке законопроектов», а все же мы не так говорим, мы говорим иначе, — мы говорим, что рабочие должны взять в свои руки власть, а не только участвовать в выработке законопроектов или принимать участие в решении всех этих вопросов, а тем более не «получить возможность» еще вместе с другими лицами вроде Емельяна Колодуба. Этих последних мы от этой работы отстраняем, мы им говорим: довольно, вы поработали в свое время достаточно, пора уступить место непосредственно самим рабочим.

Но что говорит Колодуб о самих рабочих? Я процитирую место, характеризующее общую политическую физиономию Колодуба, и этой цитаты нам будет достаточно для того, чтобы не ставить больше вопроса о его «социалистических» устремлениях.

Вот как он пишет о рабочих, как они живут. Емельян Колодуб пишет: «Вводится еще закон о гражданской ответственности, вместо уголовной, за забастовки». Но этот закон, — говорит он, — не даст ничего, от него толку мало. Почему от него толку мало? Об этом он пишет так: «Вся семья рабочего, как бы она ни была велика, содержится исключительно трудом одного работника: подростки, женщины и старики ничего в дом не приносят, ничем не занимаются. В земледельческих селах вся семья может трудиться и общими силами заботиться о своем существовании, а у нас закон, запрещая работать до 15 — 17 лет, не указывает, кто же должен кормить этих подростков и чем они должны заниматься, куда направить молодую энергию».

Отсюда, по Емельяну Колодубу, выходит: нужен закон, позволяющий эксплоатировать пятнадцатилетних подростков, нужно отменить закон, мешающий ему, Емельяну Колодубу, получать прибавочную стоимость от труда пятнадцатилетних детей. Потому что отец, измученный тяжелой работой, сознавая свое бессилие чем-либо, когда-либо скрасить жизнь своей семьи, большей частью не приносит зарабатываемых денег в семью, а пропивает их. Дети без призора, полуголые и вечно голодные промышляют мелким воровством, и — слушайте — «немалый процент их, достигши и правоспособного возраста, не изменяет своего взгляда о неприкосновенности чужой собственности». Все это будущие отцы. Что же они дадут будущей своей семье? Конечно, и этот вопрос уже разрешен теорией: дети должны учиться, для детей должны быть учреждены школы. Но Емельян

Колодуб пишет: «Да, нужны школы, но школы жизни, а не те, которые, развивая аппетиты, перерабатывают здоровые мозги в наговоренные граммофонные валики. Наконец, в школу нужно ходить одетым и не голодным, а этот вопрос при данных обстоятельствах вряд ли разрешим и теоретически».

Значит, и в школу не стоит посылать, во-первых, потому, что там «развивают аппетит» и «наворачивают граммофонные валики», а, во-вторых, потому, что «в школу нельзя ходить неодетым и голодным», а теперь, мол, одеть и накормить не представляется возможным, однако, «жизнь рабочих-одиночек, живущих казарменно, — по Колодубу, — находится в худшем положении, чем семейных».

Ибо — «живут рабочие-одиночки в казармах по 20—40 человек. Подбор их всегда случайный из разных губерний, дисциплина, порядок в таких казармах немыслимы, каждый ведет себя так, как ему нравится». Колодубу это не нравится. Собственности и денег при себе в кармане иметь невозможно, — продолжает он, — «так как во всякой казарме всегда имеется пропившийся сотоварищ, который за неимением ничего своего свободно пользуется чужим».

Но вывод-то какой? А вывод: «Как мучается рабочий в непривычной тяжелой работе, так же м у ч а е т с я с н и м и п р е д п р и н и м а т е л ь, оплачивая работу полупьяного, неумеющего и не всегда добросовестного рабочего, н е и м е я в о з м о ж н о с т и б ы т ь у в е р е н н ы м в п р о ч н о с т и с в о е г о д е л а, с у щ е с т в о в а н и е к о т о р о г о з а в и с и т о т с л у ч а й н ы х, с о в е р ш е н н о о т н е г о н е з а в и с я щ и х, а п о т о м у и н е п р е д о т в р а т и м ы х и м о б с т о я т е л ь с т в».

Итак, Колодуб решил: во-первых, в школу детей посылать не нужно, строить школы не нужно, ибо одеть детей не во что; во-вторых, закон запрещает детям работать, отцы деньги пропивают, капиталисты страдают, — в ы х о д а н е т Вот вывод социалиста Колодуба в его собственном колодубовском изложении.

Полагаю, что дальше обрисовывать политическую физиономию Колодуба нет нужды, но стоит раскрыть, какой ненавистью пользовалось его имя, стоит вспомнить, что еще в 1905 году рабочие сожгли его дом. Правда, Колодуб говорит, что у него на руднике было только три урядника. Но зато когда были волнения, то по телефонному вызову приехал полицеймейстер и целый взвод, хотя Колодуб говорит, что полицеймейстер сам приехал а он, Колодуб, его не звал. Ну, пусть будет: не звал.

Вопрос о Колодубе ставится так: во-первых, осведомленность об организации, во-вторых, помощь контрреволюционной организации своими великолепными знаниями района, в целях укрытия пластов и совершения других вредительских действий, — Колодуб, равным образом, должен быть изолирован.

Иначе ставится вопрос об А н д р е е К о л о д у б е. Это уже активный вредитель, это уже не немощный старик, относи-

тельно которого еще можно сомневаться в его вредности или опасности. Андрей Колодуб — активный вредитель, совершивший целый ряд вредительских действий. Сюда относится в первую очередь его работа по проходке шахт и прежде всего шахт «Красненькая» и «Аюта»

На счету Андрея Колодуба имеется, кроме того, известная постройка плотины, плотины, построенной заведомо так, что она должна была быть размыта, а вода должна была проникнуть в близ расположенные шахты и поставить под прямую угрозу шахту «Макарьевка».

Андрей Колодуб — активный вредитель. Андрей Колодуб — это лицо, которое еще в большей степени, чем Емельян Колодуб, является воплощающим колодубовщину, — колодубовщину как систему, колодубовщину как метод, колодубовщину как выражение определенного социального уклада — пережитка и нароста на советской действительности.

Я позволю себе остановиться более подробно на инциденте с Полей, которому мы посвятили столько времени, который мы так добросовестно стремились исследовать.

Что же, в конце концов, выяснилось? Выяснилась, во-первых, прямая связь Колодуба с Потатуевыми, во-вторых, прямая связь Колодуба с контрразведкой. — об этом здесь показывает тот же Прудентов, выяснилось, в-третьих, что Поля, если она и служила у Потатуевых, была расстреляна в результате сообщения и свидетельства Колодуба. Расстреляна не за то, что Поля украла зеленое платье, — за зеленое платье палачи подвергли ее унизительной порке, приговорили к 50 розгам... Суд защиты Дона — интеллигентные негодяи, золотопогонные мерзавцы-судьи, военно-полевой суд — приговорил девушку к порке за зеленое платье, похищенное у жены инженера Потатуева. И Поля осталась бы жива. Но вмешался Андрей Колодуб... Поля виновата не только в том, что она украла зеленое платье... Поля виновата в том, что она приносила своему брату-красногвардейцу поесть, когда тот скрывался от белых в шахте. Поля виновата в том, что она служила сестрой милосердия в красной гвардии, что она была связана с красными, что она красным, рабочим, брату помогала в борьбе против белых хозяев.

Это показывает Андрей Колодуб, и за это Полю расстреляли.

Кто это показал? Брат Поли! Странная судьба защиты! Какого бы свидетеля она ни вызвала, все против них Брат Поли был вызван по ходатайству защитника Андрея Колодуба, и этот свидетель решил вопрос об Андрее Колодубе.

Как была расстреляна Поля? Мы имеем показания и об этом: вскрытый сабельным ударом живот, отрезанные груди, отрубленные пальцы, полтора десятка штыковых ран. Что же, Колодуб не знал о методе расправы белых палачей? Колодубу они не были известны?

Есть и еще свидетельства об Андрее Колодубе, о его таких выступлениях.

Что делать нам с Андреем Колодубом? Зачем нам нужны Колодубы? Они нам не нужны!

Прокуратура предлагает Андрея Колодуба расстрелять.

Я позволю себе перейти к другим рудоуправлениям, работникам других периферийных ячеек вредительской организации. Центр — Харьков и Москву — я буду разбирать в заключительной части речи.

Потемкин является одним из работников периферии, причем одним из тех, которые сами признали здесь свою вину. К сожалению, он не в достаточной степени уточнил непосредственную свою связь с вредительской организацией. Он признал только, что вращался в группе Бояршинова. Он охарактеризовал эту группу в период 1921—1924 гг. как группу вредительскую или как группу контрреволюционно настроенную, это будет точнее. Он указал, что он знал из этой группы Бояршинова, Быховского, который трижды или дважды был его помощником, знал Морозова, знал Шадлуна. В то же время он указывал, что вместе с ними он проводил особую от советской власти хозяйственную политику; правда, Потемкин воздержался от конкретных указаний, в чем именно выразилась эта особая хозяйственная политика, начал тут играть словами, доказывая, что под словами «группа и групповые группировки» он понимал не контрреволюционные группировки в точном смысле этого слова, а понимал так, что имелось две группы — одна Данчича, а другая — Бояршинова, стремясь прикрыть изложением истории этой групповой борьбы среди инженерства существо контрреволюционной борьбы. Это не удалось Потемкину здесь на судебном следствии. Здесь, на судебном следствии, мы вскрыли истинное существо этой работы. Потемкин здесь должен был признать, что дело обстояло гораздо серьезнее, и на вопросы председателя сам должен был конкретизировать эту контрреволюционную связь. Но это все, что конкретно установило судебное следствие в отношении Потемкина. О дальнейшей работе Потемкина мы имеем только два указания — о его работе в Мосугле, где есть указания, что он оказывал некоторое противодействие при заключении договора с фирмой Стюарт о проектировании тех или иных шахт, причем якобы он поставил фирме Стюарт более жесткие и более выгодные с точки зрения интересов государства условия. Вот все, что нам известно здесь, и затем есть указания о том, что он состоял членом организации, но указания общего характера. Этот простой оговор, ничем не подкрепленный, мы вынуждены поэтому сбросить со счета, ибо не можем считать его в достаточной степени весомым доказательством.

Отсюда вытекает, что со стороны Потемкина мы только имеем прямое укрывательство в период до 1924 года. Это определяет и меру уголовной репрессии. Можно говорить здесь и об условном приговоре, можно говорить о кратких сроках изоляции, хотя лично я являюсь коренным противником, принципиальным противником кратких сроков изоляции как совершенно не от-

вечающих задачам исправительно-трудовой политики. Я полагаю, что, может быть, назначение Потемкина на принудительные работы по пониженной тарифной ставке в определенных условиях практической работы на горнозаводских предприятиях явится одним из наиболее реальных методов воздействия, чтобы научить его понимать быт и труд рабочих, чтобы он понял, как надлежит относиться к факту труда в нашем государстве.

Соколов — главный инженер Кадиевского рудоуправления, один из главных рычагов вредительской организации. Я указывал при рассмотрении деятельности Калганова, при рассмотрении деятельности Березовского, как надлежит относиться к этой категории работников-вредителей. О Соколове мы имеем прежде всего его же прямые показания о самом себе: систематическая связь с Дворжанчиком, связь с Матовым, вербовка Бояринова, вербовка Некрасова И. И. (в последнем, впрочем, я лично сомневаюсь, потому что И. И. Некрасов был и без Соколова участником вредительской организации), дальше — связь с Андреевым на Мушкетовке, связь с Именитовым и Детером, получение денег, вредительская работа по мелкому шахтному строительству, закладка шахт № 31, 32 и других, вредительская работа по переоборудованию шахты имени Ильича, проводимая по его указаниям Бояриновым, — одним словом, вся совокупность этих данных ставит вопрос в отношении Соколова в той же плоскости, как и в отношении других главных инженеров. Однако прокуратура не считает возможным поставить в отношении Соколова вопрос таким образом, как в отношении остальных. Я лично не вижу возможности поставить в отношении Соколова, несмотря на его вредительскую работу, признанную им самим, вопрос так же, как, скажем, о Калганове. Более того, для меня лично спорной является целесообразность применения к нему и длительных сроков изоляции. Если бы наш закон сейчас был иной, если бы наш закон по вопросу о принудительных работах был таким, каким он должен быть согласно последнему решению Совнаркома от июня 1927 года, если бы мы могли использовать аппарат принудительных работ в течение более длительного срока, чем сейчас, — а сейчас закон допускает приговор к принудительным работам на срок лишь до одного года, — я поставил бы вопрос о применении к Соколову репрессии в виде принудительных работ на более длительный срок. Я бы исходил из того, что в показаниях Соколова нигде и ни в чем мы не имеем противоречий, мы имеем сравнительно полное и подробное изложение того что было, имеем ряд указаний на конкретные факты, которые имели место, без выпячивания своего признания, без стремления скрыть что-нибудь. Но нет никакого основания поставить вопрос так, чтобы ограничиться одними принудительными работами на один год. Вот почему я думаю, что изоляция на определенный срок должна по отношению Соколова послужить средством воздействия на него. Я думаю, что срок в 2—3 года изоляции может быть достаточным. Я, конечно, считаю, что в такой оценке

имеется доля субъективизма и поэтому-то я цитировал ст.ст. 6 и 8 Уголовного кодекса и говорил, что нужно исходить из оценки конкретных особенностей данного лица, что дает возможность вариаций при применении мер репрессии.

Исходя из этого, я так и ставлю вопрос относительно мер репрессии по отношению к Соколову и так же ставлю вопрос относительно Одрова.

О д р о в хотел выкрутиться при помощи явно нецелесообразных приемов, при помощи не выдерживающих никакой логики способов. Одров говорит, что он... участвовал и не знал, что участвовал, вернее, участвовал, не сознавая, что он этим самым является членом организации. Но когда такие вещи говорит несмышленый мальчик, это еще можно понять, но когда это говорит взрослый человек, это уже делается смешно. Когда об этом говорят несколько раз, делается досадно, если же об этом докладывают с назойливостью и наглостью, делается противно.

Одров был помощником главного инженера, в его ведении находилась одно время Центральная шахта Щербиновского рудоуправления; Одров получал деньги по определенному списку, являлся передатчиком ряда писем, осуществлял связь с другими, — все это серьезные преступления. Но сам он производит, я говорю, все же впечатление человека, который едва ли выдумает Америку.

Вот почему, я думаю, что в отношении Одрова, так же как и в отношении Соколова, может быть на срок более длительный, нужна тюремная изоляция в порядке его проверки и только.

В его деле есть один очень неприятный момент — это собирание сведений для Бояринова. Знал ли он все, что знал Бояринов, — вот вопрос. Знал ли он все, и если знал все, то во всем ли он сознательно и до конца соучаствовал в этих действиях? Ибо о Бояринове у нас будет речь итти особо, на нем я в свое время специально остановлю внимание суда. Поэтому прокуратура полагает, что тюремная изоляция на тот или другой срок — до трех лет в качестве испытания — может явиться той мерой, которая должна быть применена в отношении Одрова.

С у щ е в с к и й — главный инженер, после этого — работник Управления новым строительством, — лицо, которое имело самостоятельную связь с Дворжанчиком, раньше через Клапишевского, лицо, которое сносилось впоследствии с Ружицким, которое после 1924 года осуществляло систематическую связь через Будного, основной передатчик и раздатчик писем и денег. Вовлек в организацию Одрова, Стояновского, Люри, Семенченко и ряд других. Безусловный член центральной Харьковской организации, участник ряда совещаний.

Состоявший в систематической связи с Матовым и Братановским, один из исполнителей поручений организации при поездке за границу, главный инженер Щербиновки, он непосредственно на производстве совершает целый ряд конкретных вредительских действий. Сюда относятся вредительства в области мелкого шахт-

ного строительства, в области нового шахтного строительства, в области разрушения котельного хозяйства, подрыва Центрального рудника, Северного рудника, шахты Артем; сюда же относится неправильная работа по обеспечению Щербиновского рудоуправления электрической энергией и ряд совершенно непроизводительно произведенных затрат; сюда относится неправильное использование оборудования, бензиновозов, электровозов, выписка двух врубовых машин, которые без дела простояли год с лишним, затем были отосланы; сюда же относится недопустимое состояние вентиляции в главных шахтах.

В мелком шахтном строительстве мы имеем сокрытие пластов «Пугачевка» и «Толстого», неправильную закладку шахт № 9, 10 и 11, торможение постройки шахты № 5 «Большая Карабанка», — все это ряд серьезнейших вредительских действий. Сюда относится заторможение постройки шахты «Центральная Новая» по Щербиновке. Все это характеризует его как активного вредителя.

Получение денег лично для себя, получение денег для ряда лиц, выдача денег по спискам, собирание сведений для Кузьмы во время его объезда, безусловное знание всех и обо всем.

И дальше, в частности «оригинальная» работа, «оригинальная» деятельность по проведению оборудования шахты Центральной. Вы знаете историю с трехногим и четырехногим копром Вы помните эту историю. Донуголь решил сделать копер определенной системы. Рисунок и проект копра был послан на одобрение старым хозяевам за границу, старые хозяева за границей сказали: нам не нравится такой проект, будьте любезны его переделать, мы заплатим за это четыре тысячи. И проект переделывается. Так Донбассом управляли старые хозяева.

Этого факта достаточно для того, чтобы определить значение вредительской работы Сущевского.

Вот почему мне кажется, что вопрос о Сущевском должен ставиться точно так же, как он ставился о Калганове. Правда, у меня лично, возможно, иные впечатления о Сущевском в порядке оценки его как личности и в порядке оценки его социальной опасности. Может быть, несмотря на то, что он был связан с Дворжанчиком, несмотря на те вредительские действия, которые он совершил, я полагал бы, что нет оснований ставить вопрос о физическом уничтожении Сущевского. Ибо он все же внушает симпатии и своим признанием и своим поведением на суде. Но логика прокурорских обязанностей не позволяет мне ставить вопрос иначе, логика требует здесь постановки вопроса о Сущевском именно в этой плоскости, как об одном из главных воротил организации. Вот почему здесь, когда взвешиваешь на весах сравнительную ценность аргумента за и против, то здесь приходится поставить вопрос так, что хотя можно полагать, что Сущевский в достаточной степени искренне здесь говорил о своем

раскаянии, все же я не могу иначе о нем ставить вопрос, как о расстреле. Впрочем, есть темные черточки и у Сущевского.

Вы помните, как начал говорить Сущевский. Он сказал: «Я признавал себя виновным лишь частично, но здесь я признаю себя виновным полностью, безоговорочно», — а потом повел длительный рассказ о своих делах и из этого рассказа вытекало все же как раз только то, что он говорил на предварительном следствии, — не больше. Свое активное вредительство он отвергал, о своем вредительстве не говорил, говорил вообще о вредительстве, не больше.

Это полупризнание, изложенное как якобы полное признание, является тем, что меня заставляет сейчас остановиться, когда я ставлю вопрос о более мягких мерах репрессии в отношении Сущевского, и я не могу, повторяю, несмотря на то, что как будто к этому есть предпосылки, поставить вопрос о Сущевском иначе, чем я ставил вопрос в отношении Калганова. Я не имею в себе достаточно твердой уверенности, чтобы сказать, что расстрел есть единственно возможная мера в отношении Сущевского, но я не считаю себя вправе ее не требовать. Нельзя по отношению к главному рычагу вредительской организации иначе ставить вопрос.

Л ю р и — член вредительской организации Щербиновского рудоуправления. Люри, получавший несколько раз деньги и упорно здесь отказывавшийся и запиравшийся в получении этих денег. Люри — один из тех, который, как установлено данными следствия, пятикратно получал деньги; заведующий горными работами, центральной шахтой, один из активных работников. Он нам рассказывает тут, что ничего не видел и ничего не знает.

Кто же ему поверит? Что же, это — слепой инженер, ничего не понимающий, так себе, субъект, который как некое малолетнее животное тычется и туда и сюда, и ничего не видит, что делается у него под носом? Это же курам насмех. Никто в это не поверит. Этим, гражданин Люри, ничего не докажете.

Вот почему в отношении Люри вопрос о длительной тюремной изоляции представляется совершенно ясным, и никакие отговорки и заявления, что он ничего не знал, здесь не могут помочь.

Люри относится к категории тех лиц, которые должны быть изолированы на срок не меньше пяти лет.

Р ж е п е ц к и й... Я позволю себе взять теперь сразу двух главных инженеров: Ржепецкого и Калнина. Они до известной степени имеют целый ряд общих черт в смысле их психологической внутренней структуры и по характеристике их дел.

Ржепецкий — о нем можно определенно сказать, кто он такой. Он один из тех мягких людей, у которых нехватает необходимой для активного участия в жизненной борьбе жесткости. Это один из тех, которые, подлаваясь слишком быстро влиянию, очень скоро утрачивают основные опорные пункты для самостоятельного направления своей жизненной деятельно-

сти. Вот почему он, который в юности, в период студенческих годов примыкал, как он говорил, к социалистическим группировкам, имел целый ряд политических столкновений со старым режимом, впоследствии, несмотря на то, что в отношении рабочих он не позволял себе и сотой доли того, что позволяли себе другие квалифицированные инженеры, — оказался послушным орудием в руках Андреева и в период прихода красных остался со специальной директивой от бывших хозяев, а впоследствии сделался орудием в руках вредительской организации, оказался, наконец, фактически активным вредителем, получавшим деньги, получавшим письма. Правда, деньги он категорически отрицает, но едва ли есть основание в данном случае полагать, что он говорит правду. О нем есть, наконец, уличающие показания Матова, Братановского и других. Да и трудно предположить, чтобы главный инженер трех рудоуправлений был обойден деньгами. И, тем не менее, Ржепецкий не является лицом, по отношению к которому необходима суровая мера.

К этой же категории относится Калнин. Этот, по собственному его признанию, социал-демократ, оказавшийся «ближе к Парамонову, чем к революционным рабочим», признался здесь, что он являлся орудием в руках Некрасова и Березовского, признал, что он за свое вредительское молчальничество получал деньги. Бывший редактор социал-демократической революционной газеты, бывший член подпольного комитета социал-демократической партии в период ее борьбы с царизмом, впоследствии один из главных воротил парамоновских предприятий и член вредительской организации, в конце концов, он стал вредителем. Есть основания поэтому сомневаться в том, что Калнин полностью говорит всю правду. Как от главного инженера, от него зависело, в достаточной степени, настоять и на ином отношении к проходке шахты Скачинского, прибрать гораздо тверже к рукам Некрасова. Он этого не сделал, но тем не менее допросом мы не установили в его действиях прямых вредительских актов в Несветаевском руднике. Поэтому в отношении Ржепецкого и Калнина, как лиц, которые активной роли, в смысле интенсивного вредительства, не играли, нет нужды применять суровые меры и нет оснований полагать, что они являются социально опасными, действительно, в серьезной степени. Вот почему по отношению к ним обоим я ставлю вопрос об изоляции, либо даже об использовании их на принудительных работах по пониженной тарифной ставке. Нам нет нужды легко бросаться техническими силами. Нам нет нужды особенно бросаться ими, и пока у нас не выросли наши красные специалисты, нет нужды швыряться опытом и знаниями этих лиц. Поставив их в определенные условия, можно и должно их использовать.

Горлов — техник, заслуженный «герой труда» Власовского рудоуправления, рассказывавший нам здесь о вредительской работе на Власовском руднике и на шахте «Артем», в течение ряда лет являвшийся заведующим этой шахтой. Горлова мы

здесь допрашивали, мы заставили его самого признать, что он вредил, тогда как раньше он говорил, что он не вредил, а только видел вредительскую работу. Он действовал в компании с Кузьмой, Овчареком и Башкиным, он не принимал мер к креплению железобетоном западного коренного хода, вел вредительскую работу, которая привела к ослаблению вентиляционных аппаратов, вел работу по проведению бремсберга №№ 70 и 13, вел ту вредительскую работу, которая привела, по его собственным словам, к ухудшению качества продукции и к повышению себестоимости, привела к тому, что работа на шахте «Артем» не дала тех результатов, которые могла дать, и, наконец, привела к тому, что ежегодно 10 процентов продукции выбывало из общего количества добытого угля. Знаем мы у Горлова и ряд неблаговидных черточек, относительно которых я на судебном следствии сознательно не задавал вопросов, ибо в тот момент затрагивались более серьезные моменты вредительства на Власовском рудоуправлении и не хотелось усложнять их личными моментами. Но здесь при подведении итогов работы Горлова нельзя не сказать об этом. Я должен напомнить, что в деле имеются свидетельские показания, говорящие о мелком взяточничестве Горлова. Взятки он брал с тех, кого устраивал на должности по технической части, эти взятки его крайне нехорошо характеризуют. Но, с другой стороны, если вы вспомните Горлова, как такового, в его больше бытовом, чем политическом содержании, если вы вспомните, что он рабочий, на своих плечах вынесший тяжести гражданской войны, — семья, из которой он вышел, также дала достаточно борцов за пролетарское дело, — все это дает основание думать, что вряд ли Горлов является социально опасным элементом. Я думаю, что в отношении Горлова, так же как и в отношении Никишина, можно поставить вопрос об условном осуждении.

Некрасов Иван Иванович. О нем нельзя упомянуть без улыбки, его психическая и нравственная физиономия невольно ассоциируется с платиновыми тиглями: украл казенные тигли, продал не один, а в компании, а затем систематически брал мелкие взятки. «Зачем брал взятки?» — «Привычка!» — так он ответил. Инженер Иван Иванович Некрасов «привык» брать взятки. Вот его нравственная оценка, данная им самим. Вредительская деятельность Некрасова определяется его работой, прежде всего, по Берестовскому руднику. Здесь мы имеем, прежде всего, историю с затоплением шахты № 14. Об этой шахте во время судебного следствия выяснено много интересного. Выяснилось, что вокруг этой шахты была борьба целого ряда лиц. Детер, Кузьма, Шадлун, Иван Некрасов. Установлено безусловно, что приказ о затоплении этой шахты был отдан Некрасовым Иваном Ивановичем, что по этому поводу именно он делал доклад Чубарю. Установлено, что затопление шахты было предписано бывшим владельцем. Об этом передал Ивану Ивановичу Шадлун. Правда, Шадлун этого не желает признать. Но это

его дело. Мы имеем его же показание о том, что ему велели затопить шахту. Он даже переспросил: «Это распоряжение?» — «Да, распоряжение». — «А потом?» — «А потом я не сделал». — «Почему не сделали?» — «Потому что не сделал» — «А раньше говорили, что сделали. Когда же вы сказали правду?» Так как шахта была затоплена, так как дальше установлено, что затопление этой шахты явилось мероприятием, о котором раньше шла беседа, так как установлено, что был затем второй приказ не откачивать шахты, и она не была откачена, мы имеем все данные утверждать, что Шадлун, когда он говорит, что не отдавал приказа, просто «шадлунит» Мы имеем все данные утверждать, что он «шадлунит» Он отказывается, что отдавал приказ Ивану Ивановичу затопить шахту; на признание, что он получил определенную мзду, Шадлун говорит дальше, что он часть денег отдал Ивану Ивановичу, а другую часть взял себе. Этот факт остается также доказанным Вы качаете головой? Это ваше право. Но все же обвинение считает этот факт установленным.

Что касается прямых показаний Соколова о том, что Иван Иванович входил в организацию, то едва ли можно, имея в виду нравственную физиономию Ивана Ивановича, утверждать, что это не имело места.

Мерой репрессии к Ивану Ивановичу должно быть применено заключение в тюрьму, где Иван Иванович должен быть поставлен в условия, где он не будет иметь возможности брать взятки, проявлять эту приобретенную им привычку. Может быть, и отвыкнет.

Стояновский и Семенченко. Два птенца из гнезда Сущевского. Оба получавшие деньги по спискам вместе с Одровым. Оба отрицающие категорически свою причастность к организации. Из них один, Стояновский, непосредственно проводивший вредительские задания по мелкому шахтному строительству. Мы разобрали мелкое шахтное строительство на Щербиновке и мы знаем о размерах тех вредительств, которые были проделаны. Если защита будет здесь утверждать, что вредительства по мелкому шахтному строительству нет, — она разойдется с фактами. Если она будет утверждать, что вредительство было, но Стояновский не виноват, — она разойдется с логикой. Ибо Стояновский заведывал мелким шахтным строительством. Какую из этих двух альтернатив выберет защита, — это мы увидим, когда будут защитительные речи.

Во всяком случае, обвинение полагает, что и в отношении Стояновского едва ли можно думать о его непричастности после установления основных фактов, касающихся мелкого шахтного строительства.

Что касается Семенченко, то его допрос дал характернейшую картину, как человек, внезапно испугавшись, вдруг вздумал отказываться от того, что он раньше признавал. Он признавал, что был в списках, что деньги получал, что это деньги были не

кассовые, что это деньги были из организации. А Семенченко был главным механиком, от которого зависело как раз то печальное состояние электропарового и котельного хозяйства, в котором находились силовые установки Щербиновского рудника.

Я отношу Стояновского к наиболее злостным фигурам. Я не вижу, я не нахожу в отношении Стояновского каких-либо смягчающих данных. Это враг. Может быть, мелкий, может быть, не особенно крупный, но враг. Один из злостных, который упорствует не только из тех или других, но шкурных соображений, нет, он производит впечатление именно злостного противника — в р а г а. И то, как он держался, и то, как он отрицал бьющие в глаза факты вредительства, является для него характерным. Одно из самых тяжелых впечатлений оставил допрос Стояновского.

Семенченко в этом отношении несколько иная фигура. Я думаю, что едва ли можно относить его в той мере к злостным, в какой мере приходится относить Стояновского. Но тем не менее, Семенченко — человек, который сознательно наносил вред в качестве главного механика Щербиновского рудника. И за это он получал деньги. И эту мзду, получаемую от Дворжанчика, считал совершенно правильной. Характерна для Щербиновской группы та откровенность, с которой производилась эта оплата; так, Пешехонов, одно из лиц, проходивших по следствию, показывает, что когда ему стало известно, что он переводится на другой рудник, стал выражать сожаление, как и где будет ему теперь платить Дворжанчик. Эти слова характерны для всей группы этого рудоуправления. Видимо, в их сознании получение денег из кассы рудника и получение денег от Дворжанчика настолько переплелись, что различать их уже разучились; оба они поэтому должны подлежать направлению в места заключения.

В л а д и м и р с к и й — наиболее счастливый из героев этого процесса. О нем имеются показания о переписке его с Дворжанчиком, имеются показания Андреева об участии в конспиративном заседании, имеются показания Сущевского. Но Сущевскому было угодно на судебном следствии от своего показания отказаться. Этим в значительной степени ослабилась уликовая сила данных, имеющихся против Владимирского. Последнее заставило прокуратуру в тот момент поставить перед собой вопрос, не ошиблась ли она, когда привлекла Владимирского за принадлежность к организации. Но я думаю, что прокуратура не ошиблась, я думаю все же, что это изменение показания Сущевского надлежит объяснить другими мотивами. Все-таки — это одна среда, среда, сросшаяся между собой, спаянная крепко целым рядом традиций, целым рядом лет совместной службы и работы. И когда казалось, что против Владимирского колеблется уликовая сила данных, когда ясно стало, что изменение показаний Сущевского может значительно повлиять на силу

других уликовых данных, по этому, вполне понятному, мотиву и произошло изменение показаний Сущевского. Однако после показаний Андреева, после установления пребывания Владимирского на совете съездов горной промышленности, в этой организации, которая по образному выражению т. Крумина представляла собой классовую боевую организацию промышленников, — едва ли можно после всего этого с такой доверчивостью отнестись к утверждению о невиновности Владимирского, едва ли можно поставить вопрос о неприменении к нему мер социальной репрессии. Я полагаю, что тюрьма на тот или иной срок должна быть применена и к нему.

Я Овчарека пока выделю, ибо то, что сделал Кузьма, то сделал и Овчарек, — то, что сделал Овчарек, то сделал и Кузьма. Вот почему, поскольку Кузьме будет посвящено довольно большое количество времени, я тогда же вернусь и к Овчареку.

Кувалдин и Некрасов Александр Евдокимович, Главный механик Несветаевского рудоуправления, парамоновский старый служака, «парамоновский пес», как его называли рабочие. Кувалдин, по показаниям Калнина, в тесном союзе с Некрасовым проводил ряд вредительских действий, они сводились к затоплению, к выведению из строя шахты № 2 или № 3, — теперь номера не помню, — к задержке механического оборудования на других шахтах. Здесь установлено, сверх того, что Кувалдин сознательно лгал на производственном совещании, утверждая, что состояние насосов блестяще, в то время когда знал, что насосы требуют специального ремонта; в результате и произошло затопление.

Кувалдин поддерживал личные связи с Парамоновым, показывал письмо Парамонова Калнину и Березовскому. Это тип прислужника старых хозяев, это человек, который всей своей душой врос в старый порядок и не мыслил себе никакого иного порядка, кроме этого.

Кувалдин представляет собой тип вредителя, тип работника, который не будет никогда полезен советскому хозяйству.

Вот почему изоляция Кувалдина представляется соответствующим выводом из его прошлой работы.

Некрасов Александр Евдокимович — организатор вредительской группы на Несветаевском рудоуправлении, вовлекший, по показаниям Калнина, его в организацию, несколько раз плативший Калнину деньги, поддерживавший связь непосредственно с Березовским, проводивший конкретное вредительство при прохождении шахты Скачинского, проводивший конкретное вредительство на остальных шахтах Несветаевского рудоуправления. Вот его послужной «вредительский» список. Ну, а как личность что он собой представляет? Вспомним для начала те его показания, где выяснилось, что он украл казенных лошадей, вспомните его допрос по поводу связей, которые он якобы имел с подпольной революционной организацией. Наглая болтовня и ложь его перед судом были настолько прозрачны, что даже не нуждались

в специальном опровержении. Опровержением этой лжи был смех аудитории и здравый смысл и логика всех тех, кто его слушал.

Но Александр Евдокимович Некрасов не только крупная вредительская фигура и не только старый парамоновский служащий и «зверь», как его здесь характеризовали рабочие, — контрразведчик, как его характеризовал Прудентов. Это социально опасная фигура при всяком положении, это человек типа Васильева, это бандит в инженерской фуражке, это переметчик, которого с трудом без гадливости можно было слушать. Чувствовалось, что пусти гражданина Некрасова, — он опять будет вредить, опять будет вредительство, опять будут жестокости и преступления.

Я отношу гражданина Некрасова к той же категории лиц, что и Васильев и Андрей Колодуб. Применение наиболее жестких мер социальной защиты по отношению к нему диктуется существом этой фигуры и делами, которые он совершил в период, когда был заместителем главного инженера.

Поэтому, в отношении Некрасова, как одного из воротил вредительской организации на Несветаевском руднике, как социально опасной фигуры во всех отношениях, я полагаю, что вопрос о его физическом уничтожении — применении расстрела — является логическим выводом из оценки его социально опасных качеств как личности.

Штельбринг. Мы два раза допрашивали Штельбринга, один раз в открытом, другой раз в закрытом заседании. В открытом заседании мы установили следующие факты: передачу письма в 1921 году от Матова по связям и адресам, которые были доступны и известны только одному Штельбрингу, поддержку связей с одному ему известными и одному ему доступными лицами, вплоть до 1923 года, затем разговор в 1923 году с Матовым, приглашавшим его вступить в контрреволюционную организацию — согласие его или, по крайней мере, невозражение со стороны Штельбринга, затем отъезд на рудник, после чего, по словам Матова, Штельбринг перестает играть выдающуюся роль, хотя в первый период Матов относит его к категории работников руководящей группы. На закрытом заседании мы подвергли более внимательному и детальному обследованию вопрос о связях Штельбринга, и там выяснилось достаточная прочность этих связей. Вместе с тем, выяснилось использование Штельбрингом этих связей в личных целях. Этим исчерпываются данные в отношении Штельбринга. Но все это относится к 1923—1924 году. Дальше данных нет, которые давали бы возможность поставить вопрос о прямой вредительской работе. Это заставляет отнестись к Штельбрингу более мягко. Правда, мы хорошо не знаем всего того, что Штельбринг делал в последующие годы, но если мы не знаем этого, то Штельбринг в этом, во всяком случае, не виноват. Вот почему я думаю, что в отношении Штельбринга можно, тем более, что он еще сравни-

тельно молод, ограничиться более мягкими мерами — изоляцией, быть может, на недостаточно продолжительный срок, но во всяком случае следует изъять его из среды тех людей и связей, которые единожды были им использованы.

Бояринов и Будный Бояринов — главный инженер Байракского рудоуправления Молодой, сравнительно, инженер. В прошлом — артиллерийский офицер. Доброволец империалистической войны В дальнейшем — вредитель, приведший Байрак в такое состояние, что Ржепецкому, когда он приехал, ничего не оставалось делать, — там все было развалено вдребезги. Затормозив разработку ценных пластов на Байракском рудоуправлении, перейдя потом в Кадиевское рудоуправление, он занялся там проектированием, по заданиям Соколова во вредительских целях шахты «Ильич», которое совершил, и так успешно, что «Ильич» до сих пор не переоборудован. Наконец, в Несветаевском рудоуправлении, совместно с Овчареком и Кузьмой, он проводил проект переработки шахт №№ 140, 141 и 142 по методу Кузьмы, обещая громаднейшую добычу, а пока что задерживая и тормозя и ту, которая была.

Этим, однако, не исчерпываются действия гражданина Бояринова Гражданин Бояринов характеризуется данными судебного следствия, прошедшими здесь перед Специальным присутствием, как активный носитель связи с таинственным незнакомцем «Казимиром», которому он неоднократно в конспиративных явках, заранее обусловленных, передавал собираемые им сведения, причем эти сведения настолько переплетались с вопросами политики, что разграничение было чрезвычайно трудно. В дальнейшем Бояринов поддерживал переписку с Дворжанчиком, причем, как это было здесь установлено им же в открытом судебном заседании, за тысячу долларов получил предложение в случае войны совершить в тылу диверсионный акт. Бояринов принял это предложение Я спросил Бояринова, понимает ли он, как бывший офицер, что это значит. Он ответил: «Понимаю». Тогда Рогинский спросил Бояринова, понимает ли он, что его действия должны быть квалифицированы как шпионаж. И он опять ответил: «Понимаю» Третий вопрос следовало бы задать Бояринову, — понимает ли он, как должен суд реагировать на эти его действия. И на этот вопрос он также, вероятно, ответил бы: «Понимаю». Расстрел шпиона Бояринова должен быть результатом судебного следствия.

Будный — герой закрытого судебного заседания, персональный носитель связи с Дворжанчиком, передатчик, по его собственному признанию, сорока нелегальных писем конспиративной организации, осуществлявший, заведомо для себя, связь совершенно определенного характера и лишь утверждавший, что он эту связь якобы с 1925 года прекратил, и признавший, что в дальнейшем он лишь получал, но сам не отправлял по этой связи письма в 1926—1927 гг., член съезда горнопромышленников, продовольственный диктатор Донбасса во время белых

армий, рассказывавший нам здесь, как он служил красным тем, что случайно оставил им остатки масла, которое доставал для белых. Это было бы комично, если бы этот комизм на деле не превращался в трагизм для рабочих Донбасса и для дела революции.

Будный — орган связи контрреволюционной организации с закордонными контрреволюционерами. Будный поэтому должен быть отнесен к той же категории, что и Бояринов. Если уже ставить вопрос о применении жестких мер репрессии по отношению к той или иной категории подсудимых, то к тем, кто уличен в шпионской деятельности, кто являлся передаточной связью с закордонными организациями, к тем, кто имел отношение к иностранным учреждениям неэкономического характера, другой постановки вопроса быть не может. Я настаиваю на расстреле Будного.

При обрисовке размеров контрреволюционной организации я останавливался больше на выявлении ее организационной структуры и в меньшей мере касался непосредственных актов работы этой организации, считая, что они в достаточной степени выявлены на судебном следствии как сознанием обвиняемых, так и оглашением ряда документов и перекрестным допросом свидетелей. Но когда сейчас приходится переходить к обрисовке деятельности Харьковской центральной группы, нет никакой возможности обойтись без, по меньшей мере, беглого обзора основных объектов или методов вредительской работы.

Кратко я остановился на этом, когда указывал, что этими объектами явились три области: область капитального шахтного строительства, во-первых, область мелкого шахтного строительства, во-вторых, и вредительство при проведении заказов на импортное оборудование, в-третьих.

Я должен остановиться сейчас более подробно на этих моментах для того, чтобы были ясны роль и удельный вес отдельных членов центральной харьковской группы.

Тов. Крумин в своем выступлении останавливается главным образом, на этих моментах, но он давал нам общую, преимущественно экономическую оценку этих отдельных систем вредительских действий. Я хочу перенести центр тяжести в политику. Он характеризовал, — и я это частично тоже повторил. — что срыв шахтного нового строительства есть подготовка кризиса Донбасса, кризиса угольной промышленности вообще, что означало остановку пульса промышленной жизни в Союзе. Я добавляю, что это было равносильно подготовке к ослаблению обороноспособности страны, если иметь в виду, что этот кризис подготовляется, приблизительно, к 1929—1930 году, может быть, годом позже, — к моменту, когда добыча, шедшая таким бешеным темпом вперед, с объективной неизбежностью должна была упереться в факт выработанности старых шахт и в факт соответственного понижения добычи, что при общем росте индустриализации страны привело бы к двойному ее ослаб-

лению, ибо если данная добыча необходима была для данного состояния промышленности, то совершенно ясно, что понижение добычи на какой-нибудь процент при увеличившейся потребности в топливе гораздо сильнее отразилось бы именно в смысле подготовки кризиса.

Тот факт, что вредители интервенцию относили первоначально к середине или к концу 1928—1929 года, дает нам картину, когда подготовляемый кризис угольной добычи мог совпасть с планами интервентов относительно вооруженного вмешательства во внутренние дела Советского союза.

Здесь скрещиваются эти две параллельные линии вредительских связей, здесь они замыкаются в одну точку, здесь они связываются в единый узел и от этого вся работа вредительской организации получает иную окраску.

Одновременно, непроизводительные затраты народных средств на мелкое шахтное строительство, на ненужное или, вернее, несвоевременно прибывающее или несоответствующее, хотя, может быть, по своим качествам и не самое худшее, оборудование, равносильны были подрыву системы нашей экономической политики в области режима экономии.

Таким образом в своей совокупности обе эти системы действий вредительской организации объективно не могут быть иначе квалифицированы, как направленные на срыв основных линий государственной политики, на срыв основных линий политической работы органов государственного управления, и поэтому вся эта работа не может быть охарактеризована как работа, направленная против правительственной политики в целом, против политики правящего класса, против политики трудящихся масс.

Вот почему политический характер этой работы является не подлежащим сомнению, и вот почему в предвидении того, что придется в процессе борьбы с буржуазным миром встретиться еще в нашей практической работе с различными формами контрреволюционной деятельности, статья об экономической контрреволюции, по прежней терминологии ст. 63, была нами включена в наш Уголовный кодекс еще с 1922 года, в период написания первых уголовных норм советского законодательства. Но никогда, быть может, за все истекшее время мы не имели такого классически выраженного типа экономической контрреволюции, как в данном процессе, когда бы так ясно имелись выявленными налицо все до одного основные признаки статьи 58^7 об экономической контрреволюции. Ст. 58^7 требует для своего состава сознательно направленной деятельности отдельных лиц и отдельных членов преступной организации на 1) подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы; 2) путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий; 3) в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций в контрреволюционных целях.

Все эти элементы имеются налицо, и вот почему совершенно правильна такая квалификация, и вот почему нужно отбросить в сторону всякие отговорки и всякие ссылки на то, что эта работа совершалась якобы в интересах одного только денежного обогащения, одной только денежной наживы, или в интересах только сдачи рудников или тех или других предприятий в концессию.

Открытые контрреволюционные цели объективно вырисовываются как неизбежное логическое, замыкающее круг звено в системе этих действий.

А импортное оборудование?

Никто не может, в то же время, сказать, что здесь мы имеем лиц, которые только еще хотели делить шкуру неубитого медведя, которые только хотели приступить к вредительской деятельности, или которые только собирались вредить. Нет, за ними уже имеется длинный список вредительских действий, сумма которых в денежном выражении исчисляется миллионами рублей. Вы знаете, как мы ценим каждый грош, который отправляем за границу. Вы знаете, какому ограничению подвергаются в целях сбережения народного достояния всякие излишние или, может быть, преждевременные или несвоевременные, хотя бы и вполне целесообразные, затраты валюты, а тут налицо систематическая работа, в течение ряда лет, со специальным наказом не критиковать лицензий и заказов, которые присылаются из Харькова, так что заведующему иностранным отделом, вредителю Казаринову, не приходилось даже не только не вредить, а наоборот, приходилось выправлять заказы, идущие из отделов Донугля, чтобы не слишком била, не слишком бросалась в глаза явно недопустимая, явно вредительская работа.

Вот как обстояло дело. Вот те конкретные факты, которые можно уточнить еще и еще, увеличить их список еще и еще, если это будет нужно. Если защита в своих речах подумает возражать против размера или размаха вредительской деятельности, тогда мы этот список удлиним, уточним, дополним и тогда посмотрим, на чьей же стороне окажется больший баланс. Вот те факты, которые позволяют нам говорить о том, что машина контрреволюционной организации была в действии, причем была в действии вовсе не в 1926 или 1925 году только, а была в действии и в 1927 году.

Кто же стоял во главе этой организации, кто являлся душой этой организации? Эту честь делит ряд лиц. Я позволю себе назвать и начать с инициаторов контрреволюционной организации, с ее настоящих и основных руководящих работников. Таковым является, по мнению прокуратуры, прежде всего, Бояршинов. Где зародилась контрреволюционная группа? В Бахмуте, в Артемовске. Когда она зародилась? В 1921—1922 году. Из кого она состояла? Из той группы, которую описывал Потемкин. Это был Донуголь, или, вернее, это было так называемое

ЦУ КП, т. е. Центральное управление каменноугольной промышленности. Бояршинов рассказывал, что это была та группка, которая жила под одной кровлей и в которой работали Быховский и Потемкин, Бояршинов и Мороз, с которой имел соприкосновение Шадлун, которой прекрасно был известен Горлецкий, в которую вхож был Березовский, — эта группа в то время, в 1921—1922 году, представляла собой эмбрион будущей контрреволюционной организации. Эта группа, встречавшаяся за чашкой чая, рассуждавшая о тяготах инженерной жизни, о необходимости отказывать себе в целом ряде необходимых форм и элементов культуры и быта, эта группа, споривша я друг с другом о пайках, о продовольствии, о кожаных костюмах и прочее и прочее, находилась через Быховского и через связи Быховского в переписке и в сообщении со старыми хозяевами шахт. Но поверим Бояршинову, что, в частности, он, Бояршинов, лишь позднее вступил в непосредственную переписку с Дворжанчиком, что письмо Дворжанчика, которое он получил и на которое он любезно ответил, относится к 1923 году Может быть, можно поверить, что он на самом деле в тот момент, под влиянием разговоров, которые вокруг него были, забыл о существовании Главного концессионного комитета, а, может быть, в то время Главного концессионного комитета и не было, и что поэтому он, Бояршинов, решил взять на себя функции Главного концессионного комитета и вступить в переговоры с заграничными претендентами на концессии русской промышленности и запросил Дворжанчика, на каких условиях ему угодно взять в концессию тот или иной рудник?

Но я позволю себе обратить внимание суда на факт, который всплыл на судебном следствии случайно, факт, который сообщил сам Бояршинов, что для переговоров о концессиях Бахтиаров и Матов приезжали к нему в 1922 году, что в тот момент к нему, как к руководителю эксплоатационной частью Донбасса, уже приезжали два остальных основоположника контрреволюционной организации, и между ними имел место разговор относительно концессионных перспектив.

Вспомните сообщение Мешкова о том, как он однажды у Бахтиарова, тоже за чашкой чая или, может быть, за картежным столом, вел переговоры относительно того, какие рудники, по его мнению, лучше сдать концессионерам с точки зрения их наибольшей выгодности. Причем сам он говорил о двух рудниках, которые лучше сдать. Почему? Так как они ближе расположены к Мариупольскому порту, и поэтому экспорт будет гораздо более портативно построен. Другое преимущество заключается в том, что рядом проходит железнодорожная магистраль, и это тоже разрешает транспортную проблему

Угол зрения, под которым происходили переговоры сводился к тому, чтобы найти такие предприятия, которые были бы более выгодны для концессионеров Уже одна такая постановка проблемы дает ключ для понимания истинных

мотивов работы. Это не рассуждения советского работника, это рассуждения государственного изменника, это рассуждения государственного предателя, ибо он думает о том, какие рудники выгоднее сдать в концессию с точки зрения интересов концессионеров. Уже тогда, уже в те времена разговоры о концессиях носили такой характер. Один из подсудимых дальше указывал, что мотив был следующий, — что в таком случае инженеры поступят к концессионерам на службу, получат большие материальные выгоды, более обеспеченное материальное положение. К ним будут поступать посылки, к ним посыплется ряд материальных благ, которые в то время, 1921, 1922, 1923 гг., не могли быть предоставлены советской властью.

Вот где начало контрреволюционной организации и вот почему с переходом группы Бояршинова в Харьков, с организацией Донугля, с предоставлением ему широких возможностей творчества, мы видим, что организация начинает приобретать тот характер эпидемического роста, о котором здесь говорили другие подсудимые. В этот период организация оформляется, и конец ее оформления можно отнести к 1925 году, к тому моменту, когда Матов позвал к себе Шадлуна и ряд других лиц и сказал: «Что же скрывать? Все мы знаем, что все инженеры в той или иной степени связаны со старыми хозяевами, необходима координация общих действий во имя одних и тех же общих целей».

Тогда началась и постановка основной проблемы о захвате командных высот Донугля, и распределение ролей, и обсуждение выдвижения Матова во главе контрреволюционной армии в области шахтного строительства, а также вопроса о необходимости организации взять в свои руки иностранный отдел. Назначение Казаринова главой иностранного отдела, обсуждение отчета Чинокала и Горлецкого и обсуждение вопроса о командировках отдельных членов организации за границу (Юсевич), установление связи Будного в Москве, командировка Кржижановского на ответственную работу в Харьков — все это относится как раз к этому периоду работы организации.

Так исторически обрисовывается эта работа.

Спрашивается: при такой постановке работы, при таком размахе работы, может ли в какой бы то ни было степени быть правдивым утверждение Бояршинова о том, что он — технический директор Донугля — стоял в стороне от этой организации?

Даже при наличии тех данных, которые он сам установил, в день его допроса, — вы помните то итоговое резюме, которое было дано прокуратурой в итоге допроса Бояршинова, — мы установили с его собственных слов, что он с 1921—1922 года состоял в первой контрреволюционной группировке в Бахмуте; что он вступил в этот период в переписку с Дворжанчиком по вопросу о концессии; что он был окружен людьми, которых мы здесь не можем иначе квалифицировать, как шпионов, что он

при переходе в Харьков, будучи производственным директором, техническим директором Донугля, знал о существовании контрреволюционной организации,—он сам сказал, он сам рассказал о своей беседе с Братановским, рассказал, что ему говорили: «Около вас, очень близко около вас существует контрреволюционная организация, и вы будете вынуждены с ней считаться».

В дальнейшем он сам признался, что знал о происходящих совещаниях этой контрреволюционной организации. Он говорит сам, что он знал о том, какие вопросы производственной политики дебатируются на этих совещаниях. При таком положении вещей, когда от него зависело, как от технического директора, остановить ряд конкретных действий, — поверить тому, что он их думал приостановить тем, что сам стал работать за всех групповых директоров, за всех начальников отделов, отделений и подотделов Донугля!.. Нет, гражданин Бояршинов, этому никто не поверит.

Не может быть — и для вас логика обязательна в той же степени, как и для всех остальных, — не может быть такого положения, чтобы руководящий оперативной работой крупнейшего государственного предприятия работник, непосредственно поставленный советской властью рядом с коммунистическим управляющим для ответственной работы в области технических проблем и технических вопросов, заведомо зная о наличии контрреволюционной организации, о ее дебатах, о ее задачах, о ее целях и действиях, в течение ряда лет, р я д а л е т, ограничивался тем, что он знал и... бездействовал.

Если бы шел вопрос даже только о бездействии, если бы шел вопрос только о том, что вы знали и бездействовали, то, исходя из тех обязанностей и полномочий, которые на вас лежали, — полный состав соучастия уже налицо. И с точки зрения нашего уголовного закона прокуратура могла бы больше ничего не делать, ограничиваться только этим, ибо этого вполне достаточно, того, что вы сами признали, достаточно для полного признания состава ст. 58[7] Уголовного кодекса.

Но мы будем говорить о большем. Мы будем говорить о сознательном участии, мы будем говорить о лидерстве в организации, ибо нет никаких данных не верить лицам, которые утверждают о том, что и вас не обошел Дворжанчик в своей переписке, что не одно письмо, а три письма вы от него получили, что вы не ограничились одним ответом, а отвечали, вероятно, все три раза на эти письма. Ибо тогда здесь рассказывали, что на квартире или в кабинете у Бояршинова происходили контрреволюционные заседания.

В частности, это при его участии решался вопрос о мелком шахтном строительстве, и этот факт является фактом, достаточным для признания его соучастия в организации. И неудачи мелкого шахтного строительства, и его непосредственная ответственность за эту эпопею, и непосредственное проявление Бояршиновым максимальной инициативы в этом вопросе — это

с совершенной бесспорностью устанавливает то, что он с самого начала 1921—1922 года являлся одним из руководящих лиц, как говорил Потемкин, идеологом контрреволюционной группировки и в Артемовске и в Харькове. А ваши собственные слова, что вы были «в плену» у контрреволюционной организации, — все это позволяет нам с совершенной определенностью утверждать, что вы были не в плену, а вы были руководителем, работником, вождем.

Я вспоминаю, как здесь, с каким пафосом, чуть ли не переходя всякие границы, допустимые и возможные на судебном присутствии, позволил себе наскакивать на уличающих его других обвиняемых гражданин Бояршинов. Это — дешевый прием, он не поможет. Это — прием, который доказательной силы, выражаясь очень осторожно, не имеет. Доказывает он, если хотите, обратное.

Я думаю, что в отношении Бояршинова вопрос совершенно ясен. Если он, штейгер, а не инженер, имел все данные в свое время для того, чтобы рука об руку с советской властью работать против той косной среды квалифицированного инженерства, которое лишь скрепя сердце приняло его в свою среду, если он, благодаря своим личным качествам, некоторой напористости и твердости характера сумел выдвинуться в первые ряды, то тем большие требования следует к нему предъявить, если он не удержался на этой высоте и пошел по указанной ему контрреволюционной группировкой стезе, вошел в эту группировку и предал и продал интересы советской власти.

Вот лица, которые говорят о Бояршинове: Матов, Братановский, Сущевский, Березовский, Мухин, Гаврюшенко, Кржижановский, Самойлов — длинная галлерея различных лиц, различных людей. Если вы не верите одному, можно и должно поверить другому, если вы не верите другому, можно и должно поверить третьему. Я беру двух или трех из этого списка. Я не беру главных руководителей — Матова и Братановского, а беру Сущевского, беру Мухина, беру Кржижановского. Неужели эти лица, которые рядом с вами работали в течение ряда лет, — неужели в данном случае есть основания полагать, что они позволят себе один голый оговор, без всяких оснований? И это после того, как вы сами сказали, что о наличии контрреволюционной организации, ее программе и деятельности вы были осведомлены?

Мера репрессии в отношении Бояршинова выясняется отсюда полностью.

Бояршинов слишком много имел прав и полномочий, ему было слишком много дано, тем больше с него спросится. Сообразно с этим ответственность его должна быть наибольшей: расстрел Бояршинова вытекает логическим выводом из того, что мы говорили о его деятельности.

Разрешите сразу же перейти к членам основной группы Харьковской центральной организации. Мне представляется, что

у нас этих основных работников, кроме Бояршинова, имеется сейчас шесть человек: Матов, Братановский, Казаринов, Шадлун, Детер и Мешков. Все они были основными воротилами, руководящим ядром Харьковской центральной группы. Наибольший, быть может, организационный талант проявил здесь Матов, активный организатор, человек, умевший подчинять себе других, умевший спокойно, хладнокровно и настойчиво проводить свою линию, человек, для которого нет ничего святого, человек, который умеет, когда нужно, молчать, умеет, когда нужно, спокойно, но твердо сказать и приказать, и проследить за исполнением, и потребовать, и, в случае неисполнения, наказать.

Таков и должен быть организатор, таков и должен быть работник в хозяйственной области, где приходится иметь дело с людьми и с вещами и где нужно, чтобы люди работали, как вещи, и сами вещи понимали, чего хотят люди.

Мы здесь слушали Матова: спокойно, уравновешенно он показывал нам, сообщал сведения о работе контрреволюционной организации, и сообщал не все; вероятно, ему известно больше. Тот факт, что на закрытом судебном заседании ему неугодно было рассказать более подробно о его путешествиях во Францию, в военное министерство, что ему неугодно было более подробно сообщить о некоторых его путешествиях в СССР, тот факт, что он не мог ответить на вопрос об источниках денежных сумм, которые, по показанию его и ряда лиц, были доставлены им в Харьков, — все это характеризует его как человека, который, решивши рассказывать, потом убедился, что, быть может, не стоит, что лучше не признать некоторую часть своей работы. И это — характерная черта, которую разделяет не только он, но и Братановский. Братановский нам здесь сказал: «Какой мне смысл отказываться от отдельных деталей своей работы, раз я признал основное; какой мне смысл, — и это частично повторено Матовым, — отказываться от отдельных актов своего вредительства или политических актов своей вредительской работы, если в основном все равно все сказано и если, в конце концов, как говорит Братановский, нет разницы в санкциях ст. 58^7 и ст. 58^3 Уголовного кодекса?»

Да, разницы в карательных санкциях нет: тут и там закон требует по той и другой статье расстрела, но разница все-таки есть.

Одно — экономическая контрреволюционная работа, статья о вредительстве с сознательной контрреволюционной целью — здесь проходят Нашивочников, Беленко и Васильев и ряд других, даже таких, в отношении которых я вчера высказался о возможности условного приговора, как Никишин. Но 58^3: это наиболее чистый вид государственной измены, это наиболее чистый вид сношения в контрреволюционных целях с иностранными государствами, способствования иностранным государствам в борьбе против СССР путем интервенции и войны.

Наша уголовная система построена так, что мы определяем

лишь предел, от которого или до которого может доходить суд. Фиксирование репрессии в этих пределах — это дело суда при определении конкретной меры социальной защиты. Это, наконец, дело высших государственных органов, поскольку в интересах максимальной осторожности в вопросах человеческой жизни система уголовной политики построена так, что все смертные приговоры проходят через комиссию частной амнистии ЦИК. Вот почему разница есть между 58[7] и 58[8]. «Ика слава луне — ина слава звездам». Вот почему и тут разно будут оцениваться эти действия. Разно будет оценивать их суд, разно оценивает их прокуратура, хотя и та и другая статьи в области карательной санкции начинают с расстрела как меры, которую требует закон в отношении лиц, совершивших преступление. Вот чем надлежит объяснить, что отбрыкиваются от действий, вменяющихся 58[8] статьей, все обвиняемые, включая Матова и Братановского. Нет, не все равно, доказано ли только участие в контрреволюционной вредительской организации, хотя бы и в руководящей роли, или доказаны одновременно прямые акты государственной измены или прямые акты политического шпионажа. Не все равно. И вот почему, когда мы ставим вопрос о Матове как о центральной фигуре в организации, по отношению к которой есть данные для обвинения по обеим статьям, в отношении всех этих лиц для прокуратуры как представителей государственного обвинения исключена возможность постановки вопроса о какой-либо иной мере репрессии, кроме расстрела. Исключена возможность. Расстрел Матова есть постулат — требование интересов государственной охраны, интересов охраны государственной безопасности. Иначе по отношению к нему мы вопроса не ставим, и в такой же мере это относится и к Братановскому.

Братановский здесь сыграл большую положительную роль тем, что своими точными, отчетливыми, ясными показаниями помог распутать клубок контрреволюционной организации, но и он запнулся, когда встал вопрос о работе Кржижановского, запнулся и начал нам рассказывать сказки про учительницу, которая живет на Пушкинской улице, в городе Харькове, к которой он посылал якобы с письмами Кржижановского, — запнулся и начал отрицать то, что однажды признал, потом поправил, потом еще поправил, потом опять признал.

Братановский — один из руководителей и распределителей денежных сумм, активный работник в СССР и за границей, один из организаторов, возможно, менее требовательный и настойчивый, более легкомысленный, чем Матов, — у него есть некоторые элементы Хлестакова, — но, тем не менее, не менее опасный по своей последовательности и упорству в проведении намеченной цели. Братановский сказал, что он привык уважать в себе порядочного человека. Порядочный человек — это можно понимать в двух смыслах: одно понимание — в смысле некоторого наличия определенных этических принципов и в другом

смысле — в смысле принадлежности к определенному социально-политическому слою. «Порядочные люди» обычно хорошо одеты, привыкли к определенному комфорту и т. д. Я не знаю, какого порядочного человека привык в себе уважать Братановский, — по поступкам его вряд ли можно причислить к первому пониманию, ну а по внешнему виду он, пожалуй, подходит ко второй категории. Вот почему я думаю, что мы не будем подходить по отношению к нему, как к порядочному человеку, и поступим с ним не как с этически порядочным человеком, а как с предателем и изменником.

Казаринов — работник заграничного отделения организации, или заграничный агент контрреволюционной организации, потом заведующий иностранным отделом Донугля, в прошлом, кажется, работник Гришинского рудоуправления, равным образом исполнявший ряд вредительских заданий. Мне нужно остановиться более подробно на Казаринове, ибо с ним связан один большой и крупный эпизод судебного следствия, на котором, вероятно, особенно подробно будет останавливаться защита; поэтому приходится вперед установить некоторые исходные пункты, чтобы не дать возможности каких-нибудь кривотолков и раз навсегда отсечь возможность, перед лицом общественного мнения трудящихся масс нашего Союза и перед лицом буржуазного общественного мнения, неправильного толкования того, как расценивает прокуратура сообщение о некоторых фактах, которые нам были здесь доложены Казариновым. Я имею в виду сообщение Казаринова о совещании в русском отделе АЕГ (Всеобщая компания электричества).

Защитник Вормс несколько раз с большой настойчивостью стремился доказать и обещает нам еще здесь рассказать или доказать объективную невозможность самого совещания, во-первых, его внутреннюю нецелесообразность, во-вторых, и вытекающую отсюда непричастность к контрреволюционной организации лиц, упомянутых в качестве присутствовавших на этом совещании, в-третьих. Вот три момента, которые подлежат здесь специальному освещению и на которых я позволю себе более подробно остановиться.

Первый вопрос — фактическая невозможность самого совещания. Я думаю, доказывать такую фактическую невозможность нельзя. Что такое русский отдел АЕГ по его личному составу? Если мы возьмем личный состав русского отдела АЕГ, мы увидим, что там перечислены человек 10—12 сотрудников — русских эмигрантов. Все эти сотрудники — работники, работавшие раньше в России в старое время и затем бежавшие от Советского союза. Белая эмиграция — это в достаточной мере определенная социально-политическая группа. Мы знаем, чем живет эта белая эмиграция, знаем, какая совокупность идей или мыслей является определяющей их практическую деятельность. Думать о том, что состав этой организации является в какой бы то ни было степени расположенным к СССР, нельзя, — это будет

полнейший абсурд, политическая бессмыслица, прямо не отвечающая объективному положению вещей. Сам Башкин Исай, по характеристике собственного брата, — а мы не имеем оснований ему в этом не верить, — в свое время бежал из СССР и был и остался контрреволюционером. Это не представляет секрета.

Вот передо мной список этих сотрудников, по показаниям обвиняемого Отто. Он показывает об их составе так: «Можно перечислить следующих русских эмигрантов... Поль — русский эмигрант» и т. д.

Спрашивается, вся эта публика, все эти бывшие служащие в Московском отделении, в Ростове и т. д., порвавшие с СССР, что же, — они ультрасоветские люди или же положение такое, что для конспиративных встреч их квартира была лучшим, наиболее удобным местом для явок, для встреч? В этой обстановке не могла не зародиться мысль о контрреволюционной работе, хотя бы в целях получения возможности вернуться в Россию.

Мы далеки от мысли, что фирма АЕГ как таковая ставила свой задачей срыв советской промышленности или контрреволюционную работу. Нам до этого и дела нет: думала она вся как таковая об этом или нет, — она юридическое лицо, и уже поэтому ее нельзя посадить на скамью подсудимых. Но о конкретных живых лицах, которые там конкретно жили и работали, о них-то мы можем говорить, можем судить об их поступках. И когда нам говорят об Исае Башкине, заведующем Русским отделом, или Блеймане, одном из управляющих, равным образом работнике, раньше работавшем в СССР, что эта группа являлась забронированной от возможности соглашения с контрреволюционной организацией, — позвольте не верить. Или разве не вполне правомерно можно поставить вопрос о том, что и тот, и другой поставили своей целью использовать возможность эксплоатации этой контрреволюционной организации на предмет хотя бы получения новых заказов и одновременно сбыта им брака, поскольку в цели организации входила поставка негодного, недоброкачественного оборудования? Что же, вы мне скажете, что когда произошла встреча между отдельными служащими этой самой фирмы, тем же самым Башкиным или тем же самым Блейманом, с членами контрреволюционной организации, то для них не сыграл роли вопрос о возможности за процентное отчисление в пользу данной контрреволюционной организации с б ы т ь, по их предложению, с т а р ы е т у р б и н ы, с т а р о г о т и п а, не отвечающие по габариту, не отвечающие условиям и требованиям данного рудника? Что же, вы мне скажете, что коммерсанты, для которых, в конце концов, получение прибыли—все, что они не пойдут на такого рода предложения, что они будут раздумывать над этической допустимостью или недопустимостью подобного соглашения, что они будут думать об интересах народного хозяйства пролетарской страны, страны, от революции в которой и они пострадали? Ведь это же значит думать о том, что капиталисты, хотя бы и крупнейших предприятий, руководствуются в своей

деятельности вопросами идейного порядка, — это же смешно, это же нелепо. Подобных вещей утверждать нельзя, оставаясь в здравом уме и твердой памяти.

Вот почему совершенно напрасной представляется нам эта попытка защитника Вормса реабилитировать здесь Блеймана и других, — их никто не обвиняет. Никто не обвиняет постольку, конечно, поскольку они не сидят сейчас на скамье подсудимых. Вопрос шел о защите Мейера, о защите Отто, о защите конкретных обвиняемых, а не о защите фирмы вообще. Объективно же вполне возможно, объективно даже не только возможно, но, в известной степени, для контрреволюционной организации даже неизбежно было поставить вопрос о том, чтобы вступить в соглашение с отдельными руководителями, отдельными лицами и отдельными работниками этих фирм на предмет извлечения из них денег для поддержания своей работы.

Возьмем другую фирму. Возьмем знаменитую ныне фирму Кнапп. Мы очень рады, что благодаря процессу имя о ней теперь пойдет не только по всей Руси великой, а узнают о ней и другие потребители ее продукции.

Что же? Этот Кестер, тоже живший, в свое время, в России, о котором Казаринов говорит, что он человек, который для того, чтобы всучить свою продукцию, не остановится ни перед чем, — что же он не пойдет на то, чтобы за обещание купить или взять вот эти знаменитые «кнапповские» машины, хотя бы они были отправлены в очень скверной упаковке, хотя бы они были из недоброкачественного материала, хотя бы для того, чтобы потом поставить их без дела в рудниках или бросить в мусорный ящик, — пойти на сделку в виде процентного отчисления, не согласится дать и не малую толику? Он, привыкший смотреть на Россию еще со времени царского режима как на страну, в которой «не подмажешь, не поедешь», в которой каждый шаг нужно оплатить взяткой, — что же он, встретившись с теми лицами, с которыми он раньше встречался на своей «производственной» работе, он, Кестер, не пойдет на эти предложения? Нашлись, правда, более солидные фирмы, которые отказались. Фирма Вольф отказалась, или согласилась платить только за новые заказы, а за старые сказала: «Не хочу, это уж с одного вола две шкуры драть». Отказались еще некоторые фирмы. Другие согласились. Но сам по себе факт того, что вы называете комиссионным вознаграждением, куртажом, и того, что мы по нашей примитивной этике называем взяткой, предательством и преступлением, — что же не пошли эти фирмы на это предложение? А что их могло удержать, когда с точки зрения прямой прибыли это было гораздо более выгодное предприятие, гораздо более выгодная коммерческая сделка? Мы знаем, кто вертелся около фирмы Кнапп, — Быховский, наш старый знакомый Быховский, тот самый Быховский, деятельность и работу которого мы здесь рассматривали, деятельность и работа которого здесь перед нами прошла, тот самый Быховский, который был приставлен к Каза-

ринову за границей и который всюду действовал в интересах опять-таки своего хозяина, своего предприятия. Нет поэтому никаких оснований полагать о невозможности совещаний, и объективная обстановка была для этого, и мотивы соответствующие для этого были, в смысле хотя бы голой коммерческой выгоды, голого коммерческого расчета.

Перейдем к другому вопросу, к вопросу о политической невозможности таких совещаний. Вопрос относительно невозможности пребывания Дворжанчика в Берлине я оставляю в стороне. Это — вопрос, который разрешается гораздо проще, чем это кажется или думает профессор Вормс. Это — пустячок, на котором не следует останавливаться.

Перейдем к другому вопросу. Защитник Вормс говорит о политической невозможности такого положения вещей, чтобы Дворжанчик и Блейман вместе съехались и совещались, ибо линии экономической политики, — говорит Вормс, — представителей германской промышленности в целом и представителей польских групп не совпадают. Возможно, что не совпадают. Но разве мы говорим о линиях политики промышленности? Мы говорим о линии политики Дворжанчика и Блеймана. Не надо подменять два совершенно различных понятия. Промышленность как целое — одно, а Дворжанчик — другое. Промышленность как целое—это одно, а Блейман — другое, и поэтому нечего путать две несовместимые величины, незачем заниматься подстановкой вещей, далеко, далеко не равнозначащих.

Но посмотрим на содержание спора, который, по показанию Казаринова, имел место. Там шла речь о следующем. Дворжанчик говорил: образовалось объединение бывших собственников во Франции и в Польше. Каких собственников? Бывших русских собственников, промышленников старой царской России. Вот кто объединился. И о чем же шла речь? Речь шла о том, что организация должна признать это объединение; иначе эти собственники заявляют, что они денег больше не дадут. Выгодно это было для немецкой группы? Нет, невыгодно. Выгодно это было Блейману? Нет, невыгодно. И что же он сказал? Он сказал: не хочу этого объединения. Правильно сказал, так и должен был сказать. Где тут контакт, где тут слияние?

Здесь — борьба, конкурентная борьба. Какой второй вопрос ставился? Второй вопрос следующий: организация поддерживает связь через Юсевича в Париже, организационный центр связи идет через Париж. Башкин, который являлся центром Берлинской группы организации, говорит: «Давайте Юсевича перетащим в Берлин», — другими словами, давайте сосредоточим всю связь в руках его, Башкина Исая. Это, с точки зрения Башкина, правильно? — Правильно. Что ответил на это Казаринов? — «Не желаю». Почему? Потому что он не хочет, чтобы в одной группе была сосредоточена вся связь, он хочет, чтобы связь шла по двум линиям, что с точки зрения интересов организации правильно. Это — контакт? Это — борьба, это — не контакт.

Вот почему и расходясь по линии стремления монопольно использовать СССР в качестве объекта для сбыта элементов своей продукции и контактируясь целиком по линии ненависти к советскому строю, к советской системе, которая лишила их возможности использовать бесконтрольно сбыт своей продукции в порядке свободного товарооборота, обуреваемые ненавистью к барьеру, поставленному СССР монополией внешней торговли, но внутри себя, между собой раздираемые враждой по вопросу, кто будет капралом контрреволюции, кто будет управлять и диктовать, — обе группы могли и должны были столковаться, а это показывает, что такого рода совещание могло иметь место, и в этом нет ничего объективно невозможного и ничего противоречащего логике или политической ситуации.

Спрашивается, ну, а с точки зрения контрреволюционной организации такое совещание имело значение? Имело.

И еще одна оговорка. Здесь, когда сквозь лупу судебного следствия мы рассматривали отдельные эпизоды контрреволюционной работы, нам с вами не нужно забывать некоторые общие перспективы, а эти общие перспективы таковы, что с точки зрения интересов, свойственных мировому товарообороту, или с точки зрения товарооборота нашей страны и германской промышленности, удельный вес Дворжанчика или Блеймана и всего их совещания вообще равен дроби процента, этого же нельзя забывать. И поэтому нельзя забывать о том, что является вопиющей натяжкой и методом, преследующим другие цели,— отожествлять эти совещания якобы с переговорами всей германской промышленности с контрреволюционной организацией.

Это — сказочки, которые расскажите другим. Вот почему мы совершенно не расходимся ни с фактом, ни с логикой, поддерживая утверждение относительно того, что все данные имеются о полной возможности этого совещания.

Об этом дальше имеем другие показания — показания Матова. Матов говорит, что в период его пребывания в Париже он беседовал—с кем? С Блейманом. А еще с кем беседовал? С Башкиным, — вероятно, беседовал с ними, когда после отъезда Казаринова к нам, в СССР, функции переговоров с отдельными фирмами о проценте комиссионного вознаграждения были возложены на Матова, и Матов, приехав сюда, рассказывал, что добился успеха после переговоров с Блейманом.

Так обстоит дело, и отсюда можно сделать общий вывод, что разница только в том: в то время как французские горнопромышленники, бывшие собственники рудников, и русские, бывшие собственники, гораздо ярче, последовательнее оттеняли политические задачи прямой борьбы с Советским союзом, немецкая группа — тот же самый Башкин Исай — на первый план выдвигала коммерческие цели и коммерческую наживу, — объектом для использования была та же самая контрреволюционная организация.

Но факт использования был, и этот факт остается уликовым материалом для обсуждения вопроса о Мейере и других, а только с этой точки зрения нас интересует этот вопрос.

Отсюда вытекает и вопрос о Казаринове. Он нам рассказал о беседе, которую он имел с некоторыми деятелями в Германии, в том числе беседе о трехсотмиллионном кредите. Я спросил его: вы были государственным служащим СССР, вы были командированы для совершения определенного государственного политического дела в смысле заказов оборудования и прочее, и прочее. Вы принимали участие в ряде официальных заседаний в торгпредстве, об этом вы показывали, в том числе с крупными деятелями германской промышленности. Потом они вам предлагают в частном порядке притти и в частном порядке побеседовать. Предосудительного в этом ничего нет с точки зрения тех, кто вам предлагал притти. Почему же не попросить притти и почему же не попросить рассказать, и почему же не попросить осведомить о том, стоит или не стоит давать деньги, на каких условиях, каковы перспективы, каковы кредитные возможности СССР и прочее, и прочее. Ничего предосудительного в желании это знать со стороны этих лиц нет, но очень много предосудительного с вашей стороны, что вам угодно было это рассказать. Я спрашивал вас: вы понимали, что вы являетесь лазутчиком, которого стремились использовать другие лица и другие государства? Понимали ли вы, что когда о делах СССР вы рассказывали за границей не гражданам СССР, состоя на службе в СССР, вы совершаете акт, который также не можете расценивать иначе, как акт предательства? И с этим вы не могли не согласиться. Это решает вопрос о гражданине Казаринове. Мы не можем иначе ставить его, и говоря о вашей связи с заграницей по отправке и получению писем и говоря о том, что вы эту работу исполняли не только за границей, но и в СССР. Уполномоченное лицо нашей каменноугольной промышленности, доверенное лицо нашего торгпредства, находясь там, за границей, должно рассматривать себя как лицо, находящееся во враждебном лагере, как лицо, находящееся в вооруженном неприятельском окружении, ибо вы — представитель пролетарского государства, которое вынуждено входить в определенное соприкосновение с капиталистическим миром, ибо принципы построения государственной жизни у нас и у них — различны, задачи, которые мы ставим и они ставят,— различны, методы работы — различны, цели у нас — различны, а классовая противоположность была к остается непроходимой пропастью. Входить не только в соприкосновение, а рассказывать о том, что у нас есть и как, есть акт преступления и измены; правда, вы говорите, что рассказывали, что перспективы у СССР блестящи и прочее, что кредиты могут быть предоставлены и должны быть предоставлены, тем более, — добавил Казаринов,— что в конце концов, когда произойдет контрреволюция и предприятия перейдут обратно к старым собственникам, а среди последних будут и представители германской промышленности, в

конце концов оборудование будет для них же. Но такого рода аргумент есть акт заключения политического блока, есть уже акт контрреволюционного заговора, — и так только мы можем расценивать, иначе мы не можем подходить к вашим действиям, и всякое буржуазное государство так же расценивало бы ваши действия.

Вот почему и в отношении Казаринова мы не можем ставить вопрос иначе, чем равным образом мы поставили по отношению к основным работникам — Бояршинову, Матову и Братановскому. Здесь нет разницы между ними, как бы индивидуально, быть может, более приемлемым, с точки зрения своих качеств личности, ни казался Казаринов, по сравнению с другими. Может быть, он в данном случае проявил больше моментов искренности и хотелось бы, может быть, поверить ему, но нельзя так ставить вопрос, — нельзя.

Шадлун, Детер и Мешков — это три фигуры приблизительно одного порядка по тем функциям, которые они несли в организации, — это групповые директора, члены директората — учреждения, которое нам один из подсудимых охарактеризовал как контрреволюционную организацию в полном ее составе. Я прежде всего остановлюсь на Мешкове и на Детере. С точки зрения уликовых материалов, разве можно сравнивать Детера и Мешкова? О Детере икс плюс единица улик, о Мешкове, может быть, одна единица доказательств, а защита, вероятно, скажет, что и совсем нет. Детер сознается, Мешков запирается. Детер признается во вредительской работе вплоть до 1927 года, до своей поездки за границу, Мешков говорит о начале, с 1924 года, когда он-де случайно играл в карты, и ограничивается признанием только разговора. Мне кажется, что это будет не деловая постановка, потому что есть ряд других моментов, которые гораздо серьезнее определяют работу Мешкова. Мешков — непосредственный помощник Бояршинова, через которого объективно проходит вся технически-производственная часть, — это первое, что должно быть учтено, т. е. его объективное положение в производственной иерархии.

Три письма через Сущевского получил Мешков от Дворжанчика и два письма направил сам Дворжанчику. Это — факты, которых отрицать нельзя, это — факты, которые установлены, ибо нет никаких оснований подвергать сомнению сообщение Сущевского. Наконец, чрезвычайно ценны и важны в этом отношении показания Андреева, который говорил о той работе, которую после Детера исполнял Мешков по финансированию и по непосредственному наблюдению за вредительскими действиями на Мушкетовке.

Мешков по своей политической физиономии, по комплексу тех фактов, которые определяют его положение в группе бывших промышленников, равным образом представляет совершенно определенную фигуру. Мешков сам признал, что он имел разговор о том, какие рудники лучше всего сдать в концессию

на предмет передачи их старым владельцам и о дальнейшем переходе на службу к этим концессионерам. Давал сведения, заведомо зная, что они будут даны за границу нелегальным путем, в порядке выдачи тайн государственной промышленности, давал сведения и материалы представителям враждебных классов, желавшим взять у нас в концессию эти рудники. Разве можно поставить вопрос иначе? Конечно, нет. Допустим, что вовсе нет этого процесса, допустим, что на скамье подсудимых только один Мешков и в качестве объективного материала у судебного следствия имеется только один факт — этот разговор, и будем исходить из того, какую мы получим тогда картину. Лицо, являющееся непосредственным заместителем Бояршинова по производственной части, высокоответственный работник Донугля, передает сведения о состоянии тех или иных предприятий на предмет нелегальной передачи их за границу добивающимся получить их в концессию концессионерам; другими словами, Мешков является агентом иностранных капиталистов, состоя одновременно у нас в СССР на государственной службе, по вопросу о выборе объекта концессии в интересах концессионеров и в целях перехода к ним на службу. Вот только это возьмем и представим себе, что только этот факт имел место, — и больше ничего. А этого факта было бы достаточно для расстрела Мешкова. Вспомните другие процессы аналогичного характера, где к человеку, который продает интересы государственной промышленности, продает тайные сведения, мы применяли расстрел. Но пусть это будет технический делопроизводитель, который выкрал эти сведения из стола и продал эти сведения за 100—150 рублей.

А тут кто? — Заместитель Бояршинова. Этого одного факта достаточно. А ведь это не все. Вот лица, на него показывающие: Матов, Братановский, Шадлун, Казаринов, Соколов...

Письма, деньги от Матова, деньги от Братановского, показания Андреева, — вот полная совокупность фактов. Правда, Мешков умеет молчать. Молчание — очень хорошее качество, но оно не всегда вывозит, не всегда спасает, не думаю, что оно его спасет и на этот раз.

Вот почему я ставлю вопрос о Мешкове как об опасном враге, классово сознательном предателе интересов государственной промышленности и интересов рабочего класса. В отношении Мешкова я ставлю вопрос о расстреле как по отношению к главарю Харьковской организации.

Д е т е р. Я позволю себе проследить историю его работы с самого начала до конца. В прошлом — общественный работник и деятель совета съездов горнопромышленников юга России, один из работников, который, по его собственным словам, играл роль в силу своего общественного темперамента, деятель эпохи Пастуховско-Берестовского рудника, работник Суллинского акционерного общества, человек, получивший директивы сохранить Пастуховку и оборудовать ее за счет других рудников и

исполнявший это задание. Детер и Кузьма в периоде их работы на Пастуховке, на Щегловском рудоуправлении, оборудовали этот рудник. Детер говорил, что был очень рад, когда договорился с Кузьмой по вопросу об исполнении директив. Пастуховку он оборудовал за счет Берестовки, за счет других предприятий этого района. Дальше. Детер и Мушкетовка. Детер в качестве исполняющего распоряжения Именитова, несколько раз финансирующий Андреева. Тут — прямая контрреволюционная работа. В дальнейшем Детер в качестве группового директора и, наконец, в Харькове Детер в качестве члена центральной группы и постоянного участника всех совещаний, что он отрицает. Но понятно, почему люди отбрыкиваются от работы центра. И, наконец, Детер, за границей исполняющий указания организации по продолжению переговоров и по установлению связей, по укреплению связи с закордонными организациями.

А свидание с Фениным? Свидание с Фениным, происшедшее якобы случайно, но как потом оказалось не случайно? А связь, которую он самостоятельно от организации имел с Дворжанчиком через Мяновского? А тот факт, что он предусмотрительно предложил Дворжанчику вносить вознаграждение на текущий счет в заграничном банке, — там вернее будет, когда придется навострить лыжи из СССР, там будет маленький капиталец, который можно будет использовать потом, сидя за границей, насмехаясь над наивными людьми, которые в течение ряда лет советской власти ему, Детеру, предлагали приложить свои силы к восстановлению нашей советской промышленности?

Вот что такое Детер. Старый, прожженный деятель совета съездов горнопромышленников юга, старый служака капитала, ни на одну секунду не изменявший своим старым хозяевам, все время работавший по их указке и, заведомо с ними, по договору согласившийся на использование его за брошенную ему подачку, когда они хотели почтить его своим доверием по исполнению контрреволюционной вредительской работы в СССР.

Нет, гражданин Детер, никакое признание тут не поможет. Если я вчера проявил некоторое колебание в вопросе меры репрессии к отдельным главным инженерам на периферии, то по отношению к центральной группе этих колебаний нет. Вот почему и Детер должен разделить участь всей этой центральной группы.

Шадлун. Шадлун представляет собой, как я сказал уже, в высокой степени интересный тип. Связь с Ремо в период 1920 и 1921 гг., самостоятельная связь, получение инструкции о затоплении шахты № 14, передача этой инструкции Ивану Ивановичу Некрасову, борьба с Детером по вопросу об изъятии из кустового управления Богодухово-Берестовского рудника на предмет того, чтобы он, Шадлун, как управляющий, мог исполнять самостоятельно задания своих хозяев в пику интересам Суллинского общества.

В дальнейшем — связь с бояршиновской группой в Бахмуте,

получение и передача денег от Горлецкого Березовскому, — золотую стопочку передал, якобы не зная о том, что это за деньги и какие это деньги, и это в то время, когда сам уже получал деньги от Ремо. Помните, он нам здесь рассказывал, как Ремо внезапно припомнил, что он должен Шадлуну сто долларов и десять фунтов, и, вспомнив об этом, вернул эти доллары...

Физиономия Шадлуна как работника и члена организации в достаточной степени ясна. Этот «крестьянский сын», сын «крестьянина», имевшего 1024 десятины земли, этот вырвавшийся из тяжелых условий, если ему верить, верить его автобиографии, всплывший на поверхность главный инженер, получивший специальное прозвище в рядах инженерства, давший повод для установления специального термина «шадлунить», — он пытался и здесь на суде провести ту же самую политику. Он признал... что он признал? Это характерно для Шадлуна: он признал свое членство в организации, он признал участие на целом ряде собраний, он признал получение денег, — и не признал, хотя раньше признавал, затопление шахты.

В его своеобразном мозгу последнее кажется важнее первого. Можно его разубедить и сказать, что эти преступления совершенно равноценны, и даже больше того, что второе важнее первого. Вам нет смысла отказываться от шахты № 14 после того, как вы признались в остальном. Эти преступления гораздо более значимы в смысле уголовном, в смысле тяжести уголовного преступления.

Дальше идет вопрос о Шадлуне как о члене организации и об исполнении им поручений по связям с некоторыми учреждениями французского характера. Он отрицает это целиком, он не хочет этого признать. Но есть прямые об этом показания. Мы поставим этот вопрос так. Связь, которую мы рассматривали, раньше была какая? Связь была, главным образом, по французской линии — с Ремо, Дексом и другими. Денежные связи были раньше? Были. Самостоятельные связи? Самостоятельные. Когда все это слилось воедино, когда была беседа с Матовым об объединении этой работы, он пошел на это? Пошел. Был активным работником центральной группы? Был. Был одним из пионеров во вредительской организации по связям с Горлецким? Был. Почему же невозможно это последнее, что ему приписывают и от чего он отбрыкивается и открещивается по тем же мотивам, по которым открещиваются и Матов и Братановский?

Я ставлю вопрос даже так: пусть не будет этой связи, — все равно того, что есть, — уже достаточно.

Вот почему по отношению к нему, как к деятелю центральной группы, я остаюсь на той же позиции и полагаю, что здесь равным образом должен быть применен расстрел.

Ю с е в и ч. Относительно Юсевича мы имеем следующую характерную картину. По показаниям ряда членов организации, это — специальное лицо, уполномоченное для связей во Франции. По показаниям его самого на 72 листе: «Незадолго до моей по-

ездки за границу в кабинете Бояршинова состоялось совещание организации, на котором я присутствовал впервые. Рассматривался вопрос о неправильном заложении мелких шахт, обсуждались инструкции для меня в связи с предстоящей командировкой за границу. Совещание поручило мне связаться в Париже с объединением...»

Потом уже идет подробнейшее его же показание по этому вопросу о совещании, на котором он присутствовал, о том, сколько он получил денег, о том, как он эти деньги получил, как он эти деньги передал, а потом... потом последовал, как мы знаем, категорический отказ и объяснение, что все это я написал потому... потому что я написал». А на вопрос, почему написал или, вернее, почему сейчас отказываешься от того, что написал, — ответ: «Потому что отказываюсь». Нельзя выдумать так, как здесь выдумано, нельзя всерьез поверить тому, что теперь рассказывает Юсевич. Выходит так. Пришел он случайно в библиотеку, хотел взять «Ревю минераль», взял «Ревю минераль». Подошел к нему Соколов, которого он раньше не знал и видел лет десять назад, и сказал: «Здравствуйте, господин Юсевич, вы из СССР?» Он ему отвечает: «Здравствуйте», — схватил шапку и скорей — бегом, бегом. Вот как рассказывает Юсевич. Кто поверит этому детскому лепету, этой детской болтовне, когда он сам раньше рассказывал, что было совсем иначе: была условлена встреча, встретились, побеседовали, исполнил поручение... пришел на заседание, условились о деньгах, деньги привез. Если бы мы взяли оба эти рассказа Юсевича и поставили перед совершенно неискушенным в судейской работе человеком вопрос, как отнестись к отказу Юсевича, то получили бы ответ один: врет Юсевич самым беспардонным образом. Я думаю, что этот ответ, который дает простая логика, и должен быть признан исчерпывающим.

Второй факт в отношении Юсевича — его посещение вместе с Матовым французского официального учреждения. Если защита по этому поводу будет делать попытки указать, что там не все совпадает, оперируя тем, что Матов сам отказался от посещения им официального учреждения, то вопрос этим, в конце концов, не разрешается. Здесь нужно поставить вопрос в целом, все сопоставить: это посещение французского официального учреждения связано ли с посещением другого учреждения в Москве, со связями, которые были установлены в Париже, с документами, которые были получены во Франции и которые послужили ключом в Москве. Здесь нельзя ссылаться только на то, что имеем, мол, впоследствии отрицание Матова: мы имеем показания ряда лиц — и Матова, и Братановского, и Казаринова, и Шадлуна, и Мухина, и Детера — относительно членства в организации Юсевича и относительно специальной функции, которая была возложена на Юсевича, — функции связи, закордонной связи Юсевича. Юсевич пробыл достаточно времени за границей, он был делегирован туда советской организацией — Донуглем, но

одновременно был делегирован и контрреволюционной организацией. Он служил обоим, вернее, он служил вторым. Вот в чем суть.

Это — закордонный агент контрреволюционной организации, посланный отсюда. И мне представляется вопрос относительно Юсевича решенным в равной мере. Даже не будучи членом центральной организации, но являясь одним из ее щупальцев за кордоном, за границей, за рубежом, Юсевич должен быть отнесен к категории тех лиц, к которым я относил Будного и Бояринова. Это — шпионская группа, и поэтому в отношении ее должна быть применена единственная мера — расстрел, которым Советское государство вынуждено защищаться от врагов, предателей и изменников, лиц, предавших себя, свою страну, интересы рабочего класса и революции.

Я остановлюсь теперь на других работниках центральной организации, не игравших, по данным судебно-следственного производства, руководящей роли, хотя последнее еще отнюдь не обозначает, что они не играли ее на самом деле. В пределах материалов судебно-следственных мы, однако, не можем утверждать об их руководящей роли в смысле направления работ вредительской организации. Это опять-таки не значит, что они не играли руководящей роли в смысле исполнения заданий вредительской деятельности. К этой группе я отнесу, прежде всего, следующих двух членов организации, игравших приблизительно одинаковую роль и занимавших приблизительно аналогичное место, — это Фаерман и Воликовский.

Фаерман — первоначально заведующий топливной частью, а затем исполнявший обязанность контрольного органа по проходке и по построению новых шахт при Управлении новым строительством. Если мы раньше говорили о чрезвычайной важности для народного хозяйства максимального скорейшего построения нового Донбасса как резерва, на который пока что должно опираться народное хозяйство и который в будущем должен явиться основным источником энергии для советской промышленности, то вопрос о роли и значении контрольного органа по новому шахтному строительству обрисовывается сам по себе достаточно. Мы спрашивали здесь Фаермана: видел он или не видел то ненормальное положение вещей, в котором находилось новое шахтное строительство? Он ответил. «Видел» Мы спрашивали его тут: был ли он лично на крупнейших предприятиях из области нового шахтного строительства? Он ответил: «Был». Понимал ли он конкретно все значение этого нового шахтного строительства? «Понимал» Принимал ли он объективное участие во вредительской работе тем, что объективно, как контрольный орган, покрывал вредительство в области нового шахтного строительства? Он ответил: «Принимал» Отсюда вытекал сам собой ответ о степени его причастности, по его словам, в пределах его показаний, без дополнительных данных, которые выясняют роль Фаермана по показаниям других подсудимых.

Но поскольку мы имеем данные — утверждение Матова и других — о причастности Фаермана к организации, о его денежных получках, едва ли можно Фаермана относить к числу тех, которые только покрывали...

Но сам по себе Фаерман как фигура, как вредитель, не обрисовывается так выпукло, как обрисовывается та группа лиц, которую я разбирал раньше. Поэтому мы не настаиваем на применении по отношению к Фаерману такой жесткой меры, как расстрел, не настаиваем на применении суровой меры и в смысле длительной изоляции. Я думаю, что Фаерман — это один из исполнителей, один из купленных исполнителей, и поэтому тюремную изоляцию на два-три года, может быть, товарищи судьи сочтут возможным заменить использованием Фаермана в условиях принудительных работ. Этот вопрос будет решен судом, прокуратуре важно лишь отграничить фигуру Фаермана от тех лиц, которые должны быть признаны специально или сугубо опасными.

Иначе приходится ставить вопрос в отношении Воликовского. Воликовский — групповой директор, Воликовский — член центральной группы, если он и не был активным работником в смысле руководства, то нет никакого сомнения, что Воликовский все же был конкретным вредителем. Мимо него не могли проходить основные вопросы вредительства, мимо него не могли проходить ни вредительство на периферии, ни вредительство по центру. Ряд данных говорит о присутствии Воликовского на совещаниях. В отношении финансовой помощи, в отношении денежных получек мы имеем равным образом прямые показания Братановского. Мы потратили довольно продолжительное время на выяснение периферийной роли Воликовского и на выяснение его работы в центральной организации. Это не значит, что его нужно отнести к категории активных работников. Но мы имеем все же ряд данных о переписке Воликовского из тех писем, которые шли через Будного. Вот почему мне кажется, что если в отношении Фаермана мы ставили вопрос о возможном применении к нему тюремной изоляции или даже о замене тюремной изоляции принудительными работами, то в отношении Воликовского для меня вопрос решается иначе, и я думаю, что здесь тюремное заключение безусловно должно иметь место хотя бы по тем соображениям, что сейчас иначе поступить с Воликовским нельзя. Его нужно изолировать, нужно ближе к нему присмотреться.

Нужно дать возможность его понять, дать возможность ему проявить себя и выявить степень его способности стать на советскую работу. Он отказался признать свое участие в организации, несмотря на то, что объективно невозможно было, чтобы член директората, человек, непосредственно стоявший у органов управления промышленности и в центре и на периферии, не видел, не понимал того, что происходило перед его глазами.

Чинокал и Горлецкий. Чинокал — инженер, замести-

тель Киселева, заместитель заведующего отделом механизации,— что он нам сказал о себе? Он сказал о себе, что видел вредительскую работу, что в области непосредственной работы его отдела ему была весьма и весьма подозрительна работа Горлецкого, что ему была подозрительна деятельность Бояршинова, что распределение машин было явно нерационально.

Товарищи, вспомним несколько фактов этого распределения. Врубовые машины — это импорт, это валюта, превращенная в машину, это орудие созидания, орудие творчества, орудие построения, увеличения ресурсов, это акт индустриализации нашей страны, это рычаг, помощью которого мы хотим поднять нашу индустрию. А нам подсовывали вместо машин гнилые ржавые обломки... Но мы не могли рассчитывать не только на затрату рационально средств на приобретение, но даже на то, что приобретенное мы рационально используем. Если из 160 «Siscobe» машин 60 лежат сломанными в качестве хлама, 20 валяются без работы и только 80 работают, причем и те поставлены на работу на несоответствующих пластах, — это не та работа, которая нам нужна.

Когда я спрашивал Киселева, известно ли было ему это, он ответил, что для него то, что я говорю, — удар грома на ясном небе. Об этом мы особо поговорим в другом месте, в других условиях, но факт от этого не меняется. Но Чинокал-то знал. Чинокал видел. Мог ли он не знать? Мог ли он не видеть? Нет не мог. Так нельзя. Миллионы денег стоит это вредительство, — и это по его собственным показаниям, это его собственное признание.

Ну, а с машинами Джефри, которые были закуплены, как здесь рассказывал Киселев, по прямому совету Чинокала? А нам Чинокал рассказывал, что он не имел никакого отношения к этой закупке. А использование этих машин? А кнаппповские машины, присланные из-за границы и посланные затем на производство?

Маленькая черточка, чтобы потом к ней не возвращаться: в документах суда, приобщенных к делу, имеется ходатайство, подписанное Кузьмой, о присылке ему машин для твердой зарубки, специально на Мелиховском пласте, где эти машины оказались совершенно непригодными. Теперь уже этого ни Чинокал, ни Горлецкий отрицать не смогут, и поэтому посылку кнаппповских машин на Власовку мы должны рассматривать как прямое вредительство.

О том, как работали эти машины на Несветае, или о том, как подсовывались они Несветаю и Калинину, где самый крепкий в смысле твердости антрацит, подсовывались именно эти машины, неспособные работать на этом крепком пласту, — об этом здесь, равным образом, был разговор. Все это уже является установленным фактом судебного следствия.

А 17 машин Джефри, присланные на пробу? Хороша проба! И великолепнейшую по этому поводу аргументацию здесь раз-

вивал Горлецкий: «Если бы я не послал этих машин, то они простояли бы без толку». Так разве ставится вопрос? Разве мы должны покупать такие машины, для которых нужно найти место, чтобы их приткнуть для того, чтобы они не стояли без толку? Вот «механизация», проводимая отделом механизации...

В отношении Чинокала имеются показания о нем, как о члене организации, Матова, Братановского, Казаринова, Сущевского, Кржижановского и Соколова, имеются указания на получение им денег от Матова и Братановского, имеются, наконец, указания на специальные совещания, где были заслушаны доклады Чинокала и Горлецкого о работе отдела механизации

Мне представляется, что этих, уже твердо установленных судом фактов, достаточно для решения вопроса о степени причастности Чинокала и Горлецкого к организации. Но если Чинокал, как заведующий отделом механизации, повинен в том, что он, руководя отделом механизации, сознательно обманывал поставленного во главе отдела ответственного работника, сознательно производил нерациональные затраты народных средств на орудия производства, не только не принимал мер, но безусловно был осведомлен о нерациональной работе по распределению машин, производимой Горлецким, не только не препятствовал такому распределению, а поощрял это распределение, то отсюда вытекает, что по отношению к Чинокалу может быть только одно решение задачи: причастность доказана, Чинокал — член организации; тюремное заключение на достаточно продолжительный срок — я бы определил не ниже пяти лет, — должно быть тем решением, которое в данном случае должно принять Специальное присутствие Верховного суда.

Так стоит вопрос о Чинокале. Серьезней, однако, он стоит в отношении Горлецкого. Старый промышленник, человек старого закала и достаточно твердой воли, знающий человек — он головой выше в смысле выдержки, чем остальные подсудимые; сознательный классовый враг, презирающий новые порядки и новый строй, не приемлющий его, уверенный в его неизбежном крушении; в течение всего десятилетия не порывавший связей со старым миром и со старыми хозяевами, с 1922 года являющийся активным вредителем, инструктор Березовского, финансовый источник вредительства Донецко-Грушевского рудоуправления; вредитель, специально, в качестве инструктора, объезжавший почти все рудоуправления Донецкого бассейна (в частности, вспомним факт направления им без нужды, без цели двух врубовых машин на Щербиновское рудоуправление), инструктировавший Власовское рудоуправление и Власовскую вредительскую группу, непосредственно имевший, как это установлено, связи по вредительству с Калгановым, Самойловым, Бабенко, — о нем показывают, как о члене-вредителе: Березовский, Калганов, Самойлов, Бабенко, Гаврюшенко, Башкин, Никишин, Братановский, Казаринов, Мухин, Калинин, — связавший Мухина с Донуглем, связавший таким образом две родственные вредительские организации в

одну, отчитывающийся в своей работе на совещаниях, антисемит (эта черточка, конечно, должна приниматься только как черточка, характерная для политической установки и политического мировоззрения Горлецкого), старый поклонник красновского лозунга «единой и неделимой», рассматривающий советскую власть как наследницу Краснова, осуществившую его лозунг, — вот каков Горлецкий.

Нельзя пройти мимо Горлецкого без принятия во внимание и учета всех этих обстоятельств. Когда же еще внимательнее присмотреться к тому, как он здесь держался, с какой самоуверенностью и объективно вытекающими из факта этой самоуверенности презрением и ненавистью он относился к советскому порядку, к рабочему классу и к суду как органу рабочего класса, — вопрос о дальнейшем отношении к Горлецкому представляется предрешенным. Элементарная логика требует уничтожения Горлецкого. Расстрел Горлецкого является, быть может, одним из наиболее выпукло вытекающих из всей совокупности обстоятельств актом самообороны от вредительства: не переделаешь этого человека, не исправишь, нельзя рассчитывать, нельзя думать, что в какой бы то ни было мере и степени он способен к восприятию не только советских идей, но даже к контактированной работе в пределах советского государства. Мы не требуем от него перерождения, а мы вправе всегда требовать элементарной возможности доверия к его деятельности. Но и такого доверия к нему нет и быть не может.

При всех условиях, во всякой обстановке этот старый волк капитализма оскалит свои зубы и его старая волчья природа скажется.

Вот почему по отношению к Горлецкому расстрел представляет единственно возможную меру, которую должно применить в порядке охраны пролетарского государства, эту меру должно принять Специальное присутствие Верховного суда.

Кржижановский — из молодых, да ранний. Молодой инженер, приставленный Управлением новым строительством к иностранным фирмам, приглашенный для работы по воссозданию нового Донбасса, докладчик Техническому совету по ряду вредительских проектов, член-сотрудник вредительской Центральной организации, человек, одновременно состоявший на службе у советской власти и у иностранных предпринимательских организаций, получавший 325 рублей от советской власти и 300 рублей от фирмы Стюарт и исполнявший ее поручения по проработке наиболее выгодных для этой фирмы заказов на те или другие проходческие проекты, вместе с тем вредитель, осведомленный точно о состоянии вредительской организации, о наличности вредительской организации, сверх того взявший на себя исполнение функций по наиболее ответственным и серьезным поручениям политического характера, — таков Кржижановский.

Когда мы здесь разбирали обстоятельства и факты, относящиеся к периоду возвращения Матова из-за границы, мы разби-

рали и доклад Матова о его московских путешествиях и московских связях. При обсуждении новых форм и порядка связи контрреволюционной организации с закордонной организацией, с зарубежной организацией, тогда же было постановлено, чтобы Харьковская организация продолжала лишь в исключительных случаях иметь свою самостоятельную от московского центра связь по определенной конспиративной линии, и для исполнения этой самостоятельной связи был выделен специально Кржижановский. Он об этом сам нам рассказывал.

Дальше он рассказывал, каким образом эти связи осуществлялись. На открытом судебном заседании я спросил Кржижановского: «Что же вы отрицаете — количество ваших посещений, или отрицаете самый факт посещений?» Мне было отвечено: «Я отрицаю количество».

Правда, на закрытом судебном заседании он пытался отрицать и самый факт, но подробнейший и внимательный анализ и осмотр того, как писались показания Кржижановского, какая часть писана рукой Кржижановского, какая часть писана рукой следователя, выяснение мельчайших деталей по этому вопросу, сравнение строки за строкой, страницы за страницей показаний Кржижановского в смысле максимальной проверки этих показаний выявили абсолютную негодность того метода защиты, которого держался Кржижановский, — настолько абсолютную негодность, что Специальное присутствие сказало устами председательствующего: «Вопрос для нас исчерпывающе ясен, нет необходимости больше в обследовании этого обстоятельства». Это указание настолько было категорично, что, помнится, защитник спросил: что же теперь ему остается делать? Ему было отвечено: «Использовать свое право защиты своего подзащитного. Но для суда вопрос уже стал ясен».

Вопрос был выяснен полностью на судебном следствии тогда же в закрытом судебном заседании. Кржижановский является одной из тех фигур, которая равным образом должна быть отнесена к шпионской группе. Мы не можем допустить, чтобы на территории СССР имели место те факты, которые были установлены в отношении Кржижановского. Здесь ставится на карту безопасность государства. При таком положении вещей нет и не может быть аргументов, которые могли бы хоть в малой степени смягчить и тяжесть обвинения и обязанность, которая лежит на Специальном присутствии Верховного суда.

Я перейду теперь к группе подсудимых, связанных с Башкиным. Теперь, после того как выявлена роль Казаринова, роль Исая Башкина, роль Блеймана и его связь с вредительской организацией, под этим углом зрения должна рассматриваться деятельность и Башкина Абрама и лиц, непосредственно с ним связанных и в известной части благодаря ему привлеченных на скамью подсудимых. Кто такой Башкин? В прошлом — инженер с большим стажем. По характеристике Кузьмы, — дельный и толковый инженер. Я это должен напомнить, чтобы противопо-

ставить это свидетельство Кузьмы, которому нет оснований в этом случае не верить, попыткам со стороны защитника Вормса на судебном следствии изобразить Башкина как безграмотного инженера, не понимающего, что он говорит. Этот толковый и дельный инженер-электрик уже по работе на Донецко-Грушевском рудоуправлении непосредственно был связан с контрразведкой. Уже это характерно. Уже это характеризует его как личность. В отношении к рабочим его приходится отнести к категории мордобойцев. Это подтвердил он сам: правда, он сказал, что однажды ему дали сдачи и что после этого он потерял охоту пускать в ход кулаки. Но если он нам здесь сказал, что он только один раз попробовал, то это еще не заставляет нас ему верить. А здесь были свидетели, которые рассказывали, как они иной раз очень хотели бы ответить ему как следует, но в те времена, если бы рабочий при господстве белых позволил себе оскорбить «господина инженера», результат был бы весьма и весьма аналогичный судьбе Поли и других расстрелянных белыми палачами.

Башкин как вредитель работал сначала, до Чернокнижникова, на Петропавловском руднике. Чернокнижников лишь продолжил его работу по уничтожению и выводу из строя турбины. Затем Башкин перешел на Власовку и там продолжал работу вредителя как главный механик Власовского рудоуправления

Одним из методов его вредительства была организация перебоев в подаче электрической энергии, в результате чего страдало не только Власовское рудоуправление, но страдали и другие районы. Мы имеем данные, говорящие о прямой вредительской работе Башкина и по разрушению заводов: фенолового завода, брикетной фабрики и т. д. Центральную связь он поддерживал непосредственно, во-первых, с братом Исаем Башкиным, во-вторых, с Харьковом. Башкин относится, главным образом, к категории лиц, которые должны быть признаны старыми испытанными вредителями.

Он сам говорил, если ему верить, что чертежи Артемстроя, которые случайно оказались в его распоряжении, он хотел продать за тысячу рублей Отто. Хотел ли Отто купить у него эти чертежи или не хотел, — это другой вопрос, о котором мы будем говорить несколько ниже, но сам по себе тот факт, что он хотел продать те чертежи, которые случайно оказались у него в руках, чрезвычайно характерен для Башкина и с точки зрения его физиономии политической, и с точки зрения его физиономии моральной. В дальнейшем из области вредительства имеются его собственные признания о том, как он вызвал вместе с Петровым пожар, и как он неправильно применял механизацию, и как он ведет котельное хозяйство, — о всей этой вредительской работе он рассказывал сам.

Мне представляется, что уже этого было бы достаточно для того, чтобы сказать, что по отношению к Башкину, Абраму Борисовичу, надлежит принять суровую меру. Но мы имеем, сверх

того, еще ряд данных о Башкине. Сюда относится тот оговор, который он допустил в отношении привлеченных по делу Мейера и Отто. От этого оговора Башкин сначала частично отказался, а затем вновь повторил его. О Мейере и Отто я сейчас буду говорить отдельно и оценивать их роли и их физиономии, но раньше — два слова об обстоятельствах их привлечения. Не могла, не должна была советская государственная власть, советские следственные органы пройти мимо указаний Башкина о том, что немецкий монтер Мейер или немецкий инженер Отто принимали участие во вредительстве, не могла, не должна и не имела права пройти мимо заявления относительно того, что тем или иным путем при помощи их была установлена связь с заграницей, хотя бы путем пересылки этого плаща или этой шляпы. Но из этого еще не вытекает, — об этом я говорил уже вчера после перерыва, — что мы всякий оговор принимаем как безусловное доказательство. Вот почему после оценки всей физиономии Башкина, его политической физиономии, после оценки его нравственной фигуры, всю эту пинкертоновщину с плащом и со шляпой прокуратура отбрасывает сейчас в сторону.

Поэтому же мы ставим под вопрос сейчас оговор его о вредительской работе Мейера. Прокуратура не считает себя вправе поддерживать в таких условиях обвинение против Мейера, и, используя свое право, отказывается от обвинения Мейера. Этим, однако, ни в малой степени не изменена обязанность прокуратуры подойти к уликовому материалу, который имеется против Отто, независимо от оговора Башкина.

Иначе ставится поэтому вопрос относительно Отто. Даже если отбросить оговор, в котором Башкин пытался оговорить его в закрытом заседании за две минуты до окончания следствия, то остаются другие данные. Позвольте, прежде всего, равным образом, во избежание каких бы то ни было кривотолков и неправильного трактования кем бы то ни было политики нашего уголовного законодательства, откинуть вопрос о политическом мировоззрении Отто и об его принадлежности к «Стальгельму». Мы не можем и не хотим запрещать ему думать как угодно, но мы имеем право требовать от него и требуем, чтобы он действовал в пределах советского закона. Я хочу поэтому подвергнуть анализу, прежде всего с этой точки зрения, деятельность Отто в период Февральской революции и перед Октябрьской революцией. Тогда он агитировал за то, что нужно гнать помещиков, однако, не потому, что это наши классовые враги, не потому, что это помещики, а потому, что этими бунтарскими выступлениями ослабляется мощь России, усиливаются шансы для победы Германии. Я считаю нужным подвергнуть анализу этот эпизод из работы этого молодчика, чтобы показать, что это человек, который для того, чтобы добиться своих целей, не останавливается ни перед чем, не останавливается ни перед уважением к чужому народу, ни перед уважением к стремлению широких народных масс освободиться от гнета помещичьей

кабалы, в которой они находились столетиями, человек, который расценивает порывы миллионов только с точки зрения своей узкой национальной колокольни и не хочет, не умеет понять, что есть вещи, которые дороже и выше всяких национальных границ, есть вещи, которые во всякой стране всеми, имеющими и сохранившими в себе элементарные благородные чувства, ценятся, уважаются, которые никто себе не позволит ни опошлить, ни использовать в своих корыстных целях. Со стороны Отто была такая попытка в 1917 году, во время крестьянских волнений, накануне Октябрьской революции, в период незаконченной империалистической войны.

Вот почему, беря и взвешивая этот факт как характерный для определения содержания фигуры гражданина Отто, прибавляя к этому те его систематические перемены, которые он переживал, как он здесь нам рассказывал, когда он бросался от крайнего монархизма к социал-демократизму, от социал-демократизма опять к монархизму или к своеобразному республиканизму; напоминая, наконец, те сказки, которые он нам рассказывал здесь о том, что политическая программа фашизма является чуть ли не чем-то подобным или близким к коммунистической партии, — а он об этом нам так говорил, — мы считаем себя вправе поставить вопрос о социальной опасности Отто и прежде всего о том, в какой степени можно доверять словам Отто, когда, излагая нам здесь свои политические убеждения, он говорит, что не хотел вредить СССР. Мы не ставим ему в вину его политических убеждений, — скажем вперед: можешь принадлежать не только к «Стальгельму», но и к какой угодно политической группировке, — нас это не интересует, но мы вправе требовать от него элементарной искренности или, по крайней мере, чтобы он нас не считал за дураков.

А мы что имеем? Я позволю себе указать только на его следующее заявление.

Отто заявил, что он одновременно был членом и «Стальгельма» и общества «Друзей новой России». Ну, что же, очень хорошо, мы нуждаемся в друзьях, нам друзья ценны, у нас слишком много врагов, мы не можем пренебрегать друзьями. И вот к нам приехал этот «друг новой России», которая основана или строится, как известно, на началах революционного социализма и принципов революционного марксизма, — он приехал к нам членом общества «Друзей новой России», а программа «Стального шлема» говорит, что она «борется против ересей интернационализма, пацифизма и марксизма, ложность которых изобличена опытом».

Что же, думайте так, думайте сколько угодно, что мы на опыте уже доказали ложность интернационализма, марксизма, пацифизма и т. д. Но зачем же вам лгать, что вы «друг» новой России, зачем же утверждать это здесь? Кого вы хотите обмануть? Думайте, как хотите, но, приехавши сюда, не говорите нам вещей, которые логически несообразны, если хотите, чтобы вам

хоть в какой бы то ни было степени поверили, и не пытайтесь обмануть нас предъявлением этого билета члена общества «Друзей новой России».

Исходя из всего этого, так же мы должны отнестись и к его объяснениям по поводу уликового материала о том, что Отто служил передаточной связью между контрреволюционной организацией и контрреволюционными вредителями СССР. Таким материалом является факт передачи им письма Казаринову. Если бы это письмо было простым исполнением просьбы. — пожалуйста, передайте письмо, — ну и передал, что в этом было бы дурного? Ничего не было бы дурного. Но если Отто отрицает передачу письма, то почему он отрицает, исходя из чего он отрицает? Мы знаем, что разговор с Блейманом — он это сам сказал — перед поездкой у него был, и также с Рабиновичем после приезда. Мы имеем затем указание Казаринова, что Отто пришел к нему со словами: «Почта для Матова». Это — слова, с которыми приходили и другие монтеры: «Для Матова — почта». Но Матов и его роль в организации совершенно установлены. Отто ничего не дает, кроме отрицания, но если вообще Блейману или Башкину нужно было выбирать доверенное лицо для передачи конспиративной группировке конспиративного письма, то спрашивается: подходил или не подходил с этой точки зрения для этой роли гражданин Отто? Больше подходил, чем, скажем, Мейер, больше подходил, чем, скажем, Бадштибер, больше подходил, чем всякое другое лицо. Он человек, прекрасно знающий русские условия и русский язык, человек, в достаточной степени опытный и твердый, что тоже требуется для конспиративных поручений.

Тот факт, что он отрицал самое знакомство с Казариновым, хотя Казаринов был помечен в его записной книжке, хотя Отто и поздоровался с Казариновым, когда случайно встретился с ним в тюрьме, — также не может быть забыт. Отто говорит, что он только сказал «здравствуйте». Выходит, что сказать «здравствуйте» — это не поздороваться, а что-то другое. По-моему, сказать «здравствуйте» — это и есть поздороваться. Отто говорит, правда, что это «здравствуйте» относилось к другим лицам. Но ведь это он говорит.

Вот почему, мне кажется, нельзя считать недоказанным или бездоказательным утверждение прокуратуры, что факт передачи письма имел место. Вы скажете, что Отто мог передать, но мог не знать содержания письма. Тогда бы он не отрицал передачи, а здесь — прямое отрицание не только письма, но и знакомства с Казариновым (что уже явная ложь) из боязни обнаружить факт своей осведомленности об организации.

Конечно, обвинение не может полагать, что совокупность этих улик является в полной мере достаточной для того, чтобы здесь сказать, что безусловно установлен факт причастности. Это — один из тех моментов, часто встречающихся в судебной практике, когда недостаток прямых улик приходится восполнять

рядом умозаключений, а вывод из них приходится относить уже на счет интуитивных решений, вытекающих из глубин судейской совести. Последняя должна решить, считает ли она или не считает достаточным собранный материал.

Я позволю себе все-таки изложить, как на этот вопрос смотрит прокуратура. Мало, конечно, поставить проблему перед судом, мы обязаны предложить и ее решение. Можем ли мы совершенно пройти мимо гражданина Отто? Нет, не можем. Должны ли мы принять меры и если да, то какие меры? Ну что же, наиболее правильной мерой было бы, конечно, предложение гражданину Отто выехать немедленно из пределов СССР. Но ведь, по-моему, он только поблагодарит нас за эту меру. Так вопрос не ставится. Это будет издевательство над судом и его решением.

Иностранец, прибывший к нам на практическую работу, должен считаться с теми порядками, которые у нас существуют, с тем строем, который у нас создан, должен считаться с законами, которые у нас существуют, должен считаться с задачами государственной политики, которые мы себе ставим. Мы не требуем себе содействия, но мы требуем непрепятствования нам. И поскольку имеются данные полагать, что было нарушено это основное условие, мы вправе принять меры обороны.

Я полагал бы, что тюремное заключение для Отто на срок, достаточный для того, чтобы он мог поразмыслить на досуге о том, как следует относиться к чужой стране, к чужим законам, к задачам социалистического строительства, которое мы проводим, будет наиболее соответствующей мерой репрессии. Срок по существу не важен — шесть месяцев, год — это, в конце концов, уже техника, но прокуратура считает только такую постановку вопроса правильной, поскольку для прокуратуры факт передачи письма представляется безусловно установленным, а взятая во всей совокупности политическая установка Отто с 1917 года до настоящего времени является достаточной для утверждения, что это было сознательное исполнение конспиративного поручения одной организации к другой.

В прямом участии в организации мы Отто не обвиняли никогда; ему предъявлено обвинение в пособничестве, выразившемся в факте, который только что перед вами я изложил.

Итак, остаются Бадштибер и сам Башкин. Относительно Бадштибера вопрос сам по себе ясен: он знал о тех разговорах, которые имели место со стороны других лиц, он принял поручение по передаче взятки, — он сам это признал, — он является взяткодателем. Это во всяком случае и при всех условиях остается доказанным, ибо и взяткодатель и взяткополучатель — оба признали этот факт. Бадштибер дал затем показание, что для него заведомо было известно состояние машин.

Я не имею права подвергать анализу документы, которые не приобщены к делу, я не имею права сопоставить заявления Зеебольда с документами, имеющимися в деле, которые дали бы возможность показать степень достоверности клятвенных заявле-

ний Зеебольда; поскольку остается доказанным все же голый факт дачи взятки, эти клятвенные признания Зеебольда уже возбуждают сомнения. Но, поскольку эти документы формально не приобщены к делу, говорить о них не приходится, важно лишь отметить, что факт взятки установлен и признан обеими сторонами. Остается соучастие в смысле недоносительства, в смысле осведомленности Бадштибера о контрреволюционных намерениях Зеебольда и Кестера.

Но если мы можем и имеем право требовать от гражданина СССР, чтобы он, узнав о контрреволюционной организации, немедленно об этом сообщал, едва ли можно предъявить это требование к Бадштиберу. Вот почему я думаю, что по отношению к нему вопрос стоит так же, как и по отношению к Никишину, т. е. об условном приговоре за дачу взятки. Мне лишь приходится пожалеть, что то, что нам приходится раскрывать в порядке судебного следствия, может отразиться в частности на индивидуальной судьбе Бадштибера. Ибо как к нему отнесутся его хозяева в результате его показаний, уже имеются у нас документы.

В отношении Башкина я поставил бы вопрос так: активный вредитель в течение ряда лет, человек, нравственная и политическая физиономия которого достаточно выявлена. Нужен ли он в каком-либо отношении пролетарскому государству, нужен ли он в каком-либо отношении обществу трудящихся? Не нужен. Это ответ, из которого следует и практический вывод. Я считаю, что его нужно отнести к категории тех лиц, как Некрасов, Васильев, Андрей Колодуб, которых я считаю накипью, отбросом, в результате социального переустройства, людьми неприспособленными и не только неприспособленными, но и вредными, которые при всех условиях будут служить эмбрионами разложения, будут язвой на организме нового строительства. Расстрел Башкина является логическим выводом из его действий.

Позвольте перейти теперь еще к двум персонажам, по существу к одному, наиболее привлекавшему внимание суда из группы периферийных работников контрреволюционной организации — к инженеру К у з ь м е.

И позвольте, прежде всего, привести длинный перечень имен и лиц, показывавших разновременно, допрошенных разными лицами, при разных обстоятельствах, о прикосновенности Кузьмы к контрреволюционной организации. О нем показывают Березовский, Калганов, Бабенко, Горлов, Гаврюшенко, Самойлов, Соколов, Бояринов, Матов, Братановский, Сущевский, Будный, Башкин, Андреев, Кржижановский. 15 человек. 15 показаний, данных разными людьми, в разное время, при допросе различными органами следственной власти. Это уже не оговор, это уже нечто гораздо большее, это уже нечто гораздо более весомое в смысле доказательной силы, в смысле признания ценным этого уликового материала.

Как они показывают? Бабенко показывает о личной беседе,

Горлов показывает о совместной работе, Бояринов показывает о совместной деятельности. Матов, Братановский, Сущевский — равным образом как о члене организации, Башкин — о совместной работе, Будный—о передаче конспиративного письма, Кржижановский — об осведомленности и, наконец, Андреев — как о лице, которое он видел на конспиративном совещании. Разные данные и в разной форме, с указанием различных обстоятельств и различной обстановки. Есть ли противоречия среди этих показаний? Нет. Признает ли сам Кузьма объезды Донбасса, которые он совершил два раза в период своих попыток выехать за границу? Признает. Собирание сведений, — признает ли его сам Кузьма? Признает. Он говорит, что сведения интересовали его лично. Быть может. Но интересовали ли они других лиц? Интересовали. Дворжанчика они тоже интересовали, — об этом мы знаем, это тоже является точно установленным фактом. Методы собирания сведений установлены ли также на суде? Установлены. Нам тут пытались показать, что, мол, эти сведения можно было получить в Донугле, но это же не аргумент. Конечно, можно было получить, но какие? Гораздо вернее, гораздо лучше и точнее и полнее можно было их получить там на месте, когда приехал один член организации к другому члену организации. Тот факт, что это были сведения о состоянии подземных работ, о залегании пластов, о наличии запасов, т. е. как раз о том, что нужно было старым владельцам, — тоже важен. Поэтому такого рода аргумент не может поколебать установленности основных фактов.

А Ялтинское совещание? Имело ли оно место? Имело. Мог ли это отрицать в полной мере сам Кузьма? Нет. О чем там беседовали на Ялтинском совещании, по показаниям Бояринова? Беседовали о методах вредительства, а в более смягченной форме он сказал: беседовали о неполадках и т. д. Входила ли в план работ такая взаимная осведомленность, даже если стать на точку зрения Кузьмы, что имела место случайная встреча, а не заранее условленное совещание? Да.

Имеются указания Матова на эти же объезды Кузьмы и на распоряжение организации собрать определенные сведения. На Ялтинское совещание указывают определенно и Бояринов, и Соколов, и Березовский, все указывают, что там присутствовал Кузьма, — все это не может быть сброшено со счетов.

Теперь позвольте проследить деятельность Кузьмы в период его работы как инженера на различных рудоуправлениях.

Но, прежде всего, — пару слов о биографии Кузьмы. Мы вынуждены подробно останавливаться на этой части уже потому, что здесь приходится оперировать с мелочами, подбирать одну мелочь к другой, сопоставлять, строить здание обвинения на основании выводов из часто незаметных и сравнительно ничтожных фактов.

Кузьма — выходец из мелкомещанской, ультрарелигиозной и шовинистически, националистически настроенной семьи мелкого

землевладельца Гродненской губернии. Его готовили, как полагается всем мелким мещанам старой Польши, к деятельности ксендза, к духовной деятельности «пастыря душ». Это—выгодная, с точки зрения мелкого мещанства, профессия, пользующаяся большим уважением среди наименее культурных слоев населения, всегда сопровождающаяся и определенным материальным достатком. Эта карьера представлялась с их точки зрения наиболее желательной для Кузьмы. Кузьма сумел отбиться от этой дороги, сумел почувствовать, возможно, не столько ложь и фальшь, сколько недостаточность размаха для своей работы на этой дороге. Человек энергичный, настойчивый, обладающий достаточной силой воли и с широким, сравнительно со всеми остальными, размахом творческой мысли и ума, он не мог, конечно, замкнуться в эти узкие рамки работы, постоянно, сплошь осуждавшей его сверх того на необходимость лгать, лгать и лгать. Он ушел от этой работы, но черточки иезуитизма воспринял полностью. Определенный заряд иезуитских навыков и подходов к разрешению ряда вопросов остался у него от этой подготовки.

Кузьма — студент. Первые годы своей работы на студенческой скамье, вынужденный бороться в тяжких условиях за кусок хлеба, Кузьма приобрел необходимую для жизненной борьбы жесткость, настойчивость, твердость и в то же время требовательность к себе и ко всем тем лицам, с которыми он сталкивается. Он умеет подчинять людей, он умеет, как и Матов, приказывать и требовать исполнения. В деле имеются показания инженера, ведавшего плановым бюро на Власовском рудоуправлении, о том, как Кузьма не терпел возражений и как возражающих заставлял либо подчиняться, либо уйти. То же самое о нем показывает Горлов. Кузьма на своем участке работы считал, что он хозяин, перед которым все остальные должны молчать.

В первые годы своей студенческой учебы Кузьма делит свой досуг между погоней за заработком и состоянием в довольно не оформленной студенческой организации «Одродзене». Это — какая-то полумистическая, полусветская, полудуховная организация идеалистически настроенной, совершенно не разбирающейся в области политических вопросов молодежи.

Конечно, практический, или, как он говорит, математический ум Кузьмы не мог примириться с мистическими бреднями этой организации, и он скоро оттуда ушел, поставив своей задачей более реальные и практические цели: прежде всего — жить, прежде всего — устроиться, укрепиться, так сказать, зацепиться за что-нибудь, а потом уже плыть.

Жизнь впервые ставит в этот момент перед ним серьезную проблему: вспыхивает в 1914 году империалистическая война. Перед польской студенческой молодежью встает проблема, и перед Кузьмой тоже встает проблема: куда итти, где быть? Запас молодого идеалистического энтузиазма толкал в то время массу польской студенческой молодежи за кордон, в ряды

австрийских войск, помогать драться против царской России за «освобождение» Польши.

Пошел ли Кузьма по этой дороге? Нет, не пошел. Почему? Что дала бы ему эта дорога? Считаться народным героем после того, когда будешь с пулей в груди или разорванный шрапнелью валяться в каком-нибудь болоте на полях Галиции? Математический ум Кузьмы никак не мог примириться с такой перспективой, он предпочел поэтому остаться и не пойти за всеми. Правда, он приводит и некоторые иные идеологические обоснования, почему он в тот момент не пошел за всеми. Он объясняет это личными переживаниями того времени, переживаниями совершенно субъективными, индивидуального характера, связанными с его личной жизнью. Может быть. Почему не дать такого обоснования? Может быть, это было так, но может быть — и не так. Но и это объяснение, если хотите, тоже характерно.

В дальнейшем, после 1916 года, Кузьма — на производстве, Кузьма — молодой инженер, Кузьма — инженер, не связанный со старым миром, — он кончил только в 1916 году. И вот во время его пребывания на производстве перед ним жизнь ставит вторую проблему — Февральскую, а затем Октябрьскую революцию. И Кузьма — член Совета рабочих депутатов в своем районе — восторженно принимает Февральскую революцию, бросает вместе с другими лозунги: вся земля — народу, фабрики — рабочим. Это было в тот медовый месяц революции, о котором Ильич писал, что в этот момент Россия была самой свободной страной во всем мире, и когда поэтому можно было безнаказанно бросать всякие лозунги. Бросает этот лозунг также инженер Кузьма, хотя, конечно, о всей политической глубине содержания этих лозунгов не думает. Но как только стал вопрос о дальнейшем политическом самооформлении, как только жизнь практически поставила вопрос — не только бросать лозунги, а и найти свое место в практической борьбе и сделать практические выводы из этих лозунгов, как только жизнь поставила вопрос о том, чтобы приступить к работе по осуществлению этих лозунгов, то Кузьмы уже нет... Кузьма — инженер, Кузьма — деляга, Кузьма политикой не интересуется.

Это можно поставить в параллель с его решением не итти в Галицию на службу ради освобождения Польши. Кузьма ушел от политики, — политика сопряжена с риском, а Кузьма не любит рисковать.

И вот Кузьма перед Октябрьской революцией. Но Октябрьскую революцию он, как говорит, «не заметил». Октябрьскую революцию и ее содержание он не воспринял: так, что-то было, там, где-то далеко, а у нас... у нас все спокойно.

Так ли было на самом деле?

Так на самом деле не было и не могло быть. Так не было. Донбасс обильно полит кровью жертв гражданской войны, кровью рабочих, которые понимали, за что они дерутся, которые меняли сегодня шахтерскую лампочку на винтовку, и завтра вин-

товку на кайло. Рабочие знали, за что они дерутся. Для рабочих был ясен смысл Октябрьской революции, а для Кузьмы?.. Кузьма не заметил, для Кузьмы смысл не был ясен. Впрочем, Кузьма делом скоро показал, что уже не так он был неосведомлен о том, из-за чего шла борьба. После революции, в январе 1920 года, мы застаем Кузьму в качестве управляющего Пастуховским рудником. Кузьма, Детер, Шадлун и Некрасов — вот четыре фигуры, действовавшие там в то время, и разрешите теперь подробно остановиться на инциденте с Пастуховским и Берестовско-Богодуховским рудниками. Роль Детера, имевшего определенные директивы от Суллинского акционерного общества—сохранить во что бы то ни стало Пастуховку, нами установлена. Роль Шадлуна и Некрасова, имевшего задание от Ремо и бывших своих акционеров—сохранить их достояние—Берестовку, хотя бы идя на временное затопление, нами установлена также. Берестовка была затоплена. Но Кузьма говорил: «Берестовско-Богодуховский рудник затоплен в январе. Я же сделался членом рабочего правления только в феврале. Я на две недели опоздал вступлением в члены рабочего правления, или, вернее, шахта была затоплена за две недели до того, как я получил к ней фактическое прикосновение, как я вошел в члены рабочего правления». На судебном следствии был спор о том, когда была затоплена шахта — в апреле или в январе. Если в январе, Кузьма в этом случае не имеет отношения к затоплению; если в апреле, Кузьма — член рабочего правления, мимо него не могло пройти затопление шахты № 14. Призвали свидетелей. Свидетели показали — в апреле. Мы спросили Кузьму, Детера, Ивана Ивановича, и Шадлуна, они сказали — в январе. Трогательное согласие обвиняемых и разительное расхождение со свидетельскими показаниями. Мы решили истребовать еще двух свидетелей. К сожалению, эти свидетели не могли явиться к концу судебного следствия. Один из них не был розыскан, другой болен. Но пришли документы, документы, писанные рукой Кузьмы, и рукой Кузьмы доказано, что затопление Берестовки произошло с ведома рабочего правления, в котором состоял Кузьма. А другое указание, другой документ прямо говорит о том, что выдача на-гора всех этих насосов, в результате чего окончательно остановилась шахта и была затоплена полностью, — имела место в апреле. Лишь с февраля приостановилась добыча, а в апреле произошло окончательное затопление. Добавим показания Детера, что он сговорился с Кузьмой об исполнении директив Суллинского общества об оборудовании Пастуховки, установим, что вся дальнейшая работа Кузьмы в рабочем правлении была направлена непосредственно на точное, буквальное исполнение этой директивы — оборудовать как с иголочки Пастуховский рудник, и вывод будет ясен. Мы спрашивали затем свидетелей — стариков, которые двадцать с лишним лет работали на этих рудниках, какой ценности оба эти пласта. Они сказали, что пласты Берестовско-Богодуховского и Пастуховского рудников — одни и те

же пласты. Но если спросить, можно ли сейчас восстановить Берестовку, оказывается — нельзя. Растащена ли Берестовка? Растащена. А оборудована Пастуховка? Оборудована. Кузьма оправдывается тем, что не все растащено по его распоряжению. По его распоряжению растащена лишь часть эстакады и что-то еще в этом роде. Разве дело в том, кто кончил разрушение, или кто начал разрушение? Важно, что директива исполнена на сто процентов. А у нас есть, кроме того, показания Андреева о получении Кузьмой денег за работу по Пастуховке. А когда все это было? Это относится к 1920—1921 году, это был период, когда еще нельзя было там, в Донбассе, твердо сказать, какая власть восторжествует — белая или красная. Инженер Кузьма, который только что работал с белыми, который теснейшим образом был связан с Детером и Иваном Ивановичем Некрасовым, получившими директиву от своих хозяев относительно этих шахт, — разве похоже, чтобы инженер Кузьма восстал тогда против окружающей среды, поверил больше в прочность советской власти, чем в силу бывших хозяев, и воспротивился директивам, даваемым старыми хозяевами? Откуда у Кузьмы вдруг явился бы такой запас привязанности к советской власти и такое недоверие к старым хозяевам? Этого не было и не могло быть.

Дальше, почему ушел Кузьма с Пастуховки? Мы на судебном следствии спрашивали об этом и были указания на то, что во всяком случае он ушел оттуда не по своей воле. А вот заявление Овчарека на 55 странице стенографического отчета 17 дня судебного процесса — утреннее заседание: он неохотно уходил со Щегловки, так как это был для него ценный рудник... но ввиду того, что были некоторые подозрения, что он находится в связи со старыми хозяевами, Кузьма предпочел уйти. Кузьма ушел. Значит уже тогда ставился вопрос о его связях. Вот обстановка, обрисовывающая первый эпизод работы Кузьмы в период его работы на Щегловском рудоуправлении. Перед уходом маленький, но знаменательный факт — факт с тиглями. Платиновые пластинки были случайно в «бесхозном» состоянии, сегодня одни хозяева, завтра другие, отчетность была в полном хаосе, а пластинки — вещь ценная. И вот предприимчивый Иван Иванович Некрасов предлагает эти платиновые пластинки разделить. Кузьма говорит: я знал об этом дележе. Иван Иванович говорит, что часть пластинок пошла также Кузьме. Если трое знали, двое взяли, почему третий не взял? Двое признались, а Кузьма говорит — нет. Тут, конечно, вопрос ставится таким образом: а что Кузьма деньги любит или нет? А мы по этому поводу имеем ряд показаний, ряд мелких штрихов, которые для него чрезвычайно характерны. Кузьма—человек, который вышел из мещанской среды, который прекрасно знал лозунг Чичиковского отца: «Береги и копи копейку, все продадут, все обманут, последний друг продаст, последний друг обманет, только копейка никогда не продаст, никогда не обманет».

Вот лозунг мещанина в его чистом виде. Этот лозунг Кузь-

ма принял еще с первых детских лет и остался ему верен до конца. Позвольте привести характерное для Кузьмы, им лично присланное требование, где он ставил условием оплату для себя, как главного инженера, 1 000 рублей жалованья в месяц, уплату всех налогов за государственный счет, 5 000 тантьемы, двукратное увеличение еще через некоторое время, легковой автомобиль, бесплатную квартиру и т. д. Он о себе не забывал — этот инженер Кузьма. И недаром он исчислил свою материальную добычу в количестве 9 000 рублей в месяц. Так не всякий инженер получал. Эта сторона жизни для Кузьмы означала многое. Эту сторону жизни он ценил очень и очень, и поэтому показания Ивана Ивановича о тиглях не только не неправдоподобны, а, наоборот, очень правдоподобны. А отсюда и другой вывод: политика опасна, если в нее ввязываться с головой, — но если за политику платят... Если за политику заплатят хорошо, то можно подумать. А если вести дело умело, так, чтобы с внешней стороны все было блестяще, и если за это с обеих сторон заплатят, заплатит советская власть, согласно предъявленному документу, 1 000 рублей, плюс все налоги, и заплатят хозяева, — почему не пойти. Вот на какой почве развертывается вредительская работа Кузьмы.

Власовское рудоуправление он принял, когда производство на шахте «Артем» было его предшественником Чумичевым за период с 1921—1924 гг. повышено на сто процентов. С 17 миллионов пудов добыча возросла, кажется, до 35 миллионов. В условиях 1921, 1922, 1923 годов такая возможность объясняется двумя моментами. С одной стороны, объективно неизбежен был рост добычи, поскольку шахта в дореволюционное время давала 35 миллионов пудов, и, конечно, при большой устойчивости и политической и экономической производство должно было достигнуть довоенного уровня. Правда, при Чумичеве недочетов было много, оборудования не было, квалифицированной рабочей силы не было, не была разрешена транспортная проблема, тяжело было с продовольствием, но тем не менее добыча на сто процентов выросла.

И тут явился Кузьма и поставил задачу довести добычу до 120 тысяч пудов в сутки, т. е. увеличить добычу еще на сто процентов. В годовом итоге это составляло около 60 миллионов. Я ставил вопрос об этом на предварительном следствии. Что это? Экстраординарный рост? Нет, это общий всему Донбассу темп роста в восстановительный период после депрессии 1921—1922 гг. Но Кузьма работал в более хороших условиях по сравнению с теми условиями, в которых работал Чумичев. И он добился увеличения еще на сто процентов. Но как он работал? Каковы конечные результаты этой работы? Мы имеем по шахте «Артем» Власовского рудоуправления (я цитирую соответствующие страницы стенограммы допроса Чумичева) следующую картину.

Я спрашивал, уточняя результаты, к которым пришла шахта «Артем»: — Результаты выхода определенных сортов на

рынок из Власовского рудоуправления сводились к общему ухудшению качества продукции?

Чумичев. — Да.

Я. — Общему ухудшению качества, отражавшемуся коммерчески невыгодно и для народного хозяйства и для Донугля?

Чумичев. — Да.

Я. — Это в области наиболее ценного сорта. А в области кулака — тоже получилось ухудшение его качества через его загрязнение?

Чумичев. — Да.

Я. — И, наконец, в области самого низкого сорта — штыба, получалось ли увеличение процента штыба?

Чумичев. — Да, получалось и увеличение процента выхода штыба.

Я. — ... А затем, не было ли здесь со стороны Кузьмы прямого обмана Донугля, когда под видом штыба в кочегарке сжигал семечко и другие более ценные сорта угля?

Чумичев. — Да.

Итак, вот итоги работы Кузьмы. Ухудшение качества добычи в виде уменьшения добычи более ценных сортов, уменьшение качества средних сортов, сокращение выхода товара менее ценного, но все же пригодного для рынка, в виде семечка, сжигаемого в кочегарке, увеличение процента выхода бесценного сорта угля в виде штыба. И, в результате, коммерческая невыгодность для Донугля, во-первых, коммерческая невыгодность для народного хозяйства, во-вторых, и коммерческая выгодность для Власовского рудоуправления, в смысле получения топлива для кочегарки в виде сжигаемого семечка и выгодность личная для Кузьмы при представлении окончательных балансовых итогов в Донуголь, как инженера, выполнившего задания по увеличению добычи сверх предуказанного масштаба. Вот метод Кузьмы: показной эффект, а в итоге — вредительство.

Этим все не исчерпывается. Кузьма — новатор. Кузьма — смелый творческий ум. И вот смелый творческий ум ставит опыты, он работает бремсберг № 3, он работает бремсберг № 70, в котором он ставит вопрос так: «В этом году я попытаюсь провести скреперную систему, я поставлю опыт доставки угля от забоя скреперами». Этот опыт объективно сопряжен с дроблением плиты, но еще терпим на расстоянии 100 или 150 метров, когда волочимый скреперами уголь измельчается в определенном проценте. Но Кузьма сказал: «А что, если я буду волочить его 300 метров? Посмотрим, что от этого получится». Он ставит этот опыт,—что от этого опыта получилось на 40 процентов ухудшение качества добычи, — это неважно. Зато сделан опыт. Что 10 процентов из 35-миллионной продукции шахты будет обесценено, — это неважно, опыт сделан, и на этот год 10 процентов продукции сброшено со счетов. Это есть вредительский акт, проделанный под видом опыта. Но нельзя же вечно делать невыгодные, неудачные опыты. На другой год придумывается другой

опыт, на другом бремсберге, в другом порядке, путем системы «ВИ», а в результате... еще 10 процентов добычи долой, 10 процентов добычи богатейшей шахты, 10 процентов ценной продукции.

Вот метод Кузьмы. Он делает опыт, он новатор, и под видом новатора он вредит. За это ему, как новатору, как смелому талантливому инженеру, платит денежки и советская власть, платят денежки и старые хозяева.

Ну, а его работа на Несветаевском руднике? Мы подходим к анализу его проекта в шахте Скачинского.

Вопрос ставится здесь так — Кузьма утверждает: «Плита — пережиток, в крупных кусках поставлять ценный антрацит на рынок не стоит». И опять налицо тот же вредительский метод: «Я новатор, я говорю — плиту не нужно хранить, давайте пускать ее на рынок в раздробленном виде». Экспертиза тоже подтвердила, что в смысле теплотехническом хорошо обогащенный кулак и плита равноценны. Но пока что рынок просит плиту, пока переработаешь или перевоспитаешь рынок, до тех пор объективно это обозначает выход на рынок менее ценных сортов угля. Это — факт, от этого же факта не уйдешь, это есть реально овеществленный факт, выраженный в уменьшении, в денежном выражении, общей стоимости продукции. Объективно это есть, тем не менее, вредительский акт.

И Кузьма говорит: «Мы введем скиповую систему. Скиповая система применяется у нас впервые, сделаем опыт». Опять опыт! Экспертиза сказала: «Делайте, друзья милые, опыт, но когда делаете опыт, надо делать его не на пятидесятимиллионной шахте, — этот опыт слишком дорого стоит, может быть, лучше делать раньше опыт поменьше». Кузьма не согласен, он сразу делает опыт в размахе 50 миллионов: 50 миллионов — так 50 миллионов. А повернуть от этого опыта назад, в случае неудачи, можно? Этот вопрос был поставлен экспертизе Кузьма ответил экспертизе: «У меня была запасная клеть». Но экспертиза говорит, что одновременно использовать и клеть и скипы невозможно, значит поворот назад невозможен.

Какой же процент обесценения продукции получается при скиповой системе объективно и неизбежно? Мы приняли в расчет очень незначительный процент, 2—3 процента, в то время когда практика Германии показала на их угле до 7 процентов. Вот процент негодного угля, который приходится учитывать как заведомо обесцененный. Мы помножили процент этой заведомо обесцененной продукции на общее количество 25 лет эксплоатации шахты, при добыче в 50 миллионов, и получили в итоге, что стоимость обесцененной благодаря скиповому методу продукции равна 16 миллионам рублей. 16 миллионов выброшены из народного хозяйства. Это — факт.

Но если мы поставим даже так вопрос, — поверим, что Кузьма мог и хотел компенсировать этот убыток уменьшением себестоимости благодаря тому, что сразу получилось бы бо́льшее количество добычи, — то ведь этот вопрос можно ставить только

теоретически. Экспертиза сказала, что это понижение себестоимости гадательно. Кузьма сказал: «Я считаю, что это так»,—но мы не обязаны верить Кузьме, на то мы и вызвали экспертизу, а она сказала, что гадательно это уменьшение себестоимости. Но пока что, пока не было сортировки, так как для того, чтобы эта плита, раздробленная вверху, выходила в качестве действительно ценной продукции на рынок, необходима была новая большая сортировка, — пока что получилось? При отсортировке продукции теми аппаратами, которые имели место, мы имели налицо опять то же ухудшение продукции, которое получалось на Власовке, когда проводилось смешение различных сортов угля? Но не это окончательно решает вопрос, а решает вопрос следующее положение вещей. Радикально разрешающей вопрос является следующая проблема, поставленная мной перед экспертизой: можно или нельзя было поставить вопрос так — избежать недостатков скреперной системы путем постановки конвейерной системы, избежать недостатков скиповой системы путем сохранения, может быть, видоизмененной клетьевой системы? Нам ответили: — можно было. А какой при данном сечении ствола мы получили бы максимальный, в таком случае, размер добычи? Нам ответили:—40 миллионов. Итак, 28 миллионов получалось по системе Калнина, при его недостатках, 48 миллионов по системе Кузьмы со всеми недостатками его системы и 40 миллионов добычи по системе, которая была объективно возможна и которая избегала бы недостатков обеих систем. Выводы: оба проекта носят в своем содержании зародыши вредительства, оба проекта, и калнинский и кузьминский, содержат в себе эти элементы, ибо их авторы — и тот и другой — были причастны к вредительской работе, и от этого уйти нельзя. А затем встает еще следующий вопрос. А как уйти от факта, что проекта Кузьмы в готовом виде еще нет? Проект Калнина все же готов, оборудование уже прибыло, определенные затраты сделаны, для нового проектирования опять нужно время, — от этого уйти нельзя при всех условиях.

Если эта задержка, даже по расчетам Кузьмы, равнялась шести месяцам, получаем: если задачей вредительской организации являлась задержка пуска в ход эксплоатации наиболее ценных пластов, то эта задача достигалась проектом Кузьмы. Он говорит: «Не все ли равно, и Калнин и я должны были начинать с 20-миллионной добычи». Но разве это аргумент за вас? Нет, это аргумент против вас.

Третий проект Кузьмы — переоборудование шахт №№ 140, 141 и 142, о которых сказал Бояринов, что Кузьма сказал ему: «Перепроектируются так, чтобы потом повысить добычу, а пока остановите и ту, что есть». Опять тот же метод, та же система вредительства.

Мне, полагаю, как и многим другим, очень хотелось бы видеть Кузьму в рядах советских инженеров, работающих и приносящих свои недюжинные таланты на пользу развития советской

индустрии, мне, как и многим другим, очень хотелось бы верить, что Кузьму можно будет использовать для развития промышленности. У нас мало энергичных инженеров, у нас мало знающих инженеров, но у нас, как показал суд, достаточно вредителей, и потому увеличивать их число еще одним... мы не можем.

Вот почему в отношении Кузьмы должен быть поставлен вопрос так: Кузьма — член вредительской организации, Кузьму — расстрелять. Кузьма — не член вредительской организации, Кузьму — оправдать.

Обвинение со всей категоричностью поддерживает первый тезис. Обвинению представляется установленным и доказанным четырнадцатью человеками, что Кузьма — член вредительской организации. Об этом говорят — анализ работы Кузьмы на Пастуховском руднике, анализ его работы на Власовке, работа на Несветаевке. А вот как о нем пишет Братановский: «Среди членов организации, безусловно, были такие-то», — в том числе указывает и Кузьму.

Вот почему мне представляется, что в данном случае нельзя ставить вопрос иначе.

Объезд Донбасса, Ялтинское совещание — этого разве мало? Поскольку же импульсом всей его работы являлись, прежде всего, деньги, они сыграли свою роль и при решении вопроса, входить или не входить в организацию. Он решил так: буду и там и там, буду служить и тем и тем, — какая-нибудь из этих кривых вывезет. Но кривая — всегда кривая. И две кривых сомкнулись, и в точке пересечения оказался Кузьма.

Еще два слова об истории с кнапповскими машинами и о заявлении Бадштибера о взятке, данной Кузьме. Точно установить, где и в чем ошибся Бадштибер, когда говорил о составе приемочной комиссии в Сталине, сейчас очень трудно. Данные следственного производства и дополнительных следственных действий, которые по этому поводу произведены, не дают возможности с достаточной достоверностью сказать, — что же на самом деле было. Но если мы это заявление Бадштибера, несколько раз им повторенное, сопоставим с фактом, что Зеебольд был из тех, которые, видимо, не гнушались тем, чтобы давать взятку за приемку машин бракового характера, если сопоставить это с отношением Кузьмы к деньгам, то отнюдь не представляется исключенной и эта версия взятки. Нам нужны хорошие инженеры, но нам не нужны вредители, и нам не нужны нечестные инженеры. Вот почему мы поддерживаем тезис о применении к Кузьме высшей меры репрессии.

Этим решается вопрос и об Овчареке — этом двойнике Кузьмы, его помощнике по Власовке и Несветаевскому руднику. Конечно, здесь нельзя говорить об обязательном применении высшей меры, — я полагаю достаточным тюремное заключение, чтобы изолировать Овчарека и отделить его от производства.

Остается московская группа.

Задачей нашей не является сейчас обследование вопроса о ра-

боте так называемого Московского центра во всем его объеме, как не является задачей нашей уяснение и проверка правильности косвенных или прямых указаний о связи этого так называемого Московского центра с другими отраслями промышленности и другими организациями. Нам важно лишь уяснить степень связи указанных здесь трех лиц с деятельностью Харьковского центра, нам важно уяснить, в какой мере они обслуживали Харьковский центр, могли быть этому Харьковскому центру полезны. Прежде всего, однако, несколько слов для характеристики тех трех лиц, которые находятся на скамье подсудимых по обвинению их в участии в Московском центре. Двое из них являются постоянными членами совета съездов горнопромышленников юга России, один из них являлся постоянным членом, почетным членом совета съездов. Отсюда вытекает гораздо большая степень доверия, которым могли эти лица пользоваться в среде старых властителей и диктаторов каменноугольной промышленности, отсюда вытекает большая степень пригодности именно их с точки зрения исполнения контрреволюционных заданий промышленников за границей. Служебное положение этих лиц, действующих в центральном управлении промышленности, являлось не меньшей приманкой для представителей заграничных контрреволюционных организаций.

Какой смысл вести длительную, сопряженную с рядом возможных провалов, связь с отдельными работниками на отдельных шахтах, когда можно с установлением связи с работниками ВСНХ оказывать прямое воздействие на общее направление работы в отношении всего Донбасса в целом, когда можно при помощи установления связи с центральной организацией в ВСНХ, в Москве, фактически продолжать осуществлять ту директивную направляющую роль, которую исполнял совет съездов горнопромышленников юга России в дореволюционные времена. Так ставится практическая проблема, и не может быть двух ответов на этот вопрос о большей целесообразности использования этой связи. Конечно, такая постановка дела является наиболее приемлемой, практической, удобной и целесообразной. Вот почему с этой точки зрения мы оцениваем вполне правдоподобное заявление Скорутто, Матова и других лиц о том, что в определенный период времени, на рубеже 1926 года, за границей был поставлен вопрос о ликвидации непосредственной связи Харьковской организации с закордонными центрами, о сохранении этой связи с за границей лишь в исключительных случаях и о передаче этой функции в Москву. Это заявление следует оценивать как вполне логическое, вполне своевременное и вполне целесообразное практическое решение.

Вот что приходится здесь оправдать, логически установить целесообразность существования московской передаточной группы. Если мы будем рассматривать ее отвлеченно как передаточную группу, мы отвлечем ее от связи с другими организациями и будем сепаратно рассматривать ее лишь как направляющий из-за

границы рычаг всего контрреволюционного механизма в Донбассе.

К этому нужно добавить второе соображение. И денежные средства было гораздо труднее пересылать при помощи отдельных индивидуальных поездок, индивидуальных передач. Если установлено, что в достаточной степени был уже обеспечен сам по себе известный путь, то централизация передач, как централизация всякого дела, несет за собой экономию сил, несет за собой экономию средств, несет за собой экономию времени и, что еще важнее для конспиративной организации,—экономию людей. Вот почему и это соображение равным образом должно быть принято во внимание, чтобы объяснить, что толкало, что могло толкать, что служило импульсом к передаче этой функции в Москву.

Третье соображение: связь осуществляется определенным путем. Этот определенный путь не был из тех путей, которые можно было доверить всякому; этот путь был таков, что нужно было трижды подумать, прежде чем решить послать кого-либо быть организатором этого пути. Здесь важно было испытанное лицо. Одновременно, здесь важно было иметь лиц, знающих прекрасно дело каменноугольной промышленности, дело покрывательства вредительской работы, производимой на местах, и выявления напоказ этой вредительской работы так, чтобы те, кому надлежит глядеть и понимать и разуметь, не разумели бы того, что им показано.

Скорутто об этом говорил. Скорутто говорил о покрывательстве отчетов Донугля, о представлении отчетов Донугля в ревизионной комиссии ВСНХ таким образом, чтобы доклад ревизионной комиссии о неудовлетворительном состоянии работ Донугля отвергался совещанием, чтобы всякий раз, когда ревизионные комиссии признавали неудовлетворительность работы Донугля, ВСНХ, после обсуждения, принимал и признавал эту работу удовлетворительной.

Вот один из конкретных образчиков того, почему так важно, почему так необходимо было для закордонного центра иметь своих людей в ВСНХ.

Ну, а Госплан? Госплан есть орган планирующий, есть орган, который в нашем советском хозяйстве, в нашей системе советского хозяйства является органом, которому предстоит все большее и большее будущее, мы сейчас уже строим планы по развитию нашей промышленности на пять лет, на десять лет. Ясно, что здесь иметь своих людей — в с е.

Это важно было и еще по одному соображению. Большевистская власть отличается одним качеством — определенной последовательностью, настойчивостью, жесткостью и требовательностью в исполнении того, что она поставила своей целью. Она умеет добиваться своих целей — это одна из характерных черт и особенностей большевистской власти. Она знает, чего она хочет, и она умеет добиваться того, чего она хочет. Вот почему, когда строится план, пятилетний или десятилетний план разви-

тия, то это значит, что этих раз поставленных целей, если их вредительски во-время не парализовать, большевики добьются.

Вот отсюда — ценность иметь людей в Госплане, отсюда — ценность иметь работников, которые могли бы в этой области сделать то, что нужно для вредительской организации. Это не вопрос о каком-нибудь четырехногом копре, — это вопрос о всем будущем Донбасса, о всем будущем страны и о будущем революции. Отсюда вытекала важность, которую должны были придать заграничные центры центральной организации в Москве.

От этих общих соображений, которые могли и должны были обосновать целесообразность перенесения в Москву центра и связей с закордонными центрами и важность самой этой организации, разрешите перейти, уже не отклоняясь в сторону, к рассмотрению уликового материала в отношении трех москвичей.

На первом месте здесь стоит Именитов.

Я позволю себе остановиться на тех данных, которые прошли перед вами в первую голову, — на показаниях Андреева. Не только один Андреев называл Именитова, когда мы рассматривали работу Юзовского района, Мушкетовки. Детер и Именитов явились лицами, которые вовлекли Андреева в контрреволюционную работу. Детер это тоже отрицает, Именитов отрицает, конечно. Но что же из этого? Тем не менее, фактическое совпадение дат, имен и фактов той эпохи является более веским аргументом, чем их отрицание.

В дальнейшем Именитов был тем, что я бы назвал «вечным толкачом», толкачом проектов различного порядка, имевших прямое или косвенное отношение к Донуглю, в качестве представителя Донугля в Москве. Старый инженер, связанный рядом уз со старым порядком и старыми хозяевами, представитель в Донугле, — в Москве он не мог быть обойден организацией. Я бы сказал: может быть, в последние годы Именитов активной роли во вредительском смысле не играл, но он был необходим, его нельзя было обойти; если бы его обойти, он сам бы пришел, ибо он обязательно к своим 185 заседаниям добавил бы и эти заседания.

О нем показывают: Соколов, Матов, Братановский, Казаринов, Сущевский, Мухин — шесть человек. Имеются, кроме того, показания Будного о передаче трех писем, которые Будный передал ему от Дворжанчика.

Сам он, по своему складу, по своему характеру, который он в достаточной степени выпукло выявил перед нами, представляется лицом, которое, безусловно, не могло не быть в курсе дела, не могло не знать.

Мне не хочется особо долго останавливаться на той мелочи, которая здесь прошла перед вами, когда мы цитировали шуточное стихотворение Именитова. Сам по себе это, конечно, пустяк, но тот факт, что Именитов 31 января перед святым Макарием вспомнил о том, что «может быть прокатимся в Соловки, а может быть пройдет все благополучно, а может быть нас всех

наградят поштучно, все может быть — ведь судьба так случайна, играет нами так чрезвычайно», — то, что так писал Именитов за месяц до ареста, на досуге размышляя о возможных превратностях судьбы, не может не быть учтено.

Ну, вы не угадали немного, не Соловки пока что, а скамья подсудимых по обвинению в участии в контрреволюционной организации. «Судьба играет чрезвычайно», и вместо «награды поштучно» от старых хозяев вы скорее, чем думали, получили реализацию первой перспективы из двух намеченных вами для самого себя.

Я не буду ставить вопроса о том, что в отношении Именитова прокуратура считает необходимым применение каких-либо суровых мер репрессии. Это — толкач всевозможных проектов, толкач и положительной и вредительской работы; мне представляется, что ему пора немного отдохнуть от участия в этих 185 заседаниях, посидеть на одном месте в более или менее однообразной, успокаивающим образом действующей на нервы, обстановке. Я думаю, что с этой точки зрения лишение свободы или изоляция Именитова на срок, я не буду точно определять, три—четыре—пять лет, во всяком случае является целесообразной.

Пройти совсем мимо него нельзя, нельзя забыть показания Андреева, прямые точные показания, безусловно уличающие, которых опровергнуть нечем, против которых противопоставить нечего.

А ведь там говорилось о деньгах, ведь там говорилось о специальном вовлечении в организацию. Позвольте напомнить и показания Волошановского, приобщенные к делу. Он говорил, что встретился с Именитовым в 1924 году здесь, в зале, на горнотехническом съезде. Именитов признал свое участие на горнотехническом съезде. А что там было? Встретивши Волошановского, которого он знал, — и это Именитов подтвердил, — он спросил его: «Как дело на Чулковской организации?» Это показал Волошановский; это уже не один Андреев, это и Волошановский. Вот почему нам представляются участие Именитова в организации и осведомленность его установленными. Может быть, не установлена его активная работа в Москве, но участие вместе со Скорутто на совещании в Харькове — это факт. Позвольте еще один аргумент. Когда говорили о техническом совете, он говорил: «Я присматривался к людям, я прислушивался к заседаниям, я чуть ли не хотел учиться». Но в других документах, представленных по ходатайству Именитова,—о функциях производственно-технического отдела, которым он ведал и который, по его собственным словам, имел мало отношения к производству и к технике вообще, там указываются функции довольно большие, прямые производственные функции, имевшие непосредственное отношение к Донуглю. Нельзя поэтому говорить, что он только прислушивался, только осведомлялся. Это была активная работа и это последнее заставляет нас поставить вопрос об Именитове только так, как я поставил его несколько минут тому назад.

Скорутто. Скорутто характеризуют обычно как дельца, как человека с деловым размахом, и в то же время мы знаем или видим его в числе членов совета съездов как лицо, которое знали все и который знал всех, — это старый заслуженный деятель горнопромышленного мира.

Что нам здесь Скорутто сказал?

К делу приложено письмо, которое было направлено Скорутто в период предварительного следствия на имя Прокуратуры республики. В этом письме Скорутто клялся и божился в своей непричастности к контрреволюционной организации. На суде он начал свои слова с заявления, что он признает себя виновным полностью, через десять минут он сказал, что он налгал и вынул заранее заготовленное отрицание, еще через два часа он сказал, что он налгал, когда говорил, что он не принадлежит к организации, и, наконец, на закрытом заседании он еще раз подтвердил свое признание. Приходится в этих случаях обратиться к исследованию мелких фактов и мелких отдельных деталей. Одно из них нам удалось провести тогда же, во время перерыва, когда мы проверили его заявление о покупке мебели на первую тысячу или полторы тысячи рублей, полученных им, по его словам, от Рабиновича за состояние во вредительской организации. Оказалось, что мебель куплена в этот период, на эту сумму. Правда, Рабинович пытался отразить этот факт указанием, что ему, Рабиновичу, известно от некоего другого лица, что мебель была куплена на деньги из других источников. Мне не хотелось тогда на судебном следствии уточнять пути, откуда Рабиновичу это известно. Мне не хотелось тогда просить у Специального присутствия проверки этого заявления, чтобы вскрыть всю бездоказательность этого аргумента. Но Рабинович понял сам, что это опасно, и от этого метода отказался. Таким образом мы имели только его ссылку, ничем не подтвержденную, и можно игнорировать ее целиком как несуществующую.

Остальная часть показаний Скорутто касается его роли в качестве, с одной стороны, передатчика директив, сведений и денег, которые он получал по законспирированным явкам от законспирированных лиц, до сорока тысяч рублей в месяц. Сопоставьте с этим показания Братановского о том, что когда он и Скорутто встретились за границей после раскрытия шахтинского дела и обсуждали возможные перспективы, которые их ожидают по возвращении в СССР, Скорутто говорил, что он не боится быть привлеченным по шахтинскому делу. Шахты где-то далеко. Скорутто в Москве. Он там никогда не бывал и шахтинцы не видали Скорутто. Скорутто боится быть привлеченным по обвинению в других делах. Именно, исходя из этих соображений, уверенный, что эти другие дела не были раскрыты, он вернулся. Он ошибся, — мы нащупали связи этих других дел, и некоторые данные заставили его признать то, что было, заставили признать свою вину, но не всю. Скорутто принадлежит к той группе обвиняемых, которые не хотят признать того, что является самым страшным,—

непосредственную связь предательского характера, изменнического характера. А между тем имеются прямые данные, характеризующие именно эту его работу. Правда, от нее угодно открещиваться и Матову. Но это не изменяет факта. Сказанное однажды остается, написанное остается, тем прочнее подписанное: это уже почти ничем несокрушимый факт. Вот почему, поскольку здесь в отношении Скорутто мы имеем сведения об этой его работе в Москве, о тех секретных явках и совещаниях, в которых он участвовал и которые носили ярко выраженный характер государственной измены, — его приходится отнести к той же группе лиц, которую я считаю со всех точек зрения обреченной...

Останавливаться подробно на Скорутто, это значит останавливаться на Рабиновиче. Я возьму поэтому из фактов, которые имеют отношение к Скорутто, лишь те факты, которые он сам признал и которыми он подтвердил показания Матова и ряда других лиц о том, что он участвовал в том совещании в Харькове, где делал доклад о новом порядке установления связи с закордонной организацией, ставил вопрос об укреплении связи с польским объединением и говорил, что отныне Москва должна явиться связующим центром. Эти показания Матова и других нашли подтверждение в заявлении Скорутто на закрытом судебном заседании: это он признал, и отсюда тем самым он подтвердил и ультраполитический характер, который организация приняла в последнее время. Это равным образом является одним из тех моментов, которые определяют, что в отношении Скорутто мы не можем ставить вопрос иначе, чем так, что Скорутто надо расстрелять.

Остается Рабинович. Я позволю себе отнестись к этому вопросу или, вернее, поставлю себе обязанностью отнестись к этому вопросу с наибольшей внимательностью и с наибольшей тщательностью разработать всю ту совокупность материалов, которая имеется в нашем распоряжении, ибо нельзя отрицать, и меньше всего это будет отрицать прокуратура, которая прежде всего стоит на точке зрения необходимости установления истины и для которой вовсе не является обязательным, а наоборот, — закон предписывает обратное, — вовсе не является обязательным требовать обвинения и осуждения во что бы то ни стало, — что со стороны Рабиновича мы имеем такой метод защиты, который не мог не импонировать, но именно поэтому на нашей обязанности лежит тем более тщательно вникнуть в этот метод и разбирать его по отдельным моментам, как он демонстрировал его перед Специальным присутствием Верховного суда.

Разрешите начать с подробного анализа тех данных биографического характера, которые здесь сообщил нам сам Рабинович.

Пусть, прежде всего, не утверждает Рабинович, как он это утверждал в первом своем объяснении, что он предстал сейчас перед нами как человек, над которым тяготеет грех прошлого,

или которому мы хотим или намерены (по старой терминологии) вменить в известной степени в вину факт, что он был крупным промышленником. Не это важно, не то важно, кем он был: это прошло, прошло давно, а важно то, что объективно и неизбежно это состояние несло вместе с Рабиновичем, что́ это состояние внесло в его сознание, в его психику такое, от чего он оказался затем органически неспособным отмежеваться.

Итак, начнем. Рабинович сам характеризовал себя как человека дела, как человека энергии, как человека творчества. Вспомните его картинное сравнение: «Когда я стоял и смотрел, как уходил от меня вдаль, испуская клубы дыма, поезд, я чувствовал себя как бог, сотворивший землю. Я нес этим самым увеличение культуры, увеличение ценностей в сокровищницу народного хозяйства. Я творил и по моему мановению создавались новые культурные блага».

Правда, этот пафос творчества прокуратура при допросе немножко разбивала другими мотивами. Мы спросили: «Что, собственно, было вашей целью, когда вы «творили»? Мы получили формулу в ответ: «Я творил, чтобы нажить, я наживал, чтобы творить». Итак, не одна цель, а две цели были. «Ах, две души в моей груди больной». Но я думаю, что если спросим любого капиталиста, какая душа ему важнее, я думаю, что все капиталисты ответят: конечно, та душа, которая наживает, она важнее, чем та, которая творит. Но если даже поставить вопрос, что его основной целью было нажить, чтобы творить, я спросил его: «А дальше что?» Он ответил: «А дальше — умереть». Оставьте это, мы все умрем, а пока вы живы, дальше опять — «чтобы нажить». Да, только так: «Нажить, чтобы творить, и творить, чтобы нажить». И выхода из этого заколдованного круга нет. В пределах капиталистического мира нет выхода из этого заколдованного круга.

Но нажить — в капиталистическом мире значит не только творить, нажить в капиталистическом мире это означает, одновременно, и эксплоатировать. Это означает объективно и грабить, конечно, не в том смысле, как грабят разбойники на большой дороге, но это значит — извлекать из мускулов, из мозга, из крови, из пота рабочего класса его энергию и эту энергию превращать в золото. Вот формула капиталистического мира, и фразой о том, что этим увеличивается благо народного хозяйства, нельзя отделаться.

Можно бескорыстно говорить о народном хозяйстве тогда, когда народным хозяйством овладевает народ, когда все средства в его распоряжении, когда налицо социалистический план производства, когда налицо социалистический уклад жизни. Нельзя говорить без лицемерия о «народном хозяйстве», когда магнаты капитала горло рвут друг другу из-за дележа этой добычи и все согласны лишь в одном, что можно и должно эксплоатировать рабочий класс.

Вот почему, с точки зрения реального положения вещей, —

лицемерие эта ссылка, якобы, на увеличение «народного хозяйства» вообще. Старая, избитая, давно опровергнутая наукой лицемерная ссылка. Капиталист есть капиталист, даже самый добродетельный из них. И когда этот «добродетельный» капиталист пытается, пробует встать поперек дороги своему классу, ему указывают его место. И Рабинович рассказал нам здесь, как ему класс капиталистов указал его место, когда он, Рабинович, попытался поднять голос против своего класса. Более жесткая и грубая рука царизма поступила с ним наименее корректным способом, и он получил свободу и возможность «творчества» благодаря французским банкирам, тем самым французским банкирам, на суровость которых он нам тут жаловался. От наших капиталистов он получил указание: не рыпайтесь, иначе с вами будет плохо. И он примирился, чтобы продолжать свое дело: наживать, чтобы творить, и творить, чтобы наживать.

На каком же основании гражданин Рабинович позволяет себе отграничивать себя от класса капиталистов? На каком же основании он отделяет себя от них, на какие из своих дел может он ссылаться, чтобы заставить нас поверить, что он слеплен из другого теста, чем остальные капиталистические его собратья? Да, он, быть может, из той группы, — есть такая группа в капиталистической среде, — которая понимает, что нельзя перегибать палку до конца, что она сломается; которая понимает, что эксплоатация рабочего класса должна иметь свои пределы; которая понимает, — а ведь до этого почти доходил Емельян Колодуб, — что эксплоатация некультурной рабочей силы не приносит необходимой производительности труда. Только Емельян Колодуб не знал выхода, а Рабинович знает, что нужно иной раз отпустить вожжи, что нужно ввести ряд улучшений, что нужно уметь во-время провести закон о вознаграждении рабочих за увечья путем составления определенного фонда из отчислений от капиталистических прибылей и этим купить, по крайней мере, вожаков рабочего класса на свою сторону.

Старый прием. Ваши собратья из социал-демократии Западной Европы, ваши собратья из наиболее передовых капиталистических слоев Западной Европы давно знают этот способ, и поэтому перед вами на задних лапках пляшут вожди социал-демократов, продавая и предавая ежедневно и ежечасно интересы рабочего класса. Старый способ!

Старый способ — и то, что вы сослались на благосклонное внимание и разговор об этом проекте с Витте. Витте тоже знал этот способ и, зная, не пошел на это, потому что он также не мог итти против своего класса, потому что этот класс умел подчинять своей воле и Витте; и Витте также должен был считаться с той степенью культурного багажа, которым располагал тогда класс капиталистов в те времена царизма.

Так что отграничивать себя от этого класса у Рабиновича нет никаких оснований: методы работы — те же, цель работы — та же, средства работы — те же, задачи — те же.

А в дальнейшем? В дальнейшем мы имеем игру, игру на всех тех случайностях, которые несет с собой капиталистический порядок и капиталистический строй, игру, про которую он сам рассказывал, как он, как десять копеек, терял десятки тысяч и, как десять копеек, приобрел десятки тысяч, как он 15-го числа был нищим, а 20-го числа — миллионером, а через месяц он опять нищий, и как он стоически переносил эти потери. Стойкость—основная черта его характера. Но это ничего не значит. Из этого еще ничего не следует. Ведь существует общество, где такие стоики насчитываются не единицами,—в более развитых капиталистических странах многочисленны факты, когда человек теряет все, что он приобрел, и начинает все сначала. Не вам одному приходилось переживать такие перипетии. В Америке — это факт повседневный, факт каждого дня, и недаром там выработался такой тип, который умеет, сегодня разорившись, опять начинать с лопаты, брать лопату в руки, а завтра снова становится миллионером. Это не является таким образом аргументом, который заставил бы нас поверить в то, что вы восприняли Октябрьскую революцию как спасение от капиталистического ига, как нечто давно желанное, и т. д. Этого мало. Слов тут мало. Чего лишила вас Октябрьская революция? Она лишила вас всего, в том числе и возможности наживать и возможности творить. С 1918 года и до момента, когда вы получили новое прикосновение к делам Донбасса, она лишила вас возможности, отняла у вас право непосредственно распоряжаться денежными источниками как орудием творчества, лишила вас объектов творчества, лишила вас возможности прикасаться к этому творчеству, оставила вас на задворках. И от этого вы воспылали к ней любовью? Разрешите не поверить, разрешите не поверить и сказать, что это уже «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

А дальше что? Дальше мы имеем следующую картину работы гражданина Рабиновича. Я верю вам в том, что вы пришли к признанию необходимости уничтожения экономического могущества землевладения, я верю вам в том, что вы, может быть, пришли чутьем, полуинстинктивно к признанию необходимости ограничения экономического господства банков, ибо об этом говорят—не только вы—многие из представителей чистой формы промышленного капитала, говорят об этом в Западной Европе, говорят все, которым костью в глотке стоит и крупное землевладение с его рогатками, и экономическая мощь банков. Они мешают развивать свою работу и требуют беспрекословного подчинения власти финансового капитала, ибо власть финансового капитала, осуществляемая при помощи банковой системы, это есть такая величина, что те из промышленных капиталистов, которые идут против власти банков, против власти финансового капитала,—те очень скоро должны будут признать, что им остается либо «se soumettre», либо «se demettre» («либо подчиниться, либо удалиться»), им выхода нет: они должны признать и признают власть банков. Вот почему эти ламентации, свойственные про-

мышленному, индустриальному капиталу — этой далеко не самой совершенной форме капитализма, представителем которой вы являлись, они во всяком случае не являются тем, что может заставить нас вам поверить. И основное, что остается, — капиталистическую систему в целом, с предоставлением частной инициативе возможности творить, — вы отрицали? Нет. Для этого надо было перестать быть капиталистом.

Дальше вам пришлось работать на незначительной должности инженера, заведующего постройками, где-то в Детском селе, для какой-то детской колонии, и лишь потом последовало приглашение в Госплан в качестве специалиста по вопросам горной промышленности. Недолго продолжалось ваше руководство. В 1923 году вы вступили в конфликт с центральным комитетом профсоюза горнорабочих. В результате, насколько я понял ваши слова, вы были отстранены от непосредственного участия в горнопромышленной работе, от руководства горной промышленностью и были вынуждены применять свои знания и свои силы уже непосредственно на других участках горной работы: по добыче золота, по добыче руды, железа и т. д. Это уже не то старое дело, к которому вы привыкли, от этого дела вы были дважды отстранены: сначала после революции, потом после этого конфликта.

Как заведующий или председатель промышленной секции Госплана какую линию поведения проводил Рабинович? Мы здесь имеем два свидетельства: с одной стороны, мы имеем свидетельство его самого о том, что здесь он был вынужден вступить в конфликт с рабочими организациями в силу того, что поставил вопрос об улучшении материального положения инженерства. Он явился, таким образом, идеологом инженерства, требуя, чтобы инженерство, как квалифицированная производительная сила, была поставлена в специальные привилегированные условия. И мы знаем, как это его выступление тотчас же восприняла периферия вредителей; в томах следствия есть мельком указания, что в Донецко-Грушевском рудоуправлении говорили о том что вопрос об улучшении материального положения инженерства поставлен, что он поставлен Рабиновичем в Москве, что этот вопрос ставится в том направлении, чтобы инженерству было предоставлено руководство промышленностью. Вот как восприняла ваши идеи в то время вредительская периферия. Вас считали своим вождем, своим идеологом, и, я думаю, не без оснований

Другой конфликт ясен из документов, приобщенных к делу. Однажды Рабинович потребовал удаления из заседания Госплана двух ответственных молодых коммунистов на том основании, что на этом заседании рассматривались вопросы государственной тайны и что эти молодые коммунисты способны оные разгласить, а также потому, что они не состоят членами научного технического совета. Это изложено в показаниях. Рабинович стремится оправдаться тем, что Кржижановский, мол, признал его распоря-

жение правильным... а в приобщенных документах указано, что Кржижановский сделал Рабиновичу выговор.

Вся эта линия его поведения указывает на то, что он, привыкший управлять и властвовать, не мог терпеть, когда рядом с ним появлялась другая власть в виде этой молодой коммунистической поросли, которая вырастала из недр нового порядка. И вот, лишенный возможности непосредственно управлять, отрезанный непосредственно от горнозаводского дела, от области каменноугольной промышленности, он вступает в конфликты на почве защиты материального положения инженерства, вступает в конфликт с Госпланом по вопросу о коммунизировании Госплана и, наконец, не желая допускать коммунистическое влияние в работе Госплана, становится тем самым оплотом всех старых специалистов, которым хотелось оградить себя от коммунистического влияния; Рабинович стоит тут во весь рост как идеолог старых сил и старой системы, которые стремятся, прежде всего, как-нибудь окопаться в условиях нового времени и в условиях нового хозяйства.

Я говорю: пока что окопаться, — не уничтожать, не нападать на новый строй, но пока окопаться, сделать все для защиты себя на будущее время.

И здесь-то наступает второй момент — получение первых писем от Дворжанчика. Рабинович отрицает это получение писем, но факт остается фактом. Едва ли можно допустить, чтобы Дворжанчик, который лично знал Рабиновича, который рассылал письма всем, всем, всем, — чтобы он не посылал писем Рабиновичу. Мы вскрыли характер этих писем; одни письма писались на машинке, другие письма писались Дворжанчиком от руки. Лица, которые Дворжанчику были известны лично, получали личные письма; лица, которых он знал только как лиц, занимающих определенный пост, получали письма на печатном бланке с готовым текстом. Рабинович получал письма, по показанию Будного. Здесь на следствии Рабинович спрашивал Будного, где он получил от него письмо — в ГУТе или Главном горном управлении — и указал, что показания Будного относительно места передачи письма не совпадают. У нас имеется справка, что ГУТ одно время был на Лубянке, а Главное горное управление всегда пребывало на Ильинке. Мы спрашивали Рабиновича, бывал ли он в качестве консультанта на Ильинке; на это он ответил, что бывал. Можно было его застать там? Можно было. Возможно, что Будный забыл; возможно, что он ошибся: не ГУТ, а Главное управление, ошибся в годе. Мы допускаем такую ошибку. Пусть не в 1923 году, а в 1924 году. Что это колеблет? Ведь не в этом дело. Вопрос в том, можно ли или должно считать исключенной самую возможность получения этих писем, этой переписки; нет, эта возможность не исключена. Следует предположить, наоборот, что гораздо больше данных есть за возможность факта этого получения. Логика требует этого признания. Логика требует от Дворжанчика, чтобы он направил письмо Рабиновичу.

Логика требует, чтобы он направил его через Будного, подобно тому как это делалось в отношении остальных. Логика требует, чтобы Будный, передавая другим, передал бы и вам, и в этом отношении неважно, что вы могли не знать Будного, вы могли доверять ему, ибо Будный был одним из ответственных работников старого совета съездов и вполне доверенным лицом старых промышленников. Это, однако, еще не все. Здесь есть еще показания Потемкина, который говорил, что встретил Быховского в кабинете Рабиновича. Я не ошибаюсь. Я помню. Именно в кабинете Рабиновича. Я категорически помню и настаиваю, и я буду благодарен защите, если она укажет, что с моей стороны была ошибка, и тогда этот аргумент я сниму. Но, насколько я помню, на судебном следствии было установлено, что Быховский был направлен помощником в Донбасс непосредственно из кабинета Рабиновича. Если это так, то это очень и очень показательный момент, который не может быть сброшен со счета, ибо роль, значение и фигура Быховского достаточно выявлены в процессе. Этого забывать нельзя. Это нужно помнить. Значит, мы имеем факт посылки и факт переписки. С другой стороны, как раз в это время пришло предложение стать во главе технического совета Донбасса. Что значит стать во главе технического совета Донбасса? Это значит опять приобщиться к этому делу, к делу, в котором он работал все время, которым он жил до сих пор, и приобщиться к самому важному, творческому моменту — к закладке новых шахт. Нет никакого сомнения в том, что на эту работу Рабинович пошел со всем энтузиазмом, со всем жаром, со всей энергией, и, пойдя, встретился со всеми своими старыми соратниками, друзьями по прежней работе в Донецко-Грушевском рудоуправлении, по прежней работе в старом Донбассе, в котором он прослужил двадцать с лишним лет, и не только со старыми друзьями, но и с наемными вредителями, и перед ним стала дилемма: как быть, итти с ними или итти против них? Итти с ними и делать одновременно и вредительскую работу, потому что, конечно, скрыть ее от него они не могли, и должны были его посвятить в свои планы, или итти против них и сообщить об этом коммунистам? Я думаю, достаточно постановки этой проблемы, чтобы сказать, что ответ на нее мог быть только один. Допустить, чтобы Рабинович, у которого, кроме ощущения досады, недовольства, злобы за те условия работы, в которые он был поставлен, в особенности после последнего конфликта, чтобы у него вдруг явился импульс итти наперекор всему старому составу работников, всем этим Братановским, Березовским, Горлецким, Именитовым и всем другим. Нет. Нет психологического импульса для этого, а есть все данные, чтобы сказать иначе. И проблема была им решена и решена в обратную сторону.

Мы рассматривали здесь работу технического совета достаточно подробно. Можно считать совершенно установленным фактом, что технический совет являлся орудием для торможения производства работ в новых шахтах.

Сам Рабинович здесь насчитал девять фактов, девять фактов, которые он признал явно вредительскими. Он, правда, сказал, что по всем этим фактам он остался при особом мнении. Я его спросил: «Ну, а результаты этого вашего особого мнения?» На это Рабинович ответил: «Что же я мог сделать один?» Вот это и требовалось доказать, что ничего не делалось, что ничего не было сделано для пресечения вредительской деятельности, это и требовалось доказать, что там, где должно было не допускать, не пропускать проектов явно вредительского характера, дальше бумажных протестов дело не шло, и тем самым основная цель вредительства — торможение проектов — эта цель достигалась. Тем более, что ведь и цели «творчества» достигались, ибо Матов показывал, что его директива была — давать хорошие проекты, но не проводить их в жизнь.

Мы имеем документ, проиобщенный к делу по ходатайству защиты, который мы здесь неоднократно цитировали и по поводу которого я просил гражданина Рабиновича разъяснить, что это за документ, и гражданин Рабинович сказал, что это сводка о деятельности Управления новым строительством в области нового шахтного строительства Если товарищи судьи вникнут в этот документ, то они увидят, что там по каждой шахте вопрос ставится таким образом: указываются дефекты строительства данной шахты, указывается, что замедление работ по данной шахте равняется отмиранию такой-то суммы вложенных капиталов и указывается, что одной из основных причин задержки является отсутствие законченных проектов. Когда я прочел этот документ, я долго думал: что это за документ? У меня даже возникла такая мысль: не является ли он одним из тех документов, которые посылались за границу, — настолько выпукло, настолько ясно выявляется в нем реальное существо вредительской работы. Но если это не так, то в таком случае возникает другой вопрос: имея такой документ, что же дальше, какие конкретные шаги предпринимал Рабинович для устранения этих ненормальностей? Ведь мы знаем теперь, что дело не двигалось ни на шаг. Вот почему покрывательская роль технического совета представляется мне здесь установленной показаниями свидетелей Терпигорева и Скочинского и теми фактами, которые прошли перед лицом Специального присутствия Верховного суда. А отсюда вытекает и роль председателя технического совета. Защита, правда, ставила вопрос, что он обладал лишь формальными правами. Но разве в формальном праве вопрос, разве авторитет Рабиновича был не настолько велик, что он мог, если бы захотел, это дело повернуть? Нельзя говорить, что я, мол, хотел сделать, но не мог. Если бы хотел — сделал бы, а не хотел — и не сделал.

В дальнейшем я перехожу к тем показаниям, которые прямо его уличают. Мы имеем тут три категории: показания Скорутто — раз, показания Братановского, Матова, Кржижановского, Казаринова, Будного — два, и, наконец, показания Мухина — три. О чем говорят эти показания? Возьмем показания из се-

рии: Братановский, Кржижановский, Будный, Матов и Казаринов. Все они имели здесь очную ставку, и защита пыталась установить противоречия между ними в том смысле, что якобы Братановский не мог быть на том заседании, о котором говорил Казаринов, а Казаринов не мог быть на том заседании, на котором был Братановский. Не так надо ставить вопрос. А надо поставить вопрос: все ли заседания объективно было возможно здесь установить, так как, если искать возможных неувязок, эти неувязки всегда можно найти. Я задал вопрос Рабиновичу: может ли он с математической точностью рассказать, в каких условиях он встречал то или другое лицо, может ли он сказать, когда и где он его видел? Нам легко в процессе судебного следствия требовать эту точность, но мы с вами забываем, что человеческая память есть человеческая память и что мы логически не имеем права этой точности требовать. Поэтому, когда Рабинович ставит вопрос, сколько раз его видели, когда и где, то противоречие в мелочах в смысле судебного доказательства ничего не дает. Мы реальные люди и реально оцениваем человеческую память. А факт остается фактом, — что три человека из вредительской организации утверждают, что они видели Рабиновича на руководящих совещаниях организации трактующим о таких-то вопросах. Кроме этого, имеется заявление Кржижановского и имеется заявление Гаврюшенко. Что же, он знал Рабиновича. Допрашивали его другие лица в другом городе. Насколько мне помнится, допрос Рабиновича начался только в апреле месяце, после возвращения следственного материала в Ростов. Здесь говорить о случайном совпадении нельзя. Теперь поставим вопрос: неужели можно серьезно поверить в возможность одного злостного оговора? Рабинович говорит, что Матов или Казаринов его злостно оговорили. Но ведь их допрашивали разные следователи, а они говорили одно и то же. Каков же психологический мотив этого «оговора»? Нам отвечают: «Им будет легче, если будет оговорено больше». Чем легче будет Матову? Какая же Матову от этого будет выгода? Или «на миру и смерть красна»? Красна ли она на миру или нет — это вопрос, но в конце концов придется умирать ведь данному субъекту, а не кому-нибудь другому. Нельзя думать, что можно отбросить оговор или аннулировать его значение одной такой простой ссылкой.

Теперь я хочу перейти к рассмотрению мухинских и скоруттовских показаний. Когда Мухин давал свои показания? Гораздо позднее июня месяца, когда Рабинович уже сидел в тюрьме. Знал ли Мухин что-нибудь об этом деле? Нет, не зная, ничего не знал. Знал ли Мухин что-нибудь по вопросу о том, что показывают другие о Рабиновиче? Нет, не знал.

Но из того, что вы качаете головой, пока ничего не вытекает. Из этого не вытекает, что Мухину было важно в какой бы то ни было степени оговорить Рабиновича. Почему? Зачем ему это нужно было?

А дальше что он показывает? Он показывает, что когда Мухин приезжал в Москву, он сталкивался непосредственно с Рабиновичем при рассмотрении производственных программ Юрта. Мы спросили Рабиновича: «Сталкивались?» — «Сталкивались». — «О дефектах говорили?» — «Говорили». Мухин дальше показывает, что он был непосредственно связан с центром в Париже. Мухин говорит, что там ему сказали: «Теперь в дальнейшем вы будете получать деньги от Рабиновича». Это совпадает с той общей линией, которую мы установили, что организация центра в одном месте после объединения организации за границей стала целесообразной, что для нее стало целесообразным централизовать всю связь через Москву. Совпадает. Святым духом Мухин об этом знать мог? Нет.

Что же дальше Мухин показал? Он показал о троекратной выдаче ему Рабиновичем денег. И вот Рабинович спрашивает: «Почему именно я должен был выдавать деньги?» Потому, что вы были центральной связью, через которую должны были передаваться деньги. Только поэтому. Если бы не вы были центральной связью, они передавались бы через другого. Не Мухина нужно спрашивать, почему вас назначили Пряткин и Соколов для этой цели. Разве это Мухин знает? Это знают, об этом нужно спросить Соколова, нужно спросить Пряткина, можно, наконец, спросить вас, почему они почтили вас таким большим доверием. И за них можно ответить: потому, что они знают вас как почетного члена съезда советов горнопромышленников юга России, потому, что они сами были постоянными членами этого съезда советов. Ибо тогда, когда они объединили в одном кулаке работу в целом ряде отраслей промышленности, именно вы были наиболее соответствующим централизованным орудием по проведению всей этой работы. Поэтому спрашивать, какую вредительскую работу он исполнял, за что получил деньги, — Мухина нельзя. Мухин не может об этом рассказать. Мухин начал рассказывать: «Для того, чтобы привести рудники Юрта в хорошее состояние». Но ведь Мешков — только человек, Мешков, допрошенный в другом месте, показал то, что он знал о Рабиновиче, но согласитесь, что есть же предел требований, которые можно ставить к человеческой психике и человеческому состоянию: нельзя было требовать от Мухина, чтобы он о себе тут рассказывал.

А дальше Рабинович ставит вопрос так: «Я хочу смотреть ему в глаза». Вы посмотрели ему в глаза, и что? И что же вышло? Удался ваш маневр? Нет, не удался!

И театральщиной от уголовного обвинения не отделаешься, а иначе как театральщиной этот прием назвать нельзя. Вы его пытались применить еще раз, спрашивая Матова: «Почему вы ложно на меня показываете?» И председатель сказал вам, что так вопроса ставить нельзя. Тогда вы поставили другой вопрос, — уже Скорутто: «Почему вы меня оклеветали?» Вы лучше бы поставили вопрос не так. Не «почему вы меня оклеветали», а

поставили бы вопрос так, чтобы показать, установить, в чем выражается неправдоподобность или неправдивость сообщения Скорутто. Ибо Скорутто показывает, что когда нужны были деньги для организации, когда наступал условный момент получения денег, тогда Рабинович, а не кто иной, через которого протекала вся работа, звонил по телефону или говорил Скорутто: «Получите сегодня там-то». И Скорутто шел получать в заранее условленном месте, с заранее установленным паролем или знаком — с портфелем, повернутым вниз ручкой. А там его встречало лицо, выносившее деньги, передававшее эти деньги ему, Скорутто.

Что в этом неправдоподобного? В том, что так можно было встретиться для такой цели? Что неправдоподобного в такой возможности? Или какой другой метод можно было найти? Вы спросили: «Почему, скажите пожалуйста, обязательно в Торгово-промышленном банке, а не в каком-нибудь другом?» Потому, что там очень удобно встретиться, — там много людей, туда ходит много людей с портфелями, туда ходят специально по торговым делам, и поэтому не могло возбудить подозрений, если Скорутто встретится там и с другим лицом, которое придет с другим портфелем и принесет ему деньги.

Отсюда вытекает, что этим вопросом: «зачем вы меня оклеветали» вы ничего, с точки зрения реального опровержения улик, не достигли. Что же остается? Остается некоторая выдержка характера, с одной стороны, и некоторый недостаток этой выдержки у Скорутто, с другой, когда он здесь три или четыре раза прямо говорил прямо противоположные вещи. Ну, что же, люди — ведь люди, не всем же быть такими стойкими, как вы, но стоицизм еще не есть уголовный аргумент, аргумент в уголовном смысле.

Вот почему мне кажется, что, анализируя мухинскую очную ставку, преждевременным является заявление о том, что якобы здесь, в этой уголовной дуэли, что ли, победителем вышел Рабинович, — нет. Опровергнутым в уголовном суде считается аргумент тогда, когда приведены данные, которые дают возможность поставить его под вопрос. Таких данных в отношении показаний Мухина не было приведено ни одного; кроме театральных жестов — ни одного. В отношении скоруттовских показаний не было приведено ни одного, кроме вопросов: «Зачем вы на меня наклеветали?» Но при сцеплении и сопоставлении всех этих обстоятельств в целом, когда мы сопоставляем их все до одного, в разрезе всей работы Рабиновича, и с той основной проблемой, которая перед ним встала, когда он столкнулся в техническом составе с проблемой — итти вместе с вредителями или всех выдать, этот вопрос решается только в одном смысле.

Я позволю себе остановиться еще на двух моментах. Помните брошенную здесь фразу Рабиновича о том, что у Витте или какого-то царского министра прием был всегда для всех, а вот

у советской власти — не добьешься? Сколько ненависти к советскому порядку слышалось в этой фразе, сколько презрения к советскому строю было вложено в эту фразу, в эту реплику! Мы тоже чутко умеем воспринимать эти незначительные оттенки, заглушенные нотки и умеем ставить их на свое место и оценивать их в связи с общей системой доказательств. Старый промышленный воротила, старый делец умершего капитализма вспомнил здесь со вздохом давно прошедшие хорошие времена, когда он был вхож к министрам. Не вернутся эти времена, не придут обратно, как бы они вам ни улыбались.

Можно вспомнить еще другой момент, в частности теорию, которую Рабинович разводил относительно опыта построения и проведения восьмичасового рабочего дня и о том, как он, Рабинович, работал для капиталистов. Я сказал: «И на капиталистов?» А он ответил: «Не на капиталистов, а на капиталистов и на рабочих». Итак он считал, что работал тогда «и на рабочих»! Эта фраза сродни Емельяну Колодубу. Здесь родственные души сказались. Но эта фраза показывает, как далек, как чужд всему нашему строительству, всей нашей работе, всему пониманию нашей работы и существу нашей работы Рабинович.

Я думаю, здесь вопрос стоит только так: Рабинович — член организации. Нельзя сказать, что в данном случае улики, которые говорят против него, недостаточны.

Даже этого сказать нельзя. Должны сказать: улики, имеющиеся против него, достаточны, ибо они целиком совпадают и отвечают и общему складу его психологии, его прошлого и изложенным конкретным фактам его работы здесь и работы в первый период, и работы после конфликта в 1923 году, и работы в качестве председателя технического совета. Улики достаточны, и отсюда следует определенный вывод, и им мне приходится кончать свою обвинительную речь — присоединением имени Рабиновича к той группе, в отношении которой я говорил о расстреле как о методе революционной самообороны.

Товарищи судьи! Не легко подводить такие итоги, не легко потому, что люди есть люди, жизнь человеческая есть человеческая жизнь, и ставить сейчас вопрос о применении расстрела в таком масштабе, в таком количестве, конечно, не легкое дело. Но вопрос здесь ставится так: этот процесс является процессом, который должен нам дать возможность сказать, что все те вредители, которые еще существуют, в отношении которых еще производится работа предварительного расследования, и те вредители, которые нами не раскрыты, их заграничные соратники и друзья, их заграничные вдохновители, в каком бы государстве они ни находились и какие бы функции они там ни несли, должны понять, что у советской власти достаточно сил и мощи и что расправляться со своими врагами она еще не разучилась.

С этой просьбой я и обращаюсь к Специальному присутствию Верховного суда СССР.

Специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило:

1) Потемкина Г. П., 2) Штельбринга В. Э., 3) Отто Э. Э., 4) Мейера М. К. — считать по суду оправданными.

5) Овчарека М. А. — к лишению свободы на 1 год со строгой изоляцией без поражения в правах и, за силою ст. 53 УК РСФСР, приговор считать условным сроком на 3 года.

6) Бадштибера В. И. — к лишению свободы на 1 год без строгой изоляции и без поражения в правах и, за силой ст. 53 УК РСФСР, приговор считать условным сроком на 1 год. По обвинению того же Бадштибера В. И. по ст.ст. 17 и 58^{7} считать по суду оправданным.

7) Никишина М. Е. — на основании ст. 58^{12} — к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах и на основании ст. 117, ч. 1 — к 1 году лишения свободы без строгой изоляции, а за силой ст. 49 УК РСФСР — к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах и, за силой ст. 53 УК РСФСР, приговор считать условным на 3 года.

8) Горлова И. Г. — на основании ст. 58^{12} — к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией и без поражения в правах и, за силой ст. 53 УК, приговор считать условным на 3 года.

9) Фейерман П. М. — на основании ст. 58^{12} УК — к 1 году лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах.

10) Именитова С. Г. — на основании ст. 58^{12} УК — к 1 году 6 месяцам лишения свободы со строгой изоляцией и без поражения в правах.

11) Кузьму Л. Б. — на основании ст.ст. 17, 58^{7} и 58^{11} УК—к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией, без поражения в правах, с конфискацией ½ части его имущества.

12) Беленко В. И. — на основании ст.ст. 58^{7} и 58^{4} УК — к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах, с конфискацией ½ части его имущества.

13) Калнина П. Э. — на основании ст. 58^{12} УК — к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах.

14) Элиадзе А. Я. — на основании ст. 58^{12} УК — к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах.

15) Семенченко П. И.,

16) Люри В. В.,

17) Ржепецкого В. С.,

18) Владимирского В. В. — на основании ст.ст. 58^{7} и 58^{11} УК — на 3 года лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах каждого и с конфискацией ½ имущества каждого.

19) Одрова В. К. и

20) Некрасова И. И., — на основании ст.ст. 58^{7} и 58^{11} УК — на 4 года со строгой изоляцией без поражения в правах и с конфискацией ⅓ имущества каждого из них;

21) Бабенко С. А.,

22) Чернокнижникова С. Е.,

23) Петрова В. Ф.,

24) Васильева Ф. Т.,

25) Кувалдина В. М.,

26) Стояновского И. К.,

27) Соколова В. О.,

28) Валиковского А. К.,

29) Самойлова В. Н. — на основании ст.ст. 58[7] и 58[11] УК — к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах и с конфискацией ⅓ имущества каждого;

30) Колодуба Е. К. — на основании ст.ст. 17, 58[7] и 58[11] УК — к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «с» ст. 31 УК, сроком на 3 года, с конфискацией ⅓ его имущества

31) Мешкова Л. Н.,

32) Чинокала Н. А.,

33) Антонова П. И.,

34) Нашивочникова В. Н. — на основании ст.ст. 58[7] и 58[11] УК — к 6 годам лишения свободы со строгой изоляцией, поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «г» ст. 31 УК, сроком на 3 года и с конфискацией ⅓ имущества каждого,

35) Рабиновича Л. Г. — на основании ст. ст. 17, 58[7] и 58[11] УК — к 6 годам лишения свободы, со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «г» ст. 31 УК, сроком на 3 года и с конфискацией ⅓ его имущества;

36) Колодуба А. К.,

37) Некрасова А. Е.,

38) Калганова Н. Е.,

39) Башкина А. Б. — на основании ст.ст. 58[7] и 58[11] УК — к 8 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных в п.п «а», «б», «в» и «г» ст. 31 УК, сроком на 5 лет и с конфискацией ½ имущества каждого;

40) Скорутто Н. И. — на основании ст ст. 58[1] и 58[7] УК — к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

41) Дегера А. В. и

42) Сущевского Д. М. — на основании ст.ст. 58[7] и 58[11] УК — к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в» и «г» ст. 31 УК, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества каждого;

43) Горлецкого Н. Н.,

44) Березовского Н. Н.,

45) Шадлуна А. И.,

46) Казаринова А. И.,

47) Бояршинова Н. П. — на основании ст.ст. 58[7] и 58[11] УК — и

48) Матова Ю. Н.,

49) Братановского С. П.,

50) Бояринова Н. А.,

51) Кржижановского Н. К.,

52) Юсевича А. Я.,

53) Будного С. З. — на основании ст.ст. 58[3], 58[7] и 58[11] — к высшей мере социальной защиты — расстрелу, с конфискацией всего имущества каждого.

Вместе с тем Специальное присутствие Верховного суда СССР считает необходимым представить на усмотрение Президиума Центрального исполнительного комитета СССР нижеследующее: значительное большинство осужденных по настоящему делу к высшей мере социальной защиты—расстрелу еще в стадии предварительного следствия и затем на судебном следствии не только признали свою вину перед пролетарским государством, но и стремились раскрыть перед ним все обстоятельства совершенных ими тяжких преступлений.

Учитывая это обстоятельство, а равно и то, что громадное большинство осужденных представляет собой квалифицированную техническую силу, которую возможно использовать в соответствующих условиях на практической работе, Специальное присутствие Верховного суда СССР в отношении Березовского, Казаринова, Матова, Братановского Шадлуна и Бояршинова ходатайствует о замене им расстрела иной мерой социальной защиты.

Всем приговоренным к срочному лишению свободы зачесть сроки их предварительного заключения.

По вопросу о применении частной амнистии к приговоренным Верховным судом СССР к высшей мере социальной защиты (расстрелу) по шахтинскому делу Президиум ЦИК СССР постановил: гр.гр. Н. Н. Березовскому, А. И. Казаринову, Ю. Н. Матову, С. П. Братановскому, Г. А. Шадлуну и Н. П. Бояршинову—высшую меру социальной защиты (расстрел) заменить десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества.

В отношении гр.гр. Горлецкого, Н. К. Кржижановского, А. Я. Юсевича, С. З. Будного и Н. А. Бояршинова Президиум ЦИК СССР постановил приговор Верховного суда СССР утвердить.

---

9 июля 1928 г. приговор по делу об экономической контрреволюции в Донбассе в отношении осужденных к расстрелу Горлецкого, Кржижановского, Юсевича, Будного и Бояршинова приведен в исполнение.

ДЕЛО ЧЛЕНОВ ЦК КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАРТИЯ»

По делу контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия») перед Специальным присутствием Верховного суда СССР предстали Л. К. Рамзин, И. А. Калинников, В. А. Ларичев, Н. Ф. Чарновский, А. А. Федотов, С. В. Куприянов, В. И Очкин и К. В. Ситнин.

Согласно резолютивной части обвинительного заключения противогосударственная деятельность ЦК «Промпартии» выражалась:

а) в продолжении и усилении общего вредительства для создания расстройства хозяйственной жизни—работа, начатая еще «Инженерно-техническим центром» до образования ЦК «Промпартии»;

б) в специальной вредительской работе по срыву планового строительства путем создания кризисов в топливоснабжении, металлоснабжении, энергетическом хозяйстве, текстильной промышленности и других отраслях, направленной к созданию общего хозяйственного кризиса в 1930 году,—год, предназначенный для иностранной военной интервенции,—в целях облегчения и помощи этой интервенции;

в) в специальной шпионской работе по заданиям французского генерального штаба и находящегося во Франции «Торгпрома» по сообщению данных об экономике нашей страны и специальных секретных сведений, касающихся обороны,—в целях облегчения иностранной военной интервенции;

г) в военной работе, направленной к дезорганизации Красной армии и подготовке изменнических действий со стороны отдельных частей и командного состава—в тех же целях облегчения иностранной интервенции;

д) в диверсионной работе, направленной специально на разрушение производительных сил советской промышленности и тыла Красной армии уже непосредственно в момент интервенции.

На основании изложенного предаются суду Специального присутствия Верховного суда Союза ССР:

1. Рамзин Леонид Константинович, род. 1887 г., гражданин СССР, профессор МВТУ и директор Теплотехнического института, по собственному признанию,—член нелегальной «Промпартии».

2. Калинников Иван Андреевич, род. 1874 г., гражданин СССР, занимавший должность заместителя председателя производственного сектора Госплана и профессор Военно-воздушной академии и других высших учебных заведений, по собственному указанию, — член нелегальной «Промпартии».

3. Ларичев Виктор Алексеевич, род. 1877 г., гражданин СССР, инженер, занимал должность пред. топливной секции Госплана. По собственному признанию,—член нелегальной «Промпартии».

4. Чарновский Николай Францевич, род. 1868 г., гражданин СССР, профессор различных высших технических учебных заведений, председатель Научно-технического совета ВСНХ, член нелегальной «Промпартии».

5. Федотов Александр Александрович, род. в 1864 г., гражданин СССР, профессор втузов, председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института, по собственному указанию,—член нелегальной «Промпартии».

6. Куприянов Сергей Викторович, род. в 1871 г., гражданин СССР, технический директор Оргтекстиля ВСНХ СССР, инженер-механик, по собственному признанию,—член нелегальной «Промпартии», —

по обвинению в том, что:

1. Вступивши разновременно во вредительские организации в отдельных отраслях промышленности и поставив себе целью путем применения различных форм вредительства нанести наибольший ущерб хозяйственному строительству СССР для подрыва советской власти и облегчения условий восстановления власти буржуазии, осуществляли в течение ряда лет эту вредительскую деятельность, объединившись для этого, по инициативе расстрелянного за участие в контрреволюционной организации и организованное вредительство Пальчинского и осужденного по шахтинскому процессу за вредительство Рабиновича, в единую организацию, называемую ими «Инженерно-техническим центром», в целях систематического и планомерного руководства вредительством во всех отраслях промышленности.

2. В дальнейшем, убедившись на основе растущих успехов социалистического строительства в бесплодности своих попыток задержать это строительство и обеспечить исключительно путем вредительства восстановление экономического и политического господства буржуазии и придя к убеждению о необходимости вооруженного свержения советской власти и насильственного восстановления капиталистического порядка, реорганизовали в этих целях свою организацию в политическую партию, назвавшую себя «Промпартией», и, расширив деятельность этой организации путем установления связей и согласования работы с другими контрреволюционными организациями, образовавшимися в то время, в частности с контрреволюционной группой Кондратьева — Чаянова, приняли на себя руководство «Промпартией», войдя в ее ЦК.

3. Убедившись затем в невозможности организации вооруженного восстания внутри страны, свержения советской власти и реставрации капитализма без помощи извне, вошли в сношения с создавшейся за рубежом объединенной организацией бежавших за границу врагов народа, бывших собственников национализированных предприятий, объединившихся там в так называемый «Торгпром», с отдельными членами которого они имели сношения и до этого времени на почве вредительства, и, по соглашению

с последними, направили свою вредительскую работу на подготовление благоприятных условий для иностранного вооруженного вмешательства, используя для этого финансовую помощь от «Торгпрома» и иностранных государств.

4. Одновременно через «Торгпром» вошли в преступные сношения с подготовлявшими военное нападение на СССР правящими кругами Франции в лице бывшего главы французского правительства Пуанкаре и министра иностранных дел Бриана и разрабатывавшими по указанию последних план военного нападения на СССР офицерами генштаба Франции Жуанвилем, Жаненом и Ришаром, совершив тем самым акт прямой государственной измены.

5. В дальнейшем, в развитие задуманной изменнической деятельности:

а) направили свою вредительскую работу по расстройству хозяйственной жизни страны на создание кризиса в основных отраслях промышленности к 1930 году, т. е. к сроку, указанному генштабом Франции для военной интервенции в СССР;

б) установив по договоренности с генштабом Франции личную связь через посредство специально условленных для этого должностных лиц французской службы гг. К. и Р., получали и исполняли задания генерального штаба Франции по шпионажу, добывая, согласно заданиям этого штаба, нужные сведения секретного характера, касавшиеся военных сил СССР и обороноспособности СССР;

в) по предложению того же генштаба организовали специальную военную группу, имевшую задачей подготовить разложение Красной армии вплоть до отдельных изменнических актов со стороны отдельных частей во время интервенции;

г) по предложению того же генштаба Франции создали в своей организации диверсионную группу для оказания помощи иностранным военным интервентам путем взрыва общественных сооружений, электростанций, железных дорог, военных заводов и фабрик.

II. Очкин Владимир Иванович, род. в 1891 г., гражданин СССР, ученый секретарь Теплотехнического института и заведующий отделом руководства научно-исследовательского сектора ВСНХ СССР, по собственному признанию состоял членом нелегальной «Промышленной партии», по обвинению в том, что, войдя в организацию «Промпартии» и зная о целях и задачах последней, исполнял ее задания, в частности входил непосредственно в сношения в целях шпионской и изменнической деятельности с должностными лицами французской службы гг. К. и Р., передавая нужные им секретные сведения, получая и исполняя их задания.

III. Ситнин Ксенофонт Васильевич, род. в 1878 г., гражданин СССР, инженер Всесоюзного текстильного синдиката, по обвинению в том, что, состоя членом той же контрреволюционной вредительской организации, заведомо зная о поставленных ею целях, принимал на себя исполнение соответствующих заданий в области вредительской работы и, кроме того, лично входил в сношения с деятелями «Торгпрома» в бытность свою за границей, в частности с Коноваловым.

Дело слушалось в Москве от 25 ноября по 7 декабря 1930 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР.

1. Обстановка, в которой протекает процесс

Товарищи! Те десять кратких дней, которые протекли со времени начала этого процесса, протекали, как и самый процесс, в исключительной, я бы сказал, необычайной обстановке. Начало процесса было ознаменовано миллионным выступлением рабочего класса нашего Союза на улицах столиц и главнейших городов Союза с протестом против действий лиц, сидящих на скамье подсудимых. Те, которым в случае войны придется своей жизнью, лишениями и страданиями искупить результаты работы этих лиц, те, которые являются и являлись основными творцами и созидателями всего того, что сделано за существование советской власти,—рабочий класс в день открытия процесса выражал свое негодование и вместе с тем свою готовность продолжать борьбу и, если будет нужно, защищать свое социалистическое отечество с оружием в руках так, как он уже защищал его в годы гражданской войны. Этим и объясняется то огромное напряжение внимания, с которым встречалось каждое сообщение о процессе, этим объясняется та настороженность, с которой ловили каждое слово, раздававшееся в этом зале, миллионные массы трудящихся нашего Союза.

Но не только трудящиеся нашего Союза, не только рабочий класс СССР,—с неменьшим напряжением внимания следили за каждым словом, раздававшимся в этом зале, миллионные массы трудящихся Западной Европы и все слои буржуазии Западной Европы, начиная от правящих верхов и кончая последним обывателем.

Буржуазная пресса в своем большинстве отмечала процесс, передавала о том, что делается здесь, но она сопровождала это одновременно инсинуациями, подозрениями, клеветой, измышлениями, ложью, сообщая параллельно небывалые сплетни и слухи о том, что делается на территории СССР, стремясь этим отвлечь внимание от того, что делается здесь, во имя тех целей, которые она одна знает и которые все же не так трудно разгадать.

Но не только пресса — мы знаем, что отголоском и откликом этого процесса были выступления лиц, близких к правящим, руководящим политической жизнью отдельных стран слоям, были выступления и в парламентах в виде интерпелляций, запросов и

обсуждений. Мы знаем, — и частично это было приобщено к делу, — что отдельные политические деятели выступали по поводу этого процесса с печатным выражением своего мнения, даже со свидетельскими показаниями sui generis по этому делу.

Все это характеризует необычайную обстановку этого процесса. Все это характеризует исключительную важность его и для широких масс рабочего класса и для широких слоев буржуазии. Все это означает, что от этого процесса, от того, что здесь устанавливается, от того, что здесь подтверждается, ожидает каждый своего результата, ожидает и кое-кто боится, как бы в результате этого процесса не вскрылись некоторые закулисные пружины, как бы здесь не было установлено то, что считалось сокровенной, хорошо скрытой тайной в среде многих и многих враждебных нашему Союзу сил, тех, которые готовят нам близкую войну.

И есть еще одно обстоятельство, которое равным образом привлекло внимание к этому процессу и которое равным образом заставляло настороженно следить за всем тем, что говорится, для того чтобы из того, что здесь говорится, сделать свои выводы и эти выводы использовать в дальнейших своих целях.

Советское правительство и государственное обвинение здесь, на этом процессе, перед лицом миллионных рабочих масс нашего Союза не побоялись вскрыть и открыто обнаружить и показать большие и серьезные болячки в нашем государственном организме. Сами вредители не только в лице их руководящей головки, которая сидит на скамье подсудимых, но и устами других вредителей, проходивших здесь в качестве свидетелей, рассказали о той громадной вредительской работе, которую они творили, которая имеет место почти во всех отраслях нашего хозяйственного строительства, ибо нет ни одной отрасли промышленности, где бы мы могли с достаточной уверенностью полагать, что там нет вредительской организации.

Эта сторона, равным образом характеризующая те неимоверно тяжелые условия борьбы, в которых приходится работать Советскому союзу, в которых приходится творить рабочему классу дело социалистического строительства, — эта сторона также прошла на процессе и привлекла равным образом настороженное внимание широких масс трудящихся нашего Союза и наших врагов.

Мы не боимся открыто говорить о том, что у нас существуют эти болячки. Мы считаем, что тогда, когда рабочие массы нашей страны во всей своей основной массе отчетливо, ясно себе представят удельный вес этой вредительской работы, точно узнают своих врагов, тем легче, тем скорее будет возможность уничтожить, ликвидировать эти болячки, тем скорее будет полная возможность построить, наконец, наш государственный аппарат и государственный механизм так, чтобы мы могли быть в полной уверенности, что он работает так, как нам нужно, и помогает рабочему классу и строящим социализм трудящимся массам. И

если даже в результате такого процесса, в результате такой открытой постановки вопроса, о наших болячках наши враги кое-что узнали, наши враги равным образом будут осведомлены о том, в какой степени они могут рассчитывать на наше сопротивление в их попытках помешать нашему строительству, — пусть!

Мы не боимся этого, полагая, что творческий энтузиазм рабочего класса, одухотворенный отчетливым сознанием необходимости борьбы, вместе с отчетливым сознанием того, что необходимо напрячь все силы для преодоления трудностей, будет лучшей гарантией и средством, которые можно противопоставить замыслам наших врагов и тому, что мы на этом процессе раскрыли.

Эти обстоятельства также являлись теми причинами, по которым сосредоточивалось напряженное внимание на настоящем процессе.

Но поскольку в этом процессе, в том разрезе, в каком он прошел, мы видим вступившими в действие такие крупные рычаги общественной жизни, такие огромные массы, с одной стороны, у нас, а с другой стороны, в Западной Европе, и такие весомые политические факты, как выступления крупнейших политических деятелей буржуазии Франции, да будет позволено поэтому и мне при рассмотрении или, вернее, после рассмотрения или одновременно с рассмотрением деталей этого дела, с точки зрения чисто юридического, уликового анализа индивидуальной степени участия, рассмотреть вопросы политики так, как они ставятся сейчас самой жизнью, и так, как ставят эти самые проблемы наши враги, как ставит их в определенной своей части настоящий процесс.

Я буду поэтому говорить и относительно общих причин, которые форсировали направление работ и деятельности этой группы подсудимых, управляли этой деятельностью, независимо даже, быть может, от их сознания и воли, но которые являлись в конечном итоге и являются основными силами, определившими то общественное внимание, которое вызвал этот процесс, и которые определят результаты, какие от этого процесса воспоследуют.

2. Параллель с шахтинским процессом

Товарищи! Два года назад в этом самом зале слушался шахтинский процесс. Два года назад перед нами прошел процесс вредительской организации в каменноугольной промышленности. На скамье подсудимых сидели специалисты-производственники, специалисты одной отрасли промышленности и частью признавали, частью отрицали эту работу вредительского характера, которая ими проделывалась.

Невольно сама собою возникает параллель между этими двумя процессами. И позвольте эту параллель провести в целом ряде отношений, в целом ряде сторон, поскольку такая парал-

лель поможет нам уяснить, я говорю, те общего характера моменты, которые создавали содержание первого и создали определенное содержание и этого процесса.

Я бы назвал настоящий процесс по его содержанию воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе, воспроизводством шахтинского процесса на расширенной основе во всех тех отношениях, во всех тех отдельных конкретных вопросах, которые ставились на шахтинском процессе.

Возьмемте первое и основное. В шахтинском процессе мы судили вредителей по углю, по каменноугольной промышленности. Здесь, на скамье подсудимых, сидят люди, руководившие вредительством во всех основных руководящих отраслях промышленности. Там мы имели дело с «черным золотом», правда, с одной из ведущих частей нашей промышленности. Здесь мы не знаем, повторяю, ни одной отрасли промышленности, которой бы не коснулась вредительская рука.

Мало того, мы сейчас столкнулись с такими отраслями, по существу даже не промышленности, о которых в то время мы едва ли могли предполагать, — я имею в виду работы по ирригации, мелиоративные работы, на которых ниже мне придется остановиться.

В этой плоскости, с точки зрения постановки первого вопроса об областях, в которых происходило вредительство, мы вправе сказать, что, поскольку здесь идет речь о центральной организации, охватившей руководством все до одной руководящие отрасли промышленности, этот процесс является воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе.

Возьмемте другой момент, характеризующий деятельность подсудимых. В шахтинском процессе мы имели индивидуальные связи отдельных представителей, отдельных рудоуправлений, отдельных угольных предприятий с их бывшими хозяевами. Возьмите имена, которые фигурировали на шахтинском процессе, — Соколова, Штедтинга и других, а здесь мы имеем в виде контрагентов вредителей уже не изолированных хозяев. Здесь мы имеем в виде контрагентов вредителей за границей «Торгпром» как объединение всех отраслей промышленности, как объединение, которое охватило все отдельные прослойки, отдельные группки, отдельные группировки бывших собственников национализированных предприятий, и сношения с ними уже теперь получили совершенно иную, точно организованную форму. Это не отдельные индивидуальные связи, здесь — слой всех бывших собственников, объединенных в одну организацию, поставивших себе точные, определенные политические цели, не стремящихся и не думающих уже о концессионной политике, не стремящихся и не думающих о тех или иных формах аренды бывших своих предприятий, не ставящих себе целью тот или иной вредительский акт работы на той или иной шахте или на том или ином заводе, здесь мы имеем объединение класса с определенной политической физиономией, трактующее себя как класс, как самостоя-

тельную политическую силу. Вот что мы имеем здесь в результате истекших двух лет, в результате внутренней эволюции сил эмигрантской буржуазии, эволюции, которая вылилась, в конце концов, в создание организации, именующей себя «Торгпромом».

В том документе, который приобщен к делу, — я имею в виду документ о выступлении «Торгпрома» по поводу десятилетия со дня своего учреждения, где присутствовали Нобель, Денисов и другие, — одним из наиболее центральных и интересных мест является следующее: в этих выступлениях они указали, что они являются неофициальным посольством за границей, представительством политического характера. Другими словами, они взяли на себя смелость утверждать, что они являются представительством, претендующим чуть ли не на дипломатические права.

Ну, мы знаем, что у этих господ достаточно имеется нахальства и смелости для того, чтобы утверждать, когда это им нужно, заведомую ложь. Но подобного рода убеждение, подобного рода присвоение себе прав политического представительства эмиграции за границей является характерным для той эволюции, которую пережила эта организация.

Вот вторая сторона, которая должна быть отмеченной, вторая характеристика, которая должна быть дана при проведении параллели с шахтинским процессом.

Все ли это? Далеко не все. Когда мы разбирали отдельные связи с заграницей отдельных вредителей шахтинского процесса, мы встречали там имена промышленников-иностранцев. Но мы не встречали ни разу во время шахтинского процесса такого положения вещей, когда бы упоминались правящие круги буржуазии, круги, имеющие прямое или косвенное, в прошлом или настоящем, то или иное отношение к государственному управлению.

А здесь? Здесь упоминается Пуанкаре, лицо, которое достаточно известно как руководитель французской политики, мало того, как носитель определенной линии во французской политике. Связь его и отношения его с «Торгпромом» — вот о чем мы говорим здесь. Впоследствии мы будем детально анализировать и рассматривать достоверность сообщений подсудимых и установим то из них, что абсолютно достоверно. Пока что мы ограничиваемся упоминанием об этом факте, подобного которому не было на шахтинском процессе. Но тогда мы разбирали события, имевшие место с 1924 по 1928 год. Сейчас — и это достаточно четко подтвердили все подсудимые на судебном следствии — мы имеем другую установку и другие руководящие рычаги направления вредительской работы.

Наконец, еще одну сторону из области того, что делалось за рубежом, для характеристики той эволюции, которая за это время произошла, должны мы отметить. Идея интервенции в шахтинском процессе была. Идея интервенции в шахтинском процессе имела место. Вспомните хотя бы заявления отдельных подсудимых (я могу об этом говорить, ибо это общеизвестный факт)

относительно того, как они готовили топливный кризис на 1929 год уже к моменту предполагаемой интервенции. А здесь мы имеем уже не идею интервенции. Мы имеем точный план, причем говорится не только о плане, говорится о сроках, говорится о точных сроках, говорится о месяцах. Это еще одна сторона, характеризующая и в этой области настоящий процесс как воспроизводство шахтинского дела на расширенной основе.

Дальше. В то время как на шахтинском процессе мы говорили об отдельных связях вредителей с отдельными агентурами иностранных государств за границей, здесь мы имеем дело с блоком некоторых государств, здесь речь идет о том, что отдельные заинтересованные интервенты, готовящие интервенцию, подготовляют не только изолированное выступление экспедиционного корпуса Лукомского, но учитывают, вплоть до точных подсчетов, какие силы вообще можно употребить для интервенции, скажем, ближайших государств, здесь говорят уже точно о соглашениях, об определенной договоренности, о точном плане вооруженного вторжения; в их сознании отчетливо преломлялось, что здесь будет блок ряда государств.

Вот сторона, которая характеризует то, чем отличается настоящее дело от шахтинского процесса вовне, за рубежом.

А внутри! Внутри страны мы имеем ту же самую картину, подтверждающую ту характеристику, которую я только что дал. Только инженеры — вот что характеризует шахтинский процесс. Только инженеры сидели на скамье подсудимых, и очень незначительное количество, два—три человека из обвиняемых, не были инженерами, но участвовали во вредительской работе. Здесь мы имеем налицо блок контрреволюционных групп. Не отдельную вредительскую группу инженеров, а блок двух разветвленных контрреволюционных организаций: одной, которая представлена ЦК так называемой «Промпартии», и другой, о которой говорил Юровский и о которой говорили все подсудимые, это — Кондратьевско-Чаяновская группа.

Что это значит? По программным установкам, по политическим целям — блок партии промышленного капитала и партии кулацкой верхушки деревни. В шахтинском процессе такой постановки вопроса не было. А здесь? Здесь мы имеем налицо не только блок, но совместные заседания, совместное определение тактических методов. Мы имеем такой блок, где по вопросу с программных установках было достигнуто полное единство.

Этому соответствует аналогичная сторона этого блока и за границей. Только промышленное инженерство вредило раньше. А здесь? Вспомним то, о чем говорил свидетель Юровский, и вспомним то, о чем говорил подсудимый Федотов. Они рассказывали о создавшемся за границей блоке так называемого республиканско-демократического центра во главе с Милюковым, с «Торгпромом».

Когда Юровский был за границей, он виделся не с одним Милюковым, но и с Гефдингом, деятелем «Торгпрома». Федотов

нам рассказал о том, что раньше между этими двумя группами белогвардейской эмигрантщины было соревнование, была борьба, в дальнейшем мы имеем слияние, определенный контакт, в результате которого даже в таком большом вопросе, который сравнительно долго разделял белогвардейщину, как в вопросе об интервенции, вооруженном вторжении и военной диктатуре, — и в этом вопросе было достигнуто соглашение. Я нарочно в этих целях спрашивал Юровского, как смотрит Милюков, как смотрит эта группа, к которой Юровский тяготеет, на вопрос об интервенции и военной диктатуре. И он ответил, что в этой плоскости достигнуто единство и в этой плоскости нет разногласий. Эту черту равным образом характеризует то, что и в этой области в среде контрреволюционных сил мы имеем определенный шаг вперед с точки зрения окончательной консолидации контрреволюционных сил в их борьбе против страны строящегося социализма, чего не было в период шахтинского процесса и что также надлежит отметить.

И, наконец, есть еще одна сторона: только известную часть инженерства мы там имели, а тут и товароведы, и экономисты Госплана, и бухгалтеры, и архитекторы,—одним словом, выходцы из всех слоев технической интеллигенции, но не только из инженерства. А вредители-снабженцы, которые ликвидированы были не так давно перед этим процессом? А Громан и его группа и другие меньшевики? А вот эти Белоцерковские, Соколовские, эти «экономисты», которые также включились в общую контрреволюционную колесницу?

В этом отношении показателен также сам состав тех лиц, которые сидят на скамье подсудимых. Из старой формации вредителей, которых мы привыкли встречать при анализе следственного материала по отдельным делам, вредителей, которых мы видели в шахтинском процессе, мы видим только Куприянова, Федотова, Ситнина — это текстильная группа. Я потом буду подробно характеризовать внутреннюю физиономию каждого из них. Но Рамзин, Ларичев, Чарновский, Калинников—это представители иного слоя, это цвет технической интеллигенции, это лица, которые в своем прошлом отнюдь не были тесными узами связаны, как это имело место с Федотовым и Куприяновым, с промышленным капиталистическим миром, которые к практической производственно-оперативной работе не прилагали своих рук, а тем не менее в центральной руководящей вредительской группе заняли руководящее место. Они, а не бывшие промышленники чистой воды, не бывшие акционеры, как это имело место в других вредительских делах, явились руководителями всей этой вредительской работы. Остатки враждебных нам слоев интеллигенции дали лучших из своей среды для руководства вредительской работой.

Но воспроизводство шахтинского процесса на расширенной базе имеется еще в одной области. Воспроизводство по методам, причем и по методам на расширенной основе. Вредительство

также пережило значительную, длительную и большую эволюцию. Началось с борьбы за сохранение фабрик для старых хозяев, затем перешли к вредительским актам технического характера, затем к вредительству в концессионной политике и, наконец, переход к плановому вредительству.

Возьмите этот метод планового вредительства, который охватывает сразу всю область промышленности; он создает положение, при котором отдельные конкретные лица при всей своей индивидуальной добросовестности на периферии уже ничего не в силах проделать, поскольку директивные указания планового характера уже даны,—вот это один метод, который для этой группы являлся основным методом, характеризует ту разницу, которая существует между шахтинским процессом и этим процессом.

Возьмем другую область — диверсии. Были ли раньше попытки диверсионной работы в виде поломок машин, орудий производства при шахтинском деле? Были. А здесь? Здесь они возведены в систему, причем мало того, что возведены в систему, но они построены как система, которая должна была быть осуществлена по единому, согласованному плану в определенный момент, заранее намеченный, заранее согласованный — в момент интервенции.

Это не все. Шпионаж — встречались ли мы с ним в шахтинском процессе? Встречались. Вспомните Бояринова и других. А здесь? Здесь мы имеем шпионаж плюс оперативные задания, нужные для противника к моменту интервенции. Я буду потом анализировать эти факты, здесь достаточно этого противопоставления, чтобы показать тот новый характер, который приобрела эта работа в этой области.

Далее, там были раньше только сообщения военных сведений, здесь же мы имеем создание военной организации. В обвинительном заключении и впоследствии в показаниях, которые дали обвиняемые непосредственно, мы имеем достаточно на этот счет материала. В последний день мы чуть-чуть приоткрыли здесь на этом заседании завесу над этого характера работой. По совершенно понятным соображениям мы здесь не могли сказать всего, мы были связаны необходимостью очень осторожно задавать вопросы, но самый факт, что работа была направлена на создание военной организации, что со стороны, скажем, Куприянова была сделана попытка организации военной группы с инженером Девятовым во главе, мы видим, что и здесь в этой области имеется то, чего не было на шахтинском процессе, что резко отличает это дело от шахтинского.

И, наконец, только на судебном следствии вскрылась преступная работа по подготовке специальных условий, облегчающих интервенцию в смысле подготовки соответствующих фронтов. Когда Михайленко рассказал о том, что он делал на юге, о том, что делалось на западной границе, когда Сироцинский рассказывал о мероприятиях под Архангельском и под Ленинградом,

когда он рассказывал о характере построек на фабриках Южного побережья, мы видим, что этой области вовсе не было в шахтинском процессе.

Вот почему общий итог будет сводиться к следующему: мы имеем за истекшие два года углубление вредительской работы в смысле, во-первых, централизации всей вредительской работы во всех областях в одном руководящем центре. Мы имеем в дальнейшем объединение этой вредительской организации, блок ее с другими контрреволюционными организациями; мы имеем соответственно за границей объединение равным образом всех контрреволюционных групп, ранее боровшихся между собой в области политических программ и тактических установок. Мы имеем углубление и расширение методов вредительской работы, принявшей плановый характер в целом и вместе с тем принявшей специальное направление на определенные конкретные цели—помощи интервенции. И, наконец, мы имеем саму интервенцию, перешедшую из области общих предположений и разговоров в область конкретной постановки, как конкретной задачи с планом и сроком и с обсуждением этих сроков, с распределением обязанностей и распределением ролей.

Вот то, что мы имеем сейчас.

Как бы мы могли это охарактеризовать?

Я думаю, что не ошибусь, если охарактеризую это положение как консолидацию, объединение всех контрреволюционных сил для того, чтобы вооруженной рукой добиться своей основной цели — уничтожения Советского союза.

3. Факторы интервенции и советская политика

Невольно встает вопрос, какие же причины этого, чем это вызвано, почему параллельно с ростом и укреплением экономической мощи нашего Союза мы имеем эту консолидацию враждебных сил и централизацию их в одну объединенную организацию и установление связей непосредственно с интервенционистскими кругами Западной Европы?

Я не хотел бы утруждать Специальное присутствие Верховного суда длинными цитатами, выдержками, цифровым материалом для сопоставления положения вещей у нас, в Союзе, положения вещей за границей и анализом международных отношений. Я возьму лишь одну характеристику, которая была дана еще до этого процесса, которая была дана на XVI партийном съезде устами товарища Сталина, но которая определяла, определила и объясняет именно этот процесс консолидации враждебных сил, о котором мы сейчас говорим и который отражен в этом деле.

Товарищ Сталин говорил: «Со времени XV съезда прошло 2½ года». (Два с половиной года — это как раз тот период времени, который мы рассматриваем и на протяжении которого мы анализируем работу вредительской организации). «Если охарак-

теризовать в двух словах истекший период, — говорил товарищ Сталин, — его можно было бы назвать периодом переломным. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического подъема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку. У нас, в СССР, растущий подъем социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, растущий кризис экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве».

Можно было бы сейчас для сопоставления взять выдержки из статьи Пуанкаре, где он подтверждает, что кризис в настоящий момент далеко не изжит, что он раздирает Соединенные штаты и ряд других стран и характеризует также то положение, которое переживает экономика Западной Европы и где вопрос о кризисе является одним из основных, больных и главенствующих вопросов. Из своего сопоставления товарищ Сталин сделал ряд общих выводов. Вот они:

«Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму. Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими империалистическими странами, борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала».

Здесь было бы неуместно с моей стороны специально расшифровывать и доказывать положение о том, что экспансия капитала является душой империалистской фазы развития капитализма, что в этом смысле борьба за экспансию капитала является основным рычагом внешней политики всех главенствующих капиталистических стран. Это — азбучная истина, ее не нужно мне специально доказывать.

Поскольку СССР является и являлся страной, которая для экономических вожделений, захватнических тенденций с точки зрения экспансии капитала, представляет наиболее плодотворный объект и арену, с этой точки зрения та формулировка, которую дает товарищ Сталин, как прямой и непосредственный результат наличия экономического кризиса, целиком совпадает с объективной неизбежностью направления внимания капиталистических акул именно на СССР как на объект для вывоза капитала. Товарищ Сталин пока лишь в общей форме приводит этот вывод.

«Это значит,—говорит товарищ Сталин, — что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом».

Дальше: «Обнажаются и будут обостряться, — говорит товарищ Сталин, — противоречия между странами-победительницами и странами-побежденными».

Это было сказано во время XVI съезда ВКП(б). Здесь опять-таки не нужно подробно рассказывать или передавать о том вне-

чатлении, которое на внешний мир произвели недавние выступления во французской палате депутатов Тардье и Бриана по вопросам о взаимоотношениях с Германией. Эти выступления соответственно оценены были в германской прессе; об этих выступлениях писали у нас, но то, что сказано в речи товарища Сталина об обнажении и обострении противоречий между странами-победительницами и странами-побежденными, целиком нашло свое подтверждение в этих фактах внешней политики.

«Обнажаются и обостряются, — говорит он дальше, — противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами». Факты того, что происходит на Востоке, подтверждают и это положение.

И наконец: «Обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом в капиталистических странах».

«Это значит,—говорит товарищ Сталин далее,—во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию. Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики. Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции».

Так определил товарищ Сталин конечный политический результат, конечные политические выводы из экономического кризиса. Но он закончил еще более конкретно. Он кончил так: «Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии».

Это сказано было в июне 1930 года, в то время, когда Рамзин уже готовился к поездке за границу для того, чтобы конкретно выяснить вместе с «Торгпромом» вопрос: что же, остался в силе старый срок «наскока авантюристских сил на СССР» со стороны международного капитала или нет? Когда же он, наконец, состоится — в июне или июле месяце? В 1930 или 1931 году?

Так, в исторической действительности, в живой жизни мы находим оправдание предсказаний, данных на основе марксистского подхода, большевистского анализа соотношения общественных сил у нас и за границей, анализа классовых интересов, определяющих политику руководящих кругов международной буржуазии, в частности ее наиболее авантюристски, наиболее агрессивно, наиболее империалистски настроенных кругов.

Я думаю, что этим объясняется, уже отсюда становится понятным и тот шум, который поднят вокруг этого процесса, и тот

оголтелый вопль части буржуазной прессы, которым она окружает этот процесс, и те ухищрения самого различного порядка — лживые, глупые выдумки, к которым она прибегает, бессмысленные настолько, что не понимаешь, как здравомыслящий человек может их утверждать, — и о том, что делается у нас в СССР, и о том, что делается здесь на процессе, что говорят подсудимые: что все это — ложь, выдумка, вымучено пытками и прочее, и прочее.

Пойманы с поличным. Пойманы с поличным накануне реализации плана. Вот причина шума, вот причина вопля, вот причина выдумок, вот причина лжи.

Если бы мы вопрос поставили так: вот 8 человек на 150 миллионов населения СССР, вот 8 человек, руководивших двумя тысячами своих сторонников (допустим, две тысячи), скажем, даже тремя тысячами из 40 или 30 тысяч инженеров. Они хотели взорвать СССР, они хотели реставрировать капиталистический строй. Из-за чего же такой шум за границей, из-за чего же шум? Что из этого? Но они задели в своих показаниях определенных политических деятелей. Они здесь на суде сказали о том, что и свою вредительскую работу направляли в отраслях промышленности по указаниям правящих руководящих буржуазных кругов, и поскольку тут они сказали п р а в д у, — вот объяснение и причина и этой тревоги и этого шума. То, что говорят здесь подсудимые, соответствует действительности, базируется на определенных действительных фактах жизни, является результатом согласованных действий, — и это переполошило круги, готовившие интервенцию.

Противопоставлять цифры и факты утверждениям о крахе пятилетки, о провале нашего хозяйства о провале социалистического строительства едва ли имеется большая необходимость. Но три цифры я все же хочу противопоставить, так как они являются определяющими цифрами.

Три цифры я приведу: это — рост нашей сельскохозяйственной продукции за истекшие два—три года с 1926/1927 по 1930 год от 106 процентов довоенных до 114 процентов; рост промышленной продукции от 102 процентов до 180 процентов на рубеже 1930 года и общий темп роста национального дохода, увеличивающийся из года в год и дошедший к 1930 году до плюс 15 процентов, в то время когда за границей мы имеем плюс три, плюс четыре и максимум плюс восемь процентов в основных руководящих странах капиталистического мира.

Вот эти цифры — это факты, которых никто отвергнуть не может, и они характеризуют еще раз и подтверждают и то, что сравнительная характеристика СССР и Западной Европы, данная товарищем Сталиным, правильна; вместе с тем они объясняют и то, почему со страшной злобой и ненавистью сейчас думают о СССР наши враги в лице правящей и близко стоящей к правящим слоям французской и иной буржуазии и почему вопрос об

«авантюристских наскоках на СССР», как говорил товарищ Сталин, стал вопросом их практической политики за последние годы.

Чтобы не задерживать товарищей судей на этой части анализа общих причин, вызвавших и такую политику и такой интерес к процессу, я приведу только еще одну цитату из Владимира Ильича. Я приведу ее для того, чтобы открыто сказать здесь перед лицом трудящегося класса нашей страны и всего мира о том, что определяет и какая же в противовес буржуазии наша политика. Не раз мы об этом говорили. Много раз говорили и повторим еще раз. Владимир Ильич писал по этому поводу:

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западноевропейской контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?..

... Решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце-концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом».

И далее:

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, российская советская власть, для того, чтобы помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас»...

Какую же политику выдвигал Ленин?

«... Ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее...

... Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.». (Сочинения В. И. Ленина, т. XXVII, стр. 416 и 417).

Наша политика была, осталась и будет политикой мира. Наша политика была и осталась политикой социалистического переустройства экономики нашей страны. Наша политика была и осталась политикой строительства социализма, социализма, кото-

рый является руководящей идеей для нас. Об авантюристских наскоках с нашей стороны говорить смешно. Эту политику мира мы сейчас продолжаем и будем продолжать, что бы ни говорили, как это говорит в своей статье Пуанкаре, что мы-де готовим войну, и где он требует, чтобы мы не мешали им, не вмешивались в их дела, подобно тому, как Франция не вмешивается в наши. О нет. Мы в их дела, «подобно тому, как они вмешиваются в наши», не вмешиваемся. Мы таких приемов в нашей борьбе не употребляли, не употребляем и не будем употреблять.

Таково положение вещей, которое создалось сейчас, таковы те внутренние основные причины, которые вызвали исключительный интерес к этому процессу и которые, в конце-концов, определили собой деятельность контрреволюционной организации, присвоившей себе наименование «Промпартии».

Наше дело сейчас — разобраться в этой организации. Нам нужно разобраться во всей сложности классовой борьбы, во всем сложном переплете вопросов политики, экономики и техники, сплетения различных интересов групповых, классовых, личных, которые переплелись в данном процессе, для того, чтобы реально оценить и разрешить вопрос о степени реальной опасности, в которую была поставлена страна в целом деятельностью этих людей, и для того, чтобы одновременно определить и оценить степень индивидуальной опасности, которую представляет собой каждый из них, ибо мы, независимо от этих общих причин, действующих и на нас, разбираем все же конкретное судебное дело и в этом конкретном судебном деле должны разобраться так, как это подобает сделать на судебном процессе.

4. «Промпартия» — собиратель и руководитель вредительской работы

Я кончил тем, что указал, в какую сложную канву переплелись различного рода интересы в настоящем процессе. В этой канве переплелись интересы мирового масштаба, интересы буржуазии как класса в целом, для которой существование СССР как факта на территории земного шара является прорывом в мировом господстве империалистической буржуазии, нарушением равновесия в этом господстве буржуазии как класса, нарушением устойчивости ее положения как мирового гегемона, направляющего все отрасли общественной, хозяйственной и политической жизни. Вот один узел, который завязан в этом процессе.

Интересы класса буржуазии, взятые в национальном разрезе, буржуазии как класса, господствующего в отдельных государствах, на отдельных отрезках земного шара, французской буржуазии, польской буржуазии, румынской буржуазии, для которой существование СССР, его дальнейшее процветание и устойчивость являются ближайшей угрозой развития революционного

движения в их собственной стране и их устойчивости как класса эксплоататоров в своей стране.

Интересы буржуазии как класса, ограниченного в национальном разрезе, — вот второй узел, который завязан в этом процессе.

Групповые интересы буржуазии, претендующей занять господствующую роль в определенных отраслях промышленности, претендующей на господство на мировом рынке, также нашли свое отражение тут. Возьмем нефтяную отрасль и группу Детердинга, возьмем «Торгпром» как объединение бывших русских собственников, — вот вам совокупность нарушенных интересов буржуазии, взятых в групповом разрезе. Это — третий узел, который также завязан в этом процессе.

Интересы отдельных группировок более узкого масштаба, интересы, скажем, определенной части инженерства, занимавшей командное положение при капиталистическом методе управления промышленностью и капиталистическом методе хозяйства, интересы определенных слоев, выходящих за пределы только инженерной среды, интересы верхушки интеллигенции, до утверждения диктатуры пролетариата монопольно обладавшей и державшей в своих руках доступ к основным управляющим должностям в государственном аппарате, — вот вам группа интересов, также нарушенных фактом существования СССР, фактом существования диктатуры пролетариата. Вот еще один узел, также завязанный в этом процессе.

Наконец, личные интересы отдельных лиц — Федотова, Куприянова и Ситнина, имевших личную крупную собственность и непосредственно руководивших крупнейшими предприятиями или объединениями предприятий при капиталистическом порядке, наконец, даже интересы лиц, непосредственно не имевших такой непосредственной связи с управлением промышленностью, интересы того же Чарновского, того же Рамзина, того же Калинникова, которые были поставлены при диктатуре пролетариата в условия, нарушившие прежние привычные методы их жизни, быта, разбившие перспективы, которые они ставили себе в развитии своей служебной и личной карьеры, — вот вам наличие этих интересов, главным образом нарушенных фактом господства диктатуры пролетариата, фактом существования СССР и равным образом являющихся еще одним узлом, завязанным на этом процессе.

Мне приходится оставить в стороне вопросы мировой политики, вопросы борьбы за восстановление интересов буржуазии как класса в мировом масштабе или в национальном разрезе, говорить, анализировать и ближе рассматривать степень влияния на деятельность подсудимых нарушенности интересов их групповых прослоек, а также личных интересов отдельных конкретных лиц.

Но основного угла зрения, под которым должна рассматриваться все же их «работа», мы не можем ни на одну секунду

упускать из виду, основного угла зрения, который определяется как угол зрения борьбы за внешнюю безопасность нашей страны, борьбы за возможность спокойно продолжать социалистическое строительство, борьбы за возможность рабочему классу — хозяину в нашей стране — делать и строить свою страну и свое хозяйство и свое государство так, как он хочет сам, так, как он разумеет, как он понимает. Эта работа и эта возможность поставлены под прямую угрозу, и этот угол зрения не может быть нами ни на минуту забываем даже тогда, когда мы спускаемся в область рассмотрения мелочей, индивидуальных интересов отдельных лиц и ролей отдельных обвиняемых в этом деле.

Я начну с общего определения и характеристики в общем той работы, которую делали и исполняли подсудимые по сравнению с тем, что было до них. Постараюсь определить прежде всего их место и удельный вес в том общем процессе развития вредительской работы, которое имело место за последние два года до их вступления в центральную вредительскую организацию.

Должно отметить, и об этом мы уже много раз говорили, — это общеизвестный факт в нашей советской действительности, — что вредительство мы рассматриваем не как изолированное действие отдельной группы лиц, а как метод классовой борьбы буржуазии в целом. Этим объясняется, во-первых, многочисленность вредительских организаций, во-вторых, их приблизительно одновременное возникновение в разных отраслях промышленности сепаратно, их дальнейшее развитие в области внутреннего содержания работы и то, что они, в конце концов, слились в одном центре.

Вот данные, которые прошли уже на судебном следствии и которые должны быть здесь отмечены.

По Народному комиссариату путей сообщения из слов свидетеля Красовского и из слов самих подсудимых и из фактов, имеющихся в распоряжении суда, изложенных в тех документах, которые приобщены к делу, мы знаем, что вредительство в области транспорта зародилось не в 1927 году, а зародилось раньше, зародилось самостоятельно в среде путейского инженерства, а в 1927 году или в начале 1928 года лишь слилось с центральной вредительской организацией.

Это, как будто, говорит в пользу подсудимых. Я это учту при определении итоговой оценки степени общественной опасности данных лиц.

Военная промышленность. По тем же данным мы знаем, что ликвидация вредительской организации в военной промышленности имела место в период, когда данная центральная организация в свою окончательную форму — центрального комитета «Промышленной партии» — еще не оформилась, или когда к этому времени были созданы лишь основные элементы ее, впоследствии оформившиеся довольно быстро. Здесь мы имеем та-

кую же картину, как и по Народному комиссариату путей сообщения.

Текстильная промышленность. Нам говорили здесь о работе Лопатина; Куприянов, Ситнин, Федотов сообщали нам, что они свою работу, начало своей вредительской работы датируют: одни — половиной 1925 года, другие — половиной 1926 года.

Таким образом и здесь мы имеем ту же самую картину, и эта отрасль вредительской работы возникновение свое также относит к моменту до образования центральной единой группы вредителей.

Нефть. Здесь говорили о Стрижеве, о теснейших связях, которые он самостоятельно по своей линии имел с бывшими нефтяными промышленниками. Налицо та же самая картина.

Уголь. Но мы знаем из шахтинского процесса, что в угольной промышленности первые связи с бывшими хозяевами и первые формы и методы вредительской работы и акты вредительской работы относятся к 1920—1921—1922 гг., а окончательное оформление получают к 1924—1925 году.

И, наконец, такие работы, как ирригационные, мелиоративные работы, где вредительство руководилось Кенигом и Ризенкампфом, также свое возникновение относят к 1926 году, о чем говорил нам Михайленко.

Отсюда уже сами собой обрисовываются объективные роль и значение вредительской центральной группы. Они, эти конкретные подсудимые, не являются инициаторами, так сказать основоположниками вредительской работы. Я бы их назвал собирателями, конденсаторами вредительства. Они, выражаясь термином, который в нашем советском быту приобрел уже несколько иронический смысл, они, согласно этой иронически употребляемой формуле, «согласовали и увязали» вредительскую работу.

Роль их и значение — в факте объединения в одной организации этих отдельных ручьев или отдельных русел вредительского дела. Они объединили — и, что всего характернее, в качестве объединителей, — тех, кто положил начало этому объединению, они называют лиц, которые нам известны как руководители, основоположники шахтинского вредительства в угольной промышленности: Рабиновича и Пальчинского.

Следующим явился Хренников, присоединивший, влившийся сюда металлическую промышленность. Затем через него и при посредстве этих трех лиц, еще до вступления Рамзина, в единую организацию влились текстиль, нефть, затем присоединили НКПС, военную промышленность и другие.

Итак, прежде всего общая объективная характеристика, которая должна быть дана, будет сводиться к следующему: вредительский центр, создавшийся на рубеже 1927 года, составивший свою центральную организацию «Инженерно-технического центра», объединил собой все до нее возникшие сепаратно, но сложившиеся в определенные, прочно внутренне спаянные и увязан-

ные (опять этот термин) группы вредителей в отдельных отраслях.

Какая же роль этого момента? Является ли обстоятельством, как выражаются, смягчающим ответственность, то, что не они создали, то, что не они инициаторы? Но они руководители. И если мы на чашу весов положим эти два факта, — не инициаторы, но объединители и руководители, — я думаю, совершенно ясен сам собою уже будет ответ на вопрос о степени их прямой, выражаясь старым термином, виновности и степени их опасности для советского порядка. Таково значение этой группы, взятой как руководящий центр.

Из этого факта, однако, вытекает и целый ряд других выводов, которые мы также должны сейчас же здесь отметить, чтобы было понятно многое из того, что прошло на судебном следствии и о чем придется говорить.

5. Строение вредительской организации

Этим объясняется и строение их организаций. Проанализируем этот факт подробнее, ибо нам нужен этот анализ и для другой цели — установления достоверности того, что сообщают нам вообще подсудимые.

Возьмем этот факт — строение организации. Эта организация, по словам Рамзина (так он нам сообщил на предварительном следствии, так он подтвердил и во время судебного следствия, и это подтвердили остальные обвиняемые), была построена по принципу отраслевой связи, по так называемым цепочкам, другими словами, по отдельным отраслям, где по цепочке шло руководство из одного объединенного центра, руководство различными вредительскими организациями, и где поэтому часто вредители одной цепочки не знали вредителей другой цепочки. Работники в одной определенной отрасли не знали работников других отраслей кроме основных руководителей, кроме головки. Мало того, лишь за последнее время, как говорил Рамзин, были попытки создавать отраслевые центры по горизонтали, основной же принцип, который сохранен от начала до конца, был принцип строительства по вертикали.

Перед нами прошли свидетели. Я думаю, ни один из свидетелей — ни Цейдлер, ни Михаленко, ни Сироцинский, — ни один из этих свидетелей ни в малой степени не был заинтересован в том, чтобы не говорить правду в ответ на вопрос о том, знали ли они и кого знали из сидящих здесь лиц, знали они или не знали, каким образом организована их вредительская верхушка, каким образом организовано непосредственное представительство или контакт этих вредительских организаций.

И они говорили — возьмем Цейдлера, вспомним его показания (а он является работником в немаловажной отрасли водного хозяйства, по хлопку, и играл в ней не последнюю роль); ко-

гда ему задали вопрос, кого конкретно он знает и что вообще он знает о руководящем составе, он назвал три имени, а остальных, сказал, не знает.

Михаленко — периферийный работник, конкретный исполнитель конкретных задач, — знает еще меньше: он знает Спарро, слышал кое-что о Цейдлере как о непосредственном начальнике, слышал про Ризенкампфа. И когда сказал: «Посмотрите на присутствующих, кого вы знаете?»—он сказал, что никого не знает.

Возьмем Сироцинского, это — интереснейший момент развития судебного следствия, поскольку он соприкасается с организацией, имевшей место в Наркомтруде, имевшей свои самостоятельные заграничные связи и лишь в порядке дальнейшего согласования своей работы объединившей эту работу с вредительским центром. Мы видим, что Сироцинский назвал имя Клевезаля, он говорил о Кузнецове — о Кузнецове говорил и Федотов — и о Кольцове и о Кудрявцеве, но говорил лишь в определенной части, лишь в той части, в которой эти лица или в которой с этими лицами соприкасался центр.

Такое положение вещей мы встречаем в показаниях всех свидетелей. Оно не противоречит тем общим принципам строения организации, той характеристике, которая была дана подсудимым Рамзиным. Мы здесь противоречий не нашли. Мы убедились в этом путем вызова живых людей. Мы получили реальные доказательства именно такого строения организации, при которой периферия знала лишь свое ближайшее вредительское начальство, через кого происходит общее объединение во вредительском центре. И лишь те, которые непосредственно входили в контакт с вредительским центром, знали и о содержании работы, знали и о том, каким путем осуществляется этот контакт. Мало того, со стороны вредительского центра и отдельных руководящих его деятелей мы слышали указания на то, в какой мере они осведомлены о техническом содержании конкретных технических работ. Когда я спросил Цейдлера о вредительстве в области водного хозяйства и хлопка, могло ли быть осуществлено вредительство путем такого проведения системы орошения водного хозяйства, при котором заведомо бы исключалась возможность получения требуемого количества хлопка, то он ответил мне, что этот метод не употреблялся. Рамзин же на тот же вопрос ответил, что эта отрасль вредительской техники ему незнакома.

Я потом подробно остановлюсь на анализе показаний Рамзина и установлю, что́ ему было хорошо известно и чего он действительно не знал или говорит, что не знал, и в области ирригационных работ в плоскости вредительства. На слово верить гражданину Рамзину и всем остальным, несмотря на их заявления о чистосердечном раскаянии, я не могу и не верю. Поэтому я подвергну потом анализу их чистосердечное раскаяние, но об этом после.

Здесь я разрешу себе лишь констатировать факт, что строение вредительской организации, таким образом созданной, цели-

ком совпадает, во-первых, с историческим ходом развития вредительских организаций, с интересами конспирации, с заявлениями свидетелей, да и с фактическим положением дела, поскольку было объективно трудно при таком построении вредительской организации и вредительских связей — да и не нужно было — руководящему центру знать непосредственно как весь состав, так и конкретные дела, которые эта организация или ее отдельные члены исполняли. Так строилась организация. Интересно отметить, что даже в пределах отдельной отрасли промышленности, скажем, в пределах Народного комиссариата путей сообщения, мы можем установить, что там равным образом вредительство строилось тоже по отдельным специальным отраслям работы Народного комиссариата путей сообщения и что тут тот же принцип выдерживался от начала до конца. Этот принцип не может быть выдуманным. Он сам собой подсказывался жизнью, поскольку вредители имели в своем распоряжении такую прекрасную готовую схему отношений, как схему сложившейся иерархической системы подчинения. Эта схема сложившейся системы иерархического подчинения, эта иерархическая лестница должностей сама собой служила той организационной спайкой, той организационной связью, которой должны были и не могли не воспользоваться вредители в своих целях.

Вот почему, если мы констатировали выше, что тут отдельные вредительские ручьи слились в одно русло, сплелись в один вредительский узел, то строение организации сохранилось прежнее, и вопрос шел только о методах руководства и управления, то есть вопрос шел о том, чтобы обеспечить точность исполнения директив. Для этого нужно было лишь поставить то, что известно под именем «контроля исполнения».

С другой стороны, надо было обеспечить возможность планового управления этими отраслями, а это делал Госплан. Вот почему основные работники Госплана, вот почему Госплан явился особенно атакованным вредителями, я бы сказал, местом, на которое направляли теперь, в эту пору, свой удар вредители. Я имею в виду не только Ларичева, Чарновского, Федотова и других. Я имею в виду зампреда Госплана Осадчего. Это не председатель отдельной секции, а человек, который являлся заместителем руководителя всего учреждения.

Вот почему вопрос о завоевании Осадчего явился крупнейшим вопросом для организации и вот почему сюда были направлены усилия. Спрашивается, эта цель была достигнута или нет? Ответ ясен, его мы слышали непосредственно из уст Осадчего. Госплан был завоеван в лице основных руководящих групп и в лице основных его руководителей как в отраслях, так и непосредственно в руководящей верхушке.

Я раньше чем подойти к анализу конкретной стороны работы, остановлюсь еще на одном, казалось бы, несколько отвлеченном вопросе, имеющем, однако, самое непосредственно актуальное практическое значение. Мы привыкли еще со времен своей

борьбы с царизмом подпольную организацию представлять себе несколько иначе, чем та организация, дело которой сейчас рассматривается. В нашем представлении, в нашем понимании подпольная работа есть работа, построенная на началах подпольных ячеек, подпольных групп, руководящих комитетов и т. д., непосредственно не связанная с теми или другими отраслями практической повседневной деловой работы госучреждений. Политическая пропаганда при этом, установление связей с массами, руководство ими составляли ядро нашей работы. Характерным для этой организации является, наоборот, то, что здесь подпольная организация включилась в государственный механизм, что здесь подпольная организация своими щупальцами проникла непосредственно в поры государственного организма. Этот факт имеет, впрочем, естественное, совершенно жизненное и историческое объяснение. Лишенная в силу своего классового характера какой бы то ни было возможности опереться на массы, она вынуждена была направить свою преступную работу именно на вредительство в порах государственного организма на началах замкнутой, кастовой, почти чиновной иерархии. И естественно, сам собой возникает вопрос: почему же инженерство получило в этой подпольной организации руководящую роль? Мы говорили об этом частично в шахтинском процессе, об этом много раз говорили в печати. Я подробно возвращаться к этому не хочу, но считаю нужным подчеркнуть лишь одну из причин этого факта. Мы строим страну крупной машинной индустрии. Наш лозунг — социалистическая индустриализация страны, причем в таком размере, чтобы стал реальным фактом наш лозунг — «д о г н а т ь и п е р е г н а т ь», не шуткой, не фразой, а делом. Мы хотим сделать нашу страну, с точки зрения машинной техники, с точки зрения орудий производства, такой, которая бы не только стояла на уровне, но и перегнала западноевропейские и американские страны. Пусть смеются, а мы покажем делом.

Для этой роли, для этой работы во всех отраслях производства инженерство является прослойкой, сосредоточивающей в себе всю совокупность необходимых технических знаний, технических методов практического руководства каждым нервом работы в каждый день и в каждой отрасли работы снизу и доверху, начиная с Госплана и его секций и кончая последним небольшим предприятием на территории СССР. Оно является, таким образом, объективно необходимым элементом, без которого объективно невозможно ни построение такой страны, ни руководство практическим делом. Это не значит, что объективно невозможно обойтись без данного инженерства, это не значит, что объективно невозможно обойтись без инженерства в старом понимании как особого технического слоя технической интеллигенции. Наши инженеры, наши новые инженеры, наши красные инженеры, инженеры из рабочей среды, пришедшие к инженерству непосредственно от станков, непосредственно от орудий производства, — вот та сила, которая воспримет и уже частично восприняла всю

эту совокупность знаний, а у нас нет оснований думать, что она неспособна воспринять знания, хотя это и предполагает известная часть старой интеллигенции, и эту силу мы готовим для построения социалистического строя и при помощи этой силы мы построим новую жизнь.

Но пока основная проблема кадров не разрешена до конца, до этого момента инженерство является таким, каким оно есть, каким его нам дала жизнь, каким его дали условия прошлые и настоящие, условия классовой борьбы со всеми их навыками, воззрениями, взглядами и привычками. Вот почему, поскольку центр тяжести всей жизни сосредоточен на этой области, поскольку этот наш лозунг является основным и поскольку вся остальная, так называемая гуманитарная интеллигенция уже или в громаднейшем большинстве заполняется новыми, создавшимися из среды рабочего класса слоями, именно та часть старого инженерства, которая была и осталась определенной классовой группировкой, внутренне спаянной определенными классовыми симпатиями и антипатиями, эта часть инженерства объективно стала той силой, в которой сосредоточилось контрреволюционное вредительство. Я бы сказал, что с этой точки зрения еще большой вопрос, кто опаснее: те 200 000, которыми бесшабашно хвастал представитель Кондратьевско-Чаяновской группы, или те 2 000, если даже они существуют, о которых говорил Рамзин как об армии, которой располагает инженерно-технический центр. Еще большой вопрос, насколько в практической подготовке расстройства, краха, прорыва и недохваток в хозяйственной жизни эти 2000 менее весомы и насколько с большим правом и основанием может Рамзин противопоставить этим фантастическим 200 000 своих 2000 инженеров. Возьмем инженерную ячейку в любом предприятии и возьмем любую контрреволюционную группировку, созданную из кулацких элементов в деревне или из обывательщины в городе. Кто практически сможет больше навредить? Конечно, те люди, которые привыкли изо дня в день работать на производстве, которые знают его до винтика, знают деталь каждой машины, могут определить значимость ее для контрреволюционной работы. Недаром они так быстро перешли к вопросу о диверсии, к организации диверсионных групп, к техническим методам подготовки интервенции.

Я не хочу ни в малой степени утверждать, что в инженерстве в целом находилось много людей вроде Рамзина, но я не хочу и преуменьшать их значения. Допустим на минуту, что те 2 000, о которых тут говорили, что эта цифра не преувеличена. Они представляют собой силу, с которой нельзя не считаться, поскольку они сидят в производстве. Но уже можно зато и сказать, что это — все, на что вообще Рамзины могут рассчитывать.

За пределами этих 2000 у них сторонников нет. Ибо 13 лет прошли недаром, и Октябрь, разделивший их и нас, бросивший их в лагерь контрреволюционеров, Октябрь — это уже не вче-

рашний день. Это уже не год назад. Прошло 13 лет. Недаром поэтому и они говорят о том, что в течение уже ближайших лет будут созданы и заполнены новые кадры, число их сторонников станет еще меньше, за пределами двух—трех тысяч, они уже сейчас едва ли могут рассчитывать на новые ряды. Но эти две—три тысячи есть, эти две—три тысячи работают, и с этой точки зрения приходится расценивать их объективную опасность.

6. Реальное содержание политической программы Промпартии

Я остановлюсь еще на одном вопросе, потому что он интересен с точки зрения понимания идеологии этих лиц.

На судебном следствии шел мелком спор о теории управления государством с помощью инженеров, о теории Баллода (гражданин Рамзин говорил даже о Платоне), о так называемом инженерном правительстве. Любое инженерное правительство, которое осуществляло бы руководство государственной политической жизнью страны не в соответствии с интересами какого-либо определенного класса, экономически сильного класса, экономически опирающегося на свою роль в производстве и распределении, — такое инженерное правительство — мыльный пузырь, пуф, пустяк, болтовня, глупость, непонимание. Это доказано и историей всех революций вообще, и историей любого государственного экономического и классового конфликта в частности.

И полагать, что если бы в нашей стране произошла интервенция и если бы в результате интервенции получили власть интервенты, полагать, что в этой стране финансирующие вредителей, стоящие за их спиной, использующие их группы бывших русских промышленников руководящая группа иностранной буржуазии, заинтересованная в интервенции, группа старого, уничтоженного революцией помещичьего класса, царские генералы Лукомский, Миллер, Богаевский будут хотя бы на одну секунду думать о том, чтобы поставить в качестве руководителей страны гражданина Рамзина, гражданина Федотова или, еще лучше, гражданина Чарновского, да еще в качестве проводящих самостоятельную политику людей, — я сказал на судебном следствии, — верить в это есть либо политическая наивность, надо сказать, политическая глупость, либо политическое лицемерие, поскольку это заведомо неверно, заведомо вздорно.

А между тем не отвечающая ни на одну йоту реальному соотношению сил эта идея распространялась, муссировалась и служила приманкой или удочкой, при помощи которой Рамзины ловили или хотели подловить легковерных, непонимающих ни аза в политике дурачков. А между тем мы слышали от гражданина Рамзина горделивое утверждение, что именно так он полагал и что даже лично он, в известной степени, считал реальными такие предположения. Другие подсудимые, когда я их спрашивал,

на этот счет давали более откровенный ответ, что, конечно, политической наивностью с их стороны было в это верить. Но я не хочу этим подсудимым приклеивать ярлык только политически наивных людей, ни Чарновскому, ни даже Ситнину.

О степени политической наивности Ситнина и степени его практической сметки мы еще поговорим. Во всяком случае, люди, которые непосредственно входили в соприкосновение с руководящими китами заграничной торгово-промышленной буржуазии, входившие в непосредственные сношения с военными командными кругами, говорившие с Лукомским, с ним определявшие план действий, соглашавшиеся на его диктатуру, — эти люди, впоследствии точно договаривавшиеся о цене за интервенцию, которую придется заплатить, — верить в политическую наивность этих людей нет никаких оснований. «Политическое лицемерие» по отношению к своим сотрудникам — это еще туда-сюда, — так можно было бы охарактеризовать их позицию, хотя я взял бы и тут более резкое выражение, — это не политическое лицемерие, а сознательно практиковавшийся п о л и т и ч е с к и й о б м а н.

Я останавливался в судебном следствии специально на вопросе о цене интервенции. Что стоила бы интервенция рабочему классу и широким трудящимся массам СССР? Диктатура генералов старых, диктатура царских генералов, — что она могла бы с собою нести, что она с собою бы принесла?

Я позволю себе взять выдержку, которую я сегодня приобщил к делу, о Суворовских торжествах в Париже, и процитирую ее в определенных частях. Она скажет, о чем думают, о чем мечтают эти генералы. Извиняюсь за режущий наше ухо стиль этой заметки:

«8½ часов вечера. Эффектный зал с трудом вмещает русскую колонию Парижа. Среди присутствующих: великая княгиня Елена Владимировна, великий князь Андрей Владимирович, князь Гавриил Константинович, митрополит Евлогий, французские офицеры в форме Скауты с розетками цветов дома Суворовых размещают прибывающих. На эстраде за столом А. А. Башмаков, член Высшего военного совета Франции генерал Ниссель, генерал Алячиков, генерал Баратов, генерал Богаевский, адмирал Кедров, полковник Молоствов, адмирал Русин. За ними на эстраде — офицеры лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков.

Еще дальше — духовой оркестр инвалидов и хор кубанских казаков. В глубине — портрет генералиссимуса Суворова и его герб, задрапированные национальными и андреевским флагами.

Председательствует генерал Ниссель в полной парадной форме, при всех орденах и с лентой Почетного легиона через плечо. В приветственном слове председатель Суворовского комитета А. А. Башмаков предлагает по русскому обычаю начать с молитвы и помянуть тех, кто погиб за родину. Все встают. Оркестр исполняет «Коль славен», а хор — «Вечную память».

Первым произносит речь заслуженный профессор Николаевской военной академии генерал-лейтенант Гулевич. Его прекрасная речь «Суворов — Российской армии победоносец» посвящена выяснению личности великого полководца...

... Следующий оратор — бывший командующий русскими войсками во Франции, генерал-лейтенант Лохвицкий. В своей речи «Суворовская школа» он талантливо обрисовал личность Суворова, который прежде всего был русским человеком и русским полководцем. Будучи образцом человека и воина, сильного верой в бога, преданностью царю и любовью к родине, он в этом духе воспитывал и солдата...

... Суворовские заветы обязывают ко многому — к вере, верности государю и родине. Они должны быть положены в основу и нашу, когда от нас потребуется воля к победе.

Звуки «Семеновского марша» покрывают аплодисменты после прочувствованной речи генерала Лохвицкого.

Ярким выразителем неугасаемых суворовских чувств и традиций был А. А. Башмаков, один из потомков Суворова во втором колене. В прекрасной речи «Суворовские заветы» сначала на русском, а затем на французском языке, докладчик отмечает, что ему, гражданскому деятелю, не случайно выпала честь говорить о великом полководце. Отсутствие в русской гражданственности тех суворовских заветов, которыми была всегда сильна армия, повлекло катастрофу нашей родины...

... Заветы Суворова, этого поэта бранного поля, одаренного вещим угадыванием правды государственной, сводились к формуле «За веру, царя и отечество». Вера явилась на Руси прежде всего. На почве православной веры выросло представление о царе земли русской. Третий элемент суворовской формулы — отечество — не успел окрепнуть в сознании русского народа к моменту русской смуты...

... Лишь усвоение суворовских заветов во всех областях нашей государственности может спасти нашу родину, — только на путях великого Суворова воскреснет Россия.

Речь А. А. Башмакова была покрыта шумными несмолкаемыми аплодисментами, вслед за которыми оркестр и хор исполнили русский национальный гимн. Последним на этом собрании говорит генерал Ниссель, испытанный друг русских. В своей речи «Суворов и Франция» он талантливо обрисовал первые боевые столкновения России и Франции в итальянскую и швейцарскую кампанию Суворова...

... Это чувство взаимного уважения окрепло во время наполеоновских войн, а в севастопольскую кампанию перешло в симпатию. Великая война, наконец, навеки закрепила дружбу двух народов, французского и русского. Франция никогда не забудет услуги России, пожертвовавшей своими корпусами в Восточной Пруссии для спасения французской армии на Марне.

... В заключение генерал Ниссель на русском языке предлагает почтить героя русским «ура».

Громкое «ура», аплодисменты, оркестр играет «Марсельезу». Французскому генералу устраивают шумные овации, слышатся крики «вив ля Франс!»

В конце собрания, по просьбе присутствующих, оркестр исполняет национальный гимн».

Из всей этой болтовни для нас важно отметить только одно, — для нас важно отметить только политические лозунги этой группы. Эти лозунги — «за веру, царя и отечество», эти лозунги — старое самодержавие со всеми его прелестями, со всеми его мерзостями, со всеми его подлостями

Эту практическую программу готовили для СССР обвиняемые, определяя свою практическую программу как военную диктатуру Лукомского, одного из этих генералов. Что же, Лукомский один бы пришел? А вся эта свора акул и кровопийц, вся эта свора раздавленных историей гадов, — она бы не поползла сюда со своим змеиным шипом из всех закоулков? И Лукомский вам бы передал, гражданин Рамзин, право «владеть и княжить землей русской»? Вы сами, гражданин Рамзин сказали «Сначала успокоение, а затем реформы», вначале зверства, расстрелы, карательные экспедиции, гекатомбы человеческих трупов, миллионы жертв со стороны рабочего класса и крестьянства, а потом? Потом Рамзину сказали бы: «Пошел прочь, холоп! Ты свое дело сделал!»

Вот реальная картина будущего, которую готовили эти господа.

Вот реальная картина той практической программы, которую готовила эта сорганизовавшаяся контрреволюция с цветом технического инженерства во главе, опиравшаяся на свою армию вредителей и связавшаяся для этого с зарубежной контрреволюцией и эмиграцией

Реставрация капитализма — вот реальная цель, которую практически себе ставили эти господа Ну, а вопрос о «государственном капитализме», сторонниками которого были Ларичев и Рамзин? Позвольте эту часть программы коротенечко только разобрать Я не буду говорить о том, что понятие государственного капитализма у Рамзина довольно своеобразное Я не буду анализировать его понимания, скажу лишь по существу сохранение фабрик и основных отраслей промышленности в руках государства Объективно на это пошли бы промышленники? Он с Рябушинским говорил Рамзин, катаясь по Булонскому лесу на автомобиле, договаривался об этом с Владимиром Рябушинским Мы читали здесь статью Владимира Рябушинского целиком оправдавшую ту характеристику, которую ему дал подсудимый Федотов грибоедовскими словами «Уж разве поумнел» Но кто был во время этой поездки все-таки умнее? Владимир Рябушинский или Рамзин, поверивший Рябушинскому в том, что, мол, лишь вопросы земельные не согласованы, потому что помещики еще не согласны на невозврат земли, капиталисты, мол, уже согласились?

Помещики, видите ли, еще не совсем согласны, а капиталисты уже согласились отдать свои фабрики и заводы государству. Рамзин их уговорил. Я думаю, что здесь при анализе конкретного соотношения общественных сил ответ на вопрос, кто был умнее, — Рамзин или Рябушинский, — не вызывает никаких сомнений.

После обрисовки картины того, как сложилась контрреволюционная организация, и определения удельного веса данной вредительской организации в лице ее центральной группы, рассмотрения ее практической программы, а не программы, о которой говорилось на словах, я должен перейти к анализу непосредственно конкретных дел этой группы, проанализировать их конкретные дела.

Я должен только в двух словах остановиться еще на одном вопросе. Эта политическая программа была выработана ими не сразу. Она была выработана в результате целого ряда совещаний и, в частности, на совещаниях контактного характера с группой Кондратьева — Чаянова, причем была выработана не только программа, а был выработан или спроектирован соответствующий список министров и министерских портфелей. Меня заинтересовал вопрос: зачем им понадобилось переформировать себя в «Промышленную партию»? Этому вопросу в обвинительном заключении уделено много места, и этот вопрос они сами равным образом изложили в своих показаниях. И все-таки осталась неясность. Зачем вдруг людям, стоящим далеко от чистой политики, никогда специально политикой как таковой, политической жизнью, за редким исключением, не занимавшимся, зачем им понадобилось объединиться в «Промышленную партию», зачем им нужно было переименоваться из «Инженерно-технического центра»?

Здесь выставлялись три мотива. Во-первых, не мы одни, мол, боремся против диктатуры пролетариата и, следовательно, не мы одни будем претендовать на наследство, существуют и иные антисоветские силы, между тем вопрос распределения портфелей есть важный вопрос. А распределяются портфели по партиям. Следовательно, надо иметь тоже партию. Это — одно соображение.

Другое соображение. Вопросы политики в настоящий момент у нас уже преобладают. Вопросы эти конкретно ставятся жизнью. Интервенция не за горами и поэтому вопрос о том, что и как делать, есть реальный практический вопрос. Между тем вопросы политики — дело партии. Второе соображение.

Третье соображение, чисто практического характера. Вопрос о согласовании своих идеологических установок непосредственно за границей был поручен Рамзину в его поездку в 1927 году. Для этого также надо было их точно определить самим. А это — дело партии.

Они видели, наконец, пример, как сплоченная, единая, силь-

ная, мощная, боевая коммунистическая партия ведет свое дело. Они решили — мы тоже «партия», и у нас тоже «ЦК».

Но это образование политической партии ценно в одном. В том, что оно заставило их поставить точки над «i», что оно заставило их назвать себя тем, чем они по существу были, партией промышленного капитала, партией агентов крупной промышленной буржуазии. И еще важно отметить, что кондратьевско-чаяновская группа в этой будущей дележке неубитого медведя сознательно согласилась, хотя у нее был свой список министров, на то, чтобы ей было дано одно или в крайнем случае два места. Эта группа контрреволюционной мелкой буржуазии, группа контрреволюционного кулачества, идеологами которого являлись Чаяновы и Юровские, — она знала наперед свое место в будущем. Это также является характерным с точки зрения того реального будущего, которое готовила стране эта группа контрреволюционеров.

7. Почему сознаются подсудимые?

Вот то, что надлежит еще сказать по поводу истории «Промпартии» и ее ЦК, по поводу эволюции союза инженерно-технических организаций в «Промпартию». Характерно, что инициаторами и этого вопроса являлись те же два лица — Пальчинский и Рабинович, по существу главари, по существу вожаки, теснейшим образом связанные с промышленным капиталом, сами бывшие промышленники.

Я перейду к анализу улик по основным пунктам обвинения, которое предъявлено данным лицам, ибо для меня прежде всего все же этот процесс есть процесс данных лиц, есть процесс ЦК так называемой «Промпартии».

Одним из вопросов или, вернее, методов опорачивания настоящего процесса являются лицемерные выражения недоумения по поводу того, что́ же это за процесс, в котором подсудимые все сознаются. Какую объективную ценность имеет это сознание? И как с этой точки зрения надлежит относиться и к этому сознанию и к этому процессу. Я поставлю вопрос иначе, — о так называемых объективных уликах я буду еще говорить, — но я поставлю вопрос так: какие вообще могут быть улики в таком процессе? Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых. На одну минуту станем на точку зрения тех, которые не видят в этом факте решающей улики; тогда получается такая картина: вот ни с того ни с сего ОГПУ арестовало Рамзина, сперва Ларичева, потом Рамзина, еще раньше Федотова, еще раньше Красовского, еще раньше вредителей-снабженцев арестовало, потом арестовало остальных, включая весь состав скамьи подсудимых. Почему оно их арестовало? Если допустить хотя бы на одну секунду, что эти люди говорят неправду, то почему именно их арестовали, и почему потом вдруг

эти люди заговорили? И заговорили, хотя разновременно, и о работе в различных отраслях промышленности, совершаемой ими на протяжении ряда лет, но заговорили, не имея никакого общения друг с другом, одно и то же о методах, характерных для каждой отрасли промышленности в отдельности, о целях, причем их показания исторически совпадают и в датах, и в фактах, и в задачах, как они их себе ставили. Можно ли на одну секунду допустить объективную возможность такого гигантского сговора всех этих лиц, арестованных разновременно, каждый по своему делу и в разных отраслях, которые показывают одинаково лишь о методах, лишь о планах и целях с сохранением разницы в техническом существе вредительства по каждой отдельной отрасли промышленности?

Проанализируем дальше тот же вопрос: какие улики могут быть? Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом, оказывается, там, где они были, документы уничтожались. На шахтинском процессе был установлен один такой момент, когда благодаря нашей недальновидности было рассказано на собрании вредителей о раскрытом заговоре. После этого вредители, бывшие на этом собрании, поторопились уничтожить имевшиеся в их распоряжении вредительские документы. Конечно, такие документы, как письма «Торгпрома» и другие, были уничтожены и в настоящем случае. Я спрашивал: а, может быть, какой-нибудь случайный остался? Было бы тщетно на это надеяться...

Но все же не все документы были уничтожены. Я на судебном следствии не настаивал, не поднимал вопроса о приобщении к делу документов, не имевших отношения непосредственно к деятельности подсудимых, но в материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова к Лопатину и Лопатина к Третьякову. Но эти письма относятся к прошлым годам и их приобщать нет нужды. Это было еще тогда, когда связи носили случайный характер. В период налаженной организованной связи документы не сохраняются. Люди? Свидетели? Желать, чтобы сюда пришли люди и рассказали о вредительской организации, причем эти люди, руководившие вредительской организацией, находились бы на свободе, чтобы они пришли к нам и как бы со стороны рассказали обо всем, — мы же не идиоты, чтобы оставить таких людей на свободе. Что означало бы такое поведение с нашей стороны? И мы арестовали их. Поэтому мы считали вполне возможным, вполне правомерным и необходимым, чтобы сюда приходили люди, которые знают и могут рассказать о вредительской организации, о работе во вредительской организации, люди, содержащиеся под стражей как конкретные носители вредительского зла, чтобы они рассказали: что им известно в пределах их деятельности, чтобы путем сравнения их показаний с показаниями подсудимых, путем изучения отдельных деталей и противоречий, если такие противоречия имеются, установить, в какой степени вероятно, в какой степени обосновано, в какой степени отвечает действительности

то, что говорят подсудимые. Я укажу прямо, что мы таким путем получили. Перед нами был Красовский, арестованный 1 апреля 1928 г. Красовский рассказал о вредительской работе, которая проводилась по НКПС в момент слияния, когда он вошел в центр и там делал свой доклад о вредительской работе по НКПС. Красовский излагал здесь детали этой работы, которые не были известны ни Рамзину, ни Калинникову. Но то, что он передавал по своей отрасли, в этой области хотя бы чем-нибудь в малейшей степени было опорочено или хоть в малой степени противоречило показаниям подсудимых? Во время допроса Красовского я специально обращался к суду с ходатайством о приобщении акта обследовательской комиссии от 1 мая 1928 г. о состоянии мобилизационных запасов паровозов и состоянии железнодорожного транспорта в области крупного и среднего ремонта. Эти цифры, которые я приводил здесь из акта специальной правительственной комиссии, указывали, в какой степени была реализована вредительская работа. Эти цифры, характеризовавшие, что средний ремонт паровозов против нормы был запущен чуть ли не на сто процентов, что являлось прямым исполнением вредительской директивы по НКПС,—эти цифры, подтверждавшиеся соответствующим актом правительственной комиссии, явились таким в этом случае неопровержимым доказательством, против которого нельзя спорить и после которого нельзя говорить о выдуманности показаний Красовского.

Возьмем другие области, любую из областей вредительской организации, о которых мы здесь говорили. Мы увидим и здесь такую же картину полного совпадения и отсутствие противоречий, и об этом я буду говорить в последующем.

Пока что подвергну анализу интересный документ, приобщенный мною к делу, по вопросу о документах, которые могли исходить или могли иметься в «Торгпроме», — это пресловутое письмо в редакцию белогвардейской газетки пресловутого М. Яковлева (я не знаю, существует ли в природе такой Яковлев). Яковлев сообщает в этом письме о д о к у м е н т а х, «которыми пользуется Крыленко в процессе «Промпартии».

Яковлев и редакция, таким образом, наперед знали, что я пользуюсь этими документами. Это письмо опубликовано еще до начала процесса, накануне его—24-го числа. И вот, боясь возможного пользования хотя бы чем-либо похожим на эти документы, они спешат сообщить, мол, что сфабрикованы в Берлине подложные документы и эти подложные документы присланы в распоряжение прокуратуры. «Сенсационное разоблачение документов, которыми пользуется Крыленко», — так озаглавлена белогвардейская заметка. Мы отметили и ответили, что мы не пользуемся этими документами, но просим суд огласить их перечень, опубликованный г. Яковлевым. Вот этот перечень: 1) протокол заседания «Торгпрома» в Париже с указанием лиц, среди которых были названы специалисты, сидящие на скамье подсудимых; 2) секретная переписка Лукомского с высшими чинами

французского генерального штаба; 3) переписка известных деятелей с Пуанкаре; 4) копия соглашения великого князя Николая Николаевича и Лукомского с японским генеральным штабом.

Да. Если бы такие документы были в нашем распоряжении, тогда никакая ложь «Торгпрома», никакие отвиливания Пуанкаре не помогли бы. Но интересно не это. Интересен самый факт увиливания белогвардейщины от таких документов и интересны выводы, проистекающие отсюда.

Одно из двух — или такие документы в природе существуют, или таких документов в природе не существует.

Но в обоих случаях, и в том и в другом случае, вывод получается один и тот же. Если эти документы или подобные им в природе существуют, то этого рода опубликованное заявление какого-то Яковлева в виде письма в редакцию накануне процесса характеризует боязнь «Торгпрома», как бы секрет, устанавливаемый этим документом, не всплыл здесь.

Если эти документы не существуют, то заблаговременное предупреждение о подложности этих документов направлено к дискредитации вообще каких бы то ни было документов, даже не этих, но хотя бы в отдаленной степени на них походящих, если бы они оказались здесь.

И в том и в другом случае такой метод действий со стороны белогвардейщины говорит об одном: о боязни, о страхе, о желании предупредить, о желании нанести контрудар путем выдумки гнуснейших сказок о том, что советская прокуратура когда-нибудь будет пользоваться подложными документами на суде пролетариата.

Мы не из тех, которые пользуются подложными документами. Эта область — специальность русских белогвардейцев. Изготовить подложный документ, передать его в другие руки, надуть там, обмануть здесь, — это их специальность, и, видимо, исходя из этого, они такой метод действий в этом случае приписывают нам.

Оставим этот метод деятельности им. Это их дело. Это их, повторяю, специальность. Нам важна эта бумажка для доказательства того, что при обоих предположениях — и если такие документы есть и если их нет—уши свои показывают господа торгпромовцы, уши показывают господа белогвардейцы!

Я обращаюсь теперь непосредственно к объяснению того, почему сознаются подсудимые.

Вопрос о пытках мы отбросим в сторону. Но даже при самых идиотских допущениях подобного характера это также не сможет объяснить того, как оказались возможны такие детально-технические разные показания по отдельным отраслям промышленности, которые мы имеем по НКПС и по другим отраслям промышленности, целиком подтверждающие официальные данные о результатах вредительской работы в каждой из этих отраслей промышленности.

Но почему, — психологически поставим вопрос, — почему сознаются? А я спрошу: а что им оставалось делать? Отпереться, в расчете на то, что авось потом кто-то придет и выручит? Плохая надежда! Надежд на то, что запирательство что-нибудь даст и к чему-нибудь приведет, — никаких; а если есть остатки совести, они могут только говорить за сознание. Я спрашиваю: чем же еще объяснить, что по всем вредительским делам, которые проходят у нас, мы имеем подавляющее количество фактов сознания?

Если бы за этими людьми стояли широкие массы, на которые бы они опирались, тесная идейная и организационная связь с которыми питала бы их политическое сознание, давала бы им внутреннюю уверенность в правоте их дела, поддерживала бы и воспитывала бы в них политическую стойкость и твердость, тогда — туда-сюда, а тут? Жалкая, изолированная кучка, люди, работавшие за деньги зарубежных групп, давно потерявших какой бы то ни было авторитет и влияние в глазах масс и, наоборот, трактуемых этими массами как враги народа, — на что эта жалкая кучка могла опереться и рассчитывать? Вот почему эти люди, — представители отживающего класса, взятые с поличным, сознаются! Сознаются, так как у них нет другого выхода, ибо никаких идей, даже внутренней убежденности, у них не было и нет, и не может быть, ибо вы видели ц е н у, за которую все это делалось.

Впрочем был, если хотите, в истории их идеологии момент, когда они имели или казалось, что они имели, некоторую общую всем идеологическую почву. Это — момент, когда с введением нэпа они начали строить свою работу в расчете на «неизбежное перерождение» советской власти по пути, возвещенному Устряловым, и на идеях Устрялова базировали свою идеологическую установку. Жизнь разбила эти иллюзии, и, лишенные вновь какой бы то ни было идеологической опоры, они шарахнулись в лагерь прямой контрреволюции и, как наймиты, за деньги стали работать, отказавшись по существу от всяких претензий на идеологическое руководство и политическую устойчивость. В этих условиях им не оставалось ничего, кроме сознания после ареста.

Последняя сцена сегодня перед заключением судебного следствия, самая последняя сцена — с деньгами — ярко подтвердила это. Вы слышали заявление Рамзина Ларичева, Чарновского: «Мы денег не брали» Цена этому заявлению? Грош ему цена.

Вспомните слова Рамзина в его показаниях. Сначала инженеры получали деньги «так» от своих бывших хозяев, а потом... потом о т н и х с т а л и т р е б о в а т ь у с л у г. Когда же вредительская работа развернулась, то система оплаты вредительской работы была средством, с помощью которого вертелось вредительское колесо.

И вы мне после этого будете говорить, что вредители Чарновский, Рамзин, Калинников работали для идеи?

Чарновский, который заявил при допросе, что ему самодержавие не мешало, Чарновский, которого психологическое и политическое содержание еще будет в достаточной степени обрисовано мною в дальнейшем?

Калинников и Рамзин? Только у Калинникова, пожалуй, в прошлом имелись моменты открытой борьбы против советской власти, но и то ненадолго. У Рамзина — чрезвычайные зигзаги политической линии, резкая смена его политических настроений, симпатий и антипатий. Уж если можно было говорить об определенной идейной политической установке у кого-либо из них, то это можно было говорить лишь относительно Федотова. Но как раз Федотов здесь сказал, что его группа и он, как член ЦК, деньги распределяли и деньги брали себе. А попытка Очкина уйти от этих денег, — она погубила не только Очкина, но и Рамзина, ибо так неумно говорить неправду, как это пытался сделать Очкин, и так неумно увиливать от прямого ответа, как это сделал Рамзин, — это значило подтвердить то, о чем говорили Куприянов, Федотов и Ситнин, о том, что они не допускали мысли, что другие — Рамзин или Калинников — не берут.

Вот почему для этих лиц не осталось возможности опереться и на какую бы то ни было идею, вот почему у них не было стойкости, свойственной идейному политическому борцу, и им осталось только одно — все рассказать.

Героев идеи среди них искать не приходится, таких героев мы среди длинного ряда лиц из материалов по вредительским делам не находим совершенно, ибо даже те, которые в шахтинском процессе отрицали свою вину, в конце концов отрицали ее не из идейных побуждений, и никто из них не осмелился бросить перчатку вызова советской власти и ее политической и экономической программе.

8. Объективные доказательства

Ну, а объективные доказательства?

Я остановлюсь с этой точки зрения на анализе некоторых свидетельских показаний. Возьмем Юровского и Красовского. Юровский — человек другой контрреволюционной группы, экономист, человек, непосредственно не связанный с производством, человек группы, которая состояла в основном из интеллигенции, вернее, слоя интеллигенции другого характера, чем инженеры. Вы все, товарищи, слышали, что́ показывал Юровский. Вы помните, как иронически он рассказывал о том, как много соискателей портфелей у них было и какой у них был длинный список «своих» министров. Но то, что он говорил, в какой-либо мере противоречило ли тому, что говорили эти вредители в предыдущих данных ими показаниях? Противоречило ли хотя бы в малой степени той характеристике соотношения общественных и политических сил, которое имеет место за границей, когда он не-

редавал свой разговор с Милюковым, когда говорил о своем разговоре с Гефдингом? Юровский в достаточной степени высококвалифицированный и образованный человек и в прошлом достаточно образованный политический работник, и в его показаниях мы не нашли ни одной ноты, которая в малой степени противоречила бы реальному положению вещей у нас и за границей и реальному соотношению общественных сил.

Возьмем Калинникова. Калинников говорил о методах вредительства, о задачах вредительства, о способах вредительства. Передо мной лежит стенограмма, приобщенная к делу, речи Калинникова на заседании президиума Госплана от 29 декабря 1927 г. по контрольным цифрам при обсуждении пятилетнего плана промышленности и стенограмма выступления Калинникова от 5 февраля 1929 г. при обсуждении пятилеток. Позвольте в отдельных частях огласить эти стенограммы и спросить: с точки зрения конкретного содержания, выступления Калинникова на этих двух заседаниях Госплана, то, что он и другие сейчас говорили о минималистских темпах, о задержке, о критике даже отправного варианта пятилетки в той форме, в которой она сложилась раньше, — в этой плоскости этот документ, представленный нами здесь и доставленный из архива Госплана, подтверждает ли или не подтверждает на сто процентов все то, что они говорят здесь в своих показаниях о методах вредительской работы?

Я прочту:

«Заседание 29 декабря. Калинников: Мы имеем в пределах Госплана разработанный пятилетний план, так называемый отправной вариант. Хотя он отличается несколько от августовского варианта в сторону устремленного роста, но все-таки он ближе к действительности, чем то, что здесь запроектировано ВСНХ. Я позволю себе сделать несколько цифровых сравнений для членов президиума, чтобы им было легче разобраться. Каков темп нашего отправного варианта и темп, запроектированный ВСНХ? У нас около 128 процентов плюс, т. е. в два с четвертью примерно раза больше, чем в прошлом году, а у ВСНХ — 167 процентов, т. е. в 2⅔ раза больше, причем, если вы сопоставите по группе А и по группе Б, то у ВСНХ значительно большее устремление в сторону развертывания тяжелой индустрии, где цифры почти в три раза больше прошлогодних, между тем как легкая индустрия даже меньше, чем в два раза. У нас в этом отношении несколько иная установка, т. е. хотя мы также усиленно развиваем тяжелую индустрию, но в достаточной мере заботимся о темпе развертывания и легкой индустрии. Если перейти к товарной продукции, то мы имеем здесь следующие цифры: ВСНХ обещает дать 108 процентов плюс, а у нас 86 процентов, причем у них 130 процентов по группе А и 88 процентов по группе Б. Это — количественные темпы в процентах товарной продукции в ценах каждого года, а валовой — в ценах 1926—1927 года. Эти цифры не должны были бы особенно сму-

тить нас, потому что мы привыкли к таким смелым проектировкам. Но нас поражает, когда мы переходим к количественному рассмотрению интересующей нас продукции, особенно нас поражает расхождение проектировок по металлу. У нас в нашей пятилетке все наши возможности ограничились развертыванием металлургии до 7 миллионов тонн к концу пятого года. ВСНХ запроектировал 10 миллионов тонн, причем 7 миллионов тонн не настолько еще у нас реальны, в значительной мере еще требуют много дополнительных проработок, чтобы сказать, что эта цифра безусловно выполнима. У нас имеются в этом отношении колоссальные сомнения относительно возможности 10 миллионов тонн. Как вы знаете из материалов, ВСНХ предполагает 7½ миллионов тонн получить за счет реконструкции старых заводов и 2½ миллиона за счет постройки новых заводов. Мы интересовались степенью подготовленности этого вопроса, и оказывается, что мы уже имеем законченными некоторые проекты новых металлургических заводов, — вот недавно был принят проект Магнитогорских заводов, в феврале месяце будет закончен и приедет из-за границы проект Тельбесского завода. Криворожский завод также проектируется, — но когда мы поинтересовались реконструкцией существующих заводов, металлургических, то, несмотря на то, что уже 4—5 лет проводится постановление через СТО, мы в этом направлении больше всего отстали и до сих пор нет еще ни одного плана реконструкции ни по одному заводу»...

Если вспомнить одновременно, что именно вредители одной рукой проводили задержание проектирования заводов, что они в то же время другой рукой срывали работу по проектированию, что они задерживали на практике и те минималистские темпы, которые они отстаивали, то не только лицемерием, а гнуснейшим, наглейшим издевательством, наглейшей издевкой над теми, кто рядом сидел, обсуждал и верил им, приходится признать такое выступление назначенного непосредственно Совнаркомом для работы в Госплане проф. Калинникова.

И дальше:

«То же самое, если обратиться к машиностроению, — задание необыкновенно колоссальное: хотят выпустить 100 тысяч тракторов, а в последний год чуть ли не 60 тысяч, а что мы имеем? Оказывается, что еще первый современный тракторный завод будет иметь проект в конце, видимо, этого года. Значит, для того, чтобы этот проект переварить нашими техническими силами, организовать постройку, приступить к постройке, остается очень мало времени, а между тем предполагается, что последний год даст значительное количество продукции. Из разговоров с представителями ВСНХ выяснилось: для того, чтобы по одной только металлургии запроектировать эти заводы, нужно иметь две тысячи добавочных высококвалифицированных инженеров и техников—добавочных к тому, что они имеют, чтобы это сделать, а где они? В этом отношении вы очень мало

найдете реальных доказательств возможности осуществления тех грандиозных проектов, которые намечаются по металлургической промышленности».

Дальше он говорит о возможностях послать эти проекты за границу, но он говорит: и заграница не успеет сделать. Но если вспомнить о связях вредителей за границей, о связях по металлургии, то мы знаем, что и с этой стороны они были подкованы на все ноги, чтобы добиться того ответа, который им был желателен.

Вот документ, который характеризует выступление Калинникова при обсуждении отправного варианта пятилетки, документ, который является реальным доказательством того, как на деле проводились вредительские планы в жизнь, как конкретно они осуществлялись. Вторая стенограмма от февраля 1929 г. Калинников говорит:

«Чем больше мы вносим поправок, тем больше вариант нам кажется нереальным. Это общее убеждение всех работников промсекции, и я вынужден это признать. Получается такое впечатление, что времени нехватает для того, чтобы выполнить в срок все те проектировки, которые здесь намечены. Даже отвлекаясь от всяких конъюнктурных соображений, а просто допуская, что у нас будут во всех отношениях благоприятные условия, — даже при таком подходе все говорят, что того времени, которое у нас имеется, нехватит».

И дальше:

«Я бы сказал, что эти поправки сделали много нереальнее наш первоначальный план с ростом на 100—110 процентов. Если мы рассматриваем отправной вариант как задание реальное (при благоприятных, конечно, обстоятельствах), нам нужно было бы снизить общий темп развертывания по крайней мере на 25—30 процентов, т. е. ограничиться 100 процентами, 105 процентами — не более 110 процентов — вот эта цифра была бы реальной, а 135 процентов которые мы запроектировали,—это совершенно нереальная цифра для отправного варианта. Общее заключение создается довольно пессимистическое, что запроектированный отправной вариант со всеми изменениями — весьма сомнительный по своей реальности. Все категорически говорят, что это нереально».

Вот выступление, характеризующее работу Калинникова, службу на два фронта, и прежде всего службу по указаниям «Торгпрома», по плану, разработанному ЦК «Промпартии», службу по задержке темпов, о чем они сами говорили и что сами признали. И нам кто-нибудь может сказать после этого о том, что после такого рода доказательств это сознание не может быть фактором, который должен быть принят во внимание?

Я приведу еще один документ, который нами зацитирован в обвинительном заключении и который является исключительным по своей важности моментом. Это по вопросу о первой

пятилетке. Я позволю себе напомнить эти хорошо известные нам цифры, ибо, видимо, без этого не обойтись:

«Первая пятилетка по плану Госплана по углю была в 60 миллионов тонн, теперешняя наметка — 75 миллионов. Кузбасс — 6 миллионов, теперешняя наметка — 19 миллионов. Подмосковный уголь — 4 миллиона, теперешняя наметка — 10 миллионов. Уральский уголь — 6 миллионов и 11 и т. д. Нефть—20 миллионов и 42 миллиона, в итоге по всем видам топлива — 100 миллионов, а теперешняя по всем отраслям топливной промышленности — 190 миллионов тонн, т. е. увеличение с превышением в 1,9 раза».

В два раза снижение темпа, попытка задержать в два раза развитие хозяйственной жизни Мы исправили потом, исправили эту наметку настойчивым проведением в жизнь генеральной линии партии, исправили настойчивостью пролетариата, исправили объективной необходимостью именно так, в таких темпах ставить вопрос индустриализации страны, но от этих попыток с их стороны провести свои вредительские планы в первом варианте пятилетки не колеблется факт того, что частично им это удалось провести, и что сознание вредителей в этом деле может и должно быть поэтому положено в основу выводов, вытекающих для обвинения.

Пару слов еще по поводу сознания. Сознание — сознанием, но до чистосердечного сознания еще далеко Мы здесь установили три области, в которых «за недостатком времени», как выразился Рамзин, он не успел сознаться Это вопрос о мелиоративных работах, составлявших прямую подготовку плацдарма для интервенции, вопрос о вредительстве при постройке текстильных фабрик и вредительстве при соответствующей подготовке лесопромышленности, доложенный здесь свидетелем Сироцинским, и, наконец, вопрос о вредительстве на пограничных железных дорогах, подрыве мобилизации, доложенный здесь свидетелем Красовским О всех этих работах, непосредственно связанных с ослаблением обороноспособности страны, с прямой помощью военной интервенций в техническом отношении и непосредственно связанных с государственной изменой, «за недостатком времени» забыл сказать Рамзин Об этом по тем же причинам не показал Чарновский, об этом равным образом забыл упомянуть Калинников Я думаю, что то же самое можно сказать и об остальных членах ЦК.

А сам Красовский? Ведь он в 1928 году «чистосердечно» признался во всем кроме того, что он состоял в ЦК «Промпартии», кроме того, что он входил в организующий центр, ибо тогда еще можно было полагать, что об этом мы не знаем. А когда арестованы были Рамзин и другие, разве они могли знать о том, что показывают Михайленко, Цейдлер и Спарро об этих мелиоративных работах, разве он мог знать о том, что показывает Сироцинский о строительных работах, наконец,

разве он мог знать, что уже рассказал Красовский в области вредительства прифронтовых дорог?

В пределах того, в чем уже трудно отпираться, и в надежде, что не все все-таки раскрыто и известно, — вот в этих пределах и признавались обвиняемые. Это, конечно, ничуть не противоречит ни их психологии, ни реальной жизни и реальному положению и соотношению вещей. Так можно было бы закончить с анализом юридического значения.

Но у нас остается еще целый ряд других моментов, которые точно так же нужно подвергнуть анализу, в частности, касательно правдоподобности, реальности сообщения подсудимых о всех тех силах, с которыми они входили в одну общую сумму в качестве слагаемых. Я имею в виду прежде всего улики против «Торгпрома» и его деятельности. С этой точки зрения нужно подвергнуть анализу также ряд документов, которые я просил приобщить к делу, и точно так же подвергнуть такому же анализу правдоподобность и достоверность их сообщения касательно свидания, которое было с Пуанкаре и деятелями военных кругов Франции, поскольку эта часть, являющаяся одной из важнейших для характеристики реальности военной опасности, в которую поставлена страна, должна составить одно из основных мест моей обвинительной речи.

9. Торгпром и его союзники

Заграничные факторы контрреволюции слагались из «Торгпрома», из военных кругов Франции и из политических деятелей Франции, близких к правящим сферам. В этой плоскости и приходится подвергнуть анализу сообщения обвиняемых с точки зрения достоверности, правдоподобности и вероятности этих сообщений.

Прежде всего, в отношении «Торгпрома» и факта самого существования «Торгпрома». Никаких сомнений этот факт не вызывает. Факт определенной контрреволюционной, явно агрессивной политики «Торгпрома», этот факт также не вызывает сомнения. Тем не менее позвольте отметить в официальном документе «Торгпрома» подтверждение этого факта в его декларации или заявлении как центральной контрреволюционной организации бывшего торгово-промышленного класса России за рубежом:

«Торгово-промышленный и финансовый союз будет продолжать неустанно борьбу против советской власти, разъяснять общественному мнению культурных стран истинный смысл происходящих в России событий и подготовлять будущее восстановление родины на началах свободы и правды»

Это заявление было сделано «Торгпромом» в связи с делом «Промпартии». Этим объясняется та осторожность в выражениях, которая допущена в этом последнем абзаце.

Более откровенны в этом отношении выступления деятелей «Торгпрома» на том банкете по случаю десятилетия его существования, о котором мы уже говорили. Во вступительном слове нефтепромышленник Нобель (я подчеркиваю, что персональные указания, данные самим «Торгпромом» о своем личном составе, целиком совпадают с показаниями, данными обвиняемыми задолго до появления каких бы то ни было деклараций или заявлений со стороны «Торгпрома») заявил, что банкет устроен в виде «демонстрации веры в скорое возрождение России и возможности работы на родине».

Денисов — второе имя — отметил, что в последние десять лет «Торгпром» ставил своей задачей «борьбу с большевиками на экономическом фронте во всевозможных видах и формах». «О плодотворности работы «Союза», — говорит Денисов, — можно судить на основе свидетельств самих большевиков, которые видят в «Торгпроме» своего главного врага. Заслужим ту же оценку врагов и в дальнейшем».

Коковцов, бывший царский министр финансов, отмечает заслуги «Торгпрома» «в борьбе за возрождение России в области информирования русского и иностранного общественного мнения и накопления нужных для будущей работы сил».

Генерал Миллер (преемник Кутепова, командовавший белой армией на Севере) от имени русской армии отмечает широкую помощь «Торгпрома» в деле эвакуации Крыма, а также его благотворную деятельность в эмиграции.

Богаевский, возглавляющий контрреволюционные группы казачества, заявляет, что «казаки могут засвидетельствовать, что «Торгпром» содействовал всякой борьбе с большевиками и поддерживал казаков в их боевой работе».

Карташев — имя его тоже упоминалось — говорит о «Торгпроме» «как о неофициальном посольстве русской эмиграции». «Сила «Торгпрома», — заявил Карташев, — заключается в его союзе с армией. В этом уже осуществлен единый фронт. Ждать осталось еще недолго».

Царский адмирал Кедров заявляет, что «Союзу суждено сыграть роль Минина».

Нобель подчеркивал гостеприимство Франции и поднимал бокал за ее дальнейшее процветание.

Федоров говорит о «необходимости создать единый политический центр, который мог бы представлять Россию перед иностранцами».

Эта выдержка характеризует не только политические позиции.

Политические позиции ясны уже из первого документа. Он характеризует контакт, связь организационную, политическое единство и финансово-бюджетное, так сказать, единство по всем линиям наиболее контрреволюционных групп эмиграции, в виде царского генералитета, с одной стороны, а с другой стороны — характеризует ту политическую роль, на которую претендует

«Торгпром», — на функции представительства у правящих сфер иностранных государств.

Карташев говорит, что «Торгпром» представляет собою неофициальное посольство русской эмиграции. Говорить о таких вещах на таком банкете можно только имея в кармане хотя бы какое бы то ни было реальное доказательство того, что эта роль в какой бы то ни было степени «Торгпромом» реализуется. Говорить о неофициальном посольстве эмиграции перед иностранными правящими сферами, если бы «Торгпром» гнали в шею всякий раз, когда он, «Торгпром», захотел бы взять функции такого представительства, — заявить так на таком банкете не мог ни Нобель, ни Карташев, ни Денисов, — и уже одна эта цитата, в сопоставлении с целым рядом указаний и сообщений обвиняемых относительно этого контакта, именно в смысле неофициального или полуофициального представительства русской эмиграции, этим самым совпадением характеризует уже достоверность сообщений подсудимых.

Однако мы имеем и нечто другое, что сейчас сообщают нам газеты, в частности то, что мы можем уже получить из сведений, которые относятся к прошлому времени. Я говорю об имевшем место (это было в печати) параде войск белогвардейцев. А мы видели из приобщенного сегодня документа о торжестве на Суворовском чествовании о том, что военная форма, военные связи, военные парады усиленно подчеркиваются белогвардейщиной как некое доказательство своей легальности. Что, однако, говорит самый факт этих парадов? Он говорит об определенном реальном сосредоточении, собирании реальных вооруженных сил. Пусть на этих парадах, которые происходят или происходили во Франции, эти силы не являются настолько существенными, чтобы можно было думать при их помощи осуществить интервенцию, но сам факт говорит о том, что белогвардейщина, эмиграция в части своих военных кругов и бывшего царского генералитета ставит интервенцию как конкретный метод борьбы. И реальность этих фактов является одним из наилучших доказательств того, что не на словах, а на деле они ставят вопрос о вооруженной борьбе с советской властью.

Я позволю себе привести пару цитат из документа, который был приобщен сегодня к делу,—выдержки из выступления Детердинга. Это имя мы встречаем в качестве имени, с которым были связаны наши контрреволюционные круги в области финансирования контрреволюции, а также и по вопросам о будущем нашей нефтяной промышленности. Вот что говорит Детердинг на десятилетии русской средней школы в Париже 11 июня этого года. Перечислять всю присутствующую здесь братию нет надобности. Можно лишь отметить, что, кроме митрополита Евлогия и почетной попечительницы гимназии леди Детердинг, присутствовали генерал Миллер, Кедров, Суворов, потом профессора, литераторы, принцесса Мюрат, графиня Шувалова и т. д.

Читаю:

«С огромным вниманием была прослушана произнесенная на французском языке речь сэра Генри Детердинга.

Сэр Генри Детердинг прежде всего отметил, что его не нужно благодарить, так как он лишь исполняет свой долг. Мы все, сказал он, пользовались и пользуемся любовью своих родителей, своих близких, нас всех объединяет наша вера. Я родился в бедной семье, — сказал он, — но у меня была мать, и она помогла мне добиться того, что мне удалось сделать благодаря энергии, настойчивости и труду.

Вам, — сказал сэр Детердинг, обращаясь к учащейся молодежи, — нужно надеяться на свои силы. Вы должны помнить, что вся ваша работа, вся ваша деятельность будет протекать на вашей родной земле. Надежды на скорое освобождение России, ныне переживающей национальное несчастие, — сказал сэр Детердинг, — крепнут и усиливаются сейчас с каждым днем. Час освобождения вашей великой родины близок..

Освобождение России может произойти гораздо скорее, чем мы все думаем, даже через несколько месяцев».

Его возглас, — так кончается заметка, — «Да здравствует Франция и Россия» был встречен бурными аплодисментами и криками».

Сэр Детердинг — не болтун. Сэр Детердинг — деловой человек. На собрании, где присутствует вся эта жаждущая крови белогвардейщина, где присутствуют жаждущие денежных подачек закордонные контрреволюционеры, мы имеем выступление, в котором определенно говорится о том что «освобождение» России будет иметь место, может быть, через несколько месяцев. Такого рода выступление и такого рода слова обязывают. Они являются определенным политическим актом, политическим документом, который не может быть скинут со счетов. Это было в июне 1930 года, когда вопрос об отсрочке интервенции на весну 1931 года ставился уже в этих кругах, когда со стороны того же Денисова путем переписки и сношений через соответствующую агентуру была намечена встреча с деятелями «Промпартии» в Берлине по вопросу, почему не все готово для интервенции внутри страны и в чем не готово и что нужно сделать для реализации плана интервенции? Подобное выступление Детердинга не может быть признано случайным. Но допустим, что Детердинг в этом своем выступлении сболтнул. Бывает так. Прослезился воспоминанием о том, что у него была мать, и поэтому случайно сказал немного лишнего. Это он сказал, а вот что он написал. Письмо сэра Детердинга — это есть документ. Это уже не слова, а письмо. Это письмо он пишет в ответ на благодарность, полученную от некоего студента-эмигранта за возможность продолжать ему образование в одном из высших учебных заведений Парижа.

Детердинг пишет: «Я с удовольствием получил благодарственные письма русских студентов, которым я с большим удовольствием помогаю.

Если вы действительно хотите выразить мне вашу благодарность, то я прошу вас сделать следующее:

1) Постарайтесь в новой России, которая восстанет через немного месяцев, быть наилучшими сынами вашей родины.

2) Сделайте в будущем для другого то, что я сделал вам».

И дальше:

«Я вас спрашиваю: разве может это удасться? Эти стремления большевиков безумны и неестественны, а потому — жестоки. Большевики — люди, абсолютно неспособные что-нибудь созидать, чувствуют себя рожденными лишь для разрушения. Никогда не теряйте надежды. Религия — это надежда. Без надежды нет ничего Надеяться — значит добиться».

Отбросим опять-таки эту ханжескую болтовню Детердинга и возьмем только дело, о котором он говорит, а это дело — в документе, в котором (это документ обязывающий) Детердинг говорит, что через немного месяцев возможно «освобождение» России Газета датирована опять-таки 15 июня 1930 года.

Таким образом уже из этих случайно дошедших до нас документов, которые мы не собирали специально, — они попали нам в руки при беглом просмотре белогвардейской литературы, которой кое-где приходится поневоле заниматься, — вытекает, что вопрос об интервенции в среде «Торгпрома» и близких к нему кругов отнюдь не являлся в этот период только лозунгом, который проектируется вообще, и что когда нам подсудимые говорят о конкретных сроках, о 1930 годе, о 1931 годе, и когда эти сроки совпадают с соответствующими утверждениями «Торгпрома» и его отдельных деятелей или с утверждениями близких к ним соответствующих финансовых и промышленных кругов, то это совпадение не может быть не учтено в качестве момента, подтверждающего абсолютную достоверность утверждений подсудимых.

Возьмем, наконец, «знаменитую» статью Рябушинского. Анализировать эту статью по существу — это большая потеря времени, но один момент с точки зрения вопроса о сроках стоит рассмотреть Он пишет: «Вероятно 500 000 человек и трех—четырех месяцев будет достаточно для окончания борьбы вчерне. Доколачивание отдельных коммунистических банд конечно займет еще некоторое время но оно явится скорей полицейской, чем военной организацией», — слушайте, слушайте, граждане Рамзин! Я так обратился к вам, гражданин Рамзин, для того, чтобы показать, наконец, вам, как ваш собеседник, с которым вы говорили о приемлемости вашей программы, думает по существу. «Вероятно, — говорит он, — через пять лет удара не армии, а двух—трех дивизий хватит, чтобы уничтожить красный кошмар, и расходы будут сравнительно ничтожны—десять миллионов фунтов вместо ста, но за это время мировая, а в частности европейская экономика потеряет не менее двух миллиардов фунтов. Где же здесь деловой расчет?»

Таким образом к вопросу о сроках Рябушинский подходит с точки зрения делового расчета и, исходя из него, говорит, что всякая отсрочка интервенции, военного ниспровержения советской власти путем вторжения, является не деловой, не коммерческой постановкой вопроса, и, исходя из этих коммерческих расчетов, — причем он даже рассчитывает и проценты, — вот исходя из этого коммерческого расчета он ставит вопрос так, как об этом говорили обвиняемые, как об этом говорит Детердинг: «Затратив один миллиард рублей, человечество получит доход не менее чем в пять миллиардов, т. е. 500 процентов годовых, и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200 процентов. Где найти дело лучше?» То, что он мастер находить «хорошие дела», это нам известно из сообщений, которые мы здесь слышали, и в этом отношении это его сообщение не может быть нами учтено иначе, чем как подтверждение сообщений обвиняемых.

Еще одно: подписи, которые мы имеем под декларацией «Торгпрома»,—«председатель Денисов и товарищи Любович, Лианозов, Третьяков, Нобель». Предусмотрительно подписи В. Рябушинского нет. Но даже независимо от этого имена, какие мы здесь слышали, — это те же имена: Лианозов, Нобель, Третьяков и Денисов. Таким образом имена совпадают. Мы можем считать установленным с абсолютной точностью факт, что позиция «Торгпрома» есть позиция, во-первых, активно враждебная, во-вторых, позиция на интервенцию, в-третьих, позиция, связанная с самыми реакционными кругами царского генералитета, в-четвертых, позиция, связанная с военными кругами Франции, и, наконец, позиция, связанная с крупнейшими финансовыми группами и с крупнейшими представителями промышленного капитала.

Когда Ларичев и Рамзин в своей вечерней беседе с Денисовым и Нобелем говорили о том, что вопросы финансирования интервенции шли по линии нефтяных кругов, т. е. тех, которые наиболее заинтересованы в реализации интервенционистского плана, с точки зрения захвата нефтяных источников, месторождений в Баку и Грозном, и упоминали там имя Детердинга, то подобное выступление Детердинга целиком подтверждает и это сообщение о финансировании им интервенции. Скажите, кем, как не непосредственно заинтересованным в захвате, возвращении или концессионировании на грабительских началах нефтяных месторождений, кем, как не группой Детердинга, с одной стороны, и Уркварта, с другой, мог быть поставлен вопрос так, как он был ими поставлен?

Мне известно, что после опубликования обвинительного заключения было помещено интервью в газетах, в которых эти господа всячески отгораживались от своих выступлений. Но откуда у Детердинга вообще такая забота, такая отеческая заботливость о русских студентах, о несчастных изгнанниках из этого жестокого СССР? Это все мелочи, но они создают тон и под-

утверждают основные утверждения о финансовой связи и о политической установке деятелей «Торгпрома» на интервенцию на определенный срок.

Есть еще один момент чрезвычайно характерный. Все — и Денисов, и Лианозов, и Нобель, и Третьяков — отрицают и то, что они имели связь с инженерной организацией, и то, что они организовали совместную работу с французским генеральным штабом, и то, что они получали денежную субсидию. Но почему они об этом заботятся, но не упоминают о свидании с Пуанкаре, почему они забыли упомянуть об этом крупнейшем факте, имеющем политическое значение. Это так-таки простая забывчивость? Так не бывает. Почему? Это тоже ясно. Сказать: да, были у Пуанкаре — нельзя, а сказать: нет, не были — они тоже не могут, так как они, как люди деловые, знают, что если есть у них определенного рода договоренность и приняты той стороной определенного рода обязательства, то ведь такой публичный отказ — это есть документ, и такой, который будет всему свету оглашен, это будет документ, на который можно будет ссылаться противной стороне, а в деловых вопросах так легко швыряться документами нельзя.

Это — факт, который нельзя объяснить простой забывчивостью. Но довольно о «Торгпроме».

10. Французские интервенционистские круги

Вторым фактором, на который опирались в своей вредительской работе Рамзин и другие, являлись военные круги Франции, определенные круги французского генерального штаба.

Позвольте при анализе этого момента прежде всего обратить внимание на следующее. Если серьезно ставился вопрос о подготовке интервенции, то спрашивается: кто из деятелей французских военных кругов конкретно более подходит к этой роли? Лица, которые практически имели уже дело с организацией интервенции, или лица, которые не имели? Лучше всего подходили к этой цели те из военных кругов, которые своими руками уже однажды делали грязное дело интервенции, хотя бы они и получили при этом по рукам.

Я имею в виду Жанена. Мы здесь приводили и приобщили к делу выдержки из его дневника. Почтенному генералу надлежит помнить о том, что жизнь — это вообще чрезвычайно оригинальная вещь, склонная ко всяким неожиданностям, и что опубликование, хотя бы в заграничном журнале, мемуаров может впоследствии сыграть не ту службу, для которой они предназначались.

Жанен характеризует здесь—мы это цитировали на судебном следствии — то положение, в которое он попал во время первой интервенции, и вместе с тем характеризует и то, что ему приходилось делать. Из его сообщений вытекает характеристика представителей белогвардейщины как сборища прохвостов, негодяев,

проходимцев, мошенников и т. д. Это не мои слова, а слова Жанена, но они целиком соответствуют действительности.

Но почтенный генерал был в этом обществе? Почтенный генерал имел с ним дело? Он пишет о том, что он должен был быть свидетелем, как топили заложников в Байкале, свидетелем полицейских зверств, всевозможных зверств, на которые способна только озверелая белогвардейщина. Он дальше пишет о том, что у него остались даже некоторые угрызения совести за свою работу, но он утешает себя лишь тем, что английский генерал Нокс должен испытывать еще большие угрызения совести.

Из этой интересной исторической переписки нам важно установить только факт совпадения имен и то, что для дела подготовки интервенции, с точки зрения ее техники, интервенционистские круги сочли нужным поручить ее именно тем отдельным деятелям французских военных кругов, которые уже однажды непосредственно принимали участие в интервенции.

Но могла ли быть при деловой постановке вопроса об интервенции создана такая комиссия или она не должна была быть создана?

Если решался вопрос об объединении вооруженных белогвардейских сил в лице Лукомского с соответствующими силами, которые могли предоставить в распоряжение интервенционистской армии другие государства, то подготовка техническая в смысле плана и подготовки соответствующей материальной базы для этих сил, изыскание этой базы должно было иметь место, а создание такой комиссии при серьезной постановке дела должно быть логически неизбежным, необходимым следствием.

Но в какой степени у нас есть основание для того, чтобы отвергать реальную возможность существования такой комиссии?

В том же номере газеты, где имеется сообщение о банкете «Торгпрома», имеется следующая выдержка из статьи «Тогда война», помещенной в радикальной газете «Republique», которая в свою очередь цитирует помещенную в журнале «Europeen» статью крупного промышленника, депутата Фужера, принадлежащего к группе Тардье. Это сообщение Фужера относится к ноябрю этого года Фужер заявляет там, что «только двух фактов, а именно «пропаганды Коминтерна» и «советского демпинга», достаточно для того, чтобы Лига наций держала СССР на расстоянии от себя». И спрашивает: «Будут ли ждать того, что гангрена распространится, вместо того, чтобы произвести операцию, которая сводится к изгнанию Советского союза из среды цивилизованных наций».

Эта цитата с призывом к хирургической операции со стороны лица, близкого к правящим кругам, является характерной как доказательство того, что в определенной среде правящих кругов мысль о хирургической операции, независимо от вопросов и инициативы «Торгпрома», от вопросов деятельности ЦК «Промпартии», имеет место.

По этому поводу «Репюблик» выступает с возражением Фужеру, напоминая ему: «Что же касается «демпинга», то каждому известно, что демпинга не существует и что в основе этой большой кампании лежат деньги Детердинга и его компании и ничего больше». Что же касается «операции», то указывает, что «во всяком случае народные массы Франции не согласятся, чтобы на них надели ранцы и повели их завоевывать Москву». В этом мы целиком согласны с «Репюблик».

Но эта выдержка характерна для определения настроений определенной части правящих сфер или близкой к правящим сферам французской буржуазии, она характеризует степень реальности, достоверности утверждения обвиняемых относительно того, что со стороны этих кругов были и инициатива, и желание, и стремление контактировать с теми кругами «Торгпрома» и кругами, близкими к «Торгпрому», которые хотели и готовили интервенцию.

Можно привести и еще ряд фактов, характеризующих равным образом то, что такого рода настроения по подготовке интервенции отнюдь не являются только одними пустыми настроениями или разговорами.

В той статье, которую я сегодня специально приобщил, в выступлении Берона во французской палате депутатов, состоявшемся на этих днях, мы имеем указания относительно того, что с 1928 года французское правительство начало осуществлять план окружения Советского союза.

Я цитирую так, как говорил т. Берон, и поэтому вынужден цитировать точно:

«Начиная с 1928 года, — продолжает т. Берон,—французское правительство начало осуществлять план окружения Советского союза. Видные французские генералы, как Гуро, Лерон, Ниссель и другие начинают изучать стратегические пункты окружения, посещают Индию, Польшу, Чехословакию, Румынию и Югославию, а французский генеральный штаб приступает к реорганизации армий восточноевропейских французских вассалов. В 1928 и 1929 гг. французский министр авиации отправляет специальные миссии для реорганизации военной авиации этих стран. Ваши арсеналы,—указывает т. Берон, — работают над вооружением восточноевропейских государств с помощью предоставленных вами же самими кредитов. Несомненно, по указанию французского правительства заключены были военные соглашения между Польшей, Румынией, прибалтийскими странами и Чехословакией».

Продолжая свою речь, т. Берон заявляет: «Мы считаем, что Пилсудский в Польше и его вероятный преемник, готовя войну против СССР, собираются изменить польскую конституцию с тем, чтобы предоставить президенту Польской республики право объявить войну без предварительного обращения к сейму. Все эти военные приготовления активно поддерживаются и финансируются Францией. В самом деле, военные французские миссии руководят польской армией, а неоднократно отправлявшиеся в

Польшу политические миссии поддерживают и укрепляют империалистические замыслы Польши и ее мнимое право на советскую Украину. Все эти миссии направлялись в Польшу с одобрения и при полной поддержке правых и «левых» буржуазных партий, а равно и социалистов».

Возвращаясь к франко-советским отношениям, т. Берон говорит: «В течение многих недель и месяцев официозные французские газеты в связи со смехотворно провалившимся кутеповским делом вели клеветническую кампанию, возбуждая общественное мнение Франции против советского правительства. С весьма значительным запозданием и лишь будучи к тому вынуждены, французские официальные круги заявили, наконец, об отсутствии каких-либо доказательств причастности какого-либо иностранного государства к похищению или исчезновению генерала Кутепова. Эта кампания сопровождалась другой, не менее нелепой кампанией против так называемого «советского демпинга». Я не буду останавливаться на этом вопросе, так как т. Кашен совсем недавно с этой же трибуны расправился с этой новой клеветой против Советского союза и не услышал в ответ ни с чьей стороны никаких возражений. Мы хотим, однако, констатировать, что французское правительство подкрепляет планы военного окружения СССР планом его экономического бойкота»

Далее т. Берон указал: «Повторные парады вооруженных банд русских белогвардейцев в Париже имели место при официальной поддержке правительства. После первой вооруженной демонстрации белогвардейцев правительство ограничилось ничего не говорящим опровержением. Естественно, что белогвардейцы поспешили повторить свою наглую демонстрацию 11 ноября. А в последнее воскресенье, 30 ноября, три тысячи русских белогвардейцев снова дефилировали по улицам парижского пригорода. Французское правительство официально разрешает контрреволюционные демонстрации, направленные против страны, дипломатический представитель которой аккредитован в Париже. Ни одно империалистическое правительство не примирилось бы с подобной серией неслыханных провокаций».

Мы можем из этих сообщений сделать вывод во всяком случае один, за который можно ручаться полностью, вывод о наличии в группе правящих сфер и кругах, близких к правящему слою французской буржуазии, определенного слоя, который вопрос интервенции ставит как вопрос практической политики.

А теперь по поводу других имен — Жуанвиля и Ришара. Могли выдумать эти имена подсудимые? Выдумать существование этих господ? Этак взять и высосать из пальца, описать заседание, в котором указать на то, что одновременно с этим присутствовали и другие лица — Денисов, Лукомский. В официальных опровержениях «Торгпрома» мы имеем лишь голое отрицание того, что они организовали совместную работу, и ни слова о конкретном факте заседания, — почему все это не опровергнуто? Почему они здесь не отмахнулись и не открестились?

Не потому ли, что здесь идут вопросы более глубокой договоренности, от которых невыгодно так легко отмахнуться и отречься?

Нам могут указать другое, что эти заседания с Жуанвилем и Ришаром являются плодом досужего вымысла, потому что точных объективных признаков здесь этих заседаний не указано. Ну, а если бы мы указали, — дальше что? Разве заинтересованные круги не выдумали бы очередного опровержения? Когда я вызывал подсудимых одного за другим и спрашивал, что они думают по поводу опровержения «Торгпрома», все они сказали, что это — гнусная ложь. Если бы соответствующие деятели французских военных кругов — Жанен, Жуанвиль и Ришар — попробовали сюда явиться, мы могли бы тогда проделать реально метод судебного доказательства, известный под названием очной ставки, и под перекрестным допросом мы посмотрели бы тогда на них и на то, как они бы открещивались.

Но у нас есть другого рода доказательства.

Соответствующая связь в Москве была реализована, с о о т в е т с т в у ю щ а я связь, которая нами именуется в обвинительном заключении как связь с агентами французской службы. Эта часть, о которой мы еще в дальнейшем будем говорить, — факт. Когда я перейду к этой части, я скажу относительно того, почему мы можем тут говорить четко и определенно уже о ж и в ы х людях, а не о фикциях, и почему мы можем с определенной достоверностью говорить о реальности тех инициалов, под которыми эти лица здесь указаны.

Еще другой факт. На свидании с Жуанвилем и Ришаром был поставлен вопрос о создании военной организации, о диверсионных группах и о шпионской работе. Диверсионные группы существуют. Диверсионные группы — это точно живые люди. Это не один и не два человека. И эти люди говорят. Эти люди рассказывают о своих делах, о методах, объектах и задачах диверсионной работы.

А можем ли мы допустить такое предположение, чтобы ЦК «Промпартии» — эти конкретные обвиняемые взялись за эту работу по подготовке диверсионных актов, взрывов и прочего, непосредственно для этого вербуя людей и давая им определенные задания, вне связи с заблаговременной договоренностью с интервентами, вне связи с соответствующими деятелями, активными руководителями, инициаторами войны? Можем ли мы допустить, чтобы такого рода работа была производима ими на свой страх и риск, без предварительного соглашения, без наличия точных и определенных сроков интервенции?

Кроме диверсионных групп также стоит вопрос о военной организации. Они говорили с Лукомским, говорили с Р. и говорили, что нужно непосредственно связаться с Ришаром. Почему встал вопрос о военных кругах, о военной организации? Я говорил об этом, когда допрашивали Рамзина. Я говорил о четырех векселях, которые были даны Рамзиным, и о трех векселях, которые были выданы ему. Один вексель — «Торгпрома» — по

подготовке хозяйственного кризиса, другой вексель — по шпионажу, третий вексель — по диверсиям и четвертый вексель — по военной организации, по установлению связи с военным командованием, с командными кругами Красной армии Эта деловая работа, которая в первую голову интересовала военные круги, эта работа — реальный факт. Я напомню только одно, что в результате нажима со стороны Р. было специальное заседание ЦК, в результате которого была создана комиссия из четырех лиц, в которую вошли Калинников, Чарновский, Осадчий и Ларичев, которые распределили между собой задания по организации и установлению связи с командным составом по отдельным родам оружия, по отдельным секторам Красной армии. После этого мы слышали описание конкретных попыток такого рода работы. Мы слышали и чрезвычайно важное сообщение о специальной работе, которую, по распоряжению Куприянова, во исполнение общего задания исполнял инженер Обрезков, по проникновению в мобилизационные отделы хлопчатобумажной промышленности, что, как я выяснил из допроса, частично было осуществлено. Инженер Обрезков — живое лицо. Инженер Обрезков в своих показаниях об этом говорит. Он говорит определенно о том, что и как он сделал и чего не успел сделать. Мне достаточно было на допросе Куприянова лишь подтвердить факт исполнения задания, я лишь немного приподнял во время допроса завесу над этой работой, упомянув о двух-трех моментах из тех мобилизационных заданий, которые были даны Обрезкову, не больше, но это была реальная работа, которую скинуть со счетов нельзя и которая бессмысленна, если она не опирается на соответствующие связи непосредственно с теми, кто намерен руководить интервенцией.

11. Установка гражданина Пуанкаре

Еще более важными в этом случае являются вопросы относительно свидания с Пуанкаре. Мы имеем несколько сообщений об этом свидании и через Коновалова — Ситнина и через Карпова — Федотова и через Ларичева — Рамзина. Я держу перед собой статью гражданина Пуанкаре, приобщенную к делу. «Я бы хотел, чтобы мне сказали, — пишет Пуанкаре, — в каком таинственном зале русские заговорщики беседовали с моим двойником и на основании каких полномочий этот двойник дал им аудиенцию». Беседовали с ним в таинственном зале не Рамзин, не Ларичев, беседовали торгпромовцы. И в этом таинственном, а вероятно совсем не таинственном, а весьма освещенном зале, беседовали эти лица и передали об этом Рамзину, Ларичеву и другим. Торгпромовцы также в своем документе отрицания этого факта не сообщили. Ответить поэтому на вопрос, в каком таинственном зале это происходило, я, к сожалению, не могу, но ответить на вопрос, на основании каких полномочий гражданин Пуанкаре дал рандеву, я могу и думаю, что ответ на этот вопрос

ясен на основании всего анализа действительного положения и соотношения интересов мировой буржуазии, о которых я выше говорил. Если бы я спросил, на основании каких полномочий депутат Фужер на страницах печати призывает к производству хирургической операции над Советским союзом, если бы я спросил его, на основании каких полномочий в данном случае он берет на себя смелость так официально выступать, его ответ был бы совершенно идентичен ответу, который мог бы быть дан на вопрос, на основании каких полномочий Пуанкаре давал аудиенцию Лианозову и другим. Обратитесь к вашему соратнику, гражданин Пуанкаре, и от него получите соответствующий ответ. Не представляются трудными и ответы на остальные вопросы. Пуанкаре пишет: «Я желал бы прежде всего, чтобы мне сообщили мнимые планы французского генерального штаба и чтобы мне указали, где, когда и при каких условиях должно было произойти мнимое нападение». Это гражданин Пуанкаре спрашивает 3 декабря 1930 г. А вот 28 февраля 1930 г. в газете «Эксцельсиор» помещена другая статья гражданина Пуанкаре, где он сам отвечает на эти вопросы. Мы помним план интервенции. Он сводился в 1930 году к началу пограничных инцидентов с Румынией. В результате этих пограничных инцидентов с Румынией, на основании существующего соглашения, наступает конфликт, в результате этого конфликта втягиваются в вооруженное выступление лимитрофы, и в дальнейшем наступает интервенция. Это— план 1930 года, по сообщению Рамзина и других.

А вот что пишет Пуанкаре: «Пора закончить бесконечную Лондонскую конференцию, где наше присутствие может привести к неприятным для нас неожиданностям Пора приступить к проверке выполнения Германией условий, необходимых для ратификации нами плана Юнга. Но этим не исчерпываются серьезные проблемы, тяжесть разрешения которых ляжет на будущее правительство. В различных пунктах мира каждодневно возникают инциденты, которые могут оказаться чреватыми серьезными последствиями. Достаточно кинуть издалека взгляд на Бессарабию. В этой румынской провинции мы видели конфликты, возбуждаемые СССР с целью воспользоваться ими рано или поздно как предлогом для новых интриг. Не трудно будет также увидеть кое-какие темные пятна на польских границах Разве может Франция в подобный момент задерживаться на мелких внутренних раздорах? Нет, поистине, перед нами дела поважнее». Правильно. Поважнее.

План 1930 года должен развиваться с развитием пограничного инцидента на границе Румынии. Гражданин Пуанкаре, возьмите этот свой план из свой статьи от 28 февраля, где вы обращаете внимание на эту границу.

Интереснее всего дальнейшее сообщение в этой газете. Там сказано, что бухарестский корреспондент американской газеты «Чикаго Трибюн» пишет, что французский генеральный штаб совместно с польским обратился к Румынии с «сигнализацией

опасности» советского нападения на Бессарабию и с советами принять соответствующие военные меры.

Вот факты, сообщенные не нами, сообщенные иностранной прессой, которые целиком совпадают с планом интервенции, о котором говорили подсудимые, и с призывами — совпадающими по времени — отдельных депутатов а-ля Фужер произвести «хирургическую операцию» над СССР.

Но мы имеем еще одно доказательство чрезвычайно интересного и важного характера. Я имею в виду напечатанную 30 октября сего года в газете «Эксцельсиор» статью Пуанкаре «Когти СССР». Эта статья напечатана до опубликования обвинительного заключения. Я попрошу товарищей судей при рассмотрении всех обстоятельств дела обратить внимание на следующее обстоятельство: политический деятель крупного масштаба, в открытом политическом выступлении, ибо эта статья является политическим выступлением, следующим образом трактует правительство нашей страны: «Нет сомнения, что каждый народ волен делать у себя что ему угодно, и мы не могли бы иметь никакого суждения, чтобы заявить его публично по поводу методов и мероприятий, которые кажутся нам ужасно реакционными, если бы Советы не пытались развернуть и за пределами России своей зловредной деятельности».

И дальше: «Огюст Говен на этих днях разоблачил некоторые маневры Советов и резко называл московских людей фанатическими бандитами. Бандиты — это было бы пустяки, ибо если бы они были только бандитами, они могли бы рано или поздно раскаяться, и тогда для них было бы больше радости на небе и даже на земле, чем для праведников. Но фанатики — это неизлечимое зло, против которого нет иного средства, как преградить дорогу заразе. Что же касается этой заразы, то Советы делают все, что они могут, чтобы ее распространить, и в этих их попытках они находят содействие в виде соучастия или любезности, которые, к сожалению, не всегда могут предупредить разум и интерес».

«Но фанатики, которые слепо ведут за собой толпы, очевидно, упорствуют в надежде, что мировой кризис, восстания в Азии, смуты, которые возникают на всех континентах и как будто приобретают всеобщий характер, помогут им вызвать мировую революцию, вне которой для них не видно спасения».

Так характеризует правительство Советов гражданин Пуанкаре. И дальше идет призыв к объединению для борьбы с нами:

«Больно констатировать, что нации, вместо того, чтобы объединиться для борьбы с опасностью, которая им угрожает, остаются разделенными перед наличием огромного заговора против их спокойствия Мало того, некоторые нации стремятся найти в России средство, чтобы осуществить свои тайные стремления. Те нации, которые совершают такие неосторожные поступки, падут первыми жертвами, но они неизбежно вовлекут и остальное человечество в бездну, в которую они упадут».

И дальше: «Никогда советское государство не откажется от положения, которое оно приняло с первой минуты, а именно: необходимость и возможность социальной революции. Такая доктрина, если можно назвать доктриной это коллективное заблуждение, бесспорно исключает всякое искреннее участие в международном сообщничестве. Эта доктрина должна казаться всем другим правительствам опасностью, уберечься от которой они могут только путем всегда настороженной солидарности».

Кончает Пуанкаре следующим: «Быть может, это грустное зрелище, которое мы, дезорганизованные и беспомощные, наблюдаем, кончится тем, что научит нас, что всякая политическая федерация государств, будь то европейская или всемирная, предполагает в качестве предпосылки экономические соглашения и что в важной проблеме, которую обсуждала Лига наций, первый порядок в расположении фактов, выдвинутый Брианом, был правильный».

Имеется в виду известный проект пан-Европы, направленный против СССР.

Спрашивается: эта статья характеризует какую политическую позицию по отношению к СССР со стороны такого деятеля, каковым является Пуанкаре?

Является ли эта статья статьей, которую нужно назвать прямо, резко и четко статьей, направленной не против отдельных лиц и отдельных мероприятий, а направленную против Советского союза в целом, против Страны советов в целом, призывающей все нации к объединению для борьбы с этим злом, которое угрожает, по мнению Пуанкаре, поглотить все достижения культуры и цивилизации?

В обстановке такого отношения спрашивается, в какой степени достоверны и правдоподобны активные шаги Пуанкаре по отношению к «Торгпрому» и в какой мере и в какой степени определяются этими связями надежды белогвардейщины на то, что планы, которые они строят, действительно могут быть и будут реализованы?

Я позволю себе в этой части закончить следующей цитатой из той же последней статьи Пуанкаре. Он пишет так: «Но довольно шуток. Хватит. Оставим мир безумия и возвратимся на землю, на которой мы находимся».

Да. Довольно шуток! Шуток, когда готовятся взрывать наши военные заводы, шуток, когда заключают ответственные соглашения с агентами французской службы о диверсионных актах и военношпионских заданиях. Шуток, когда идет вопрос о вооруженном препятствии социалистическому строительству в той мирной обстановке, в которой мы хотели строить, строили и хотим продолжать строить. Это не шутки. Тут не до шуток. И поэтому характеристика всего того, что здесь происходит, как шутка, — это только очень неловкий, несерьезный, полемический прием, который может быть объяснен только тем, что такой «авторитет», как Пуанкаре, видимо, считает со своего недосягае-

мого величия, что логика для него необязательна, точно так же как необязательна она и для читателей его статей.

Но логика есть логика. Показания подсудимых... Факт определенных агрессивных настроений и агрессивной политики Пуанкаре — тоже реальный факт. И с точки зрения судебного доказательства эта статья должна быть учтена как показатель полной достоверности того сообщения, которое сделали подсудимые о непосредственных связях их заграничных хозяев с отдельными правящими кругами Франции, в частности с Пуанкаре. Господин Пуанкаре заканчивает: «Вернемся на грешную землю».

Я следую его совету — вернемся к конкретному определению индивидуальной вины каждого из обвиняемых с точки зрения исполнения тех заданий, которые они получили от «Торгпрома» и от военных и правящих кругов французской буржуазии.

12. Преступная работа ЦК «Промпартии» по подготовке хозяйственного кризиса и интервенции

Я не могу, однако, не отметить подтверждения характеристики процесса и обстановки, в которой он протекает, новыми сведениями и данными, которые принес сегодняшний телеграф. Отмечу только два факта из этих сообщений, говорящих о заинтересованности в этом процессе кругов, которые, казалось бы, прямого отношения к процессу не имеют, и вместе с тем приведу содержание этих сообщений, ибо оно также является чрезвычайно характерным.

Я имею в виду сообщение в «Матен» относительно методов воздействия, которые употреблялись ГПУ, по сведениям «Матен», в отношении Рамзина в частности, будто бы его признания вызваны своеобразным методом попеременной его постановки то в жар, то в холод. По сведениям «Матен», именно этот метод оказался наиболее действительным для получения соответствующих показаний.

Должен отметить беспокойство «святого отца», вернее, прессы, выражающей его настроения. При рассмотрении вопроса о том, кому надлежит больше верить, — здесь присутствующим и признающимся обвиняемым или почтенным деятелям а-ля Пуанкаре, — пресса Ватикана указывает, что вторые для нее более заслуживают доверия, причем выражает удивление по поводу того, что признания обвиняемых носят такой чистосердечный характер. Видимо, «святые отцы» полагают, что их время еще не прошло, и что монополия получать чистосердечные признания отныне и присно и вовеки остается только за ними.

Эти два сообщения я упомяну вместе с чрезвычайно интересным третьим сообщением о том, что сэр Генри Детердинг также заговорил еще раз и равным образом заявляет, что он никогда не слышал ничего об интервенции, хотя «пристально

следил за внутренними делами СССР». Сопоставление этих заявлений вместе с теми документами, которые оглашались, в равной мере характеризует, с каким доверием можно относиться к этого рода свидетельским показаниям прямо заинтересованных лиц.

Я привел эти данные лишь постольку, поскольку они подтверждают общую характеристику той чрезвычайной, особой, исключительной обстановки, в которой протекает настоящий процесс, что обязывает нас, в частности государственное обвинение, быть и в своих формулировках возможно более точными и в своих утверждениях возможно более доказательными.

При переходе к вопросам внутренней работы ЦК «Промпартии» позвольте напомнить, прежде всего, о тех основных задачах или установках, о которых было договорено в Париже. Эти установки двоякого рода: вексель, выданный «Торгпрому», и вексель, выданный военным кругам. О втором я буду говорить позднее, сейчас поговорим о векселе, выданном «Торгпрому».

Шел вопрос о совершенно новой постановке вредительской работы, которая бы направлялась к созданию кризисов в различных отраслях промышленности с направлением удара на 1930 год. Вот что конкретно было обусловлено в Париже в 1928 году на совещании «Торгпрома». Основные отрасли промышленности, на которые должны были быть направлены усилия, это — топливо, хотя после провала шахтинской группы в этом отношении имелся целый ряд трудностей, в соответствии с чем предпочтение было оказано в качестве объекта металлу, — затем транспорт, энергетика и текстиль.

Эти отрасли были наиболее полно представлены в ЦК «Промпартии». Товарищи судьи помнят, что персональный состав ЦК «Промпартии» представлял собой не только лиц, подобранных со специальной целью как наиболее способных для конспиративной контрреволюционной работы, но и как лиц, по служебному своему положению связанных с отдельными отраслями промышленности: топливо было представлено в лице Ларичева, энергетика — в лице Рамзина, текстиль — в лице Федотова, металл — в лице Чарновского и «все остальное» — в лице Калинникова.

Так был построен ЦК и таким образом он руководил вредительской работой.

Когда на судебном следствии разбирались вопросы этой части работы, для многих и многих, вероятно, из присутствующих, за исключением, конечно, судей, казалось скучной и до известной степени, может быть, ненужной та мелочность, с которой мы старались входить в отдельные обстоятельства и положения тех или иных отраслей промышленности и разбираться в, казалось бы, специальных вопросах, например, относительно порядка наилучшего снабжения электроэнергией Донбасса, или в вопросе наиболее целесообразных методов организации железнодорожного транспорта в смысле максимума или минимума средней нагрузки на ось товарного вагона, или когда рассматри-

вали вопрос о преимуществах в текстильной промышленности английских или американских машин.

Это было сделано специально для того, чтобы показать на деле реально, при рассмотрении отдельных объектов, конкретные методы вредительской работы и конкретные результаты этой работы.

Возьмем основной вопрос — вопрос о топливе, прежде всего с точки зрения правильности расчета, и значение топливного кризиса в случае интервенции. Говорить о роли транспорта вообще и в целом не приходится. Надо говорить уже об определенных, точных во времени и пространстве расположенных источниках топливной энергии и говорить точно о методах соответствующего использования их во вредительских целях.

Я попрошу товарищей судей вспомнить об общем расположении этих топливных источников: Донбасс — в качестве основной топливной базы. Подмосковный бассейн — непосредственно расположенный территориально в основных центрах наших крупнейших отраслей промышленности, затем Кузбасс — эта, по выражению подсудимых, жемчужина Советского союза, по запасу своего источника являющийся вторым в мире сосредоточением богатейших запасов минерального топлива. Таковы были те объекты, на которые была направлена вредительская работа.

Что мы здесь имеем? Возьмем Донбасс, т. е. возьмем отрасль промышленности, которая в шахтинском процессе являлась главным объектом следствия. Что мы здесь слышали и что мы здесь вынуждены были признать и вынуждены были констатировать? Несмотря на то, что секрет шахтинской проблемы был раскрыт на шахтинском процессе, несмотря на то, что после шахтинского процесса в специальной правительственной комиссии ставили вопрос о пересмотре отдельных программ, проектов отдельных крупных шахт, как шахта Скачинского, как шахта «Новая», где работали вредители, — мы к настоящему моменту имеем ту же задержку в развитии этого крупного шахтного строительства и неисполнение в полной мере тех проектировок и тех программных требований, которые были поставлены. И это не потому, что там вредительская организация работала непосредственно на месте (хотя у нас нет гарантии в том, что полностью выкорчеваны корни вредительства из угольной промышленности), но потому, что поскольку планирующая головка была в руках вредительской организации, поскольку аппарат, непосредственно направляющий, проектирующий, был в руках вредительской организации, постольку та же работа продолжалась путем внешне совершенно незаметного саботажа, систематической бюрократической волокиты, временной задержки, неспускания вниз соответствующих директив и благодаря отсутствию четкого, постоянного контроля исполнения. В частности, я спрашивал их специально относительно шахты Скачинского, — о ней мы в свое время очень много спорили. Оказалось, что систематическая

задержка разработки богатейшего месторождения антрацита равным образом до сих пор проводится, и до сих пор в полной мере не дает эта шахта той добычи, которую должна давать, которая проектировалась. А спор о железнодорожных магистралях? Если бы во время интервенции удалось перервать железнодорожную магистраль, соединяющую центры нашей промышленной жизни, Москву с Донбассом, то мы имели бы перерыв основной артерии, снабжающей топливом основные наши промышленные центры, что при отсутствии соответствующей постановки дела по организации добычи топлива в других местах с объективной неизбежностью влекло за собой топливную катастрофу. Затрудненное положение с топливом, которое мы испытываем за последние годы, — факт, мы его отрицать не можем. Другой вопрос, что это затрудненное положение с топливом вызывается и тем бурным ростом промышленности, который мы имеем в связи с общим увеличением темпов индустриализации страны, с большими потребностями и требованиями, которые предъявляет наша промышленность. Но, тем не менее, то, что мы здесь слышали, иначе поставить вопрос о положении с топливоснабжением, в частности по отношению к Донбассу, не позволяет. Это остается непреложным фактом.

Подмосковный бассейн явится основной топливной базой мобилизационного характера как ближайший бассейн для снабжения топливом Центрального промышленного района. Мы здесь приобщили ряд документов. В этих документах отражены споры, конечно, фиктивные, имевшие место во вредительской среде и на страницах печати, по вопросу относительно того, должно или не должно развивать Подмосковный бассейн? В результате Подмосковный бассейн не развит в той мере, как мог бы быть. Это тоже факт.

Кузбасс. Здесь также стоит вопрос о железнодорожной магистрали, соединяющей Кузбасс с нашими промышленными центрами центральных областей СССР, — выдержит ли существующая железнодорожная магистраль то напряжение, которое с объективной неизбежностью наступит вследствие усиленной разработки Кузбасса? И, наконец, сами непосредственные разработки на Кузбассе, соответствуют ли они тем заданиям и тем задачам, которые стоят? Так стоит вопрос. Я уже цитировал соответствующие цифры пятилетки, указывая на то, что пятилетка по Кузбассу и по Подмосковному бассейну была специально преуменьшена вредителями, — эти цифры я уже приводил и возвращаться к ним не буду, но задержка Кузбасса и задержка подмосковного угля остается. Как раз вчера вечером я просматривал подробную статью гражданина Рамзина, посвященную специально вопросам топлива. Я не имел возможности раньше ее достать и не имел возможности приобщить ее к делу, но основные вопросы, трактовка там целиком соответствуют тому, о чем мы здесь говорили. Основной вопрос о том, должно ли развивать дальнепривозное топливо, или должно соответственно форсировать Под-

московный район, Кузбасс, этот вопрос освещен там именно таким вредительским образом.

Я думаю, что эти основные факты, затрудненное положение с топливом, неразрешение до сих пор шахтной проблемы крупного шахтного строительства в Донбассе, недостаточная разработка вопросов развития подмосковного угля, задержка усиления железнодорожной связи Кузбасса, непостановка на должную высоту вопроса о самом Кузбассе, по крайней мере по тем проектировкам, которые намечались вредителями, — все это безусловно является тем, что доказывает, что в этой области вредители реально приложили свою руку, чтобы на деле оправдать получение тех сумм, о которых они говорили. В целом ряде областей мы исправили, однако, работу вредителей.

Вот примеры: возьмем Кузбасс. Сначала было запроектировано шесть миллионов тонн угля, а сейчас запроектировано 19 миллионов тонн. По последней наметке пятилетки пришлось увеличить в три раза то, что было запроектировано вредителями, и не только запроектировано, но и проведено. Подмосковного угля было запроектировано 4 миллиона тонн, а теперешняя наметка — 10 миллионов тонн, т. е. в 2½ раза больше. Но это не изменяет факта вредительской работы.

Вот реальная работа вредителей, за которую получено полгора миллиона рублей, направленная на подготовку топливной катастрофы в соответствующий момент военной интервенции. Ведь даже по Донбассу было намечено сначала 50 миллионов тонн, в то время как теперешняя наметка — 75 миллионов тонн.

Торф. Я приобщил статью, касающуюся торфа, — статью, которая доказывает, как этот источник топлива систематически держался в загоне, на втором плане, что в вопросе топливного снабжения торф оттирался вредителями. Более подробные цифры можно найти в этой статье. Основные я напомню. Первоначальной цифрой по торфу являлась цифра в 15 миллионов тонн, теперешняя — 33 миллиона тонн, т. е. увеличение больше чем в два раза.

Остановлюсь теперь на вопросе вредительства в Донбассе с помощью неправильного разрешения проблемы энергоснабжения. Когда в газете «За индустриализацию» появляются статьи, озаглавленные «Снимите петлю с Донбасса», когда появляются статьи, характеризующие то, что Донбасс задыхается и что вопрос о развитии энергоснабжения должен быть поставлен немедленно, — это уже характеризует положение. Тем более, что, казалось бы, что это такая ясная проблема, что Донбасс должен быть обеспечен самостоятельным источником энергии, что против решения такого ясного вопроса бороться трудно. Однако вредителями был придуман тогда новый подход. Откуда взять энергию? Строить ли или расширить наличные электростанции, или взять энергию из Днепростроя путем соответствующей передачи с Днепростроя, когда он будет построен? Так поставили они вопрос и решили, мотивируя расчетом на этот богатейший

источник энергии, тормозить электростроительство в Донбассе, не вкладывать туда деньги, практически не приступать к развитию энергоснабжения в Донбассе.

Вот вам «научного характера» проблема, по поводу которой начали скрипеть перья вредителей. В ответ на требования одних — контраргументы других, ответные статьи с этой стороны, новые ответы отсюда, а пока... пока ничего. А пока Донбасс и те станции, которые специально должны были разрабатывать и разрешать проблему энергии Донбасса, специально задерживались постройкой, причем мы уже слышали, как они проводили эту задержку.

Из этой области я возьму только один пример с мельницами «резолютор» из энергоснабжения Москвы на подмосковном угле. Я не знаю, как назвать этот метод, поражающий своим цинизмом. Закупить за границей мельницы, о которых известно, что при данном химическом составе подмосковного угля, при наличии в нем колчедана эти мельницы каждую неделю будут останавливаться и требовать ремонта! Я спрашивал: это вредительство очень заметно или не очень заметно? Мне ответили, что оно для более или менее сведущего человека достаточно заметно, для техника, непосредственно не знающего вопроса строения угля, это менее заметно. Может быть так, может быть иначе, но факт остается фактом. Были куплены заведомо мельницы, которые должны останавливаться каждую неделю, чтобы итти в ремонт, специально для того, чтобы создавать неприятные казусы для населения в виде выключения энергии под предлогом поломки, — казусы, которые нервируют население.

Этот пример из другой области характеризует, говорю, цинизм вредителей. В области же постройки больших станций они совершенно распоясывались.

Во всяком случае в области энергоснабжения по отношению к Донбассу налицо такое затрудненное положение. Добавьте к этому создание специальной группы из конкретных, живых, нам известных людей, точно рассказывающих относительно заданий, полученных ими по диверсионным актам, по взрывам технических сооружений Донбасса, и вы получите картину того, насколько реальна опасность и насколько отвечают действительности слова обвиняемых о том, что́ ими делалось для подготовки топливного кризиса и остановки всего топливоснабжения во время интервенции. Так обстоит дело в области топливоснабжения. Мы не впадаем, впрочем, от этого в уныние.

Мы здесь говорили относительно нефти, в частности говорили о максимальных темпах, которые были приняты советской властью к концу 1929 года, говорили и о том, как на этот раз не путем минималистских, а путем максималистских темпов хотели вредить вредители.

Передо мной лежит сообщение т. Куйбышева по поводу итогов двух лет пятилетки от 4 декабря, т. е. от вчерашнего числа.

Я возьму отсюда цифры для того, чтобы показать, что в этом отношении вредители все же просчитались, оказались битыми. Вы помните здесь спор специально по вопросу нефтяной промышленности, являются или не являются реальными те 42 миллиона тонн добычи нефти, которые запроектированы.

Вот справка т. Куйбышева. «Добыча нефти превзошла задания пятилетнего плана на 1929—1930 г. на 17,1 процента; по электротехнической промышленности продукция превысила проектировки пятилетнего плана на 39 процентов; выплавка стали превысила пятилетку на 6,7 процента; прокат — на 12 процентов».

Я потом вернусь к другим отраслям производства; пока остановлюсь на вопросе нефти и электроснабжения.

Что это значит? Вредители просчитались в одном. Они не отрицали тут, когда я задавал вопрос, объективной возможности исполнения этого плана, — максимального вредительского, по их словам, плана; они спорили тут и говорили, что для этого нужно исключительное напряжение сил — такое, которое они считали объективно невозможным. А вот — реальные цифры, а вот — реальная жизнь. Вредители просчитались в одном. Они не учли одного обстоятельства, того, что мы живем в Советском союзе, и того, что у власти стоит рабочий класс, и того, что рабочий класс считает социалистическое строительство своим делом, а когда считает своим делом, то и делает как свое дело, а не как «хозяйское» дело.

С большим напряжением, с гигантскими трудностями, в условиях вредительства, в условиях неподготовленности, пятилетний план в том вопросе, где вы говорили о нереальности, перевыполнен. Пятилетний план не только выполняется, но и перевыполняется. Вы этого обстоятельства не учли, но мы его учли, мы его знали, и поэтому даже при недостаточности подготовительных работ, — за счет активности рабочих масс, путем встречных промфинпланов, шедших снизу, непосредственно из низов рабочего класса, — мы сумели выполнить и перевыполнить это задание.

Это ни в малой степени не изменяет, однако, факта напряженности нашего топливного баланса и по нефти. Это ни в малой степени не изменяет факта неразрешенности проблемы электроснабжения Донбасса. Это ни в малой степени не изменяет факта недостаточности энергоснабжения и МОГЭС, и Электрозавода, и Кизела, и других основных наших энергетических пунктов. То, что рабочий класс путем энергии снизу, путем напряжения своей самодеятельности, своей активности побил и перекрыл вредительские планы, побил и перекрыл карты вредителей, — это ни в малой степени не смягчает факта доказанности вредительской работы, за которую, независимо от этого перекрытия встречным планом, должны понести ответственность вредители.

Так обстоит дело с углем, так обстоит дело с энергетикой. Как же обстоит теперь дело с металлом, как обстоит дело с транспортом и с текстилем? Те сведения, которые мы здесь имеем о металле, говорят, что металл у нас также является у з к и м м е с т о м. Это мы знаем, это является фактом, который мы не скрываем в общем балансе нашего народного хозяйства. Те цифры, которые приводились обвиняемыми о том, что в отдельных случаях мы имели дефицит металла, выражавшийся в цифре минус 3 процента, остаются равным образом фактом, который мы отнюдь не склонны ни преуменьшать, ни отрицать. Мы об этом знаем. Мы объясняем это, объясняли до сих пор бурными темпами роста нашей промышленности, требованиями на металл различных сортов для построения тяжелой индустрии в основных отраслях производства. Мы не знали в точной мере о вредительской работе, хотя в показаниях Хренникова и других арестованных и сознавшихся вредителей мы имели уже данные для того, чтобы судить о возможных следствиях этой вредительской работы.

Однако то, что мы здесь слышали о том, что на металл был специальный нажим с октября 1928 года и что вредительство шло по всем линиям — и по вопросам паровозостроения, и по вопросам судостроения, и по вопросам цистерностроения, и по вопросам станкостроения, и по вопросам непосредственной заготовки металлического сырья, — такие точные подробности нам не были известны.

Что же мы имеем здесь в смысле реальных результатов вредительской работы? Трудное положение с металлом является фактом, о котором мы знаем и которого не скрываем.

Так же обстоит дело с транспортом. Трудности тут у нас громадные.

В том заседании, о котором мы говорили на судебном следствии, Красовский наметил основные линии по НКПС, сводящиеся к ухудшенному использованию состава и, в частности, паровозов, к задержке развития паровозостроения и к задержке вагоностроения. Это было в начале 1928 года, с тех пор эта работа с помощью других деятелей, его преемников, продолжалась. К счастью, и тут мы сумели многое исправить уже.

Вот цифры в области металла и в области транспорта: по тяжелой индустрии вместо задания пятилетки в 12 миллиардов 476 миллионов рублей, за эти два года выполнено на 13 миллиардов 764 миллиона рублей; по отдельным отраслям тяжелой индустрии оказалось, что вместо 28 миллионов тонн выполнено 30,6 миллиона тонн; по стали вместо 9,9 миллиона тонн мы имеем 10,2 миллиона тонн; по прокату вместо 7,6 миллиона тонн — 8,3 миллиона тонн. А в общем и целом прирост валовой продукции за 1929 год составил 25 процентов, превысив прирост валовой продукции на 5 процентов против проектировки пятилетнего плана. По железнодорожному транспорту: грузообо-

рот железнодорожного транспорта в 1930 году превысил на ⅓ предшествующий год и на 25,6 процента проектировку пятилетнего плана для второго года. Пассажирское движение: проектировка пятилетнего плана намечала перевезти 455 миллионов, а перевезено 508,5 миллиона, намечался пробег 35,4 миллиарда, а мы имеем 47,4 миллиарда пассажиро-километров. Вот реальная цифра, реальные данные, характеризующие и тут, чем ответил рабочий класс на вредительство и что конкретно удалось сделать, как удалось перекрыть вредительский план. Но это опять-таки ни в малейшей степени не уменьшает значения того факта, что в области металлоснабжения, в области заготовки сырья мы преодолеваем трудности с большим напряжением, что были попытки вредительства второго порядка путем построения максималистских планов, которые, по мнению вредителей, были объективно невозможны для исполнения, — все это было. И, наконец, и теперь налицо затрудненное положение с металлом, перегрузка транспорта, недостаточность энергоснабжения, затрудненное состояние по вопросам топлива, — это факты, это узкие места, с которыми приходится нам считаться при подведении баланса нашего хозяйства.

И, конечно, ясно, что в случае интервенции, в случае военных действий опасность этого напряженного положения возрастет, и скажется и слабость нашего транспорта, и его недостаточная мощность, и напряженное положение с транспортом и металлом. И в этом отношении у вредителей есть то, что они могут предъявить.

Я перейду к вопросу, на котором нужно специально остановиться, — о вредительстве на железных дорогах. Вредительство на железных дорогах в пограничной полосе — оно уже имело место в 1928 году. С тех пор, за 1929 и 1930 годы, в смысле реального исправления, что было возможно, то сделано. Но во всяком случае даже всей затраченной энергией едва ли можно было достигнуть того, чтобы все было целиком исправлено. Это показал Красовский.

Я просил товарищей судей констатировать, что на соответствующих страницах приобщенного тома имеются показания инженеров, непосредственно работавших на пограничных железных дорогах. Эти показания были судьями удостоверены, и из них я возьму маленькие выдержки показаний живых лиц, своими руками проделывавших эту работу.

«Полозов. По Московско-Белорусско-Балтийской железной дороге технический персонал сознательно занимался вопросом срыва мобилизационной подготовки дороги для мобилизационного периода и для последующего периода военных перевозок. Не принято никаких подготовительных мер. Вместе с тем мне была дана директива, в частности Красовским, специально ослабить паровозный парк, даны директивы оттягивать приведение верхнего строения пути, мостов и искусственных сооружений в соответствие с прохождением паровозов мощных серий». В ре-

зультате дороги не были готовы для обслуживания военных требований.

Мокрщицкий, по Октябрьской железной дороге, показывает: «1) Мобилизационный план был задержан окончанием составления с допущением в нем неясностей; 2) в него не было внесено полных определенных данных о порядке работы железных дорог во время развития военных действий, не указаны размеры ожидавшихся перевозок после начала военных действий, т. е. после конца собственно мобилизационного движения; 3) не был разработан вопрос о ремонте подвижного состава прифронтовых железных дорог, неизбежно затрудняющий их и проявляющийся в увеличенном против нормального количестве; 4) не развиты вопросы мобилизационного плана о действиях железных дорог при продвижении фронта вперед или назад за пределами, определяемыми действующим мобилизационным планом, т. е. сопряженные с линией фронта, и т. п. Мобилизационные работы на дорогах с целью усиления их представлялись во многих случаях значительными и требовавшими спешности в их выполнении, а следовательно, и энергичного содействия НКПС в этом направлении. Однако и в этом деле под давлением вредительских задач такое содействие не осуществлялось, а утверждение проектов встречало тормозы... Членами организации Бенешевичем и Красовским мне было поручено ослабить паровозный парк Октябрьской железной дороги, не обращая должного внимания на производимый ремонт паровозов. Также поручалось ослабить производимый на Пролетарском заводе капитальный ремонт паровозов для прифронтовых дорог»...

Третий, по Северо-Западной железной дороге, Дисковский показывает: «Красовский говорил о необходимости ослабить паровозный парк на Северо-Западных железных дорогах, о ненужности никаких специальных работ для усиления мобилизационной готовности; ... он советовал составлять с преувеличением сметных стоимостей и не стесняться перерасходами. Он рекомендовал задерживать составление мобилизационных планов в части, касающейся тяги, и не останавливаться перед необходимостью повторной разработки одного и того же плана. Он требовал не поднимать вопросов о снабжении дороги мощными паровозами, а также и паровозами одной серии и довольствоваться тем, что он будет назначать; при расчете потребности паровозов Красовский предлагал вводить повышенный пробег паровозов, чем коэфициент потребности преуменьшался и расчеты становились нереальными».

Вот вам живые люди, которые конкретным образом точно и ясно показывают об этой работе. Об этого рода работе, вы слышали, гражданин Рамзин не показал здесь подробно «за недостатком времени». Времени он имел достаточно. Характерно отметить, что работа эта направлялась уже в то время, в 1928 го-

ду совершенно определенным образом, по определенной линии, со специальной задачей подготовки интервенции, и то, что мы сейчас успели за эти два года сделать в этом отношении, представляет собою сумму энергии, затраченной на поправку, а не затраченной в порядке производительного вложения нашей энергии для нового развития нашего транспорта и повышения обороноспособности нашей страны.

Я остановлюсь специально еще на вопросах текстиля и на вопросах ирригационных работ. Это важно отметить, поскольку здесь шли споры о текстиле и о методах вредительства текстильной промышленности и поскольку почти половина подсудимых или по крайней мере одна треть в лице трех человек непосредственно связана с текстилем. Метод вредительства здесь был несколько иного порядка. Он состоял в том, чтобы создать кризис к 1930 году путем несоответствия запасов сырья оборудованию, вернее, заставить фабрики стоять без сырья Соответствующие урожаи хлопка проектировались, и были цифры, которые показывали возможность реального их выполнения, и в связи с этим производились капиталовложения в строительство новых фабрик, в оборудование этих новых фабрик с тем, чтобы заставить эти капиталовложения делать впустую. Были ли у нас факты за истекшие два года простоя текстильных фабрик? Были. Были ли у нас факты реализации в определенной части этого вредительского плана? Были.

Это подтверждает и т. Куйбышев, который, характеризуя положение с легкой промышленностью и приводя цифры того, что сделано в этой области, сам указывает, что в данном случае лимитирующим началом является сырье, что сильно сказывается на темпах развития легкой промышленности Таким образом в области текстиля мы имеем прямые факты частичного достижения тех целей, которые ставили себе вредители.

Но не в этом только было вредительство. Одним из наиболее хитро задуманных методов является вредительство двоякого рода: во-первых, вредительство, направленное на постройку фабрик с нерациональной затратой капиталов, и, во-вторых, вредительство, направленное на сохранение на этих фабриках оборудования, не соответствующего интересам производства.

Во время судебного следствия мы спорили с гражданином Федотовым, нужно или не нужно переходить в наших условиях на американские машины или надо сохранить английские машины. В печати также отразились эти споры в виде статей, подписанных солидарно Федотовым и Державиным.

Возьмем постановку этого вопроса так, как ее ставил Федотов в споре, когда не были еще обнаружены основные обстоятельства, определившие спор. Федотов говорит там: «Надо перенимать с умом; не все то, что хорошо в Америке, хорошо у нас». Возможно. В Америке, говорит он, имеется такое положение вещей: капитал дешев, а рабочая сила дорога. У нас же наоборот, капитал — дорогой. Американские машины могут быть

рациональными только тогда, когда наше положение вещей будет соответствовать положению вещей в Америке, т. е. будет дороговизна рабочей силы и дешевизна капитала. А так как по научному убеждению Федотова у нас рабочая сила будет всегда дешева, отсюда вытекает, что нам нерационально и нецелесообразно вводить американские машины. В примечаниях к этой статье Федотова редакция указывает на явную реакционность такой точки зрения Федотова, на совершенно иную политику в Советском союзе, что такая постановка может быть вожделением капиталиста-хозяйчика, но это не есть постановка Советского союза в государственном масштабе, не есть постановка, которая характеризует политику зарплаты в пролетарском государстве.

Так стоял вопрос с точки зрения научной аргументации Федотова. А по существу? По существу дело оказалось гораздо проще. Американские машины Федотов сохранял в СССР в нашей текстильной промышленности по двум соображениям: во-первых, потому, что общий уровень текстильной промышленности таким образом удержится на низкой технической базе, и второе соображение, — за английские машины платится куртаж, и поэтому наука и научная аргументация высокоученого текстильщика профессора Федотова должна итти на службу английскому капиталу. Все на службу соответствующим интересам определенных капиталистических кругов, заинтересованных, как говорил свидетель Кирпотенко, в сохранении нашей зависимости от иностранного капитала и в импорте соответствующих английских машин. Так просто открывается ларчик этого научного спора. Так по существу просто, житейски просто и житейски пошло разрешались эти высоконаучные споры о пригодности или непригодности того или иного типа машин для текстильной промышленности. И так житейски пошло котировались на бирже английских капиталистов научный авторитет и научные знания профессора Федотова.

Я останавливаюсь на этом инциденте не только с точки зрения его житейской пошлости. Я должен остановиться в частности и на методах борьбы с противниками, допущенных соратником Федотова — Державиным. Сам вредитель, он обличал своих противников во вредительстве; сам вредитель, Державин в печати, в нашей советской печати, писал: «Есть люди, которые стремятся перевести нашу текстильную промышленность на высокую базу. Это либо «энтузиасты-дилетанты», либо вредители». Это пишет вредитель, кивая на Петра, что вредители не тут, а там. Это уже не пошло. Правда, обычные требования этики к вредителям неприменимы, во всяком случае не для вредителей имеют они значение. Это уже не пошло, а подло, гнусно подло, до омерзения подло!

Но это был метод, который практиковал не один Державин. Мы имеем в споре по вопросу об электроснабжении Донбасса статьи вредителя Горева, который также пишет о том, что истинные виновники, мол, не тут, истинные виновники что-то прикры-

вают своей полемикой, прикрывают из других соображений. Так вредители использовали и этот метод, и этот аргумент для проведения своих вредительских планов.

Это в области текстиля. Но текстильная промышленность, имевшая в своей среде крепко сплоченную группу вредителей, применяла и другие методы, о которых равным образом здесь мы слышали. Возьмем спор относительно фабрик-дворцов, строить ли дворцы-фабрики для рабочих, или же строить старые коробки. Старые коробки в текстильной промышленности оставлять мы не хотим. Мы прекрасно знаем, что в старых текстильных фабриках в дореволюционное время текстильщики-рабочие в отношении санитарных условий и гигиены труда находились в очень тяжелых условиях. Одна из задач, которую ставит советская власть и которую не может не ставить пролетарское государство, заключается в том, чтобы поставить рабочего в соответствующие нормальные условия работы. И здесь начинается интересный спор: вредители из ВСНХ спорят с вредителями из Наркомтруда. Вредители в Наркомтруде в лице Сироцинского, Кудрявцева и других выносят обязательное постановление о девятиметровой высоте фабрик, вредители из ВСНХ спорят с вредителями Наркомтруда, что это невозможно, что даже 5—6 метров много... И наконец решили... Давайте, помиримся на пяти с половиной, причем заведомо было известно, что соответствующими, отвечающими нормам и требованиям гигиены являются 4,2 метра.

Интереснее всего тут то, что вредители спорили сознательно, зная о том, что спорящий перед ним — тоже вредитель. Один говорит, что это «канатчиковский проект», что только сумасшедший может представить такой проект, а другие, споря против этого проекта, быть может, тут же, в кулуарах, выйдя в коридор из заседания покурить, встречались со спорщиком и, как авгуры, улыбались друг другу и говорили: ну что ж, на чем мы помиримся в конце концов, на какой цифре, чтобы окончательно придать приличный вид вредительству и тем содействовать окончательному проведению согласованного вредительского проекта?

А профессор Федотов пишет в статье (это очень интересная статья в полемике о фабриках-дворцах): «Нам пишут, что в трех этажах теперешней фабрики во Владимире могут поместиться пять этажей прежней Владимирской фабрики». «Конечно, — продолжает он, — но ведь известно, что мы ставим вопрос о снабжении рабочих достаточной кубатурой воздуха» и т. д., и т. д.

И это — вся его аргументация, которая по существу является не аргументацией, а отпиской, фразой, поскольку никто, конечно, из наших производственников не выдвигал положения, чтобы воздуха было недостаточно для рабочих.

Но поскольку в эти проекты вкладывались капиталы, те самые капиталы, которые, по словам Федотова, очень дороги у нас и которые он не хочет тратить на приобретение усовершенство-

ванных американских машин, постольку здесь не лицемерие, — это очень слабо, — а просто политический обман, который практиковался и которым легко пользовался Федотов ввиду своего научного авторитета.

Итак, омертвление капитала путем нерационального расходования на постройку фабрик-дворцов, куртажи и связанные с ними задержка соответствующего усовершенствования нашей техники и сохранение старого типа английских машин, вредительство в плановых предположениях, в вопросах урожая хлопка для создания простоя фабрик. Это все? Нет, не все.

Еще два метода. По одному методу — специалист Ситнин. Это сговор с продавцами хлопка за границей и соответствующая неправильная по качеству поставка сырья-хлопка. Для этого Ситнин договаривается о куртажах, для этого Ситнин направляет нам несоответствующий хлопок, который здесь уже соответствующим образом, как рассказывал об этом Куприянов, сортируется, причем отбрасывается или отметается хлопок некондиционный, и таким образом на фабрики хлопок поступает уже надежного качества. Но вместе с тем уже реализуется тот минус, который был обусловлен и за который заплачены деньги, минус в виде отсортировки негодного хлопка.

Это — один метод вредительства. Если бы он был изолирован, стоял вне связи с остальной деятельностью, это была бы просто взятка, это было бы просто должностное преступление, но, взятый в разрезе общевредительских установок, вредительской работы, как один из методов этой вредительской работы, это есть экономическая контрреволюция, полный состав 58[7], уголовное деяние, за которое наш Уголовный кодекс знает серьезную меру.

Но и это не все. Дальше идет работа уже Куприянова; дальше идет вопрос о планировании несоответствующих ассортиментов ткани, заготовки и направления готовой ткани не туда, куда нужно. Мне приходилось сталкиваться в судебной практике при пересмотре отдельных следственных дел, особенно в период хлебозаготовок, с такими явлениями, когда в порядке снабжения мануфактурой отдельные кооперативные организации получали вместо мануфактуры духи, а вместо обуви — галоши и ботики различных номеров. Такие курьезы, быть может, — результат недосмотра, быть может, результат прямого вредительства, но принцип тут был тот же, что и здесь: поставлять продукцию не туда, куда нужно, поставлять не те сорта, поставлять не в той пропорции, которая необходима, исходя из потребностей рационального построения народного хозяйства.

Вот совокупность методов, которые практиковались по текстилю. И нужно прямо сказать, что, пожалуй, текстильная группа в этом отношении побила рекорд, ибо она имела в своем ведении непосредственно продукцию предметов широкого потребления, в то время как другие отрасли народного хозяй-

ства, — ну, скажем, уголь и нефть, — не в такой степени находились в распоряжении вредительских групп.

Наконец, работа текстильной вредительской группы касалась непосредственно и вопросов мобилизационной подготовки. Спор о том, что надо учинять диверсии и на текстильных фабриках, — этот спор был? Был. А что было решено? Нам вредители текстильной группы говорят, что вопрос был решен отрицательно, что взрывать текстильные фабрики во время интервенции они не хотели. Они решили, самое большее, портить энергетическую часть. Но Кирпотенко рассказал, что ему известно другое, что решено было все же во время интервенции останавливать фабрики, подрывать работу этих фабрик и что им и другими (об этом говорил Куприянов) были приняты меры по мобилизации соответствующих диверсионных ячеек, по попытке организовать группировки из бывших белых офицеров для исполнения этой работы.

А то, что здесь говорил специалист Сироцинский, архитектор, еще об одном использовании текстильных фабрик, в частности, когда он рассказывал о некоей фабрике, которая видна с Черноморского побережья с моря как объект обстрела, и что разработка плана этой фабрики была получена из-за границы, причем не только самой фабрики, но и жилого поселка вокруг нее, и что при постройке ряда фабрик имели место такие своеобразные методы строительства, как установка площадок для тяжелых орудий, — все это характеризует ту отрасль работы текстильной группы, которая с текстилем не имеет ничего общего и которая максимально и самым теснейшим образом связана с вопросами прямой подготовки интервенции.

Вот то, что дает нам анализ свидетельских показаний, статей и выступлений вредителей в печати и непосредственное сообщение их самих в области вредительства по текстилю: чрезвычайное богатство и разнообразие вредительских методов, прямые конкретные результаты в смысле простоя текстильных фабрик и, наконец, проектировка целого ряда мероприятий, непосредственно связанных с интервенцией.

Еще об одной отрасли я не сказал — об отрасли, которая непосредственно относится к ирригационным работам и к водному хозяйству в области хлопка. О чем нам говорил Цейдлер, специалист по хлопковому делу, по вопросу хлопководства? Я думаю, что Цейдлер, поскольку он сам является тем, кто проводил вредительскую работу, погрешил здесь немного против истины и не договорил всего. Если дано некое задание А для получения некоего урожая хлопка, если в качестве слагаемых, образующих это задание, входит производство определенных категорий ирригационных работ, на определенной площади, то совершенно ясно, что непроведение соответствующей работы определяет и неполучение соответствующего количества урожая хлопка. Если планы вредительской организации были построены так, чтобы вызвать диспропорцию между количеством получен-

ного хлопка и потребностями фабрик, то ясно, что поскольку они были заинтересованы в том, чтобы хлопка получить меньше, на Цейдлера и его соратников ложилась обязанность вести водное хозяйство так, чтобы это количество хлопка не было получено, и в этом заключается в большей степени вредительская работа, чем в том, о чем он нам сначала рассказал, что она-де сводилась только к нерациональному производству этих работ, вкладыванию капитальных вложений не на те участки, которые рационально следовало бы использовать, неполучению соответствующих орудий производства или соответствующих технических сил.

Наконец, последняя сторона работы, о которой мы здесь узнали при анализе вредительской работы, — это работа группы Михайленко по мелиорации. Я возьму только ту часть работы, которая касается 1929 года, работу его на Кубани. Что мы там имеем? Мы имеем подготовку осушения территории, которая во время гражданской войны послужила препятствием для контрреволюционного десанта некоего Улагая. Именно эта часть территории послужила прямым препятствием в силу своей заболоченности, и эту часть территории было поручено к осени 1930 года срочно осушить. Туда поехал специалист Михайленко по прямому поручению вредительского центра. Мало того, мы установили, что туда поехал погоняльщик — инспектор Наркомзема. Этот инспектор привез ему деньги и этот инспектор пригрозил ему, что тебя уберут, если ты не исполнишь этой работы. Об этой работе, о которой Михайленко, мало знающий центральную организацию, никого не знающий из сидящих здесь на скамье подсудимых, знающий только прямое поручение Спарро, который его послал, знающий только, что он за это получил деньги, и боявшийся инспектора, который приехал его подгонять, — об этой работе нам здесь рассказал Рамзин, как и о той работе, о которой знал он, Рамзин, и знал французский агент, как его величали здесь, г. Р... Об этой работе, об этом участке территории шла речь при проектировке соответствующих военных стратегических планов для десанта красновских казаков, в качестве одной из частей корпуса Лукомского. Мы позвали сюда живого Михайленко, и живой человек нам рассказал о том, что делал он во исполнение директив верхов вредительской организации. Почему же не рассказал нам всего этого до появления Михайленко Рамзин? Это ему не было выгодно, но он не мог здесь уже уйти, поскольку и Цейдлер, и Ризенкампф, и Кениг, и Спарро, и Михайленко, и другой, и третий, и десятый, один за другим могли заставить Рамзина признать. Показания Михайленко в этой части чрезвычайно ценны совпадением и местности, и дат, и плана интервенции в той части работы, которая касалась западной границы и которая была начата раньше. Мы сейчас об этом говорить не будем, хотя тот факт, что эта работа там была начата проведением в 1926 году и усилена в 1929 году, что ею подвер-

гался соответствующим образом обработке плацдарм для военного вторжения по западной границе, — эти сведения нам чрезвычайно ценны, как ценно и то, что такая же работа проводилась на Дальнем Востоке, где вопросы вооруженной интервенции имели место в прошлом и где равным образом не исключена была возможность такой же практической постановки в будущем.

Вот общая характеристика вредительской работы по конкретным данным, по конкретным фактам, с точным указанием места, времени, совершителей, объектов, методов вредительства.

Вопросы, связанные непосредственно с руководством шпионажем, диверсией, государственной изменой, эти вопросы явились предметом рассмотрения на закрытом заседании; говорить о них подробно я не буду, но тот факт, что эта связь была точно установлена, что эти лица К. и Р. оказались живыми, существующими людьми, что они точно установлены, что содержание поручений было детализовано, что в области диверсий и подготовки взрывов мы установили наличие живых людей, получавших и готовивших эти поручения, все эти факты характеризуют то, что не на словах, а на деле были приняты и проведены частично обвиняемыми методы подготовки интервенции в области диверсии, в области шпионажа и в области подготовки государственной измены в период интервенции.

Мне можно после этой общей характеристики, характеризовавшей степень реальности военной опасности, перейти к вопросам индивидуальных характеристик и индивидуальной доказанности. Я должен только указать, что сейчас после судебного следствия с еще большим основанием мы можем утверждать и говорить о том, что реальная опасность интервенции — не выдумка, не фантазия, не вымысел, а реальный политический факт, который, как таковой, и должен быть нами учтен и при рассмотрении соответствующей индивидуальной ответственности каждого из привлеченных лиц.

Подробно о них я и буду говорить при таком индивидуальном анализе.

13. План интервенции

Обрисовка участия каждого из обвиняемых в контрреволюционной работе по подготовке вооруженного вторжения в пределы СССР, свержения советской власти и реставрации капитализма требует, перед тем как подойти к этому вопросу, необходимости остановиться еще на одном моменте, конкретизирующем реальную обстановку, в которой они работали, и цели, которые они себе ставили. Нам приходится путем различного рода сопоставлений отдельных мелких и крупных

фактов устанавливать и тут достоверность тех сообщений, которые подсудимые сделали.

Одной из основных частей этого сообщения являются сообщения о конкретном плане интервенции. Об этом конкретном плане интервенции говорилось в 1928 году в Париже. Этот план интервенции менялся в соответствии с сроками интервенции, тем не менее основные слагаемые этого плана оставались неизменными. Разрешите остановиться на этих слагаемых в связи с теми данными, которые прошли перед судом на судебном следствии.

Руководящая роль должна была по плану интервенции, организаторов интервенции принадлежать французскому командованию, в виде основной регулирующей силы, в отношении которой исполнители должны были являться отдельной материальной массой вооруженных сил, направляемых на интервенцию и ее осуществление. Имена Жанена, Ришара и Жуанвиля не опровергнуты никем из добровольных опровергателей — ни «Торгпромом», ни теми деятелями Франции, которые по этому поводу высказывались, в частности и Пуанкаре, который упоминает лишь о лицах, стоящих во главе французского генерального штаба, и ничего не говорит о существовании или о несуществовании в природе Жанена, Ришара и Жуанвиля. А между тем именно эти факты нуждались бы в опровержении, ибо прошлое этих людей в достаточной степени устанавливает достоверность того, почему именно эти лица были поставлены во главе интервенции. Генерал Лукомский в качестве руководителя экспедиционного корпуса, а может быть, руководителя и дальнейшего разворачивания вооруженной интервенции, — это имя, достаточно известное нам также по гражданской войне, имя, достаточно известное в военных кругах старой царской армии. По этому поводу, набрав воды в рот, он не считает необходимым выступить с какими-либо опровержениями. Конечно, такие опровержения были бы мало значащие, но тем не менее этот момент следует отметить. Из фактов, которые мы здесь сообщали и цитировали, стоит отметить затем еще один факт, — факт председательствования на том суворовском торжестве, о котором мы говорили, генерала Нисселя. Как-никак, но со всех точек зрения явка на демонстрацию, которой было по существу это суворовское торжество, с провозглашением лозунга «за веру, царя и отечество», организованную вышвырнутыми революцией из пределов СССР царскими генералами всех рангов и званий, и само выступление французского генерала и председательствование его на этом съезде характеризуют теснейшую связь определенных военных кругов Франции с контрреволюционными группами, активно готовившими или подготовляющими интервенцию.

Свидетельство гражданина Пуанкаре от февраля 1930 года относительно того, что ему, Пуанкаре, внушает подозрение положение на Румынской и Бессарабской границе, где он констати-

рует наличие определенных «темных пятен» и наличие постоянно возникающих «инцидентов», которые он приписывает злым козням со стороны СССР, при сопоставлении с конкретным планом, который здесь был доложен, на 1930 год, где начало интервенции должно было открываться с пограничных конфликтов на Румынской или Польской границах, является опять-таки чрезвычайно характерным совпадением.

Почему Румынская граница с точки зрения военно-стратегической была принята как наиболее удобная и отвечающая? Когда мы говорим о врангелевских войсках, о которых беседовали Денисов и Рамзин в октябре 1929 года, о возможности провести их непосредственно через Румынскую границу, этот факт должен быть поставлен в непосредственную связь, почему в вопросе интервенции разворачивание интервенционистского конфликта должно было начаться именно в этой пограничной полосе СССР. Когда мы читаем теперешние выступления Пуанкаре, что было бы безумной авантюрой пускаться в поддержку генерала Врангеля по опыту интервенции 1918—1920 гг., это само упоминание о Врангеле чрезвычайно характерно и симптоматично в его устах.

Эту маленькую деталь стоит отметить для того, чтобы определить и степень реальности того плана интервенции, о котором с такой самоуверенностью заявляет Пуанкаре: «Я хотел бы знать, в каком именно месте запроектировано интервенционистское вмешательство».

Он отвечает сам себе даже без подсказа подсудимых.

Вопросы западной границы в северной ее части с точки зрения запроектирования двойного удара — на Москву и Ленинград. Что мы имеем здесь в качестве корреспондирующего момента в тех материалах, которые прошли здесь на суде? Мы имеем усиление в 1929 году начатой еще в 1926 году, по показаниям Михайленко, «мелиоративной» работы по этим областям.

Товарищ председатель в свое время остановил свидетеля Михайленко, когда он назвал тот конкретный район, где была предпринята соответствующая военно-стратегическая «мелиоративная» работа для подготовки этого комбинированного удара на Ленинград.

Я не буду, конечно, конкретизировать географически того болотного массива, который здесь находится на дороге. Совпадение, когда в 1929 году разработка именно этого массива получила дальнейшее развитие, достаточно за себя говорит.

Мало того, в развитие стратегических планов на помощь интервенционной авантюре, на случай, если понадобятся соответствующие воздушные силы, были разработаны, с одной стороны, вопросы снабжения, а с другой стороны — непосредственно вопросы помещения для воздушных сил. Мы имеем показания Сироцинского, где говорится о подготовке в таком проектировании лесопильных заводов у Архангельска и в рай-

оне Ленинграда, что давало бы возможность быстро приспособить их под ангары. Те, кто знает, что такое лесопильные заводы, те, кто их видел, те, которые знают, как вопросы лесного производства тесно связаны с постройками именно такого рода, — те знают и смогут без специальной проверки учесть степень достоверности подобных сообщений.

Вопрос снабжения и организации бензинных баз в районе Ленинграда, как специальное оперативное задание, было получено от Р., о нем он говорил как о специальном оперативном плановом задании по подготовке интервенции, — оно совпадает с вопросом планово-стратегической концепции, которую вывезли из-за границы еще в октябре 1928 года Рамзин и Ларичев, когда говорили об этом комбинированном ударе, а следовательно о необходимости уже иметь не только подготовленную территорию в этом районе нашей границы, но иметь соответствующие запасы горючего, необходимые для продвижения орудий современной техники истребления.

Движение на Юге. Вы помните расчет здесь, с одной стороны, на десант, а для этого на соответствующую подготовку десантных баз, с другой стороны — расчет на осушение местности, о которой говорил Михайленко, и расчет на «земляков», как он говорил. В примитивном политическом мышлении гражданина Михайленко вопросы земляческой связи перекрывают классовые группировки, перекрывают классовые различия, и он полагает, что земляческих связей между красновским казачеством и казачеством кубанским достаточно для того, чтобы перекрыть все те глубокие передвижки, которые имели место в этом районе в связи с политикой ликвидации кулачества как класса. Но это уже относится к вопросам степени его политической осведомленности, политического уровня, политического развития Михайленко вообще. Однако то, что он говорил о расчете на контрреволюционные группировки среди кулацкой верхушки кубанской деревни, кулацкой верхушки старого казачества, то, что он говорил, что расчеты в этой плоскости интервентов основываются на том, что они встретят там наиболее подготовленную для себя почву, и то сообщение, которое Михайленко сделал о добровольной работе мелиораторов, местных работников, для установления связи с кулацкой группировкой на местах, с вербовкой бывшего белого офицерства, которое не было окончательно еще выкорчевано в этой области, — все это является опять-таки теми основными слагаемыми, которые входили в тот план, о котором нам передавали Рамзин и Ларичев.

Румынская граница и пограничные инциденты, десант экспедиционного корпуса, расчет на контрреволюционные выступления кулацкой верхушки юга России, расчет на работы мелиоративного характера, проделанные на западной границе, расчет на соответствующее ослабление мобилизационного состояния прифронтовых дорог, расчет на подготовку аэробензинных баз и соответствующих помещений для воздушного флота и

расчет на двойной комбинированный удар — на Ленинград и на Москву — вот конкретные военно-стратегические опорные пункты, на которые ставили ставку интервенты.

Я спрашиваю, наконец, отвечает или не отвечает такая установка плана интервенции опыту гражданской войны в прошлом? В опубликованных документах, которые не представляют сейчас никакого секрета, так как они появились в западноевропейской печати, наконец, в опубликованных документах соглашения об интервенции между интервенировавшими тогда СССР державами совершенно четко и ясно были разграничены как области интервенции, так совершенно четко и ясно определены и стратегические проблемы и тактические проблемы, которые тогда ставились. Но это—те же самые проблемы, о которых мы говорим сейчас, то же самое движение на западную границу в направлении Ленинграда, те же самые оккупационные построения в отношении нашего Севера, та же самая пограничная зона и движение через Румынию и Польшу, тот же самый расчет на контрреволюционно настроенное белое офицерство и кулацкие верхушки Северного Кавказа. Основные моменты, слагающие этот план, уже даны историей, даны конкретным соотношением классовых сил. Вот то, что положено в основу и что воспринято и в планах 1930 и 1931 годов.

Если гражданина Пуанкаре так интересуют эти планы и если он желает их опровергнуть, я был бы очень рад, если бы он написал на эту тему еще одну статью, которая подвергла бы анализу пункты этого плана и доказала бы и степень их нереальности и невозможности в практической деловой интервенционистской постановке.

Отсюда вывод. Все эти факты характеризуют в достаточной степени и точность и достоверность указания срока интервенции на 1930 год, характеризуют и полную достоверность утверждения обвиняемых, что и их соратники за границей по мере того, как все более и более росло убеждение в том, что чем дальше, тем труднее будет организация интервенции, приходили к выводу, что тем более необходимо ее реализовать скорее как единственный оставшийся метод для того, чтобы не утратить и не уступить все надежды. Этим объясняется краткость срока — переноса с 1930 года на 1931 год, и это должно вызывать повышенную настороженность и повышенную бдительность со стороны масс пролетариата СССР.

Мы смело смотрим вперед. Мы смело смотрим на будущее. Это доказывают пролетариат СССР и трудящиеся массы СССР своим отношением к процессу. В случае необходимости, в случае если тяжелая година настанет, мы будем защищать СССР все — от мала до велика, рабочие и крестьяне, женщины и мужчины, старые и малые. Я думаю, не найдется ни одного в наших рядах в настоящий момент, когда вопрос об интервенции ставится, как ставит его Детердинг, как вопрос месяцев, — не найдется ни одного, который бы не сказал, что эти грядущие

столкновения, если они наступят, СССР встретит во всеоружии, в полной боевой готовности. Результатом этого будет защита СССР и его дальнейшее процветание. Но результаты этого столкновения могут быть и такие, которые едва ли учитывают господа интервенты.

Но тогда мы им скажем: «Ты хотел этого, Жорж Данден? Так получи сполна!» Так стоит сейчас вопрос. И поэтому под этим углом, и только под этим углом зрения главным образом мы будем сейчас оценивать индивидуальную деятельность, индивидуальную вину подсудимых. Этого основного угла зрения прямой военной опасности для нашей страны, и нашего хозяйства, и нашего строительства мы не можем забыть. Под этим углом зрения, ни на одну секунду не ослабляя этого центра тяжести, я приступлю к характеристике того, что делали отдельные обвиняемые.

14. Индивидуальные характеристики

Рамзин

Гражданин Рамзин, профессор Высшего технического училища, интеллигент чистейшей воды, ученик Кирша — известной научной величины, унаследовавший и воспринявший, возможно, от него, возможно, непосредственно в результате своего личного творчества, целый ряд крупных научных идей, гражданин Рамзин в качестве представителя и руководителя так называемого ЦК «Промпартии» — основной организатор и инспиратор всей вредительской работы центра, через который проходит скрещивание нитей, связанных с заграничной интервенционистской кликой, через которого осуществляется связь «Торгпрома» в лице Рябушинского, Денисова и других, через которого непосредственно реализуется связь с военными кругами французского генерального штаба, Жуанвилем и Ришаром, и через которого непосредственно реализуется связь здесь с исполнителями указаний военных интервенционистских кругов, господами К. и Р. и французской агентурой.

Вот в кратких чертах, но выпуклых и в достаточной степени чеканных, определение удельного веса и политической роли Леонида Константиновича Рамзина в деле подготовки вооруженного вторжения интервентов и вооруженного свержения советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями для широчайших рабочих масс нашей страны и для судеб мировой революции в целом.

Что представляет собой гражданин Леонид Константинович Рамзин в прошлом? В период Октябрьской революции и непосредственно после нее в первые годы — активный саботажник, член группы Кирша, принципиально отказавшейся или не желавшей, за малыми исключениями а-ля Очкин, работать в советских

учреждениях и в советских условиях. Если бы наше внимание не было поглощено вопросами более важными и более существенными для вскрытия существа работы ЦК «Промпартии», мы бы могли в подтверждение слов Рамзина — благо он сам об этом сказал — привести ряд свидетельских документальных данных, характеризующих этот период его активного саботажа. То, что в прошлом у него могло быть то или иное прикосновение к подпольной политической работе времен царизма, — какое это имеет значение сейчас? Мы знаем по целому ряду других вредительских дел о подобных лицах, в частности можем хотя бы сослаться на одно лицо, проходившее по шахтинскому процессу, — директора Нецветаевского рудника, который тоже когда-то был политическим деятелем. Но этот период 1905—1908 гг. — период давно минувших дней. Но мы встречаем фигуру Рамзина в период саботажа 1918—1920 гг. как активного врага советской власти. Дальше наступает период, который Рамзину угодно было охарактеризовать как период, когда он был искренним советским работником, стоял искренно на советской платформе. Чудес не бывает на этом свете, и историческое развитие отдельной личности, так же как историческое развитие совокупности отдельных фактов, имеет внутреннюю логику, которая гораздо сильнее, чем голое утверждение, которое угодно делать Рамзину. После объявления гражданской войны для большинства антисоветски настроенного инженерства и антисоветской интеллигенции не было другого выхода, как примириться с фактом, и когда Рамзин говорит, что он стоял на советской платформе, позвольте сказать, что это было не так, что было только примирение с фактом утверждения советской власти и диктатуры пролетариата и неудачи попыток вооруженного свержения советской власти. Это — то время, когда Рамзин занимается вопросами профессуры, вопросами кафедры, когда в 1922—1923 году наступает начало нэпа. И вот, когда Рамзин говорит, что он в нэп поверил, что это был один из мотивов примирения с советской властью, — возможно, что это было одним из основных заблуждений, которые разделяла довольно значительная часть интеллигенции, но чтобы это было настолько решающим фактом, который целиком бы перевернул психологию Рамзина настолько, чтобы он сделался искренним советским человеком, в это разрешите не поверить. Если бы это было так, то в условиях той травли, о которой он передавал и о которой говорил и Очкин, нельзя было бы допустить и возможности того, чтобы в дальнейшем, в период 1926—1927 года, у него вновь сразу произошло перерождение в смысле нового переворота на 180 градусов к контрреволюции и исключительно только под влиянием изменения новой экономической политики.

Рамзин — не из тех людей, у которых подобные вопросы в их миросозерцании играют доминирующую роль, не из тех людей, у которых содержание их политических кредо является

решающей линией их поведения. Рамзин — типичный практик, человек дела, человек-организатор, для которого вся совокупность вопросов идеологического характера во всей их сложности отнюдь не является тем, чем он никогда не поступится, за что он готов драться и умереть. И Рамзин в 1926 году, столкнувшись с определенной профессорской и технической средой, понял, что перед ним встал определенный вопрос: либо искренно итти целиком и полностью навстречу советской власти, а это означает продолжать борьбу с контрреволюционным окружением, а это означает вступить в противоречие со всем окружающим, враждебно настроенным инженерством в лице его верхушки, либо итти вместе с верхушкой, итти во вредительскую работу. И Рамзин начал свой расчет как деляга, как человек дела, трезвого расчета и холодного рассудка. Советская власть существует, но удержится ли советская власть? Среди интеллигентов старого поколения, старого закала, таких, которые бы искренно полагали, что советская власть удержится, вы найдете очень мало. В глубине души всегда у них оставалось основная уверенность в том, что все-таки это временно, все-таки это «лихолетье» пройдет. И Рамзин не является исключением из этого правила, и все то, что он говорил, что он верил в советскую власть, но потом после введения нэпа разочаровался, — все это ложь, выдумки. А что он неверно рассчитал,— это уже его дело.

Он был и остался активным контрреволюционером, был и остался активным врагом советской власти, примирившимся с ней на время под влиянием необходимости; встретивший на этой почве враждебное отношение со стороны окружавшей его инженерной среды, мешавшей ему в его политической карьере, которую он строил, он решил по-деляčески, что ему выгоднее итти вместе с ними, а не вместе с советской властью, так как все равно советская власть не прочна. И просчитался!

Так думал и так решил Рамзин. И в этом его поворот.

Я спрашивал Ларичева, почему так ценили Рамзина, почему так цацкались с ним остальные вредители, почему стремились привлечь его, — ведь Ларичев и другие по стажу вредительства старше, чем Рамзин. Ларичев ответил, что они ценили его как человека с волей, как человека-организатора, как человека, за которым идет сплоченная группа Теплотехнического института, количество членов которой он определяет до 50 или, может быть, до 100 человек. Этого было достаточно для того, чтобы поставить вопрос о его вовлечении. В то время во главе вредительской организации стояли такие люди, как Пальчинский, Рабинович, Хренников. Эти люди того же прошлого, того же закала, люди — кремень, люди, последовательно проводившие свою линию, — это все те могикане буржуазии, которые еще сохранили в себе некоторые элементы последовательности, имели, если так можно выразиться, определенный политический хребет. Не бесхребетная кислятина, как остальные.

И Рамзин вступает в эту организацию и сразу занимает в ней соответствующее место. Мы здесь уже говорили о его теории инженерного правительства. Я подвергал анализу эту теорию и доказывал ее политическую несостоятельность, но в определенном отношении она могла иметь некоторое значение. Ведь как-никак, а министерские портфели, пусть они непосредственно пойдут в руки Коновалова, Денисова и Лукомского, но как-нибудь боком министерские портфели могут попасть и им. И я думаю, что Рамзин отчетливо и ясно рассчитывал именно на получение портфеля, хотя он и говорил, что не рассчитывал на министерский портфель.

Нет, Рамзин, не из тех людей, которые за идею, бескорыстно работают. Болтовня, что он не получал за это денег, болтовня и то, что он не рассчитывал на эти портфели.

Тип Рамзина — это тип политического авантюриста чистой воды, тип политического авантюриста, который в условиях классовой борьбы, во всей ее сложности, в ее отдельных временных перипетиях иной раз всплывает на поверхность, хотя сам он и не выходец из самой толщи класса промышленной буржуазии, интересы которой он защищает, но выходец из разночинных слоев, всплывает и играет определенную политическую роль в определенные моменты обострения социальных конфликтов, в моменты наиболее сложных социальных переплетов групповых, классовых и личных интересов.

Именно такого типа — Рамзин, и этим объясняется целый ряд его политических шагов, целый ряд его политических действий.

Возьмемте 1928 год и возьмемте его переговоры. Приехавши в Париж и встретившись там с «Торгпромом», Рамзин ставит вопрос о деловой проверке реальности сообщений Денисова. «Гражданин Денисов, вы говорили относительно того, что у вас установлены связи с военными кругами. Разрешите посмотреть, разрешите познакомиться, — я рискую головой, так разрешите поглядеть, разрешите самому потолковать». Так же ставит он вопрос о вечернем заседании относительно финансирования: он интересуется, от кого, скажите пожалуйста, будут деньги, какие источники, и в каком порядке деньги будут дальше направляться. На свидании с Жуанвилем и Лукомским он спрашивает Лукомского: «Скажите конкретно, деньги на бочку, отец дьякон, дайте конкретный план, укажите материальные вооруженные силы, материальную базу». Будет ли диктатура, не будет ли диктатуры, как будет разрешен земельный вопрос, что такое государственный капитализм, — в его, Рамзина, понимании, это — чистая чепуха, это потом, а тут — конкретное дело.

И вот посмотрите, как Рамзин действует. Он в этот момент (это совершенно ясно) уже знал о тех территориальных уступках, о той цене, об аппетитах интервентов, которые придется оплатить. Федотов говорит, что он потом узнал, что

Рамзин согласился на эти уступки и что он, Федотов, пошел и сказал Чарновскому: «Что такое? Я, добропорядочный и добросовестный старый кадет, добросовестно верил, что интервенты за милую душу нам помогут и ничего у нас не отберут, а Рамзин согласился? И Карпов мне говорил, что интервенты ничего не возьмут, а Рамзин согласился». И рассуждает: «Либо Карпов меня обманул, либо Рамзин меня обманул, либо «Торгпром» нас всех обманул, — и так, и так, и так я в дураках». Вот рассуждения Федотова.

Рамзин так не рассуждает. Рамзин рассуждает гораздо проще. Нужно уступить интервентам? Нужно. Нужно сказать это своим соратникам? Не нужно. Можно обмануть. Можно не сказать. Типичная фигура именно политического авантюриста, преследующего определенные конкретные цели и именно в этих конкретных целях работавшего, не останавливаясь перед обманом даже своих соратников.

Разрешите с этой точки зрения остановиться на характеристике отношений Рамзина к научной работе и к Теплотехническому институту. Мы пытались на судебном следствии определить, в какой мере Теплотехнический институт обслуживал вредительскую работу. Когда я Рамзину показал его, Рамзина, статьи по вопросу о приспособлении Теплотехнического института к практическим целям проектного строительства и другим вопросам вредительства, он сказал: «У меня была цель приспособить, но я не успел». Я его спросил: «А если бы успели, то вредили бы?» Но, видите ли, нам сейчас очень трудно судить, что здесь было бы, если бы было реализовано. Но если бы мы сейчас взяли всю работу Теплотехнического института, кое-что мы, вероятно, в этой области нашли бы.

Но допустим даже так, — и в этом положении вещей у нас получается та же самая картина: использование Теплотехнического института для вредительских целей и вместе с тем совершенно определенное отгораживание своей научной работы и научных трудов с целью не дискредитировать себя как научную силу за границей. Это Рамзину невыгодно. Тем более, кто читает эти труды из практических работников? Кто читает эти труды? Специалисты читают, а те, кто стоят во главе и управляют государственным механизмом, не читают. Можно с известным риском, а по существу без риска, в них говорить одно, а на деле делать другое. Этим объясняются та ярая защита подсудимым Рамзиным здесь своих научных трудов и заявление о том, что в научных трудах, как научный работник, он никогда не вредил, — это ярая защита своей научной чести. Но вместе с тем был установлен факт, что и практическую работу института он приспособлял к вредительству.

Вот Рамзин — вредитель-руководитель, Рамзин — шпион, поскольку непосредственная связь с К. и Р. осуществлялась им, Рамзин — заговорщик, подготовлявший в сношениях с военными кругами иностранной державы вооруженное вторжение в

нашу территорию, Рамзин — изменник и предатель и, наконец, Рамзин — лжец, который пришел сюда с чистосердечным признанием и здесь нам не сказал всей правды до тех пор, пока его не заставили сказать.

Вот характеристика Рамзина, вот характеристика степени социальной опасности этого деятеля контрреволюции, шпионажа и агентуры иностранных государств. Ни в малой степени отсюда не вытекает для меня никаких колебаний относительно метода, коим должна быть ликвидирована социальная опасность Леонида Константиновича Рамзина в порядке приговора Специального присутствия Верховного суда. Я затем при общем подведении юридического и политического итога работы ЦК «Промпартии» скажу еще об этом. Пока я здесь лишь собираю тот материал, который юридически дает полное основание для требования из интересов политической целесообразности, а не мести, из интересов политической целесообразности требовать расстрела для Леонида Константиновича Рамзина.

Чарновский

Чарновский — это чрезвычайно оригинальная, если хотите, фигура, это человек, который начал свое заявление с указания на то, что ему сейчас точно 61 год и 11 месяцев. Вот этот гражданин 61 года и 11 месяцев сообщил нам о своем прошлом, что он окончил два факультета — университет и Московское высшее техническое училище, работал первоначально на производстве, потом получил профессуру и уже осуществляя профессорские свои обязанности, вошел в сношение с вредительской организацией и, в конце концов, вошел в ЦК этой организации.

Характерным для Чарновского и его физиономии является следующее. Он заявил здесь, что ему самодержавие не мешало. Он-де работал и копошился на производстве, как трудолюбивый муравей, а затем был вовлечен во вредительскую организацию. Так ли это, гражданин Чарновский? И действительно ли в полной мере соответствует действительности характеристика, которую вы дали сами себе в ваших показаниях?

Я начну с указания на один факт. Я информатор, — говорил Чарновский, — а не руководитель. Я информатор, скромная сошка во вредительской организации, ничего по существу вредного не представлявшая. Потом Чарновский признал, что он не информатор, а руководитель и исполнитель, ответственное лицо за определенную отрасль промышленности, наследник Хренникова в этой области. Вьюн! Он и здесь на суде старался ужом виться, чтобы уйти от улик и от неумолимых логических выводов из этих улик. Вьюн! «Трусоват был Ваня бедный», — можно было бы добавить к этой характеристике.

А по существу, что он собой представлял, как профессор? Недаром нашли у него (о чем писали в стенгазете) люстру и церковную утварь. Активный черносотенец, не голосовавший в Учредительное собрание, как он заявил, «за ненадобностью», но практически вошедший во вредительскую работу и в ней занимавший одно из основных и руководящих мест.

Металл — это то, на что нажимали в Париже в октябре 1928 года. Металл — это основное, определяющее обороноспособность нашей страны. И вот в области, непосредственно касающейся этой одной из крупнейших областей нашей промышленности, Чарновский являлся руководителем вредительства. Работа его, Чарновского, вместе с Калинниковым по поручению Р., вместе с Рамзиным по вопросу о том, каким образом правильнее организовать диверсию на военных заводах, каким образом, какие части военных заводов и в какой очередности надлежит подвергнуть взрыву и уничтожению во время вооруженной интервенции, — одного этого факта совершенно достаточно для определения того, что собой представляет Чарновский. Сведения о промышленности, конъюнктурные обзоры, военные сведения, организация диверсии, связь непосредственная с агентурой — вот что имеется в пассиве или, если хотите, в активе у Чарновского. Политически по существу совершенно безыдейный человек, человек без каких бы то ни было идейных установок, человек, для которого вопросы политики никакой роли не играют, и в то же время мелкий, гаденький и подленький человек, но активный вредитель, шпион и диверсант, вместе с тем лжец, который и тут, когда он здесь нам говорил о том, что он работал бесплатно, лгал, — вот характеристика Чарновского. Может быть, в заключительном слове или в своей защитительной речи гражданин Чарновский так же, как он сделал это не однажды во время судебного следствия, скажет, что и тут он накрутил, что и тут он неудачно хотел виться вьюном и что деньги за свою вредительскую работу он все-таки получал. Не хочет сказать — его дело, но для характеристики его и методов его работы как мелкого, мелкотравчатого... — не хочется употреблять резкие выражения, — я приведу тот инцидент, который дебатировался на судебном следствии, когда мы говорили о том, каким образом он проводил в своих лекциях подтасовку цифр. Он отрицал тут, что в своих лекциях приводил студентам цифры 1923 года по развитию нашей промышленности, выдавая их за цифры 1928 года для доказательства того, что у нас вообще никакого толку не может быть. Он сказал, что этого не было, когда я его спросил. Может быть, он тоже вспомнит об этом и расскажет нам в последнем слове, как ему была подана записка по этому поводу, как он на эту записку ответил и чем он объяснил такую забывчивость, ошибку, что он вместо цифр 1928 года подсунул студентам цифры 1923 года. Это мелочь, но она характерна для

всей физиономии Чарновского, для всего его содержания как личности. Политическая роль его, однако, остается прежней Вредительство в крупнейшей отрасли нашей промышленности было в его ведении.

Это определяет равным образом вопрос о том, какую практическую цену, какое практическое значение имел гражданин Чарновский во вредительстве, и дает ответ на вопрос о степени опасности его в прошлом, в настоящем и в будущем. Я считаю, что в отношении Чарновского, так же как и в отношении Рамзина, Чарновского — руководителя вредительства, шпиона, диверсанта, черносотенца не может быть иного ответа по вопросу о той мере самообороны, которую надлежит принять, чтобы избавить нас полностью от возможностей нанесения какого-либо ущерба пролетарскому государству со стороны этого профессора, этого представителя науки и техники, использовавшего ее во вредительских целях.

Калинников

Калинников — тот, кто руководил «всем остальным». В его ведении находилась, как он сказал, бумажная промышленность, лесная промышленность и т. п., но основная его работа была не тут, — она была в Госплане.

Прошлое Калинникова. Это один из сравнительно уже редких представителей старой буржуазии, той буржуазной профессуры, которая нашла в себе достаточно контрреволюционного мужества, чтобы рискнуть на активное контрреволюционное выступление в советских условиях, на открытое контрреволюционное выступление.

Он был из тех, которые заявили, что они не хотят работать с советской властью, он был одним из тех, которые организовали и вдохновляли академическую забастовку, и он был одним из тех, которые тем не менее пошли потом на призыв советской власти работать. Когда я его спросил, почему он пошел работать, он ответил: «Почему не пойти, видимо, я был нужен, но я пошел, — сказал он, — не переменившись».

Советская власть по отношению к Калинникову проявила максимум доверия. Сам Калинников говорит, что он не может ни в каком отношении что-либо поставить в упрек советской власти. Работник основного руководящего планирующего учреждения, он вместе с тем исполнял обязанности, на которые был призван четырехкратным специальным постановлением Совнаркома и Совета труда и обороны — высших государственных учреждений. И вот, облеченный таким доверием, он вступил во вредительскую работу и вел ее систематически в качестве руководящего звена, в качестве члена руководящей вредительской организации, вплоть до исполнения поручений, носящих, казалось бы, несоответствующий с его руководящим значением характер.

Я укажу, во-первых, на участие его в комиссии по редактированию вместе с Осадчим и Ларичевым сводок конъюнктурного характера, которые передавались в «Торгпром»; во-вторых, на участие его в специальной комиссии совместно с Ларичевым и Рамзиным по выработке, по согласованию с Р., частей военных заводов, подлежащих разрушению путем взрывов во время военной интервенции; в-третьих, на участие в комиссии, имевшей задачу специального распределения работ по подготовке изменнических действий и изменнических актов в отдельных частях Красной армии во время интервенции. Это было равным образом принято к исполнению непосредственно Калинниковым, и в этой комиссии он принимал участие; в-четвертых, Калинников взял на себя сношение и исполнение заданий, даваемых ему Р. и К., и в этом отношении конкретно, сам лично передавал шпионские сведения, передавал то, что требовалось агентурой иностранного государства, полностью предоставив в этом отношении в распоряжение этой агентуры себя со всеми своими почетными званиями и титулами.

Калинников точно так же говорит нам, что он исполнял обязанности по передаче и распределению денежных средств, он говорит лишь о том, что для себя лично он этих денег не брал. Нет никаких данных для того, чтобы делать вывод о том, что в данной области по отношению к нему имело место исключение. Подробный анализ этой стороны я дал уже во время допроса непосредственно перед окончанием судебного следствия и раньше в обвинительной речи при сопоставлении всего того, что установлено, что доказано и подтверждено самим Калинниковым; рассматривать специально вопрос получения персонально денег, как отягчающий момент, явилось бы лишней затратой времени.

Не в этом суть. Суть — в руководящей работе, шпионской работе, диверсионной работе, изменнической работе и вредительской работе, совершаемой лицом, облеченным специальным доверием, занимавшим ответственные руководящие должности в советском аппарате. Вот что такое Калинников. С этой точки зрения равным образом разрешается вопрос относительно метода ликвидации вредительской деятельности Калинникова. Я говорю уже о необходимости такого метода — это есть только логический вывод. О степени его конкретной целесообразности я еще поговорю.

Ларичев

Ларичев — вредитель с 1925 года, выходец из той же группы Кирша, инженер-технолог, а затем, после ликвидации и ареста Рабиновича и Пальчинского, — человек, на которого пало руководство вредительской работой в топливоснабжении. Мы здесь рассматривали в достаточной степени подробно, ясно и детально вопросы топливоснабжения и их значение для обо-

роноспособности страны. Мы рассматривали в достаточной степени ясно и детально вопросы нефти, угля, торфа и т. д. К этому возвращаться не надо. Вместе с тем мы имеем Ларичева, пускай на вторых ролях, ибо первые роли принадлежат Рамзину, но как непосредственного соучастника и деятельнейшего помощника Рамзина по его операциям за границей.

Ларичев — специалист по топливу — беседует специально в Париже в 1928 году вечером на совещании с нефтяниками. Он же присутствует при вечернем заседании с полковником Ришаром. Он же берет на себя исполнение конкретных заданий уже в СССР непосредственно по шпионской и диверсионной работе; вместе с Калинниковым и Рамзиным рассматривает и определяет вопросы очередности диверсий на военных заводах; вместе с Осадчим, Калинниковым и Чарновским распределяет между собой функции и обязанности по установлению военных связей для подготовки изменнических актов со стороны отдельных частей или командного состава Красной армии во время интервенции.

Шпионаж, государственная измена, вредительство — вот послужной список гражданина Ларичева в контрреволюционной работе. Добавьте сюда заявление его вместе с Рамзиным, вместе с Калинниковым о том, что и они недосказали всей правды о вредительской работе раньше, и даже в своих пространных объяснениях, данных в первые дни процесса, — и политическое содержание, и политическая и идеологическая физиономия Ларичева будет вам ясна. Эти люди говорят и сознаются постольку, поскольку нельзя в определенной части не признаться; что можно укрыть — укроют, что можно спрятать — спрячут. Надежда, видно, еще есть на то, а вдруг... вдруг повернется по-ихнему? Человек, который таит такие надежды?! Не может быть и здесь иного ответа по вопросу о методе активной самообороны пролетарского государства по отношению к Ларичеву, пока волна, угроза военной опасности в результате работы этих лиц не снята еще с очереди, пока мартовские иды еще не прошли.

Федотов

Наиболее, казалось в первые дни процесса, наиболее интересной и внушающей некоторые к себе, хотя бы и относительные, симпатии была фигура Федотова. Мы здесь встретились с привычной фигурой российского интеллигента — профессора, постоянного члена кадетской партии с начала ее образования и до ее ликвидации к осени 1917 года, человека, имевшего в своем прошлом и некоторые акты политической деятельности, которые в этой профессорской среде весьма высоко котировались. Правда, мы в то время всегда смеялись над этими актами: помилуй бог, — какое гражданское мужество! — фабрикант или управляющий фабрикой или директор

фабрики прошелся на красных похоронах расстрелянных или убитых во время стычки с казаками рабочих и этим выразил свое активное несочувствие или активное противоправительственное настроение по отношению к самодержавию. Мы всегда к такого рода политическим демонстрациям либеральных директоров фабрик относились определенно. Мы всегда раньше всего ставили вопрос: а что эта стычка произошла не по приглашению ли этими директорами фабрик соответствующих карательных властей?

Не вхожу в рассмотрение вопроса, как и что имело место в этом деле, — не это важно, — важно то, что Федотов представляет собой фигуру, которая характеризовалась именно этого рода чертами.

В дальнейшем Федотов вошел в редакцию «Русских ведомостей», писал там, значит, приобщился к высшей головке этого академического либерализма, имел право посещения заседаний ЦК кадетской партии, — вот Федотов в прошлом.

Добавьте к этому те материальные блага, которых он к этому моменту достиг. Сюда относится почти 60-тысячное жалованье, сюда относится имение — собственное, купленное на благоприобретенные средства. Сюда относятся теснейшие связи и знакомство с фабрикантско-капиталистической средой.

В частности в двух словах остановлюсь на связи с Карповым. С этими Карповыми связь он поддерживал все время и здесь, пока непосредственно был связан с ними в Москве; с этими Карповыми он поддерживал связь за границей, и позвольте все-таки равным образом не поверить, что эта связь и встречи с Карповым за границей не были ни в какой степени связаны с встречами его с Карповыми здесь, и что те связи, которые эти Карповы имели здесь с бывшим техническим управляющим составом на своих бывших капиталистических предприятиях, шли к старому, другому Карпову, эмигранту, минуя и совершенно вне ведома гражданина Федотова. Я думаю, что все же на деле было немножко иначе.

Наследник Лопатина, руководитель текстильной группы и вместе с тем человек (я достаточно характеризовал его роль при обрисовке методов вредительской работы по текстилю), человек, который направлял и руководил всей этой работой,— вот вам политический паспорт Федотова. Правда, по поводу его имели место интересные споры между Кирпотенко, Ситниным и Куприяновым о том, что Федотов, пожалуй, уже не совсем подходит к той роли, которая на него возлагается, что Федотов и стар, и мало активен, и, кроме того, у него есть еще элементы некоторой чистоплотности, которые мешают практической работе. Поэтому выдвигался Ситнин в качестве соответствующего руководителя, благо он человек, обладающий меньшей чувствительностью в некоторых областях, и человек более молодой, активный и подвижной.

Но ведь это были разговоры Кирпотенко и Куприянова. А на деле? На деле до самого конца руководителем был Федотов, и, кроме того, как докладывал нам Рамзин, его кандидатура обсуждалась как наиболее подходящая для возглавления всего ЦК «Промпартии».

Вот что представляет собой Федотов. Мы бы, пожалуй, на этой характеристике Федотова остановились, если бы не еще некоторые факты, которые всплыли на судебном следствии: Федотов в течение судебного следствия представлял не одного Федотова, а двух Федотовых — один Федотов, который спорил и защищал себя с некоторой горячностью, а иногда и язвительностью, иногда, и не без удачи, подавал реплики мне, подавал реплики обвинению, — и другой Федотов, Федотов сломленный, Федотов полавшийся, Федотов унижающийся.

А причина? Причина та, что раскрылась еще одна сторона деятельности Федотова, которая подкосила его окончательно и после которой он, как политическая фигура, исчез. Эта сторона его деятельности — это статья Уголовного кодекса о взяточничестве в самом простом, прямом и непосредственном значении этого слова.

Не взяточничество для нужд «Торгпрома», инженерства, контрреволюционной работы, не взяточничество для нужд и целей оплачивания сотрудников-вредителей, а взяточничество при договорах, при покупке и приемке за границей английских машин, взяточничество, которое пошло непосредственно в карман гражданина Федотова.

Факт есть факт, и цена политической стойкости почтенного профессора-кадета, который когда-то в «Русских ведомостях» защищал, как он говорил, рабочий класс, определяется той суммой английских фунтов, за которую он продал и свою науку, и свою политическую и гражданскую честь.

Куприянов

Куприянов — практик-вредитель. Он напоминает мне один персонаж в шахтинском процессе, который тогда был охарактеризован мной как парамоновский служилый зубр. Можно было бы сказать и крепче. 17 лет он хранил «коноваловское добро». За «хозяина» он голосовал, ибо неудобно было не голосовать за «хозяина» в Учредительное собрание, когда он был выставлен туда в качестве кандидата. «Как старый хозяин прикажет», так и надо делать. С «хозяина» не хотел даже взять краденых денег Куприянов, когда обокрали Коновалова Лопатин и другие вредители, подделавши и пустивши на черную биржу обязательства Коновалова. Тут у него хватило брезгливости, хватило мужества, чтобы от этих денег отказаться. От других денег Куприянов не отказался. Он двенадцать с половиной тысяч положил в свой карман как причитающуюся ему мзду за вредительские дела, которые он совершал.

Относительно Куприянова и его места в процессе как вредителя, руководителя вредительской работы в текстильной промышленности можно было бы поставить вопрос о некоторой аналогии, скажем, со Стрижевым по нефтяной промышленности, с Нольде — по льняной промышленности, с Ризенкампфом — по ирригации, с Красовским — по НКПС, с Клевезалем — по строительной промышленности.

Но тут есть разница, которая заключается в том, что Куприянов как-никак был не только руководителем отраслевой группы, не только практиком-вредителем, а Куприянов был свой человек в Центральном комитете, он фактически входил в круг тех лиц, от которых не было секретов в области вопросов самых важных, самых секретных, самых конспиративных — о подготовке интервенции. В этом отношении Куприянов должен остаться в качестве лица, направленного обвинением на скамью подсудимых в этом процессе.

Практически его работа определяется, как я говорю, практикой руководства, с одной стороны, и с другой стороны — его работой по организации диверсионных групп и по организации военных групп. Это уже конкретная работа, связанная непосредственно с подготовкой интервенции, как таковой, помимо общей работы по подготовке кризиса в текстильной промышленности, которой он руководил.

Я не вижу поэтому никаких оснований для выделения из общей группы обвиняемых Куприянова и полагаю, что, как свой человек в ЦК, как практический исполнитель, как руководитель отраслевой группы и в то же время как непосредственный исполнитель или подготовитель исполнения заданий по диверсии, по порче фабрик и по военной работе, он должен итти в эту одну группу, вместе с ней разделив одну участь.

Очкин

Остановлюсь теперь на двух последних персонажах — на Очкине и Ситнине. Как можно было бы коротенько охарактеризовать Очкина, так, чтобы сразу в одной формуле дать все содержание его роли в этой организации и все содержание его работы? Я бы назвал его так: секретарь Рамзина по партийной и советской линии. Это будет почти совершенно точно. Непосредственный исполнитель и лицо, осведомленное об основных замыслах, самых секретных и по линии ЦК «Промпартии» и по линии конкретной практической вредительской работы.

Характеристика Очкина. Из тех фактов его биографии, о которых мы здесь упоминали, один только факт останавливает внимание, — это то, что он остался в Главтопе; в то время как остальные ушли, он остался, отколовшись от группы Кирша. Он говорил, что это было им сделано из определенных идейных побуждений. Я предлагаю, товарищи судьи, отчетливо представить себе, когда вы будете решать вопрос об Очкине, физионо-

мию Очкина и спросить себя, можно ли ставить вопрос о глубоких идейных мотивах в деятельности этого альтер-эго Рамзина. Он остался в Главтопе по соображениям гораздо более простым. Его характеризовали здесь как чрезвычайно упрямого человека. Эта характеристика была дана другим подсудимым. Я бы сказал: упрямый до того, когда упрямство переходит в совершенно другое качество. Вот именно из этих соображений он и остался. Остался он потому, что устроился.

Вопрос о революции и ее судьбах его мало интересовал,— и тут есть кусок хлеба, он и остался. Потом он был обработан Рамзиным, и здесь совершился тот самый поворот, который характеризовал Рамзин как поворот непосредственно к вредительству в конце 1927 года — начале 1928 года. Что делал Очкин? Самые ответственные поручения он исполнял. На закрытом заседании суда мы рассматривали специальный вопрос о роли Очкина и установили факты, которые известны Специальному присутствию. Значит, налицо прямое принятие им на себя поручений диверсионного характера, прямое принятие и исполнение поручений шпионского характера, — и неоднократно Вот конкретная практическая работа Очкина при полной осведомленности об общих целях контрреволюционной организации. Остается опять-таки вопрос о деньгах. Здесь я позволю себе напомнить свидетельство Рамзина, что он, передавая деньги для распределения по группам и в Теплотехническом институте, не предполагал, что Очкин окажется в этом распределении обойденным. он, Рамзин, был уверен, что Очкину перепадет то, что ему надлежит. Очкин говорит, что его обошли, забыли. Думаю, что ответственного исполнителя, такого, как Очкин — управделами ЦК «Промпартии», не забыли. Свою мзду он получил, и напрасно он от этой мзды отказывается здесь. Это ему мало поможет. Вот что нужно сказать об Очкине.

Ситнин

И, наконец, Ситнин — «советский» человек, человек, пользовавшийся, по свидетельству других, влиянием как член правления Текстильного синдиката, член правления треста, человек, на которого непосредственно возлагались поручения в Америке, и человек, на которого возлагались ответственные поручения обеими сторонами: как правительством — по исполнению обязанности по закупке хлопка, так и текстильной группой и вредительской организацией. Это человек, который одновременно исполнял и другие ответственные поручения. Куприянов просил его зайти к Ивану Андреевичу Коновалову, узнать, как Иван Андреевич Коновалов живет и поживает, и вместе с тем узнать, как обстоит дело с интервенцией и чего и как практически можно и надлежит ожидать и что и как нужно делать.

Недалекий в вопросах политики, мало разбирающийся во всех тонкостях, нюансах политической борьбы, Ситнин тем не

менее исполнил задание и привез нужные сведения и относительно положения Коновалова, и относительно аудиенции у Пуанкаре, и относительно мотивов, в силу которых Пуанкаре настаивал или просил усилить вредительскую работу. Здесь нам Ситнин представляется, или хочет представиться, человеком, который мало понимает, что не помнит, за кого голосовал в Учредительное собрание, нето за меньшевиков, нето за большевиков, но он, Ситнин, «доброжелательно» относился к революции 1917 года, и, может быть, голосовал за меньшевиков, а, может быть, за большевиков. Но он очень хорошо разбирается в том, является ли капиталистический режим для него, Ситнина, лучше или хуже, является ли капиталистический строй со всеми его благами для него, Ситнина, приемлемым или неприемлемым. Он хочет восстановления капиталистического строя, ибо он полностью еще в условиях советского строя пытается восстанавливать все навыки капиталистического строя. Здесь и куртаж по договору с продавцами хлопка, здесь и взятки частников по продаже мануфактуры в бытность его в Текстильном синдикате, здесь и спекуляция на черной бирже и превращение советских знаков в золото, здесь и хранение этого золота, припрятанного на черный день, здесь и глупая улыбка, расплывшаяся по его лицу, когда встал вопрос о том, годен ли он вместо Федотова или нет в качестве руководителя текстильной группы. Он сказал, что он только улыбался и что Кирпотенко сам уже выдумал, что он, Ситнин, согласен заменить Федотова.

Такая ли голова у Ситнина, чтобы он об этом стал раздумывать? Фактически ведь он являлся уже исполнителем этой работы. К Коновалову он ездил, практически работу по руководству вредительством осуществлял. Он пытался было сказать здесь, что он не был членом «Промпартии», но потом признал, что он членом «Промпартии» был и о существовании ЦК знал.

Если мы в отношении Федотова не хотели употреблять резких выражений, то в отношении Ситнина нет никаких оснований воздерживаться от этого. Взяточник в СССР и за границей, так сказать взяточник в международном масштабе, — вот что из себя в этом отношении представляет Ситнин. Аферист, ибо ничем иным, как аферой, нельзя называть все его манипуляции с золотом, он тянулся и к политическим вопросам как претендент на руководство текстильной группой, роль его с точки зрения его общественной опасности ясна, как и ясно его значение с точки зрения социальной полезности. Нуль — его общественная полезность, и достаточно доказана его общественная опасность.

15. Выводы

Я позволю себе перейти к последней части своей обвинительной речи — к определению и мотивировке конкретных мер репрессии в отношении подсудимых.

С точки зрения обычной постановки вопроса здесь надлежало бы подходить так: чья вина больше, тому больше, чья вина меньше, тому меньше.

Не взвешивать на весах торгашества, что больше и что меньше, а определять и искать наиболее целесообразную меру в каждом данном случае, исходя из общих задач защиты и самообороны против контрреволюционных посягательств, — вот основной угол зрения, из которого мы исходим. При этом мы можем и должны исходить из учета совокупности обстоятельств завтрашнего дня, учитывать все это для определения, какой же наиболее целесообразный метод в настоящих условиях является для суда обязательным не в интересах взвешивания, что больше и меньше, а в интересах самообороны советского государства, — вот наш подход.

Суд, наш суд в вопросах борьбы с контрреволюционерами является прежде всего орудием диктатуры рабочего класса, орудием правящего класса в нашей стране. Ему противостоят остатки разбитой буржуазии нашей страны и еще господствующая и правящая буржуазия западных стран, ему противостоят группировки зачаточных форм капитализма в нашей стране в виде кулацких элементов в деревне, ему противостоят, наконец, те остатки, слои и пережитки прежних прослоек буржуазии в виде интеллигенции старого закала и старой формы. Вот та совокупность конкретных противников и врагов, которых мы имеем и в шеренге которых свое место заняли и эти люди.

Можно ли и должно ли вообще, и в какой степени можно и должно в данных условиях употреблять орудие репрессии как орудие подавления, как орудие уничтожения врагов?

Владимир Ильич говорил: «...Бывают такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но н е л ь з я уничтожить. Но н и к а к и е, даже самые полные победы реакции, никакое торжество контрреволюции н е м о ж е т уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти — миллионы рабочих, которые все более накопляются в городах на фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти — разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжелее живется теперь... Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя».

И дальше:

«Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись м а с с ы, раз начали шевелиться миллионы» (том XIX, стр. 391 — 393).

Так писал Владимир Ильич о роли репрессии по отношению к врагам, которых имело перед собой самодержавие.

К числу этой категории врагов данные лица относятся? Нет. За ними миллионов нет, за ними масс нет. За ними — остатки разбитого, умершвленного класса и осужденный мировой историей на гибель класс мировой буржуазии.

'И Владимир Ильич пишет, что по отношению к этим врагам, по отношению к их противодействию иначе ставится вопрос о революционном насилии, о революционной репрессии.

Он пишет: «Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе, как отрицательно» (том XXIV, стр. 455 — 456).

Так ставит вопрос Владимир Ильич в отношении конкретных мер борьбы по отношению к прямым контрреволюционным врагам, стремящимся к контрреволюционному перевороту.

И вместе с тем он предупреждал против следующего. Он говорил, можно ли по отношению к таким врагам ставить вопрос иначе, как в смысле применения самых жестких мер борьбы. Он писал:

«После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова» (том XXIV, стр. 402). «На Дону Краснов, — говорил он в другом месте, — которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу .. был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова»... (том XXIII, стр. 124).

Это Владимир Ильич приводил как пример, которым не нужно руководствоваться, указывая на проявленные уже не однажды в революции нами политическую близорукость, политическую недальновидность. В эпоху диктатуры и окруженные со всех сторон врагами, мы иногда проявляли ненужную мягкость, ненужную мягкосердечность по отношению к, казалось бы, уже раскаявшемуся врагу.

И, возвращаясь опять к вопросу о революционном насилии, Владимир Ильич говорит: «Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядка и организации. И тогда оно может временно претерпеть неудачу, но оно непобедимо» (том XXIV, стр 306).

Товарищи, сейчас положение чрезвычайно осложнено. Общая политическая ситуация очерчена в достаточной степени четко мною во вступительной части моей обвинительной речи. Деятельность этих лиц, всех без исключения, охарактеризована ими самими как деятельность вредительская, шпионская, предательская, изменническая, и цели, которые они себе ставили, в достаточной степени равным образом уточнены.

Идет вопрос о применении того метода революционного насилия, который в данном случае является логически вытекающим из всей совокупности фактов.

Владимир Ильич равным образом занимался и вопросом о так называемых специалистах, технических специалистах, и вот что он писал и говорил о возможностях того, что сейчас мы разбираем в качестве конкретного факта, вменяемого им в вину: «А тут сидят превосходные канцелярские чиновники, которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасают культуру, подготовляя большевиков к падению»... (том XXVI, стр. 406).

И по поводу этих лиц Владимир Ильич говорит: «Можно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устрашить их, чтобы они боялись руку протянуть к белогвардейским воззваниям» (том XXIV, стр. 142). И это как раз в данном случае по отношению ко всем, подобным им, сделать мы должны.

Владимир Ильич учитывал эффективность и роль репрессии в этом отношении не только с точки зрения предотвращения нового вреда, который могут причинить эти люди, но и с точки зрения воздействия на их примере в отношении всех остальных.

Я позволю себе по этому поводу указать еще одну цитату, где он, Владимир Ильич, своей рукой набросал проект той статьи уголовного кодекса, по которой привлечены настоящие обвиняемые. Это статья — 58[4], говорящая о «помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению». Набросок этой статьи в ее различных вариантах написан Владимиром Ильичом.

И Владимир Ильич писал:

«*Вариант 1:* Пропаганда или агитация или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и т. п. средствами

карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу».

«*Вариант 2:* а) Пропаганда или агитация, объективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца».

И наконец:

«б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, веду-

щим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер)».

«*Вариант 2 б:* содействующие или способные содействовать» (том XXVII, стр 296—297).

Вот как ставил вопрос Владимир Ильич. А здесь мы что имеем? Здесь мы имеем прямую деятельность, согласованные действия, работу в течение ряда лет, согласованно не только с группами международной буржуазии, согласованно с теми группами, которые имеют непосредственное отношение к правящим кругам, с теми кругами, которые вчера еще были у власти и завтра могут стать у власти, с теми группами, у которых в течение всей их политической деятельности вопрос об уничтожении СССР был одной из основных направляющих директив всей их политической работы.

Вот с кем работали, вот кому содействовали, вот с кем заключали договоры, вот от кого получали деньги сидящие здесь подсудимые.

Мне кажется, это одно уже определяет вопрос о соответствующих мерах репрессии. Владимир Ильич еще в одном месте писал:

«Возьмите всю интеллигенцию. Она жила буржуазной жизнью, она привыкла к известным удобствам. Поскольку она колебалась в сторону чехословаков, нашим лозунгом была беспощадная борьба — террор. В виду того, что теперь этот поворот в настроении мелкобуржуазных масс наступил, нашим лозунгом должно быть соглашение, использование этих отношений на практике, но не помощью насилий, а помощью отношений добрососедских, союзнических. Когда нам случается встречать заявление мелкобуржуазной демократии, что она хочет быть нейтральной по отношению к советской власти, раз мы должны удержать свою позицию в отношении к этой власти, — мы можем сказать: нейтральность и добрососедские отношения — это старый хлам, который никуда не годится с точки зрения коммунизма. Это старый хлам и больше ничего, но мы должны обсудить этот хлам с точки зрения дела» (том XXIII, стр. 317—318).

Но когда дело идет о прямой борьбе, когда вместо самого элементарного минимального требования нейтралитета мы имеем прямую контрреволюционную работу, здесь вопрос ясен: никаких колебаний тут уже быть не должно.

Мне кажется, тогда, когда миллионные массы рабочего класса шлют свой привет органу, раскрывшему деятельность этой группы, часовому революции — ОГПУ, когда они высказывают свою готовность стать грудью на защиту СССР и сложить голову за право и возможность строить свое социалистическое отечество так, как они хотят и умеют его строить, строить его во имя подъема мирового пролетариата и мировой революции, и когда мировые массы пролетариата также смотрят на СССР как на вождя и на путеводную звезду в борьбе за освобождение чело-

вечества, когда в этой борьбе против нас поднимаются и консолидируются силы отживающей свой век буржуазии и, предчувствуя свою гибель, конкретно ставят вопрос о сроках уничтожения СССР, — в тот момент, когда поднимаются волны этой новой борьбы, когда предвидится в ближайшем будущем, быть может, объективная неизбежность встречной схватки этих двух миров,—все то, что у нас, в СССР, может помогать, оказывать содействие этому второму миру, должно быть сметено и уничтожено раз и навсегда.

Государственное обвинение требует от Специального присутствия Верховного суда расстрела всех подсудимых до одного.

Специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило:

1) Куприянова С. В.—на основании ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к 10 годам лишения свободы с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а», «б», «в», «г», и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества.

2) Ситнина К. В.—на основании ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к 10 годам лишения свободы с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

3) Очкина В. И.—согласно ст.ст. 58^3, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР—к 10 годам лишения свободы с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

4) Калинникова И. А.—согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу с конфискацией всего имущества;

5) Чарновского Н. Ф.—согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу с конфискацией всего имущества;

6) Ларичева В. А. —согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу с конфискацией всего имущества;

7) Федотова А. А.—согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу с конфискацией всего имущества;

8) Рамзина Л. К.—согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу с конфискацией всего имущества.

Всем приговоренным к срочному лишению свободы зачесть сроки их предварительного заключения.

Заслушав поступившие 8 декабря 1930 г. ходатайства о помиловании приговоренных Специальным присутствием Верховного суда Союза ССР по делу контрреволюционной организации, так называемой «Промпартии», к

высшей мере социальной защиты—расстрелу Рамзина Леонида Константиновича, Чарновского Николая Францевича, Калинникова Ивана Андреевича, Ларичева Виктора Алексеевича и Федотова Александра Александровича и приговоренных к 10-летнему лишению свободы Очкина Владимира Ивановича, Ситнина Ксенофонта Васильевича и Куприянова Сергея Викторовича и приняв во внимание:

1) что осужденные не только сознались и раскаялись в совершенных ими преступлениях, но своими показаниями на предварительном и судебном следствии разоружили свою контрреволюционную организацию, являвшуюся агентурой и исполнительницей директив интервенционистских и военных кругов правящей буржуазии Франции и их придатка в виде «Торгпрома»—объединения бывших крупных русских капиталистов в Париже;

2) что советская власть не может руководствоваться вообще чувством мести, в особенности в отношении обезвреженных, сознавшихся и раскаявшихся преступников,—

Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

1. Заменить осужденным к высшей мере социальной защиты—расстрелу Рамзину Леониду Константиновичу, Чарновскому Николаю Францевичу, Калинникову Ивану Андреевичу, Ларичеву Виктору Алексеевичу и Федотову Александру Александровичу расстрел лишением свободы на десять лет с поражением в правах сроком на пять лет и с оставлением в силе приговора Верховного суда в отношении конфискации имущества.

2. Заменить осужденным Очкину Владимиру Ивановичу, Ситнину Ксенофонту Васильевичу и Куприянову Сергею Викторовичу определенную им Верховным судом меру социальной защиты—десятилетнее лишение свободы—лишением свободы на 8 лет, оставив в силе все остальные определенные приговором Верховного суда последствия — конфискацию имущества и поражение в правах.

ДЕЛО КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНЬШЕВИКОВ

Процесс «Промпартии» вскрыл перед всем миром реальную опасность интервенции, под угрозу которой поставлен Союз ССР и рабочий класс всего мира Процесс «Промпартии» вскрыл одновременно связь этой контрреволюционной организации с другими такими же контрреволюционными организациями и с империалистской буржуазией в европейских странах, ставящей те же цели вооруженной интервенции. Выражавшая классовые интересы кулачества эсеровско-кулацкая группа Чаянова — Кондратьева («ТКП») была одной из таких организаций Не претендуя на социалистические ярлыки, обе эти контрреволюционные группировки — и группа Рамзина и группа Чаянова—Кондратьева—ставили перед собой задачу восстановления капиталистического строя путем вооруженного вторжения иностранных империалистических банд в СССР.

Те же цели ставила себе третья контрреволюционная организация — группа российских социал-демократов-меньшевиков, руководимая так называемым «Союзным бюро» центрального комитета РСДРП(м). Эта контрреволюционная организация, сложившаяся из осколков прежних меньшевистских организаций и вновь вернувшихся к политической деятельности отдельных меньшевиков, окончательно оформившаяся к началу 1928 года, наладила старые связи с загранично-эмигрантским меньшевистским центром (группа Дана—Абрамовича—Гарви), вступила в такой же прямой политически-организационный и материальный (в области получения денежных средств) блок с «Промпартией», как и группа Чаянова, но в отличие от последней продолжала на словах прикрываться социалистической фразеологией, продолжала для виду фальшиво отмежевываться от интервентов.

Платформой, на которой объединились все эти контрреволюционные группировки, было:

а) восстановление капиталистических отношений в СССР, как общая им всем цель контрреволюционного переворота;

б) ставка на интервенцию, как на единственно возможный и наиболее быстро приводящий к цели путь к низвержению советской власти;

в) вредительство, как основной метод контрреволюционной работы внутри СССР, и дезорганизаторская работа в армии;

г) получение материальных средств в определенной части из одного источника—«Торгпрома»;

д) организационная связь с правящими кругами западной буржуазии, в частности у меньшевиков—с руководящими кругами II интернационала.

В этом факте прямого идейного и организационного блока социал-демократов-меньшевиков с контрреволюционными организациями промышленной буржуазии («Промпартии») и эсеровско-кулацкой группой (Кондратьева—Чаянова) и их готовности помощью вооруженной силы международных империалистов раздавить первое в мире пролетарское государство и задушить социалистическую революцию сказалось все буржуазное существо нынешней социал-демократии, продолжавшей на словах двурушническую политику—отрицание интервенции, а на деле принимавшей прямое участие в подготовке интервенции вместе с империалистической буржуазией за границей и ее агентами в СССР.

В процессе предварительного следствия прокуратурой РСФСР были привлечены в качестве обвиняемых по ст.ст. 58^{11}, 58^{7} и 58^{4} Уголовного кодекса:

1) Громан В. Г., 2) Шер В. В., 3) Суханов Н. Н., 4) Гинзбург А. М., 5) Якубович М. П., 6) Соколовский А. Л., 7) Залкинд Л. Б., 8) Волков И. Г., 9) Петунин К. Г., 10) Финн-Енотаевский А. Ю., 11)Берлацкий Б. М., 12) Иков В. К., 13) Тейтельбаум М. И., 14) Рубин И. И.

Первые десять в качестве членов центральной контрреволюционной меньшевистской организации «Союзного бюро» РСДРП; Иков, Тейтельбаум и Берлацкий — в качестве лиц, хотя и не входивших в состав «Союзного бюро», но являвшихся активными деятелями контрреволюционной организации, непосредственно связанными с «Союзным бюро» и осуществлявшими связь с заграничным меньшевистским центром, и Рубин как член контрреволюционной организации, также непосредственно связанный с «Союзным бюро» и использовавшийся для хранения конспиративных документов и переписки с заграничной делегацией РСДРП.

В отношении остальных членов меньшевистской контрреволюционной организации, привлеченных по настоящему делу органами ОГПУ, производство о таковых выделено.

Равным образом дело выделено и в отношении Броунштейна, уже осужденного постановлением коллегии ОГПУ.

Допрошенные в качестве обвиняемых перечисленные выше лица, дав обстоятельные показания, признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

На основании изложенного предаются суду Специального присутствия Верховного суда СССР:

1. Громан В. Г., 56 лет, сын домашнего учителя, получивший высшее образование, несудимый, по специальности экономист, бывший член президиума Госплана, член РСДРП с момента ее образования до 1922 года с перерывами, с 1926 по 1930 г. снова член РСДРП(м).

2. Шер В. В., 47 лет, получивший высшее образование, несудимый, бывший член правления Государственного банка СССР, с 1923 по 1930 год член РСДРП.

3. Суханов Н. Н., 48 лет, сын служащего, получивший высшее образование, несудимый, по профессии литератор, член РСДРП(м) с 1917 по 1920 год (группа Мартова) и с 1929 года.

4. Гинзбург А. М., 52 лет, сын купца, получивший высшее образование, несудимый, по профессии экономист, член РСДРП(м) с 1897 по 1921 год, а затем с 1926 по 1930 год.

5. Якубович М. П., 39 лет, происходивший из дворян, несудимый, получивший среднее образование, бывший заместитель начальника сектора снабжения Наркомторга СССР, член РСДРП(м) с 1908 по 1921 год и с 1927 по 1930 год.

6. Соколовский А. Л., 47 лет, из мещан, несудимый, получивший высшее образование, по специальности экономист, член ЦК объединенной еврейской социалистической партии с 1906 по 1920 год и с конца 1927 по 1930 год член РСДРП(м).

7. Залкинд Л. Б., 45 лет, сын служащего, несудимый, получивший высшее образование, по специальности экономист, член РСДРП(б) с 1903 по 1907 год и член РСДРП(м) с 1917 по 1921 год и с 1924 по 1930 год.

8. Волков И. Г., 47 лет, сын крестьянина, бывший рабочий, несудимый, бывший экономист ВСНХ СССР, с 1902 по 1905 год член партии социалистов-революционеров, член РСДРП(м) с 1905 по 1920 год и с 1928 по 1930 год.

9. Петунин К. Г., 46 лет, сын деревенского портного, несудимый, по специальности бухгалтер, бывший член правления Центросоюза с 1922 г., член РСДРП(м) с 1905 по 1918 год и с 1925 по 1930 год.

10. Финн-Енотаевский А. Ю., 58 лет, сын служащего, несудимый, получивший высшее образование, профессор политической экономии, член РСДРП(б) с 1903 по 1915 год и член РСДРП(м) с 1928 по 1930 год.

11. Берлацкий Б. М., 41 года, из мещан, несудимый, получивший незаконченное высшее образование, бывший член правления Госбанка СССР, член РСДРП(м) с 1904 по 1930 год (с перерывами).

12 Иков В. К., 49 лет, из дворян, получивший незаконченное высшее образование, по профессии литератор, член РСДРП(м) с 1901 года.

13 Тейтельбаум М. И., 54 лет, из мещан, несудимый, получивший незаконченное высшее юридическое образование, бывший старший директор по стандартизации экспортных товаров НКТ СССР, член РСДРП(б) с 1900 по 1907 год и член РСДРП(м) с 1925 по 1930 год.

14. Рубин И. И., 45 лет, профессор политэкономии, член Бунда с 1904 по 1920 год, член Бунда и РСДРП(м) с 1920 по 1923 год, член РСДРП(м) с 1929 по 1930 год.

I. Первые 10 — по обвинению в том, что, поставив себе целью свержение советской власти в СССР и восстановление капиталистических отношений,—

1) образовали в начале 1928 года контрреволюционную организацию, руководимую «Союзным бюро» ЦК РСДРП(м), объединив под руководством последнего разновременно возникшие ранее, ими же созданные в отдельных учреждениях и наркоматах СССР контрреволюционные меньшевистские организации, продолжали создавать таковые и в дальнейшем и, руководя деятельностью последних, направляли их к той же цели свержения советской власти;

2) вошли путем посылки за границу отдельных лиц из своей среды, а также путем дачи поручений другим лицам, в сношения с контрреволюционной организацией меньшевиков социал-демократов за рубежом—«заграничной делегацией» ЦК РСДРП, согласовывали с последними свою дея-

тельность, получали от них письменные руководящие указания и денежную помощь и участвовали в совместных заседаниях и совещаниях с приезжавшими из-за границы с контрреволюционной целью членами этой заграничной делегации Абрамовичем и членом ЦК меньшевиков Броунштейном и другими лицами;

3) в тех же целях вошли в соглашение тактического и программного характера с другими, действовавшими на территории СССР контрреволюционными организациями, а именно—центральным комитетом так называемой «Промышленной партии» и центральным комитетом так называемой «Трудовой крестьянской партии», соответственно договаривались с ними о разграничении сфер своей контрреволюционной работы и получали от последних, а через них от «Торгпрома», материальную и денежную помощь;

4) в пределах своей организации направляли работу, как свою собственную, так и руководимых ими ячеек в наркоматах и учреждениях, на осуществление вредительства в различных областях народного хозяйства, в частности в Госплане — в области планирования, в ВСНХ — по управлению промышленностью, в Наркомторге и Центросоюзе—по снабжению и распределению продукции и в Госбанке—в области денежного обращения, преследуя цели максимального затруднения в хозяйственной жизни страны, создания кризисного состояния в ней и срыва правительственных планов развития социалистической реконструкции народного хозяйства;

5) всю указанную выше контрреволюционную деятельность направляли в целях облегчения условий и обеспечения наибольшего успеха ожидавшейся ими вооруженной интервенции извне, со стороны империалистических, капиталистических государств, согласуя в этом отношении свою деятельность, с одной стороны, с «Промпартией» и «ТКП», входившими, в свою очередь, в непосредственный контакт с подготовлявшими интервенцию «Торгпромом» в Париже и империалистическими кругами правящей буржуазии Запада и, с другой стороны, с заграничным меньшевистским эмигрантским центром, также подготовлявшим интервенцию вместе со стоявшими на точке зрения необходимости интервенции руководящими кругами II интернационала;

6) распространяли агитационную литературу контрреволюционного содержания, как получаемую ими из-за границы, так и изготовляемую собственными средствами.

II. Иков В. К. — по обвинению в том, что, будучи активным членом контрреволюционной организации меньшевиков и войдя в сношения с центральной контрреволюционной организацией меньшевиков в СССР «Союзным бюро» ЦК РСДРП, состоявшим из упомянутых выше лиц, и согласуя с ними свою контрреволюционную деятельность, осуществлял с 1928 года по день ареста контрреволюционную деятельность на территории Советского союза в целях свержения советской власти под руководством заграничного центра меньшевиков социал-демократов, поддерживал с ними систематически письменную связь, получая от него и распределяя денежные средства, и руководил местными подпольными меньшевистскими организациями после ареста «Союзного бюро», принимал меры к воссозданию нового центра контрреволюционной меньшевистской организации и всю свою деятельность направлял согласно получаемым директивам к подготовке условий, облегчавших успех интервенции.

III. Тейтельбаум М. И.—по обвинению в том, что, будучи членом контрреволюционной организации меньшевиков и состоя на службе за границей в торговых представительствах СССР в различных городах Западной Европы, вошел в сношения с заграничным центром меньшевистской контрреволюционной организации, лично получал и передавал директивы последней контрреволюционным организациям меньшевиков внутри СССР—так называемому «Союзному бюро»; после возвращения своего в СССР продолжал поддерживать связи с последним, продолжал под его руководством свою контрреволюционную деятельность.

IV. Берлацкий Б. М.—по обвинению в том, что по соглашению с Шером В. В вошел в контрреволюционную меньшевистскую организацию в Госбанке СССР и осуществлял там под общим руководством центральной контрреволюционной меньшевистской организации «Союзного бюро» руководство вредительской работой в Госбанке, создавал вредительские ячейки в подведомственных ему учреждениях и осуществлял вредительскую работу, непосредственно направляя последнюю на создание затруднений путем расстройства денежной системы СССР.

Принял и исполнил по предложению Шера поручение по установлению связи между контрреволюционной меньшевистской организацией внутри СССР и заграничным меньшевистским центром путем личных встреч с руководителем заграничного меньшевистского центра Даном и передачи от имени последнего устных и письменных директив в СССР членам «Союзного бюро».

V. Рубин И. И.—по обвинению в том, что, войдя в контрреволюционную организацию социал-демократов-меньшевиков и целиком разделяя их программные и тактические установки, принимал участие в контрреволюционной деятельности «Союзного бюро» РСДРП участием в заседаниях, в выработке соответствующих директив по руководству периферийными организациями меньшевиков, в частности принимал на себя поручения по переписке с заграничной делегацией меньшевиков; принял на хранение и укрыл директивные документы от заграничного центра социал-демократов-меньшевиков.

Дело слушалось с 1 по 9 марта 1931 г. в Москве Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР.

I. Кого мы судим?

Товарищи! Гигантский социально-исторический сдвиг, который представляет собою пролетарская революция в СССР, насытил сгущенным политическим содержанием и те процессы, которые проходят перед пролетарским судом, в особенности перед высшими судебными органами, в переживаемый нами период.

Но если раньше, еще несколько лет назад, было правильным сравнение наших судебных процессов со своего рода исторической лупой, через которую, благодаря особому методу, который представляет собою судебное следствие, мы могли с исключительной подробностью и исключительной внимательностью рассматривать отдельные эпизоды классовой борьбы, вскрывая руководящие жизненные нервы, управляющие живой действительностью и динамикой классовой борьбы, то иначе обстоит дело сейчас. Сейчас, после 13 лет пролетарской диктатуры, после 13 лет ожесточенной классовой борьбы, каждый из крупных политических процессов, который проходит перед судом, дает возможность уже несколько больше и не лупой, а скорее историческим прожектором освещать целые этапы истории. Ибо эти судебные процессы дают возможность видеть, как эволюционируют соответствующие классовые образования, как переплетаются они на протяжении целого ряда лет, за целый этап исторической жизни; видеть, как мало-помалу логика борьбы обнажает классовое существо, которое насыщает эти классовые формации, и видеть это более осязательно, ибо более длительный период деятельности наших врагов проходит теперь перед нами. Более точно, более рельефно мы можем сейчас видеть поэтому и движущие силы истории и предвидеть конечные перспективы соответствующих классовых групп и классовых слоев — кто осужден из них на то, чтобы окончательно исчезнуть в историческое небытие, с кем нужно драться насмерть.

Несколько исторических примеров из тех процессов, которые прошли за эти 13 лет сначала перед Верховным трибуналом ВЦИК, затем перед Верховным судом СССР, покажут эту ощутительную разницу содержания процессов и помогут нам понять все политическое значение данного процесса.

Возьмем ли мы такой красочный, яркий, чеканный, выпуклый эпизод классовой борьбы, как восстание левых эсеров 1918 года и их процесс перед Верховным трибуналом, возьмем ли мы такой процесс, как процесс Тактического центра, возьмем ли мы такой процесс, как процесс Локкарта и его агентуры в эпоху первой интервенции, или такой процесс, как протекший в свое время процесс церковников, или процесс немецких фашистов, — мы увидим, что эти процессы всегда давали нам возможность изучить, понять, схватить существо этих эпизодов классовой борьбы и нейтрализовать соответствующие акты борьбы со стороны этих классовых противников.

Но уже процесс правых эсеров на рубеже первого пятилетия пролетарской диктатуры дал возможность более глубоко вникнуть в перипетии классовой борьбы и дал возможность подвести итоги той борьбы, которая велась этой группой классовых врагов на протяжении первого пятилетия истории нашей революции. А последующие процессы, такие, как шахтинский в 1928 году, такой, как процесс «Промпартии», который только недавно закончился, — эти процессы дали возможность уже анализировать и подводить итоги и соответственно этому определять удельный вес и социальную опасность классовых врагов и классовых группировок за более длительный период.

Изменились, однако, не только масштабы, которые мы имели возможность изучать в каждый конкретный исторический момент, изменилось вместе с тем и богатство нашего вооружения в смысле познания тех методов борьбы, тех средств борьбы, которые начали употреблять против нас наши классовые враги, тогда, когда старое оружие ломалось и когда они вынуждены были прибегать к поискам нового оружия, новых средств борьбы.

В этом отношении чрезвычайно богатый и поучительный материал для познания тактики наших врагов, для познания средств их борьбы и методов их борьбы дал нам шахтинский процесс, который показал то новое оружие, которое выковали наши враги и которое они пустили в ход против нас. Я имею в виду вредительство как метод классовой борьбы, впервые, хотя еще далеко не с достаточной полнотой, не исчерпывающе вскрытый шахтинским процессом. Вместе с тем эти новые методы борьбы обнаружили, что они переплетаются и со старыми методами. Диверсии, шпионаж, наконец, прямой сговор уже не непосредственно с отдельными группами, а с правящими кругами иностранной империалистической буржуазии; непосредственная подготовка совместных выступлений крупнейших империалистических акул, планирование согласованных действий для того, чтобы раздавить первое в мире пролетарское государство, — вот то новое, что нам дало за последние пять лет непосредственное изучение нами тактики наших врагов по материалу, который проходил перед нами во время последних судебных процессов.

Этот процесс относится к той же категории, но он, я бы сказал, еще более значителен по содержанию. Я бы сказал, что он еще более в этом отношении поучителен, и поучителен не только с точки зрения познания тех глубоких исторических причин, которые еще продолжают действовать и продолжают формировать классово враждебные нам слои, определенные отслойки среди интеллигенции, определенные группировки среди осколков буржуазии у нас, определенные круги международной империалистической буржуазии, вместе с тем он интересен и важен потому, что показывает нам с совершенной отчетливостью и содержание и причины той исторической эволюции, которую пережили меньшевики как определенная политическая группа, игравшая и играющая еще определенную политическую роль в общей сумме сил, борющихся против нас. И не только эволюции российской меньшевистской социал-демократии, но и тех групп, которые ее поддерживали и защищают, начиная от открытых классовых врагов, поднявших против нас оружие, в виде «Промпартии», как откровенной организации промышленно-контрреволюционной буржуазии, и кончая II интернационалом и всеми теми, кто вместе с ним именует себя по старой памяти «социалистами».

В этом особенность, в этом значимость и в этом важность этого процесса. И он усугубляется еще не только тем, что данные подсудимые именуют себя социалистами, но и тем, что они с некоторым основанием могут именовать себя, опираясь на определенные этапы своей прошлой работы, своей подпольной работы в старые времена борьбы с царизмом, и *старыми* социалистами. У каждого из них за плечами или, по крайней мере, у большинства достаточный стаж пребывания в рядах социалистической партии в те периоды, когда, несмотря на все их оппортунистическое существо, они все-таки играли определенную роль как некоторое слагаемое в общей сумме того напора социалистических организаций и социалистического движения рабочего класса, которое имело место в те времена.

Наконец, они сверх этого — *ученые* специалисты. Это не рядовые люди, а люди, которые имеют за собой достаточный багаж, достаточное понимание движущих пружин, направляющих движение истории, достаточный опыт применения тех методов, с которыми оперируем и мы при анализе общественных явлений, общественной жизни. Все это соответствующим образом, конечно, должно быть нами учтено, когда мы, подойдя к учету той преступной работы, которую они проводили в течение последних лет, будем в конце концов разрешать конкретный вопрос, который вы, товарищи судьи, призваны разрешать здесь, сидя на судейской скамье: вопрос об индивидуальной судьбе каждого из этих 14 человек.

И, несмотря на то, что они называли себя социалистами, старыми социалистами, учеными социалистами и, сверх, того, учеными специалистами, они на этой последней арене своей практической деятельности сроднились с теми, кто судился в шахтин-

ском процессе, кто судился в процессе «Промпартии», — они стали вредителями. Мало того, они стали интервентами. Социалисты-вредители, они, сверх того, интервенты — социалисты-интервенты. Сверх того, они часть блока, единого политического блока с откровенными буржуазно-фашистского типа организациями, какую представляла собой «Промпартия», в силу политического единства, реального единства своих политических целей, реального единства своей политической программы. Они — «социалисты»-фашисты. И наконец, по своим целям, конкретным целям, которые они ставили как непосредственную задачу, для которых и во имя осуществления которых они направляли свою деятельность, они — буржуазно-капиталистические реставраторы. Вот итог их эволюции. Вот конкретное содержание их преступной работы. Вот то, к чему пришли эти старые меньшевики, к чему пришли российские социал-демократы.

Уже вот это одно определение характерных черт их тактики, их программы дает возможность видеть то новое, что характеризует этот процесс по сравнению с теми процессами, которые мы имели, скажем, в период первых пяти лет истории нашей революции.

Новое здесь, в этом объединении и по методам, и по целям, и по существу программных и тактических мероприятий, — в объединении с такого рода организациями, как «Промпартия», т. е. с откровенно буржуазно-капиталистическими партиями промышленной буржуазии, т. е. той буржуазии, которая по отношению к рабочему классу в области экономической знает одно — беспощадную эксплоатацию до конца, а в области политической знает лишь диктатуру своего бронированного кулака, иногда прикрашивая ее различными красками демократическо-республиканских вывесок, но которая по существу отстаивает от начала до конца свою диктатуру и неприкрытое свое господство.

В этом откровенном блоке, несмотря на все их политическое прошлое, несмотря на их социалистическую фразеологию, есть то новое, что является характернейшим для них, а следовательно и характернейшим для всей пережитой за период 13 лет эволюции российской социал-демократии меньшевиков. Они никогда не были революционными социалистами. Мелкобуржуазная природа меньшевизма толкала их всегда в болото оппортунизма и сделок с буржуазией. В момент величайшего напряжения сил пролетариата СССР на строительство социализма и величайших успехов этого строительства и в момент собирания всех сил мирового империализма против СССР они оказались поэтому в лагере врагов, перейдя на этот раз все грани и сблокировавшись с самыми черными силами реакции. И вот почему этот процесс, больше чем какой-либо другой, может нами рассматриваться именно как своего рода исторический прожектор, который дает возможность не только анализировать соотношение сил, как оно складывается в настоящий момент, но и бросать свет на всю их

историю за истекшие 13 лет и попытаться понять те основные исторические моменты, которые для этой политической группы с неумолимой логикой должны были привести и привели ее к тому, что она представляет собой сейчас как объект рассмотрения на данном судебном процессе.

Отсюда, однако, следует немедленно ряд выводов.

Они — буржуазно-капиталистические реставраторы, они — участники блока с буржуазией, блока, который ставил себе задачей — методами интервенции, методами вооруженного вмешательства и вооруженного вторжения низвергнуть советскую власть. В этом суть! В этом суть, и это должно быть тем углом зрения, исходя из которого мы должны определить и свое сегодняшнее отношение к ним, что бы ни было у них в прошлом, каково бы ни было их индивидуальное прошлое, — это должно быть определяющим углом, исходя из которого мы должны будем решить вопрос о мероприятиях по отношению к каждому из них, и это должно быть основным углом зрения, исходя из которого мы должны определить и политическую значимость настоящего процесса для нас, для рабочего класса СССР, и для рабочего класса всего мира. Ибо они, именующие себя членами Российской социал-демократической рабочей партии, они — предатели рабочего класса, тем самым и предатели рабочего класса СССР и предатели рабочего класса всего мира, предатели вдвойне.

Политическая значимость этого процесса не исчерпывается, однако, и этим. Они не одни в этом процессе. Об этом прежде всего говорят они сами и их единомышленники за границей. В уже цитированном мною на судебном следствии документе — статье гражданина Дана от 24 декабря 1930 г. «РСИ на скамье подсудимых в Москве» — он перечисляет сам тех, кто вместе с обвиняемыми, рядом с восемью инженерами (это говорилось еще о процессе «Промпартии») «невидимо присутствуют» на скамье подсудимых.

Дан пишет: «Не только Пуанкаре и Бриан, но и Каутский, и Леон Блюм, и, наконец, весь Социалистический рабочий Интернационал», — вот кто, по словам Дана, «невидимо присутствовал» уже на скамье подсудимых по делу «Промпартии», тем паче на этом процессе. Это не наши слова, это слова Дана. И в этом отношении, пожалуй, мы можем с ним целиком и полностью согласиться. Все буржуазные империалистические группы, вся империалистическая буржуазия за рубежом, все осколки буржуазии у нас, все еще не понявшие советской власти и ее целей, еще пропитанные старыми традициями, не примирившиеся и не понимающие существа советской власти, правда, уже, мы полагаем, незначительные слои интеллигенции, наконец, все лавочники, попы всех мастей, вся эта «новая социальная база», на которую опирался, по словам Залкинда, неоменьшевизм, — все они равным образом невидимо присутствуют тут в качестве сочувствующих и соратников обвиняемых.

Позвольте привести тут же доказательство того, что мои слова не являются ни в малой степени преувеличением. У нас есть сейчас прямое доказательство этому. Это — не преувеличение, а реальная действительность сегодняшнего дня, сегодняшнего этапа классовой борьбы. О настоящем процессе не шумит так буржуазная пресса, как она шумела в свое время по поводу процесса «Промпартии», но зато очень шумит и сугубо шумит II интернационал. Предо мною документ, направленный председателем II интернационала Эмилем Вандервельде непосредственно в Совет народных комиссаров СССР. В этом документе от имени исполкома II интернационала Эмиль Вандервельде пишет по поводу нашего процесса:

«Это известие дошло до сведения исполкома РСИ во время сессии его в Цюрихе и требует с его стороны тем более энергичного протеста, что исполком получил очень серьезные сведения о плохом обращении, применяемом к обвиняемым в тюрьме, где они содержатся. Исполком Интернационала поддерживает постоянную связь с российской социал-демократической партией, за деятельностью которой он внимательно следит. Ему известно, что российская социал-демократия в борьбе, которую она ведет против большевистской диктатуры, решительно враждебна всякой контрреволюционной интервенции в СССР, что она решительно против всяких попыток организации восстаний, направленных к насильственному свержению советского режима, что никто из знакомых с этими делами не может, не кривя душой, оспаривать тот факт, что она всегда и самым решительным образом высказывалась в этом случае в самом РСИ».

В последующем мы увидим, кто из нас в данном случае кривит душой.

И дальше:

«В этих условиях самый факт привлечения к революционному суду людей, все предыдущее поведение и много раз подтвержденные убеждения которых протестуют против выдвинутого против них обвинения, является скандальным злоупотреблением силы. Он составляет часть системы террора и клеветнической кампании, которая ведется против российской социал-демократии и ее представителей с единственной целью дискредитировать их в глазах пролетариата».

«Мне поручено исполкомом Социалистического рабочего интернационала внести самый энергичный протест против такого насилия и констатировать, что такими действиями большевизм лишь углубляет роковой раскол в международном рабочем классе, тогда как жизненные интересы этого класса требуют, чтобы он выступал единым фронтом во всех странах против угрожающих ему реакционных сил».

Вот текст официальной телеграммы гражданина Вандервельде, в которой он подтверждает то, что явствует из цитированного мною сообщения Дана об официальной солидарности с меньшевиками Вандервельде, а вместе с ним официальной солидарно-

сти исполкома II интернационала с российской социал-демократией, за всей деятельностью которой он, по его словам, «внимательнейшим образом следит».

Этот документ — исторический документ, от которого уже нельзя будет отмахнуться, и эта солидаризация является лучшим доказательством правильности той оценки, которую я дал политической значимости этого процесса, которая целиком и полностью подтверждает эту значимость и уточняет и ту формулу, которую дал Дан: мы судим данных людей здесь в Верховном суде СССР, мы рассматриваем дело о преступной организации и преступной контрреволюционной работе организации, так называемого «Союзного бюро Российской социал-демократической партии меньшевиков», а вместе с ними «невидимо присутствует на скамье подсудимых и весь II интернационал».

Гражданину Вандервельде угодно было заявить, что за их деятельностью он систематически следил, II интернационалу было угодно заявить, что прошлое поведение этих людей таково, что исключает возможность предания их суду по обвинению в том преступлении, в котором мы их обвиняем, и что он в этом отношении их целиком поддерживает. Ну, что же, это не наша инициатива. Мы II интернационал сюда на скамью подсудимых не сажали. Мы имеем дело с данной группой лиц. Угодно гражданину Вандервельде солидаризироваться? Очень хорошо. Мы этот вызов принимаем, но, рассматривая данное дело, рассматривая совокупность улик, которые здесь прошли, подведем итоги уликовой стороне. Но если с выводами, к которым мы придем, согласится суд, если с этими выводами согласится рабочий класс нашей страны и мировой пролетариат, то пусть же и та тяжесть ответственности, которую в данном случае суд возложит на данную группу лиц, пусть же вся тяжесть ответственности за их преступления ляжет и на II интернационал, согласно его заявлению, и вместе с тяжестью ответственности ляжет вся тяжесть того презрения рабочих масс, которым рабочий класс всего мира заклеймит результаты преступной деятельности так называемой российской социал-демократии.

II. Формула обвинения

Мы будем обвинять данную группу лиц, так называемое «Союзное бюро» РСДРП, в тягчайших преступлениях: это, во-первых, в постановке своей целью реставрировать капиталистический строй в нашем Союзе, реставрировать его со всеми «прелестями» и со всеми мерзостями капиталистического строя, реставрировать капитализм и разрушить этим самым все то, за что рабочий класс и трудящиеся массы нашей страны за эти 13 лет боролись, за что положили столько энергии, страданий, пролили столько крови.

Мы будем обвинять подсудимых в том, что они, поставив эту цель, для ее осуществления заключили политический блок с откровенно буржуазными контрреволюционно-фашистскими организациями — «Промпартией» и кондратьевцами, что, войдя в этот блок, они согласились на получение для своей контрреволюционной работы материальных средств от этих контрреволюционных групп и тем самым продались буржуазии.

Мы будем обвинять их в том, что, поставив эту цель, они приняли вредительство как основной метод своей работы, понимая под этим дезорганизацию и расстройство нашего хозяйства, срыв наших хозяйственных построений и планов, разрушение достигнутых результатов социалистического строительства, и организовывали голод и страдания рабочих масс, лишения и страдания всех трудящихся масс нашего Союза.

И, наконец, мы будем обвинять их в подготовке интервенции со всеми ее последствиями — с террором озверелой белогвардейщины, с реками крови, которые бы эта интервенция нам принесла, и с восстановлением, по крайней мере на десяток лет, жестокой реакции, которая всегда наступала тогда, когда, вернувшись к власти, буржуазия мстила рабочим за те кратковременные, как было раньше в истории, моменты, когда эта буржуазия оказывалась повергнутой в прах.

Мы обвиняем их в измене мировой революции и в предательстве мирового пролетариата.

В этом порядке основных пунктов обвинения мы пойдем в разборе уликовой стороны, в разборе тех материалов, которые дало нам судебное следствие за истекшие четыре дня.

III. Реставрация капитализма

В обвинительном заключении уже цитировалась нами установленная еще в 1924 году меньшевистской социал-демократией ее практическая, политическая и экономическая программа. В этой политической и экономической программе совершенно четко и ясно указывались те задачи, которые ставила себе и ставит эта контрреволюционная организация в области экономики нашей страны. Три абзаца даны в обвинительном заключении, их повторять не стоит полностью, в коротеньких выдержках они звучат:

«В сфере промышленности и транспорта... Для того, чтобы в открывающийся период развития капиталистических отношений, неизбежно связанных с широкой денационализацией промышленности и торговли, обеспечить за демократическим государством некоторые основные позиции в промышленности, РСДРП стремится к сохранению в руках государства:

а) предприятий монопольного характера (железнодорожный транспорт, почта, телеграф и т. п.);

б) важнейших предприятий военной промышленности;

в) крупнейших предприятий в основных отраслях производства (топливо, металлургия и т. п.), поскольку ведение этих предприятий посильно для государства, и т. д.;

г) предприятий, хотя и убыточных (а потому и временно неспособных привлечь частный капитал), но поддержание которых на ходу является абсолютно необходимым с общественной точки зрения».

Все остальное подлежит денационализации.

Вот документ, вот четко написанная цель, написанная не нами, подсказанная не нами, сформулированная ими в основном их документе — в платформе 1924 года. Основной вопрос уже этим решен. Первый пункт обвинения, который в данном случае мы предъявляем, доказан.

В области сельского хозяйства:

«Скорейшего проведения землеустройства с обеспечением широкой возможности выхода из общины (теперь это уже старо!) и предоставлением отдельным домохозяевам права свободного распоряжения находящейся в их владении землей, при преимущественном праве органов местного самоуправления на приобретение отчуждаемых земель».

И в области торговли:

«Ликвидация централизованных государственных аппаратов, свобода внутренней и частной торговли при одновременном поощрении кооперативной торговли».

Достаточно этих пунктов, чтобы больше не говорить о том, что задача, четкая задача реставрации капиталистических отношений, как таковых, четко поставлена меньшевиками еще в программе 1924 года.

Показания обвиняемых о том, как они смотрели на задачи своей практической деятельности, далеко не так четки и чеканны. Они далеко не отличаются такой выпуклостью и чеканностью как в этой программе, ибо сейчас, на четырнадцатом году диктатуры пролетариата, после всего того, что проделано в области реконструкции промышленности и сельского хозяйства, ставить вопрос в такой четкой формулировке — о полном возвращении прежнего «статус кво»,—только сумасшедший может так ставить вопрос.

Но по существу показания обвиняемых сводились к тому же: для реставрации капиталистических отношений их работа сводилась, как они говорили, «к расширению и углублению нэпа в первый период их работы», а в дальнейшем — к срыву хозяйственной работы советских органов в блоке с интервентами. Но все это делалось, конечно, непосредственно затем, чтобы реста-

врировать капитализм. Ведь, конечно, не для других же целей сюда готовятся вторгнуться интервенты, и направляла свою работу «Промпартия».

Это было в 1924 году.

Но вот 1930 год. Что сейчас по этому поводу говорит российская социал-демократия? Я беру из «Социалистического вестника» № 16 соответствующую выдержку из статьи Гарви «Тезисы оппозиции», с которой он выступил против Дана, Абрамовича и против так называемого большинства заграничной делегации.

Гарви пишет:

«Сообразно с этим РСДРП требует ликвидации разорительной для страны всеобъемлющей национализации хозяйства с оставлением в руках государства и муниципалитетов общеполезных предприятий, и предоставления свободы частной хозяйственной инициативы. РСДРП исходит при этом из положения, что только развитие производительных сил может подготовить объективные предпосылки для осуществления социализма и что утопические эксперименты террористической диктатуры над хозяйством отсталой страны доказали невозможность для нее перескочить через фазу капиталистического развития. Отказ от утопического экспериментаторства, от огульной национализации промышленности, от монополии внешней и внутренней торговли, не означающий, однако, отказа от всякого государственного регулирования и контроля в области народного хозяйства, является необходимой предпосылкой для улучшения условий жизни широких масс населения, в частности рабочего класса».

Вот опять-таки четкая программа капиталистической реставрации во всех основных ее моментах.

От Гарви позвольте мне перейти к его матерому учителю, вождю, теоретику германской социал-демократии — Каутскому. Вот что мы можем прочитать в его книге «Большевизм в тупике»:

«У них (т. е. у большевиков) были наилучшие намерения и грандиозные планы, но все эти планы разбились о несостоятельность национализированной промышленности».

Дальше он пишет о том, — что же из этого следует, что же конкретно посему нужно делать? Как должен поступить новый режим с национализированными крупными промышленными предприятиями, которые он получит в наследство после свержения большевиков? Превращать национализированные предприятия одним махом в капиталистические опасно, как и обратно. Для начала надо национализированным предприятиям предоставить продолжать работу на тех же основаниях, но наряду с государственными предприятиями должны возникнуть предприятия свободные — капиталистические, кооперативные, муниципальные. «Если окажется, что эти свободные предприятия работают успешнее, дают продукт более дешевый или лучшего качества, пла-

тят более высокую заработную плату и т. п., от национализированных предприятий можно будет отказаться».

Так пишет Каутский. Вот вам программа. Далее он пишет: «Торговая монополия принадлежит к числу тех институтов Советской России, которые имеют наиболее пагубное действие и должны быть как можно скорее отменены, чтобы уступить место свободной торговле». Что же касается непосредственно крестьянства и сельского хозяйства, то здесь указывается, что с течением времени «скорее всего распадутся крупные коммунистические предприятия в сельском хозяйстве, колхозы и совхозы, поскольку они держатся лишь внешним принуждением...», хотя «не исключена, конечно, возможность, что кое-какие из этих крупных сельскохозяйственных предприятий уцелеют».

Вот программа Каутского. Но, может быть, это программа только правых? Может быть, это программа Каутского?

Дан по этому поводу пишет: «По существу формулированным Каутским экономическим и политическим требованиям мало что можно возразить, — они до деталей совпадают с требованиями нашей партийной программы».

Наконец, если мы возьмем Абрамовича, то в своей статье он пишет о Каутском: «Правда, программа конкретных требований, выдвигаемых, например, Каутским в его книге, полностью совпадает с теми требованиями, которые выставлены в нашей платформе, и мы спешим это отметить с удовлетворением».

Я цитирую так много из этих произведений постольку, поскольку гражданин Вандервельде заявил о том, что он внимательнейшим образом следит за деятельностью российской социал-демократии, поскольку тут мы имеем доказательства тождества практических требований и политического единства и тех и других и тождества требований, задач и целей, которые ставили себе и подсудимые, как они сами здесь подтвердили. И в этом — ответ на первое предъявленное мною по первому вопросу обвинение, что капиталистическая реставрация, реставрация в СССР капитализма, как такового, ставилась как цель и подсудимыми, и заграничными меньшевиками, и вождями германской социал-демократии вроде Каутского. Эту же цель ставила конкретно себе и данная группа подсудимых.

Этого факта, этих доказательств не опровергнешь никакими присягами, никакими клятвенными заявлениями и никакими официальными заявлениями перед иностранной прессой вроде тех, которые устроили заграничные меньшевики. Пускай заграничная делегация клянется перед всей буржуазной прессой, что она чиста, как ангел, и ничего общего не имеет ни с подсудимыми, ни с их деятельностью. Их документы говорят об этом больше всех слов и клятв и целиком и полностью их уличают. Таков ответ на первое обвинение.

IV. Блок с буржуазно-кулацкими контрреволюционными организациями

Дальше, однако, идет гораздо более серьезный и более важный момент. Мы обвиняем этих людей в том, что для достижения своих целей они поставили своей задачей и осуществили, во-первых, блок с откровенными буржуазно-фашистскими организациями, во-вторых, как метод усвоили вредительство, в-третьих, поставили ставку на интервенцию и, наконец, ставили своей задачей насильственное низвержение советской власти каким бы то ни было путем.

Вопрос о том, действительно ли насильственный метод низвержения советской власти является тем методом, который поставили себе подсудимые, представляется для меня решенным. Их заявления, которые они сами здесь сделали, говорят о том, что они поставили своей задачей низвержение советской власти и для этого пустили в ход и вредительство, пустили в ход и ставку на интервенцию. Но мне хочется несколько большего. Они сказали, что эти задачи, эти цели, эти установки они получили от заграничной делегации, они сказали, что их инспирировала в этом отношении заграничная делегация. Поскольку это так, постольку проверка этого заявления равным образом должна лежать на моей обязанности.

Мы имеем по этому вопросу тоже документальные данные. Мы имеем по этому вопросу равным образом четкий ответ на вопрос о том, как, каким путем, насильственным или не насильственным путем они хотели разрешить эту задачу. Раньше разрешите одну цитату из статьи Дана «О путях большевистской диктатуры», напечатанной в венской «Арбейтер цейтунг» 7 ноября 1928 г. Там говорится: «Восстановление капитализма в России неизбежно. Сохранение теперь государственного капитализма не по силам большевистской диктатуре. Единственным источником образования капиталов в России является деревня, но деревня нуждается в капиталистическом развитии. Все это необходимо констатировать, хотя это нам очень больно. Но если Россия не пойдет по пути, который мы видим, то может случиться, что при восстановлении капитализма рабочий класс будет раздавлен кровавой контрреволюцией».

И так как ему это очень больно и так как он этого не хочет, то Дан, а вместе с ним и заграничная делегация, поставили перед собой задачу наиболее безболезненным путем добиться низвержения большевизма и реставрации капитализма. Точного ответа как, — на этот вопрос в платформе 1924 года, как мы видели, нет. Платформа 1924 года не дает прямого ответа о том, как добиться этого. В 1930 году Дан в своем ответе в полемике с Каутским равным образом не дает четкого ответа. Зато четко ставит этот вопрос сам Каутский. Разрешите только парочку цитат, которые характеризуют обе эти группы меньшевиков, как тех, которые боятся ставить точки над «i», так и тех, которые

не боятся на вопрос «как» отвечать ясно и четко: «Насильственным путем, путем насильственного низвержения большевизма». Это нам важно, чтобы вскрыть истинное существо тактики меньшевиков и вместе с тем установить их связь с тактикой обвиняемых.

Вот эти цитаты. Каутский пишет: «Мирный поворот коммунистов к демократии — с этой перспективой вряд ли придется серьезно считаться».

Дальше: «Успешное оппозиционное движение такого рода могло бы скорее всего начаться в крестьянстве».

В особенности, «если одновременно восстанут все деревни нескольких провинций. Для подавления такого восстания вооруженных сил центрального правительства хватить не может».

И кончает: «Можно проклинать восстание. Но раз оно имеется налицо, надо занять по отношению к нему определенную позицию», и эта позиция предлагается: «Возглавить и руководить». Вот точка зрения Каутского. С этой точкой зрения якобы не согласен Дан. Как же ставит он вопрос? Что нужно делать, если большевизму будет грозить восстание? Дан пишет: «В этом — гвоздь книги и, к сожалению, в этом вопросе мы расходимся с Каутским». Что же он предлагает? Он не верит в восстания крестьян: «Еще меньше, чем в эпоху гражданской войны, можно ожидать слияния местных крестьянских восстаний в единое всероссийское».

Итак, первый аргумент: едва ли восстание выйдет.

Второй аргумент: «Что касается широких масс современной русской интеллигенции, то в их характеристике Каутский жестоко ошибается, русская интеллигенция выходит из революции совершенно преображенной»... сухой, эгоистичной в борьбе за существование, «американизированной».

Итак, нельзя рассчитывать ни на крестьян, ни на интеллигенцию. Что же делать?

Дан отвечает:

«... Пролетариат должен... связать реалистическую экономическую программу с политической программой демократии. Под этим знаменем пыталась и пытается социал-демократия организовать борьбу рабочего класса против режима утопической и террористической диктатуры большевизма».

Но «как»? На этот проклятый вопрос, конкретный вопрос «как», как действовать,—на этот вопрос Дан опять-таки ответа не дает и пишет дальше: «Нетрудно представить себе, к каким социальным силам попало бы в плен коалиционное правительство из слабых по необходимости социалистических партий и какова была бы «демократия», которую оно могло бы насаждать, если бы ему пришлось на каждом шагу преодолевать, а вероятнее всего, и насильственно подавлять отчаянное сопротивление этого миллионного пролетарского актива. Без положительного участия этого актива проблема демократии в России решена быть не может. Участие его отнюдь не представляется безнадеж-

ным». А мы думаем, что участие его представляется безнадежным, ибо рабочие будут драться.

У Дана получается, таким образом, такой вывод: крестьянские восстания разрознены, на интеллигенцию рассчитывать нечего, буржуазные осколки очень слабы, а придется подавлять сопротивление миллионного пролетарского актива, т. е. Коммунистической партии и рабочих масс, которые идут за Коммунистической партией. Первый вывод, который отсюда следует, будет такой: поэтому, и только поэтому, из боязни неудачи Дан — против восстания, он боится, что коалиционное правительство не справится с реакцией. Это уже о т в е т, и ответ, близкий к Каутскому. «Значит ли, что социал-демократия складывает руки?» — спрашивает дальше Дан. И отвечает. «Нисколько! Но это значит, что она идет своим путем. Она зовет пролетариат... своим организованным давлением (не исключающим, разумеется, и таких средств борьбы, как стачка, демонстрация и т. п.) з а с т а в и т ь с о в е т с к о е п р а в и т е л ь с т в о в с т у п и т ь на путь осуществления этой платформы, на путь отказа от политики диктаторского терроризма, вызывающей возмущение крестьянства и таким образом подготовляющей победу контрреволюции».

Ну, а если советское правительство не захочет? Тогда как? Ответа Дан на этот вопрос не дает, ибо он может дать только один ответ, — это ответ тот, который дает Каутский, или же он должен признаться, что ему остается бездействовать. Но бездействовать он не хочет и опять-таки кончает формулой о том, что «... ее (т. е. социал-демократии) активность должна выражаться не в том, что она сегодня будет вести чужую политику, а в том, что, сосредоточивая свои усилия на организации хотя бы небольших нелегальных кадров, она будет ковать оружие, которое даст ей возможность вести свою политику завтра. Ибо социал-демократия не партия-однодневка, и цели ее не исчерпываются задачами сегодняшнего дня».

Можно ли понять что-либо из этого ответа? Вот как Владимир Ильич характеризовал господ, которые так отвечают:

«Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и пр., и пр.» (том VI, стр. 320).

Дальше Владимир Ильич говорит:

...«Наши меньшевики, как и все оппортунистические, социал-шовинистские, каутскианские вожди профсоюзов, суть не что иное, как «агенты буржуазии в рабочем движении» (как говори-

ли мы всегда против меньшевиков) или «рабочие приказчики класса капиталистов», по прекрасному и глубоко верному выражению последователей Даниеля де-Леоне в Америке» (том XXV, стр. 197).

Вот лучшая характеристика той практической позиции, которую в данном случае занял формально на страницах официальной печати Дан, позицию которого другой его соратник, Гарви, критикует не без едкости, не без остроумия и не без достаточной обоснованности. Разбирая эту позицию в статье от 8 февраля 1930 г. под заглавием «Новый этап диктатуры и наша тактика», Гарви говорит: «Раньше была позиция на идею соглашения с большевистским правительством при условии демократических уступок в виде осуществления советской конституции и свобод для трудящихся. Сейчас т а к а я постановка вопроса как будто ушла в «невозвратное прошлое». В свое время в статье Дана в связи с разгромом троцкистов выдвигалась ставка на левую оппозицию, потом и эта ставка повисла в воздухе. «Нет выхода, — говорил Гарви, — из вашей постановки, давайте четкий ответ в конце концов — как?» «Политические и экономические требования социал-демократии, — говорит Гарви, — должны быть не «платформой соглашения», а платформой народной борьбы. Они должны быть повернуты не в сторону «внутренних сил большевизма», а в сторону рабочего класса, крестьянства, всего народа».

Так четко ставится цель насильственного свержения советской власти определенной частью заграничной делегации.

Другая часть (Дан) крутит и вертится вьюном в ответ. На деле же мы увидим еще, как он действует. Зато другой «вождь» более откровенен.

Абрамович в своей статье в «Социалистическом вестнике» от 11 октября 1930 г. пишет: «Не было еще в истории примера, чтобы самодержавный строй пошел на добровольную самоликвидацию. Гораздо более вероятной является перспектива крестьянского, а затем и всенародного восстания против советской власти». Это пишет он в ответ на ту же книгу Каутского, и этим по существу солидаризируется с постановкой вопроса у Каутского. И пусть после этих слов Абрамович и другие лидеры заграничной делегации говорят, что заграничная делегация не идет на насильственное свержение советской власти, после того как он сам пишет, что «гораздо более вероятной является перспектива восстания против советской власти».

Так ставят вопрос в своих политических произведениях оба эти «вождя», и отсюда совершенно ясно, что если они сейчас говорят о том, что они никогда не ставили ставки на насильственное свержение и никогда не проповедывали его, то хотя бы и было очень много документов, в которых они на словах высказались против, — это только политическое двурушничество, и всякий раз, когда они пытаются практически поставить работу, они немедленно же упираются в необходимость дать четкий от-

вет: да или нет, — и стать на точку зрения Каутского, Гарви и других, ибо они по существу за насильственное свержение.

Мы можем теперь ребром поставить вопрос: при такой постановке вопроса о заграничной делегации, как могли практически поставить эту задачу реставрации капитализма меньшевики здесь? Если эти меньшевики хотели здесь поставить перед собой задачу практически, они могли ее ставить только по рецепту Гарви, только по рецепту Каутского, с молчаливого одобрения и Дана и Абрамовича.

Ибо на добровольное самоуничтожение большевизма рассчитывать не приходилось, надежды на правых и на «левых» рушились, эта ставка была бита, оставалось только солидаризироваться с Гарви, Каутским и их ставкой на насильственное свержение советской власти.

И подсудимые на это ставили ставку, на это пошли и нам об этом здесь рассказали.

Мы можем перейти теперь к анализу их практической работы в ее конкретной реализации на основе тех директив, которые они получили от заграницы.

Что же прежде всего для этого они должны были предпринять? Дан говорит: «Задача наша — организовать так демократию в СССР, чтобы объединить все те группы, которые, как говорится в программе, «твердо стоят на почве революции».

Подсудимые провели конкретную реализацию именно этой программы, — я имею в виду блок с «Промпартией» и с «ТКП». Спрашивается, нужно ли мне специально здесь приводить доказательства того, что этот блок с подсудимыми был реально осуществлен? Мы имеем подробнейшие показания Громана о том, как в феврале 1929 года на специальном совещании по этому вопросу было заключено соглашение представителей меньшевистской организации и представителей «Промпартии». Мы имели здесь показания на ту же тему Рамзина и показания на ту же тему Ларичева, которые указывали, когда, где, при каких условиях, во имя какой цели, на какой тактической и политической программе было достигнуто соглашение. Мы имели по этому же поводу четкие и определенные показания Кондратьева. Кондратьев показывал, что он рассматривал меньшевистскую группировку как нечто более близкое и родственное «ТКП», чем «Промпартию». Громан и другие показывали, что и они рассматривают точно так же группу Кондратьева как более близкую и родственную им контрреволюционную группировку.

Директивные указания платформы 1924 года, непосредственные указания, которые мы имеем в статье Дана от 1930 года, непосредственные указания, которые опубликованы в «Социалистическом вестнике», — все говорит об одном и том же, ставит одну задачу: сплотить в первую голову те силы, которые близки по идеологической установке; такой силой являлась в первую голову кулацко-эсеровская группа Чаянова —-Кондратьева.

Спрашивается, в какой бы то ни было минимальной степени противоречат ли этим заданиям утверждения обвиняемых, что они приступили к организации этого блока по прямым директивам загранделегации? Какой политический смысл было бы отрицать, какой логический смысл отрицать такого рода блок, когда он целиком и полностью на все сто процентов вытекает и из официальных документов и из общих позиций Каутского — Дана даже в тех завуалированных тонах, которые имеются в статье «Проблемы ликвидации»? Ведь там говорится о необходимости объединить все «демократические силы, стоящие на почве революции». Статья эта относится к 1930 году.

Я нарочно, обращаясь к Кондратьеву, приводя цитаты из программы меньшевиков, спрашивал, согласен ли он с ними. Кондратьев ответил, что она целиком совпадает с тем, что он, Кондратьев, хотел проводить.

Какой практический смысл после этого отрицать то, что этот блок являлся логическим выходом, прямым ответом на прямое требование и платформы, и тактических установок, и директивных требований, которые шли со стороны заграничной делегации в их официальных документах?

Было бы нелепостью это отрицать. Блок в этой части (с «ТКП») приходится признать целиком и полностью отвечающим тому, о чем им писали, о чем говорили заграничники. Но мы имеем гораздо большее. Мы по свидетельским показаниям имеем следующее, и это представляет собою ту вторую часть работы заграничного центра, которую мы вскрыли только здесь в порядке судебного следствия. Эта вторая часть сводится к недоговоренному в официальных органах блоку не только с группой Кондратьева.

Мы здесь видели не только Кондратьева, мы знаем не только о Юровском, мы знаем не только о Чаянове, мы здесь видели и Некрасова, мы знаем о совещании под председательством Калинникова, мы знаем о распределении ролей по согласованию с Хренниковым; мы видели здесь Рамзина, мы видели здесь Ларичева, — другими словами, мы видели здесь конкретных живых людей — организаторов этого блока, практически осуществлявших эту политику блока и с «Промпартией». И мало того. Мы слышали здесь и слышали об этом из двух источников. С одной стороны, мы слышали от Рамзина, что в бытность свою в Париже в 1928 году вместе с Ларичевым в октябре на совещании с Денисовым и с другими деятелями «Торгпрома» он узнал от «Торгпрома» о том, что за границей «Торгпром» вел уже переговоры с меньшевиками о соглашении о совместных действиях и о финансировании «Торгпромом» меньшевиков. И мы здесь имели показания Громана о том, что он также узнал о том же непосредственно в 1928 году от Абрамовича. От Абрамовича Громан узнал о том, что такие соглашения были. Переговоры такого сорта велись и привели к определенным результатам. Оба показания идут из двух источников, от двух самостоятельных

политических организаций. Эти показания говорят о том, что блок объединял не только так называемые «демократические» группы, но имелся блок и по линии объединения непосредственно с «Промпартией».

Но поставим вопрос так. Ну что же, допустим на одну минуту, что здешние деятели меньшевистской организации в данном случае пошли на свой страх и риск, что в данном случае они пошли на эти соглашения по своей инициативе, исходя из соображений момента и положения вещей так, как оно складывалось в СССР. Подвергнем анализу эти соглашения с точки зрения тех тактических установок, которые мы имеем в официально опубликованных документах, в официальных статьях в «Социалистическом вестнике» и непосредственно в платформе 1924 года.

Там ставится вопрос так: важно объединить в с е группировки, стоящие на почве «революции», чтобы обеспечить соответствующие, желательные с точки зрения меньшевиков формы государственной власти непосредственно на другой день после переворота. Каутский к вопросу подходит просто — надо итти на восстание. Дан боится, «как бы чего не вышло». И именно потому, чтобы «как бы чего не вышло», Дан ставит вопрос о необходимости как-нибудь так построить свою тактику, чтобы потом включиться в общий блок контрреволюционных сил в непосредственный момент переворота и этим обеспечить соответствующее воздействие. А что здесь мы имеем в этом блоке-договоре «Промпартии», «ТКП», меньшевистской организации — всех трех организаций, готовящих непосредственное свержение советской власти? О чем договор? О том, ч т о́ они будут делать п о с л е свержения советской власти. Мы имеем словесный договор всех трех — организовать такое коалиционное правительство, которое бы обеспечило известный минимум «демократического» порядка Меньшевики ставили вопрос об участии в министерстве, о том, чтобы соответствующим образом поделить портфели. Об этом говорили кондратьевцы, об этом говорила «Промпартия». С точки зрения требований Дана, это и есть реализация его программы, есть реализация того, чего он хочет, чтобы в случае насильственного низвержения советской власти обеспечить соответствующие возможности для меньшевиков, обеспечить и их участие во власти. Против такой постановки вопроса Дан не может возражать, не может спорить, ибо это есть реализация его программы. И как только на деле оказался возможным такой политический блок, оказалась реальная возможность осуществить то, чего хочет Дан, он всеми фибрами своего существа, своего оппортунистического до мозга костей существа, своего ультрабуржуазного, реставраторского существа, конечно, уцепился за эти возможности и благословил этот блок На словах, конечно, Дан спорит против таких формальных договоров и возражает Каутскому. Но ведь на то он и двурушник.

Другое дело, что в реальной жизни вышло бы иначе. Рамзин — деляга, Рамзин — политик, он умело поставил вопрос.

«Военная диктатура для вас неприемлема, — сказал он, — вы по поводу военной диктатуры спорите, ну, что же, отложим этот вопрос, — над нами не каплет. Будет время, увидим, — не в этом суть, а суть в том, чтобы поделить вредительство по разным областям: вы можете вредить в Наркомземе, а вы в Наркомторге, а вы в Наркомфине, а вы в Госбанке, а мы в ВСНХ, в тяжелой индустрии, мы можем вредить в текстиле, в хлопководстве, в ирригации и пр. и пр.». Рамзин рассуждает здесь делячески, но политически верно. Он трезво, как реальный политик, ставит вопросы. Но это — Рамзин.

Конечно, подсудимые — тоже деляги. Но есть разница между делягой, который понимает «что к чему», нюхом понимает, как, в конце концов, обернется на деле, и делягой, который ничего не понимает и который полагает, что словами, обязательствами, пустяковой болтовней, разговорчиками он сможет что-нибудь обеспечить, сможет что-нибудь реально противопоставить своим партнерам.

Я думаю, эта картина переговоров и расчетов выдает меньшевиков с головой. Ведь это так типично для оппортунистов, типично для политиканов, для мелкого деляги, для делячества самого низкопробного пошиба, делячества близорукого, рассчитывающего на сегодняшний день. Для меньшевиков типичны эти расчеты, типична эта практика блока. Но этот блок тем не менее важен политически постольку, поскольку он являет собой конкретный конец эволюции социал-демократов меньшевиков, являвшихся всегда, — о чем писал Владимир Ильич,—«агентами буржуазии в рабочем движении» или «рабочими приказчиками класса капиталистов».

Но приказчику платят. И им платили. Этот момент является чрезвычайно важным и существенным во всем этом деле, и на нем тоже следует остановиться. С похвальным упорством стараются меньшевики отвести от себя обвинение в том, что они сами брали что-нибудь для себя, и говорят, что в порядке партийной этики они запрещали своим членам принимать деньги для себя. Допустим, что это так, дадим вам это маленькое утешеньице, хотя, хотя... сомнения иной раз тоже бывают полезными. Но реальное получение денег — это же факт, и соответствующее распределение этих денег — это факт, и соответствующая передача их по вредительским группам — это факт, «Форвертс» по этому поводу пишет, что из того, что от Рамзина получали деньги, вытекает, что не получали денег от германской социал-демократии. Как раз это ничего не значит, а значит, что получали и оттуда и оттуда. Но мы проверять счетов германской социал-демократии конечно не будем. В данном случае мы имеем все-таки более весомые судебные доказательства в виде прямых указаний подсудимых, а также то, что мы знаем из всех процессов, которые прошли по вредительству, что денежные ассигнования, плата за вредительскую работу были неизбежным, обязательным моментом вредительства и что большинство из тех, кто вредил,

вредить иначе, чем за компенсацию, не соглашалось, хотя бы он в принципе и был против советской власти, за ее низвержение и т. д., и т. д.

Я разрешу себе на этом остановиться и, подводя итоги этой части обвинения, так формулировать итоги. Первые два вопроса, которые я поставил, первые два обвинения, которые я предъявил, а именно, что обе группы контрреволюционных заговорщиков — и те, которые сидят здесь, и те, которые инспирировали их оттуда, — ставили своей прямой целью капиталистическую реставрацию, — это доказано целиком и полностью.

Второе — обе эти группы в практической постановке вопроса ставили ставку на насильственное низвержение советской власти. Часть ставила открыто, часть по-оппортунистически, завуалированно, двурушнически, замазывая. Это доказано.

Третий пункт — эту работу они вели в блоке с контрреволюционными организациями. И это доказано полностью, на все сто процентов.

Что касается заграничной делегации, то мне представляется также полностью доказанным, что с точки зрения основной установки, которую она давала вообще на блок всех партий или групп, которые «стоят на почве революции», а по существу на почве контрреволюции, организация такого блока целиком соответствовала этим установкам, и потому утверждения подсудимых о прямом санкционировании и инспирирования такого блока целиком этим подтверждаются.

Целиком этим заданиям из-за границы соответствовали и та реальная практическая работа, которая велась здесь, переговоры и договоренность с «ТКП», с «Промпартией» по вопросу не только о задачах, но и о ролях каждой из договаривающихся групп до вооруженного свержения, в процессе вооруженного свержения, на другой день после вооруженного свержения советской власти. Сомнения в том, что и тут только исполняли основные директивы заграницы, быть не может.

Я подробно теперь остановлюсь на следующих двух основных вопросах обвинения — на вредительстве и интервенции.

V. Вредительская «работа»

Вредительство имело свою историю. Нам приходилось уже рассматривать постепенное развитие вредительства на его отдельных этапах. И на предыдущих процессах и непосредственно на этом процессе можно было констатировать, что вредительство зародилось гораздо раньше, чем окончательно сформировались и приняли организационно четкую форму соответствующие контрреволюционные организации. 1927 год — это был уже период, когда в центральных организациях вредительства — в «Инженерно-промышленном центре» — Пальчинским ставился вопрос о переходе, так сказать, к «высшим» методам вредительства с

главным упором на вредительство в области планирования. Таким образом и вредительские организации, которые до этого создались и имели место в Наркомземе, Наркомфине под руководством кулацко-эсеровской группы Чаянова—Кондратьева, представляют уже до известной степени устоявшиеся и определившиеся в области своих методов вредительские организации.

Меньшевистская вредительская организация, первоначально возникнув на почве стремления отдельных работников Госплана и ВСНХ задержать поступательное развитие экономики нашего Союза, усвоила то вредительство, которое в наибольшей степени соответствовало реальным возможностям данной группы лиц. Таким образом, когда вопрос перешел уже к непосредственному контактированию работы, когда начались в конце 1928 года и первой половине 1929 года объединенные заседания и совещания о методах контрреволюционной деятельности, каждая из организаций располагала уже определенным активом в том смысле, что имела что предъявить в переговорах, и поэтому вопрос о разграничении вредительской работы сам собою встал как практическая задача, на разрешение которой должно быть направлено внимание руководителей каждой из трех контрреволюционных группировок.

Я сейчас перейду к анализу конкретных форм и факторов вредительства в тех областях, которые находились в ведении меньшевистской организации. Но раньше важно вскрыть объективную логическую неизбежность для этой организации, так же как и для тех двух, именно вредительство положить в основу своей контрреволюционной работы.

Представляется установленным, и иного положения быть не могло, что та прежняя ориентация, которую по традиции старый меньшевизм ставил перед собой, ориентация на политическую пропаганду среди рабочего класса, — эта установка оказалась объективно невозможной. В рабочем классе, в рабочей среде возможностей для меньшевистской работы не было. Здесь показал нам Иков о том положении, которое было в нелегальной организации меньшевиков в 1924 году, и о том, что он застал тогда, когда он начал восстанавливать свои старые связи в 1928 году. Ему пришлось столкнуться с полной раздробленностью и неоформленностью.

Кроме того, мы здесь видели других живых людей, которые пытались ставить этот вид контрреволюционной работы. Я имею в виду, с одной стороны, свидетельские показания Желудкова, а с другой стороны, свидетельские показания Гвоздева и показания Волкова.

Остановимся сначала на Желудкове. Что такое сам Желудков, которого они привлекли к участию в контрреволюционной деятельности? Он был, во-первых, собственник явочной квартиры, куда должны были к нему приезжать агенты меньшевистской организации с периферии. С другой стороны, он использовался для распространения контрреволюционной литера-

туры, в частности «Социалистического вестника». Наконец, он был своего рода агентом по собиранию нелегальных кадров.

Каждому сохранившему некоторую политическую щепетильность старых подпольных традиций, каждому работнику старых времен претило бы иметь дело с такого рода фигурой, как Желудков. Те небольшие черточки, которые он сам дал в своих показаниях, характеризуют его целиком и полностью. Это — один из организаторов тех группок рабочих, крайне в количественном отношении незначительных, которые пытались в первую революционную бурю, в период 1905 года, в период первого мощного размаха и мощного подъема революционного рабочего движения удержать рабочий класс от политической борьбы. Это была группка из трех—четырех человек, издававшая, как он сказал, нето «Рабочий голос», нето «Живой голос» — маленькую газетчонку, политическая позиция которой сводилась к лозунгу: «Подальше от политики», «Сохраните нейтральность профессионального движения, не вносите политической струи в рабочее движение», — в революционное рабочее движение 1905 года! Достаточно поставить перед собой эту проблему, чтобы определить социально-политическое существо этой фигуры. Такие попытки в тот момент, в момент могучего размаха и взрыва революционного движения, такую задачу могли себе ставить только сознательные охранники и провокаторы или прямые агенты буржуазии. Хотя у нас нет точных и прямых указаний, которые бы дали нам право сказать, что Желудков принадлежал именно к этого рода людям, но во всяком случае этот факт из его политической биографии, из его политического прошлого достаточно его характеризует. Человек, который участвовал в меньшевистской организации до подъема революции 1905 года и ушел из этой организации в разгар этого движения, ушел, чтобы изгнать политику из рабочего движения, — политическая сущность такого человека ясна сама собою из этого факта. Как правило, это была либо агентура царской охранки, либо это были купленные (быть может, за достаточную денежную мзду) агенты кадетской партии. И вот этого рода элементы были привлечены сейчас меньшевистской организацией.

Бывший печатник, бывший издатель антипролетарских, контрреволюционных газет, ныне собачник, Желудков был избран ими, за неимением лучшего, в качестве агента для формирования пролетарских рядов, которые он должен был привести за собой на помощь для оплота меньшевистского социал-демократического контрреволюционного центра!

Какими средствами, практическими средствами он для этого располагал?

Мы имеем несколько десятков экземпляров «Социалистического вестника», мы имеем трех—четырех—пять лиц, которые приезжали к нему из провинции и которые, как это говорят и другие обвиняемые, происходили из той же агентуры, той же самой служилой интеллигенции, из среды которой меньшевики

формировали ячейки по Центросоюзу, либо по Госбанку, под руководством Петунина или под руководством Шера. Жалкий гектограф как средство технического распространения и размножения этой литературы, резолюций «Союзного бюро», либо той литературы и директив, которые они получали из-за границы,— вот все конкретно, чем они еще располагали для воздействия на «массы».

Если мы возьмем теперь показания Гвоздева, который был привлечен Волковым, тем самым Волковым, на которого была возложена специальная функция — быть показным рабочим в социал-демократической меньшевистской контрреволюционной организации, то этому Гвоздеву — старому меньшевику — удалось, как он говорит, среди старых же меньшевиков, благодаря тем связям, которые у него сохранились, привлечь 8—10, может быть, 15 человек. И это было все. Это было все, чем они располагали, и этот факт является лучшим доказательством для подтверждения нашего утверждения, которое и так логически само по себе вытекало, что в рабочей среде рассчитывать на какую-нибудь прочную организацию меньшевики не могли.

Еще точнее говорит о том же самом Дан в своем «ответе» Каутскому, когда он говорит о якобы «распыленности рабочего класса» и его бессилии и когда он вместе с тем констатирует, что налицо имеется миллионный актив рабочих, который придется при контрреволюционном перевороте насильственно подавлять, ибо этот миллионный актив не согласится даром отказаться, без борьбы, от завоеваний Октябрьской революции и с оружием в руках, вооруженный до зубов, до последней капли крови будет драться за то, чтобы отстоять эти завоевания и против интервенции и против попыток контрреволюционного переворота внутри.

Этот факт заставил меньшевиков на заседаниях «Союзного бюро» даже поставить вопрос о том, что, быть может, целесообразно снять подзаголовок «рабочая партия». При этом наиболее откровенные и политически недальновидные договорились до того, что, мол, нужно и в резолюциях «Союзного бюро» написать о том, что социальная база теперь должна быть иной, должна быть сделана ставка на служилую интеллигенцию, на осколки городской буржуазии и на кулацкие элементы сельской буржуазии. Все это показывает, что по линии организации рабочих работа и все попытки меньшевиков были осуждены на неудачу, должны были кончиться и кончились крахом.

Крестьянская масса? Мы здесь слышали Кондратьева. Я спросил его о тех перспективах, которые он и его группа строили перед собой, когда проектировали свое «всенародное восстание» против советской власти. Я спросил его о реальных результатах. Я хотел от него лично получить признание бессилия, ибо специально доказывать вздорность этих надежд не приходится, — историческая действительность является лучшим доказательством. Я спросил его: признаете ли вы сейчас, что та уста-

новка, которую вы брали на крестьянство, по существу была установкой на кулацкую верхушку, на определенные слои кулачества, оказывающие и посейчас бешеное сопротивление социалистическому переустройству деревни? Он должен был это признать, он должен был это констатировать. Дан, впрочем, говорит то же самое. В этой плоскости (я имею в виду его возражения Каутскому) особых надежд он не питает. Наоборот, Дан боялся или боится, как он говорит, этих движений, которые должны, по его концепции, привести к бонапартизму после свержения советской власти. Значит, крестьянство равным образом было вне пределов досягаемости для меньшевиков.

Что же оставалось объективно? Если исключить внешнюю силу в виде интервенции, то единственной базой оставалась определенная прослойка служилой интеллигенции. Но в какой плоскости эти круги конкретно могли принести наибольший ущерб советской власти? В какой плоскости они могли конкретно проводить контрреволюционную работу? Сообразно тому положению, которое они сами занимали в советском аппарате, и тем организационным возможностям, которые предоставлялись им советским аппаратом, сам по себе отсюда вытекал вывод, что в пределах этой базы методом контрреволюционной работы, к которому они с объективной неизбежностью должны были притти, является только тот метод, который они называли «дезорганизаторским», или метод вредительства, как в конце концов они его определили.

Позвольте с этой точки зрения прежде всего поставить вопрос о достоверности сообщения Петунина о полученной им в беседе с Даном в конце 1927 года директиве проводить дезорганизаторскую работу в целях ослабления пролетарской диктатуры и централизованной мощи пролетарского государства. Верно ли это и чем это подтверждается? Конечно, говорить об этом, писать об этом нельзя, и прямых директив такого рода в официальных писаниях меньшевиков мы не найдем. Мы их найдем путем других доказательств. С первого взгляда мы имеем по этому поводу как будто бы только, с одной стороны, признание всех обвиняемых, а с другой — одно голое отрицание заграничной делегации в официальных декларациях, которые приобщены к делу.

Чтобы установить и тут правильность и достоверность сообщений обвиняемых о том, что директивы о вредительской работе получались, я потом перейду к анализу документальных данных, уличающих заграничную делегацию, а сейчас позволю себе перейти к беглому, в пределах возможности, анализу вредительской работы по отдельным конкретным отраслям, чтобы показать, насколько была реальна эта работа и насколько эта работа действительно принесла ущерб, чтобы не казалось, что только разговорчиками, только резолюциями, только пустячками, собеседованиями оппозиционно настроенных интеллигентов была их работа.

Мы имеем следующие учреждения: Наркомторг, Центросоюз, Госбанк, Госплан и ВСНХ, где работали в области вредительства меньшевики.

Перейдем к Наркомторгу и Центросоюзу. Наркомторг и Центросоюз как две организации, на которых лежали распределение, направление и снабжение трудящихся населения теми товарными массами, которые имелись в распоряжении Советского союза, — эти учреждения являлись наиболее удобными и мощными для вредительства.

Когда мы рассматривали дело «Промпартии», вредительство по топливу, по транспорту, вредительство по текстилю, вредительство по нефти, мы имели там методы вредительства, направленные либо к срыву соответствующего строительства, либо к срыву определенных оперативных действий соответствующих хозяйственных органов, либо к нерациональному использованию капиталов, либо, наконец, к прямому вредительству в конкретнейшей форме поломки машин и организации диверсионных актов. Все эти отрасли не находились в ведении меньшевистской организации. Это — технические области, где «Инженерно-промышленный центр» был более приспособлен к этой работе. Но снабжение, распределение промтоваров, т. е. те области, которые непосредственно бьют по широким массам рабочего класса и трудящихся, — эти области были доступны воздействию меньшевиков.

Эта работа меньшевиков и результаты этой работы были вдвойне, в смысле ответственности, позорны и поэтому должны повлечь за собой соответствующие тяжелые последствия.

Что мы имеем здесь прежде всего в области попыток срыва заготовок? Мы здесь слышали от подсудимого Якубовича подробные показания о том, каким образом производилась эта вредительская операция. Она сводилась к тому, что массы промтоваров направлялись заведомо неправильно с тем, чтобы во-первых, оголить рабочие центры, другими словами, поставить под прямую угрозу снабжение рабочих промышленных городов, крупнейших промышленных центров, и этим самым вызвать, спровоцировать недовольство широких рабочих масс. С другой стороны, путем направления этих промтоварных масс в несоответствующие районы препятствовать правильному выполнению заготовительных операций и этим подготовить срыв общехозяйственных планов. Это нам рассказал подсудимый Якубович. Здесь мой товарищ по обвинению т. Рогинский на судебном следствии цитировал уже некоторые документы. Я на этих документах, как на документах, подтверждающих все то, что было сделано, документально подтвержающих реальность проделанной работы, реальность нанесенного ущерба и причиненного вреда, — остановлюсь. Это не слова, это уже конкретные дела.

Я имею в виду, с одной стороны, Сибирь, где, благодаря неправильному направлению, создалось переснабжение промто-

варами. Затем имею в виду Белоруссию, где создалось недоснабжение, Крым, где создалось переснабжение, Северо-Восток, где создалось недоснабжение. Вот документы, которые уже цитировались. Это — официальные сообщения с мест о тяжелом положении, которое создалось на местах в результате вредительской политики... Можно ли такую картину объяснять только как головотяпство нашего аппарата, как неумение работать, как результат недостатка товаров вообще или результат неправильности хозяйственного плана? Нет, когда мы имеем, с одной стороны, переснабжение, вынуждающее разбронирование этих товарных масс, пуск их непосредственно в вольную продажу ввиду слишком большого затоваривания, — здесь говорить только о случайности нельзя. А когда вместе с тем мы имеем документы о том, как отвечали на эти сообщения с мест руководящие деятели Наркомторга, в лице Якубовича, и Центросоюза, то тогда следует говорить только о вредительстве. Это прямые конкретные вредительские акты. Вот мы имеем следующий документ из Белоруссии:

«Президиуму ВСНХ СССР от 19 января 1928 г. № 131/с.

Промышленность БССР испытывает крайне напряженное положение с сырьем, ставящее под угрозу выполнение производственной программы. Особенно остро вопрос стоит с льнопрядильной, маслобойной и кожевенной промышленностью...

Тяжелое положение создалось также с лесозаготовками...

Единственным выходом из создавшегося положения может быть немедленное усиление завоза промтоваров, специально для снабжения районов заготовок...».

Мой товарищ по обвинению указывал на судебном следствии на то, что все эти документы относятся к одному и тому же периоду. Получается, что в один и тот же период в тех четырех основных районах, которые я взял, в двух из них создалось прямо противоположное положение. В то же самое время в отношении Сибири сообщают: «Правление Госбанка считает необходимым довести до вашего сведения о тех затруднениях, которые создались для товаропроводящей сети в связи с усилением завоза товаров за последние три месяца. При резком повышении завоза в январе сбыт товаров не только не увеличился, но даже упал...

... Как следствие этого несоответствия предложения и спроса товарные остатки торгующих организаций за это время сильно возросли...

... Отмечая это обстоятельство и считая со своей стороны создавшееся в Сибири положение тревожным, влекущим за собой длительное затоваривание торгующих организаций и непроизводительную увязку средств банка, правление банка считает необходимым поставить этот вопрос перед учреждениями, регулирующими завоз товаров в хлебозаготовительные районы...».

Вот второй документ, относящийся к одному и тому же месяцу, который характеризует реальные результаты проделан-

ной вредительской работы и ее двойной результат, ибо в то время, когда в одном месте создавалось такое затоваривание, в результате которого необходимо было усиленное финансирование этих организаций, т. е. жертва соответствующих денежных средств и денежных ресурсов со стороны государства, в то же самое время приходилось итти на разбронирование товаров, т. е. опять-таки на нерациональное изъятие их из общей суммы товарных фондов, которыми располагает государство.

Очень интересно в этом отношении сообщение Крыма. Из Крыма сообщают, что здесь насыщение рынка промтоварами превзошло все соответствующие пределы, а когда встал вопрос, как реализовать эти промтовары, как выйти из затруднительного положения, Крымнаркомторгу обвиняемым Якубовичем было дано распоряжение о разбронировании товарных запасов, причем им была дана директива, которая, разрешая разбронирование товарной массы, указывала в то же время местным организациям в ответ на их запрос, что вольная продажа не должна производиться по классовому признаку, соответственно социальному положению покупщика и классовой линии, которую проводят советская власть и партия. Местам было послано извещение, что такой принцип, безусловно, нецелесообразен «как с принципиальной, так и с технической стороны».

Можно ли итти дальше в смысле извращения той линии, которую проводят советская власть и партия! Это характеризует политическую суть вредительской работы и в то же время характеризует конкретные методы и конкретные результаты вредительской работы в этой области.

После этого документального подтверждения вредительской работы нельзя говорить о том, что тут — только результат недостатка аппарата и т. д., ибо слова обвиняемых и документы, которые здесь даны, подтверждают совершенно точно и безоговорочно именно вредительство.

Что касается оголения рабочих районов, то общий политический результат, политический эффект этого действия совершенно ясен, и политическая цель равным образом не возбуждает сомнения. Но перспективы у вредителей были не только эти. Перспективы шли гораздо дальше. Правда, вредители вскоре убедились, что реализация этих перспектив оказалась невозможной. Перспективы ставились такие: если по договоренности с кулацкой группой Чаянова—Кондратьева удастся организовать то или другое кулацкое выступление на местах, предполагалось в этом районе, равным образом, провести недоснабжение товарами с тем, чтобы стимулировать, вызвать еще большие выступления, вызвать недовольство масс населения. Реализовать этот план оказалось невозможным только потому, что квартальный план, раз уже принятый, не удавалось так быстро, как это необходимо было бы непосредственно в процессе выступления в том или другом районе, переделать, сломать, провести вредительскую работу.

Наконец, перспективы шли и еще дальше. По показаниям обвиняемых, перспективы шли на оголение приграничных районов, чтобы подготовить соответствующее настроение в связи с ожидаемой интервенцией и в этих районах. Но об этом мы особо скажем после. Я об этом упомянул тут только для того, чтобы характеризовать перспективные наметки вредительской работы в этой области.

Итак, спекуляция на оголение рабочих районов, спекуляция на срыв соответствующих заготовительных операций, спекуляция на прямое разбазаривание и растрату товарных масс, находящихся в ведении государства, — вот практические методы вредительства в Наркомторге!

Еще более рельефна линия вредительства, которая находилась в руках уже не Якубовича, а в руках другого деятеля вредительской организации — в руках Шера. Я имею в виду Госбанк, где в целях взрыва и срыва кредитной реформы и денежного обращения действовали три крупных вредителя, три члена «Союзного бюро», а именно, по Центросоюзу — Петушин, по Госбанку — Шер и его непосредственный помощник Берлацкий.

Что мы здесь имеем? Три вопроса были поставлены Шеру и три момента подвергнуты анализу товарищем Рогинским на судебном следствии: деятельность Шера в связи с кредитованием промкооперации, деятельность в связи с кредитованием потребкооперации и по непосредственному проведению кредитной реформы. Шер рассказывал, что он поставил своей задачей тогда, когда идея кредитной реформы по существу уже была принята и шел вопрос уже о реализации, дискредитировать кредитную реформу, сорвать ее, и для этого проделал следующее: при абсолютной неподготовленности низовой кооперативной сети было дано распоряжение о том, чтобы эта реформа была осуществлена немедленно.

Мы имеем этому документальные подтверждения, с одной стороны, в виде соответствующих указаний Шера, а с другой стороны, в десятках писем и телеграмм контор Госбанка по кустарно-ремесленной кооперации как результат этого распоряжения. Имеются телеграммы из Ленинграда, из Воронежа, из Нижнего-Новгорода, из Тифлиса, из Ташкента, из Самары, из Харькова, из Свердловска, из Смоленска. Вот они — и все от одного периода: январь, февраль, февраль, февраль, февраль, февраль, февраль, февраль, опять февраль. Во всех этих телеграммах с мест организации пишут о том, что переход на новую форму кредитования ставит их в невозможное положение. Первая телеграмма из Ленинграда говорит: «Согласно вашему циркуляру № 22... кредитная реформа застала Ленинградскую кооперацию неподготовленной и в процессе подготовки пришлось столкнуться с целым рядом серьезнейших затруднений...». Из Н.-Новгорода: «Союзы по неподготовленности не могли вплотную подойти к разрешению вопроса, связанного с кредитной

реформой...». Из Тифлиса пишут, что циркуляр задерживается ввиду неподготовленности кооперации, из Ташкента — то же самое, из Самары говорится об отсталости счетоводства на местах: «Нет планов, нет работников, мы не можем удовлетворить требования циркуляра № 22...».

Что все это показывает? Это показывает, что в результате совершенно сознательно проведенного вредительского акта низовая сеть оказалась неподготовленной, вся низовая сеть в основных районах, по всей территории СССР, включая и соответствующие союзные республики, была поставлена в невозможность практически реализовать и провести это дело. А когда посыпались соответствующие запросы, то в ответ получился тот циркуляр, который здесь охарактеризовал сам Шер как «непонятный и непонятый», — непонятный в силу, видимо, объективной невозможности его понять, и в силу этого равным образом и непонятый.

Но в финансовом отношении получился определенный прорыв около сотни миллионов. Но не в этом дело, дело не в этих потерянных нескольких десятках миллионов, а дело в том, что самая идея, самое проведение существа крупнейшей кредитной реформы, которая была задумана советской властью, срывалась на отдельных участках, и таким образом и местные органы и руководящие филиалы Госбанка оказались в полной невозможности осуществить ту конкретную задачу по реорганизации народного хозяйства, которая была им поставлена.

Иначе было поставлено дело по отношению к потребкооперации. Здесь шли согласованные действия вместе с Центросоюзом, и вредительство тут шло сразу по двум областям. Мы имеем конкретные указания о результатах, которые последовали. Суть заключается в том, — это Шер достаточно четко выяснил в своих показаниях, — что заявки, которые должны были быть затребованы с мест, и их распределение отлавались непосредственно Центросоюзу. Регулирующая, контролирующая, планирующая роль Госбанка сознательно отметалась в сторону, а в то же время по другой линии давалось соответствующее указание ставить преувеличенные заявки и этим истощать государство. Другой пример вредительства: когда встал вопрос о том, чтобы были изъяты соответствующие средства из Центросоюза для усиления денежных средств, находящихся в распоряжении правительства и его соответствующих органов, по Центросоюзу был издан циркуляр, в котором после того, как в начале этого циркуляра говорилось о необходимости произвести соответствующее изъятие средств для усиления государственного хозяйства, в конце, в то же время, в самом тексте этого циркуляра была вставлена фраза, в которой говорилось: «Имейте в виду, что мы намерены ваши средства защищать», т. е., другими словами, говорилось: «Дать-то нужно, но мы будем стоять за то, чтобы не давать, а пока и вы, равным образом, не давайте или давайте как можно меньше».

Результаты выразились в недоизъятии сотен миллионов рублей. «Хотя в настоящее время обсуждение контрольных цифр продолжается, мы принимаем всевозможные необходимые меры в защите ваших расчетов», — так говорил циркуляр.

Что это значит? Это — сознательное вредительское мероприятие центрального планирующего органа, направленное на демобилизацию, на дезорганизацию периферии, к которой обращено прямое требование правительства, по существу — это прямое неподчинение государственной власти, неисполнение ее требования. Государственная власть говорит, что в таких-то и таких-то целях необходимо произвести соответствующую мобилизацию средств, а центральный планирующий орган говорит своей периферии: «давайте»,—но по существу «не давайте». Вот к чему сводится это двусмысленное, очень понятное теперь инструктирование, а мы знаем, что в этом отношении вредители, сидящие в Центросоюзе, имели большие возможности, так как на местах имелись также вредительские организации, которые реализовали вредительские директивы. Так шла согласованная работа по линии Центросоюза и Госбанка. Я беру только пару примеров. Но это ведь еще далеко не все. Нужно сказать еще о попытке (что относится к Берлацкому) вообще эту реформу привести в негодное состояние тем путем, чтобы статистику, учет, бухгалтерию, при проведении кредитной реформы, где этот учет, статистика и бухгалтерия являются основными моментами, привести в такое состояние, когда бы никто ничего не мог понять. В это время некий Лепешкин был главным бухгалтером. Этот Лепешкин находился в распоряжении Берлацкого, и он расшибался в лепешку для того, чтобы вызвать полный хаос в бухгалтерии и тем затруднить одно из сложнейших, серьезнейших, ответственнейших мероприятий, которые поставило перед собой правительство.

Результат вредительства выражается в достаточно крупных цифрах. Я не буду специально говорить об этом, но все эти примеры показывают, с одной стороны, по Наркомторгу, а с другой стороны — по Госбанку и по Центросоюзу, что здесь вредительская работа не ограничилась только одними разговорами, что она принесла очень ощутительные результаты, нанесла серьезнейший вред. А Абрамович, Дан и стоящие за их спиной Вандервельде, Блюм и т. д., имея в своем распоряжении напечатанное в нашей прессе признание самих вредителей, кричат тем не менее: «Это — невинные люди! Большевики — это изверги, которые невинных людей ставят под удары своего жестокого террора!» Я к этому вопросу, впрочем, еще вернусь впоследствии.

Сейчас я перейду к Госплану и к ВСНХ. Тут сидели плановики: Гинзбург, Соколовский, Громан, Волков. Правда, Волков играл меньшую роль. Но основные вожди меньшевистской контрреволюционной организации—Громан, Гинзбург, Соколовский—сидели тут. Прежде всего о Гинзбурге. Говорить о конкретных вредительских актах так, как мы говорили о Якубовиче и Шере, здесь не приходится: ведь вопрос идет о планировании. Здесь

вредительская работа проводилась иначе. Гинзбург говорил: «Мною ставилась задача задержать во что бы то ни стало развитие советской экономики». Я ему поставил тогда другой вопрос: «А в чем тут дело? Вы задерживали из-за добросовестного убеждения, что иное развитие невозможно? Или из сознательно поставленных вредительских целей?» Гинзбург ответил: «Из сознательно поставленных целей». Одни только цифры капитальных вложений в промышленность по тем наметкам, которые ставились вредителями и которые реализовались впоследствии, говорят сами за себя. Я возьму только две цифры по планированию капитальных вложений в промышленность. Было первоначально зафиксировано на 1929—1930 год 1 миллиард 380 миллионов, а в действительности затем реализовано 3 миллиарда 230 миллионов и на 1930—1931 год зафиксировано 1 миллиард 394 миллиона, а впоследствии намечено 5 миллиардов 500 миллионов. Видите, какая разница! Вот она, реальная попытка не дать перестроиться экономике нашего Союза, не дать развиться социалистической индустрии, которая поставила бы нас в независимость от иностранного капитала и иностранной промышленности и вместе с тем создала бы мощную базу для реального построения социализма, для завершения построения фундамента социалистической экономики.

Но деятельность Гинзбурга не ограничилась этим. Были у него и конкретные акты вредительства. Здесь они разбирались. Разбиралось его заключение, которое он давал в Техническом совете ВСНХ, о проектировании крупнейших наших промышленных гигантов: Магнитогорского завода и Тракторного завода в Сталинграде. В этом своем заключении Гинзбург совершенно сознательно преуменьшал практические возможности расширения производства, сознательно преуменьшал практические возможности развертывания этих двух крупнейших гигантов нашей индустрии.

Вот подлинный текст того показания, которое он дал по этому поводу, когда, как он говорил, он действовал по директивам «Союзного бюро ЦК РСДРП»:

«Обращая внимание на правильность предусмотренных возможностей, проект должен был расширить производство сверх 600 тысяч тонн. Но я не выдвинул предложения о доведении производственной мощности до конечного контингента, осуществляемого в настоящее время, хотя последний является наиболее рентабельным, и задерживал этот план проектирования».

У меня перед глазами лежат другие документы, также приобщенные к делу, протоколы заседаний этого самого Технического совета, где как раз обсуждались эти вопросы и где решения были приняты в соответствии с теми установками, которые были даны Гинзбургом. Я обращаю внимание тут на одно маленькое обстоятельство. В заседании участвовали — председатель Технического совета Хрящиков, вредитель по «Промпартии», и председатели секций: экономической — Гинзбург, вредитель по

меньшевистской организации; металлической — Таубе, вредитель по «Промпартии»; по машиностроению — Чарновский, вредитель по «Промпартии», осужденный по делу «Промпартии»; горной — Трушников, о нем память мне ничего не говорит; по строительству — Клевезаль, вредитель, который проходил по делу «Промпартии». По другим заседаниям — те же самые лица.

Вот вам реальная картина живой действительности и реальной классовой борьбы.

Для лиц, склонных впадать в панику, отсюда могли воспоследовать некоторые печальные выводы. Вот, мол, всюду — одни вредители. Мы не паникеры. Мы не боимся того, что в порах нашего государственного организма до сих пор еще имеются классовые враги. Мы не впадаем в панику от того, что в определенный отрезок времени они были настолько сильны, что оказывали влияние на работу наших планирующих организаций. Победоносный ход социалистического строительства разбивает все усилия наших врагов.

Возьмем теперь Залкинда и планирование по товарообороту, которое он проводил, и, в частности, специально его линию на развитие капиталистических отношений, на усиление капиталистических элементов в СССР. В области планирования здесь вопрос сводился к тому, как подходить к проблеме. Подходить ли исходя из того, что регулятором народного хозяйства должны явиться рыночные отношения в их стихийной форме, или этим регулятором должно быть плановое руководство пролетарского государства. Залкинд избрал первое. Но одно дело — теоретический подход, а другое — подход практический, с заведомой уже установкой вредить. Я спрашивал поэтому и Залкинда, что здесь в нем говорило: добросовестное ли убеждение научного деятеля, пусть ошибающегося, или «злая воля»? Мне было отвечено: «Злая воля!»

Я считаю, что те документы, которые я здесь огласил и которые никак не укладываются только в рамки научного добросовестного убеждения, лучше всего в данном случае подтверждают этот ответ.

Что касается Громана как конкретного вредителя, то желая избавить его от необходимости рассказывать подробно о всех тех конкретных фактах вредительства по планированию, которые проводились непосредственно при его участии, я дал на следствии конкретную формулировку его роли как плановика, как председателя конъюнктурного совета Госплана. Руководство конъюнктурными работами Госплана — это первостепеннейшая функция, и выяснять важность ее нет никакой необходимости. Я дал тогда соответствующую формулировку его роли и в ответ получил заявление, что он «всецело удовлетворен» моей формулировкой. Он «удовлетворен» этим, но мы не удовлетворены ни в малой степени. От его «удовлетворения» нам не легче, и соответствующие выводы из его нынешней удовлетворенности я по-

стараюсь сделать при подведении итогов и общей оценке вредительской деятельности.

О Соколовском говорить не приходится, он говорил достаточно сам. Он проводил вредительство в области планирования хлопка. Важность этой сырьевой базы для нас не может подлежать никакому сомнению. Соколовский рассказал конкретно как он проводил вредительство. Последнее ему было тем легче, что вредительская организация, возглавляемая Федотовым в области текстиля, специально в области хлопка, здесь уже работала. Ею была выдвинута цифра в 23 с половиной миллиона пудов как проектируемый сбор хлопка к концу пятилетки. Не считая возможным отстаивать эту цифру ввиду ее абсолютной минимальности, Соколовский выставил и отстаивал цифру в 27 миллионов пудов, а потом оказалась возможной цифра в 30 миллионов, а впоследствии программа подошла к цифре 60 миллионов пудов. Эти две цифры — 30 миллионов и 60 миллионов — достаточно рельефны, достаточно показательны, чтобы оценить практический удельный вес практической вредительской работы Соколовского. И когда мы здесь сталкиваемся с вопросом об оценке его роли, то должны помнить хотя об одном, что Соколовский это докладывал и защищал в Совете труда и обороны. Все это показывает, — правда, его наметки были исправлены, — но, тем не менее, все это показывает, что нельзя проходить мимо него, как мимо незначительного, в смысле конкретного вредительства, вредителя, и нужно гораздо глубже и гораздо серьезнее трактовать его работу.

Что касается Волкова, то он проводил срыв финансирования капитальных строительств, срыв планирования тяжелой индустрии, т. е. по существу срыв плана всего строительства. Вот та работа, которую он осуществлял в области экономики. Это — его вторая функция. Первая функция была — быть показным рабочим, и вторая — вредительство. Может быть, он сделал в этом отношении недостаточно много, но по Сталинградстрою, по Сельмашу, по Котлотурбине он достаточно навредил. Это — все конкретные объекты строительства, в области планирования которых он принес определенный вред.

Я остановлюсь еще на Гвоздеве. Его показания как будто в нашу схему на укладываются. Те все проводили задержку темпов, свертывание темпов, а Гвоздев проводил особый метод вредительства в виде перефинансирования при проектировании заводов, которое потребовало бы максимального и излишнего нерационального напряжения государственных средств. Я не думаю все-таки, чтобы это проводилось им сепаратно, в одиночку, как он это сказал. 1930 год—это год, когда поворот на эти темпы, на эти методы вредительства был в полном разгаре у «Промпартии». А Гвоздев работал в области планирования вместе с инженерами, которые в области машиностроения были непосредственно тесно связаны с вредительской организацией «Промпартией». К этому времени вопрос о блоке с «Промпартией» был ре-

шен, вопрос о согласовании и размежевании вредительской работы был решен. И здесь Волков и Гвоздев хотя и говорят, что ими проектировались вредительские планы вне связи и договоренности с «Промпартией»,—в действительности было не так. Мне вспоминаются при этом те печальные выводы, которые приходилось делать на процессе «Промпартии», когда непосредственно на судебном следствии вскрывались факты, о которых «чистосердечно признавшиеся» не считали, однако, нужным «за недостатком времени» упоминать в своих показаниях на предварительном следствии. Не обстоит ли подобным образом дело и в этом случае?

Нам не важно здесь подробно анализировать эту сторону, ибо не в этом центр тяжести настоящего процесса. Кто больше вредил, Волков или Гвоздев? Вредил по договоренности или без договоренности? Правильно показывает подсудимый Волков или укрывает кое-что? Это не важно, не в этом существо вопроса, а в том, что во вредительской работе меньшевистская контрреволюционная организация «Союзное бюро» со всей своей вредительской периферией добилась более существенных успехов, чем в привлечении бывших меньшевиков-рабочих, массовой агитации и массовой политической пропаганде...

Та ставка, которая на них ставилась в этой области, оказалась в определенной степени оправданной, в определенной степени правильно учтенной. И это конкретное вредительство плановиков, экономистов, ученых специалистов и ученых социалистов должно быть вами учтено.

Я остановлюсь еще на вопросе о разделении труда. Разделение труда по вредительству было, и об этом было договорено на заседании под председательством Калинникова в феврале 1929 года. Разделение было таково: планирование — Громану, снижение себестоимости — Соколовскому, снабжение — Якубовичу, Наркомзем — кондратьевцам и т. д., тяжелая промышленность— «Промпартии» и пр. Конкретная договоренность! Что же еще надо указать?

Разрешите теперь после этого обратиться к документам, которые будут характеризовать позицию заграничной делегации о вредительстве, к официальному документу, который они опубликовали недавно и который приобщен к делу. В своих официальных документах, состряпанных наскоро, специально к данному процессу, они говорят: «Никогда к вредительству никакого отношения не имели мы. К вредительству? Ни в коем случае». А в других документах?

Я уже на судебном следствии указывал на интересное свидетельство Дана в статье от 24 декабря 1930 г. в «Интернационал информасьон», касающееся вопроса о вредительстве. Помните, что говорили подсудимые? Они говорили: «До перехода к новому этапу — последнему этапу нэпа — мы старались углубить и расширять нэп. Когда вопрос о повороте политики стал для нас ясен, мы поставили своей задачей бороться, отстаивать свои пре-

жние меньшевистские позиции, согласованно отстаивать против советской власти, а потом перешли к непосредственному вредительству и дезорганизации. Линия коммунистической партии, — говорили они, — противоречила нашим меньшевистским установкам, и мы хотели во всяком случае против нее бороться и боролись.

А Дан пишет буквально то же самое: «Когда на пороге 1928 года появились первые предвестники нового поворота — от нэпа к «генеральной линии», к политике, проводимой головокружительным темпом сверхиндустриализации, а в дальнейшем и коллективизации, эта «линия» слишком резко противоречила научным убеждениям и общей политически-психологической установке интеллигенции, чтобы она добровольно могла ее проводить». «Нам казалось, что эта политика неизбежно должна привести к кризисам, к краху, к контрреволюционному перевороту», — заявляли подсудимые, свидетельствуя о своем отвращении к «генеральной линии». Таким образом понятно, что в порядке приказа они могли проводить эту «линию» только с величайшим внутренним сопротивлением. Внутреннее сопротивление и стремление использовать высокий пост в советской бюрократии, чтобы по меньшей мере отвратить то, что казалось самым утопическим и самым сумасбродным,—это и есть знаменитая вредительская работа».

Совершенно правильно — внутреннее сопротивление и стремление использовать высокий пост в советской бюрократии, чтобы по меньшей мере отвратить то, чего хотело правительство, т. е. испортить, сорвать, дезорганизовать то, чего хотело правительство и чего они не хотели делать, — это и есть вредительство. Сорвать линию партии и правительства, испортить, провести наперекор советской власти свою линию, что же, гражданин Дан, по-вашему, за такие вещи нужно по головке гладить? Что же, гражданин Дан, это по-вашему не вредительство? Что же, гражданин Дан, в каком-нибудь государстве, а тем паче в государстве пролетарской диктатуры, если люди, занимающие ответственные посты, доверенные им правительственной властью, делают не то, что предписывает эта власть, а прямо противоположное, так вот этим людям, когда их посадят на скамью подсудимых, вы думаете, надо сказать: пай-мальчики, невинные люди, продолжайте, пожалуйста, и впредь вредить и гадить нам?

Проговорился гражданин Дан. И это его свидетельство тем более интересно, что защищает он тут не меньшевиков, а защищает «Промпартию», защищает откровенных вредителей из буржуазной фашистской организации, в блоке с которой он будто бы не состоял.

Какой же вывод отсюда он делает? А вывод следующий. Вывод, который вслед за ним делают и все остальные деятели II интернационала.

48 вредителей-снабженцев в своей вредительской работе занимались тем, что организовывали голод, занимались тем, что срывали снабжение, занимались тем, что заготовляли заведомо недоброкачественные продукты, занимались тем, что сознательно создавали овощной, мясной и всякого рода кризисы в городах для того, чтобы голодом рабочих масс провоцировать их на выступление против советской власти. А Дан и II интернационал вопиют: они невинны, эти вредители! «Социалистический вестник» от 11 декабря 1930 г. пишет: «Вредители» (вредители, конечно, в кавычках) пачками... отправляются в далекую ссылку, часто на верную смерть». А в том же «Социалистическом вестнике» от 22 декабря 1930 г. опять вопиют о «казнях над невинными».

Чтобы утверждать такие вещи, нужно иметь хоть какое-нибудь обоснование. Увы, мы его не найдем. Есть только одно: «Невинны! Невинны, да и все тут!» «Невинны», хоть сами «невинные» говорят: «Нет, виновны, а не невинны мы». Но Дан лучше знает: «Невинны! Невинны, вот убей меня бог!»

В номере от 16 декабря 1930 г. «Социалистический вестник» пишет: «Из всего этого «следственного» бреда (по поводу «Промпартии») ясно лишь одно: на этот раз еще больше, чем на шахтинском процессе, и самое обвинение и показания обвиняемых, спешащих наперерыв в каком-то припадке покаянного садизма потопить и себя и других, представляют собой чистейший продукт известных чекистских методов следствия».

И дальше от 20 декабря 1930 г.:

«Вредительский заговор инженеров и спецов против этой «линии» — это, конечно, чистейший и неумный вздор. Но если что обнаружил процесс с непререкаемой очевидностью, так это полную объективную невозможность для людей науки и знания плодотворно работать в рамках этой «линии», продиктованной требованиями самосохранения диктатуры, но стоящей в кричащем противоречии не только с потребностями страны, но и с ее реальными социально-экономическими возможностями».

Эти цитаты достаточно характерны, чтобы установить из этой доброхотной защиты факт политической солидарности заграничных меньшевиков с вредителями. Всего интереснее та быстрота, с которой совершился поворот на 180 градусов деятелей заграничной делегации тогда, когда вопрос коснулся данной группы подсудимых. Я уже цитировал на предварительном следствии те оценки, которые им давались. Я повторяю их — вот оценка в «Форвертсе» от 9 октября 1930 г.: «Видные профессора и экономисты, как Кондратьев, Юровский и Рамзин, пионеры русской кооперации Садырин, Чаянов, Коробов, старые социалистические ученые и публицисты, как Громан, Базаров, Суханов, — люди, которые десятки лет находились в социалистическом или демократическом движении, которые пожертвовали самое дорогое— свою политическую самостоятельность, право на политическую деятельность и критику, для того, чтобы лояльно работать спе-

циалистами, сотрудничая с советским правительством, которые содействовали на ответственных постах созданию основ советского хозяйства, якобы сейчас устроили заговор с помощью английского золота для разрушения советского хозяйства, «организации голода в стране» и «реставрации власти капиталистов и помещиков».

Так писалось 9 октября.

А сейчас как пишут? Сейчас пишут так: «Лживые провокаторы, люди, которые никогда ничего общего не имели с социал-демократией, люди, которые порвали с ней десятки лет тому назад и с которыми мы, заграничная делегация, также не имеем ничего общего».

Так двурушничают заграничные конспираторы, так двурушничают пойманные с поличным, и я думаю, что, сопоставив эти цитаты с вышеприведенными данными, можно точно ответить, насколько заслуживают доверия эти заявления.

Возьмем статью Абрамовича в «Форвертсе» от 12 октября 1930 года. Он заявляет: «Но если ЧК действительно обладает письменными признаниями, то они могут быть получены благодаря пыткам. Это я считаю своим долгом заявить». Он считает своим долгом заявить! Скажите, пожалуйста, как авторитетны для всего мира подобные заявления! В деле «Промпартии» был интересный момент, когда кажется «Матен» сообщила о том, что Рамзин дает показания потому, что его попеременно сажают то в холод, то в жар, и что в результате именно этой манипуляции он дает свои показания. Когда какой-нибудь буржуазный публицист, буржуазный враль специально выдумывает подобные вещи для того, чтобы оправдать ту сумму гонорара, которую он получает за плоды своей фантазии от буржуазии, — это дело обычное в буржуазной прессе.

Но когда Абрамович заявляет, что он уполномочен заявить и считает своим долгом заявить, то тут надо вопрос ставить несколько иначе — о других основаниях, которые его толкают. Сейчас Абрамович перещеголял «Матен». Абрамович заявляет, что допросы в ГПУ происходят таким образом: выходят подсудимые, приходит к ним следователь, 24 часа один следователь допрашивает, 24 часа другой следователь допрашивает, 24 часа третий следователь допрашивает, а подсудимые должны отвечать, все время стоять и не могут сесть. Это «уполномочен» заявить Абрамович.

Я думаю, конечно, что есть предел фантазии, есть предел бессмыслию, и должен же быть предел неуважению со стороны Абрамовича к тем, кто его читает и кто его слушает. Ведь не полагает же он, что круглые идиоты его слушают, или же он полагает, что идиотов в Западной Европе столько, что найдется довольно таких, которые поверят всему этому, или он полагает вообще, что только идиоты приходят слушать его сообщения!

Но Абрамович не один.

А Розенфельд? Я цитировал на судебном следствии соответствующие выдержки из «Попюлер» от 25 сентября 1930 г. и из «Попюлер» от 23 августа 1930 г., где говорится опять-таки о том, что «невинные люди» (это по поводу 48) отправляются на смерть.

Разрешите теперь потревожить самого гражданина Эмиля Вандервельде. В «Форвертсе» от 16 января, в статье «Новая волна сталинского террора» написано следующее: «О том, что свирепствует террор, говорить не будем. В ближайшее время выйдет доклад, сделанный Абрамовичем в комиссии по обследованию положения политических заключенных. В этом докладе выдвигается обвинение в плохом обращении с политическими заключенными в России и в массовых смертных приговорах, выносимых большевиками, раньше принципиально отвергавшими смертную казнь. Вот почему было бы несправедливым говорить, что «социалистическая Европа» безучастна к тому, что происходит в России. Правильно обратное. Ни в одной стране события не приковывают к себе большего внимания и не будят такой тревоги».

Далее мы имеем следующее: «Так, например, весною 1929 года было опубликовано о расстреле по приказу ГПУ Мекка, Пальчинского и Величко, трех виднейших инженеров на советской службе».

Вот как определяет их гражданин Вандервельде. Виднейшие инженеры и только? А кто такой Пальчинский? Пальчинский — главный организатор, инспиратор вредительства с 1923—1924 по 1927 год, по день своего ареста.

Мекк — основатель вредительства, организатор вредительства на транспорте, бывший собственник Казанской дороги, приложивший все силы к тому, чтобы сорганизовать вредительскую организацию в НКПС, ликвидированную нами только в 1928 году.

Величко — старый царский генерал, инженер, ведавший военными перевозками во время империалистической войны при царизме, равным образом приложивший все силы к вредительству на транспорте. При помощи ВАИ он объединил вокруг себя вредительские элементы по НКПС. Вот кого защищает гражданин Вандервельде. Конечно, он убежден в том, что — это «невинные» люди.

Далее, цитируя «Социалистический вестник», Вандервельде пишет: «Дюжины специалистов подвергаются казни, а сотни ссылаются на Соловецкие острова. Паника охватила массы интеллигенции, находящейся на советской службе. Они все больше и больше приходят к убеждению, что советское правительство поставило себе задачей истребить всех бывших «специалистов» сколько-нибудь крупного значения, а других обречь на медленную смерть в тюрьмах и в ссылке».

А кончает он так: «Мы хотим быть с русской революцией, что бы про нас ни говорили, мы убеждены, что из русской революции родится великое, мы будем ее защищать от нападок реакции, будем ее всегда защищать, что бы ни говорили коммунисты. Но неотъемлемой частью нашей защиты является не мало-

душие, не безразличное отношение к тем преступлениям советской власти, которые бесчестят эту революцию».

И это называется защитой.

С тем большим жаром зато защищают они вредителей, рассматривая их как жертвы террора. Такая защита идет, как мы видим, не только со стороны заграничной делегации, но и со стороны вождей II интернационала. Между тем в отношении вредительства мы имеем целый ряд безусловно доказанных фактов. Возьмем вредительство по НКПС. Ведь оно проверено при помощи массового обследования состояния наших заводов, наших фабрик, парков, вагоностроительных парков, паровозостроительных парков и т. д. На процессе «Промпартии» было вскрыто, как в пограничной полосе велась работа по дезорганизации парков.

Вчера здесь Гвоздев показал о специальном вредительстве, которое он проводил путем омертвления капитала в паровозовагонном строительстве.

Все это факты, все это доказано, все это опровергнуть нельзя, если только не стремиться к тому, чтобы во что бы то ни стало защитить вредителей и конечно тем самым оправдать, укрепить и дать возможность дальше продолжать вредительскую работу тем, кто еще имеет эту возможность.

Этим можно закончить раздел о вредительстве и перейти к последнему, основному моменту, к вопросу об интервенции.

VI. Ставка на интервенцию

Вопрос об интервенции являлся наиболее трудной тактической проблемой для контрреволюционных заговорщиков. Здесь надо было проявить наибольшую законспирированность и, с другой стороны, здесь надо было проявить наибольшую ловкость рук. Здесь надо было суметь практически работать над подготовкой интервенции, в то же время сделать вид и официально заявлять о том, что интервенции не принимают, что ставят своей задачей прямую борьбу с интервенцией. Здесь надо было уметь так повести литературную и агитационную работу и так увязать ее с практической работой, чтобы в литературной работе, чтобы из литературной обработки явствовало, что интервенция объективно неизбежна. Задача достаточно трудная, требующая достаточного умения, требующая того, чтобы быть достаточным жохом в политике, чтобы двурушничество было возведено в систему и планомерно применялось и в центре и на периферии, и в литературных выступлениях и в практической работе.

Я начну с нескольких примеров этого двурушничества, — двурушничества литературного и двурушничества политического, — исходящего от тех, на ком лежала обязанность мотивировать, обосновать и увязать формально отрицательное отношение с практической подготовкой интервенции.

Передо мною лежат два официальных документа II интернационала. Один документ — резолюция исполкома II интернационала о борьбе за разоружение. В частности, в разделе о национальном вопросе пункт 4 говорит: «Все партии Интернационала воодушевлены согласно смыслу марсельской резолюции непоколебимой решимостью противодействовать всем попыткам войны или какой-либо другой форме интервенции против Советского союза.

Исполком напоминает также о марсельском решении, в котором выражена воля Интернационала бороться за сохранение и восстановление нормальных дипломатических и хозяйственных сношений с Советским союзом».

Вот документ, который четко говорит о том, что II интернационал — против всякой формы интервенции.

А вот другой документ, уже иного рода — специальное обращение II интернационала «к советским рабочим». Документ от 13 мая 1930 г., в котором говорится так:

«Рабочие Советского союза! Глубокая тревога за судьбы русской революции охватывает социалистических рабочих всех стран. Они слышат о голоде, свирепствующем в ваших городах. Они знают, что условия вашего труда зачастую еще хуже, чем условия труда рабочих в капиталистических странах. Им известно о банкротстве насильственных методов коллективизации крестьянства. И с возмущением узнают они о непрекращающемся и даже усиливающемся кровавом терроре».

Уже само это выступление характеризует основное содержание и цель этой агитационной листовки. У вас-де все чрезвычайно плохо, вам хуже живется, чем рабочим в капиталистических странах, над вами постоянный гнет все усиливающегося кровавого террора, и глубокая тревога охватывает нас за судьбы вашей революции.

Чтобы это выступление способствовало тому, чтобы в случае возможной интервенции возбудить в русских рабочих желание драться и защищать советскую страну против интервенции, такого вывода сделать нельзя. Это, наоборот, прямая агитация против Советского союза, и, поскольку идет вопрос о возможности интервенции, постольку ясно, что такая агитация возбудить особые желания защищать Советский союз не могла.

Дальше говорится так: «Рабочий социалистический интернационал опасается, что продолжение этой роковой политики выроет пропасть между обоими классами, на которые опирается русская революция: между рабочими и крестьянами. Если бы это случилось, советский крестьянин напитался бы ненавистью к пролетариату и революции, и тогда возникла бы опасность, что возмущением и отчаянием крестьянства воспользуется в своих целях белая контрреволюция, — чудовищная опасность новой гражданской войны в Советском союзе».

Что означает этот абзац? Он означает прямое обвинение, что именно в результате этой политики советского правительства

встанет опасность белой контрреволюции. И отсюда вывод: если вы не хотите белой контрреволюции, то сделайте так, чтобы этой политики не было. Если эта политика будет продолжаться, то примите меры, чтобы заставить переменить политику, а если это не удастся, — отсюда логический вывод, — организуйте свержение этого правительства.

Не может быть двух точек зрения по вопросу о том логическом пути, на который объективно толкается мысль рабочего класса, если серьезно принять это воззвание II интернационала и его утверждение, что его «тревожит судьба русской революции».

«...В ваших руках находятся средства для предотвращения катастрофы и мирного разрешения грандиозных проблем революции».

Что нужно для этого делать? Для этого «вы должны сомкнуться с социалистами», т. е. с меньшевиками, чтобы спасти революцию. Вот конкретный лозунг, т. е. вы должны вместо поддержки Советского союза поддерживать в данном случае меньшевиков. А меньшевики чего хотят? Но об этом мы говорили уже. И дальше сказано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Пролетарии Советского союза, соединяйтесь с нами для спасения русской революции, для борьбы за демократию и социализм. Исполнительный комитет Рабочего социалистического интернационала».

Эта листовка датирована 13 мая 1930 г., который был назначен сроком вооруженной интервенции империалистической буржуазией и ее контрреволюционной агентурой, в том числе входившей в этот блок контрреволюционной меньшевистской социал-демократической агентурой.

Как можно иначе понимать такого рода воззвание? Это — официальный документ, который выпускает II интернационал, чтобы подготовить соответствующее настроение. Если поверят ему русские рабочие, то в случае, если интервенция в той или другой форме встанет как факт, русские рабочие по отношению к советской власти должны занять только отрицательную позицию. Какой смысл поддерживать правительство, которое обращается с рабочими хуже, чем капиталисты, провоцирует белую реакцию и прочее, и прочее. Другого толкования, другой интерпретации дать нельзя. И другой цели этот документ не преследует.

Вот один пример двурушничества. А сейчас мы найдем менее завуалированный, более прямолинейный документ, более прямолинейное выражение той же самой тактики.

Вы знаете дальше, что на Марсельском конгрессе дебатировался вопрос, не надлежит ли применить меры насильственного свержения по отношению к большевикам. Другой вопрос, какое конкретное решение было в конце концов принято ввиду невозможности прямо вынести решение за интервенцию. Но Тейтельбаум в своих показаниях указал нам историю дальнейших дебатов по этому поводу в комиссиях II интернационала и по-

зицию по отношению к интервенции отдельных фракций и делегаций II интернационала. Все это оставалось, однако, неизвестным широким рабочим массам. А вот что считалось возможным говорить открыто рабочим.

Мы знаем прекрасно, что одним из главных коньков, который используется со стороны буржуазно-империалистской прессы для натравливания на СССР, является обвинение, что «красный империализм» Советского союза есть опасность, которая ставит под угрозу войны весь европейский мир.

Если вспомнить соответствующие статьи Лиги наций о «нарушителях всеобщего мира», если вспомнить о том, что основной вопрос политики и тактики сводится всегда буржуазными публицистами к тому, чтобы найти «зачинщика» войны, нарушителя мира, то аргументация, доказывающая, что если где-нибудь грозит война, то она грозит главным образом на восточных границах, и что инициатором и инспиратором этой войны является Советский союз, — такая аргументация, такого рода статьи не могут трактоваться иначе, как подготовка и обработка общественного мнения рабочего класса Западной Европы к тому, чтобы в случае интервенции весь мир мог обрушиться на «зачинщиков» этой войны, т. е. на Советский союз.

Разрешите приступить к цитированию статей, систематически приводящих именно эту аргументацию из номера в номер, из года в год в «Социалистическом вестнике».

Возьмем номер от 7 августа 1928 г., где помещена статья Шифрина «Шансы мира» и где подвергаются анализу международное положение вообще и международная политика Советского союза.

Шифрин ставит вопрос таким образом: три державы являются теми, о которых советская пресса пишет как о тех, кто ставит себе цели организации интервенции и насильственного низвержения Советского союза: ими являются, с одной стороны, Франция, затем Англия, затем пограничные лимитрофы, в частности Польша. И Шифрин специально подвергает анализу деятельность и политику этих стран.

Вот вывод Шифрина о политике Англии: «Таким образом английский империализм при всей его враждебности не является силой, непосредственно угрожающей Советскому союзу». Другими словами, с Англией все, мол, благополучно: «Английский империализм при всей его враждебности не является силой, непосредственно угрожающей Советскому союзу». Русские рабочие, насчет Англии вы можете быть спокойны, там все благополучно, никто не хочет вас взять за загривок.

А как с Францией? Здесь «опасность парализуется в значительной степени консервативным, ненаступательным характером французской политики по отношению к Советскому союзу. Требования французской политики по отношению к Советской России ограничены. Они по существу не выходят за пределы реаль-

ной гарантии неприкосновенности восточных союзников Франции».

Во Франции, значит, также благополучно, если вы сами себя будете хорошо вести. Ну, а Польша?

Дальше Шифрин пишет: «Вовлечение пограничных государств в военное выступление против Советского союза требует осуществления двух предпосылок: их полного, безоговорочного подчинения военно-политическим планам империалистов и создания единого и сплоченного блока этих стран, что почти совпадает с их подчинением гегемонии Польши... И великие державы могут диктовать свою волю пограничным государствам лишь в определенных пределах, которые не следует преувеличивать».

Итак, что касается этих государств, то здесь, если бы даже крупные державы империализма имели захватнические аппетиты, то диктовать волю этим пограничным государствам не так-то легко. Они могут это делать лишь в определенных пределах, которые не следует преувеличивать. Таким образом, если бы даже они хотели, то они не смогут безоговорочно спровоцировать войну.

И делает вывод: «Факты показывают, что динамика современной международной политики благоприятна для шансов мира на границе Советского союза». Другими словами, ничто вам не грозит, русские рабочие, можете успокоиться, если здесь сами вы, в лице своего правительства, не зацепите ваших восточных соседей.

Дальше он переходит к анализу советской политики и говорит: «Неизмеримо хуже обстоит дело на Востоке, где линия Наркоминдела опасно сближается с линией Коминтерна под видом дружелюбной поддержки национально-освободительного движения... Подъем стачечной волны и сепаратистского движения в Индии, видимо, вновь окрылил Москву военно-революционными надеждами. На афганской границе, в этой огнеопасной зоне, отделяющей Советскую Россию от Британской Индии, началась настоящая малая война, которая может кончиться большими осложнениями... В то же время возобновление генеральской войны в Китае вновь оживило кантонские иллюзии большевиков».

Другими словами, вот где главная опасность — на Востоке, где якобы политика Наркоминдела сближается с политикой Коминтерна и где мы имеем новое оживление военно-революционных иллюзий Москвы, которая опять оживляет свои кантонские иллюзии и непосредственно «должна вызвать всеобщий международный конфликт». Вот единственный смысл точных цитат из статьи Шифрина в «Социалистическом вестнике» — «Шансы мира».

Спрашивается, из этого анализа, кто рисуется в качестве зачинщика? Откуда можно ожидать опасность? Так пишет «Социалистический вестник» в № 7/8 за 1929 год. Возьмем № 13 от июня 1929 года. Передовая статья «Русский вопрос в английской

политике». «Социалистический вестник» пишет: «Если в измученной войнами Европе еще тлеет где-нибудь искра войны, то это лишь на восточной границе»,—и, предвидя скорое восстановление дипломатических отношений Англии с Советским союзом, продолжает: «...А дальше? Что за этим последует? Найдены ли будут пути более тесного политического и экономического сотрудничества? Ответ на этот вопрос зависит только от Москвы, и поэтому очень скептически приходится отнестись к возможности положительного ответа».

Если где-нибудь тлеет искра войны, то только на восточной границе. По существу Англия идет навстречу со всей душой и сердцем. Весь вопрос в том, пойдет ли Москва соответственно навстречу. Но очень скептически приходится отнестись к возможности положительного ответа. А это что такое? Это — определенная агитация, указывающая на то, что если кто-нибудь может быть виновником войны, то это СССР.

Возьмем № 15, опять передовая — «Китай и Россия». Там говорится: «Исходя из этой точки зрения, интернациональный социалистический конгресс в Марселе указал на всемирно-историческое значение союза между революцией русской и революцией китайской, но конгресс тут же подчеркнул, что эта историческая задача неизбежно потерпит крушение, если нынешние руководители русской революции не создадут для нас необходимых предпосылок отказом от утопизма и коренным изменением всей своей тактики».

И дальше:

«Конфликт с Китаем может и должен быть разрешен мирным путем. Этого требуют интересы мирового пролетариата, этого требуют интересы России. Сталинская диктатура, стремясь использовать военную панику для отвлечения внимания рабочих от хозяйственной катастрофы, сознательно разжигает националистические страсти. Задача социал-демократии — вскрыть эту связь между внутренней политикой и военным задором Сталина и положить конец опасной игре с огнем».

Явно и прямо формулировано недвусмысленное обвинение в том, что опасную игру с огнем ведет якобы советская власть, ведет советское правительство в своей восточной политике.

Сопоставьте это с общим обзором международного положения, с утверждением о том, что если «где-нибудь в Европе еще тлеет какая-нибудь искра войны», то на восточной границе; сопоставьте это с проблемой, кто же будет прямым виновником этой войны, — вы получите один ответ: виновником войны будет Советский союз. А отсюда и вопрос об интервенции станет ясным вопросом.

Возьмите дальше статью «Шапками закидаем». В этой статье мы читаем следующее: «Повидимому, высшие носители диктатуры, которые доселе были нерешительны и не склонялись к военным планам, собираются теперь ставить ставку на эту новую

карту — на карту кровавой войны и военно-политической катастрофы».

Вот опять прямое обвинение в том, что советское правительство ставит на карту судьбу Европы.

Перейдем к 1930 году Так, в № 23, в статье «Разоружение в Москве и Женеве» вот что говорится по поводу выступления Литвинова на женевской конференции.

Вы знаете содержание этого выступления Литвинова и то, как ставило вопрос прямо советское правительство в его лице о разоружении. Орган социал-демократов меньшевиков по этому поводу пишет: «Трудно было советскому представителю выступать апостолом мира и разоружения, когда в это самое время в Советской стране проводилась шумная «декада обороны» с неистовым восхвалением всех родов оружия, возвеличиванием старого, как мир, лозунга всех милитаристов: «Если хочешь мира, готовь войну»,.. — когда в это самое время все советские газеты аршинными буквами кричали: «Побольше самолетов, танков, артиллерии», — когда в это самое время официальный орган советского правительства печатал картинки, показывая, как рабочие учатся владеть винтовками»...

Тут мы имеем уже обвинение советского правительства в двурушничестве. С одной стороны, оно-де проповедует разоружение, а с другой стороны—оно само якобы готовится к нападению на соседей, максимально вооружаясь.

А в № 22 в статье «Советско-китайский тупик» мы читаем: «Можно ожидать самых опасных авантюр как раз в области внешней политики. Инсценировка массовых протестов трудящихся, демонстрации боевой готовности «бойцов-краснофлотцев» — все это преступная игра с огнем.

25 лет спустя после Порт-Артура и Цусимы нельзя позволить власти безнаказанно ставить судьбу народа на карту войны».

Вот вам аргументация, вот вам метод работы. Вот пример контрреволюционной, антисоветской пропаганды, которую открыто ведут вожди II интернационала, и сопоставьте с ними первый документ, официально высказывающийся против интервенции.

Двурушническая игра здесь настолько ясна и эти цитаты настолько бьют в глаза, что говорить о том, что «Социалистический вестник» и заграничная делегация преследуют другие цели, нежели цель создания конфликта с СССР, — не приходится. А если вспомнить еще известную статью Пуанкаре, которая была оглашена на процессе «Промпартии» о том, что в «Белоруссии, в Румынии вспыхивают темными пятнами различные конфликты, подготовляемые СССР», — одна и та же цель у обоих политиков будет ясна.

Сопоставьте эту откровенную политику вождя империалистической буржуазии с двурушническими выступлениями меньшевиков из заграничной делегации и II интернационала и вы

увидите внутренне согласованную игру, внутренне согласованные единые пружины действия. Вам станет ясен и смысл того, почему именно в феврале 1929 года давалась практическая директива об усилении дезорганизации работы и почему она подтвердилась и в 1930 году. Целиком и полностью по датам, по содержанию совпадает эта политика с той политикой, которую официально на страницах своего органа ведут Пуанкаре и «Торгпром».

Но этого мало. Мы имеем еще более интересные доказательства.

Прежде всего разрешите огласить еще один документ, цитату из статьи под заглавием «Красный империализм», напечатанной в вечернем издании «Форвертса» от 3 июля 1929 г. Там говорится: «Международная демократия требует борьбы за национальное самоопределение и поддержки порабощенных наций Завоеванные кавказские области (Грузия, Азербайджан, Армения) находятся постоянно под угрозой, потому что в этом нефтяном районе особенно легко могут вспыхивать империалистические конфликты. Для всеобщего мира гарантией было бы у ч р е ж д е н и е м е ж д у н а р о д н о г о р е ж и м а в н е ф т я н о м р а й о н е».

Что это значит? Это — п р о п о в е д ь о к к у п а ц и и н а ш и х н е ф т я н ы х р а й о н о в п у т е м у с т а н о в л е н и я н а н и х с в о е о б р а з н о г о м е ж д у н а р о д н о г о р е ж и м а. А о чем хлопочет Детердинг? Что является объектом, затаенным объектом всех стремлений, пожеланий нефтяных хищников мирового империализма и нефтяного рынка? Согласованное выступление «Форвертса», датированное 3 июля 1929 г., накануне предполагаемой на 1930 год вооруженной интервенции, становится с этой точки зрения чрезвычайно разительным. И прозрачным становится предварительное согласование целей, и согласование уступок, и подготовка общественного мнения к интервенции, согласованная с империалистической буржуазией как в сроках, так и по результатам. Эта цитата поразительна по бесстыдству, поразительна по цинизму и лучше всего вскрывает опять-таки ту же самую двурушническую политику.

Это не все. Возьмем речь Дана на съезде ППС в январе 1926 года. Цитирую по «Социалистическому вестнику» № 1 за этот год: «Русская социал-демократия в обстановке самого свирепого террора протестовала против насильственной советизации Латвии, против похода на Варшаву, против оккупации Грузии, против путча в Эстонии, она и впредь будет непоколебимо отстаивать право всех вновь возникших государств на независимое существование, бороться против всякой агрессивности большевистского правительства...»

Что это значит? Советское правительство насильственно, мол, пыталось оккупировать Латвию, насильственно оккупировало Грузию, хотело оккупировать Эстонию. Агрессивное большевистское правительство — вот враг. Так сторонник всеобщего мира Дан защищает политику фашистских правительств и та-

ким путем хочет подготовить соответствующее общественное мнение в среде русских рабочих.

Следующая цитата — это уже официальная резолюция II интернационала по конфликту на Китайско-Восточной железной дороге от 2 августа 1929 г.: «Интернационал, который с начала китайской революции защищал право китайского народа на его полный национальный суверенитет, на устранение всех привилегий иностранных держав на китайской территории, признает право Китая требовать устранения русского контроля над КВЖД, поскольку она лежит на китайской территории...

Интернационал требует, чтобы обе державы, поскольку они не смогут столковаться насчет договора, обратились к третейскому суду и признали его решение».

Только прожженный политикан, только «выдержанный» двурушник, только заведомый международный плут может сделать такого рода предложение. Отчетливо сознавая общее соотношение политических сил в Европе, отчетливо сознавая общие цели, которые объединяют империалистический мир в борьбе против советского государства, против пролетарской диктатуры, II интернационал предлагает нам третейский суд этих же империалистов. Только сознательный лицемер может предлагать такой путь в вопросах разрешения международной политики, может предлагать этот третейский суд. Вопросы, которые должны разрешаться только согласованными действиями революционных масс, II интернационал предлагает передать на суд империалистов. Вместо революционного обращения к массам, он предлагает нам пойти поклониться тем же самым империалистическим державам и предложить им разрешить наш спор с китайской генеральской кликой, которая душит и давит китайскую революцию и которую натравили на нас те же империалистские державы. Так и здесь проявляется то же двурушничество. А ведь это предлагает руководящий орган, — это резолюция II интернационала. Можно сюда добавить еще выдержку из статьи Леона Блюма, которую я цитировал на судебном следствии, под заглавием «Немножко хладнокровия», в «Попюлер» от 6 ноября 1929 г. Блюм берет там под обстрел советское правительство по поводу кутеповской истории и так объясняет его протест: «Правда состоит в том, что она (т. е. наша страна) проходит через ужасный внутренний кризис, самый грозный, который Россия знала за последние десять лет, и в таких условиях довольно естественно, что теряют хладнокровие и меру, что Сталин не был бы, быть может, огорчен, если бы нашел в ярком конфликте с правительством таким, как наше, своего рода диверсию по отношению к осаждающим его многочисленным трудностям».

Блюм тоже выдвигает против нас прямое обвинение в том, что и кутеповская история используется нами специально для создания конфликта с французским правительством для того, чтобы найти способ выйти из осаждающих нас многочисленных

трудностей. Вот документы, которые предоставили в наше распоряжение, хотя и не по нашей просьбе, в Германии — «Форвертс», во Франции — Блюм и одновременно весь II интернационал. Эти документы показывают, что ведется линия на то, чтобы представить нас в качестве прямых виновников будущих военных конфликтов. Это и есть основная линия международной агитации II интернационала по вопросу об интервенции, и она проводится с официальным указанием на то, что мы-де против всякой интервенции.

Но вопрос ставится не только так. Вопрос ставится и таким образом: ну, хорошо, а если интервенция все же придет, если интервенция как неизбежный факт наступит, как тогда будет? Уже разобранная нами выше полемика между Даном и Каутским и известное выступление Гарви показывают, каким образом будет ставиться вопрос тогда. То, что здесь сообщил обвиняемый Тейтельбаум, что в комиссии исполкома II интернационала вопрос в отдельных фракциях именно так ставился, что открытое выступление Гарви о поддержке интервенции нашло отклик у бельгийцев и у французской секции II интернационала, нашло поддержку у немцев со стороны Вельса и лишь из соображений узко национального характера нашло отрицательное отношение у англичан, — все свидетельствует о том, что по этому вопросу на деле у II интернационала нет разброда, а есть молчаливое соглашение, которое до поры до времени покачто упрятывается, которое будет выявлено потом и к которому ведется уже определенная артиллерийская подготовка в виде всех этих выступлений, всех этих статей.

А теперь в свете этих фактов перейдем к другим, перейдем к конкретным фактам, установленным судебным следствием.

По этому вопросу мы имеем ясные показания всех подсудимых и всех свидетелей о подготовке интервенции. Имеем показания их всех о заседаниях, на которых обсуждался и решался этот вопрос.

Имеем показания, где указывается, кто, когда и в каком порядке этот вопрос ставил, указываются даты совещаний. В конце концов, достаточно только перечислить лиц, которые об этом показывают, чтобы вопрос о «вымышленности» совершенно отпал.

Давайте этих лиц перечислим: Рамзин, Ларичев, Кондратьев, Юровский, Громан, Суханов, Берлацкий, Шер, Петунин, Залкинд, Соколовский, Тейтельбаум и другие — все подтверждают этот факт.

Вспомните Кондратьева. На мой вопрос, была ли договоренность у него об интервенции с «Промпартией», он сказал: «В наших условиях для нашей организации вопрос так не стоял; это делала «Промпартия». «Промпартия» вела все переговоры по подготовке интервенции непосредственно через «Торгпром» с зарубежными правящими кругами, но мы интервенцию приняли, мы о ней знали, мы готовились к ней». Тогда я конкретно

поставил вопрос: «К чему вы готовились — драться против интервенции или помогать ей?» Ответ был ясен: «Чтобы помогать».

Но то, о чем говорил Кондратьев и другие, мы найдем и в документах — в «Социалистическом вестнике». Мы увидим, что там вопрос ставился так: сократите неизбежные родовые муки истории, ибо все равно большевизм обречен на неудачу, на крах, на низвержение. В этих условиях в случае интервенции вопрос, как к ней относиться, какую занять позицию, решался сам собой, и позиций тут могло быть только две: или быть оборонцами или быть пораженцами по отношению к Советскому союзу. Поэтому, когда Кондратьев и подсудимые говорят об использовании интервенции и обеспечении затем через связи II интернационала с правящими кругами империалистических держав демократического режима в СССР, ибо большевистский режим все равно обречен на крах, они становятся на позицию пораженцев, которую откровенно защищают Каутский и Гарви. Правда, в своей книге Каутский говорит о «всенародном восстании», которое сметет большевизм, а не об интервенции. По вопросу об интервенции этот прожженный политик пишет: «Со стороны европейских держав нет оснований ожидать интервенции». Это пишет он в 1930 году. Это та же линия — усыпить, затуманить, затушевать действительную опасность. «Ни одна великая держава не готовит интервенции против Советского союза, вероятно даже и Польша», — так говорит Каутский.

Ах, откуда так прекрасно осведомлен Каутский о закулисной игре империалистических держав? Откуда берет на себя смелость сказать, что «ни одна империалистическая держава не готовит интервенции против Советского союза»?

Это та же самая политика, та же концепция представить дело так: большевизм осужден на крах, на мирную эволюцию нет никаких надежд Крах приводит, как пишет II интернационал, к голоду и белой контрреволюции. В этих условиях интервенция есть только сокращение родовых мук истории и поэтому нужно сначала поддержать интервенцию, а затем соответствующим образом использовать влияние II интернационала для того, чтобы обеспечить демократический строй в СССР. Эта позиция целиком и полностью вытекает из всех установок, которые давались российской социал-демократией, и это есть та же самая позиция, о которой говорили подсудимые, когда показывали о директивах, которые им дали приезжавшие сюда Броуштейн и Абрамович...

Нельзя допустить, логически совершенно нельзя допустить, чтобы при таком совпадении основных установок за границей у подсудимых показания, которые дают подсудимые об этих директивах, не отвечали действительности.

Но я позволю себе перейти еще к одному моменту здесь

уже идет речь об определенных документах, о письмах, о директивных письмах заграничной делегации. Из показаний подсудимых мы знаем, что такие письма, такие документы существовали, мы знаем их содержание, мы знаем пути, которыми они распространялись, знаем, кто участвовал в их обсуждении, мы знаем, что они целиком и полностью сводятся к тем же установкам. Мы знаем, каким образом, путем использования каких связей, старых знакомств, они были сюда доставлены, и мы знаем, как были использованы другие старые связи, чтобы скрыть эти документы.

Я вынужден несколько подробнее на этом остановиться, остановиться и на роли Рубина, и на сокрытии этих документов Рязановым

Мы знаем, что факты, которые установлены на судебном следствии, создавали для этого все соответствующие предпосылки. И факт личного знакомства Рубина с Рязановым, и установление тесных личных отношений, и принятие на службу, и хлопоты при слухах о возможном аресте, когда частично всплыла связь с Сухановым и социал-демократической организацией, — все эти факты создали ту атмосферу, которая дала затем возможность Рубину предложить Рязанову документы спрятать.

Шер — второй деятель и организатор меньшевистской организации — также был принят на службу Рязановым. После того как Шер был вычищен из Госбанка по первой категории, т. е. без права занятия должностей в государственных учреждениях, он был все же, несмотря на это, Рязановым оставлен на службе под тем предлогом, что Шером подана апелляция. Когда же эта апелляция была отвергнута, Шер опять-таки был оставлен на службе, вопреки прямому директивному постановлению советской власти, вопреки постановлению РКИ, был оставлен под предлогом отпуска. Ему была дана временно возможность уехать, — все это еще более характеризует ту атмосферу, которая была создана в институте Рязановым.

Вот почему, когда я задал вопрос Рубину, какие еще предпосылки легли в обоснование его предложения Рязанову, какие еще моменты сыграли роль в согласии Рязанова на укрывательство документов, что одних личных симпатий здесь недостаточно, — логика должна была бы подсказать здесь только один ответ. Другого рода моменты, моменты организационной связи должны были лежать в основе этой близости к Рязанову, а не только личные симпатии.

Рубину было угодно остаться при своей формулировке. Но для меня совершенно ясно, что обстановка, которая там была, говорила о более тесной связи, говорила не только о согласии Рязанова скрыть документы, но говорила и о принятии им всех мер к тому, чтобы эти документы не были найдены.

Документы эти существуют, это совершенно ясно. Это письменный документ, это письменная директива об интер-

венции, и точно так же бесспорным остается факт получ
такой же устной директивы от Абрамовича и точно такой ж
Броунштейна. Официальный документ, опубликованный з
ничной делегацией, упоминает Броунштейна как официал
лицо, которое было делегировано ими сюда для организац
ной работы. Из песни слова не выкинешь, — это написано.
их за язык не тянули. Это сказано. А между тем именно об
Броунштейне говорят подсудимые, передают о его словах
тех специфических особенностях позиции, которую зан
Броунштейн, который раньше примыкал к левым. Что же, и
все ложь? А между тем, что вытекает из этой связи Броунш
на с заграничной делегацией, связи, подтвержден
самой заграничной делегацией в своем докуме
Устанавливается прямая и непосредственная связь с загранич
делегацией Броунштейна, а Броунштейна — с данными подс
мыми, и тем самым и связь данной организаци
заграничной делегацией. Вот факт, который не
опровергнуть, который остается доказанным. Или же им при
ся сказать, что они и понятия о Броунштейне не имеют и
него отказываются. И у нас есть уже некоторые сведения о
что на всякий случай уже имеются заявления заграничной д
гации о том, что и Броунштейн никакого касательства к не
имеет, что и Броунштейн тут сбоку-припека и что он ника
отношения к социал-демократии не имеет. Еще чернила не
сохли на документе, где говорилось о Броунштейне как об
циальном лице, и уже новая ложь, новое двурушничество.
смотрим, как далеко зайдет их наглая ложь завтрашний д
Может быть, и Броунштейна объявят провокатором. Пред
для подлости нет, когда нужно спасти шкуру. Но Броунш
был и есть, с ним виделись и от него определенные устан
были получены.

А Абрамович? Абрамович приезжал сюда в 1928 году.
сюда понятны стремления заграничной делегации доказать,
Абрамович здесь не был, что быть не мог и т. д. Я говорил
на судебном следствии, что на нас не лежит обязанность
бирать случай с Абрамовичем. Угодно Абрамовичу — пусть
трудится явиться сюда. Будем с ним разговаривать, будем
говаривать открыто. Если же Абрамович предпочел удрат
суда, то и суд не обязан вступать с ним в переписку, и л
поскольку переписка касается данных подсудимых, постольку
берем ее в определенную орбиту и соответствующим обр
оцениваем.

К чему сводится эта переписка? Вот она: передо мной
жат эти два знаменитых документа, устанавливающие якобы
неприсутствие. К чему они сводятся? Первый документ
шался суду. Это телеграмма. В ней Абрамович только и
рит — не был, и крышка! Точка! Не был — и все!

«В действительности я не был в России с ноября 1920
до сего дня». Больше ничего не говорит телеграмма.

Мы обязаны верить? Голому заявлению? Заинтересованного лица? А что же он должен был сказать: «Я, мол, был»? Но Абрамович обещал в телеграмме прислать дополнительно по почте документ, заверенный под присягой. Вопрос о присяге, как таковой, не стоит дебатировать. В руках Абрамовича — это только метод соответствующим образом воздействовать на те слои мелкобуржуазной обывательщины и те еще отсталые слои рабочего класса, для которых присяга имеет какое-нибудь значение, для которых ссылка на господа бога во всех его трех ипостасях является удостоверяющим моментом. Поскольку российский пролетариат давно уже изжил эти иллюзии, поскольку в СССР присяга юридического значения не имеет, постольку для нас не являются действительными заявления, заверенные у нотариуса или у кого угодно, и поскольку оно тут есть, — это лишь еще одно доказательство того двурушничества по отношению к германскому пролетариату, двурушничество по отношению к подсудимым и двурушничество по отношению к суду, которое позволяют себе Абрамович и компания.

Интереснее другой документ. Второй документ — это само знаменитое его заявление, данное у нотариуса.

Вот оно! (показывает).

Орел и печать. Все в порядке. А содержание? Буквально то же самое: я, такой-то, явившись к нотариусу, заявляю, что я не был. И точка. В этом присягаю, и все.

Спрашивается, какая же юридическая ценность этого документа? Он только показывает тот факт, что Абрамович пришел к нотариусу и, подняв два пальца, произвел известную процедуру. Эту процедуру, упомянутую на бумаге, он прислал к нам. А я, говорит, был в то время в Пляу. А если бы он говорил, что он был на Аляске или еще где-нибудь, на Чукотском носу, — для нас было бы это не все равно? Но он идет к нотариусу, и нотариус подписывает его заявление. И мы должны верить? И это называется аргумент?

В сообщении «Форвертса», которое передано по телеграфу, говорится о том, что есть другое заявление незаинтересованного лица. У нас этого другого документа нет. Но в «Форвертсе» имеются показания этого «незаинтересованного» лица. Посмотрим их. Вот они: «Я, некий Гросман, заявляю тоже у нотариуса, я находился тоже в отпуску и там встречался со Шварцем, который может подтвердить, что он, Шварц, ежедневно встречался с Абрамовичем».

А кто такой Шварц? Откройте «Социалистический вестник», и вы там найдете Шварца. Итак, Гросман говорит, что ему Шварц говорил, что он, Шварц, встречался ежедневно с Абрамовичем. Какую ценность имеют эти доказательства, не говоря уже о том, что для нас такого рода доказательства вообще необязательны?

Но если мы внимательно присмотримся к этому Гросману, то мы найдем данные, что у нас нет особых оснований верить

Гросману и, наоборот, Гросман имеет много оснований вытягивать за уши Абрамовича из той неприятной истории, в которую тот влип. У Гросмана имеется много оснований для того, чтобы приложить сюда свою руку и удостоверить ее подписью нотариуса.

Мне кажется, что дальше разбирать подобного рода доказательства, для нас не имеющие никакого юридического значения, нет никакого смысла. Вопрос сводится к следующему: установлена ли вообще нами конкретная связь данных лиц с заграницей, причем связь, которую никак не опровергнешь? Мы считаем, что связь такая установлена даже в мелочах. «Социалистический вестник» есть? Есть. Статьи этих лиц в «Социалистическом вестнике» есть? Есть. «Социалистический вестник» на квартире у Желудкова есть? Есть. Прокламации, изданные за границей по поводу колдоговоров, на квартире Желудкова есть? Есть. Они в деле есть? Есть. Желудков это подтвердил? Подтвердил. Квартира у Желукова была? Была. Прокламации найдены там? Там. Приносил их Шер? Шер. Опровергайте, пожалуйста. Все это — документальные данные, устанавливающие прямую связь заграничной делегации с данными лицами.

Но это не все. Возьмите письма Икова, которые я цитировал, и которые приобщены к делу, письма, которые не Иков писал, а которые к Икову писали, письма, которые писались от заграничной делегации, письма, которые говорят совершенно точно об этой связи. В них пишут между прочим о Броунштейне: «Сообщите все, что знаете о Броунштейне, как его здоровье и т. д.». А шифр, который здесь имеется в конце письма? Наконец, последнее письмо, отправленное Иковым за границу для заграничной делегации, изъятое на почтамте, приобщенное к делу, подписанное «Московское бюро РСДРП», содержащее клеветнические измышления о настоящем процессе для соответствующего использования в «Социалистическом вестнике».

А «Форвертс» и Дан пишут, что ни одного документа нет, есть только измышленные документы. Ничего не попишешь, когда человека поймают, ему ничего не остается как только сказать: «Измышлено». Но факт есть факт, документы есть документы. И связь установлена, прямая связь, и от этой связи никоим образом отказаться нельзя, от этой связи отмежеваться никоим образом не удастся. А отсюда следуют все выводы и о тождестве всех установок программного и тактического характера и о руководстве со стороны заграничной делегации их деятельностью.

Я так много времени посвятил этой «заграничной делегации», что могло создаться впечатление, что она является главным объектом моего обвинительного выступления. Это, конечно, неверно. Даром, попусту слов тратить не стоит. Вопрос сводился к тому, чтобы найти объективную сумму доказательств, которые обоснуют достоверность сообщений обвиняемых об их работе.

VII. Итоги судебного следствия

А теперь перейдем непосредственно к ним, к обвиняемым, и тем конкретным преступлениям, которые они совершили. Я бы предложил следующую формулу, которая, по-моему, исчерпывает их деятельность в «Союзном бюро»:

в высших планирующих органах, в непосредственном руководстве плановой работой по воссозданию, развитию, реконструкции социалистического хозяйства;

в органах, непосредственно осуществлявших в нашей хозяйственной деятельности работу снабжения, т. е. обеспечения насущнейших нужд рабочего класса;

в органах по руководству кредитной реформой и денежным обращением, т. е. в органах, которые имели задачей обеспечение правильного функционирования всей системы нашего социалистического хозяйства;

— во всех этих учреждениях создались контрреволюционные группы вредителей, поставившие себе целью всеми средствами и мерами, находившимися в их распоряжении, подорвать дело социалистического строительства, разрушить дело планирования народного хозяйства, подготовить кризис народного хозяйства со специальной целью поддержки вооруженной интервенции.

Эту свою работу они проводили в тесном содружестве и по согласованию с буржуазными контрреволюционными организациями, в свою очередь ведшими работу шпионского, диверсионного характера, подготовлявшими изменническую деятельность и ту же вооруженную интервенцию.

Свою работу они проводили на деньги иностранных и отечественных капиталистов, скрывшихся за границу, так называемого «Торгпрома». Ту денежную помощь, которую они оттуда получали, они получали от откровенных контрреволюционных очагов крупной буржуазии, в свою очередь связанной с правящими кругами империалистов Запада. Свою работу они проводили, согласовывая и направляя ее, конкретно зная о сроках интервенции, определенно зная о целях, которые эта интервенция себе поставила.

Эту работу они проводили, с другой стороны, в тесном союзе и в тесном блоке с другой контрреволюционной организацией, ставившей своей задачей организационное воздействие на кулацкие верхи деревни для того, чтобы при помощи этих кулацких верхов вызвать повстанческие движения и тем самым подготовить благоприятные условия для той же вооруженной интервенции.

И, наконец, эту свою работу — изменническую, предательскую, вредительскую, шпионскую — они проводили с благословения, одобрения и под руководством заграничной делегации меньшевиков и II интернационала, с которым через заграничную делегацию были тесно связаны, — для восстановления капитализма в СССР, для удушения пролетарской революции.

И эту свою работу, в конце концов, они проводили, прикрывая ее лживосоциалистической фразеологией о защите интересов рабочего класса, прикрываясь именем социалистов, и этим самым лгали другим, лгали себе, лгали всему миру, лгали всем тем, которые имели к ним хотя бы минимум политического доверия.

Так работала эта организация. Вот политическое существо ее работы, и отсюда вытекает, независимо от удельного веса в этой работе заграничной делегации, вся та степень и вся та тяжесть политической и уголовной ответственности, которая должна падать в данном случае на данную группу лиц, называвшуюся «Союзным бюро РСДРП».

Ученые специалисты, старые специалисты — вот, конкретно, до чего они дошли, вот итог эволюции и результат их борьбы в течение 13 лет против пролетарской диктатуры, вот конечный этап, откуда можно историческим прожектором судебного следствия осветить все существо, всю политическую гнилость и политическую фальшь этой так называемой «социалистической» партии.

Я позволю себе взять сейчас одну цитату из Ленина. В 1920 году, в один из самых тяжелых моментов в истории пролетарской диктатуры, в истории советской власти, был момент, когда для борьбы против еще не окончившейся интервенции, против колчаковщины была произведена добровольная мобилизация меньшевиков. Не все, конечно, пошли, но некоторые пошли, в том числе и некоторые из данной группы. Очень скоро пришлось разочароваться в этой помощи, а затем, когда началась эпоха нэпа, политика меньшевиков свелась, как они говорят, к углублению и расширению нэпа, а по существу к утверждению тех начал реставрации капитализма, которые были формулированы ими в их платформе 1924 года. В то же время они вели и политическую пропаганду восстановления этих капиталистических начал. И вот как Владимир Ильич отнесся к ним и их пропаганде. Ильич говорит:

«Мы не могли (это он говорит в своей речи на XI съезде в докладе о деятельности ЦК РКП) удержать всех позиций, которые с налету захватили, а с другой стороны только благодаря тому, что мы с налету, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было так много места, что мы могли очень далеко отступать, и сейчас еще можем далеко отступать, нисколько не теряя главного и основного... Самая опасная штука при отступлении — это паника...

... Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы сохранить хороший порядок,—в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины, и не только то отношение к некоторым внутрипартийным нашим делам, но—это надо иметь в виду—еще больше по отношению к та-

ким господам, как меньшевики или все господа из II½ интернационала.

На-днях я прочел в 20 книжке «Коммунистического интернационала» статью т. Ракоши о новой книжке Отто Бауэра, у которого мы все когда-то учились, но который после войны, как и Каутский, стал жалким мещанином. Он теперь пишет: «Вот они отступают к капитализму; мы всегда говорили: революция— буржуазная».

И меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз большая, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвутся вперед. А если теперь все начнут рваться назад, то это — гибель, неизбежная и немедленная.

Именно в такой момент отступить в порядке, точно установить предел отступления и не поддаваться панике — это самое главное. И когда меньшевик говорит: «Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе», — то мы ему на это говорим: «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое»...

... Действительно, такая проповедь, которую изрекают и Отто Бауэр, и руководители II и II½ интернационалов, и меньшевики, и эсеры, составляет их собственную натуру: «Революция зашла далеко. Мы всегда говорили то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз это повторить». А мы на это отвечаем: «Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины». Этого мы забыть не должны» (том XXVII, стр. 239—240).

Это было сказано в 1922 году.

Товарищи! Сейчас не отступление, сейчас наступление. Мы давно пережили уже период отступления. Мы сейчас ведем социалистическое наступление по всему фронту. Мы сейчас сильнее, чем когда-либо. Не боязнь паники является тем, что в данном случае вынуждает такое отношение наше к меньшевикам, но приведенная цитата показывает, как Владимир Ильич ставил вопрос тогда, когда вопрос стоял о необходимости сохранения целого, когда стоял вопрос о том, чтобы собрать все силы на защиту революции и ее завоеваний.

Сейчас положение такое, когда против нас обостренное наступление ведут наши враги, когда против нас консолидируются все силы реакции, когда против нас борются и империалистические хищники, и кулацкая агентура, и контрреволюционные ор-

ганизации, и попы всех оттенков исповеданий, когда против нас мобилизуется все, начиная от самых глупейших бредней мистиков и кончая социалистической декламацией II интернационала, — все направлено на то, чтобы нанести нам удар.

И когда сейчас эти старые меньшевики ведут свою предательскую работу совместно, согласованно с нашими врагами, — в такой момент как же можно иначе, чем точно так же, как в свое время ставил Владимир Ильич, поставить вопрос в отношении их, в отношении меньшевиков-социалистов, как они себя называют.

Что мы сейчас переживаем? Мы переживаем 1931 год, когда вопрос об интервенции еще не снят с очереди и сроки для интервенции еще не прошли. Этот год с точки зрения трудностей, как и ближайшие годы, будет решающим, — в этот момент дезорганизация, сознательное вкладывание палок со стороны тех, которые были облечены максимальным доверием, которое могло быть им оказано, — в отношении их не может быть другой постановки вопроса, чем та, которая давалась Владимиром Ильичом. С такими элементами мы и теперь, как и тогда, должны обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины.

Так стоит и сейчас вопрос. После той формулировки их конкретной вредительской работы и содержания их преступной работы, которую я дал, не может быть другого ответа, как поставить вопрос о том, из чего мы должны здесь исходить. По отношению к ним мы должны исходить только из соображения принятия максимальных мер для того, чтобы обеспечить нашу страну от вреда с их стороны, и в то же время, чтобы оказать соответствующее воздействие на всех тех, которые еще надеются, что достаточно одного акта сознания, чтобы остаться на свободе, чтобы, быть может, опять вредить. Нам недостаточно одного вашего сознания для обороны нашей страны, для обороны нашего хозяйства, нашего социалистического строительства, — так вопрос не стоит. Поэтому я не могу к ним иначе подходить как к элементам, открыто враждебным, как к элементам, предательски вошедшим в соглашение с контрреволюционным буржуазным миром против нас.

Разрешите мне сейчас поэтому перейти к индивидуальной характеристике и к определению соответствующих мероприятий в отношении каждого подсудимого.

VIII. Индивидуальные характеристики

Громан

Громан — старик. Вождь! Авторитет! Организатор! Человек, который пользовался большим доверием, который своим авторитетом систематически прикрывал вредительскую работу и ею руководил и который входил в непосредственные личные сношения с заграничными деятелями, с заграничными (выразим-

ся здесь сухановским языком) «эмиссарами» и который несет поэтому всю тяжесть политической и уголовной ответственности.

Не может быть для меня сейчас, при нынешней постановке вопроса, другого ответа на вопрос относительно Громана. Напрасно думают, что мы уже разучились расправляться с врагами. Преждевременно, неосновательно так полагают. Мне кажется, что здесь должно только так поставить вопрос, чтобы в отношении руководителей, организаторов, «вождей», вождей предательства, двурушничества и подготовки интервенции, была принята в порядке самообороны нашей страны та форма репрессии, которая обезвреживает нас от данных лиц навсегда и наиболее радикальным и исчерпывающим образом.

В отношении Громана я предлагаю суду определить высшую меру социальной защиты.

Шер и Якубович

Шер и Якубович. Их роль в организации до известной степени одинакова. Они, эти «деятели», эти «вожди», — в своем удельном весе правая и левая рука Громана по Госбанку и Наркомторгу, по проведению кредитной реформы и кредитному обращению и по вредительству в снабжении широких рабочих масс. Они шуйца и десница Громана, шуйца и десница организации, каждый, опирающийся на соответствующие периферийные ветви: оба фанатики, оба последовательные в своей работе, оба организаторы, каждый в своей области, и оба жестокие и холодные, последовательно проводящие одну и ту же линию, один — с элементами энтузиазма, другой — более выдержанный и более спокойный, но оба идущие в практической политике на все, поскольку интересы широких рабочих масс ставились ими непосредственно под удар; оба рассматривавшиеся как достаточно доверенные лица: один — член правления Госбанка, другой — управляющий крупным управлением Наркомторга в области распределения промтоваров. Оба, наконец, достаточно политически вероломные и последовательные в борьбе с советской властью,— организаторы расстройства рабочего снабжения, организаторы расстройства денежного обращения, практические организаторы и активные деятели вредительской организации, входившие оба в непосредственную связь с заграничным центром контрреволюционного меньшевизма; наконец, оба входившие в руководящую пятерку «Союзного бюро». Я думаю, что в отношении обоих не может быть другого решения чем то, что и в отношении Громана

Гинзбург

Гинзбург — из той же породы с той разницей, что он, несмотря на то, что он один из давнишних, если мне память не изменяет, деятелей меньшевистской социал-демократии,

он уже из тех, про кого Дан писал как о новой, «американизированной» интеллигенции; серьезный, вдумчивый, хладнокровно-последовательный, без капли какой-нибудь метафизики и мистики и без капли жалости, жесткий, последовательно и решительно исполнявший основные вредительские акты в области планирования, практически связанный непосредственно и с заграницей и с Абрамовичем, игравший определенную руководящую роль в «Союзном бюро», он практически нес сверх того ответственные функции по связи с «Промпартией» в тех конъюнктурных сообщениях, которые он делал на совещаниях виднейших деятелей «Промпартии»; принимал прямое участие и в руководящей пятерке. Эта руководящая пятерка, являющаяся верхушкой организации, фактически отвечала за всю проводимую деятельность; она представляется мне поэтому единым неразрывным целым.

И поэтому по отношению к Гинзбургу, опасность которого представляется совершенно достаточно выявленной по его контрреволюционной деятельности, я думаю, что точно так же, как и по отношению к другим членам этой пятерки, вопрос стоит так же, как по отношению к Шеру, Якубовичу, Громану.

Суханов

Я остановлюсь более подробно на Суханове раньше, чем перейти к другим. На нем стоит остановиться Он представляет собой своеобразную фигуру в нашей истории политического движения, политической борьбы и классовых группировок.

«Дикий», нето эсер, нето меньшевик, нето мартовец, нето меньшевик того типа, каким он стоит перед нами сейчас, он в то же время обладает достаточной дозой самодовлеющей самовлюбленности, которая диктует ему претензию быть всегда на первых ролях. Непризнанный «пророк» в контрреволюционном отечестве, он организует специальный «салон», в котором подготовляет специально свою — «сухановскую» — контрреволюционную организацию. Он привлекает туда и меньшевиков, и кондратьевцев, и бывших эсеров под предлогом пения, музыки, декламации и прочее. Он их организует и вырабатывает из них единомышленников для практической организации практической борьбы, тем более что у него для этого было достаточно соответствующих данных. Ловкий, он умел пустить пыль в глаза — «он по-французски в совершенстве мог изъясняться и писал...».

Любитель соответствующих словечек, Суханов представляет собой тип Хлестакова в политике и авантюриста на практике. В то же самое время — это тип человека, пытающегося, где можно, и увильнуть, ибо, когда ставился вопрос конкретно о том, что он сделал, — «идеолог и руководитель» пытался отграничить свою работу от практической вредительской деятельности и представлял себя тут как только идеолога, только литератора.

Однако в том самом «Союзном бюро», в котором он, присутствуя на 10—12 заседаниях, текущих и длительных, выступает в качестве теоретика практических мероприятий, принимаются практические решения. В конце концов, тот перечень практических мероприятий, которые были приняты на текущих, летучих заседаниях, совершенно иначе рисует его. Посмотрим, что он сам говорит в своих показаниях:

«Летом 1929 года обсуждался вопрос о заготовках хлеба и других продовольственных продуктов — яиц, мяса, масла. Было постановлено противодействовать, насколько возможно, переобременению, предусмотренному планами, индивидуальных крестьянских (фактически кулацких) хозяйств заготовками названных продуктов. Я лично указал, что при наличии товарного дефицита часть намеченных плановых заготовок является фактическим натуральным побором, подрывающим жизненные силы деревни вообще. Работникам Внуторга — Залкинду и Якубовичу — было поручено в торгплане проводить линию дискредитирования заготовительных планов как непосильных и невыполнимых, противодействуя своим влиянием в оперативных инстанциях фактическому выполнению планов.

Около того же времени (быть может, в начале сентября) обсуждался вопрос о ценах на сельскохозяйственные продукты. В силу, примерно, тех же мотивов было решено во всех плановых и оперативных инстанциях (в Наркомторге, Госплане, Госбанке) планомерно проводить политику повышения заготовительных цен, пренебрегая судьбой советской валюты, долженствовавшей неизбежно пострадать от такой политики.

Осенью 1929 года обсуждался вопрос о коллективизации и о совхозах (октябрь). Я лично давал резкую оценку существующим совхозам, квалифицируя их как предприятия, разорительные для народного хозяйства, с ничтожно малой продуктивностью на единицу вложений.

Было решено, вразрез с политикой правительства, противодействовать росту кредитов на совхозы и на коллективизацию. Проводить это — всем работникам «Союзного бюро» и всем группам, находящимся в их сфере влияния, во всех соответствующих учреждениях и выступлениях.

В том же совещании мне было поручено подготовить доклад по аграрной политике и коллективизации к предстоящему пленуму «Союзного бюро».

В начале зимы 1929—1930 года обсуждался вопрос о технических культурах в связи с продовольственными перспективами .. Было решено при обсуждении и проведении планов яровой кампании настаивать на сокращении посевов технических культур в пользу продовольственных хлебов, оповещая всеми способами население льняных районов о предстоящих продовольственных трудностях. Для осуществления данной директивы привлечь и связи в Наркомземе и в Госплане.

В разное время и не однажды, главным образом, Громаном

поднимался вопрос о планах, вложениях, темпах и качествах продукции индустрии. Всеми присутствующими приводились примеры невыполнения и невыполнимости планов индустриализации. Особенно богатый материал был у Соколовского. Высказывалось мнение, что взятые темпы не могут быть выдержаны, если же они выполняются, то исключительно за счет качества продукции и, таким образом, не только не двигают промышленность вперед, но исчерпывают ее жизненные силы, разрушая основной капитал. Согласно вышеизложенным общим тактическим установкам, было предложено бороться с плановыми темпами в процессе планирования и в процессе выполнения. Задачи эти применительно к вредительской работе в учреждениях возлагались на работников ВСНХ и Госплана под руководством членов «Союзного бюро».

... Два или три раза в течение зимы 1929—1930 года обсуждались хозяйственные явления в специальных отраслях. Одно из таких обсуждений было посвящено железнодорожному строительству. Я вспоминаю суждения о Турксибе и о Сибирской сверхмагистрали, которой придает огромное значение руководство Госплана... Постройка Турксиба рассматривалась как тяжесть необоснованная, но возложенная на народное хозяйство. Предлагалось использовать Турксиб как пример бесхозяйственного строительства. Равным образом предлагалось дискредитировать и предполагаемую Сибирскую сверхмагистраль...

Аналогичное обсуждение имело своим предметом и некоторые другие виды нашего капитального строительства и вложений».

Вот вам конкретный перечень конкретных вредительских решений, конкретных вредительских актов, которые принимались при непосредственном участии и под непосредственным руководством Суханова.

Если мы перейдем к вопросам организационного характера, то что мы здесь установим? С Броунштейном связь у него была? Была. Поручения организационного характера Броунштейн давал? Давал. Он их исполнять взялся? Взялся. И частично исполнил? Исполнил. Организационную подпольную работу по организации соответствующей связи с контрреволюционными организациями — созданными ячейками — он проводил? Проводил. В то же самое время некоторые его действия, которые я здесь устанавливал в порядке судебного следствия, показывают, что он не останавливался перед тем, чтобы сознательно сказать ложь на следствии, мотивируя ее, правда, «благородными соображениями». Но ложь нам не нужна, гражданин Суханов! Нам нужна только правда. Скорее здесь, в связи с общей его психологической структурой, перед нами — не последовательная с его стороны принципиальность и благородство, перед нами скорее возведенная в высшую ступень б е с п р и н ц и п н о с т ь, ибо беспринципность была в тех зигзагах в политике, которые у него были до сих пор, беспринципность он проводил и в своей контр-

революционной работе, когда всячески подчеркивал, что в его идеологической работе у него были якобы иные оттенки, чем у других. но на практике проводил все то, что и все остальные. И, наконец, беспринципность проводил он и здесь, когда на судебном заседании продолжал, несмотря на всю совокупность данных рисовать себя в качестве только литератора, занимающего свои особые позиции.

Я считаю, что эта политическая хлестаковщина вместе с этой беспринципностью создают из него, в связи с его претенциозностью. в связи с его желанием быть на первых ролях, лицо, о котором я мог бы сказать, что не знаю, где та грань, на которой он мог бы остановиться в своей дальнейшей контрреволюционной эволюции. Этой грани нет. Никакой общественной полезности за гражданином Сухановым я признать не могу, в актив его нечего вписать, а общественная вредность его доказана достаточно. Если прибавить к этому, что он вошел в «пятерку», в руководящую группу, что он выступал на пленумах в качестве докладчика и идеолога и в то же время организационно участвовал в наиболее конспиративных совещаниях вместе с тем же самым Броунштейном, то и вопрос о нем стоит совершенно ясно. Ни одной минуты я не колеблюсь утверждать, что наша революция, революция мировая, а уже тем паче мировая история ничего не потеряют от того, что с лица земного шара исчезнет один из тех персонажей, представителем которых является гражданин Суханов.

Залкинд и Соколовский

Перехожу к Залкинду. Он мне представляется вторым изданием Гинзбурга, только удешевленным и популярным. Я считаю, что в отношении к Залкинду, хотя он достаточно конкретно проявил свою вредительскую работу, надлежит поставить вопрос только об его изоляции на длительный срок, пока все те вопросы, которые у нас стоят в порядке текущего очередного строительства, не будут разрешены. Я никогда за последние годы во время своих судебных выступлений не ставил своей задачей специально заниматься определением сроков. Я считаю, что этот вопрос не является таким, на который следует прокуратуре класть центр тяжести. Для нее достаточно обосновать необходимость изоляции — в данном случае на наиболее длительный срок. Это я считаю наиболее соответствующим его социальной опасности. Необходимость его изъятия на возможно более длительный срок для меня является совершенно доказанной.

Соколовский. Если хотите, он выделяется из всех подсудимых своеобразной искренностью, своеобразным энтузиазмом. Но с такой же искренностью и энтузиазмом выполнял он и свою вредительскую работу. Он играл руководящую роль в организации, — об этом он сам сказал. При определении хозяйственных

планов, при разрешении тех конкретных заданий, которые перед ними стояли, при разработке сырьевой проблемы и других крупнейших и труднейших проблем реконструкции нашего хозяйства он последовательно проводил свою вредительскую, дезорганизаторскую деятельность. Нет и не может быть для меня сомнения в том, что по отношению к члену «Союзного бюро» Соколовскому вопрос об его изоляции из общества, равным образом как и Залкинда, на максимально продолжительный срок представляется решенным.

Петунин и Берлацкий

Оба вдвоем, так сказать, «по принадлежности» — помощники Шера и Якубовича: Петунин — по Центросоюзу, Берлацкий — по Госбанку. Оба — вредители, сознательные руководители и организаторы периферийных ячеек и в то же время люди, из которых один держал в своих руках крупнейшую организацию кооперации — Центросоюз, а другой являлся членом правления Госбанка. Я лично в отношении Петунина должен сказать, что хотя он решающей роли не играл, он на меня производит впечатление человека-лисы, человека с хитрецой, с лисьим умом, который вертится, который говорит одно, а думает другое, и по отношению к Петунину, равным образом как и по отношению к Берлацкому, бывшему министру финансов Дальневосточной республики, а потом члену правления Госбанка, у меня нет ни капли доверия, и я считаю необходимым к ним обоим также применить изоляцию на возможно длительный срок.

Тейтельбаум, Финн-Енотаевский и Волков

Я их объединяю вместе, хотя они собой представляют каждый своеобразную фигуру, каждый из них имеет свою индивидуальность, но они сходны по тому удельному весу, который они играли в организации.

Тейтельбаум — организатор, организовывал контрреволюционные ячейки в наших торгпредствах, непосредственно входил в сношения с Даном, Далиным, Юговым, Гарви, с основными матерыми руководителями социал-демократического центра. По приезде в СССР равным образом продолжал принимать непосредственное участие в меньшевистской организации, опираясь на весь свой авторитет. Если в отношении его у нас нет материала, чтобы предъявить ему конкретные вредительские действия, то в качестве органа связи он представлял собой лицо, которое сделало все, чтобы не терпеть его больше среди нас. Вопроса о сроке я здесь не ставлю, конечно, здесь, может быть, считаясь с его болезнью, нет необходимости ставить вопрос о длительном сроке,—это дело суда, я не настаиваю на максимальном сроке, не настаиваю на десятилетнем сроке, но настаиваю на изоляции.

Точно так же в отношении Финн-Енотаевского. Парочку слов о нем. Он выполнял две функции в «Союзном бюро». С одной стороны, он был «ученым консультантом» по экономическим вопросам, с другой стороны — «дипкурьером» по переправке денег и литературы из-за границы сюда. Но Финн-Енотаевский — это двойственная фигура не только по двойственному характеру функций, которые он нес. Эту двойственность он сохранил и в своих показаниях. Мы слышали, что он «и был и не был», ибо он «был и не был» членом бюро. Он знал о том, что он кооптирован в «Союзное бюро», о целях он знал, о методах знал, о задачах знал, а участия не принимал?! В заседаниях он также «и участвовал и не участвовал», ибо в заседаниях участвовал, о мировом хозяйстве говорил, о колхозном строительстве хотел в Совнарком доклад писать — все знал и в то же время ничего по существу не знал. Наконец, деньги! И деньги он «и взял и не взял», ибо, с одной стороны, он деньги передавал от Фридланда, а с другой стороны, Фридланд платил Громану, а «я только передал по дружеской просьбе старого товарища Громана». Опять-таки он был и не был. И, наконец, вредительство. Во «вредительстве я участия не принимал», «я не вредил», а в показаниях пишет: я вредил «в теории», «теоретически вредил». Это — двойственная фигура путаника. У него и в прошлом все остается неясным: большевик? потом меньшевик? и, наконец, прямой участник контрреволюционной организации.

Он пишет о кризисах, он предсказал американский кризис, выступив против всех авторитетов, написал хороший труд. Пусть напишет еще один, но в соответствующем изолированном месте, где ему будет предоставлена полная возможность для занятий. На длительном сроке я не настаиваю.

Волков тоже выполнял две функции: показной рабочий, с одной стороны, и конкретный вредитель — с другой, экономист ВСНХ, занимавшийся вредительской деятельностью и равным образом занимавшийся вербовкой других членов, в том числе и Гвоздева, руководивший практической вредительской работой последнего. Так же как и по отношению к Финн-Енотаевскому и Тейтельбауму, я считаю, что он также должен быть изолирован. Опять-таки на длительном сроке не настаиваю, потому что считаю, что исключительной социальной опасности он не представляет.

Иков и Рубин

Специально должен остановиться еще на двух — на Икове и Рубине. Икова и Рубина я беру постольку, поскольку в известном смысле это два полюса, но в то же время они одно и то же, так сказать, «диалектическое единство противоположностей». Я постараюсь это доказать. Это почти точно, почти верно. Возьмите Икова: старый правый, закоснелый мень-

шевик. Рубин — старый член ЦК меньшевиков — единство. И тот и другой побывали и в ссылке и в тюрьме за советские годы за свою прямую контрреволюционную работу — единство. И, наконец, встретились тут на одной и той же работе — единство.

А теперь разница: Иков сдержан, молчалив, знает цену словам, говорит «в пределах необходимого»; Рубин болтает, готов в лепешку расшибиться, кажись, все готов сделать для того, чтобы все установить и все рассказать, как было дело, где и что.

Я ни на секунду не ставлю ему это его качество в какой-нибудь минус. Но вопрос все же сводится к той внутренней оценке, которая неизбежно вытекает из соответствующих восприятий, и эта оценка иная у меня по отношению к Рубину, чем по отношению к Икову.

В то же время Рубин и абстрактный ученый, занимающийся вопросами политэкономии, и практический конспиратор, проводящий одновременно подпольную контрреволюционную работу и подпольную контрреволюционную деятельность. Это последнее обстоятельство с точки зрения оценки его опасности является достаточно веским показателем.

Еще одна характерная черточка: он сам рассказал об измене и предательстве Рязанова. Это, конечно, соответствующий плюс, какой он дал для суда и судебного следствия. Но отношения его с Рязановым в той форме, как они были здесь изложены, подтверждают то же первое восприятие, которое у меня создалось о Рубине раньше. А результат? А результат тот, что когда я слушаю Рубина, то должен сказать, что в его разоружение я не верю. Я не верю в разоружение Рубина. Этот бывший член ЦК меньшевиков, этот ученый и в то же время этот конспиратор — он политический хамелеон, он много раз сможет еще перекрасить свой цвет и много раз еще он сможет принести вред, если будет к этому иметь возможность.

Вот та его характеристика, которая объективно навязывается сама собой и которая диктует максимальную осторожность по отношению к нему.

И то же самое, только с несколько иным подходом, приходится сказать об Икове. В этом — тоже единство, если хотите. Этот не будет так действовать, как действовал Рубин. Он сохранит и сохранил и наружную и внутреннюю твердость и стойкость. Но он сознался тогда, когда уже все равно было все известно, когда запирательство фактически ничего не могло дать, когда письма, связи — все было фактически установлено и когда перед ним была дилемма: не сказать, когда все установлено, тогда нет никакой перспективы на будущее, все сказать — тогда, может быть, еще есть перспектива скорее выйти на свободу и опять взяться за старое.

И я думаю, что Иков не разоружился ни на иоту и остался врагом. Я думаю, что по отношению к нему, как и

по отношению к Рубину, максимально длительные сроки изоляции должны быть установлены судом, ибо оба они — враги, и как врагов мы должны их трактовать.

Вот, товарищи судьи, те конкретные предложения, с которыми обращается к вам прокуратура в отношении этой контрреволюционной меньшевистской организации, воссоздавшейся в виде неоменьшевизма и связавшейся со старым заграничным центром. Эта меньшевистская организация нашла свое место в рядах контрреволюции в соответствующей группировке контрреволюционных сил. Наша задача сейчас — принять максимальные меры для обеспечения нашей страны от излишних трудностей для усиления обороноспособности нашей страны.

Пусть в результате вашего приговора двурушники из заграничной делегации, двурушники из II интернационала, те, кто называли подсудимых провокаторами, — пусть они снова на страницах своей прессы обрушатся на вас за жестокость приговора. Перед рабочим классом всего мира мы можем и должны сказать, что широчайшие рабочие массы на деле научились за истекшие 13 лет защищать советскую власть и драться за сохранение пролетарской диктатуры. Они будут драться за нее и впредь. Широчайшие массы рабочего класса должны услышать и правдивое слово, которое будет сказано вами в судебном приговоре о меньшевиках, и это правдивое слово, благодаря этому процессу, пройдет сквозь все рогатки, сквозь все препятствия, которые создавали и создают буржуазный империализм и II интернационал, чтобы удержать свое влияние на рабочих. Пусть же ваши правдивые слова пройдут эти рогатки и найдут дорогу непосредственно в сознание и сердца тысяч и миллионов пролетариев. И пусть этот процесс сыграет свою роль в укреплении нашей работы по социалистическому строительству и поведет к победе мировой революции.

Я прошу вас проявить максимальную жесткость по отношению к подсудимым.

Специальное присутствие Верховного суда СССР **приговорило:**

Тейтельбаума М. И.—к пяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», на два года.

Рубина И. И.—к пяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на два года.

Волкова И. Г.—к пяти годам, лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на два года.

Соколовского А. Л.—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Залкинда Л. Б.—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Берлацкого Б. М.—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Икова В. К.—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных литерами «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Петунина К. Г.—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Финн-Енотаевского А. Ю.—к десяти годам лишения свободы с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Якубовича М. П.—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Гинзбурга А. М.—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Суханова Н. Н.—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Шера В. В.—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Громана В. Г.—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Всем заключенным зачесть срок предварительного заключения.

Замеченные опечатки

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
77	24 сверху	соображая	соображения
103	1 снизу	дикатуры	диктатуры
106	4 снизу	апреля	апреле
130	24 сверху	присутствовал	присутствовали
155	4 сверху	обвинить	обвинять
211	6 снизу	на который	на котором
266	10 снизу	наличе	наличие
298	8 сверху	Накаких.	Никаких.
388	18 сверху	свой	своей
392	9 снизу	к остается	и остается
505	10 — 11 сверху	текстильной	в текстильной
518	18 сверху	оставалось	оставалась
561	24 сверху	инспирирования	инспирировании
593	16 и 17 сверху	двурушничество	двурушничества